

Годъ IX-й. № 9-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

СЕНТЯБРЬ

1900 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская 43).
1900.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Годъ IX-й. № 9-й.

МIРЪ БОЖIЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНIЯ.

СЕНТЯБРЬ

1900 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографiя И. Н. Скороходова (Надеждинская 43).
1900.

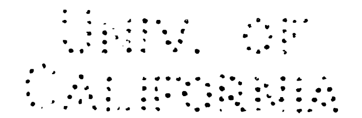
Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 26 августа 1900 года.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Конкурренція, какъ двигатель современной экономической жизни.

(Публичная лекція).

Въ обыденной жизни намъ часто приходится слышать о конкурренціи. Такой-то фабрикантъ не выдержалъ конкурренціи другихъ предпринимателей и разорился; въ другомъ случаѣ торговецъ съ успѣхомъ одержалъ верхъ надъ своими конкуррентами по продажѣ товара и нажилъ состояніе. Что же это за сила, которая возноситъ однихъ и низвергаетъ въ бездну разоренія другихъ?

Возьмемъ случай покупки какого-нибудь товара потребителями. На рынкѣ имѣется опредѣленное количество этого товара. Нѣсколько лицъ желаютъ пріобрѣсти его и вступаютъ между собой въ соперничество. одинъ старается дать больше другого; по мѣрѣ возростанія даваемой цѣны, часть покупателей отступаетъ, наконецъ, товаръ покупается тѣми, которые въ борьбѣ за него дали высшую цѣну. Остановимся на другомъ случаѣ—сдачѣ квартиръ домохозяевами. Въ городѣ существуетъ нѣсколько пустыхъ квартиръ, которыя предлагаются лицамъ, ищущимъ таковыя. Однако, число послѣднихъ меньше, чѣмъ число квартиръ. Отсюда возникаетъ между домохозяевами борьба, направленная на то, чтобы предпочтительно передъ прочими привлечь къ себѣ квартиранта. Каждый старается скинуть съ арендной цѣны, обставить квартиру привлекательными удобствами и т. п. Соперничество домохозяевъ кончается тѣмъ, что занимаются квартиры, снабженныя наибольшими удобствами и отданныя за наиболѣе дешевую цѣну. Изъ этихъ примѣровъ ясно, что *конкурренція есть борьба нѣсколькихъ лицъ при преслѣдованіи ими одной и той же хозяйственнй цѣли.* Моментами, опредѣляющими конкурренцію, являются: 1) общая нѣсколькимъ лицамъ хозяйственная цѣль, напр., продажа или покупка товара, сдача или наемъ квартиры, продажа или покупка рабочей силы и пр.; 2) борьба нѣсколькихъ лицъ, выражающаяся въ стремленіи каждаго достигнуть цѣли предпочтительно передъ прочими. Главное поле дѣйствія конкурренціи—рынокъ, т.-е. та территорія, въ предѣлахъ которой происходитъ продажа товара, главные дѣятели—покупатели и продавцы товаровъ и личныхъ услугъ.

Необходимо различать свободную и несвободную конкурренцію. Первая имѣетъ мѣсто, когда общественная власть, установивъ основные

принципы современнаго экономическаго строя, именно частную собственность, свободу экономической личности и свободу договора, предоставляетъ соперничающимъ сторонамъ полный просторъ дѣйствія, совершенно не вмѣшиваясь въ содержаніе экономической борьбы. Въ противоположность этому, мы имѣемъ дѣло съ несвободной конкурренціей, когда самое содержаніе и условія борьбы подвергаются регламентаціи и ограниченіямъ власти.

Въ экономической литературѣ, впрочемъ, встрѣчается и болѣе широкое пониманіе свободной конкурренціи, когда подъ ней разумѣютъ вообще строй экономической жизни, покоющійся на началахъ самостоятельности и личной отвѣтственности хозяйствующихъ субъектовъ, на индивидуализмѣ въ широкомъ смыслѣ слова. По словамъ Рошера, «свободная конкурренція есть техническое выраженіе для обозначенія вообще свободы въ экономической области» *). *Byes* отожествляетъ свободную конкурренцію съ свободной торговлей **). Въ этомъ болѣе широкомъ смыслѣ свободная конкурренція, слѣдовательно, обозначаетъ свободу хозяйственной дѣятельности человѣка во всѣхъ формахъ, какія можетъ принять (свобода торговли, свобода труда, промышленности свобода передвиженія и т. д.).

Конкурренція есть явленіе новаго времени. Въ древнемъ мірѣ, въ средніе вѣка и даже въ началѣ новой исторіи она или совершенно отсутствуетъ, или проявляется въ самой незначительной степени и въ зачаточной формѣ. Главная причина этого лежитъ въ отсутствіи или неразвитости рынка и обмѣна на немъ. Возьмемъ ли мы сельское хозяйство, мы увидимъ, что здѣсь господствуетъ въ теченіе тысячелѣтій натуральное хозяйство, при которомъ всѣ предметы, необходимые для человѣка, изготовляются въ предѣлахъ его собственной семьи. Все, начиная отъ пищи и кончая украшеніями, домашнею утварью и орудіями, земледѣлецъ изготовляетъ собственнымъ трудомъ и трудомъ подвластныхъ ему членовъ семьи и зависимыхъ рабовъ или крѣпостныхъ. При такомъ положеніи вещей не было нужды въ покупкахъ и продажахъ на сторонѣ, не возникало и борьбы на рынкѣ между нѣсколькими соперниками. Замкнутый, самодовлѣющій характеръ натуральнаго хозяйства совершенно устранялъ конкурренцію.

Правда, въ средніе вѣка мы наблюдаемъ уже возникновеніе нѣкотораго раздѣленія занятій и появленіе небольшихъ рынковъ. Ремесло, т.-е. промышленная переработка сырья мелкими производителями, выдѣляется изъ единаго натуральнаго хозяйства сельскихъ жителей и сосредоточивается въ средневѣковыхъ городахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ появляется необходимость для ремесленниковъ въ сбытѣ своихъ промышленныхъ издѣлій и покупкѣ предметовъ продовольствія и сырыхъ

---

*) «System der Volkswirtschaft» I, § 91.

**) «Sophisms of free trade».

матеріаловъ для производства. Въ городахъ образуются рынки, базары и ярмарки, на которыхъ продаются, съ одной стороны, товары ремесленниковъ, съ другой—продукты сельскаго хозяйства. Однако и на этихъ первоначальныхъ рынкахъ конкурренція отсутствуетъ. Ремесленники каждой спеціальности объединялись въ тѣ времена въ особые союзы, называвшіеся цехами, которые устраняли всякую возможность соперничества. Число мастеровъ было ограничено, каждый имѣлъ свой кругъ покупателей и заказчиковъ и не имѣлъ права вступать въ конкурренцію съ своими товарищами. Въ этомъ не было даже нужды, такъ какъ цѣны на издѣлія большею частью назначались цеховымъ управленіемъ. Кромѣ того, мастерамъ было запрещено брать заказовъ больше извѣстной нормы, такъ что особенно крупные заказы распредѣлялись равномѣрно между мастерами цеха. Нерѣдко даже опредѣлялось для каждаго максимальное количество производимыхъ издѣлій.

Съ новой исторіей въ Европѣ появляются большія государства. Въ ихъ руки переходитъ та всесторонняя регламентація всѣхъ сторонъ общественной жизни, которая раньше принадлежала феодаламъ и цехамъ; отсюда и названіе полицейскихъ государствъ. Правительство опредѣляло законами пріемы промышленнаго производства, количество изготовляемыхъ товаровъ, оно не допускало образованія рыночныхъ цѣнъ путемъ соперничества, а устанавливало разнообразныя таксы. Такъ, государственая власть въ Англіи предписывала четвертнымъ съѣздамъ мировыхъ судей опредѣлять размѣръ заработной платы, которую могли платить работодатели и имѣли право получать рабочіе. Нарушеніе установленныхъ нормъ сопровождалось наказаніями для обѣихъ сторонъ. Кромѣ того, таксированію подлежали различные предметы потребленія, хлѣбъ, мясо, рыба и пр., процентъ за ссуженный капиталъ; во всѣхъ этихъ случаяхъ правительство считало не соотвѣтствующимъ общественнымъ интересамъ образованіе цѣнъ на рынкѣ въ силу конкурренціи продавцевъ и покупателей. Наконецъ, въ эту эпоху было развито въ Европѣ стѣсненіе и даже нерѣдко полное устраненіе конкурренціи иностранцевъ посредствомъ обложенія ихъ товаровъ высокими таможенными пошлинами. Сказанное достаточно свидѣтельствуетъ о томъ, что конкурренція въ теченіе всего средневѣковья и начала новаго времени почти отсутствовала. Эта эпоха есть эпоха господства авторитета, но не свободной конкурренціи.

Наступило время, когда регламентація хозяйственныхъ отношеній стала стѣснительной. «Чѣмъ цѣлесообразнѣе было вмѣшательство власти, говоритъ Брентано,—тѣмъ болѣе развивались силы индивида; а чѣмъ значительнѣе развивались послѣднія, тѣмъ больше онѣ требовали эмансипаціи отъ всякихъ стѣстненій» *). Развитіе конкуренціи стоитъ въ связи съ расширеніемъ обмѣна и появленіемъ міроваго рынка. Съ

*) «Arbeitsverhältniss gemäss den heutigen Recht», 3.

XVI—XVII столѣтій начинается подготовка къ переходу отъ феодальнаго средневѣкового хозяйства къ современному экономическому строю. Первымъ толчкомъ въ этомъ направленіи явились географическія изслѣдованія. Открытіе морского пути въ Остъ-Индію мимо береговъ Африки чрезвычайно облегчило торговыя сношенія съ Востокомъ и удешевило перевозку; благодаря этому усилился притокъ восточныхъ товаровъ въ Европу и вывозъ европейскихъ произведеній въ Азію. Открытіе Америки создало совершенно новый рынокъ для промышленныхъ издѣлій, непрерывно растущій по мѣрѣ колонизаціи огромнаго материка. Наряду съ этими обстоятельствами дѣйствовалъ и ростъ населенія въ самой Европѣ, благодаря которому увеличивался спросъ на товары со стороны мѣстныхъ жителей. Увеличеніе требованій на товары, главнымъ образомъ обрабатывающей промышленности, вело къ увеличенію размѣровъ производства, а это, въ свою очередь, создавало все большую спеціализацію занятій. Если раньше ремесленники, занимавшіеся обработкой кожи, для поддержанія своего существованія должны были отдѣлывать сырыя кожи и вырабатывать изъ нихъ разнообразнѣйшія кожаныя издѣлія (въ виду малаго спроса на каждую категорію въ отдѣльности), то теперь благодаря росту рынка они дробятся на спеціальности—кожевенниковъ, шорниковъ, сѣдельниковъ и т. д. Съ спеціализаціей занятій, съ распространеніемъ обмѣна далеко за предѣлы одного города, все болѣе упрочивается въ Европѣ денежное хозяйство, которое характеризуется господствомъ обмѣна всѣхъ произведенныхъ товаровъ на деньги и полученныхъ денегъ на нужные предметы потребленія. Въ строѣ денежнаго хозяйства всѣ производимые предметы становятся товарами, т. е. объектами рыночнаго оборота. Рынокъ, какъ главная арена всѣхъ хозяйственныхъ отношеній, какъ мѣсто, гдѣ всѣ производители переплетаются тѣсными узами взаимнаго обмѣна, пріобрѣтаетъ все большую роль въ хозяйственной жизни народовъ.

Экономическая эволюція на этомъ не останавливается. Прежнее ремесло, не способное уже удовлетворить запросамъ широкаго рынка, вытѣсняется новыми формами промышленности, сначала домашней формой крупнаго производства, затѣмъ мануфактурой и, наконецъ, фабрикой, работающей вновь изобрѣтенными машинами и силой пара. Новыя промышленныя организаціи дали возможность производить товары въ огромномъ количествѣ и за низкую цѣну. Чѣмъ дешевле товары, тѣмъ шире ихъ сбытъ; благодаря фабрикамъ, рынокъ становится въ полномъ смыслѣ слова міровымъ, хозяйство тоже.

Такое положеніе вещей безусловно не было въ состояніи мириться съ существовавшими полицейскими ограниченіями производства и обмѣна; оно требовало широкаго сбыта и свободнаго оборота. Эти ограниченія, возможныя въ узкихъ предѣлахъ средневѣкового города, не могли примѣняться на національномъ и міровомъ рынкѣ уже по невозможности контроля. Сознаніе новыхъ потребностей существовало въ

умахъ заинтересованныхъ лицъ уже въ концѣ XVII вѣка, когда ліонскіе мануфактуристы обращались къ Кольберу съ петиціей: «Laissez faire, laissez passer».

Къ концу XVIII столѣтія отжившія экономическія тиски стали настолько нестерпимыми, что они начинаютъ быстро распадаться. Крестьяне освобождаются отъ крѣпостной зависимости и получаютъ свободу передвиженія и выбора занятій, свободу продажи своихъ рабочихъ рукъ. Полицейская регламентація промышленности, монополіи и ограниченія цеховъ, таксы заработной платы и пр.,—все исчезаетъ подъ ударами экономической необходимости. Сначала эта разрушительная работа происходитъ въ 1789 г., въ законодательномъ собраніи Франціи; затѣмъ она переносится въ Англію, гдѣ въ началѣ XIX столѣтія отмѣняются законы объ ученичествѣ, цехахъ и заработной платы, ограниченія рабочихъ коалицій и пр. Нѣсколько позднѣе то же самое происходитъ въ Германіи, Италіи, Австро-Венгріи и другихъ странахъ Европы. Къ XIX вѣку окончательно складывается товарно-капиталистическое хозяйство съ двумя главными своими устоями: частной собственностью на средства производства и изготовляемые товары и съ свободной конкурренціей хозяйствующихъ лицъ.

Выгоды новаго экономическаго строя были особенно разительны для современниковъ, переживавшихъ его юношескій періодъ. Прежде всего онъ характеризуется необычайнымъ и несравнимымъ съ прежнимъ—ростомъ производительныхъ силъ и производства. Для примѣра достаточно привести, что цифра вывоза Великобританіи, составлявшая 13 мил. ф. стерл. въ 1782 году, достигла 60 мил. фунт. стерл. въ 1815 г., 70 мил. въ 1830 г., 200 мил. въ 1850 г. и, наконецъ, 290 мил. въ 1880 г. Во Франціи сумма вывоза возросла съ 445 мил. фр. въ 1831 г. до $3^1/_2$ милліардовъ въ 1880 г. Въ частности, напр., количество обрабатываемаго хлопка въ Англіи росло съ 40 мил. фунтовъ въ 1800 г. до 120 мил. фунт. въ 1819 г., до 600 мил. въ 1845 г., до $1^1/_2$ милліардовъ фунт. въ 1886—1890 гг. и до 1,9 милліардовъ въ 1898 году.

На ряду съ увеличеніемъ производительности росло удешевленіе промышленныхъ издѣлій и ихъ доступность для массы населенія. Напр., 1 фунтъ пряжи въ Англіи (№ 40) понизился съ 16 шил. въ 1779 г. до 1 шил. пенс. въ 1830 г., $11^1/_2$ пенс. въ 1860 г., $10^1/_2$ пенс. въ 1882 г. и $7^3/_4$ пенс. въ 1892 г. Въ XVIII вѣкѣ гроссъ стальныхъ перьевъ стоилъ 70 руб., теперь 20—30 коп. и т. д.

Всѣ эти выгоды приписывались, главнымъ образомъ, вліянію свободной конкуренціи. Вотъ почему классическая школа экономической науки, присутствовавшая при первоначальномъ расцвѣтѣ капиталистическаго хозяйства, не жалѣетъ красокъ и сильныхъ выраженій для прославленія благодѣтельной конкурренціи. Сочиненія экономистовъ-классиковъ не безъ основанія могутъ быть названы апоѳеозомъ кон-

курренціи. «Конкурренція,—восклицаетъ Бастіа,—есть самый прогрессивный, уравнительный и самый общественный изъ всѣхъ соціальныхъ законовъ... Она уравниваетъ всѣ неравенства. Она передаетъ въ общественное пользованіе изобрѣтенія человѣческаго генія и блага природы, составляющія монополію немногихъ мѣстностей.. Конкурренція есть непреоборимая гуманитарная сила, которая вырываетъ прогрессъ по мѣрѣ его реализаціи, изъ рукъ отдѣльныхъ лицъ, чтобы передать въ общее пользованіе человѣчества. Достаточно знать,—заключаетъ Бастіа—что конкурренція есть отсутствіе произвольнаго авторитета, какъ судьи обмѣна, чтобы заключить о ея неразрушимости навѣки» *).

«Принципъ конкурренціи,—говоритъ Кокленъ въ «Словарѣ политической экономіи» (1852 года),—слишкомъ присущъ основнымъ условіямъ общественной жизни, онъ въ то же время слишкомъ великъ, слишкомъ возвышенъ и святъ для того, чтобы нуждался въ защитѣ. Конкурренція для промышленнаго міра то же, что солнце для міра физическаго». Правда, уже въ тѣ времена встрѣчались единичные голоса, которые находили темныя пятна на идеальной картинѣ, нарисованной экономистами. Таковъ Сисмонди, утверждавшій, что конкурренція ведетъ къ стремленію во что бы то ни стало удешевлять производство, примѣняя машины и другія усовершенствованія; въ результатѣ понижается заработная плата и увеличивается число безработныхъ; конкурренція, по мнѣнію Сисмонди, представляя ожесточенную борьбу всѣхъ противъ всѣхъ, есть зло; она ведетъ къ подавленію экономически слабыхъ сильными, къ уничтоженію мелкихъ самостоятельныхъ производителей и пр. Но въ то время подобные голоса тонули въ общемъ хорѣ славословія конкурренціи.

Какъ рисуются экономистами выгодныя стороны свободной конкурренціи? Основной принципъ хозяйственной дѣятельности заключается въ стремленіи затрачивать какъ можно менѣе усилій и получать какъ можно больше результатовъ. Выгоды конкурренціи обрисуются особенно ярко, если мы противопоставимъ состояніе промышленности и торговли внѣ ея дѣйствія и подъ ея вліяніемъ. Разъ производители не видятъ передъ собой соперничества другихъ лицъ, ихъ энергія ослабляется и выдвигается стремленіе пользоваться монопольнымъ положеніемъ; качество товаровъ падаетъ, цѣны ихъ поднимаются. Вотъ что говоритъ Милль по этому поводу: «Производители и торговцы, будучи избавлены отъ прямого возбужденія соперничествомъ, становятся равнодушными къ возможнымъ будущимъ доходамъ, предпочитая самой хорошей перспективѣ въ будущемъ удобство держаться рутины въ настоящемъ. Человѣкъ, уже ведущій дѣло съ прибылью, рѣдко измѣняетъ привычки, чтобы начать даже выгодное улучшеніе, если не опасается, что со-

---

*) «Harmonies économiques».

перникъ введетъ это улучшеніе раньше его» *). «При незначительности соперничества,—утверждаетъ Максъ Виртъ, пламенный защитникъ свободной конкурренціи,—производитель дѣлаетъ меньше усилій, товары становятся дороже и хуже, потому что они обезпечены сбытомъ. Такъ какъ человѣкъ старается всегда затрачивать возможно меньше усилій, то при обезпеченности сбыта онъ употребляетъ какъ можно меньше труда и стараній, отчего страдаетъ доброкачественность товара» **).

Совсѣмъ другая картина рисуется экономистами при наличности свободной конкурренціи. Каждый производитель заинтересованъ продать свой товаръ предпочтительно передъ прочими. Отсюда стремленіе къ повышенію качества товара, къ введенію всякаго рода техническихъ усовершенствованій, вообще къ улучшенію производства; отсюда же пониженіе цѣны до возможнаго минимума. Конкурренція ведетъ къ прогрессу путемъ борьбы и дѣйствуетъ въ экономической области такъ же, какъ естественный подборъ въ органическомъ мірѣ. Однимъ словомъ, конкурренція, по мнѣнію Шевалье, есть самый могущественный стимулъ къ прогрессу промышленности. Итакъ, потребители выигрываютъ при конкурренціи въ качествѣ и цѣнѣ товаровъ. Кромѣ того, при существованіи соперничества, ни одинъ производитель не можетъ долгое время пользоваться монополіей знанія новыхъ техническихъ процессовъ или эксплуатаціи естественныхъ силъ природы, такъ какъ другіе постараются скорѣе употребить тѣ же средства.

Другое полезное вліяніе конкурренціи касается уравненія цѣнъ товаровъ на рынкѣ. Въ прежнія времена колебанія этихъ цѣнъ были громадны и часто въ двухъ сосѣднихъ мѣстностяхъ цѣны товаровъ находились на противоположныхъ крайностяхъ. Классъ купцовъ въ настоящее время вліяетъ на равномѣрность цѣнъ во времени и пространствѣ: въ періодъ дешевизны или на дешевомъ рынкѣ онъ усиленно покупаетъ товары и тѣмъ поддерживаетъ ихъ цѣны и, наоборотъ, усиленно сбываетъ товары, когда они дороги, чѣмъ дѣйствуетъ на пониженіе цѣнъ (Рошеръ).

Важная роль свободной конкурренціи заключается далѣе въ томъ, что она позволяетъ каждому человѣку проявлять свою хозяйственную дѣятельность въ той сферѣ и въ томъ направленіи, въ какихъ онъ желаетъ. Просторъ для индивидуальной дѣятельности вліяетъ на усиленіе этой дѣятельности, на напряженіе силъ, на подъемъ предпріимчивости. Благодаря этому, хозяйственныя силы народа могутъ быть использованы самымъ полнымъ и совершеннымъ образомъ. Въ то же время конкурренція побуждаетъ къ наиболѣе выгодному помѣщенію капиталовъ и труда, а это ведетъ къ наиболѣе цѣлесообразному распредѣленію этихъ факторовъ между разными отраслями производства.

---

*) «Основанія политической экономіи», томъ II, книга V, глава IV.

**) «Grundzüge», томъ I, стр. 458—459.

Напротивъ того, ограниченія конкурренціи, по убѣжденію экономистовъ классической школы, въ видѣ, напр., таможенныхъ пошлинъ, привилегій, патентовъ и пр., искусственно направляютъ хозяйственныя силы народа въ тѣ отрасли, въ которыхъ затрата труда сопровождается меньшими результатами.

Интересы производителей при системѣ конкурренціи такъ же оказываются обезпеченными наилучшимъ образомъ. Съ одной стороны они получаютъ сырье и, вообще, всѣ средства производства по возможно низкой цѣнѣ, съ другой—цѣны ихъ собственныхъ издѣлій достигаютъ надлежащей нормы благодаря конкурренціи покупателей. Вообще, при абсолютной свободѣ оборота, утверждаютъ экономисты, наилучшимъ образомъ осуществляется наиболѣе справедливое распредѣленіе хозяйственныхъ благъ, такъ какъ каждый получаетъ по своимъ заслугамъ и трудамъ *).

Въ то-же время конкурренція, побуждая каждаго напрягать всѣ силы для достиженія своихъ цѣлей ведетъ къ гармоніи общественныхъ и частныхъ интересовъ. «При неограниченной хозяйственной свободѣ,— говоритъ Рикардо, каждый посвящаетъ свой капиталъ и трудъ самому выгодному для него занятію, но это преслѣдованіе личной выгоды удивительно связано съ общимъ благомъ всѣхъ». «При господствѣ свободной конкурренціи, утверждаетъ «Handwöhterbach Rentsch'a», каждый членъ общества преслѣдуетъ свой личный интересъ и въ то же время сознательно или безсознательно служитъ высшимъ общественнымъ интересамъ».

Итакъ, яркая заря новаго хозяйственнаго строя настолько ослѣпила современниковъ, что они были въ состояніи видѣть лишь свѣтлыя стороны и совершенно не замѣтили темныхъ. Съ теченіемъ времени глазъ привыкъ къ свѣту и могъ уже различать въ немъ черныя пятна. Съ этихъ поръ начинается выясненіе отрицательныхъ сторонъ свободной конкурренціи.

Если справедливо, что соперничество побуждаетъ къ развитію производительныхъ силъ, то въ тоже время оказывается, что производители лишены твердаго основанія для своей хозяйственной дѣятельности. Не имѣя возможности обозрѣть весь рынокъ и точно высчитать размѣръ предложенія и спроса, они вынуждены вести дѣло въ слѣпую, на авось, по весьма приблизительнымъ и шаткимъ разсчетамъ, по указаніямъ рыночныхъ цѣнъ и т. п. Получается то, что называется въ экономической наукѣ *анархіей производства*. Каждый изготовляетъ товары на рынокъ въ надеждѣ на успѣшный сбытъ, но не зная, какое количество ихъ произведено его соперниками. Чтобы лучше обезпечить сбытъ, всякій стремится къ наибольшему удешевленію товаровъ, къ самому дѣйствительному средству привлеченія покупателей. Извѣстно, что

*) *Prince-Smith*, «Gesammte Schriften», III, стр. 128.

чѣмъ крупнѣе предпріятіе, чѣмъ больше размѣры производства, тѣмъ меньше издержки на единицу продукта; вотъ почему производители постоянно расширяютъ дѣло и безконечно увеличиваютъ количество товаровъ, бросаемыхъ на рынокъ. Этотъ ростъ промышленности, не соображающійся съ покупательными средствами населенія, ведетъ къ *перепроизводству* и періодическимъ *кризисамъ*. Кризисы являются результатомъ безпорядочнаго, не согласованнаго производства товаровъ массой производителей. Они ложатся тяжелымъ гнетомъ на всю экономическую жизнь человѣчества. Кризисъ наступаетъ, когда нѣтъ возможности сбыть приготовленные товары и цѣны падаютъ ниже издержекъ производства; наступаютъ банкротства и раззоренія промышленниковъ, купцовъ, банковъ; вмѣсто прежняго быстраго расширенія производства, начинается другая крайность—всяческое сокращеніе его, рабочіе увольняются массами съ фабрикъ и подвергаются всѣмъ тяжелымъ послѣдствіямъ безработицы; кредитъ сокращается, что еще болѣе усиливаетъ банкротства и пр. Всѣ эти печальныя послѣдствія кризисовъ даютъ основаніе русскому ихъ изслѣдователю М. И. Туганъ-Барановскому высказать слѣдующее: «Между всѣми промышленными націями началась отчаянная борьба изъ-за захвата мірового рынка. Каждая страна стремится вытѣснить другую путемъ пониженія товарныхъ цѣнъ и расширенія оборотовъ. Принципъ неограниченной конкурренціи былъ впервые испробованъ въ полномъ его объемѣ и благодаря этому обнаружилось внутреннее противорѣчіе, лежащее въ основаніи этого принципа» *).

Заботясь о побѣдѣ надъ соперниками, многіе производители примѣняютъ такіе пріемы борьбы, которые носятъ названіе «недобросовѣстной конкурренціи» (unlauterer Wettbewerb, concurrence deloyale). Не имѣя возможности достигнуть пониженія цѣны путемъ техническихъ усовершенствованій или расширенія размѣровъ предпріятія, производители прибѣгаютъ къ другимъ средствамъ, къ обмѣру, обвѣсу, ухудшенію качества товаровъ или къ прямой фальсификаціи. Цѣна товара, продаваемаго въ пакетахъ опредѣленнаго вѣса, понижается за счетъ уменьшенія вѣса. Въ фунтовыхъ пакетахъ сахара не хватаетъ нѣсколькихъ золотниковъ, мѣра продаваемаго овса оказывается неполной и т. д. Извѣстно, что золингенскіе кустари, отправляя покупателямъ ящики ножей, не докладываютъ въ каждомъ по нѣсколько ножей; въ американскую междоусобную войну они дѣлали еще проще, посылая заказчикамъ одни ножны безъ клинковъ **). Съ другой стороны, такъ какъ для покупателей въ большинствѣ случаевъ невозможно провѣрить качество предметовъ, продавцы прибѣгаютъ къ продажѣ товаровъ за болѣе дешевую цѣну, но худшаго

---

*) «Промышленный кризисъ», изд. II.

**) *Thun*, «Industrie am Niederrhein», II, стр. 83.

качества; шерстяныя ткани продаются съ оческами, сахаръ второго сорта выдается за первый сортъ и пр. Все болѣе распространяются пріемы подмѣси и фальсификаціи товаровъ. Въ молоко подливается вода и прибавляются другія посторонnія вещества, шерстяныя ткани ткутся съ бумажными нитями, въ масло примѣшивается маргаринъ, или сало и т. д. Въ городахъ въ настоящее время почти не встрѣчается предметовъ питанія, которые въ той или иной мѣрѣ не подверглись бы фальсификаціи. Бываютъ случаи и прямой продажи суррогатовъ; вмѣсто деревяннаго масла даютъ гарное, вмѣсто масла маргаринъ, вмѣсто лимонной кислоты виннокаменную и пр. На ряду съ этими обманами, практикуются и другіе пріемы недобросовѣстной конкурренціи, представляющіе товаръ въ болѣе выгодномъ противъ дѣйствительности свѣтѣ. Въ особенности здѣсь погрѣшаютъ широковѣщательныя рекламы о небывалой дешевизнѣ, о громадномъ запасѣ товаровъ («100.000 шляпъ», когда ихъ имѣется въ магазинѣ всего нѣсколько сотъ, и пр.), о наилучшемъ противъ всѣхъ другихъ магазиновъ качествѣ товара. Извѣстны также многочисленные случаи подражанія этикетамъ и оберткамъ извѣстныхъ фирмъ ради пріобрѣтенія болѣе широкаго круга покупателей. Такъ, напр., одна компанія производителей шампанскаго отыскала въ Страсбургѣ газетчика Шарля Рёдереръ, заключила съ нимъ особый договоръ, поселила его въ Реймсѣ и стала выпускать вино подъ фирмой: «Charles Roederer, Reims». У насъ въ Россіи нерѣдко пускались въ обращеніе публики спички, тождественныя по оберткѣ со спичками Лапшина; только надъ отпечатанной фамиліей стояло мелкими буквами: «близь фабрики». Аналогично этому, недобросовѣстные подражатели выпускали чай съ обложкой фирмы К. и С. Поповыхъ: разница заключалась въ томъ, что было прибавлено мелкими буквами: «К—онтора и С—кладъ». Всѣ подобные случаи подходятъ подъ понятіе недобросовѣстной конкурренціи, къ которой обращаются производители и торговцы для того, чтобы удержаться на рынкѣ. Сюда же подходятъ и злоупотребленія кредитомъ, когда лицо переводитъ свое состояніе въ надежное мѣсто, объявляетъ себя несостоятельнымъ и уплачиваетъ кредиторамъ «по гривеннику» за рубль. Можно сказать вообще, что неограниченная конкурренція вноситъ много деморализаціи въ хозяйственную жизнь и понижаетъ нравственный уровень торгово-промышленнаго класса. Превосходство сплошь и рядомъ остается на рынкѣ не за лучшими элементами, не за наиболѣе умѣлыми и добросовѣстными, а за болѣе беззастѣнчивыми, ловкими, даже безчестными.

Далѣе, при существующихъ сложныхъ экономическихъ отношеніяхъ, когда всѣ государства земного шара вовлечены въ міровой оборотъ, производство и торговля одной страны часто подвергаются вліянію совершенно неожиданныхъ и непредусмотрѣнныхъ обстоятельствъ, происходящихъ въ другой. Такія условія, не зависящія отъ

воли хозяйствующихъ лицъ, называются коньюнктурами. Чѣмъ болѣе связаны между собой хозяйства народовъ, тѣмъ могущественнѣе дѣйствуютъ коньюнктуры. Если въ Америкѣ случится неурожай хлопка, то онъ немедленно отражается на положеніи хлопковой торговли Европы, на стѣсненіи всей хлопчатобумажной промышленности; для фабриканта, вынужденнаго сократить производство, для рабочаго, уволеннаго съ хлопчатобумажной фабрики, неурожай хлопка такая же коньюнктура, какъ для хлопковаго плантатора въ Средней Азіи, выручающаго благодаря ей возвышенную цѣну за хлопокъ. Такою же коньюнктурой является для торгово-промышленнаго міра Европы настоящая война Англіи съ Трансваалемъ. Закрывъ возможность получать золото изъ богатѣйшихъ рудниковъ міра, эта война заставляетъ опасаться недостатка въ ближайшемъ будущемъ золота и создаетъ стѣсненное положеніе денежнаго рынка и кредита. Въ силу постоянно наступающихъ коньюнктуръ промышленники видятъ безполезность обращаться даже къ тѣмъ приблизительнымъ разсчетамъ, которыми они пользуются. Вся экономическая дѣятельность становится зависимой отъ случая, отъ удачи и счастія. Это, въ свою очередь, развиваетъ азартную игру, спекуляцію, основывающуюся на разсчетѣ возможныхъ счастливыхъ комбинацій рынка.

Система конкурренціи подразумѣваетъ борьбу хозяйственныхъ элементовъ. Разъ этой борьбѣ предоставлена свобода, сильные всегда одерживаютъ верхъ надъ слабыми, въ экономической жизни происходитъ процессъ, тождественный съ борьбой за существованіе въ животномъ мірѣ. Въ результатѣ мы видимъ (по выраженію Шевалье) поле сраженія, въ которомъ побѣдителями выходятъ болѣе сильные члены общества. Возьмемъ ли мы область промышленности, гдѣ мелкіе ремесленники и кустари противопоставляются крупнымъ фабрикантамъ, остановимся ли на торговлѣ съ ея борьбой между мелкими лавочниками и крупными негоціантами — вездѣ маленькіе люди напрягаютъ всѣ свои усилія, чтобы удержать свое самостоятельное положеніе, но рано или поздно падаютъ жертвой экономическаго превосходства болѣе сильныхъ соперниковъ. Какова бы ни была неизбѣжность этого процесса, отъ сознанія ея не легче этимъ жертвамъ; крушеніе экономически слабыхъ силъ представляетъ всегда болѣзненное явленіе въ обществѣ, внося массу страданій, несчастій и отчаянія. Въ то же время большинство прежде самостоятельныхъ мелкихъ производителей и торговцевъ переходитъ въ зависимое положеніе отъ владѣльцевъ крупнаго капитала. Это отношеніе подчиненности Адольфъ Вагнеръ называетъ новымъ феодализмомъ.

Особенно неблагопріятно отражается свободная конкурренція на положеніи болѣе слабыхъ силъ, участвующихъ въ распредѣленіи народнаго дохода. Наемные рабочіе терпятъ прежде всего ущербъ отъ соперничества своихъ несчастливыхъ товарищей, оставшихся безъ ра

боты. Выше мы указали, что постоянный прогрессъ техническихъ усовершенствованій сопровождается освобожденіемъ отъ труда части прежнихъ рабочихъ. Оставшись безъ средствъ существованія, эти безработные готовы продать свою рабочую силу за какое угодно вознагражденіе, лишь бы не умереть съ голода. Конкурренція такихъ лицъ дѣйствуетъ самымъ неблагопріятнымъ образомъ на заработную плату занятыхъ рабочихъ и при значительномъ числѣ безработныхъ можетъ сильно понижать ее. Съ другой стороны предприниматели, борющіеся между собой изъ-за обладанія рынкомъ и старающіеся всѣми силами понизить цѣны продаваемыхъ товаровъ, часто дѣлаютъ это за счетъ заработной платы, которую они платятъ своимъ рабочимъ. Послѣдніе вынуждены мириться съ этимъ, такъ какъ иначе они лишаются заработка и, слѣдовательно, возможности существовать. Особенно неблагопріятно поставлены при этомъ женщины и дѣти, какъ слабые элементы, не способные даже къ той экономической борьбѣ, какую ведутъ взрослые.

Совершенно аналогиченъ этому процессъ образованія арендной платы за землю, сдаваемую крупными землевладѣльцами крестьянамъ. Послѣдніе часто поставлены въ безусловную необходимость взять аренду и соглашаются, поэтому, платить за нее непомѣрно высокую цѣну, благодаря соперничеству ищущихъ земли земледѣльцевъ и благодаря своей экономической слабости передъ собственникомъ. Точно также бѣдные люди, обращающіеся къ кредиту, вынуждены платить ростовщическіе проценты за ссуду въ силу безвыходности положенія.

Таковы отрицательныя стороны конкурренціи, которыя обнаружились съ теченіемъ времени въ современномъ народномъ хозяйствѣ. Они были раскрыты въ научной литературѣ второй половины XIX вѣка; они были сознаны и заинтересованными хозяйственными элементами, которые стали стремиться найти исходъ изъ неблагопріятнаго положенія, создаваемаго конкурренціей. Обращаясь къ пріемамъ борьбы противъ темныхъ послѣдствій конкурренціи, мы видимъ рядъ мѣръ, принимаемыхъ самими заинтересованными лицами, соединяющимися съ этой цѣлью въ добровольные союзы, и мѣропріятія общественной власти, вмѣшивающейся въ ходъ экономической жизни.

Слабые или просто недостаточно сильные хозяйственные элементы, видя источникъ своей слабости въ разрозненности и обособленности другъ отъ друга, пришли къ мысли соединяться въ союзы, чтобы сдѣлать свое положеніе болѣе устойчивымъ и чтобы избѣгнуть взаимной конкурренціи. Справедливо замѣчаетъ Брентано, что въ то время какъ конкурренція есть принципъ сильныхъ, соединеніе, ассоціація есть принципъ слабыхъ.

Къ такимъ союзамъ относятся прежде всего синдикаты, картели и тресты, возникшіе за послѣдніе 20—30 лѣтъ. Это—соединенія капиталистовъ-предпринимателей, которые ставятъ своей задачей путемъ соглашенія установить общія условія производства и сбыта. Устране-

ніе конкурренціи членовъ синдиката достигается различнымъ путемъ. Одни синдикаты ограничиваются опредѣленіемъ максимальнаго размѣра производства для всѣхъ участниковъ, полагая этимъ предѣлъ несообразному росту производства въ погонѣ за болѣе дешевой выработкой товара. Въ другихъ случаяхъ между членами синдиката распредѣляются районы сбыта, или рынки. Такъ дѣлаетъ, напр., каменноугольный синдикатъ западной Германіи; каждому владѣльцу каменноугольныхъ шахтъ, участвующему въ соглашеніи, предоставляется извѣстная область, въ которой онъ одинъ имѣетъ право продавать уголь; этимъ путемъ въ каждомъ районѣ вполнѣ устраняется конкурренція. Нѣкоторые синдикаты ограничиваются нормированіемъ цѣнъ, ниже которыхъ не имѣетъ права брать ни одинъ участникъ; здѣсь ставится, слѣдовательно, препятствіе главному пріему рыночнаго соперничества производителей. Наконецъ, наиболѣе развитая форма предпринимательскихъ союзовъ, носящая въ Америкѣ названіе трестовъ, заключается въ объединеніи предпріятій всѣхъ членовъ въ одно хозяйственное цѣлое; въ руки выборныхъ представителей переходитъ весь сбытъ изготовляемыхъ товаровъ, или же сбытъ и производство вмѣстѣ. Итакъ, мы видимъ, что новая экономическая организація, разъ она охватываетъ большинство предпринимателей извѣстной промышленности, оказывается весьма дѣйствительной въ дѣлѣ устраненія конкурренціи, а равно и всѣхъ неблагопріятныхъ ея послѣдствій для *производителей*: перепроизводства, паденія цѣнъ ниже издержекъ производства, кризисовъ, убытковъ и даже разоренія.

Къ разсматриваемымъ добровольнымъ союзамъ слѣдуетъ отнести и *профессіональные союзы рабочихъ*, которые имѣютъ цѣлью матеріальную взаимопомощь и достиженіе наиболѣе выгодныхъ условій продажи рабочей силы. Особенное вниманіе посвящается ими на поддержаніе и увеличеніе заработной платы, которое достигается устраненіемъ взаимной конкурренціи рабочихъ на рынкѣ труда и регулированіемъ предложенія рабочей силы. Рабочіе союзы стараются совершенно устранить договоры единичныхъ рабочихъ съ предпринимателемъ, при которомъ они оказываются въ менѣе выгодномъ положеніи. Англійскіе трэдъ-юніоны, напр., ввели практику коллективныхъ договоровъ, заключаемыхъ представителями союза съ фабрикантомъ. Такъ, напр., союзъ рабочихъ строительной промышленности заключилъ въ 1892 г., а затѣмъ въ 1896 г. коллективный договоръ съ ассоціаціей строительныхъ предпринимателей, въ которомъ былъ условленъ размѣръ заработной платы для всѣхъ категорій рабочихъ, опредѣлена величина рабочаго дня, регулирована сверхъурочная работа и назначены сроки разсчета. Аналогично этому, коллективный договоръ рабочихъ-штукатуровъ и предпринимателей Манчестера въ 1895 г. опредѣлялъ заработную плату, рабочій день, время ѣды, сверхъурочные часы, число учениковъ. Нерѣдко соглашеніемъ представителей рабо-

чаго союза и предпринимателями вырабатываются нормы заработной платы, подъ названіемъ «скользящая скала», въ которой размѣръ платы измѣняется сообразно колебаніямъ рыночной цѣны изготовляемаго товара. Напр., владѣлецъ каменноугольныхъ копей въ Файфширѣ заключилъ съ союзомъ углекоповъ договоръ, по которому заработная плата не можетъ быть ниже ея уровня въ 1888 г., увеличеннаго на $12^1/_2$%; если, однако, цѣна угля поднимается выше $6^1/_2$ шиллинговъ, то каждому лишнему шиллингу должно соотвѣтствовать повышеніе заработной платы на $12^1/_2$%, т.-е. при цѣнѣ угля въ $7^1/_2$ шил. она равна платѣ 1888 года + 25%, при цѣнѣ въ $8^1/_2$ шил. = платѣ 1888 года + $37^1/_2$% и т. д.

Важнымъ моментомъ дѣятельности профессіональныхъ союзовъ являются заботы о безработныхъ членахъ. Чтобы устранить съ рынка ихъ опасную конкурренцію, имъ выдаются въ періодъ безработицы пособія, такъ называемый unemployed benefit; союзъ рабочихъ по обработкѣ волокнистыхъ веществъ оказываетъ еженедѣльное пособіе по 2 руб., союзъ лондонскихъ вагоностроителей по 9 руб., въ среднемъ около 6—7 руб. Подобныя же пособія выдаются членамъ трэдъ-юніона, которые прекратили сообща работу по постановленію союза съ цѣлью воздѣйствія на предпринимателя въ отношеніи возвышенія заработной платы и улучшенія другихъ условій договора. Въ то же время принимаются всякія мѣры къ пріисканію имъ работы; съ этой цѣлью дѣлаются сношенія съ мѣстными отдѣленіями союза по всей странѣ и направляютъ ищущаго работы туда, гдѣ есть требованіе на его трудъ. Наконецъ, профессіональные союзы стремятся регулировать институтъ ученичества такъ, чтобы существовала извѣстная пропорція между числомъ учениковъ и обученыхъ рабочихъ (въ среднемъ, какъ 3 къ 7); это дѣлается ради воспрепятствованія чрезмѣрному примѣненію необученыхъ силъ подростковъ и переполненію рабочаго рынка, понижающему заработную плату.

Всѣ эти мѣропріятія рабочихъ союзовъ, разъ въ нихъ объединено значительное число трудящихся опредѣленной отрасли производства, имѣютъ несомнѣнное вліяніе на улучшеніе ихъ экономическаго положенія. По признанію изслѣдователей, въ Англіи главные успѣхи рабочаго класса достигнуты именно организаціей трэдъ-юніоновъ.

Изъ другихъ формъ добровольныхъ общественныхъ соединеній можно указать только на одну, играющую большую или меньшую роль въ народно-хозяйственной жизни, именно на *потребительныя общества*. Цѣль ихъ—объединить потребителей, какъ покупателей, и устранить между ними конкурренцію при пріобрѣтеніи товаровъ. Въ этихъ обществахъ масса потребителей выступаетъ не разрозненно, соперничая другъ съ другомъ на рынкѣ, а какъ одно цѣлое, съ общимъ интересомъ пріобрѣсти товары возможно дешевле и лучшаго качества. Благодаря устраненію конкурренціи покупателей, цѣны складываются для

нихъ благопріятнѣе; въ то же время общество имѣетъ возможность слѣдить за качествомъ товаровъ, дѣлать изслѣдованія и устранять фальсификацію; мы не говоримъ здѣсь о томъ, что потребительныя общества устраняютъ необходимость платить торговую прибыль, какъ вознагражденіе купцовъ за ихъ посредничество между производителями и потребителями.

Вотъ какими разнообразными путями подходятъ добровольныя организаціи къ рѣшенію вопроса объ уничтоженіи или смягченіи конкурренціи. Однако, какое бы значеніе мы ни придавали результатамъ ихъ дѣятельности, слѣдуетъ признать, что союзы заинтересованныхъ лицъ, основанные на началѣ самопомощи, не только не въ состояніи съ успѣхомъ преодолѣть вредныя послѣдствія рыночнаго соперничества, но нерѣдко ведутъ къ новымъ нежелательнымъ въ народномъ хозяйствѣ явленіямъ. Мы сейчасъ увидимъ, какъ глубоко ошибаются экономисты, считающіе подобныя организаціи панацеей всѣхъ золъ, описанныхъ выше.

Остановимся прежде всего на синдикатахъ и трестахъ. Справедливо, что эти соединенія предпринимателей могутъ устранять конкурренцію. Однако, тѣмъ самымъ они превращаются въ *частную монополію*, въ высшей степени вредную для народнаго хозяйства потому, что всегда преслѣдуютъ только свои частныя, личныя выгоды. Особенно рѣзко это бросается въ глаза въ уровнѣ цѣнъ, устанавливаемыхъ синдикатами. Какъ только синдикатъ объединяетъ большинство производителей и чувствуетъ себя на прочной позиціи, немедленно начинается компанія противъ потребителей путемъ возвышенія цѣнъ своихъ товаровъ. Непродолжительная исторія этой формы предпріятій переполнена многочисленными случаями такого возвышенія. Возьмемъ наудачу нѣсколько примѣровъ. Соляной синдикатъ Англіи поднялъ цѣну простой соли съ 4½ шил. до 13½—15½ шил., а цѣну кристаллической столовой соли—съ 13½ до 35 шиллинговъ. Американскій синдикатъ производителей льняного масла повысилъ цѣну на свой продуктъ съ 38 до 52 центовъ за галлонъ. Съ образованіемъ германскаго синдиката желѣзозаводчиковъ въ 1887 г. цѣна пуддлинговаго желѣза поднялась въ два года съ 45 мар. до 52 мар., а цѣна котельнаго желѣза съ 144 до 170 мар.; чугунъ вздорожалъ съ 41 марки въ 1886 г. до 59 мар. въ 1899 г. Картель заводчиковъ брикетнаго угля въ Эссенѣ подняла цѣну съ 40 мар. за тонну въ 1887 г. до 123 мар. въ 1890 г. Рейнско-вестфальскій каменноугольный синдикатъ довелъ цѣну угля съ 4½ мар. въ 1886 году до 11 мар. въ 1896 году. Молочный трестъ Нью-Іорка, захвативъ въ свои руки снабженіе молокомъ жителей города, увеличилъ цѣну кварты съ 3—4 центовъ до 7—9 центовъ. Изъ числа русскихъ картелей можно указать на союзъ страховыхъ обществъ, образованный въ 1881 г. и повысившій преміи отъ 50 до 90%, и на существовавшій съ 1887 по 1894 годъ синдикатъ сахарозаводчиковъ,

въ результатѣ дѣятельности котораго русскіе потребители платили (кромѣ акциза) слѣдующія цѣны за 1 пудъ сахара: въ 1887 г. 3 р. 84 к., въ 1888 г. 4 р. 22 к., въ 1889 г. 4 р. 40 к., въ 1892 г. 4 р. 67 к., въ 1893 г. 5 р. 9 коп. Число примѣровъ можно было бы увеличить до безконечности. Если сторонники синдикатовъ указываютъ на случаи пониженія цѣнъ при существованіи синдикатной организаціи, то слѣдуетъ замѣтить, что здѣсь имѣетъ мѣсто большое пониженіе издержекъ производства (какъ, напр., въ американскомъ керосиновомъ трестѣ); изслѣдователи этого вопроса приходятъ напротивъ того къ выводу, что синдикаты задерживаютъ пониженіе цѣнъ на уровнѣ, далеко не соотвѣтствующемъ уменьшенію издержекъ.

Встрѣчаются также жалобы на ухудшеніе качества товаровъ, производимыхъ синдикатами; такъ, еще въ концѣ семидесятыхъ годовъ указывали на недоброкачественность продукта германскаго жестяного синдиката. Сахаръ, изготовляемый сѣверо-американскимъ трестомъ, оказался по качеству хуже сахара прежнихъ заводовъ. Точно такъ же потребители угля въ западной Германіи съ образованіемъ каменноугольнаго синдиката лишились возможности получать уголь того качества, къ какому была приспособлена вся система отопленія.

Мы сказали, что синдикаты устраняютъ конкурренцію, но только между своими членами. Напротивъ того, борьба съ предпринимателями, не принадлежащими къ ихъ составу (outsiders), не только не ослабляется, но становится ожесточеннѣе и разрушительнѣе. Стремленіе всякаго синдиката сводится къ тому, чтобы объединить всѣхъ производителей данной отрасли; если этого нельзя достигнуть путемъ соглашеній, предпринимается упорная борьба для сокрушенія несговорчивыхъ соперниковъ. Здѣсь синдикаты не брезгуютъ никакими пріемами. Обладая громадными капиталами, они на время понижаютъ цѣны ниже издержекъ производства, ожидая раззоренія менѣе сильнаго конкурента. Конечно, когда цѣль достигнута, они тѣмъ выше поднимаютъ цѣну и наверстываютъ сторицей понесенныя потери. Затѣмъ широко примѣняется давленіе на рабочихъ и служащихъ. Синдикатъ швейцарскихъ фабрикантовъ вышивокъ объявилъ кустарямъ, что если они будутъ доставлять издѣлія конкуррентамъ, не состоящимъ его членами, то лишатся всякихъ заказовъ съ его стороны. Служащимъ у этихъ конкуррентовъ было объявлено, что они никогда не получатъ мѣста у членовъ синдиката, если не откажутся отъ своихъ мѣстъ въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ. Въ Америкѣ нерѣдки соглашенія трестовъ съ машиностроительными заводами въ томъ, чтобы послѣдніе не поставляли машинъ на фабрики outsider'овъ. Особенно печальную извѣстность получили тайные договоры крупныхъ американскихъ трестовъ съ желѣзнодорожными компаніями о льготной перевозкѣ ихъ грузовъ и о стѣсненіи грузовъ, постороннихъ тресту производителей. Такъ, керосиновый трестъ Standart Oil C° выговорилъ себѣ пониженный тарифъ 44 цента за пе-

ревозку, за которую посторонніе должны были платить $1^1/_2$ доллара; за это желѣзныя дороги получали участіе въ барышахъ треста. Когда позднѣе федеральный законъ запретилъ практику различныхъ тарифовъ за одинъ и тотъ же товаръ, при провозѣ его черезъ нѣсколько штатовъ, желѣзныя дороги стали прибѣгать къ косвеннымъ средствамъ—къ задержкѣ груза въ дорогѣ по цѣлымъ мѣсяцамъ и т. п. Тотъ же трестъ, когда открылись мѣсторожденія нефти въ Огайо, сталъ распространять слухи о непригодности этой нефти для переработки въ керосинъ и о возможности употреблять ее только на отопленіе; вслѣдствіе этой агитаціи цѣна огайской нефти упала съ 60 центовъ до 15, а вмѣстѣ съ тѣмъ потеряли цѣну и нефтеносныя земли. Келейнымъ образомъ трестъ скупилъ всѣ эти обезцѣненныя пространства, устранилъ угрожавшую конкурренцію и сталъ съ такимъ же успѣхомъ очищать эту нефть въ керосинъ, какъ и свою пенсильванскую. Наконецъ, синдикаты оказываютъ давленіе на торговцевъ, заставляя ихъ покупать только свои товары или разрѣшая продавать товары конкуррентовъ не ниже условленной цѣны подъ угрозой разныхъ мѣръ стѣсненія, какъ, напр., прекращенія отпуска товаровъ, уничтоженія кредита.

Такая борьба синдикатовъ за свое монопольное положеніе противъ лицъ, стоящихъ внѣ ихъ, или лицъ, устраивающихъ новое предпріятіе даннаго рода въ виду огромной выгодности этой отрасли, отличается гораздо болѣе ожесточеннымъ и рѣзкимъ характеромъ, чѣмъ борьба единичныхъ предпринимателей (Гобсонъ). Въ результатѣ масса разореній, потеря колоссальныхъ капиталовъ, лишенныхъ работы рабочихъ. Достаточно сказать, что борьба между кофейнымъ и сахарнымъ трестами въ Америкѣ, возникшая вслѣдствіе нежеланія второго понизить цѣну сахара и устройства первымъ собственнаго сахарнаго завода, обошлась за одинъ годъ первому въ 10 мил. рублей, а второму въ 16 мил. руб. Всѣ громадные расходы на веденіе синдикатами ихъ борьбы противъ соперниковъ падаютъ въ концѣ концовъ на потребителей, оплачивающихъ ихъ въ болѣе высокихъ цѣнахъ товаровъ.

Наконецъ, при существованіи синдикатовъ усиливается зависимое положеніе рабочихъ. «Распространившіеся синдикаты,—говоритъ Шенланкъ, — обезпечиваютъ за капиталомъ неограниченное господство; всякій рабочій, обнаружившій строптивость, встрѣчаетъ запертыя двери». Для рабочихъ какой-нибудь отрасли промышленности нѣтъ уже выбора между различными работодателями. Монополіи производства соотвѣтствуетъ монополія синдикатовъ на установленіе заработной платы. Хотя эти союзы предпринимателей и *могутъ* платить болѣе высокое вознагражденіе рабочимъ, однако нѣтъ такой силы, которая заставила бы ихъ это дѣлать (Гобсонъ), ибо соединенные предприниматели всегда сильнѣе соединившихся рабочихъ. При синдикатахъ развитіе безработицы, которая характеризуетъ систему свободной конкурренціи, не только не ослабляется, но даже усиливается. Объединеніе производства

ведетъ сплошь и рядомъ къ его сокращенію, къ усиленному техническому усовершенствованію и концентраціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ масса рабочихъ становится излишней и увольняется съ фабрикъ. Когда водочный трестъ Америки объединилъ 80 заводовъ, то представители его закрыли 68 заводовъ, сосредоточивъ все производство на 12 наиболѣе крупныхъ и усовершенствованныхъ заводахъ; почти всѣ рабочіе 68 заводовъ лишились работы и притомъ безъ надежды когда-либо найти ее въ прежней отрасли. Каменноугольный трестъ Пенсильваніи сократилъ въ 1888 г. заработную плату 100.000 рабочихъ на одну четверть; въ слѣдующую зиму онъ разсчиталъ 20.000 рабочихъ, а оставшимся еще болѣе понизилъ заработную плату.

Обращаясь къ рабочимъ союзамъ, мы должны прежде всего отмѣтить ограниченность дѣйствія ихъ вслѣдствіе незначительнаго числа рабочихъ, которые ими объединяются. Даже въ Великобританіи, гдѣ эта организація достигла наибольшаго развитія и наибольшаго вліянія на экономическую жизнь, въ 1897 г. существовало 1.766 рабочихъ союзовъ съ 1.609.909 членами, въ томъ числѣ 1.490.134 мужчины и 119.775 женщинъ. При общемъ числѣ рабочаго населенія въ 8.000.000 человѣкъ—объединенной въ союзы оказывается только одна пятая часть; изъ общаго числа рабочихъ мужского пола участвуетъ въ трэдъ-юніонахъ 24%, а изъ общаго числа женщинъ только 12%. Разсматривая составъ членовъ по спеціальностямъ, мы видимъ, что болѣе всего объединены рабочіе высшихъ категорій, наиболѣе искусные и интеллигентные (skilled labour), напр., машиностроители, наборщики, желѣзнодорожные рабочіе, судостроители, рудокопы, но и здѣсь число членовъ достигаетъ въ лучшемъ случаѣ 50—55% общаго числа рабочихъ данной категоріи. Чѣмъ менѣе искусенъ трудъ, чѣмъ болѣе онъ является чернорабочимъ, тѣмъ ничтожнѣе объединеніе и тѣмъ слабѣе его узы; изъ числа земледѣльческихъ рабочихъ принимаетъ участіе въ союзахъ всего 0,3%; союзъ докеровъ, разросшійся въ 1889—1890 гг., быстро уменьшился по числу членовъ въ послѣдующіе годы. Если обратиться къ другимъ государствамъ, то результаты будутъ еще болѣе неутѣшительны. Въ Германіи изъ 3.000.000 промышленныхъ рабочихъ участвуетъ въ союзахъ около 360.000 — 370.000 чел., т. е. только 12%; наибольшій процентъ участниковъ имѣется среди типографщиковъ (37%), перчаточниковъ (32%), литографовъ (22%), въ остальныхъ отрасляхъ гораздо менѣе 13,12% и т. д. Во Франціи считалось въ 1894 году всего 408.000 членовъ рабочихъ союзовъ, въ Австріи — 99.434 члена, въ Сѣверной Америкѣ 825.000 человѣкъ, или 10% общаго числа рабочихъ. Весьма понятно, что профессіональный союзъ можетъ прочно объединить и регулировать предложеніе труда только для искусныхъ, обученныхъ рабочихъ. Въ чернорабочихъ профессіяхъ союзъ никогда не въ состояніи контролировать огромную массу возможныхъ постороннихъ коркуррентовъ, которые въ данную минуту находятся въ сторонѣ, но всегда могутъ предложить свои услуги для работы.

Къ сожалѣнію, приходится также констатировать монополистическія тенденціи, которыя проявляются среди нѣкоторыхъ союзовъ. Многіе англійскіе трэдъ-юніоны всячески препятствуютъ притоку постороннихъ лицъ въ рабочія ихъ отрасли производства. Въ Англіи союзы рабочихъ строительныхъ промысловъ, дѣлая всякія послабленія для сыновей прежнихъ рабочихъ, взимаютъ съ вновь вступающихъ въ союзъ рабочихъ вступную плату въ 200—500 рублей. Файфширскій союзъ углекоповъ, не взимая ничего съ сыновей своихъ членовъ, беретъ съ постороннихъ вступительный взносъ въ 50 руб. Союзъ судостроителей настоялъ на томъ, чтобы предприниматели оказывали предпочтеніе при выборѣ учениковъ сыновьямъ его членовъ. Интересная борьба возникла на почвѣ указанной тенденціи между англійскимъ союзомъ судостроительныхъ рабочихъ и союзомъ вспомогательныхъ рабочихъ при судостроеніи. Первые нанимаютъ отъ себя помощниковъ; такъ какъ плата послѣднихъ довольно низка, то нерѣдки случаи стачекъ второго рабочаго союза противъ перваго, имѣющихъ цѣлью повышеніе заработной платы—явленіе, конечно, ненормальное и идущее въ разрѣзъ съ основными началами трэдъ-юніонизма. Аналогично этому, общая федерація и отдѣльные союзы машиностроительныхъ рабочихъ до послѣдняго времени не допускали въ число своихъ членовъ неквалифицированныхъ рабочихъ, т.-е. трудящихся при постройкѣ машинъ чернорабочихъ, напр., тѣхъ, которые пробиваютъ отверстія для заклепокъ, и др.

Наконецъ, слѣдуетъ сказать, что рабочіе союзы могутъ бороться съ нѣкоторыми изъ темныхъ послѣдствій конкурренціи въ томъ случаѣ, если они противостоятъ отдѣльнымъ предпринимателямъ. Тогда соціальный вѣсъ обѣихъ договаривающихся сторонъ приходитъ болѣе или менѣе въ равновѣсіе, и союзу удается добиться болѣе выгодныхъ условій. Дѣло измѣняется, какъ только предприниматели, въ свою очередь, объединяются въ союзы для борьбы съ трэдъ-юніонами. Обладаніе большими капиталами и единодушіе въ дѣйствіяхъ относительно рабочихъ даетъ при этихъ условіяхъ предпринимателямъ рѣшительный перевѣсъ надъ рабочими и лишаетъ союзы послѣднихъ того вліянія, которое они имѣли раньше.

Что касается потребительныхъ обществъ, о которыхъ мы упоминали, то опять-таки число объединяемыхъ ими потребителей и размѣръ собираемыхъ капиталовъ все-таки слишкомъ ничтожны, чтобы оказать существенное вліяніе на ходъ экономической жизни. Въ Англіи, гдѣ эта форма ассоціацій болѣе всего развита, она объединяетъ всего 1½ милліона потребителей, въ другихъ странахъ гораздо менѣе. Улучшая положеніе своихъ членовъ, они не въ состояніи вліять на прочихъ членовъ общества, не въ силахъ бороться и съ могущественными организаціями частныхъ капиталистовъ.

Все сказанное приводитъ насъ къ убѣжденію, что добровольныя соединенія заинтересованныхъ лицъ, если и могутъ смягчить нѣкото-

рыя изъ отрицательныхъ проявленій конкурренціи, могутъ улучшить экономическое положеніе своихъ членовъ, то они оказываются все же безсильными разрѣшить проблему о недостаткахъ свободной конкурренціи, которая была поставлена выше. Отсюда вытекаетъ необходимость другого фактора въ борьбѣ съ этими недостатками—именно воздѣйствія *общественной власти*, *государственной и муниципальной* (самоуправленія).

Въ этой области наше вниманіе останавливается прежде всего на ограниченіяхъ свободы договора. Если при системѣ свободной конкурренціи общественная власть д етъ только формальныя юридическія рамки для свободной борьбы хозяйственныхъ элементовъ, то теперь она вмѣшивается въ самое содержаніе этой борьбы, опредѣляя ея допустимые и недопустимые пріемы и формы. Возьмемъ фабричное законодательство, которое является однимъ изъ старѣйшихъ способовъ государственнаго вмѣшательства въ содержаніе договора предпринимателя и рабочаго. Видя слабость одной стороны и неспособность ея защитить свои интересы, государство опредѣляетъ въ своихъ законахъ цѣлый рядъ пунктовъ, обязательныхъ для обѣихъ договаривающихся сторонъ. Государственная власть опредѣляетъ минимальный возрастъ дѣтей, съ котораго они допускаются къ занятіямъ на фабрикахъ; опредѣляетъ въ большей части государствъ величину рабочаго дня для дѣтей и подростковъ, болѣе котораго они не могутъ быть заняты, хотя бы на это было согласіе самихъ малолѣтнихъ рабочихъ или ихъ родителей; въ Англіи установленъ максимумъ рабочаго дня для взрослыхъ женщинъ, а въ Россіи, Швейцаріи и Австріи—и вообще для всѣхъ промышленныхъ рабочихъ; затѣмъ законодательство опредѣляетъ гигіеническія условія труда въ промышленныхъ заведеніяхъ, требованія относительно ограждесній машинъ и вообще предупрежденія несчастныхъ случаевъ, однимъ словомъ, вводитъ огромное количество ограниченій свободы договора. Такое государственное вмѣшательство, создающее требованія, обязательныя для всѣхъ, несравненно дѣйствительнѣе и прочнѣе защищаетъ интересы трудящагося класса, чѣмъ рабочіе союзы, такъ какъ результаты послѣднихъ ни чѣмъ не обезпечены въ смыслѣ продолжительности дѣйствія. Сознаніе этого проникло даже въ среду самого рабочаго населенія, и въ Англіи, напр., гдѣ трэдъ-юніоны долгое время были рѣшительными противниками государственной регламентаціи рабочаго дня, все шире распространяется среди тредъ-юніонистовъ убѣжденіе въ необходимости изданія билля о восьмичасовомъ рабочемъ днѣ, какъ единственнаго способа рѣшенія этого вопроса.

Сюда же относятся ограниченія государственной властью свободы договора между кредиторомъ и должникомъ; законы о ростовщичествѣ въ Германіи, Австріи и Россіи объявляютъ уголовно наказуемыми кредитныя сдѣлки, представляющія эксплоатацію нужды, легкомыслія или неопытности должника. И здѣсь законъ беретъ подъ свое покрови-

тельство ту сторону, которая оказывается болѣе слабой при заключеніи договора. Къ этой же области относятся и тѣ ограниченія, которыя ввели новые законы Германія и Австріи въ договоры о продажѣ товаровъ въ разсрочку. Въ виду большихъ злоупотребленій этой формой со стороны торговцевъ, законодатель опредѣлилъ, что прекращеніе условленныхъ платежей со стороны покупателя ведетъ къ расторженію договора, причемъ каждая сторона должна возратить то, что ею получено; изъ возвращаемыхъ взносовъ торговецъ можетъ удержать издержки перевозки, стоимость происшедшихъ по винѣ покупателя повреждeній и плату за пользованіе предметомъ; взысканіе продавцомъ недоплаченной суммы допустимо только тогда, когда покупателю осталось заплатить не болѣе 1/10 всей суммы и когда онъ пропустилъ не менѣе двухъ взносовъ и пр.

Другой областью государственнаго вмѣшательства является недобросовѣстная конкурренція. До послѣдняго времени общественная власть совершенно не касалась ея проявленій, если не считать уголовнаго преслѣдованія обмѣра, обвѣса и поддѣлки клеймъ и этикетовъ, предоставляя просторъ торговымъ дѣйствіямъ обманнаго характера, но не являющимся прямымъ мошенничествомъ. За послѣдніе годы въ Германіи и Австріи изданы законы, имѣющіе своею цѣлью бороться съ недобросовѣстною конкурренціей. Торговцамъ и промышленникамъ запрещается подъ страхомъ уголовнаго наказанія (штрафа и тюрьмы) сообщать завѣдомо невѣрныя и разсчитанныя на обманъ свѣдѣнія о свойствахъ, происхожденіи, способѣ производства или полученія и цѣнѣ товаровъ или услугъ, объ обладаніи отличіями и о цѣли продажи. Въ случаѣ, если отъ такого образа дѣйствій будетъ нанесенъ ущербъ другимъ торговцамъ или производителямъ, то виновный обязанъ его возмѣстить. Наказанію подвергается и обязывается вознаградить потерпѣвшихъ также и то лицо, которое распространяетъ о другихъ лицахъ невѣрныя и вредныя для его предпріятія свѣдѣнія. Употребленіе имени, фирмы или названія предпріятія, создающее смѣшеніе съ другими предпріятіями, влечетъ за собой возмѣщеніе убытковъ. Наконецъ, высшей административной власти предоставляется устанавливать для товаровъ, продаваемыхъ въ розницу, опредѣленныя величины мѣры и вѣса, указываемыя на оберткѣ, причемъ несоотвѣтствіе дѣйствительности этому обозначенію карается штрафомъ или арестомъ.

Въ связи съ мѣрами противъ недобросовѣстной конкурренціи стоитъ законодательство противъ фальсификаціи. Вслѣдствіе крайняго распространенія этого продукта необузданной конкурренціи и происходящаго отсюда вреда для населенія, общественная власть начинаетъ преслѣдовать наиболѣе рѣзкіе случаи поддѣлокъ; она запрещаетъ, напр., подмѣсь маргарина къ маслу, устанавливаетъ ограниченія торговли этимъ продуктомъ, запрещаетъ употребленіе вреднаго для здоровья сахарина вмѣсто сахара, устраиваетъ лабораторіи для изслѣдованія продуктовъ и т. д.

Другимъ пріемомъ борьбы общественной власти съ нежелательными послѣдствіями конкурренціи, именно съ колебаніями цѣнъ въ зависимости отъ соотношенія экономическихъ силъ спрашивающей и предлагающей стороны, являются таксы. Такъ, государственная власть опредѣляетъ желѣзнодорожные тарифы, обязательные для всѣхъ желѣзнодорожныхъ предпріятій и въ отношеніи ко всѣмъ грузамъ безъ лицепріятія. Возможность поторговаться, взять лишнее, воспользовавшись стѣсненнымъ положеніемъ отправителя, и пр. здѣсь совершенно устраняется. Городское самоуправленіе въ тѣхъ же видахъ устанавливаетъ таксу для извозчиковъ, таксу на печеный хлѣбъ и т. п.

Наконецъ, особенно важная форма государственнаго вмѣшательства—общественныя монополіи. Государственная власть или органы самоуправленія берутъ въ свои руки веденіе предпріятій, если въ частныхъ рукахъ эти предпріятія ведутъ къ нежелательнымъ и вреднымъ пріемамъ конкуренціи. Въ этомъ отношеніи печальную извѣстность пріобрѣла частная питейная торговля съ спаиваніемъ посѣтителей, съ подмѣсью вредныхъ веществъ, съ продажей въ кредитъ или подъ закладъ движимости и т. д. Неудовлетворительное состояніе этой отрасли торговли было одной изъ причинъ введенія казенной монополіи въ Россіи. Предпріятіе становится общественнымъ и въ томъ случаѣ, если соперничество частныхъ лицъ оказывается безсильнымъ удовлетворить потребностямъ общества или вырождается въ фактическую монополію. Снабженіе городовъ газомъ, электричествомъ, устройство городскихъ трамваевъ, водопроводовъ и пр.—все болѣе и болѣе переходитъ отъ частныхъ предпринимателей въ руки городскихъ управленій. Въ шестидесятыхъ годахъ въ Лондонѣ было 20 компаній, доставлявшихъ газъ, а въ настоящее время ихъ всего 3, дивидендъ которыхъ достигаетъ небывалой для Англіи высоты 12—13%. Поэтому совѣтъ лондонскаго графства озабоченъ тѣмъ, чтобы взять въ свои руки газовое дѣло. Желѣзныя дороги, банки, страховое дѣло, а еще раньше почта и телеграфъ превращаются въ государственныя монополіи вслѣдствіе неудовлетворительности дѣятельности частныхъ предпріятій. Съ теченіемъ времени это общественное хозяйство расширяется и развивается ко благу всей народно-хозяйственной жизни.

Итакъ, принципъ неограниченной конкурренціи, вполнѣ раскрывшійся въ новомъ товарно-капиталистическомъ хозяйствѣ, обнаружилъ серьезные недостатки и вызвалъ противодѣйствіе разнообразныхъ силъ—начала самопомощи заинтересованныхъ лицъ и воздѣйствія общественной власти. Изъ сочетанія этихъ двухъ факторовъ и складывается съ теченіемъ времени тотъ путь, который ведетъ человѣчество къ совершенствованію экономическаго быта и къ улучшенію условій его существованія.

Проф. **М. Соболевъ.**

ПОСЛѢДНЯЯ ГРОЗА.

Не прохладой, не покоемъ,
А истомою и зноемъ
Ночь съ горячихъ пашень вѣетъ...
Хлѣбъ во мракѣ ночи зрѣетъ.

Обступаютъ осторожно
Небо тучи, и тревожно,
Точно жаръ и бредъ недуга,
Набѣгаетъ вѣтеръ съ юга.
Шелестя и торопливо
Волны вѣтра ловитъ нива,
Страстнымъ шепотомъ привѣта
Провожаетъ ихъ, и мнится—
Ночь прощается тоскливо
Съ лаской пламеннаго лѣта,
Разметалась и томится...

Блескъ зарницъ ей точно снится,
Мракъ растетъ надъ ней кошмаромъ,
И когда всю степь пожаромъ
Красный сполохъ озаряетъ,—
Въ полѣ чей-то призракъ темный,
Величавый и огромный,
На мгновенье выростаетъ,
Чьи-то взоры быстро блещутъ,
Содрагаясь отъ усилья,
И раскинутыя крылья
За спиной его трепещутъ...

Какъ тотъ блескъ ее пугаетъ!
Точно въ страхѣ,—пробѣгаетъ
Знойный шелестъ по бурьяну...
Быть большому урагану!
Ужъ надъ этимъ смутнымъ шумомъ
Все слышнѣй, какъ за горою
Дальній громъ ворчитъ порою,—
Какъ въ величіи угрюмомъ
Потрясая своды неба,
Онъ проходитъ тяжкимъ гуломъ
Надъ шумящимъ моремъ хлѣба...
Скоро бѣшенымъ разгуломъ
Въ полѣ вѣтеръ понесется,
Скоро громъ смѣлѣе грянетъ,
Жуткимъ блескомъ даль зажжется...
Ночь испуганно воспрянетъ,
Ночь порывисто очнется—
И обильными слезами
Вся тоска ея прольется!

А на утро надъ полями
Солнце грустно улыбнется,
Озаритъ ихъ на прощанье—
И на нивы, на селенья
Ляжетъ кроткое смиренье
Тишины и увяданья.

Ив. Бунинъ.

ПОБѢДА.

ПОВѢСТЬ.

(*Продолженіе* *).

VI.

Съ тѣхъ поръ Барановъ сталъ часто бывать у Аргуниныхъ.

Всю недѣлю онъ чувствовалъ себя какъ бы невольникомъ, котораго насильно гонять на работу. Утромъ онъ вставалъ неохотно. Еще въ гимназіи маленькимъ мальчикомъ, когда его будили въ семь часовъ, онъ получилъ отвращеніе къ этой необходимости вставать рано и всегда мечталъ о свободномъ утреннемъ снѣ. Въ университетѣ онъ чувствовалъ постоянно нервное состояніе, какое-то стремленіе къ чему-то и смотрѣлъ на университетскіе годы, какъ на переходное время. Университетское время онъ не считалъ. Теперь онъ достигъ максимума того, на что могъ разсчитывать. Больше ужъ онъ ничего не достигнетъ. И что же? Онъ видѣлъ себя все въ той же неволѣ.

И подымаясь съ постели, онъ ворчалъ и негодовалъ. Кромѣ того, онъ до сихъ поръ еще чувствовалъ какую-то органическую слабость. Тѣло его было истощено лишеніями, пережитыми раньше, и ему бы теперь только укрѣпляться, востановлять силы, а между тѣмъ служба требовала его. Какъ разъ вышло такъ, что его уроки всѣ начинались утромъ.

Въ половинѣ девятаго онъ уже сидѣлъ въ учительской, а затѣмъ раздавался звонокъ и начиналась его дѣятельность. Къ звонкамъ онъ вообще питалъ отвращеніе, даже ужасъ. Это было наслѣдіе гимназическихъ лѣтъ. И теперь, нося уже вицъ-мундиръ, онъ испытывалъ отголоски этого прежняго чувства. Когда онъ былъ въ учительской и раздавался звонокъ, онъ вздрагивалъ, потому что надо было идти и исполнятъ непріятныя обязанности. Когда же онъ сидѣлъ въ классѣ и задавалъ урокъ или спраши-

*) См. «Міръ Божій», № 8, августъ.

валъ учениковъ, то все время у него было тоскливое ожиданіе, и, когда раздавался звонокъ, на лицѣ помимо его воли выражалось сіяніе.

И до трехъ часовъ онъ бѣгалъ изъ класса въ классъ, объясняя слѣдующій урокъ, задавая его ученикамъ, спрашивая и ставя отмѣтки. Съ наслажденіемъ придя домой, снималъ онъ съ себя вицъ-мундиръ и надѣвалъ пиджакъ, спалъ послѣ обѣда, а вечеромъ садился за книжку и готовился къ завтрашнему дню.

Ему приходилось преподавать въ нѣсколькихъ классахъ и онъ въ одинъ вечеръ прочитывалъ исторію въ разныхъ мѣстахъ. Въ толстой книжкѣ, по которой онъ готовился, всюду у него были закладки и по этимъ закладкамъ онъ слѣдилъ за каждымъ классомъ. Все это были разныя эпохи и все это должно было уложиться въ его головѣ.

Больше всего на свѣтѣ онъ боялся, какъ бы въ классѣ не запнуться, не спутаться и потому готовился очень усердно. Онъ боялся гимназистовъ. Ему казалось, что они слѣдятъ за нимъ и ловятъ его, не навретъ ли онъ что-нибудь. Что-то враждебное было у нихъ на лицахъ, точно такъ же, какъ и у него, когда онъ былъ гимназистомъ и сидѣлъ на урокахъ исторіи. Историкъ у нихъ былъ злой, придирчивый и тупой. Онъ читалъ по той же самой книжкѣ, по которой учили уроки, и спрашивалъ по книжкѣ, и ученики могли слѣдить за нимъ и слѣдили внимательно и всякій разъ испытывали торжество, когда онъ сбивался.

Часамъ къ двѣнадцати ночи голова его была набита всевозможными историческими эпизодами съ разныхъ концовъ. И онъ ложился спать, ощущая въ головѣ тупую боль.

Съ каждымъ днемъ эта однообразная работа становилась несноснѣе и онъ спрашивалъ себя: „Какая же разница? Въ чемъ разница? Тогда я былъ маленькимъ загнаннымъ, забитымъ гимназистомъ и меня заставляли вставать въ семь часовъ, и гнали въ классъ, и я слѣдилъ за звонками, и по звонкамъ распредѣлялись въ моей головѣ познанія: первый звонокъ былъ греческій языкъ—я настраивался на греческій ладъ, второй звонокъ математика—я призывалъ всѣ свои математическія способности, третій звонокъ исторія и т. д. Теперь я учитель, я человѣкъ съ дипломомъ, я прошелъ университетскій курсъ, я достигъ... И все-таки я долженъ вставать въ семь часовъ, и все-таки звонки гоняютъ меня изъ класса въ классъ. Точно такъ же, какъ тогда, меня заставляютъ сидѣть надъ книгой, которую я не люблю. Тогда, правда, я училъ одну исторію, но къ ней примѣшивался какой-нибудь языкъ, какой-нибудь видъ математики и я долженъ былъ все это укладывать въ своей головѣ, а теперь четыре, пять, шесть, множество исторій... Но это еще хуже. Тогда мнѣ точно преподносили четыре

разныхъ напитка и я долженъ былъ проглотить ихъ и переварить своимъ слабымъ желудкомъ, а теперь мнѣ предлагаютъ одинъ за другимъ выпивать четыре, пять, шесть, множество стакановъ прѣсной воды. Какая же разница?“

И онъ все больше и больше приходилъ къ заключенію, что жизнь—это какая-то тяжелая обязанность. И казалось ему, что въ жизни все совершается по звонку. И когда онъ стоялъ передъ окномъ и, забывшись, смотрѣлъ на улицу, ему мерещилось, что всѣ эти люди, бѣгущіе по дѣламъ, ѣдущіе въ экипажахъ, въ конкахъ и на пароходахъ, что и они все это дѣлаютъ по звонку, что вообще есть какіе-то, не слышные обыкновенному уху, звонки, которые однакожъ подымаютъ людей съ постели и гонятъ ихъ куда-то...

Уроки въ гимназіи казались ему тяжелой обязанностью. Тяжело было каждый день подготовляться, а остальное время онъ или ходилъ по своей комнатѣ изъ угла въ уголъ, или выходилъ на улицу и прогуливался среди толпы. И все это онъ дѣлалъ словно по обязанности, какъ машина.

Но ничего не было у него такого, за что стоило бы любить жизнь—ровно ничего. Товарищи его, учителя, были все кажется люди простые, даже любезные. Въ учительской они разговаривали съ нимъ, улыбались ему, шутили, смѣялись. Но, какъ только разошлись—сейчасъ же забывали другъ о другѣ. Ему не было дѣла до нихъ и имъ до него.

И разговоры ихъ, и шутки, и смѣхъ—все тоже было по звонку. Во время уроковъ, когда пробилъ звонокъ, въ учительской водворялось молчаніе. Но, вотъ раздался другой звонокъ, всѣ прибѣжали одинъ за другимъ, заговорили, закурили, началась какъ будто бы жизнь... Но, опять звонокъ, и снова глубокое молчаніе, снова нѣтъ ни души. Это была жизнь пустая, какая-то сдавленная и скучная.

И потому, когда онъ вырывался въ праздникъ и даже иногда въ будни къ Аргунинымъ, то, уже по дорогѣ на Петербургскую сторону, въ душѣ его начиналось какое-то ликованіе и онъ, сидя у Аргуниныхъ даже при самой будничной обстановкѣ, находилъ тамъ что-то такое, чего у него не было и что ему было нужно. Что это было?

Это была жизнь простая, крайне несложная, скудная жизнь, гдѣ въ каждой мелочи проглядывала нужда и недостатокъ, но настоящая, не выдуманная, не казенная, жизнь по волѣ, жизнь живыхъ душъ, связанныхъ между собою живою любовью. Вотъ что это было и что тянуло его сюда!

Страннымъ казалось ему сопоставленіе прежняго времени съ настоящимъ. Онъ постоянно безсознательно обращался къ этому и вѣчно невольно сравнивалъ.

И тогда его время проходило въ постоянномъ ожиданіи воскресныхъ и праздничныхъ дней, и тогда онъ мечталъ о томъ, чтобы побѣжать на Петербургскую сторону къ Аргунинымъ, точно также и теперь. Только тогда въ мечтахъ его рисовалась возможность выспаться всласть у нихъ, а теперь отвести душу. Тогда жаждало отдыха его тѣло, а теперь душа. Жизнь какъ бы выросла, кругъ ея сталъ больше, радіусъ длиннѣе, но сущность ея осталась неизмѣнной. И тогда она была для него тягостью, отъ которой онъ постоянно искалъ облегченія и находилъ его въ единственной близкой ему семьѣ—у Аргуниныхъ, и теперь она не была для него чѣмъ-нибудь пріятнымъ, и теперь ноша постоянно чувствовалась у него на плечахъ и онъ складывалъ ее только тамъ, у тѣхъ же Аргуниныхъ.

Какъ же тутъ не придти къ заключенію, что жизнь есть бремя, отъ котораго не избавляетъ ни дипломъ, ни вицмундиръ, ни постоянное казенное жалованье. И мысли его принимали все болѣе и болѣе окраску пессимизма, а это отравляло ему жизнь.

Между тѣмъ годъ подходилъ къ концу. Варю ему удавалось теперь видѣть рѣдко, она усиленно готовилась къ послѣднему экзамену и въ то же время писала какое-то сочиненіе, которое надо было подавать для полученія диплома. Готовилась она не одна, а съ товарками; онѣ собирались группой у одной изъ нихъ, которая была побогаче и у которой имѣлось обширное и свѣтлое помѣщеніе. По праздникамъ Варя бывала дома только во время обѣда. Она замѣтно похудѣла и поблѣднѣла, и какъ-то разсѣянно слушала то, что говорилось дома.

— Вы совсѣмъ не съ нами Варвара Θедоровна,—говорилъ ей Барановъ.—Вы какъ будто живете въ другомъ мірѣ.

Варя на это улыбалась.

— И не въ одномъ мірѣ, Василій Григорьевичъ, а въ десяткѣ міровъ. Я усердно готовлюсь къ экзамену. Помните, какъ вы готовились? Ну, вотъ, тоже теперь со мной. Приходится разомъ проходить много предметовъ и каждый изъ нихъ—цѣлый міръ. Я должна хорошо выдержать экзаменъ.

— Зачѣмъ же вамъ это?

— Мнѣ обѣщали хорошую школу въ Петербургѣ.

— Школу?—съ удивленіемъ спросилъ Барановъ.—Зачѣмъ же вамъ школа?

— Зачѣмъ? Затѣмъ, чтобъ работать. Я вѣдь для того и училась, чтобъ работать.

— Но почему же непремѣнно школу?

— Я очень люблю дѣтей, Василій Григорьевичъ, и хочу съ съ ними возиться...

— А въ провинцію вы, значитъ, уже не хотите? Вѣдь вы прежде туда собирались.

— Нѣтъ я теперь хочу остаться въ Петербургѣ,—отвѣтила Варя.

— Значитъ, у васъ что-то перемѣнилось?

— Да, у меня есть нѣкоторыя на это причины, Василій Григорьевичъ.

— Причины?

— Да, есть причины,—странно улыбнувшись, повторила Варя.

„Причины... Причины...“ И въ головѣ Баранова надолго засѣло это новое слово, въ которомъ для него было столько неяснаго. Онъ думалъ объ этомъ въ продолженіе всей недѣли, послѣ того, какъ въ послѣдній разъ былъ у Аргуниныхъ.

У Вари появились причины. Прежде она стремилась въ провинцію и сама она говорила объ этомъ, и Ѳедоръ Ѳедоровичъ говорилъ, что она поѣдетъ въ провинцію, и оба даже доказывали, что въ провинціи жить легче и пріятнѣе, а теперь вдругъ явились причины оставаться въ Петербургѣ. Когда онъ предлагалъ ей женитьбу, она отказалась, она собиралась въ провинцію работать, приносить пользу. И такъ краснорѣчиво говорила объ этомъ. И вдругъ все это разсѣялось.

И у него отъ этихъ мыслей ныло сердце. Казалось ему почему-то, что причины эти ему враждебны и подозрительное воображеніе одинокаго человѣка рисовало Баранову Богъ знаетъ что: какой-нибудь студентъ или, можетъ быть, кончившій уже и получившій мѣсто въ Петербургѣ... Адвокатъ, докторъ, чиновникъ, но умный-преумный, перечитавшій всѣ книги, какія только есть на свѣтѣ. Варя влюблена въ него и вотъ она рѣшила оставаться въ Петербургѣ.

Школа—это пустяки. Изъ за школы она не осталасъ бы. Школа вѣдь это скука. Не можетъ человѣкъ стремиться къ такому скучному дѣлу. Варя просто не искренна. Она просто скрываетъ тайну.

И не даромъ появились эта блѣдность и-худоба, эта разсѣянность. Конечно, это любовь. Отъ любви дѣвушки худѣютъ и блѣднѣютъ. И Варя кончитъ курсъ и выйдетъ замужъ за своего героя, а онъ останется попрежнему одинокъ.

Это всегда бываетъ, что люди одинокіе и оттого принужденные быть скрытными и по необходимости являющіеся сами для себя единственными контролерами своихъ мыслей и часто возвращающіеся къ одной и той же своей фантазіи, начинаютъ принимать ее за совершившійся фактъ. Такъ и Барановъ—повѣрилъ въ свою выдумку и, благодаря этому, впалъ въ новую мрачность.

Еще ужаснѣе показались ему ежедневныя занятія въ гимназіи, а тутъ наступала трудная пора—экзамены. Ему предстояло обна-

ружить свои познанія на нихъ. Ужъ тутъ нельзя было довольствоваться подготовкой къ каждому уроку, надо было знать весь курсъ, всѣ классы, въ которыхъ онъ преподавалъ.

И онъ долженъ былъ заниматься. Событія, имена, годы—все теперь путалось въ его омраченной душѣ и онъ ходилъ по комнатѣ и старался запомнить ихъ. Онъ иногда ловилъ себя на томъ, что зубрилъ ихъ, какъ мальчишка. И странныя мысли незамѣтно для него самого приходили ему въ голову.

„Какой же я учитель, какой же я экзаменаторъ?—вдругъ, среди заучиванія именъ, событій и годовъ врывалось въ его голову,—вѣдь я буду требовать отъ нихъ того, чего самъ не знаю. И зачѣмъ это мнѣ? Единственно затѣмъ, чтобы директоръ не нашелъ мои познанія слабыми и не далъ бы обо мнѣ неблагопріятнаго отзыва, единственно затѣмъ, чтобъ я сохранилъ за собой мое мѣсто.

„Ну, хорошо, мнѣ надо сохранить за собой мѣсто, а имъ? Зачѣмъ эти событія, имена, годы? Имъ вѣдь не нужно сохранять за собой мѣста... Ахъ, да, имъ это для того, чтобы перейти въ слѣдующій классъ. Ну, а потомъ, потомъ? Они забудутъ! Новыя науки, новые курсы, новыя событія, имена и годы наполнятъ ихъ головы и вытѣснятъ оттуда все, что я имъ преподавалъ...

„Вѣдь вотъ я самъ прошелъ гимназію и университетъ, и теперь опять долженъ учить эти событія, имена, годы. И вѣдь я зудилъ, зудилъ цѣлый годъ въ классахъ въ качествѣ учителя все это и все вылетѣло изъ головы и теперь опять долженъ зудить. Значитъ, и у нихъ за лѣто все вылетитъ.

„Да нужно ли это, дѣйствительно, на что-нибудь другое, кромѣ того, чтобы для меня—сохранить мѣсто, а для нихъ—перейти изъ класса въ классъ? Какъ странно! Вотъ стоитъ гимназія, цѣлое огромное трехъэтажное зданіе, есть директоръ, инспекторъ, два десятка преподавателей, множество служителей, цѣлая канцелярія... Цѣлый годъ раздаются звонки, почтенные люди бѣгаютъ, стараются, потѣютъ. Инспекторъ смотритъ за порядкомъ, директоръ смотритъ за всѣми на каждомъ шагу, волненіе, недоразумѣнія, заботы, и все это единственно для того, чтобы одни сохранили за собой мѣста и получали жалованье, а другіе перешли изъ класса въ классъ. А зачѣмъ имъ переходить изъ класса въ классъ?

„Ахъ, да, все затѣмъ же: чтобы потомъ тоже получить мѣста... Боже мой, какъ это глупо!.. Какой это дикій, заколдованный кругъ. Всѣ дѣлаютъ ненужное и у всѣхъ такой важный видъ, какъ будто это самое необходимое въ жизни...“

Эти мысли мелькали у него въ головѣ смутно, какъ бы въ полуснѣ. И не было у нихъ достаточной энергіи, чтобы проявиться въ сознаніи, въ волѣ, въ какомъ-нибудь дѣйствіи.

И, не смотря на эти мысли, онъ готовился къ экзамену,

усердно запоминая событія, имена и годы. И вотъ начались экзамены. Его таскали на нихъ каждый день. На исторіи онъ являлся отвѣтственнымъ лицомъ, но его сажали, какъ ассистента и по словесности, и по греческому языку, и по географіи, и онъ внутренно зѣвалъ и молилъ Бога, чтобъ поскорѣе кончилось. Въ душѣ его сперва смутно, а потомъ все яснѣе и яснѣе созрѣвала жажда отдыха на лонѣ природы. Но вся природа въ его глазахъ была олицетворена Удѣльной и прилежащимъ къ ней лѣсомъ. И не могъ онъ представить себя лѣтомъ какъ-нибудь иначе, чѣмъ въ семьѣ Аргуниныхъ.

Одно только отравляло его мечту о предстоящемъ лѣтѣ. „Варя любитъ кого-то—это несомнѣнный фактъ. И значитъ лѣтомъ она будетъ такая же растерянная, какъ теперь; будетъ думать о другомъ, а можетъ быть, даже не останется съ нами. Мало ли что можетъ случиться? Или онъ будетъ каждый день видѣть, какъ она мечтаетъ о комъ-то другомъ и, можетъ быть, негодуетъ на то, что съ нею не тотъ, а онъ, Барановъ“.

Въ концѣ мая онъ раздѣлался съ экзаменами и, какъ только почувствовалъ себя свободнымъ, тотчасъ же помчался къ Аргунинымъ. Онъ засталъ Ѳедора Ѳедоровича печальнымъ.

— Что это вы такой... странный, Ѳедоръ Ѳедоровичъ?—спросилъ онъ.

Ѳедоръ Ѳедоровичъ ходилъ по комнатѣ, заложивъ руки за спину и слегка повѣсивъ голову.

— Да, нѣтъ, ничего...—отвѣтилъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ,—такъ, просто!

— Нѣтъ, я знаю, что не такъ, и не просто,—сказалъ Барановъ.—Я васъ очень хорошо знаю, Ѳедоръ Ѳедоровичъ, вы безъ причины не будете ходить, повѣсивъ голову...

— Нѣтъ, Василій Григорьевичъ, право, ничего такого, такъ, просто мысли...

— Ну, вотъ мысли—и скажите. Нѣтъ, право, скажите, Ѳедоръ Ѳедоровичъ! Это не хорошо съ вашей стороны, что вы говорите мнѣ только пріятныя мысли, а непріятныя прячете.

— Нѣтъ, я ничего прятать отъ тебя, Василій Григорьевичъ, не намѣренъ,—промолвилъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ, положивъ руку на его плечо и, очевидно, рѣшившись быть откровеннымъ.—Очень ужъ вышелъ тяжелый годъ: дѣти все съ экзаменами возились, Митѣ надо было зрѣлость получить и получилъ ее, слава Богу, а Варя тоже кончала,—такъ ужъ имъ было не до уроковъ! И всѣ уроки они свои растеряли. Ну, вотъ, значитъ и помощь отъ нихъ прекратилась и еле-еле свелъ я концы съ концами. Вотъ теперь и стоитъ передо мною вопросъ: какъ же быть лѣтомъ-то?

— Да великолѣпно будетъ лѣтомъ,—воскликнулъ Барановъ.

— Какъ же такъ великолѣпно?—недовѣрчиво спросилъ Θеодоръ Θедоровичъ.

— А вотъ какъ, Θедоръ Θедоровичъ: у меня сейчасъ въ карманѣ пятьдесятъ рублей, которые остались отъ этого мѣсяца, да въ нашей кассѣ—у насъ есть такая касса взаимной помощи—я могу взять подъ жалованье за два мѣсяца, а вѣдь это составитъ цѣлыхъ двѣсти пятьдесятъ рублей. Такъ знаете что мы можемъ сдѣлать на эти деньги?

— Да что ты, что ты, какъ я могу взять твои кровныя деньги?

— А совершенно такъ же, Θедоръ Θедоровичъ, какъ я бралъ ваши кровныя.

— Никогда ты у меня не бралъ такихъ большихъ денегъ.

— Ну, еще бы! какъ же могъ ихъ взять, когда у васъ никогда такихъ денегъ и не было, а бралъ то, что было. И знаете, Θедоръ Θедоровичъ, какую мы отличную дачу наймемъ. Большую дачу, чтобы и садикъ при ней былъ, и огородъ. Огородъ это самое главное,—сами будемъ копать его. Вы знаете, при мысли о копаніи огорода у меня даже сердце сильнѣе забилось послѣ этого проклятаго сезона въ гимназіи, гдѣ по цѣлымъ часамъ сидишь на мѣстѣ—мнѣ хочется рыть землю, рубить дрова, всякаго движенія хочется.

— Нѣтъ, Вася, ты не говори... Это невозможно,—возражалъ Θедоръ Θедоровичъ, но особенной энергіи не слышалось въ его словахъ. Повидимому, онъ и не собирался слишкомъ долго упираться. Барановъ еще привелъ нѣсколько доводовъ и кончилось тѣмъ, что Θедоръ Θедоровичъ заключилъ его въ свои объятія.

— Экій ты славный, хорошій, сердечный человѣкъ, Василій Григорьевичъ,—воскликнулъ умиленный Θедоръ Θедоровичъ.—Ты родной намъ, совсѣмъ родной. Только знаешь—ничего не говори нашимъ, мы это сюрпризомъ обдѣлаемъ, мы тихонько поѣдемъ, наймемъ дачу и потомъ уже объявимъ... Да, вотъ сегодня же и поѣдемъ, зачѣмъ медлить? теперь еще и четырехъ нѣтъ, такъ мы къ вечеру все и оборудуемъ. Идетъ?

— Идетъ. Я съ наслажденіемъ поѣду за городъ. Мнѣ хочется упиться свѣжимъ воздухомъ.

— Значитъ на Удѣльную?

— Да, нѣтъ, знаете ли, меня даже Удѣльная теперь не можетъ удовлетворить: все-таки это казенщина какая-то—и дома стоятъ рядышкомъ, и мостовые, и фонари, и спектакли какіе-то тамъ бываютъ. Все это противно! А мы поѣдемте дальше, тамъ есть за Шуваловскимъ паркомъ деревня—такъ вотъ въ деревнѣ мы и наймемъ, и въ паркѣ гулять будемъ, и въ деревнѣ будемъ жить. Свободы сколько, свободы-то, Θедоръ Θедоровичъ!

— Согласенъ. Вполнѣ согласенъ. Въ деревнѣ лучше. А ты знаешь, Василій Григорьевичъ, Варя кончила экзаменъ.

— Неужто? Когда же?

— А уже три дня. Вотъ ты не ходилъ къ намъ и такихъ важныхъ вещей не знаешь: Митя уже почти студентъ, уже подалъ прошеніе. А Варя пошла хлопотать на счетъ школы. Ей ужъ навѣрно обѣщали и дадутъ школу на Пескахъ.

Въ тотъ же день они собрались и поѣхали на Финляндскій вокзалъ. Марьѣ Петровнѣ они сказали, что идутъ по какимъ-то дѣламъ Баранова въ городъ.

Когда они ѣхали въ поѣздѣ, Ѳедоръ Ѳедоровичъ, все еще растроганный добротой Баранова, почувствовалъ необходимость коснуться больного мѣста и дать ему нѣкоторое утѣшеніе.

— Вотъ всѣ вмѣстѣ и будемъ жить,—сказалъ онъ.—И Варя съ нами будетъ, можетъ, и сблизитесь, и все пойдетъ по хорошему...

— Варя?—какъ-то странно, полувопросительно, произнесъ Барановъ.—Нѣтъ, Ѳедоръ Ѳедоровичъ, я на это ужъ не надѣюсь.

— Отчего же? Почему же это такъ вдругъ?

— Такъ. Мнѣ кажется, Ѳедоръ Ѳедоровичъ, что Варвара Ѳедоровна... Какъ бы это вамъ сказать, что сердце ея уже не свободно...

Ѳедоръ Ѳедоровичъ даже испугался и обѣими руками началъ отгонять отъ себя страшный призракъ.

— Что ты, что ты, Вася, откуда ты это взялъ?

— Мнѣ такъ кажется.

— Да увѣряю тебя... Клянусь тебѣ, что ничего такого нѣтъ. Варя не можетъ скрывать, она сказала бы, а не сказала бы—все равно, сейчасъ я увидѣлъ бы, по глазамъ прочиталъ бы. Увѣряю тебя, Василій Григорьевичъ, что ты жестоко ошибаешься. Варя, если кого и любитъ, то тебя, ужъ это повѣрь Она только занята была своимъ ученіемъ...

Конечно, Ѳедоръ Ѳедоровичъ не имѣлъ достаточныхъ основаній для того, чтобы говорить такъ увѣренно. Варя съ нимъ не откровенничала и, разумѣется, все могло случиться. Но онъ такъ жаждалъ закрѣпить брачными узами свой сердечный союзъ съ Барановымъ и желаніе свое принималъ почти за дѣйствительность.

Они проѣхали Удѣльную и Озерки и сошли съ поѣзда за Шуваловскимъ паркомъ. Довольно долго пришлось имъ искать дачу. Видъ въ дачной мѣстности былъ уже оживленный, многіе петербуржцы переѣхали. Пахло весной, сердце Баранова билось сильно. Это такъ не было похоже на тѣсный гимназическій корридоръ, на классные уроки, на дымную учительскую, на хожденіе изъ угла въ уголъ по своей квартирѣ. Это было то, чего такъ жаждала его душа.

Они наконецъ приглядѣли чудную дачку, за которую требовали сто пятьдесятъ рублей. При ней было все, что имъ надо: и садъ, и огородъ. Въ дачѣ было восемь комнатъ и даже кое-какая мебель, такъ что если привезти сюда обстановку Аргуниныхъ, то всѣ комнаты будутъ обставлены прилично.

— Только дорого, дорого,—говорилъ Өедоръ Өедоровичъ,—страшно дорого! Можно ли за дачу выбросить такія деньги?

До сихъ поръ онъ обыкновенно платилъ за дачу рублей сорокъ пять и ютились они въ ней кое-какъ. И онъ усердно торговался, но хозяинъ не хотѣлъ ничего уступить. Въ томъ году былъ большой спросъ на дачи. И Барановъ, видя, что усилія Өедора Өедоровича ни къ чему не приведутъ, мысленно рѣшилъ самъ.

— Вотъ что, Өедоръ Өедоровичъ, ужъ вы позвольте мнѣ угостить васъ дачей. Ну, просто смотрите на это, какъ на угощеніе. По крайней мѣрѣ ужъ дѣйствительно проведемъ хорошее лѣто.

Өедоръ Өедоровичъ не сразу, но согласился. Барановъ далъ задатку тридцать рублей. Онъ прибавилъ:—а завтра я возьму остальныя деньги и отдамъ ихъ вамъ; и можно будетъ переѣзжать и даже можно закупить запасовъ на все лѣто.

Когда они вернулись въ городъ, уже наступилъ вечеръ и въ квартирѣ Аргуниныхъ горѣли лампы. Дома были и Варя, и Митя, причемъ у Вари было какое-то сіяющее выраженіе въ глазахъ.

— Васъ поздравить?—спросилъ Барановъ, здороваясь съ ней.

— О, очень, очень!—радостно отвѣтила Варя.—Кончила курсъ и получила школу.

— На Пескахъ?

— Да, на Пескахъ! будемъ сосѣдями, Василій Григорьевичъ. Мы всѣ будемъ вашими сосѣдями,—прибавила она:—вы знаете, папа, при школѣ, которую мнѣ дали есть три порядочныхъ комнаты. Это для меня. Такъ вотъ мы и будемъ всѣ тамъ жить.

— Какъ? Значитъ не надо нанимать квартиры?

— Совсѣмъ не надо.

— Ахъ, Варюша, какъ это хорошо!—воскликнулъ Өедоръ Өедоровичъ и въ восторгѣ расцѣловалъ дочь.

Въ головѣ его промелькнула цѣлая картина сокращенія расходовъ, ненужности экстренной ночной переписки и сердце стараго труженика забилось сильно. Онъ почувствовалъ вдругъ, что наступило какъ бы освобожденіе; онъ увидѣлъ, что награждена его трудовая жизнь, полная лишеній, и что не даромъ были эти труды и лишенія. Въ жизни маленькихъ тружениковъ, какимъ былъ Өедоръ Өедоровичъ, не часто бываютъ такіе моменты.

— Ну такъ и мы же не напрасно потратили время,—воскликнулъ Өедоръ Өедоровичъ.—Мы нашли дачу и даже задатокъ дали. Но какая дача, какая дача! Вы даже и представить себѣ

не можете: восемь комнатъ, цѣлыхъ восемь комнатъ, садикъ, огородъ...

— Батюшки, да сколько же стоитъ такая дача?—недовѣрчиво спросила Марья Петровна.

— И не говори. Даже и сказать страшно. Цѣлыхъ сто пятьдесятъ рублей.

— Ну, это надо прежде съ ума сойти, чтобъ заплатить такія деньги,—промолвила Марья Петровна.

— А вотъ и ошибаешься. Это Василій Григорьевичъ угощаетъ насъ дачей. Видишь, онъ разбогатѣлъ... ему некуда дѣвать деньги—онъ теперь богатъ, какъ Ротшильдъ (Ѳедоръ Ѳедоровичъ дѣлалъ удареніе на послѣднемъ слогѣ).

Барановъ, видя нѣкоторое замѣшательство, началъ шутливо объяснять:

— Это, видите ли, я для себя взялъ дачу. Согласитесь сами, вѣдь я довольно важная птица. Я учитель гимназіи, ношу вицмундиръ. Нельзя же мнѣ жить на дешевой дачѣ. А, такъ какъ комнатъ много и мы съ вами въ хорошихъ отношеніяхъ, то я и приглашаю васъ въ гости—вотъ и все.

Этотъ шутливый тонъ очень скоро примирилъ всѣхъ съ его приглашеніемъ и всѣ начали мечтать о предстоящемъ лѣтѣ.

— Ахъ,—воскликнула Варя,—значитъ опять будемъ по цѣлымъ днямъ пропадать въ лѣсу.

— Будемъ? Варя?—Съ недовѣріемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ съ надеждой спросилъ Барановъ.

— Еще бы. И еще какъ будемъ въ перегонки бѣгать.

Она говорила все это весело, радостно, открыто, какъ человѣкъ, измученный тяжелымъ трудомъ подготовки къ экзаменамъ и жаждущій отдыха, а Барановъ смотрѣлъ на нее и думалъ: „Боже, неужели же я ошибся? Неужели она ничья и будетъ со мною такъ же, какъ прежде?“

И сердце его сильно забилось отъ надежды.

VI.

Лѣто выпало рѣдкое по погодѣ. Дождливыхъ дней было немного, зато много было солнечныхъ. Барановъ, Варя, даже Митя, не смотря на то, что перешелъ на важное положеніе студента, буквально превратились въ дѣтей. Варя отложила въ сторону всѣ книги. Митя, съ тѣхъ поръ, какъ сталъ студентомъ, сдѣлался мягче и, главное, призналъ, наконецъ, въ Барановѣ кое-какія достоинства, за которыя его можно любить.

Они цѣлые дни были на воздухѣ, забавлялись какъ дѣти; была нанята лодка и они ѣздили по озеру, ловили рыбу. Въ началѣ

лѣта копали огородъ, потомъ сѣяли овощи и цвѣты и каждый день занимались поливкой.

Лѣсъ былъ изслѣдованъ вдоль и поперекъ и во всѣхъ направленіяхъ.

Одно только было жаль, что петербургское лѣто слишкомъ коротко. Цвѣты на грядахъ выросли и собирались уже зацвѣсти, но въ это время ночи стали холоднѣе, дни короче, небо пасмурнѣе и солнце сдѣлалось на небѣ рѣдкимъ гостемъ. А съ наступленіемъ августа стали думать о приспособленіи новой квартиры.

Августъ дѣйствительно наступилъ и Барановъ только теперь, въ первый разъ, серьезно подумалъ о томъ, что его сердечное дѣло ни на шагъ не подвинулось впередъ. Все лѣто онъ провелъ съ Варей, но ни разу ему не приходило въ голову затронуть этотъ вопросъ. Да и какъ это сдѣлать? Она была его сестрой, обращалась съ нимъ, какъ сестра. Сердце его было наполнено этимъ и онъ чувствовалъ себя счастливымъ ребенкомъ, у котораго нѣтъ заботы о завтрашнемъ днѣ въ дружномъ обществѣ такихъ же дѣтей, какъ и онъ.

Но съ наступленіемъ августа представлялась ему опять зима, опять одиночество въ меблированныхъ комнатахъ съ бѣганіемъ по гимназическимъ корридорамъ изъ класса въ классъ,—все то, что было въ прошлую зиму, и сердце его холодѣло.

А между тѣмъ странно: отношенія установились такія, что какъ будто не было и возможности говорить съ Варей о какомъ-нибудь чувствѣ, а тѣмъ болѣе о женитьбѣ. Какъ-то не находилось у него словъ такихъ. Онъ не съумѣлъ бы начать разговора, не нашелъ бы повода, а если бы и началъ, то запнулся бы на срединѣ.

Варя, между тѣмъ, теперь каждый день ѣздила въ Петербургъ; вмѣстѣ съ Θедоромъ Θедоровичемъ выѣзжала она съ утреннимъ поѣздомъ и возвращалась съ нимъ же къ обѣду. Въ городѣ она устраивала свою новую квартиру при школѣ и подготовлялась къ новой роли. Одинъ разъ и Барановъ ѣздилъ съ ними, но какъ-то такъ вышло, что и онъ весь былъ поглощенъ ея квартирой и школой.

Да и было что-то смягчающее въ обстановкѣ будущей зимы. Его квартира была недалеко отъ Песковъ, а гимназія еще ближе. Оттуда было меньше десяти минутъ ходьбы къ Вариной школѣ. Теперь ничто не помѣшаетъ имъ часто видѣться и жить общей жизнью. Прежнее одиночество не такъ ужъ грозило ему.

И вотъ начали понемногу переселяться въ городъ. Θедоръ Θедоровичъ занимался обмундированіемъ Мити. Экономія на квартирѣ позволяла ему сдѣлать это безъ особенныхъ затрудненій. Перевозились понемногу, потому что было еще нѣсколько хоро-

шихъ дней и ими хотѣли воспользоваться. Даже Барановъ, котораго уже каждый день звали присутствовать на переэкзаменовкахъ, ѣздилъ въ гимназію съ дачи и къ ночи возвращался. Но около пятнадцатаго августа надо было всѣмъ переѣхать. У Аргуниныхъ было маленькое, скромное новоселье. Варя прямо заявила:

— Вина не надо покупать, господа. Отъ вина бываютъ неожиданности. А мы живемъ въ школѣ и все должно быть чинно.

И вина не было, и вечеръ прошелъ въ мирной бесѣдѣ. Варя готовилась къ новымъ занятіямъ, какъ къ какому-то священнодѣйствію.

— Какая отвѣтственность! Какая отвѣтственность,—говорила она и при этомъ щеки ея блѣднѣли и по глазамъ видно было, что она придаетъ этому огромное значеніе.

Барановъ смотрѣлъ на нее и думалъ; „Это хорошо, что ее такъ это занимаетъ. Это хорошо, что дѣло такъ захватываетъ ее. Отъ этого она, должно быть, чувствуетъ полноту жизни и оттого въ ея глазахъ столько увлеченія и огня. А я этого не умѣю и не могу. Хорошо бы и мнѣ научиться этому“.

— Вотъ, Варя, я и завидую вамъ,—сказалъ онъ ей.

— Мнѣ? Почему?—спросила Варя.

— Потому что у васъ есть какіе-то важные интересы жизни, а у меня ихъ нѣтъ.

— Какъ нѣтъ? У васъ нѣтъ? Вамъ отдано столько дѣтскихъ душъ, вы можете съ ними сдѣлать, что хотите: можете просвѣтить ихъ, но можете и притупить.

— Я не хочу притуплять ихъ, Варя, зачѣмъ мнѣ это? Они мнѣ ничего злого не сдѣлали, а просвѣтить ихъ я не умѣю.

— Да для этого надо любить ихъ. Чтобы захотѣть сдѣлать для нихъ что-нибудь, надо любить ихъ.

— Почему вы ихъ любите Варя? Вы ихъ не знаете.

— Василій Григорьевичъ, какъ мнѣ это объяснить вамъ. Можетъ быть, я и не ихъ люблю, а свою мечту, свою цѣль жизни, свою задачу. Прожить жизнь, никому не сдѣлавъ добра—вѣдь это значитъ пролежать ее въ могилѣ. Мнѣ хочется добра и мнѣ нужно добро. А они-то какъ разъ и потребуютъ отъ меня добра. А когда я ихъ узнаю, я полюблю ихъ.

— Почему непремѣнно полюбите?

— Ихъ нельзя не любить. Они чище насъ. Въ дѣтскихъ душахъ теплится еще святой огонь правды. Такъ развѣ не великая задача сдѣлать такъ, чтобы этотъ огонь не погасъ, никогда не погасъ, чтобы никакія бури житейскія не могли загасить его.

И при этихъ словахъ глаза ея горѣли вдохновеніемъ и Барановъ чувствовалъ, что это хорошо такъ думать и говорить.

— Я вамъ завидую, Варя, завидую... я тоже хотѣлъ бы такъ... Научите меня такъ...

— Я хотѣла бы научить васъ, Василій Григорьевичъ. Это одно, чего вамъ не достаетъ. У васъ хорошее сердце, но оно пассивное. Ваша доброта безполезна. Она остается съ вами, въ васъ, и только обременяетъ и мучаетъ васъ. Я хотѣла, чтобы вы чувствовали такъ, какъ я.

— Гдѣ вы этому научились, Варя?

Она усмѣхнулась.

— Этому нигдѣ не научаются. Моя жизнь сложилась не такъ жестко, какъ ваша. Я жила въ семьѣ съ своими родными, мое сердце упражнялось въ любви съ самаго далекаго дѣтства. Оно научилось отдавать свою любовь другимъ, биться для другихъ — это сдѣлалось его потребностью. А ваша жизнь сложилась иначе. Съ самыхъ малыхъ лѣтъ васъ давили, пригибали, вашему дѣтскому сердцу приходилось постоянно болѣть за себя, негодовать; ему вѣчно надо было вставать на свою защиту и оно научилось биться только для себя...

— Да, да, это правда! — задумчиво сказалъ Барановъ.

Эти слова произвели на него глубокое впечатлѣніе. Онъ видѣлъ явственно, какая глубокая разница существуетъ между жизнью его и Вари.

Начались занятія у него въ гимназіи и Вари въ школѣ. Онъ бывалъ почти каждый день у Аргуниныхъ и видѣлъ, что работа Вари гораздо труднѣе, чѣмъ его работа, что у нея было больше возни и отвѣтственности и, тѣмъ не менѣе, на лицѣ ея вмѣстѣ съ усталостью выражалось довольство, въ глазахъ сіяла радость. И въ то время, какъ онъ съ отвращеніемъ вспоминалъ о прожитомъ днѣ и со злобой думалъ о завтрашнемъ, она ждала завтрашнихъ уроковъ съ надеждой, съ нетерпѣніемъ. То, что его озлобляло, ей наполняло жизнь радостью. Этого онъ не могъ не видѣть.

А его жизнь была ужасна. Еще въ прошломъ году его спасало чувство новизны. Боязнь неудачи, недовѣріе къ собственнымъ силамъ и познаніямъ волновали его. Теперь все это уже было установлено. Онъ такъ хорошо вызубрилъ гимназическій курсъ, что больше ему не было надобности подготовляться.

Онъ приходилъ въ гимназію и машинально начиналъ говорить содержаніе будущаго урока. Онъ спрашивалъ учениковъ и ихъ отвѣты, которые лучше или хуже повторяли его слова, раздражали его. На другой день повторялось то же самое и онъ чувствовалъ себя въ положеніи той лошади, которая топчется на движущемся кругѣ мельницы. Кругъ движется, а лошадь все остается на мѣстѣ. Да и кругъ движется всего только вокругъ своей оси, а тамъ, гдѣ-то отъ этого движенія и происходитъ какая-то ра-

бота, цѣлая машина работаетъ всѣми своими винтами и колесами, но полезна ли эта работа или вредна—лошадь не знаетъ и не вникаетъ въ это и не можетъ вникать. Можетъ быть, машина выдѣлываетъ такіе предметы, которые должны облагодѣтельствовать человѣчество, а можетъ быть, подъ его зубчатыми колесами гибнутъ жизни и дѣлается тѣсто изъ человѣческихъ тѣлъ.

Но главное, что доставляло ему поводъ къ раздраженію—это видъ учениковъ, которые всѣ казались ему врагами. Они, дѣйствительно, не любили его, потому что любить его было не за что. Онъ ничего не давалъ имъ. Его уроки были скучны и тяжелы имъ. И о немъ составилось мнѣніе, какъ о человѣкѣ тупомъ, мертвомъ формалистѣ и ничего уже не ждали отъ него.

Особенно замѣтно это было въ старшихъ классахъ, гдѣ взрослые ученики могли уже относиться критически къ его преподаванію. Нерѣдко въ отвѣтѣ такого ученика ему слышалась явная насмѣшка, а во взглядѣ—иронія, въ тонѣ не доставало уваженія. И онъ невольно, безсознательно реагировалъ на это и, съ своей стороны, все больше и больше проявлялъ раздраженія противъ своихъ учениковъ. Въ классномъ журналѣ чаще стали попадаться двойки и даже единицы. Его стали бояться какъ злого, дурного учителя, и дурная репутація его округлялась.

Отъ всего этого онъ чувствовалъ недовольство и не зналъ, какъ съ нимъ быть, какъ отъ него уйти.

Однажды зашелъ къ нему Митя. Онъ былъ въ студенческомъ мундирѣ. Волосы на головѣ его отросли, появились усики и бородка. Съ Митей Барановъ видѣлся рѣдко, такъ какъ онъ почти не бывалъ дома. У него завелись большія связи съ товарищами.

— А, Митя! Я очень радъ васъ видѣть,—воскликнулъ Барановъ.

Митя принужденно улыбнулся и пожалъ протянутую ему руку.

— Садитесь.

Митя сѣлъ и было видно смущеніе на его лицѣ.

— Я къ вамъ, Василій Григорьевичъ, по дѣлу,—сказалъ Митя, не глядя на него.

— Такъ, пожалуйста. Я всегда радъ оказать вамъ услугу.

— Нѣтъ, тутъ не то... Тутъ не услуга. Я попрошу у васъ позволенія, Василій Григорьевичъ, быть откровеннымъ.

— Вы имѣете это право и безъ позволенія.

— Ну, да, конечно... Но все-таки право это ограничено. Я хочу говорить о васъ.

— Обо мнѣ?

— Да, о васъ, Василій Григорьевичъ. Вѣдь я васъ знаю. Вы человѣкъ не только не злой, а напротивъ, очень добрый че-

ловѣкъ, а между тѣмъ, среди вашихъ учениковъ всѣ считаютъ васъ—простите меня—злѣе собаки...

— Считаютъ?

— Считаютъ, Василій Григорьевичъ, считаютъ. Я знаю это навѣрное. У меня сохранились связи съ гимназистами. Я васъ защищалъ, я распинался. Но это уже стало общимъ мнѣніемъ, мнѣ стало обидно, потому что я считаю васъ своимъ братомъ.

— Благодарю васъ, благодарю васъ,—промолвилъ Барановъ, поднялся и заходилъ по комнатѣ и въ голосѣ его слышалось волненіе.—Благодарю васъ, Митя. И то, что вы говорите, меня... просто убиваетъ.

— Что дѣлать? Я не могу сказать другого, потому что другое было бы неправда, и рѣшился сказать оттого, что это не вытекаетъ изъ вашего сердца, ни изъ вашего характера. Вѣдь вы, добрый человѣкъ... Съ нами, съ нашей семьей вы такой славный, хорошій. Я въ этомъ убѣдился, я даже виноватъ передъ вами,—я прежде думалъ о васъ хуже. Но съ какой стати о васъ такъ думаютъ?

— Ахъ, Митя, Митя!—промолвилъ Барановъ, остановившись передъ нимъ:—еслибъ вы знали, какъ мнѣ пріятно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, горько слышать это. Пріятно потому, что васъ это тронуло, что вы близко къ сердцу приняли то, что говорятъ обо мнѣ дурно, а горько, горько... Этого даже я не могу вамъ объяснить. Вѣдь вотъ что скверно—то, что говорятъ, правда, правда, правда. Потому что не люблю я ихъ, учениковъ моихъ, и не знаю, за что любить ихъ, и раздражаютъ они меня. Когда я говорю свой урокъ, на лицахъ ихъ выражается скука, нетерпѣніе, когда они отвѣчаютъ мнѣ, я слышу въ ихъ голосѣ насмѣшку. Вотъ сейчасъ, когда я говорю съ вами, я ничего противъ нихъ не имѣю, я даже жалѣю объ этомъ, но въ классѣ я перерождаюсь, меня все это бѣситъ и я дѣлаюсь злымъ, какъ собака,—да, злѣе собаки, какъ вы сказали, и мнѣ начинаетъ доставлять удовольствіе поставить единицу, оборвать, срѣзать. Я не по своей дорогѣ пошелъ, Митя... Я не люблю этого дѣла, не люблю ни дѣтей, ни учительства, ни самой этой исторіи, которую преподаю.

— Такъ надо перемѣнить дѣло, Василій Григорьевичъ.

— Перемѣнить? Но какъ же? На что? Я ничего больше не умѣю. Я къ этому готовился. Вѣдь сколько стараній, сколько мукъ, сколько терпѣнія, боли. Не бросить же, не бросить, не начинать же сначала. Что жъ, поступить снова въ университетъ и пройти новый курсъ. Да развѣ я могу вторично вынести это? Я съ ума сойду на первомъ же году. Да, у меня была любовь къ ботаникѣ. Я люблю природу, я съ удовольствіемъ изучалъ бы ее, добивался бы самой глубины и другимъ передавалъ бы, но это поздно, поздно.

Митя слушалъ эту исповѣдь и не зналъ, что сказать. Онъ никакъ не думалъ, что это окажется такимъ сложнымъ дѣломъ. Онъ объяснялъ поведеніе Баранова легкомысліемъ, тщеславіемъ молодого учителя, которому нравится изображать изъ себя строгаго передъ учениками, а тутъ оказывается цѣлая душевная драма—и Митя молчалъ, не чувствовалъ себя готовымъ къ тому, чтобы развязать эту драму.

Въ передней послышался звонокъ, кто-то спросилъ, дома ли Барановъ, и вошелъ Акульскій. Подъ мышкой у него была куча тетрадокъ.

Барановъ холодно поздоровался съ нимъ и познакомилъ ихъ.

— Мой товарищъ, Акульскій,—произнесъ онъ,—а это мой другъ, Аргунинъ.

— А, студентъ. Очень пріятно!—съ чувствомъ учительскаго достоинства произнесъ Акульскій.—Тянете лямку? Довольно это противно. Да ничего, дотянете, въ люди выйдете — вотъ какъ мы вышли.

— Я не тороплюсь,—сказалъ Митя,—и въ люди мнѣ выходить незачѣмъ—я и такъ чувствую себя человѣкомъ.

— Ну, конечно... Да вѣдь скучно это ходить на лекціи и зубрить.

— Зачѣмъ же зубрить? Можно и иначе относиться къ дѣлу. И на лекціяхъ не скучно, я съ удовольствіемъ хожу на лекціи.

И съ первой же минуты между ними установилась невидимая вражда. Акульскій подумалъ: „Фанфаронитъ. Надѣлъ студенческій мундиръ и чувствуетъ себя какъ будто въ генеральскомъ". Митя, съ своей стороны, подумалъ: „Самодовольная тупица, обрадовавшаяся, что дорвался до тетрадокъ, въ которыхъ можетъ чертить синимъ карандашомъ и ставить двойки".

А Барановъ чувствовалъ это и, сурово нахмуривъ брови, смотрѣлъ на гостя, негодуя на него за то, что онъ пришелъ именно во время ихъ сердечнаго разговора. И страшно ему хотѣлось, чтобы Акульскій и Митя сцѣпились на чемъ-нибудь и чтобы Митя, который казался ему умнымъ, развитымъ и смѣлымъ, втопталъ въ грязь этого пошляка и показалъ ему все его ничтожество. Самъ онъ никогда этого не могъ сдѣлать. У него не доставало характера, смѣлости, увѣренности въ себѣ и, можетъ быть, ума. Но не любилъ онъ Акульскаго отъ всей души и готовъ былъ радоваться всякому его посрамленію.

Акульскій положилъ передъ собою тетрадки, тщательно перебралъ ихъ и вынулъ изъ средины одну, на которой было написано: „Греческія упражненія. Тетрадь ученика четвертаго класса Сергѣя Воронина".

— Вы не думайте, что я буду просматривать всю эту дре-

беденъ! — какъ бы извиняясь передъ хозяиномъ и гостемъ, сказалъ Акульскій,—я только одну вотъ эту взгляну... Этотъ Воронинъ вотъ гдѣ у меня сидитъ.

— А что онъ вамъ сдѣлалъ?—спросилъ Барановъ.

— Не выношу я его физіономіи. Онъ вѣчно, о чемъ бы его ни спросилъ, ухмыляется. Ироническая усмѣшка на губахъ... Просклонять „áнтропосъ" порядочно не умѣетъ, а тоже иронію пускаетъ...

— Только всего!—замѣтилъ Митя.

— Да, только всего; съ меня и этого довольно! — отвѣтилъ Акульскій и началъ внимательно просматривать тетрадь Воронина.

— Ага, ага... ту áнропу!.. великолѣпно! иронію умѣетъ подпускать, а áнтропосъ просклонять не умѣетъ...

— Въ чемъ же дѣло?—спросилъ Барановъ.

— Какъ въ чемъ? Вы тоже, кажется, позабыли все, что знали по гречески. Родительный-то падежъ—антрóпу, полагаю, а не áнтропу.

Акульскій вынулъ изъ кармана красный карандашъ и тремя жирными чертами обозначилъ ошибку. Затѣмъ онъ просматривалъ дальше и все пожималъ плечами и черкалъ. На лицѣ его выражалось злорадство. Видно было, что это доставляло ему удовольствіе.

Наконецъ, онъ пересчиталъ ошибки и поставилъ внизу два съ плюсомъ.

Барановъ ходилъ по комнатѣ и искоса посматривалъ то на Акульскаго, то на Митю. У него было такое ощущеніе, какое бываетъ, когда среди званыхъ и мало знакомыхъ гостей какой-нибудь родственникъ съ дурными манерами вдругъ выкинетъ неожиданную, неприличную штуку.

— Теперь стаканъ чаю бы хорошо выпить!—сказалъ Акульскій, окончивъ свою работу и опять сложивъ тетради одну на другую,—у васъ это долго?

— Да, довольно долго! — грубовато отвѣтилъ Барановъ, видимо желавшій, чтобы гость поскорѣе ушелъ.

— А я все-таки попросилъ бы... страсть какъ чаю хочется!

Барановъ подошелъ къ двери, неохотно кликнулъ горничную и велѣлъ ей сдѣлать чай. Дмитрій сидѣлъ хмуро и щипалъ свою маленькую бородку и по лицу его видно было, что ему очень хотѣлось что-то такое замѣтить Акульскому, но онъ еще не рѣшался. Наконецъ, онъ рѣшился и сказалъ:

— Какъ это вы можете отрѣзать человѣку руку и спокойно запить это дѣяніе чаемъ?

— Руку?—спросилъ Акульскій, съ нѣкоторымъ изумленіемъ взглянувъ на него.—Почему же руку? А можетъ быть, это нога?.. Ха-ха-ха!.. Эхъ, молодой человѣкъ, какъ вы еще наивны...

— А вы развѣ ужъ стары?

— Ну, все же постарше васъ...

— Тѣмъ хуже для васъ!—рѣзко произнесъ Митя.

— Почему же хуже? Признаюсь, я этого не понимаю.

— Потому что болѣе зрѣлый человѣкъ больше и отвѣтственность несетъ за свои поступки.

— Какой же это поступокъ?

— Вы подстерегаете ошибки своихъ учениковъ и радуетесь, когда встрѣчаете ихъ. Вамъ, видимо, это доставляетъ наслажденіе.

— Допустимъ. Ну, и если доставляетъ наслажденіе, почему же бы мнѣ не насладиться?—говорилъ Акульскій, очевидно, третируя Митю, какъ юнца.

— А потому, что такимъ образомъ ваше существованіе, ваше занятіе направляются совсѣмъ не на ту цѣль, для которой вы призваны.

— Развѣ я призванъ? Куда же это я призванъ?—прежнимъ тономъ спросилъ Акульскій.

— Вы призваны учить, просвѣщать, образовывать дѣтскую душу. Ваше наслажденіе должно состоять въ томъ, чтобы видѣть, какъ эта дѣтская душа совершенствуется, становится лучше. Это, дѣйствительно, была бы цѣль, достойная учителя. А ваше наслажденіе состоитъ въ томъ, чтобъ поддѣть, подстеречь, прихлопнуть, сдѣлать зло... И за такую дѣятельность вамъ еще платятъ казенное жалованье...

— Однако, какъ вы далеко забираетесь, молодой человѣкъ! Вамъ есть даже дѣло до моего жалованья,—замѣтилъ, уже слегка обижаясь, Акульскій.

— Вы избѣгаете говорить по существу...

— Я ничего не избѣгаю, я спокойно сижу на мѣстѣ!—съострилъ Акульскій. — Я вовсе даже не вступалъ съ вами въ бесѣду.

— Отчего же? мы оба здѣсь гости, хозяинъ познакомилъ насъ. Вы не имѣете никакихъ основаній отказываться бесѣдовать со мной.

— Но если я не расположенъ.

— Да, я вижу, что вы расположены только подчеркивать ошибки и ставить двойки. Эхъ, подумаешь, какой страшный вредъ для человѣчества произойдетъ отъ того, что ученикъ гимназіи, вмѣсто антрóпу, написалъ ȁнтропу... А между тѣмъ, этотъ ученикъ, получивъ вашу двойку, пойдетъ домой съ камнемъ въ сердцѣ, огорчитъ своихъ отца и мать, да еще, судя по вашему отношенію къ дѣлу, вы вѣдь будете его преслѣдовать весь годъ, поставите ему годичную двойку и онъ, пожалуй, изъ-за этого останется въ томъ же классѣ. И все это единственно для того,

чтобы вы могли испытать лишнее удовольствіе злорадства. Удовольствіе...—извините меня—удовольствіе палача.

Акульскій всталъ и началъ забирать свои тетрадки. Онъ ожидалъ, что Барановъ остановитъ расходившагося молодого человѣка, но Василій Григорьевичъ продолжалъ ходить, въ душѣ ликуя, по поводу того, что Митя такъ отдѣлывалъ Акульскаго.

— До свиданья!—сказалъ Акульскій, и рѣзкимъ движеніемъ протянулъ руку Баранову.

Тотъ не задерживалъ его. Акульскій даже не кивнулъ головой Митѣ и быстро вышелъ изъ комнаты, только презрительно взглянувъ на него.

Барановъ и Митя молчали, пока Акульскій одѣвался въ передней. Наконецъ, дверь за нимъ захлопнулась.

— Я сдѣлалъ неловкость, Василій Григорьевичъ! — сказалъ Митя,—извините.

Барановъ бросился къ нему.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, никакой неловкости. Напротивъ, я такъ доволенъ, что вы его отдѣлали Митя! Онъ такой противный, такой не симпатичный, онъ мнѣ всегда досаждаетъ своею тупостью. Я самъ всегда хочу отвѣтить ему дерзостью, но у меня не хватаетъ пороху.

— Какъ они скоро забываютъ то, когда они сами, будучи гимназистами, страдали отъ такой же тупости и придирчивости учителей! Они точно мстятъ ученикамъ за свои обиды. Но какой надо обладать мелкой душонкой, чтобы мстить такимъ образомъ!

— Да, да,—подтвердилъ Барановъ,—и онъ не одинъ. Много у насъ есть такихъ и я самъ... Я не дошелъ до этого, чтобы мстить... Но иногда такая злость разбираетъ, что, кажется, всему классу, всей гимназіи поставилъ бы единицу.

— Но за что? За что?

— За что? Ни за что. За то, что я дѣлаю не свое дѣло; за то, что я не люблю его, оно мнѣ скучно, оно меня раздражаетъ; за то, что никому нѣтъ никакого дѣла до меня, до моей души, до моей жизни; за то, что я одинокъ и мнѣ такъ холодно, такъ холодно жить на свѣтѣ... Ахъ, Митя, Митя, еслибъ вы знали...

Барановъ сѣлъ за столъ и понурилъ голову. Митя, пришедшій къ нему съ намѣреніемъ говорить съ нимъ рѣзко, отчитать его, какъ только можетъ сдѣлать это молодой и горячій студентъ, прямо смотрящій на вещи, не умѣющій еще выбирать слова, смягчать, золотить пилюлю, теперь чувствовалъ жалость къ нему и ему хотѣлось высказать ему сочувствіе, пріободрить его, показать ему, что онъ не одинъ. И вѣдь это такъ легко сдѣлать, это ничего не стоитъ.

— Нѣтъ, Василій Григорьевичъ, — сказалъ онъ, — это не-

правда. Вы не одиноки. Одинокъ только тотъ, кто идетъ въ разрѣзъ съ человѣческими чувствами. Одинокъ вотъ этотъ господинъ, потому что всѣ его будутъ ненавидѣть, никто никогда не отнесется къ нему искренно, но вы... Вы не такой и потому вы всегда встрѣтите людей, которые протянутъ вамъ руку. Вѣдь я протягиваю же вамъ руку...

— Ахъ, да, да, вы, вы, конечно... Вы очень добры ко мнѣ, Митя, какъ и всѣ ваши... Ну, вотъ спасибо, вамъ, спасибо.

Барановъ поднялъ голову и увидѣлъ протянутую руку Мити. Онъ всталъ взялъ его руку и крѣпко пожалъ ее.

Митя тоже поднялся; онъ вспомнилъ, что ему пора уходить.

— Вы куда? Къ своимъ?—спросилъ его Барановъ.

— Нѣтъ, я еще долженъ пойти въ одно мѣсто.

— Ну, все равно... Когда придете домой, кланяйтесь вашимъ. Кланяйтесь всѣмъ,—и Варварѣ Ѳедоровнѣ кланяйтесь,—промолвилъ Барановъ, взглянувъ на него какими-то горящими глазами.

— А вы почаще заходите къ намъ! — сказалъ Митя, прощаясь съ нимъ; — наша семья дружная, въ ней легко дышится. До свиданья, заходите же!

VII.

Митя дѣйствительно пошелъ не прямо домой. Ему нужно было зайти къ товарищу по поводу какого-то новаго урока.

Но дѣловые переговоры не повліяли на его настроеніе. Онъ пришелъ домой взволнованный. Старики были въ квартирѣ, а Варя сидѣла въ школьной комнатѣ одна. Она всегда это дѣлала, когда ей хотѣлось почитать или чѣмъ-нибудь позаняться. Квартира вся была приспособлена для жилья. Въ ней ни въ чемъ не было недостатка, — было гдѣ спать, ѣсть, даже принять гостей. Но для занятій удобнаго мѣста не было. Она зажигала висячую лампу, ставила столъ посрединѣ, подъ нею и читала.

Митя вошелъ къ ней. Варя сразу замѣтила, что онъ чѣмъ-то взволнованъ.

— Ты занята?—спросилъ ее Митя.

— Нѣтъ, такъ—читаю...

— Я былъ у Баранова...

— У Василія Григорьевича?

— Да...

— Зачѣмъ?

— Такъ... Я вѣдь никогда еще у него не былъ; сегодня первый разъ; надо же было когда-нибудь зайти.

— Конечно, надо было.

— Впрочемъ, были и особыя причины... Я хотѣлъ поговорить съ нимъ...

— О чемъ это?—съ нѣкоторымъ удивленіемъ спросила Варя.

— Да тамъ, знаешь, разные толки... До меня дошло, что ученики къ нему относятся очень ужъ нехорошо. У него составилась дурная репутація, какъ о плохомъ учителѣ, какъ о тупицѣ. Его не уважаютъ.

— Да? Это ужасно жаль!—сказала Варя.—Онъ совсѣмъ не заслужилъ такой репутаціи.

— Да, я убѣдился въ этомъ. Но это все происходитъ отъ нашей поверхностности. Какъ мы иногда поверхностно судимъ о людяхъ! Вотъ и я тоже...

— А что?

— Да вотъ и мое отношеніе къ Василію Григорьевичу. Я не присматривался къ нему близко и тоже считалъ его тупымъ и безсердечнымъ... А онъ совсѣмъ не такой, совсѣмъ, совсѣмъ. Онъ скорѣе всего несчастливъ. И его можно оживить, поднять...

— Какъ же это сдѣлать?—задумчиво спросила Варя.

— А не знаю, какъ. Не могу предписывать тебѣ...

— Почему же мнѣ?

— Потому что онъ тебя любитъ, это ясно, какъ Божій день.

Варя покраснѣла.

— Можетъ быть, это и правда.

— Вотъ,—продолжалъ Митя,—меня всегда удивляетъ это,— что дѣвушки ищутъ героевъ... Имъ нуженъ герой для любви... Чтобы человѣкъ шагалъ большими шагами, чтобы кричалъ громкимъ голосомъ и говорилъ необыкновенныя слова, чтобы всѣ на него смотрѣли и говорили: вотъ каковъ онъ герой! Не понимаю я этого... А мы, мужчины, совсѣмъ не такъ. Я, напримѣръ, если полюблю, то именно существо незамѣтное, обиженное, одинокое. Чтобъ я могъ его приласкать, пригрѣть, доставить ему то, чего ему не достаетъ. А ему, Василію Григорьевичу, именно не достаетъ ласки. Вѣдь вотъ намъ съ тобой хорошо. У насъ всегда была семья, насъ любили и любятъ, а у него ничего этого не было. Ну и, значитъ, требовать отъ человѣка, который никогда не зналъ любви, котораго никто не приласкалъ, требовать отъ него мягкости, человѣчности, было бы несправедливо... Я, разумѣется, ничего тебѣ не совѣтую, Варя, я говорю только о своемъ впечатлѣніи. Я пошелъ прямо-таки ругаться съ нимъ, а онъ, какъ заговорилъ и такой искренностью, такимъ глубокимъ страданіемъ повѣяло отъ него, что мнѣ стало стыдно за свое намѣреніе. Ну, до свиданья, Варя. Пойду къ себѣ. Хочу сегодня пораньше лечь спать; завтра, кажется, новый урокъ получу. Если выгоритъ, такъ непремѣнно ложу въ оперу достану.

Онъ поднялся и ушелъ, но въ своей комнатѣ долго еще не могъ успокоиться. Его тревожило странное чувство, какъ бы рас-

каянія за то, что онъ до сихъ поръ не далъ себѣ труда поближе присмотрѣться къ Баранову и несправедливо холодно относился къ нему. Но было утѣшеніе, по крайней мѣрѣ, въ томъ, что онъ теперь случайно узналъ его получше.

А Варя, когда онъ ушелъ, отложила книжку и долго сидѣла неподвижно, подперевъ голову руками. Всякій разъ, когда она слышала о Барановѣ, о его одиночествѣ, о томъ, какъ душа его черствѣетъ отъ отсутствія семьи, нѣжной ласки, у нея являлось ощущеніе виноватости. Точно именно она была призвана и обязана заполнить этотъ пробѣлъ въ его жизни.

Но это ощущеніе овладѣвало ею не надолго. Почему именно она? Развѣ она, съ своей стороны, что-нибудь дѣлала для того, чтобы остановить на себѣ его вниманіе? Нѣтъ, ничего. Она всегда была добра съ нимъ, потому что привыкла считать его своимъ. Но это же нельзя ставить ей въ вину. Она была такою, какою ей хотѣлось быть. Она была естественной. А что она ему нравится и его влечетъ къ ней, это вѣдь случайность. Если бы на ея мѣстѣ была другая дѣвушка, то и она, навѣрно, также легко овладѣла бы его сердцемъ.

Онъ слишкомъ замкнулся въ ихъ маленькомъ мірkѣ. Онъ нелюдимъ, онъ никого больше не знаетъ, кромѣ ихъ семьи. Ему надо видѣть побольше людей, встрѣчаться съ другими женщинами. Навѣрно другія точно также обратятъ на себя его вниманіе.

И у нея явилась мысль устроить что-нибудь вродѣ вечеринки, пригласить своихъ товарокъ и во что бы то ни стало познакомить Баранова съ ними. Между ними есть и красивыя, и умныя, и милыя. И это было вовсе не то чувство, когда хочешь отдѣлаться отъ человѣка. Ей не хотѣлось отдѣлываться отъ Баранова. Онъ не досаждалъ ей, онъ не навязывался ей съ своимъ чувствомъ, развѣ только въ немногіе моменты, когда онъ бывалъ подъ вліяніемъ вина или какого-нибудь сильнаго впечатлѣнія, и его чувство не отталкивало ее. Она сама питала къ нему самыя лучшія чувства, но ей казалось, что онъ не можетъ удовольствоваться этимъ ея чувствомъ. Она жалѣла его, хотѣла доставить ему возможность найти человѣка, который больше, чѣмъ она, соотвѣтствовалъ бы его душевнымъ требованіямъ.

Вѣдь вотъ онъ бывалъ у нихъ довольно часто, они всей всей семьей просиживали вечера, болтали, иногда весело смѣялись, горячились, спорили, и, казалось, что онъ чувствовалъ себя хорошо. А между тѣмъ, все же его не покидало недовольство. Все же онъ жаловался на отсутствіе чего-то очень важнаго въ его жизни.

Посѣщеніе Мити оставило глубокій слѣдъ въ душѣ Василія Григорьевича. Въ семьѣ Аргуниныхъ всѣ относились къ нему

хорошо, ото всѣхъ онъ видѣлъ проявленіе дружества. Даже Марья Петровна, которая одно время заподозрѣла его въ гордости, послѣ того, какъ онъ на свои деньги нанялъ дачу и прожилъ съ ними послѣднее лѣто, окончательно возвратила ему свое довѣріе и примирилась съ нимъ. А ужъ о Ѳедорѣ Ѳедоровичѣ и говорить нечего. Онъ любовно смотрѣлъ въ глаза Василію Григорьевичу и совершенно забывалъ, что онъ не его сынъ, а только сынъ его друга. Всякому его успѣху онъ радовался такъ, какъ будто это былъ успѣхъ кого-нибудь изъ его семьи. Точно также Варя относилась къ нему искренно и предупредительно.

Одинъ только Митя, какъ ему казалось, былъ съ нимъ сухъ. Всегда у него былъ такой видъ, какъ будто онъ что-то затаилъ противъ него. И онъ, дѣйствительно, чувствовалъ, что между ними лежитъ большое разстояніе. Онъ понималъ и признавалъ, что Митя во многихъ отношеніяхъ выше его. Многому онъ даже завидовалъ въ немъ. Напримѣръ, хотя бы эта горячность, съ которой онъ говорилъ о близкихъ его душѣ вопросахъ. У него загорались глаза и голосъ становился убѣжденнымъ.

Съ нимъ, съ Василіемъ Григорьевичемъ, этого никогда не бывало; не было на свѣтѣ ни одного вопроса, который способенъ былъ бы зажечь его глаза. Ко всему на свѣтѣ онъ относился вяло и почти равнодушно. Даже его личное горе, его одиночество только подавляло его и наводило на него уныніе.

А Митя былъ живой, умѣлъ говорить основательно и убѣдительно, умѣлъ убѣждать и другихъ, и отстаивать свои взгляды, и ему было всегда тяжело въ его присутствіи. Этотъ человѣкъ, такъ чувствовалъ онъ, не довѣряетъ ему, не уважаетъ его, смотритъ на него скептически.

И вотъ пришелъ Митя и далъ ему случай высказаться и видимо принялъ его сторону. Онъ выразилъ ему сочувствіе и попросилъ бывать у нихъ чаще. Веселѣе стало у него на душѣ въ тотъ вечеръ. И когда онъ передъ сномъ прочитывалъ кое-что изъ исторіи, подновляя свои свѣдѣнія для завтрашнихъ уроковъ, то и исторія уже не казалась ему такой скучной. Въ ней какъ будто онъ находилъ какой-то интересъ.

„Да,—думалъ онъ про себя, сидя при свѣтѣ лампы надъ толстой книгой,—все внутри насъ, все отъ насъ самихъ. И книга интересна только тогда, когда въ насъ самихъ есть интересъ къ ней, и жизнь точно также. Во мнѣ самомъ сидитъ уныніе, оттого и все кажется мнѣ унылымъ. Эхъ, воспрянуть бы душой... Хорошо бы это было! Отчего это зависитъ? Отъ одного, отъ одного...“

И онъ даже самъ себѣ не назвалъ это „одно“. И на другой день, когда онъ шелъ утромъ въ гимназію, онъ не чувствовалъ такой давящей тоски, какую ощущалъ всегда. Ему обыкновенно

казалось, что идетъ онъ точно на дурное дѣло. А теперь на душѣ у него было легко.

И въ учительскую онъ пришелъ веселый и тотчасъ же оживленно заговорилъ съ бывшими здѣсь товарищами. И даже другимъ казалось страннымъ, что весело звучитъ его голосъ. Обыкновенно онъ молчалъ и говорилъ неохотно, отвѣчая только на обращенные къ нему вопросы.

Пришелъ Акульскій но не подошелъ къ нему сразу, а ужъ потомъ, подождавъ нѣсколько минутъ, и сухо поздоровался съ нимъ. Очевидно, онъ умышленно хотѣлъ показать ему невниманіе. Потомъ Василій Григорьевичъ пошелъ на урокъ и тутъ ему не казалось уже, что ученики смотрятъ на него насмѣшливо и враждебно. Все перемѣнилось въ его глазахъ, потому что измѣнилась его точка зрѣнія.

Но это было только настроеніе. Этотъ день онъ провелъ хорошо. Какъ бы желая закрѣпить примиреніе съ Митей, онъ пошелъ обѣдать къ Аргунинымъ и Өедоръ Өедоровичъ былъ пріятно удивленъ, когда увидѣлъ, что Митя дружески поздоровался съ Василіемъ Григорьевичемъ. Обыкновенно онъ ограничивался тѣмъ, что сухо и формально пожималъ ему руку.

— Ахъ, Өедоръ Өедоровичъ, еслибъ вы видѣли, какъ Митя вчера ловко отдѣлалъ одного моего товарища, Акульскаго!—воскликнулъ Барановъ.—Вотъ ужъ истинное удовольствіе доставилъ!

Өедоръ Өедоровичъ захлопалъ вѣками.

— Митя? Вчера? Гдѣ же это?

— А у меня, у меня...

— Онъ былъ у васъ?

— Какъ же, спасибо ему, зашелъ. И какъ разъ въ это время пришелъ этотъ Акульскій. Онъ, я вамъ скажу, несносный человѣкъ. Тупица. формалистъ. Обрадовался, что кончилъ курсъ и получилъ мѣсто и давитъ, какъ мухъ, своихъ учениковъ. Про него уже теперь составилась молва, что онъ всѣхъ рѣжетъ. Ну, Митя его и отдѣлалъ...

— Какъ же это онъ его? Такъ, ни съ того, ни съ сего?

— Нѣтъ, былъ поводъ. Онъ тетрадки принесъ и сталъ ошибки подчеркивать и двойки ставить. А сегодня въ гимназіи онъ за это сухо поздоровался со мной. Сперва даже не хотѣлъ замѣчать. Ха-ха-ха!

И онъ звонко, раскатисто смѣялся. У Өедора Өедоровича глаза тоже сдѣлались веселые. Недовѣрчивое отношеніе Мити къ Баранову было его больнымъ мѣстомъ.

Послѣ обѣда онъ подозвалъ къ себѣ Митю въ отдѣльной комнатѣ и сказалъ ему.

— Это ты хорошо сдѣлалъ, Митя, что побывалъ у Василія

Григорьевича; я тебѣ за это благодаренъ. Видишь, какъ ты его тронулъ этимъ. Какъ немного нужно, чтобы доставить человѣку удовольствіе!

И вечеръ прошелъ пріятно. Но на другой день прежняя тоска вернулась къ нему. Ну, хорошо, думалъ Барановъ, Митя былъ у меня, примирился со мною. Но что же изъ этого? Что существеннаго это прибавило? Чѣмъ измѣнило это мою жизнь? Все-таки въ этой жизни осталось незаполненнымъ пустое мѣсто...

И все-таки ему предстояла жизнь машинальная, съ обязательствомъ каждодневнаго хожденія въ гимназію, изо дня въ день, изъ года въ годъ, преподаванія одного и того же и притомъ такого, чего онъ терпѣть не могъ.

Ну, что изъ того, что какой-то тамъ Карлъ, умирая, раздѣлилъ государство между своими сыновьями и оттого оно пошло къ упадку? И какое ему дѣло до Карла, до сыновей, до того, къ упадку ли пошло государство или къ возвышенію? Какое ему до этого дѣло, когда его собственная жизнь пуста и холодна?

Вѣдь человѣку надо жить для чего-нибудь и для кого-нибудь. Тогда, можетъ быть, и работа пріятна. А жить и работать такъ, зря, неизвѣстно для чего и почему, это похоже на какую-то обязанность.

Почему это въ самомъ дѣлѣ онъ ходитъ въ гимназію и учитъ о томъ, что Карлъ раздѣлилъ государство между сыновьями? Сознаетъ ли онъ особенную полезность этого знанія для гимназистовъ? Да нисколько. Гимназисты завтра же забудутъ объ этомъ Карлѣ и его сыновьяхъ и будутъ твердить уже о какомъ-нибудь Фридрихѣ и его дочеряхъ. Къ экзамену они подновятъ эти свѣдѣнія, а потомъ и окончательно забудутъ.

Можетъ быть, отъ этого есть польза ему или человѣчеству? Ну, человѣчеству окончательно никакой пользы отъ этого не будетъ; а ему вотъ развѣ то, что двадцатаго числа онъ получитъ жалованье... А зачѣмъ ему жалованье? Онъ заплатитъ квартирной хозяйкѣ за комнаты и за столъ, закажетъ папиросы на цѣлый мѣсяцъ, купитъ новую пару сапогъ. Но къ чему все это? къ чему? Надо любить что-нибудь; скрипачъ любитъ свою музыку и свою скрипку, оттого звукъ, который онъ извлекаетъ изъ своей скрипки, дрожитъ, поетъ, говоритъ о его, скрипача, страданіяхъ и о его радости и трогаетъ другихъ. Кучеръ, сидящій на высокихъ козлахъ шикарной кареты, любитъ лошадей, любитъ свое кучерское занятіе, оттого лошади у него въ рукахъ бѣгутъ такъ красиво, что любо глядѣть. А онъ терпѣть не можетъ своего дѣла, оно ему ни на что не нужно, оттого оно валится у него изъ рукъ, досаждаетъ ему.

Между тѣмъ Варвара Ѳедоровна очень серьезно задумала устроить свою вечеринку. Для этого нужно было все-жъ-таки хоть немного денегъ, а все ея жалованье уходило на общіе расходы.

Она рѣшила призвать къ участію Митю. Онъ получилъ-таки новый урокъ и уже собирался осуществить свое обѣщаніе—взять ложу въ оперу. Онъ сообщилъ объ этомъ Варѣ, когда получилъ деньги съ урока.

— Слушай, Митя, я хочу тебя ограбить!—сказала Варя.

— Сдѣлай милость, если тебѣ нужно,—отозвался Митя.

— Нужно-не нужно... Потому что это я выдумала. Въ оперу пойти хорошо, а мнѣ хочется устроить маленькій вечерокъ. Мы очень ужъ замкнулись въ нашей семьѣ. Хочу пригласить кое-кого и вмѣстѣ повеселиться.

— Что жъ, отлично! У меня есть двѣнадцать рублей. Этого достаточно?

— О, вполнѣ. На эти деньги можно устроить цѣлый кутежъ.

И двѣнадцать рублей, ассигнованные на ложу, перешли къ Варѣ. Она назначила день. Она выбрала субботу, такъ какъ этотъ вечеръ былъ у всѣхъ свободенъ. Никому, ни Ѳедору Ѳедоровичу, ни Варѣ, ни ея подругамъ, у которыхъ у всѣхъ была работа, не нужно было вставать рано. Точно также и Василій Григорьевичъ въ воскресенье могъ спать сколько угодно.

Варя не дѣлала никакого выбора. Да и не изъ чего было дѣлать. Изъ курсовыхъ подругъ у нея сохранились близкія отношенія съ тремя-четырьмя. Двѣ изъ нихъ, какъ и она, работали въ школахъ, одна давала частные уроки, а одна жила просто у довольно состоятельныхъ родителей. Остальные какъ-то разбрелись или по тѣмъ или другимъ причинамъ отношенія съ ними охладились. Митѣ было поручено позвать двухъ-трехъ товарищей.

— Э, да это настоящій пиръ затѣвается, — шутилъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ, — ужъ не знаю, не пойти ли въ этотъ день намъ, старикамъ, въ баню! А то, что мы будемъ дѣлать съ вами, молодыми да учеными?

Но это, разумѣется, была шутка; не въ первый разъ собирались у Аргуниныхъ „молодые да ученые“ и Ѳедоръ Ѳедоровичъ присутствовалъ, не чувствуя себя неловко и даже не скучая.

— Да по какому же это поводу?—спрашивалъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ.

— А безъ всякаго повода,— отвѣчала Варя,—просто надо же когда-нибудь повеселиться.

— А, да, это самый лучшій поводъ. Конечно, надо! не все же надъ книжками да бумагами сидѣть. Ужъ дѣйствительно заслужили, всѣ заслужили. Всѣ работаемъ добросовѣстно.

Но у Вари была своя цѣль, которой она никому не открыла. Было сообщено и Василію Григорьевичу и страннымъ показалось, что онъ не выразилъ особеннаго удовольствія. Онъ просто поблагодарилъ и сказалъ, что будетъ непремѣнно.

*

— Вамъ, кажется, это непріятно?—спросила его Варя.

— Нѣтъ, отчего же? мнѣ пріятно! —отвѣтилъ не особенно увѣренно Барановъ.

— А мнѣ показалось...

— Нѣтъ, не то. А знаете, мнѣ хорошо въ вашемъ обществѣ, то-есть, въ обществѣ вашей семьи,—поправился Василій Григорьевичъ,—а въ многолюдномъ обществѣ я чувствую себя стѣсненнымъ.

— Но однакожъ, Василій Григорьевичъ, надо привыкать къ людямъ.

— А зачѣмъ?

— Какъ зачѣмъ? Во всякомъ человѣкѣ есть что-нибудь для насъ новое, что-нибудь такое, чего въ насъ нѣтъ, что-нибудь интересное.

— Да, это по всей вѣроятности такъ!—съ какою-то покорностью отвѣтилъ Василій Григорьевичъ, не желавшій спорить съ Варей, но про себя онъ подумалъ: „а зачѣмъ мнѣ это новое и интересное? Мнѣ его не нужно и я его не ищу. Я знаю, что мнѣ надо и больше ничего мнѣ не надо“.

Такъ онъ подумалъ, но все же рѣшилъ быть на Вариномъ вечерѣ. Всякій разъ, когда ему предстояло быть въ многолюдномъ обществѣ, онъ готовился къ этому совершенно такъ, какъ прежде готовился къ урокамъ по исторіи. Только, разумѣется, онъ не читалъ для этого книгъ, а мысленно поощрялъ себя, воображая себя въ томъ или другомъ положеніи.

Больше всего боялся онъ своей застѣнчивости, которая совсѣмъ не проявлялась въ кругу семьи Аргуниныхъ, но которая неизбѣжно вызывалась присутствіемъ хоть одного посторонняго человѣка.

Ему нужно было нѣсколько часовъ, чтобы приглядѣться къ людямъ, и только тогда онъ становился самимъ собою. А до того стѣснялся, ежился, смотрѣлъ изподлобья, говорилъ невпопадъ и производилъ впечатлѣніе глупаго человѣка. Поэтому всякое участіе въ многолюдномъ обществѣ его тяготило. Тѣмъ не менѣе онъ приготовился въ субботу принести себя въ жертву. Начало сбора было назначено съ восьми часовъ, но онъ въ этотъ день даже не пошелъ къ Аргунинымъ обѣдать. Тогда пришлось бы остаться и, значитъ, сидѣть съ начала вечера, а онъ хотѣлъ какъ только можно сократить его.

Онъ явился часовъ около десяти.

— Ай, какъ не стыдно! Ты у насъ почти хозяинъ, ты свой человѣкъ и являешься къ концу!—пристыдилъ его Өедоръ Өедоровичъ, встрѣтивъ въ передней.

— Развѣ уже конецъ?—спросилъ Барановъ.

— Ну, нѣтъ. Конечно, нѣтъ. Ты пришелъ въ самый разгаръ веселья.

— Ну, вотъ видите,—значитъ, я не прогадалъ!

Изъ школьной комнаты доносился говоръ. Тамъ были гости. Въ передней, освѣщенной стѣнной лампочкой, на вѣшалкѣ, было нѣсколько студенческихъ пальто и дамскихъ кофточекъ. Нѣсколько паръ калошъ тоже свидѣтельствовали о присутствіи гостей.

Ѳедоръ Ѳедоровичъ взялъ Баранова подъ руку и торжественно ввелъ его въ школьную комнату. Всѣ скамьи были сдвинуты къ одной стѣнѣ. Поставили диванъ, столъ и нѣсколько стульевъ. Комната была большая; въ ней было много воздуха. А висѣвшая посрединѣ лампа хорошо освѣщала ее.

— Господа, позвольте васъ познакомить: мой другъ, Василій Григорьевичъ Барановъ, учитель гимназіи!—громко проговорилъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ и затѣмъ сталъ подводить его поочередно ко всѣмъ гостямъ.

Студенты и дамы называли свои фамиліи, но Василій Григорьевичъ тотчасъ же забывалъ ихъ. Имъ овладѣло обычное волненіе. Поздоровавшись со всѣми и оставленный на произволъ судьбы Ѳедоромъ Ѳедоровичемъ, онъ инстинктивно присѣлъ въ томъ углу, гдѣ сидѣлъ Митя и горячо спорилъ съ какой-то барышней.

— Да вѣдь мы давно знакомы,—сказала барышня съ здоровымъ цвѣтущимъ лицомъ и съ большими темными глазами. Барановъ старался припомнить и не могъ.

— А какъ же? Помните, въ оперѣ мы были вмѣстѣ, прошлую зиму?

Барановъ вспомнилъ; она дѣйствительно была тогда въ ложѣ. Она нисколько не измѣнилась и ему казалось страннымъ, что онъ ее не узналъ. Но Барановъ сильно перемѣнился и она сказала ему объ этомъ.

— Да,—промолвилъ онъ,—тогда я былъ въ студенческомъ сюртукѣ, а теперь въ обыкновенномъ.

И ему тотчасъ же показалось, что онъ сказалъ величайшую глупость и онъ замолкъ и покраснѣлъ.

Послѣ этого онъ сидѣлъ около нихъ и молчалъ, слушая ихъ разговоръ. Они спорили о благотворительности. Митя доказывалъ, что благотворительность приноситъ только вредъ и заявлялъ, что онъ по принципу не подаетъ никогда милостыни нищимъ. Собесѣдница его утверждала, что это не принципъ, а только черствость, что каковы бы ни были принципы, а когда видишь человѣка голоднаго, то нельзя ему не подать.

Митя горячился и, кажется, немного рисовался. Василій Григорьевичъ слушалъ внимательно и былъ весь на сторонѣ дамы; между тѣмъ Митя, очевидно, желая пріобрѣсти союзника, вдругъ неожиданно обратился къ нему съ вопросомъ.

— Развѣ я не правъ, Василій Григорьевичъ?

Барановъ почувствовалъ себя въ затрудненіи и, можетъ быть, именно потому, что не ожидалъ вопроса и не приготовился къ нему, отвѣтилъ прямо и просто:

— Нѣтъ, Митя, вы неправы...

— Ага, вотъ видите, видите!—радостно воскликнула дама, которую звали Лизаветой Михайловной.—Вотъ и господинъ Барановъ со мной согласенъ.

— Почему же вы такъ думаете?—спросилъ Митя, не ожидавшій такой оппозиціи.

— Да потому, что...

Барановъ на минуту замялся, но сдѣлалъ отчаянное усиліе, какъ-то упорно сосредоточился на предметѣ и сказалъ:

— Мнѣ кажется, Митя, что вы смѣшиваете двѣ вещи. Благотворительность, конечно, не можетъ считаться радикальнымъ средствомъ для избавленія отъ бѣдности. Если бы кто-нибудь задался цѣлью совсѣмъ избавить человѣчество отъ бѣдности, то тотъ поступилъ бы глупо, избравъ для этого средствомъ благотворительность; но когда мы помогаемъ бѣднымъ, мы и не имѣемъ въ виду избавить все человѣчество отъ бѣдности, мы хотимъ только этого бѣдняка избавить отъ страданій и, можетъ быть, отъ голодной смерти.

— Это, положимъ, правда!—одобрительно сказалъ Митя, слѣдившій за его мыслью и не ожидавшій отъ Баранова такого основательнаго сужденія.

А Барановъ подумалъ: „пожалуй, я сказалъ не глупо". И поощренный собственнымъ приговоромъ, онъ продолжалъ:

— Я поясню это примѣромъ. Напримѣръ, мы ѣдимъ и пьемъ собственно потому, что это необходимо намъ для продолженія нашей жизни, это въ принципѣ, такъ сказать. Но всякій разъ, когда мы садимся за столъ обѣдать, мы вѣдь вовсе не думаемъ о продолженіи жизни, мы не говоримъ себѣ: будемъ обѣдать, потому что это необходимо для продолженія нашей жизни. Нѣтъ, мы садимся обѣдать вовсе не думая объ этомъ, а просто потому, что намъ хочется ѣсть. И если бы вдругъ было доказано, что для продолженія жизни вовсе не надо ѣсть и пить, а мы тѣмъ не менѣе чувствовали бы аппетитъ, то мы все-таки ѣли бы и пили бы, потому что намъ хотѣлось бы ѣсть и пить; такъ и въ этомъ. Будетъ ли доказано, что благотворительность полезна или безполезна, все равно, мы дадимъ голодному, потому что онъ страдаетъ и намъ жаль его.

— Ну, Митя сраженъ, Митя разбитъ на всѣхъ пунктахъ!—послышался позади его знакомый голосъ.

Онъ оглянулся; тутъ стояла Варя, которая, очевидно, слышала конецъ ихъ спора. И при этомъ ему показалось, что на лицѣ ея выражалось удовольствіе.

Этого было достаточно, чтобъ Барановъ окончательно сконфузился и прервалъ свою рѣчь.

— Я сознаюсь, что разбитъ!—сказалъ Митя и видимо ска-

залъ это искренно. Барановъ просто не вѣрилъ, что его ораторскій дебютъ кончился такъ блестяще.

Барановъ нисколько не жалѣлъ о томъ, что пришелъ поздно. Очевидно, онъ пропустилъ какъ разъ то время, когда бываетъ скучно, когда люди мало еще вглядѣлись другъ въ друга и употребляютъ всѣ усилія на взаимное ознакомленіе. Теперь дѣйствительно былъ разгаръ веселья. Всѣ говорили и спорили очень шумно, а въ то же время въ жилой части квартиры приготовлялась закуска.

Закуской завѣдывала собственно Марья Петровна. Она тщательно нарѣзывала колбасу на мелкіе кружечки, старалась разставить немногочисленные предметы такъ, чтобы вышло красиво и чтобы импонировало взгляду. Тутъ была селедка съ лукомъ, ветчина и русскій честеръ, а въ кухнѣ еще шипѣли на сковородѣ рубленыя котлеты.

Ѳедоръ Ѳедоровичъ принялъ на себя заботу о винной части. Правда, погребъ его былъ не великъ. Онъ состоялъ всего изъ бутылки бѣлой водки, а также бутылки рябиновой. Затѣмъ было куплено еще по двѣ бутылки краснаго и бѣлаго вина. И Ѳедоръ Ѳедоровичъ еще до начала закуски тихонько сообщалъ Баранову, а можетъ быть, и еще кое-кому, о томъ, что въ его распоряженіи сегодня есть какіе-то необыкновенные напитки.

Послѣ одиннадцати часовъ гости пошли закусывать. Всѣ сгруппировались около стола. Барановъ что-то ѣлъ, но ничего не выпилъ.

— Что же ты, Василій Григорьевичъ, вина не выпьешь?— обратился къ нему Ѳедоръ Ѳедоровичъ.—Вино, я тебѣ скажу, замѣчательное. Ты только попробуй.

— Чѣмъ же оно замѣчательно?—спросилъ Барановъ, знавшій привычку Ѳедора Ѳедоровича въ такихъ случаяхъ немного хвастаться.

— Охъ, это вино съ исторіей. Это, видишь ли, у меня сослуживецъ есть, Калмыковъ его фамилія. Онъ любитъ выпить и потому знатокъ. И есть у него одинъ этакій погребокъ на Васильевскомъ острову. Ну, тамъ, разумѣется, вино не важное, а для своихъ, для постоянныхъ посѣтителей хозяинъ держитъ особенное. Ну, вотъ онъ и мнѣ, значитъ, по протекціи отпустилъ. Да ты не смѣйся, ты попробуй. Вино, я тебѣ скажу, поразительное. Ты только возьми: по сорокъ пять копеекъ стоитъ красное, а бѣлое такъ и того дешевле, всего по сорокъ, и нисколько не хуже удѣльнаго. Ну, ни капельки, вотъ попробуй...

Ѳедоръ Ѳедоровичъ имѣлъ обыкновеніе хвастаться своими покупками. Если онъ купилъ перочинный ножъ, то ужъ это былъ удивительный ножъ и у него непремѣнно была исторія. Кто-нибудь рекомендовалъ ему магазинъ, вслѣдствіе чьихъ-нибудь родственныхъ отношеній ему отпустили именно такой ножъ, какого

никому и не показывали въ магазинѣ и при томъ сдѣлали уступку. Если ему случалось купить сапоги, то тоже на какихъ-нибудь исключительныхъ основаніяхъ. Это объяснялось тѣмъ, что ему рѣдко случалось что-нибудь покупать и онъ, прежде чѣмъ сдѣлать расходъ, долго собирался, обдумывалъ, говорилъ со всѣми о предстоящей покупкѣ и, когда она совершалась, то естественно казалась ему событіемъ.

— Э, да ты и водки не выпилъ! Что же это значитъ?—продолжалъ Өедоръ Өедоровичъ, обративъ вниманіе на необычную воздержанность Баранова.

— Нѣтъ, я не стану пить водки!—сказалъ Барановъ.

— Что же такъ? Всегда пилъ, а теперь вдругъ не стану.

— Такъ, не хочется... Вредно.

— Ну, вотъ пустяки, вредно. Это если много, такъ вредно. Я самъ врагъ пьянства, но рюмку-другую отчего же не выпить?

— Нѣтъ, я совсѣмъ не стану пить!—довольно твердо сказалъ Барановъ.

И онъ видѣлъ, что Варвара Өедоровна, стоявшая тутъ же около стола, неподалеку отъ него, слышала этотъ разговоръ и одобрительно смотрѣла на него, а Өедоръ Өедоровичъ все не сдавался и продолжалъ допрашивать его.

— Да почему это? почему?

— На меня скверно дѣйствуетъ водка. Сейчасъ начну околесину нести. Ужъ я это испробовалъ. Потомъ и передъ другими стыдно и самому противно.

— Ну, въ такомъ случаѣ, вина попробуй. Ужъ вина ты непремѣнно долженъ попробовать. Отъ вина ничего не станется. Притомъ вѣдь вино-то какое! просто пальчики оближешь.

Барановъ согласился попробовать вина. Первый же глотокъ убѣдилъ его, что оно необыкновенно кисло.

— Ну, что? ну, что?—спросилъ Өедоръ Өедоровичъ, слѣдившій за выраженіемъ его лица.

Барановъ употребилъ страшное усиліе, чтобы не выдать свое настоящее впечатлѣніе и выразилъ на лицѣ даже удовольствіе.

Превосходное вино, Өедоръ Өедоровичъ!—сказалъ онъ.

Өедоръ Өедоровичъ просіялъ и такъ какъ Баранова онъ считалъ до извѣстной степени авторитетомъ, то послѣ этого еще больше началъ хвастаться виномъ.

Послѣ закуски еще больше усилилось оживленіе. Всѣ опять перешли въ школьную комнату и еще тѣснѣе сдвинули скамьи къ стѣнкѣ. Затѣмъ вынесли столъ, диванъ и стулья, всѣмъ хотѣлось простора. Небольшія группы расхаживали по большой комнатѣ и продолжали давно начатый разговоръ.

— Эхъ, господа,—воскликнулъ Өедоръ Өедоровичъ, которому,

кажется, было на этомъ вечерѣ веселѣе, чѣмъ кому бы то нибыло.— Что такъ-то ходить изъ угла въ уголъ? Не затѣять ли намъ танцы?

— Такъ, вѣдь музыки нѣтъ,—возразили ему.

— Вотъ пустяки! Зачѣмъ музыка? Можно и безъ музыки. Главное, чтобъ было весело, а музыка у каждаго внутри найдется. Музыка должна быть въ сердцѣ, вотъ гдѣ. Тра-та-та да тра-ла-ла, вотъ вамъ и музыка.

И въ самомъ дѣлѣ, не смотря на то, что въ квартирѣ не было никакого музыкальнаго инструмента, предложеніе Ѳедора Ѳедоровича сразу нашло себѣ откликъ. Двѣ пары уже завертѣлись. Ѳедоръ Ѳедоровичъ и еще кто-то изъ гостей громко выкрикивали: Тра-та-та-та, нѣкоторые въ тактъ стучали ладонями и ногами. И при этомъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ, въ качествѣ дирижера, прилагалъ большую заботу къ тому, чтобы эта импровизированная музыка не умолкала.

— А вы что же не танцуете?—спросила Варвара Ѳедоровна у Баранова, который одиноко стоялъ въ углу и смотрѣлъ на то, какъ вертѣлись другіе.

— Я не умѣю. Никогда въ жизни не танцовалъ,—отвѣтилъ Василій Григорьевичъ.

— Ну, какъ-нибудь... Это не трудно.

— Право, не умѣю... Вѣдь этому надо учиться, а я никогда не учился. Я все перепутаю...

— Ну, давайте, я васъ буду учить.

Барановъ очень хорошо понималъ, что здѣсь неудобно обучаться танцамъ и что это выйдетъ смѣшно. Но развѣ онъ могъ отказаться, когда Варя берется учить его!.. Онъ приблизился къ Варѣ и сталъ въ позу человѣка, собирающагося танцовать.

— Ну, какъ же? Я не умѣю ступить...—нерѣшительно промолвилъ онъ.

— Да, какъ-нибудь; это, право, все равно... Тутъ всѣ танцуютъ какъ попало...

Василій Григорьевичъ вдругъ рѣшился и задвигалъ ногами.

Ѳедоръ Ѳедоровичъ, увидѣвъ эту пару, усерднѣе прежняго началъ откалывать свое тра-та-та и они завертѣлись въ полькѣ.

Какъ и почему такъ вышло, трудно сказать, но дѣло въ томъ, что Барановъ не спутался, ни разу не остановился, не сбилъ съ ногъ свою даму. Несомнѣнно, танцовалъ онъ Богъ знаетъ какъ и выдѣлывалъ совсѣмъ не то, что было надо. Тѣмъ не менѣе все сошло благополучно.

— Ну, вотъ видите,—сказала ему Варя, когда они кончили танецъ. — Это совсѣмъ не такъ трудно. Тутъ требуется только доброе желаніе.

Они сѣли рядомъ на скамейку. Варя продолжала:

— Отчего вы, Василій Григорьевичъ, не познакомитесь получше съ моими подругами? Онѣ всѣ интересныя дѣвушки.

— Очень можетъ быть,—отвѣтилъ Барановъ,—но я самъ не интересенъ, Варвара Өедоровна. Я не знаю о чемъ и какъ съ ними говорить.

— Право, вы клевещете на себя. Вы вообразили что-то такое... А въ сущности вы также говорите, какъ и всѣ, иногда даже лучше...

— Нѣтъ, не то... я вовсе не думаю, что я какой-нибудь идіотъ, но я умѣю говорить только тогда, когда хорошо знаю человѣка. Вотъ съ вами мы говоримъ свободно, а съ ними я двухъ словъ не могъ бы связать... Да и къ чему?

— Какъ къ чему? Всякое знакомство полезно.

— Да, конечно, но вѣдь какое же это знакомство? Все равно, знакомство не состоится. Навѣрно больше никогда и не встрѣтимся...

— Отчего же? Это отъ васъ зависитъ.

— Такъ, я знаю... Я самъ не буду искать встрѣчи съ ними, а имъ не интересно.

И въ самомъ дѣлѣ весь вечеръ Барановъ проговорилъ то съ Өедоромъ Өедоровичемъ, то съ Митей, то съ Варварой Өедоровной. Постоянно онъ старался отыскать кого-нибудь изъ нихъ, а если они были заняты съ кѣмъ-нибудь, то онъ безпомощно стоялъ одинокій. Варя, наконецъ, убѣдилась, что планъ ея не удался.

Барановъ смотрѣлъ на Митю и удивлялся его необыкновенной развязности и ловкости. Онъ разомъ ухаживалъ за всѣми подругами Вари. И Василій Григорьевичъ завидовалъ молодому человѣку, умѣющему такъ хорошо обращаться въ обществѣ.

Около двухъ часовъ гости стали расходиться. Всѣ находили, что было очень весело и уходили неохотно. Но для занятыхъ людей это былъ довольно поздній часъ.

Митя взялся проводить двухъ барышенъ, студентамъ досталось по одной. Когда всѣ были въ передней и надѣвали пальто и калоши, Барановъ, къ своему ужасу, увидѣлъ, что и ему не избѣжать этой участи. Ему досталась худенькая, тоненькая, удивительно хрупкая дѣвушка, по фамиліи Зиновьева. Она кончила курсы и ни чѣмъ не занималась. Барановъ зналъ, что отецъ ея былъ адвокатъ и очень хорошо зарабатывалъ, а у нея плохое здоровье, поэтому она жила дома и не искала себѣ никакой работы.

Квартира ея была на Сергіевской. Барановъ за весь вечеръ не сказалъ съ нею ни слова и, убѣдившись уже, что ему придется провожать ее, въ передней безпомощно смотрѣлъ на всѣхъ Аргуниныхъ, какъ бы ожидая и надѣясь, что они его отъ этого избавятъ. Но это оказалось неизбѣжнымъ.

Всѣ гости вышли на улицу вмѣстѣ, шумно и весело. А здѣсь стали прощаться. Оказалось, что всѣмъ надо было идти по на-

правленію къ Невскому, только Барановъ съ своей дамой долженъ былъ повернуть въ противоположную сторону.

— Можетъ быть, мы поѣдемъ?—спросилъ Барановъ, увидѣвъ проѣзжавшаго мимо шагомъ извозчика. Ему казалось, что онъ нашелъ въ этомъ спасительное средство, чтобы поскорѣе доставить свою даму домой.

— Нѣтъ, я хотѣла бы пройтись!—отвѣтила Зиновьева,—если вамъ все равно!—прибавила она.

— Напротивъ, даже пріятно!—сказалъ Барановъ и тутъ же подумалъ: „почему пріятно? Вовсе мнѣ это непріятно и зачѣмъ это я совралъ? И почему въ такихъ случаяхъ всегда врутъ?“

Разумѣется, эти вопросы остались безъ отвѣта. Зиновьева молчала. Барановъ силился придумать какую-нибудь тему. Такъ прошло минуты двѣ; положеніе становилось неловкимъ. Наконецъ, онъ спросилъ:

— А вы давно знакомы съ Аргуниными? Я никогда не встрѣчалъ васъ у нихъ, хотя часто бываю...

— У нихъ въ домѣ я въ первый разъ,—отвѣтила Зиновьева,— а съ Варей мы подруги по курсамъ.

Опять произошло молчаніе. На этотъ разъ его нарушила Зиновьева.

— Какого вы мнѣнія о Варварѣ Ѳедоровнѣ?—спросила она.

Онъ даже не подумалъ о томъ, что этотъ вопросъ нѣсколько страненъ и сразу отвѣтилъ самымъ восторженнымъ тономъ:

— Самаго лучшаго!.. Конечно, самаго лучшаго... Варвара Ѳедоровна прекрасный человѣкъ...

— А вы не пристрастны?—съ чуть-чуть замѣтной кокетливой ноткой спросила Зиновьева.

— Очень можетъ быть, что и пристрастенъ. Да и навѣрное пристрастенъ!—отвѣтилъ Барановъ,—но это вѣдь естественно. Я знаю ее съ далекаго дѣтства, мы вмѣстѣ играли и вмѣстѣ расли.

— Ахъ, вотъ что!..

— Да, я не помню даже времени, когда мы были съ нею не вмѣстѣ. Вѣдь у меня нѣтъ родныхъ, они давно умерли и Ѳедоръ Ѳедоровичъ замѣнилъ мнѣ отца...

И Барановъ вдругъ, неизвѣстно почему, началъ говорить легко и свободно о Ѳедорѣ Ѳедоровичѣ, о томъ, какъ онъ провелъ лучшіе дни своей жизни въ семействѣ Аргуниныхъ, какъ мучился, когда былъ въ гимназіи на казенномъ содержаніи, какъ затѣмъ ему трудно было въ университетѣ. Заговорилъ онъ и о своемъ учительствѣ, о томъ, что вотъ ему приходится заниматься тѣмъ, чего онъ совсѣмъ не любитъ и что это насиліе надъ его душой угнетаетъ его. Говорилъ безостановочно, гладко, съ жаромъ и такимъ образомъ они дошли до Фурштадтской улицы.

Онъ говорилъ минутъ десять, почти не переставая, и вдругъ въ головѣ у него явились вопросы: съ чего это я? почему? съ какой стати? И послѣ того, какъ онъ задалъ себѣ эти вопросы, вдругъ рѣчь его прервалась. Онъ остановился, замолкъ и въ его молчаніи слышалась даже какъ-будто нѣкоторая досада.

— У васъ интересная жизнь!—задумчиво сказала Зиновьева, очевидно, въ самомъ дѣлѣ, заинтересовавшаяся его разсказомъ.

Барановъ съ удивленіемъ взглянулъ на нее.

— Интересная? Вы это находите? А по моему, самая скучная жизнь, какую только можно вообразить.

— Можетъ быть и скучная, когда переживаешь, но она интересна, какъ сюжетъ для повѣсти или разсказа...

— Для повѣсти? — съ недоумѣніемъ спросилъ Василій Григорьевичъ.—А развѣ... развѣ вы пишете повѣсти?

— Пробую,—отвѣтила Зиновьева.—Я только ничего еще не печатала, все не рѣшлюсь.

— У васъ, значитъ, есть талантъ?—довольно наивно спросилъ Барановъ.

— Не знаю... Объ этомъ трудно самой судить,—просто заявила Зиновьева.

Василій Григорьевичъ осмотрѣлъ свою спутницу, какъ что-то совершенно новое для него. Онъ до сихъ поръ еще близко не встрѣчался съ людьми пишущими. И вдругъ ему показалось, что между ними выросло огромное разстояніе. Хотя онъ читалъ очень мало, но въ глубинѣ души у него было какое-то уваженіе къ людямъ, которые пишутъ книжки. Ему казалось, что всѣ они должны быть необыкновенные люди. Но послѣ этого Зиновьева еще больше отдалилась отъ него. Ужъ теперь онъ былъ совершенно увѣренъ, что никогда больше съ нею не встрѣтится, а есси и встрѣтится, то будетъ держаться подальше.

Они пришли на Сергіевскую. Домъ, въ которомъ жила Зиновьева, былъ недалеко отъ того мѣста, гдѣ они сдѣлали поворотъ. Подъѣздъ былъ уже запертъ. Барановъ позвонилъ. Когда швейцаръ отворилъ дверь, Зиновьева протянула ему руку и они простились.

Возвращаясь домой, Барановъ былъ крайне недоволенъ собой. „Зачѣмъ я ей разсказалъ свою жизнь?—спрашивалъ онъ себя.— Совершенно безъ всякихъ основаній. И откуда это во мнѣ такая экспансивность? Вѣдь, когда нужно, молчу, какъ мертвецъ, атутъ вдругъ разошелся... Сюжетъ для повѣсти... Еще, пожалуй, сдѣлаюсь героемъ повѣсти. Какъ глупо! И всегда я надѣлаю глупостей!“

И. Потапенко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Умственная жизнь Англіи отъ эпохи Возрожденія до XIX столѣтія.

(*Окончаніе* *).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

I.

Восемнадцатый вѣкъ былъ въ Англіи столь же интереснымъ временемъ, какъ и во всѣхъ другихъ странахъ Европы. Англійское общество, которое только что пережило безкровную революцію 1688 года, находилось въ такомъ состояніи полной соціальной устойчивости, какое даже для этого государства является рѣдкостью. Прочность настоящаго и увѣренность въ будущемъ сквозятъ не только во всѣхъ распоряженіяхъ правительства и во всей законодательной дѣятельности парламента, но что еще характернѣе—въ произведеніяхъ литературы, публицистической и художественной, предназначенной для обычной читающей публики и написанной для народа. Обычную читающую публику составляли аристократы и среднее сословіе. Англійская аристократія уже была тогда тѣмъ, чѣмъ она въ значительной мѣрѣ осталась до 1832 г.: совершенно замкнутымъ кругомъ со спеціальными привычками жизни и совершенно особыми интересами. Аристократіи было дѣло до всего государства, но народу, населявшему это государство, не было и не могло быть дѣла до аристократіи. Гордые, богатые, независимые лорды дѣлились на партіи, боролись между собой, но кастическій духъ никогда ихъ не покидалъ. Никто лучше ихъ не зналъ, что со времени бѣгства Іакова II нижняя палата по крайней мѣрѣ столь же могущественна, какъ палата лордовъ, но это сознаніе ничуть не мѣшало имъ всегда помнить совершенно непроходимую бездну, раздѣляющую лорда и всякаго члена той сѣрой, текучей, безпрерывно мѣняющейся толпы, которая послѣ каждыхъ новыхъ выборовъ являлась подъ вестминстерскіе своды.

Жила аристократія шумно и весело; у нея остались свои традиціи во всемъ, не исключая и распутства. Развратъ при трехъ Геор-

---

*) См. «Міръ Божій», № 8, августъ.

гахъ воспитался на преданіяхъ, оставшихся отъ эпохи Карла II; этотъ развратъ не былъ позаимствованнымъ, чужимъ, привезеннымъ изъ версальскаго дворца, какъ это можно сказать, напримѣръ, о Вѣнѣ, Берлинѣ или Неаполѣ XVIII столѣтія, — онъ, являлся вполнѣ самобытнымъ, строго «національнымъ». Грубость, грязь откровенный садизмъ характеризуютъ его. Молодые баронеты и маркизы продѣлывали надъ горожанками и поселянками самыя неслыханныя гнусности,— и оставались вполнѣ безнаказанными. Существовали совершенно открыто клубы въ Лондонѣ, куда заманивались или насильно втаскивались проходившія мимо женщины и гдѣ надъ ними продѣлывалось все, что можетъ изобрѣсти пьяная фантазія; гайдуки связывали жертву, вывозили ее въ крытой каретѣ за городъ и тамъ бросали одну—таковъ былъ конецъ этихъ исторій, виновники которыхъ въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ оставались безнаказанными. Развратъ и пьянство—таковы были любимѣйшія препровожденія времени, общепринятыя pastimes рядового англійскаго аристократа.

Что рѣзко отличало англійскую аристократію отъ континентальныхъ— это полное отсутствіе прихлебательства и угодничества предъ верховной властью; впрочемъ, эти два качества были бы уже въ Англіи XVIII вѣка анахронизмомъ, въ виду положенія, занятаго съ 1688 года короною съ одной стороны и лордами—съ другой. Послѣ молодости, проведенной въ дикомъ и буйномъ разгулѣ, послѣ жизни десятилѣтіями протекавшей въ государственныхъ заботахъ наслѣдственныхъ законодателей, вельможные старики удалялись на покой, въ старый замокъ, и нерѣдко предавались на закатѣ дней литературнымъ занятіямъ: писанію своихъ записокъ—которыхъ столько оставилъ намъ XVIII вѣкъ—и чтенію. Читали англійскіе аристократы больше всего и лучше всего въ старости. Въ школѣ, въ Итонѣ, ихъ сѣкли за ошибки въ латинскихъ и греческихъ спряженіяхъ, за незнаніе библейскихъ текстовъ, но читать и не заставляли, и не поощряли; молодость имѣла, какъ уже упомянуто свои интересы, зрѣлый возрастъ—свои. Такъ естественно и выходило, что только на старости лѣтъ хозяева замковъ начинали днями просиживать въ своихъ дубовыхъ библіотекахъ.

Какого рода книги интерисовали ихъ? Вѣкъ броженія политической мысли уже былъ въ Англіи пережитъ; вопросы о королевскомъ и народномъ суверенитетѣ, о парламентѣ, о судѣ, о личной неприкосновенности были извѣстнымъ образомъ рѣшены и улажены; жгучія политическія проблемы совершенно отсутствовали, не мудрено, что совершенно и безслѣдно отсутствовала въ теченіе первыхъ двухъ третей вѣка и политическая литература. Аристократію занимали и занимали очень сильно естественныя науки, только что пережившія свою героическую эпоху и продолжавшія быстрое поступательное движеніе послѣ ньютоновскаго открытія. Занимали ихъ также произведенія деистической литературы; спросъ на религіозно-

философское чтеніе не ослабѣвалъ съ XVI вѣка. Можно сказать, что въ умственной жизни англійской аристократіи деизмъ въ XVIII вѣкѣ съигралъ почти такую же роль, какъ «вольтеріанство» въ жизни русской аристократіи. Деистическое направленіе по своему психологическому происхожденію нѣсколько напоминаетъ германскій піэтизмъ: піэтизмъ возникъ и имѣлъ успѣхъ какъ противовѣсъ окоченѣвшей протестантской схоластикѣ и ея формальнымъ пререканіямъ съ католицизмомъ,—деизмъ распространился въ Англіи и распространился въ высшемъ слоѣ уже послѣ того, какъ англиканство и католицизмъ, пуритане и пресвитеріане, по очереди смѣняя другъ друга у власти, успѣли въ достаточной мѣрѣ возбудить тяжелыя нравственныя недоумѣнія у наиболѣе чуткихъ людей. Исходимъ изъ этихъ недоумѣній на англійской почвѣ явился деизмъ, но не атеизмъ, какъ въ отечествѣ барона Гольбаха. Религія и религіозныя мнѣнія никогда, не являлись въ Англіи въ такомъ свѣтѣ, какъ во Франціи, въ свѣтѣ сознательной стачки съ непопулярнымъ общественнымъ строемъ,—можетъ быть, именно потому, что религій было много и онѣ хронологически чередовались у власти, начиная съ бракоразводнаго процесса Генриха VIII съ Екатериною Аррагонскою и кончая эпохою королевы Анны. Интимное религіозное чувство у англичанина никогда не замирало и разрѣшалось безчисленными эксцентрическими сектами, составленіемъ новыхъ молитвъ и молитвенниковъ, наконецъ искреннимъ исповѣдываніемъ англиканства или пресвитеріанизма. Аристократія и здѣсь была отлична отъ «the mob», отъ презрѣнной уличной толпы: если удалившіеся на покой лорды и графы почему-либо отрицательно относились къ религіи своихъ предковъ, они становились не квакерами, не иными сектантами, а деистами, т.-е. просто послѣдователями литературно-философскаго движенія, поднятаго Толандомъ.

Родился Толандъ въ 1670 году, а умеръ въ 1722 г. Былъ онъ происхожденія довольно темнаго и всю жизнь провелъ въ скитаніяхъ въ Англіи и заграницей. Главнымъ дѣломъ всей его жизни и основнымъ сюжетомъ всѣхъ его произведеній было то, что на насмѣшливомъ и аристократическомъ литературномъ языкѣ XVIII вѣка называлось «критикою народной религіи». Толандъ отвергаетъ сущность и основные принципы церковнаго христіанства и пытается разъяснить путемъ историческаго изслѣдованія, какимъ образомъ церковность возникла и окрѣпла. Отвергая совершенно всѣ, безъ исключенія, принятыя религіи, оставляя нетронутой лишь моральную сущность христіанства, Толандъ признаетъ лишь существованіе верховнаго разума, установившаго естественные законы, которые управляютъ природою, человѣчествомъ и его исторіей. Толандъ является въ своихъ воззрѣніяхъ на природу познанія прямымъ ученикомъ и продолжателемъ Локка, но для свѣтско-ученой аудиторіи XVIII вѣка онъ былъ болѣе доступенъ и, главное, болѣе симпатиченъ рѣзко подчеркнутой деистической окрас-

кой, своей литературной формой, дѣлавшей его произведенія похожими на катихизисъ, наконецъ общедоступностью содержанія и изложенія.

Еще больше успѣха, чѣмъ Толандъ, среди аристократіи имѣлъ его младшій современникъ лордъ Болингброкъ. Болингброкъ, оставаясь деистомъ стараго англійскаго типа, воспринялъ тѣмъ не менѣе нѣкоторыя черты французскаго отрицанія: онъ собенно много распространяется о коварныхъ разсчетахъ и хитрыхъ замыслахъ «жрецовъ», своими руками создавшихъ церковность, которая окружала первоначальное евангельское зерно. Болингброкъ писалъ и о политическихъ вопросахъ, но его политическіе трактаты читались мало, потому что вообще политическій интересъ совершенно отсутствовалъ въ Англіи XVIII вѣка. Интересовалась читающая аристократія, кромѣ деизма, еще и вопросами моральной философіи и, пожалуй, еще большимъ вліяніемъ, чѣмъ Толандъ и Болингброкъ, пользовались Шефтсбери и лордъ Честерфильдъ.

II.

Ученіе Шефтсбери о нравственности тѣсно связано съ его воззрѣніями на прекрасное. Довольно смѣло отклоняясь отъ ученій, господствовавшихъ въ его время, Шефтсбери выдвигаетъ такую логическую цѣпь: «человѣкъ долженъ развивать въ себѣ вкусъ къ прекрасному; прекрасное поведетъ къ добродѣтели, а добродѣтель вселитъ въ человѣкѣ истинное религіозное чувство (подъ религіей здѣсь нужно понимать деизмъ)». Мы нигдѣ не встрѣтили въ сочиненіяхъ Шефтсбери формулы въ точномъ видѣ, но не затрудняемся именно такъ, а не иначе выразить общій духъ докрины этого писателя. Будучи глубокимъ эстетикомъ, человѣкомъ широкаго художественнаго образованія и кругозора, тонкимъ аналитикомъ, Шефтсбери дѣлалъ все отъ него зависящее, чтобы эстетически воспитать своихъ читающихъ современниковъ. Въ этой своей тенденціи гармонически соединить этику съ эстетикой Шефтсбери является прямымъ предшественникомъ Джона Рёскина, хотя, конечно, по широтѣ философскаго взгляда, по силѣ мысли, по совершенному отсутствію какихъ бы то ни было наивностей, Шефтсбери стоитъ безконечно выше столь усердно раздуваемаго въ наши дни «реформатора».

Въ своихъ воззрѣніяхъ на послѣдствія добродѣтели и порока Шефтсбери весьма близокъ къ Канту: онъ полагаетъ, что добродѣтель служитъ сама себѣ наградой, а порокъ самъ себѣ наказаніемъ. У него впервые выдвигается теорія общественной разумности эгоизма: слѣдованіе своимъ *естественнымъ* склонностямъ не можетъ, по его словамъ, быть вреднымъ для общества. Въ общемъ его моральная философія носитъ возвышенный, идеалистическій характеръ;

однако, нужно замѣтить, что онъ для англичанъ второй половины XVIII вѣка являлся уже писателемъ, котораго гораздо больше знали и уважали, чѣмъ читали. Если для аристократіи Шефтсбери былъ моральнымъ учителемъ, «лордомъ-Сократомъ», звавшимъ къ исправленію свое сословіе, погрязшее въ распутствѣ, то другой писатель этого круга—Честерфильдъ—являлся для своей аудиторіи адептомъ и наставникомъ житейской мудрости, апологетомъ того тонкаго, насмѣшливаго умственнаго разврата, которымъ такъ блисталъ верхній слой европейскаго общества. Честерфильдъ оставилъ послѣ себя цѣлый сводъ свѣтской философіи. Онъ былъ не превзойденнымъ образчикомъ такого характернаго для его вѣка рода литературы афористическаго изложенія правилъ житейской мудрости. Очень скоро онъ пріобрѣлъ себѣ при дворѣ Георга II и Георга III прочную репутацію остряка, бонмотиста и законодателя хорошаго тона. Намъ удалось, читая дневникъ одной скромной провинціальной помѣщицы XVIII вѣка, леди Пеннойеръ, найти слѣдующее интересное замѣчаніе: «Мой мужъ употребляетъ новое слово humbug; оно звучитъ вульгарно, но такъ какъ оно было введено мудрымъ лордомъ Честерфильдомъ, то я предполагаю, что его нужно считать фешенебельнымъ» *).

Соль житейской мудрости Честерфильда состоитъ въ совѣтахъ никогда не быть смѣшнымъ, въ рецептахъ какъ этого достигнуть, и въ воспоминаніяхъ о блестящихъ и печальныхъ дняхъ своей свѣтской карьеры. Честерфильдъ былъ равнодушнымъ, проницательнымъ, холоднымъ скептикомъ, давнымъ-давно и, главное, вполнѣ самостоятельно, еще въ молодости произведшимъ переоцѣнку всевозможныхъ моральныхъ и религіозныхъ сентенцій и общепринятыхъ сужденій; къ тридцати пяти годамъ это была дѣйствительно опустошенная душа, ни деизмъ, ни «nature», ни которая-нибудь изъ европейскихъ религій,—ничто не являлось абсолютной истиной для лорда Честерфильда. Англійская аристократія получила въ лицѣ Честерфильда своего маленькаго Вольтера, у котораго кругъ наблюденій и объекты остротъ были ограничены дворомъ, скачками, балами, дипломатическими и дворцовыми интригами, но который тѣмъ не менѣе съумѣлъ, оперируя надъ сравнительно небольшой группой данныхъ, создать цѣлую афористическую систему философіи, сохранившую свой интересъ далеко за предѣлами той среды и того времени, гдѣ и когда она возникла. Конечно, Честерфильдъ вовсе не является со всѣмъ своимъ религіознымъ и моральнымъ скептицизмомъ полнымъ выразителемъ духовной физіономіи своего сословія; оно не обнаруживало никакого разъѣдающаго критицизма по отношенію ко всѣмъ этическимъ условностямъ, а жило себѣ изо дня въ день, иногда грубо, иногда утонченно прожигая жизнь, часто увле-

*) Diary of a lady of quality, p. 407 (напечат. въ «History of the rod», W. Cooper (London. 1896).

каясь стремленіями къ власти, чаще развратничая и пользуясь всѣмъ, что можно было достать за деньги.

Весьма часто не только англійскіе, но и французскіе бытописатели XVIII столѣтія склонны, сравнивая двѣ аристократіи — англійскую и французскую, въ первой находить здоровье, силу, «нетронутые корни» и еще многое въ такомъ духѣ, а вторую изображать одержимой хилымъ старческимъ морализмомъ, разлагающейся, гніющей. Собственно всѣ подобныя обозначенія и различія были установлены, такъ сказать, post factum, послѣ того, какъ во Франціи разразилась революція, а въ Англіи революція не разразилась; сведенное къ нулю Сенъ-Жерменское предмѣстье и уцѣлѣвшая палата лордовъ стояли предъ глазами исторіографовъ и вдохновляли ихъ на смѣлыя обобщенія и ретроспективные выводы. На самомъ дѣлѣ рѣшительно ничѣмъ нельзя доказать, что моральныя качества средняго аристократа Англіи стояли въ какомъ бы то ни было отношеніи выше моральныхъ качествъ его французскаго собрата. Вообще намъ кажется, что если бы историки-бытописатели принялись за изученіе нравовъ XVIII вѣка серьезно, не для того только, чтобы воскресить дней минувшихъ анекдоты, если бы детально страна за страной, десятилѣтіе за десятилѣтіемъ подвергались бы ученому микроскопу и скальпелю, то могли бы получиться интереснѣйшіе матеріалы для самыхъ любопытныхъ сопоставленій. Литература, мемуары и дневники, наконецъ, отдѣльныя бытовыя черточки, разсѣянныя тамъ и сямъ въ разныхъ, повидимому, совсѣмъ не относящихся къ этому предмету повѣствованіяхъ, все это еще ждетъ своего изслѣдователя, спеціалиста-бытописателя. Никакими суммарными произведеніями вродѣ Сиднея, или нашихъ Михневича, Карновича, Мордовцева—тутъ дѣлу не поможешь. Эти работы могутъ быть талантливо и живо скомпанованы, но коренной недочетъ ихъ всегда будетъ заключаться въ слишкомъ общемъ трактованіи сюжетовъ, какъ разъ именно и требующихъ самой обстоятельной обработки: ибо сказать, что въ исторіи нравовъ *мелочи* играютъ часто *крупную* роль не значитъ сказать парадоксъ. Быть можетъ, тогда оказались бы ошибочными всѣ тѣ болѣе общепринятыя, чѣмъ доказанныя сужденія о глубокой пропасти, будто бы существовавшей въ XVIII столѣтіи между общественными нравами Англіи, Франціи, Германіи и хотя бы Россіи; быть можетъ, обнаружился бы тотъ любопытный фактъ, что различіе въ области литературы, философіи, науки, политическихъ установленій, не мѣшаетъ Англіи XVIII вѣка походить многими чертами своихъ нравовъ на континентъ и отчасти даже на Россію.

Слѣдуетъ только внимательно анализировать и не смущаться старыми взглядами. Въ царствованіе Елизаветы Петровны французскій ученый аббатъ Шаппъ д'Отерошъ (Chappe d'Auterohe) побывалъ въ Россіи и описалъ свои впечатлѣнія въ четырехтом-

ной очень интересной книгѣ. Здѣсь онъ со словъ очевидца описываетъ наказаніе кнутомъ, постигшее двухъ придворныхъ дамъ, Лопухину и Бестужеву, въ 1743 году. Онъ возмущается варварствомъ наказанія, хотя общественное значеніе его негодованія въ значительной мѣрѣ возрасло бы, если бы аббатъ коснулся такихъ же точно дикихъ публичныхъ наказаній плетьми, постигавшихъ въ современной ему Франціи лицъ обоего пола безъ всякаго вниманія къ ихъ здоровью или общественному положенію. Вспомнимъ, напримѣръ, что лѣтъ черезъ 40 послѣ Лопухиной и Бестужевой, передъ самой революціей на одной изъ парижскихъ площадей была наказана плетьми и заклеймена раскаленнымъ желѣзомъ графиня де-Ламоттъ-Фукэ, разгнѣвавшая Марію-Антуанетту своимъ участіемъ въ дѣлѣ ожерелья.

Разъ мы уже коснулись этой характерной области общественныхъ нравовъ, замѣтимъ, что и придворная жизнь, хотя бы той же Франціи, представляла удивительныя аналогіи съ Россіей: совершенно одно и то же наказаніе и по совершенно такой же прихоти каприза и чуть ли не въ одинъ и тотъ же годъ постигло въ залахъ Шешковскаго фрейлину Эльмитъ и г-жу Дивову, а въ будуарахъ m-me дю-Барри несчастную маркизу Розанъ; исторія съ графиней Ліанкуръ, которую во время путешествія на большой дорогѣ встрѣтила ея сосѣдка-соперница и подвергла истязанію, эта исторія, ходившая изъ устъ въ уста въ качествѣ забавнаго анекдота, кажется прямо выхваченной изъ тамбовскихъ былей г. Дубасова.

Бытовое прошлое англійскаго народа при всей своей малой разработанности кишитъ такими деталями, которыя не позволяютъ его считать хоть немного возвышеннѣй и гуманнѣй, чѣмъ прошлое Франціи или Россіи. Страшныя публичныя казни, усложненныя пытками, безконечные ряды висѣлицъ на всѣхъ заставахъ, наказанія плетью преступниковъ и преступницъ внутри погребовъ, носившихъ титулъ тюремъ, посѣщеніе этихъ кровавыхъ зрѣлищъ аристократами и аристократками за большія деньги, безграничное владычество розги въ семьѣ, въ школѣ, въ отношеніяхъ къ прислугѣ, въ арміи и флотѣ, даже въ университетѣ—вотъ какія явленія крупными пятнами бросаются въ глаза при анализѣ англійской дѣйствительности XVIII вѣка. Ясно, что при общемъ низкомъ моральномъ уровнѣ салонно-іезуитская мораль лорда Честерфильда могла найти почву для процвѣтанія. Но кромѣ этого сравнительно ничтожнаго литературнаго явленія, язвы англійской жизни выдвинули человѣка крупныхъ дарованій, громаднаго ума и озлобленной души. Онъ явился среди развратныхъ кутилъ, среди англиканскихъ ханжей, среди вельможныхъ старичковъ-деистовъ, читавшихъ Толланда и Шефтсбери, среди придворныхъ карьеристовъ, заучившихъ остроты Богенгброка и Честерфильда, среди немногихъ эпигоновъ - вольнодумцевъ локковскаго поколѣнія, и приподнесъ ихъ

*

духовному взгляду всю ту кровавую грязь, въ которой они жили и которую давно уже привыкъ созерцать ихъ физическій взоръ.

III.

Литературный талантъ Свифта весьма часто сильно преувеличивается. Несомнѣнно, въ этомъ отношеніи нѣтъ возможности сравнивать его хотя бы, напримѣръ, съ Рабле, не говоря уже о такихъ вершинахъ сатирической литературы, какъ Салтыковъ. Но въ немъ было нѣчто иное, были тѣ умственныя предрасположенія, которыхъ уже однихъ бываетъ достаточно, чтобы дать міру крупнаго сатирика. Горька и тускла была жизнь Свифта отъ рожденія до могилы. Шопенгауеръ говоритъ, что у большинства людей воля первенствуетъ надъ интеллектомъ и поэтому интеллектъ всецѣло обращенъ на работу по указанію воли; у людей же геніальныхъ интеллектъ волѣ не подчиненъ и обращенъ на созерцаніе; вотъ почему,—думаетъ Шопенгауеръ,—обыкновенные люди почти всегда серьезны и озабочены, а геніальные—поражаютъ иногда безпредметной, повидимому, веселостью. Свифтъ геніальнымъ человѣкомъ не былъ, и если ужъ придерживаться шопенгауеровской терминологіи, у него «воля», т.-е. эгоистическія страсти, безспорно, первенствовали надъ созерцаніемъ. А такъ какъ судьба всегда, безъ исключенія, была противъ него, то этотъ болѣзненно-самолюбивый, раздражительный до психопатіи человѣкъ, имѣвшій постоянно въ виду одно только свое личное преуспѣяніе,—обратился къ литературному творчеству, чтобы излить свою душу. «Я пишу, чтобы мучить, а не для того, чтобы развлекать людей»,—говорилъ онъ. И дѣйствительно, «Скачка о бочкѣ», пребываніе Гулливера въ странѣ гуингмовъ, прошеніе ирландскихъ матерей и отцовъ—все это написано перомъ, которое,—какъ выразился русскій поэтъ,—«местью дышитъ». Въ сущности, основная причина неудовлетворенности Свифта до мизерности узка. Ему хотѣлось сдѣлаться деканомъ въ какой нибудь богатой епархіи, — и это никакъ не удавалось. Нищенствуя и голодая еще на университетской скамьѣ, онъ продолжалъ бы это дѣлать, безъ сомнѣнія, и по окончаніи курса, если бы не помощь и покровительство богатаго политическаго дѣятеля Вильяма Темпля. Нужно сказать, что Свифтъ, благодаря своему литературному значенію, никогда не пилъ до дна горькой чаши нахлѣбничества; его покровители боялись его и льстили ему. Но онъ самъ отличался совершенно невыносимымъ характеромъ: онъ, вѣчно боясь, чтобы его не сочли за прихлебателя, всѣми зависѣвшими отъ него способами отравлялъ жизнь своимъ хозяевамъ и ихъ гостямъ. Сначала, въ первые годы царствованія Анны, онъ думалъ составить себѣ карьеру при помощи виговъ, но плохо разсчиталъ. Въ 1704 г. онъ обнародовалъ маленькій памфлетъ подъ названіемъ «Сказка о бочкѣ».

Въ этомъ памфлетѣ Свифтъ очень зло осмѣиваетъ католичество англиканство и лютеранство, изображая ихъ въ видѣ трехъ братьевъ получившихъ отъ своего отца въ наслѣдство по кафтану: каждый изъ нихъ, согласно завѣщанію, обязанъ носить свой кафтанъ, никакъ его не измѣняя и не передѣлывая, но братья, пользуясь всякими схоластическими ухищреніями и словесными каламбурами, успѣваютъ такъ истолковывать постоянно завѣщаніе, что для нихъ оказывается вполнѣ возможнымъ аккуратно слѣдить за модой, приспособляться къ ней, и до неузнаваемости кроить и перекраивать свою первоначальную одежду; Эта «сказка» имѣла очень большой литературный успѣхъ и, въ особенности, обрадовала виговъ, непримиримыхъ враговъ католичества. иронію по адресу епископальнвй церкви они какъ-то умудрились не замѣтить, вѣрнѣе, притворились не замѣтившими. Мы не раздѣляемъ мнѣнія тѣхъ біографовъ и критиковъ Свифта, которые готовы смотрѣть на этотъ памфлетъ, какъ на придуманный сатирикомъ способъ добиться благосклонности господствовавшей въ 1704 г. партіи, т. е. партіи виговъ. Конечно, Свифтъ желалъ сдѣлать карьеру; конечно, онъ, уже издавъ книжку, былъ бы очень радъ, если бы «Сказка о бочкѣ» помогла ему въ этомъ отношеніи, но писалъ онъ ее, несомнѣнно, повинуясь прежде всего тому «категорическому императиву», который заставляетъ большой талантъ повѣдать себя людямъ: иначе не написалъ бы онъ свою «сказку» такъ, что она навсегда лишила ее благосклонности духовнаго начальства и, не взирая на всѣ усилія виговъ, больше всего помѣшала его повышенію. «...Не продается вдохновенье, но можно рукопись продать»... На этотъ разъ непроданость вдохновенья не позволила даже «продать» плоды его по сходной цѣнѣ. Когда пали виги, Свифтъ моментально перешелъ въ лагерь торіевъ и тогда-то, сдѣлавшись издателемъ вліятельнаго органа, онъ, наконецъ, могъ надѣяться, что сдѣлается епископомъ. Послѣдніе годы царствованія Анны онъ провелъ въ лихорадочномъ ожиданіи желаннаго мѣста, и опять ничего не вышло: его назначили на третьестепенный постъ деканомъ прихода св. Патрика въ Дублинѣ. Въ 1713 году онъ туда и отправился. Здѣсь начинается медленная агонія этого человѣка, агонія тяжелаго, скрытаго, но вѣчно горящаго бѣшенства, самопитающагося раздраженія. Не удалась карьера, не удалась и личная жизнь. Физическій ли роковой недостатокъ тутъ вліялъ или что другое, но любовь, которую онъ питалъ къ двумъ несчастнымъ, загубленнымъ имъ дѣвушкамъ, была какого-то страннаго свойства. Обѣ онѣ любили его безнадежно и безумно, и любили разомъ, и онъ ихъ любилъ (или говорилъ, что любитъ) въ одно и то же время; кончилось ихъ смертью и его помѣшательствомъ... Вотъ общій фонъ тѣхъ лѣтъ, когда появились его лучшія вещи: «Письма суконщика» (въ 1723 г.) и «Путешествія Гулливера» (въ 1725 г.). Умеръ онъ въ 1745 году, но послѣдніе годы провелъ въ состояніи уже невмѣняемомъ.

«Письма суконщика» написаны имъ въ Ирландіи и для Ирландіи по тому поводу, что правительство Георга I рѣшило вычеканить для этой страны монету на нѣсколько тысячъ фунтовъ: новая монета должна была помочь вѣковѣчной путаницѣ при разсчетѣ между англійскими и ирландскими купцами. Въ Ирландіи этою мѣрой были многіе недовольны, не столько вслѣдствіе ея вредоносности, сколько потому, что ужъ очень много накопилось обидъ противъ англичанъ съ самаго паденія Іакова II, когда восторжествовавшая оппозиція старалась мстить католическимъ союзникамъ изгнаннаго короля. Свифтъ, нужно замѣтить, всегда и задушевно ненавидѣлъ ирландцевъ, дѣлалъ все отъ него зависѣвшее, чтобы имъ вредить, и пользовался ихъ взаимностью. Но тутъ, совершенно неожиданно, онъ выпустилъ свои блестящія «Письма суконщика» (анонимныя), въ которыхъ прежде всего доказывалъ, что затѣянная чеканка монеты есть мѣра самая гнусная и мошенническая (чего на дѣлѣ не было), а затѣмъ въ самыхъ яркихъ краскахъ напоминалъ ирландцамъ всѣ угнетенія, всѣ оскорбленія и преступленія, жертвою которыхъ они были отъ начала ихъ истріи. Возбужденіе, вызванное памфлетомъ, было ужасно. Свифтъ сдѣлался національныхъ ирландскимъ героемъ, и публика, и правительство знали, кто этотъ таинственный суконщикъ, но тронуть его не рѣшились. Свифтъ выпустилъ еще другой памфлетъ, прямо относящійся къ Ирландіи: «Прошеніе ирландскихъ матерей и отцовъ» о томъ, чтобы лорды и леди покупали маленькихъ ирландскихъ дѣтей и зажаривали бы ихъ себѣ на завтракъ, обѣдъ и ужинъ. Мстилъ ли Свифтъ не оцѣнившимъ его людямъ, или хотѣлъ какъ-нибудь облегчить свое расширившееся отъ злобы сердце, или толкалъ его къ письменному столу его умъ, фотографировавшій и обобщившій всѣ уродливости жизни, или всѣ эти причины дѣйствовали вмѣстѣ, но онъ писалъ и писалъ, возбуждая на улицахъ Дублина ревъ разъяренной толпы, пугая правительство, заставляя его взять назадъ и проектъ о монетѣ, и идти на всякія уступки. Но въ этихъ ирландскихъ памфлетахъ ясно обнаруживалось, что какимъ бы безнравственнымъ и озлобленнымъ карьеристомъ Свифтъ ни былъ, его талантъ имѣлъ свойства всякаго огромнаго литературнаго таланта: онъ видѣлъ зло и носилъ въ себѣ тенденцію изобличать его съ точки зрѣнія нравственнаго идеала.

Еще въ большей мѣрѣ это сказалось въ самомъ популярномъ (хотя и не болѣе блестящемъ, чѣмъ ирландскіе памфлеты) произведеніи Свифта—въ «Путешествіяхъ Гулливера».

Основная, но затаенная мысль «Путешествія къ лиллипутамъ», по нашему мнѣнію ясна. Наблюдая всю ложь, кровь, грязь, лицемѣріе и пошлость, въ которыхъ совсѣмъ не ощущалось недостатка при тогдашнихъ условіяхъ, этотъ глубокій аналитикъ пришелъ къ выводу, что весьма многія проявленія этихъ людскихъ качествъ и элементовъ жизни только своими размѣрами, своими внѣшними аттрибутами ма-

скируютъ свою сущность и укрываются отъ ударовъ сатирическаго бича. Вотъ это-то мѣшающее, путающее условіе Свифтъ и вычеркиваетъ вонъ въ описаніи путешествія Гулливера къ лиллипутамъ. У лиллипутовъ есть много гнусностей и глупостей, но у нихъ все это проявляется въ такомъ миніатюрномъ масштабѣ, сами авторы этихъ гнусностей и глупостей такъ малы, что всѣ ихъ поступки и они сами до послѣдней степени выходятъ смѣшны и презрѣнны. Отпадаетъ фразерство, отпадаютъ общепринятости и условности, и передъ читателемъ развертывается вся тусклая и грязная панорама общественной жизни Англіи при первыхъ Георгахъ. Были въ этой жизни свѣтъ и тѣни, но въ свифтовой панорамѣ только тѣни и остались. Отъ лиллипутовъ Гулливеръ, какъ извѣстно, попадаетъ къ великанамъ. Эта вторая часть сатиры менѣе интересна. Великаны пьянствуютъ и развратничаютъ не хуже придворныхъ Георга I, но сила изобразительности здѣсь у Свифта не такова, чтобы художественное впечатлѣніе было особенно сильно. Зато третья и послѣдняя часть сатиры (пребываніе у гуингмовъ) замѣчательна. Эти гуингмы идеальныя существа: они благородны и умны, но къ сожалѣнію, они — не люди, а лошади. У нихъ нѣтъ ни преступленій, ни коварства, ни глупости, ни обмана, они не обираютъ другъ друга и даже не понимаютъ, какъ можно продѣлывать надъ ближнимъ тѣ издѣвательства, которыя у людей въ обычаѣ. Гулливера они принимаютъ сначала за потомка «Іегу», противныхъ и гнусныхъ обезьянъ, прежде жившихъ на этомъ островѣ и поразительно похожихъ, прямо до тожества, на людскую породу... Самый безнадежный мизантропизмъ проникаетъ всю эту заключительную часть путешествій Гулливера. Свифтъ вовсе не хочетъ исправлять людей; онъ не признаетъ никакихъ данныхъ, которыя позволяли бы надѣяться, что вообще такое исправленіе мыслимо. Онъ, повидимому, дѣйствительно стремится только унизить своихъ ближнихъ самымъ чувствительнымъ образомъ, унизить ихъ въ ихъ самосознаніи.

Вліяніе Свифта на англійскую литературу было весьма велико; оно открыло широкую дорогу той реалистической струѣ, которая со временъ Чосера не переставала время отъ времени пробиваться въ англійской поэзіи и беллетристикѣ. Сантиментальный и нравоучительный романъ Ричардсона, бытовый романъ Фильдинга и Смоллета подтвердили, что это вліяніе несчастнаго сатирика отозвалось довольно скоро.

IV.

Ричардсонъ является весьма любопытнымъ образчикомъ литературнаго дѣятеля, одареннаго громадной инициативой и почти вполнѣ лишеннаго какихъ бы то ни было признаковъ художественнаго дарованія. Заслуга его предъ англійскою литературою весьма значительна.

Онъ первый оставилъ сюжеты Драйдена и другихъ писателей, бравшихъ темы и черпавшихъ вдохновенія въ раззолоченныхъ королевскихъ салонахъ, переносившихъ время и мѣсто дѣйствія за сотни миль и лѣтъ отъ Англіи и своей эпохи, и дававшихъ читателямъ какія-то уродливыя, безвкусныя и безтактныя подражанія французскому классицизму. Конечно, дѣло Ричардсона не было такъ ужъ недосягаемо велико какъ это любятъ изображать его біографы; оно не явилось возвратомъ къ шекспировскимъ традиціямъ, къ глубокой, внутренней психологической правдѣ: для этого у Ричардсона не было таланта художественнаго творчества. Но онъ первый сталъ писать семейные романы въ томъ видѣ, какъ они очень долго послѣ него просуществовали и въ Англіи, и на континентѣ. Этотъ реализмъ замысла только подъ перомъ Фильдинга и Смоллета началъ соединяться до извѣстной степени съ реализмомъ выполненія, но появился онъ впервые все-таки у Ричардсона.

Англія XVIII вѣка была населена обществомъ худо ли, хорошо ли, но политически-уравновѣшеннымъ. Политическая борьба осталась позади, соціальная была впереди, аристократическая олигархія правила страною по незамѣчимому выраженію нашихъ лѣтописей «честно и грозно», т. е. при вѣчномъ стремленіи и всякими путями нажиться лично, она не упускала изъ виду и общенаціональныхъ интересовъ. Государственная машина работала исправно, обезпечивая своимъ парламентомъ и habeas corpus'омъ политическія права гражданина, своими варварскими уголовными законами успокаивая его инстинктъ самосохраненія, своими колоніальными пріобрѣтеніями расширяя перспективы личнаго обогащенія. Англичанинъ — существо въ общемъ довольно замкнутое, любящее свой home, свой очагъ, интересующееся имъ и безъ крайней нужды не любящее особенно удаляться отъ него и его интересовъ. Такая крайняя нужда была на лицо почти втеченіе всего XVII столѣтія; почти весь вѣкъ англійскій фермеръ, англійскій буржуа, англійскій сельскій дворянинъ провелъ подъ ружьемъ, либо въ борьбѣ, либо въ ея ожиданіи. Тогда онъ прислушивался и къ суровымъ пуританскимъ гимнамъ, и къ лучшему изъ нихъ «Потерянному раю», и къ фантастикѣ классическихъ романовъ, и къ разговорамъ «Лани и пантеры» Драйдена, потому что все не совсѣмъ обычайное, исключительное подходило къ повышенному темпу жизни, потому что мильтоновскіе ангелы говорили о пуританствѣ, «Лань и пантера» были олицетвореніями католизма и епископальной церкви. Въ XVIII столѣтіи жизнь пріобрѣла болѣе обыденный характеръ, англичанинъ возвратился къ своему очагу и пожелалъ, чтобы ему дали художественное обслѣдованіе семьи, будничной жизни и будничныхъ страстей. Тогда-то и явился Ричардсонъ.

Уже Свифтъ оставилъ традицію XVII столѣтія; уже въ 1719 году Дефо далъ реалистическій и талантливый разсказъ о Робин-

зонѣ Крузо, но при всемъ громадномъ интересѣ, который внушенъ былъ ихъ произведеніями, все же потребность въ романѣ обыденной жизни осталась неудовлетворенной. Сатирическая фантасмагорія Свифта такъ же, какъ робинзонада была по самому свойству сюжета, слишкомъ отдалена отъ внѣшнихъ условій англійской домашней жизни. Ричардсонъ, лишенный и тѣни дарованій Свифта и даже Дефо, заполнилъ пробѣлъ: когда въ 1740 году появилась его «Памела», успѣхъ ея былъ чрезвычайный, книжка разошлась за одинъ годъ пятью изданіями и Ричардсонъ въ нѣсколько мѣсяцевъ сталъ знаменитостью. Сюжетъ «Памелы» весьма наивенъ: служанка въ богатомъ домѣ ведетъ долгую борьбу за свою добродѣтель съ старшимъ сыномъ своей хозяйки и такъ этою борьбою его плѣняетъ, что онъ въ концѣ концовъ женится на ней. Съ нашей точки зрѣнія этотъ романъ имѣетъ одно немаловажное по тѣмъ временамъ достоинство: онъ сравнительно не великъ по своему объему.

Въ этомъ отношеніи гораздо неприступнѣе другой романъ Ричардсона, вышедшій въ свѣтъ спустя восемь лѣтъ послѣ «Памелы», именно «Кларисса». Этотъ романъ состоитъ изъ 8 томовъ или четырехъ съ половиною тысячъ страницъ. Геттнеръ склоненъ признать за «Клариссою» большія художественныя прелести: но мы, прочтя «Клариссу» одинъ разъ цѣликомъ, и другой разъ отчасти (1-й и 3-й томы, особенно «драматическіе») никакихъ художественныхъ эмоцій не ощутили, такъ что подписаться подъ хвалебнымъ приговоромъ Геттнера затрудняемся. Но успѣхъ «Клариссы» былъ въ тѣ времена еще громаднѣе, чѣмъ успѣхъ «Памелы». Несчастная Кларисса, любящая сэра Ловеласа, гонимая семьей, не желающая выйти за богача, ея бѣгство къ Ловеласу, его безчестный поступокъ съ нею, смерть Ловеласа на дуэли,—все это быстро стало модною темой для разговоровъ въ англійскихъ (особенно провинціальныхъ) кружкахъ, хоть немного прикосновенныхъ къ литературѣ. Типъ Ловеласа, джентльмэна-жуира, ловкаго донъ-жуана, дѣйствительно набросанъ очень живо (недаромъ же это слово стало нарицательнымъ); но все же онъ скомпилированъ съ легенды о донъ-Жуанѣ, съ испанскихъ романовъ о похожденіяхъ мошенниковъ (т. е. такъ называемыхъ «разбойническихъ романовъ»).

Сухая школьная мораль Ричардсона выступаетъ особенно ярко въ его послѣднемъ большомъ романѣ «Сэръ Чарльзъ Грандисонъ». Здѣсь описанъ въ назиданіе публикѣ вѣчно счастливый и вѣчно добродѣтельный человѣкъ, котораго всѣ любятъ и который самъ всѣхъ любитъ, и благополучно ведетъ свое земное существованіе: онъ выше міра и страстей. Но и это уже чисто лубочное твореніе имѣло громадный сбытъ въ обществѣ: не дарованіе автора, а выборъ сюжета продолжалъ привлекать читателей. Отголосокъ увлеченія этимъ рома-

номъ мы находимъ въ «Евгеніи Онѣгинѣ», въ разговорѣ друхъ старушекъ, вспоминающихъ прошлое:

«Кузина, помнишь Грандисона?»
Какъ Грандисонъ? А, Грандисонъ:
Да, помню, помню... Гдѣ же онъ?
Въ Москвѣ живетъ у Симеона.
Меня въ сочельникъ навѣстилъ:
Недавно сына онъ женилъ.

Значитъ и въ далекой Москвѣ барышни, читавшія въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX столѣтія французскіе переводы романа, такъ увлекались имъ, что называли именемъ героя своихъ знакомыхъ.

Дорога была открыта, и продолжатели дѣла Ричардсона не замедлили явиться. Реалистами не только по замыслу, но и по выполненію или, вѣрнѣе, по тенденціи выполненія, являются Смоллетъ и Фильдингъ. (Гольдсмита съ его «Векфильдскимъ священникомъ» мы относимъ всецѣло къ направленію Ричардсона). У Фильдинга въ его «Томѣ Джонсѣ» и «Эндрьюсѣ» изображаются лица также изъ обыденной жизни, разсказываются ихъ похожденія, ихъ семейный бытъ, но нѣтъ и тѣни того пуританскаго морализированія, того ханжества и лицемѣрія, какъ у Ричардсона. Краски у Фильдинга ярче и гуще, слогъ живѣе, изобразительный талантъ гораздо выше, а общая тенденція уже представляетъ громадный реалистическій прогрессъ: добродѣтель не является абсолютною, а порокъ—безъ свѣтлой отмѣтинки, какъ у Ричардсона и его послѣдователей. Фильдингъ открылъ собою рядъ прославившихъ англійскую беллетристику юмористовъ. Чисто англійскій юморъ, юморъ диккенсовскаго калибра господствуетъ у Фильдинга во всѣхъ его вещахъ (кромѣ «Амаліи», что̀, впрочемъ, обусловливается, какъ намъ кажется, слишкомъ ужъ грустнымъ сюжетомъ). Англійская старая жизнь встаетъ предъ нами весьма отчетливо подъ кистью Фильдинга; чувствуется вѣяніе духа старой, до-пуританской чосеровской Англіи. Характерная ненависть къ одному изъ основныхъ пороковъ англійскаго національнаго характера, къ лицемѣрію, принимаетъ у Фильдинга прямо фанатическіе размѣры. Вѣрно, бѣдный писатель, проведшій весьма веселую, хотя и безпокойную жизнь, самъ слишкомъ часто страдалъ отъ порицаній общественнаго мнѣнія, такъ что успѣлъ возненавидѣть англійскую pruderie, какъ личнаго врага. Характерно, что Фильдинга меньше читали и знали, чѣмъ Ричардсона; послѣдній, со своею прописною моралью, былъ гораздо болѣе по плечу среднему читателю.

Меньшимъ художественнымъ талантомъ, чѣмъ Фильдингъ, но еще болѣе рѣзко выраженною тенденціей указывать обществу на его язвы, отличается Смоллетъ, третій популярный романистъ XVIII столѣтія. Страшнѣйшій половой развратъ, царившій въ высшихъ и низшихъ классахъ общества и у Смоллета изображенъ съ грубой, разсчитанно колющей глаза реальностью; но и средній классъ не пощаженъ: его

пороки—мелкая скаредность, себялюбіе, алчность къ наживѣ составляютъ постоянный предметъ описаній, размышленій и переписки героевъ Смоллета. Онъ ближе всѣхъ другихъ подходитъ къ Свифту (по направленію ума) и прямѣе всѣхъ продолжаетъ его традицію.

Подводя итоги всему сказанному, мы замѣтимъ слѣдующее. Толандъ, Шефтсбери и другіе деисты являются въ Англіи XVIII вѣка наиболѣе популярными свободными мыслителями; ихъ воззрѣнія гораздо больше имѣли почвы подъ собою и по историческимъ условіямъ недавняго прошлаго, и по основнымъ чертамъ англійскаго ума,—чѣмъ, напримѣръ, атеизмъ, быстро распространявшійся во Франціи. Далѣе. Лордъ Болингброкъ и Честерфильдъ явились теоретическими обоснователями (впрочемъ, популярными только въ высшемъ кругу) того эпикуреизма, который для членовъ ихъ сословія давно уже былъ несознанной «практической философіей». Здѣсь можно констатировать сильное вліяніе на этихъ двухъ свѣтскихъ философовъ—французской жизни и французской придворной теоріи, такъ легко уложившейся въ немногія слова: «après nous le deluge». Общая грубость и дикость нравовъ, животный развратъ и другія отрицательныя черты общественной жизни даютъ богатую пищу сатирѣ Свифта, который первый бросаетъ въ лицо обществу безъ различія слоевъ тяжелыя и неотразимыя обвиненія. Его первоклассный талантъ прокладываетъ новый путь въ литературѣ: классическія, привезенныя съ родины Корнеля и Расина традиціи разрушаются, новаторство Ричардсона находитъ себѣ восторженный пріемъ, романъ семейной обыденной жизни подъ перомъ Фильдинга избавляется (положимъ, только у самого же Фильдинга и Смоллета) отъ морализированія и сильно повышаетъ общія литературныя требованія читающей англійской публики. Общая реалистическая струя царитъ и въ житейскомъ міросозерцаніи среднихъ классовъ, и въ ихъ литературѣ. Но уже ясна судьба этого англійскаго реализма: онъ отзывается и даетъ себя чувствовать и въ разработкѣ естественныхъ наукъ (безостановочно продолжающейся послѣ Бойля и Ньютона), и въ беллетристикѣ, и въ философіи, и все-таки не вліяетъ маломальски замѣтно въ области интимныхъ вѣрованій. Религіозная жизнь, съ 1688 года поставленная особо отъ политики, развивается своимъ чередомъ; ростъ сектантства въ XVIII вѣкѣ доказываетъ это весьма убѣдительно. Такимъ образомъ эти реалистическія привычки мысли пріобрѣтаютъ въ Англіи преимущественно методологическое значеніе: особенно это сказывается въ разработкѣ философскихъ проблемъ и отдѣльныхъ общественныхъ дисциплинъ. О матеріализмѣ Гоббеса, о сенсуализмѣ Локка, появившихся еще въ XVII вѣкѣ, мы говорили такъ же, какъ о Ньютонѣ—механистѣ въ своихъ изслѣдованіяхъ и мистикѣ въ своихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ. Теперь намъ остается, кончая обзоръ XVIII столѣтія, коснуться трехъ мыслителей, изъ которыхъ два могутъ назваться первоклассными,

и которые оставили по себѣ крупный слѣдъ—одинъ въ исторіи философіи, другой — въ экономической теоріи и экономической исторіи Европы, наконецъ, третій не остался безъ вліянія на этическое міровоззрѣніе части европейскаго общества. И Юмъ, и Адамъ Смитъ, и Бентамъ помѣчены печатью реализма и полной умственной трезвенности; Юмъ, правда, сложнѣе, у него есть такія черты, которыхъ напрасно мы стали бы искать у двухъ послѣднихъ. Быть можетъ, поэтому удобнѣе сначала обратиться къ нему, а потомъ уже къ двумъ остальнымъ; впрочемъ, такимъ путемъ и хронологическій порядокъ будетъ вполнѣ соблюденъ.

V.

Шотландія XVIII вѣка дала англійской литературѣ поэта, который сталъ народнымъ въ самомъ точномъ смыслѣ слова не только для своей «старой, горной родины», но и для Англіи. Имя Роберта Борнса, извѣстное и въ салонахъ, и въ журналахъ, и въ кабакахъ (вродѣ описаннаго имъ же притона «Пэзи Нанси»),—это имя, сдѣлавшееся гордостью Шотландіи, конечно, размѣрами популярности превосходило во много разъ имена двухъ современниковъ и соотечественниковъ поэта,—Давида Юма и Адама Смита. Въ исторической же перспективѣ, когда на первый планъ выступаетъ неизбѣжно вопросъ о значеніи того или иного дѣятеля не только для современнаго ему поколѣнія, но и для слѣдующихъ, не только для своей родины, но и для всего міра,—становится уже вполнѣ очевидно, что Борнсъ имѣлъ лишь національное значеніе, а оба его соотечественника—общеевропейское.

Шотландія, выдвинувшая этихъ замѣчательныхъ мыслителей, была въ XVIII вѣкѣ, еще въ гораздо большей степени подвержена пуританскому вліянію, чѣмъ Англія. Въ Англіи пуританство отразилось на семейныхъ правахъ, на ходячей морали, но, несмотря на то, какъ мы уже имѣли случай упомянуть, распутство тамъ весьма часто благополучно существовало подъ прикрытіемъ лицемѣрія. Въ Шотландіи пуританизмъ гораздо сильнѣе вліялъ не только на общественную мораль, но и на дѣйствительную жизнь. Полудикіе горцы, болѣе культурные крестьяне долинъ, ремесленники и мелкіе торговцы городовъ составляли въ общемъ одну патріархальную массу, молившуюся Богу по молитвенникамъ Джона Нокса, весьма далекую отъ всякихъ интеллектуальныхъ новшествъ, но платонически ненавидѣвшую ихъ. Нигдѣ такъ поздно не оставили сожиганіе вѣдьмъ, нигдѣ такъ не процвѣтали судебныя пытки, нигдѣ, наконецъ, не былъ во всемъ соединенномъ королевствѣ такъ слабъ всякій интересъ къ литературѣ, какъ именно въ Шотландіи. Нельзя было и представить себѣ, напримѣръ, чтобы публицистическое произведеніе такъ взволновало эту страну, какъ памфлеты Свифта Ирландію; не мало, конечно, это объясняется меньшей остротой

соціальныхъ контрастовъ, большей экономической и политической удовлетворенностью, но нельзя отрицать здѣсь и просто большей умственной инертности: вѣдь и перечеканка монеты въ сущности никакъ не затрогивала интересовъ Ирландіи, и не совсѣмъ неправы были тѣ оффиціальные обвинители Свифта, которые на него сваливали всю вину въ происшедшемъ волненіи. Такого эффекта никакое литературное произведеніе въ Шотландіи XVIII вѣка не достигало. И вотъ, изъ этой-то земледѣльческой и пастушеской страны, изъ этого глубоко пуританскаго и патріархальнаго глухого угла Европы раздались голоса двухъ друзей, заставившіе прислушаться къ себѣ и Англію, и Францію, и Германію, всю тогдашнюю république des lettres отъ Лондона до Кенигсберга. Первымъ выступилъ старшій изъ нихъ, Давидъ Юмъ.

Юмъ—философъ, гораздо болѣе яркій и захватывающе глубокій, чѣмъ Гоббесъ или Локкъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, несмотря на полную внутреннюю оригинальность его идей, необходимо признать, что общее движеніе вѣка, французское просвѣщеніе вліяли на него всю жизнь и до, и во время, и послѣ его путешествій на континентъ, и что они способствовали несомнѣнно общей тенденціи его философской работы. Въ этомъ смыслѣ онъ гораздо болѣе связанъ съ Европой, чѣмъ, напримѣръ, Гоббесъ, у котораго были даже общіе пріятели съ Декартомъ (вродѣ Мерсенна), и который тѣмъ не менѣе ничего у автора «Discours de la methode» не позаимствовалъ; да и другой предшественникъ Юма—Локкъ остался совершенно въ сторонѣ и отъ Лейбница, и отъ Спинозы. Но если тотъ Zeitgeist, который склоненъ отрицать Гёте, все-таки и дѣйствовалъ на Юма, если антидогматическое и скептическое направленіе его сказалось чрезвычайно рано, въ первомъ же произведеніи, то никто не станетъ отрицать, что мощная сила и глубина философскаго анализа Юма далеко оставила за собою всѣхъ, безъ исключенія, европейскихъ мыслителей XVIII-го вѣка вплоть до временъ «Критики чистаго разума». Если, напримѣръ, отъ чтенія Дидро перейти къ чтенію Юма, получается такое (неожиданное, но вполнѣ опредѣленное) впечатлѣніе, точно будто послѣ горячей тирады юноши слышишь всестороннее, широкое и спокойное изслѣдованіе того же предмета—изъ устъ замѣчательнаго мыслителя, много пожившаго и много передумавшаго. Разсужденія Дидро о теологіи—сплошной рядъ публицистическихъ выходокъ; «Natural history of religion» Юма, посвященная тому же сюжету, способна заставить человѣка пересмотрѣть отъ A до Z всѣ свои убѣжденія, всѣ воспринятыя или самостоятельно выработанныя мысли. Это можно сказать, сравнивая съ Юмомъ даже такую замѣчательную философскую организацію энциклопедизма, какъ Дидро; о какихъ бы то ни было параллеляхъ между шотландскимъ философомъ и такими лицами, какъ Гольбахъ или Гельвецій, конечно, и рѣчи быть не можетъ. Впрочемъ, въ чисто метафизическихъ своихъ частяхъ произведенія Вольтера и Руссо почти такъ же меркнутъ предъ

твореніями Юма, какъ и работы названныхъ «меньшихъ боговъ» просвѣтительнаго Олимпа.

Основная черта юмовской философіи — сомнѣніе, скепсисъ, понимаемый въ самомъ широкомъ и всеобъемлющемъ значеніи. Мы уже имѣли случай говорить о роли математики въ новой исторіи философіи; мы видѣли, что для Декарта, Спинозы, Лейбница — существованіе математики уже само по себѣ являлось и ручательствомъ въ силахъ человѣческаго разума, и стимуломъ къ созданію широкихъ метафизическихъ философемъ, которыя могли бы имѣть всю достовѣрность математическихъ истинъ; мы замѣтили также, что для англійскаго философскаго поколѣнія XVII-го столѣтія, для Гоббеса и Локка и для мыслителей послѣ-ньютоновскаго періода та же математика получила совсѣмъ иной, сдерживающій, дисциплинирующій смыслъ: именно она явилась недосягаемымъ образцомъ демонстративной истины, къ которой тщетно стремится метафизика. Разумѣется, здѣсь немаловажную роль сыграла общая неудача конструированія единой незыблемой философемы, которая могла бы стать на мѣсто теологіи, неудача,—постигшая всѣхъ, безъ исключенія, метафизиковъ. У Юма мы наблюдаемъ въ самомъ чистомъ, безпримѣсномъ видѣ эту роль математики, какъ недосягаемаго идеала достовѣрности.

Главныхъ философскихъ произведеній Юма три: «Treatise on human nature», трактатъ о человѣческой природѣ (вышедшій полностью въ 1740 году), «Enquiry concerning human understanding», изслѣдованіе, касающееся человѣческаго разума (1751 г.), и «Естественная исторія религіи». Изъ этихъ трехъ произведеній два первыя имѣютъ дѣло, главнымъ образомъ, съ теоріей познанія. Нужно сказать, что послѣ Локка, вообще, проблемма познанія не сходила съ мѣста центральнаго философскаго вопроса. Старшій современникъ Юма, епископъ Беркли, заявилъ даже, излагая свою строго спиритуалическую доктрину о недостовѣрности существованія внѣшняго міра внѣ разума, что онъ всю жизнь свою готовъ отдать для разъясненія теоріи познанія. Юмъ по природѣ своего ума не любилъ никакихъ рѣшительныхъ утвержденій; поэтому онъ и оставилъ въ сторонѣ вопросъ о существованіи внѣ разума тѣлесной дѣйствительности, а направилъ свой анализъ на другія стороны предмета. По мнѣнію Юма, наше, такъ называемое знаніе состоитъ: 1) изъ непосредственныхъ воспріятій и 2) изъ идей, т. е. воспоминаній объ уже пережитомъ воспріятіи. Изъ этихъ двухъ частей слагается наше знаніе въ каждый моментъ. Когда мы сидимъ за столомъ и смотримъ на лежащіе предъ нами предметы и, кромѣ того, о чемъ-нибудь думаемъ,—наше знаніе въ этотъ моментъ состоитъ изъ 1) впечатлѣній карандаша, чернильницы, пера и другихъ предметовъ, лежащихъ предъ нами и доступныхъ нашему зрѣнію, вообще изъ впечатлѣній, въ это время входящихъ въ наше познаніе чрезъ органы чувствъ, и 2) изъ воспоминаній объ уже пережи-

тыхъ впечатлѣніяхъ, касающихся тѣхъ предметовъ, которые нашему непосредственному воспріятію въ данный моментъ недоступны. Уже отсюда видно, какъ недостовѣрно наше знаніе: 1) и непосредственныя впечатлѣнія у разныхъ людей бываютъ разныя объ однихъ и тѣхъ же предметахъ, 2) а міръ идей, т. е. воспоминаній о впечатлѣніяхъ, еще сбивчивѣе, еще ненадежнѣе: воспоминанія сталкиваются, путаются, невѣрно ассоціируются и порождаютъ невѣрныя умозаключенія. Здѣсь мы приходимъ къ тому позвоночному хребту всякаго познанія, который также Юмъ полагалъ не труднымъ сломить, къ закону причинности. Юмъ говоритъ, что «причинность» есть просто наша привычка ассоціировать извѣстныя предъидущія впечатлѣнія съ извѣстными послѣдующими впечатлѣніями и только. Для повседневной жизни, въ мірѣ эмпирической дѣйствительности этой привычки, пожалуй, достаточно, но для философа мало еще назвать какую-нибудь умственную привычку «закономъ», чтобы онъ такъ въ это и увѣровалъ. Юмъ полагаетъ, что только то достовѣрно, что можно доказать, установивъ невозможность противоположнаго. Оттого-то, напримѣръ, ариѳметика такъ и достовѣрна, что всякое ея утвержденіе можно подкрѣпить доказательствомъ отъ противнаго; то же можно распространить и на другія математическія науки *). Но чуть мы выйдемъ за предѣлы математическаго знанія, чуть мы хотимъ опереться въ познаніи хотя бы, напримѣръ, естественно-историческихъ фактовъ на «законъ» причинности, тотчасъ же очутимся въ затрудненіи. «Въ нашихъ широтахъ зима всегда холоднѣе лѣта»,—неопровержимо ли логически такое утвержденіе? Вполнѣ опровержимо, по общему смыслу философіи Юма: *пока* зима была всегда холоднѣе, на людской памяти, а въ будущемъ году она можетъ стать теплѣе лѣта. *Обыкновенно* солнце показывается съ востока, а завтра оно можетъ показаться съ запада. Логическаго ручательства невозможности этого найти нельзя, по мнѣнію Юма. Еще болѣе эфемерно понятіе о субстанціи (въ этомъ Юмъ особенно тѣсно, какъ намъ кажется, примыкаетъ именно къ Беркли, хотя гораздо яснѣе выражаетъ свою мысль). Никакихъ субстанцій нѣтъ, и мы соединяемъ подъ этимъ понятіемъ впечатлѣнія объ отдѣльныхъ предметахъ, ассоціируя ихъ на основаніи самыхъ шаткихъ критеріяхъ. Общій философскій выводъ отсюда,—познаніе мыслимо только въ предѣлахъ опыта, и даже такое познаніе не можетъ настаивать на полной своей достовѣрности.

Теперь ясна та общая точка зрѣнія, съ которой Юмъ могъ написать свою «Естественную исторію религіи». Онъ спокойно, научно, докторально разсматриваетъ причины появленія и развитія теологическихъ системъ, одинаково оставаясь совершенно чуждымъ имъ всѣмъ. Въ этомъ отношеніи онъ пока еще не отличается отъ громаднаго боль-

*) Впрочемъ, наукамъ о числѣ (ариѳметикѣ, алгебрѣ) Юмъ всегда давалъ преимущество предъ геометріей.

шинства философовъ французскаго просвѣщенія, но здѣсь и кончается сходство между ними. У французовъ въ обработкѣ этой темы тотчасъ же является раздраженіе, взволнованная насмѣшка, риторическій гнѣвъ; у Юма мы наблюдаемъ самое полное спокойствіе. Это отзывается и на внутреннемъ отличіи между исторіографіей энциклопедистовъ и юмовскою: французы склонны объяснять появленіе теологическихъ системъ плутовствомъ «жрецовъ», и даже преимущественно имъ однимъ (здѣсь они встрѣчаются съ скептиками итальянскаго возрожденія), а Юмъ приписываетъ этотъ феноменъ всевозможнымъ психологическимъ причинамъ, которыя онъ беретъ въ самомъ разностороннемъ освѣщеніи. Нѣкоторыя изъ его замѣчаній не стоятъ въ противорѣчіи съ новѣйшими открытіями и наблюденіями примитивистовъ вродѣ Тейлора и Леббока. Далѣе. Одною изъ общихъ, разлитыхъ въ воздухѣ тенденцій французскаго умственнаго движенія XVIII вѣка было превознесеніе «естественнаго состоянія» въ ущербъ цивилизаціи; эта тенденція не Руссо началась и не Руссо окончилась: онъ только явился самымъ глубокимъ и послѣдовательнымъ ея носителемъ. Обыкновенно, желая доказать преимущество какого-нибудь ученія, какого-нибудь общественнаго идеала весьма многіе философы эпохи просвѣщенія прибѣгали къ такой аргументаціи, вѣрнѣе къ такой фантазіи на историческую тему: «то-то и то-то (достоинство чего желательно обнаружить) существовало въ счастливыя времена естественнаго состоянія и только впослѣдствіи замѣнилось другимъ, злокачественнымъ и достойнымъ искорененія». Приблизительно такъ французскіе писатели склонны были разсуждать и относительно исторіи религіи. Такъ какъ многіе изъ нихъ были деистами, другіе склонялись къ деизму, а третьи, не раздѣляя его положеній, все же считали деизмъ наиболѣе раціоналистической религіей, то во французской просвѣтительной литературѣ установилась такая схема: во времена естественнаго состоянія, т.-е. господства законовъ «природы и разума», человѣчество было монотеистично, затѣмъ все тѣ же злополучные «жрецы» вмѣстѣ съ другими врагами рода человѣческаго повліяли такъ, что люди стали поклоняться многимъ богамъ, возникъ политеизмъ, разнообразнѣйшее идолопоклонство, даже у европейскихъ народовъ ихъ монотеизмъ затемнился; упроченіе деизма въ обществѣ XVIII в. являлось такимъ образомъ лишь желательной съ ихъ точки зрѣнія реставраціей взглядовъ, царившихъ въ блаженныя примитивныя времена. Юмъ совершенно отвергъ и разбилъ все это глубоко нелѣпое представленіе. Онъ выставилъ обратное утвержденіе, именно, что у первобытныхъ народовъ политеистическая форма вѣрованій всегда предшествуетъ монотеизму. На этомъ примѣрѣ мы видимъ, насколько Юму, помимо глубины и блеска его аналитическихъ способностей помогало то обстоятельство, что общественныя условія Англіи позволяли ему спокойно, не увлекаясь никакими публицистическими задними мыслями, взглянуть на предметъ; на ре-

лигію онъ могъ уже смотрѣть не какъ на сюжетъ для политической агитаціи, а какъ на фактъ, самою своею громадностью способный привлечь научное вниманіе.

Такимъ же реалистомъ является Юмъ и въ своихъ (правда, довольно отрывочныхъ) замѣчаніяхъ относительно происхожденія гражданскаго общества. Находясь въ прямомъ противорѣчіи съ договорной теоріей происхожденія государства, т.-е. съ теоріей Гоббеса и Руссо, Юмъ высказываетъ мнѣніе, что люди искони живутъ обществами, что на памяти человѣчества не было такого момента, когда бы люди жили совершенно неорганизованно. И здѣсь Юмъ больше старался о томъ, чтобы остаться на почвѣ фактовъ, чѣмъ о томъ, чтобы имѣть возможность, опираясь на революціонную теорію, дѣлать изъ нея революціонные выводы. Можно вообще признать, что послѣ глубочайшаго философскаго скептицизма самую отличительную черту умственной дѣятельности Юма слѣдуетъ видѣть въ постоянномъ стремленіи къ научности, къ фактической правдѣ, стремленіи, для XVIII вѣка не особенно часто встрѣчающемся въ чистомъ видѣ. Ни на комъ, можетъ быть, вліяніе Юма не отозвалось такъ сильно, какъ на Кантѣ, хотя любопытно, что Юмъ во всѣ свои пріѣзды во Францію являлся въ роли знаменитости и салонной приманки, а въ Германіи до послѣдней трети вѣка его довольно мало знали. Зато во Франціи его именно больше знали, чѣмъ подвергались его вліянію, а для германской философіи онъ навсегда останется исторической личностью. «Юмъ вызвалъ меня изъ догматической спячки»; эти слова автора «Критики чистаго разума» могутъ служить самой почетной оцѣнкой дѣятельности шотландскаго философа.

VI.

Въ 1740 г. Юмъ, окончивши свой «трактатъ о человѣческой природѣ», послалъ одинъ экземпляръ его семнадцатилѣтнему студенту глэсговскаго университета. Это въ высшей степени любопытно, если принять во вниманіе, что Юмъ былъ весьма сдержанъ въ какихъ бы то было проявленіяхъ своихъ чувствъ и что со студентомъ этимъ онъ былъ тогда знакомъ всего нѣсколько мѣсяцевъ. Упоминая объ этомъ фактѣ, Гёксли говоритъ: «Замѣчательное свидѣтельство ранняго умственнаго развитія Адама Смита заключается въ томъ, что Юмъ счелъ юношу такого возраста достойнымъ подобнаго подарка».

Дѣйствительно, ранній интеллектуальный ростъ Адама Смита не подлежитъ никакому сомнѣнію; весьма вѣроятно также, что именно тогда въ 1740 году завязавшаяся дружба между двумя земляками шотландцами имѣла громадное воспитательное значеніе для Адама Смита въ теченіе всей его молодости. Это вліяніе уже совершенно ясно сказывается на позднѣйшихъ трудахъ Адама Смита,

на всей системѣ его моральной философіи, одною изъ частей которой и явилось изслѣдованіе о «богатствѣ народовъ». Вліяніе Юма представляется здѣсь двойственнымъ: во-первыхъ, блестящій примѣръ Юма, жившаго и писавшаго въ почти непосредственной близости Адама Смита, могъ только укрѣпить въ послѣднемъ вкусъ и расположеніе къ апріорному мышленію, къ тому дедуктивному методу, который въ *вѣкъ разума* вообще былъ въ большомъ употребленіи; во-вторыхъ, Юмъ долженъ былъ повліять на будущаго систематика политической экономіи и въ болѣе прямомъ и тѣсномъ смыслѣ, своими мелкими, но удивительно содержательными политико-экономическими статьями. Въ этихъ статьяхъ Юмъ является рѣшительнымъ противникомъ меркантилизма и идеи, воинствующей и враждебной другимъ странамъ, экономической политики. И содержаніе юмовскихъ статей, и огромное значеніе, которое философъ придавалъ экономическимъ проблемамъ—все это не могло не возбудить размышленій у его внимательнаго читателя. А читатель этотъ принадлежалъ къ рѣдкому разряду тѣхъ людей, появленіе которыхъ почти всегда сопряжено съ переворотами въ области знанія: у Адама Смита мы можемъ констатировать счастливое, чисто дарвиновское соединеніе огромной обобщительной силы съ постоянной тенденціей провѣрять и подтверждать новыми и новыми фактами свои основныя обобщенія. Но и этой двойственной способности къ синтезу и анализу было бы мало для созданія системы особенно въ такомъ стройномъ видѣ, какъ она появилась на свѣтъ Божій, если бы Адамъ Смитъ не былъ одаренъ еще чисто дедуктивными качествами ума; для того, чтобы быть дедуктивистомъ, мало теоретически воспринять мнѣніе о преимуществахъ дедукціи, мало даже выставить нѣсколько апріорныхъ соображеній, — нужно, чтобы эти апріорныя соображенія играли роль факела, при свѣтѣ котораго мыслитель будетъ изучать лежащія передъ нимъ хаотическія громады явленій, чтобы эти апріорные тезисы были вмѣстѣ съ тѣмъ и свѣточемъ, освѣщающимъ мѣсто, откуда вышелъ изслѣдователь, и маякомъ, озаряющимъ путь впереди. Вотъ, когда мыслитель и позади себя, и рядомъ съ собою, и впереди видитъ одинъ и тотъ же свѣтъ, если всѣ трудности и побѣды изслѣдованія только еще усиливаютъ этотъ свѣтъ, тогда ученый путникъ можетъ назваться прирожденнымъ дедуктивистомъ. Если же къ этому присоединится полная научная строгость и добросовѣстность мыслителя, для котораго дедуктивныя предпосылки не будутъ добровольно надѣтыми шорами, который постоянно будетъ стремиться провѣрять эти предпосылки фактами, тогда на свѣтъ можетъ появиться стройная и не фантастическая, по существу дѣла дедуктивная система. Наконецъ, если эти апріорныя предпосылки совершенно новы или, по крайней мѣрѣ, впервые въ качествѣ руководящаго свѣточа внесены въ лабиринтъ изслѣдуемыхъ явленій, тогда система пріобрѣтаетъ первоклассное значеніе въ исторіи

науки. Такимъ истиннымъ, прирожденнымъ дедуктивистомъ былъ Адамъ Смитъ, и такою послѣдовательной, добросовѣстной и колоссальной по своему значенію системою явилась его книга о «богатствѣ народовъ».

Основная предпосылка Адама Смита была для XVIII вѣка не нова и можетъ даже назваться однимъ изъ руководящихъ мотивовъ всей просвѣтительной эпохи: это — мысль о цѣлесообразномъ устройствѣ міра, о томъ, что человѣкъ, повинуясь своимъ естественнымъ влеченіямъ и не стѣсняемый внѣшними препятствіями, всегда проживетъ жизнь съ пользою для себя и для общества. Мнѣніе о гармоніи между «естественнымъ» эгоизмомъ и соціальнымъ благомъ, легло въ основу всего міровоззрѣнія Адама Смита. Въ своей «теоріи нравственныхъ чувствъ», одну изъ частей которой составляетъ «богатство народовъ», онъ останавливается на развитіи этой мысли, но тамъ она носитъ у него мѣстами слегка теологичесекій колоритъ; однако, никогда этотъ тезисъ о внутренней гармоніи индивидуальныхъ и соціальныхъ интересовъ ни въ философскихъ частяхъ труда Адама Смита, ни вообще въ какомъ-либо чисто философскомъ трудѣ не могъ играть такой широкой руководящей методологической роли, какъ въ изслѣдованіи природы экономическихъ явленій. Историческая роль Адама Смита заключалась въ томъ, что, живя въ эпоху надвигающагося господства буржуазіи, видя вокругъ себя полнѣйшее несоотвѣтствіе старыхъ, рутинныхъ взглядовъ съ новыми потребностями промышленнаго общества, онъ далъ, опираясь на широкій гуманитарный принципъ, правдивую и безпощадную критику всего промышленнаго строя старой Европы и меркантилизма, всего еще за пятьдесятъ лѣтъ считавшагося верхомъ политической премудрости и въ годъ появленія «Богатства народовъ», еще всюду сохранявшаго торжествующую позицію. Конечно, Адамъ Смитъ нанесъ всѣмъ теоретикамъ старой экономической политики тяжелый ударъ, но не можетъ быть и сомнѣній, что физіократы (въ частности Кенэ и Тюрго) еще до Смита намѣтили всѣ главнѣйшіе контуры новаго критицизма, получившаго такое блестящее выраженіе въ «Богатствѣ народовъ». Но никто такъ послѣдовательно и доказательно, какъ шотландскій экономистъ, не проводилъ эту критическую идею по всему лабиринту историческихъ фактовъ древняго и новаго міра; мало того, никто не далъ до того времени такой законченной систематики экономическихъ явленій и принциповъ. На долю Смита выпала тяжелая и блестящая двойственная роль и основателя науки, и реформатора основныхъ положеній того теоретическаго матеріала, который составилъ содержаніе этой новой науки. Его заслуга была бы уже велика, если бы онъ представилъ систематическое изложеніе политической экономіи даже съ точки зрѣнія хотя бы болѣе или менѣе разработанныхъ взглядовъ меркантилистовъ или физіократовъ; но онъ этимъ не удовольствовался, онъ начисто отвергъ теорію меркантилистовъ, въ существенныхъ пунктахъ разошелся съ физіократами, и исходя изъ

собственныхъ оригинальныхъ экономическимъ воззрѣній, далъ первый полный трактатъ о политической экономіи. Вернеръ считается основателемъ геологіи, такъ какъ онъ первый далъ систематическое изложеніе своей науки; но онъ лишь послѣдовательно изложилъ теоріи нептунистовъ и вулканистовъ, не выдвинувъ новыхъ взглядовъ и новыхъ обобщеній: эту реформаторскую часть работы исполнилъ уже Лайель. Исторія всегда должна будетъ признать, что этотъ двойной трудъ перваго систематика и общаго реформатора, соотвѣтствующій совокупному труду Вернера и Лайеля, въ области политической экономіи поднялъ на свои плечи Адамъ Смитъ.

Но изъ ряду вонъ выходящій успѣхъ его книги далеко не можетъ быть объясненъ этими научными достоинствами; еще меньше роли здѣсь съиграла литературная обработка, такъ какъ всякій, читавшій изслѣдованіе, знаетъ, до какой степени слаба и произвольна классификація матеріала и какъ утомительно, особенно въ послѣднихъ книгахъ, слѣдить за безпрерывными отступленіями и иллюстраціями. Колоссальная популярность Адама Смита даже въ тѣхъ кругахъ, гдѣ не читали ни одной его строчки, весьма понятна по указаннымъ уже причинамъ: въ эпоху, когда усилившаяся уже чисто капиталистическая въ современномъ смыслѣ слова буржуазія превращала Англію изъ закрытой протекціонистской страны въ страну свободной торговли, книга Адама Смита должна была (несмотря на маленькія свои оговорки касательно free trade) стать экономическимъ евангеліемъ; въ первыя времена такой блестящей побѣды человѣка надъ природой, какъ та, которая воплотилась въ машинномъ производствѣ, впервые выдвинутая трудовая теорія цѣнности не могла не быть популярной. Этическіе выводы изъ этой теоріи сдѣлали ее впослѣдствіи особенно дорогою и важною для классоваго самосознанія четвертаго сословія; во времена же Адама Смита общій философскій смыслъ ея плѣнялъ многихъ: маленькій островокъ, лишенный природныхъ богатствъ и золотыхъ рудниковъ и въ весьма малой, сравнительно, степени пользовавшійся своими земельными угодьями, богатѣлъ вопреки мнѣніямъ меркантилистовъ и вопреки сужденію физіократовъ, мощь человѣческаго труда въ его совокупности являлась важнѣйшимъ видимымъ источникомъ растущаго «національнаго» богатства, и трудовая теорія надолго воцарилась въ англійской экономической литературѣ. Наконецъ, главнѣйшее изъ всѣхъ desiderata Адама Смита— полное правительственное невмѣшательство въ экономическую жизнь было также идеаломъ класса, господство котораго было близко. Въ этомъ пунктѣ Смитъ шелъ по слѣдамъ физіократовъ, и, вѣроятно, никогда и ни на одномъ примѣрѣ не подтвердилось съ такимъ ослѣпительнымъ блескомъ основное правило, по которому самые, повидимому, чистые и безкорыстные идеологическіе принципы, если они слишкомъ ужъ быстро получаютъ общее признаніе, непремѣнно идутъ на потребу сильнѣйшему въ данный моментъ общественному классу. Это

быстрое принятіе и осуществленіе составляютъ безошибочный признакъ пригодности принципа къ непосредственной служебной роли. «Правительственный гнетъ долженъ смѣниться индивидуальной свободой»—таковъ былъ общій принципъ просвѣтительнаго движенія. «Правительственное вмѣшательство въ экономическія отношенія должно исчезнуть»—такъ развили далѣе этотъ принципъ физіократы и Адамъ Смитъ. Европейская буржуазія съ жаромъ отнеслась къ первому и второму выраженію принципа индивидуальной свободы, Англія, гдѣ политическія гарантіи были уже налицо, обратила особое вниманіе лишь на второе выраженіе, но и для континентальной, и для англійской буржуазіи правительственное невмѣшательство въ экономику надолго оказалось тезисомъ, окруженнымъ почти религіозною непререкаемостью.

Вліяніе на общество, обусловленное историческою благовременностью появленія, и научныя достоинства, зависѣвшія отъ громадныхъ дарованій Адама Смитта, снискали его книгѣ вѣчную славу. Новая отрасль науки объ обществѣ заняла опредѣленное мѣсто въ средѣ человѣческихъ знаній, горизонты обществовѣдѣнія раздвинулись, къ двумъ фундаментамъ его—исторіи и праву—прибавился третій—экономическая наука. Экономическія отношенія играютъ въ индивидуальной жизни такую же кардинальную роль, какъ и въ жизни государственной. Ученіе Адама Смита встряхнуло старые, застоявшіеся взгляды о значеніи и мотивахъ экономической дѣятельности отдѣльнаго члена общества. Идеи «Богатства народовъ» неминуемо должны были отразиться на той отрасли философіи, которая всегда играла (и играетъ) подчиненную роль, но судьбы которой временами пріобрѣтаютъ извѣстный историческій интересъ. Нѣсколько строкъ, посвященныхъ Бентаму и его школѣ, кажутся намъ умѣстными послѣ характеристики Адама Смита.

VII.

Бентамъ и Говардъ открыли собою цѣлый рядъ англійскихъ филантроповъ, которые не переводились въ ихъ отечествѣ съ самаго конца XVIII столѣтія вплоть до настоящаго времени. Филантропія была на континентѣ Европы одною изъ главныхъ цѣлей дѣятельности масонскихъ ложъ; всѣ грубыя, чувственныя, жестокія влеченія европейскаго общества XVIII вѣка, всѣ тѣ стороны его жизни, которыя даже въ документахъ и воспоминаніяхъ отзываются нерѣдко какою-то помѣсью публичнаго дома и застѣнка,—все это не могло не реагировать на тѣ единичныя натуры, которыя полагали задачу будущаго не только въ улучшеніи общественнаго строя, но и въ исправленіи испорченной натуры людей. Въ сущности, еще болѣе сантиментально о наступленіи царства «vertu» (добродѣтели) говорили соціальные реформаторы, но у нихъ это грядущее торжество добродѣтели должно было явиться не-

посредственнымъ заключеніемъ предполагаемыхъ реформъ. Масоны на континентѣ, люди, подобные Говарду, въ Англіи нѣсколько передвигали здѣсь хронологическія рамки: они стремились вести своему поколѣнію, своимъ современникамъ нравственную матеріальную помощь еще до наступленія лучшаго соціальнаго будущаго, исправлять ихъ нравы въ настоящемъ и подготовить такимъ путемъ возможность одновременнаго осуществленія общественныхъ идеаловъ и моральнаго совершенства. Среди этихъ двухъ теченій—соціально-реформаторскаго и филантропическаго—Джереми Бентамъ занимаетъ среднее мѣсто.

Было бы весьма большимъ преувеличеніемъ причислить Бентама къ первокласснымъ умамъ, къ людямъ, дающимъ человѣчеству новыя мысли; Бентамъ написалъ на своемъ вѣку нѣсколько книгъ политическаго, юридическаго, экономическаго и философскаго содержанія и всюду шелъ за вѣкомъ: въ политикѣ онъ отстаивалъ весьма послѣдовательно освободительные принципы, въ юриспруденціи онъ являлся поборникомъ Беккаріи, въ экономическихъ вопросахъ онъ былъ ученикомъ Адама Смита. Нужно отдать ему справедливость: онъ удивительно хорошо и понятно излагалъ всѣ эти чужія, но глубоко продуманныя и самостоятельно усвоенныя воззрѣнія: онъ былъ, за вычетомъ немногихъ пунктовъ, популяризаторомъ, но такимъ, какого только могъ бы себѣ пожелать любой философъ, который имѣлъ бы въ виду стать доступнымъ большинству. Онъ былъ созданъ для популяризаціи и для строго принципіальныхъ докладныхъ записокъ: поглощенный стремленіемъ видѣть поскорѣе реализованными свои идеалы, онъ въ 1791 году пишетъ проектъ совершенно новаго устройства тюремъ и домовъ для умалишенныхъ и новой организаціи надзора за этими учрежденіями; законодательное собраніе во Франціи занято выработкою положенія о судебныхъ уставахъ—и Бентамъ представляетъ ему свой проектъ процессуальнаго и уголовнаго законодательства; императоръ Александръ вступаетъ на русскій престолъ—и Бентамъ входитъ съ нимъ въ сношенія, вырабатываетъ рядъ проектовъ реформъ для Россіи; онъ составляетъ планъ парламентской реформы за пятнадцать лѣтъ до 1832 года, онъ, наконецъ, имѣетъ счастье видѣть полное осуществленіе своихъ идей въ конституціи Луизіаны... Но особенно много хлопоталъ онъ (и въ этомъ отношеніи его труды не пропали даромъ) о смягченіи варварски-жестокаго уголовнаго свода Англіи. Въ этихъ стараніяхъ сказалась основная черта его дѣятельности: онъ стремился путемъ смягченія законовъ исправить нравственность преступниковъ и повысить также моральный уровень карающаго ихъ общества. Вообще, Бентамъ принадлежалъ къ тому любопытному ряду англійскихъ ученыхъ оптимистовъ, самымъ блестящимъ (и послѣднимъ) представителемъ котораго явился Бокль: Бентамъ вѣрилъ чисто религіозно въ цѣлительныя свойства цивилизаціи; подобно Боклю, который за нѣсколько лѣтъ до начала карьеры Бисмарка утверждалъ, что между цивилизованными націями войнъ уже больше

не будетъ, Бентамъ былъ долго убѣжденъ, что ему суждено жить на зарѣ золотого вѣка вѣчнаго мира, что двѣ наиболѣе культурныя націи— его отечество и Франція—должны сломать свой мечъ, который имъ уже вовсе не нуженъ, и самая война сдѣлается преданіемъ. Это говорилъ совершенно серьезно современникъ Суворова и Наполеона, и говорилъ въ самомъ началѣ двадцатипятилѣтняго революціонно-императорскаго цикла войнъ, затопившихъ въ крови весь материкъ Европы.

Но если такія частичныя оптимистическія надежды, высказанныя предъ взятіемъ Бастиліи, сдѣлались послѣ Ватерлоо нелѣпостью, опровергнутой исторіею, то общій оптимизмъ Бентама остался тѣмъ не менѣе твердъ, какъ скала. Этотъ оптимизмъ коренился въ самой природѣ философскихъ убѣжденій Бентама: подобно наиболѣе вліятельнымъ энциклопедистамъ и Адаму Смиту, Бентамъ склоненъ считать устройство міра такимъ, что наибольшій соціальный прогрессъ можетъ быть достигнутъ, если человѣческой природѣ будетъ предоставленъ полный просторъ, полная возможность безпрепятственнаго развитія. Идеаломъ же соціальнаго прогресса Бентамъ считаетъ «возможно большее счастье возможно большаго числа людей». Къ этой верховной цѣли должны стремиться, по его мнѣнію, всѣми мѣрами и способами и государственные люди въ политикѣ, и единичныя личности въ частной жизни. Что же такое счастье? Вся эмоціональная жизнь складывается изъ двухъ элементовъ: удовольствій и страданій; Бентамъ полагаетъ, что удовольствія и страданія могутъ быть подвергнуты учету, по точности приближающемуся къ ариѳметическому. Человѣкъ тѣмъ счастливѣе, чѣмъ болѣе сумма его удовольствій превышаетъ сумму его страданій. Адамъ Смитъ въ своемъ «Богатствѣ народовъ» всюду имѣетъ дѣло съ гипотетическимъ лицомъ, дѣйствующимъ исключительно съ точки зрѣнія собственныхъ экономическихъ интересовъ: Бентамъ точно также высказываетъ уже не гипотезу, а твердую увѣренность, что люди по основнымъ качествамъ своей природы стремятся дѣйствовать только въ свою пользу. Мало того: подобно Адаму Смиту, требовавшему полнаго невмѣшательства государства въ экономическую дѣятельность людей, Бентамъ полагалъ, что этого естественнаго стремленія человѣка дѣйствовать и жить для себя не слѣдуетъ стѣснять никакими этическими ученіями, основанными на предвзятыхъ взглядахъ. Онъ думаетъ, что наибольшій соціальный прогрессъ можетъ быть достигнутъ тогда, если каждый членъ общества будетъ повиноваться велѣніямъ своего эгоизма. Работая для себя, мы работаемъ и для общаго блага. Единственная грань, которую этика Бентама ставитъ частной предпріимчивости, заключается въ томъ, чтобы, служа своимъ интересамъ, никогда не осмѣливаться жертвовать чужими. Активное дѣйствіе въ пользу ближняго можетъ быть сопряжено съ извѣстною долей самопожертвованія; какъ тогда смотрѣть на него съ точки зрѣнія этой этической теоріи? Вотъ здѣсь-то для анализа такого чрезвычайнаго случая Бентамъ и пускаетъ въ ходъ свою ариѳметику: я дѣлаю вамъ добро, жер-

твуя своими матеріальными интересами, и получаю отъ сознанія этой жертвы извѣстное удовольствіе. Слѣдуетъ высчитать: чего я получу больше—удовольствія ли отъ сознанія принесенной жертвы, или страданій отъ этой жертвы? Если удовольствія будетъ больше, то дѣло рѣшается уже этимъ однимъ: я, членъ общества, буду счастливѣе, слѣдовательно — сумма счастья всего общества увеличится, значитъ, разумно понятый эгоизмъ повелѣваетъ эту жертву принести. Если же для меня удовольствіе отъ жертвы меньше страданій отъ нея, тогда нужно прибѣгнуть къ другому разсчету, и сообразить: своею жертвою я причиняю себѣ страданіе; приношу ли я ею другому удовольствіе, которое по своимъ размѣрамъ покрываетъ мое страданіе (или, еще лучше, превышаетъ его)? Если да, то въ такомъ случаѣ сумма удовольствій, сумма счастія всего общества не уменьшается (или даже увеличивается). Если нѣтъ, если мое страданіе отъ принесенной жертвы больше того удовольствія, которое она доставляетъ другому, то принесеніе такой жертвы съ моей стороны неразсчетливо и, даже, соціально-неэтично, такъ какъ увеличиваетъ общую сумму страданій общества. Въ первомъ случаѣ я воленъ принести или не принести жертву, во второмъ, съ точки зрѣнія Бентама, гораздо лучше ее не приносить.

Эти основоположенія утилитаризма доступны, конечно, весьма сильнымъ нападеніямъ со стороны философской логики, но философское значеніе и критика утилитарной морали насъ здѣсь совсѣмъ не интересуетъ: для насъ важно отмѣтить, что эта мораль явилась въ этикѣ прямымъ отголоскомъ ученія Адама Смита. Кромѣ того, реакція противъ раціонализма въ этикѣ, начатая въ XVIII вѣкѣ Жанъ-Жакомъ Руссо и продолженная и усиленная Кантомъ, оказалась почти не существующей, прошла незамѣченной для широкаго интеллигентнаго общества Европы, именно вслѣдствіе торжества удобопонятной и конкретной бентамовской «морали разсчета», выдвинутой какъ разъ наканунѣ новаго столѣтія. Начинавшаяся эпоха разцвѣта буржуазіи и буржуазнаго индивидуализма создала популярность этическимъ ученіямъ Бентама; во многихъ отношеніяхъ и Адамъ Смитъ, и Бентамъ оказались bene nati... Говоря это, мы вовсе не преувеличиваемъ вліянія Бентама и его этики: для сѣрыхъ народныхъ массъ и ихъ руководителей, для истинныхъ «дѣлателей исторіи» и для самой исторіи, этическая теорія Бентама (какъ и всегда, и всѣ этическія теоріи) оказалась и незнакомой, и ненужной, и ничтожной.

«Старый вѣкъ грозой ознаменованъ,
И въ крови родился новый вѣкъ»,—

тоскливо привѣтствовалъ Шиллеръ наступавшее девятнадцатое столѣтіе. Вотъ, въ этихъ словахъ была та жизненная правда, по сравненію съ которой самыя, повидимому, узкія и конкретныя системы морали, вродѣ бентамовской, оказывались слишкомъ высоко парящими надъ землей...

Евг. Тарле.

ЖОРЖЪ ЗАНДЪ И ЕЯ ВРЕМЯ.

(*Продолженіе* *).

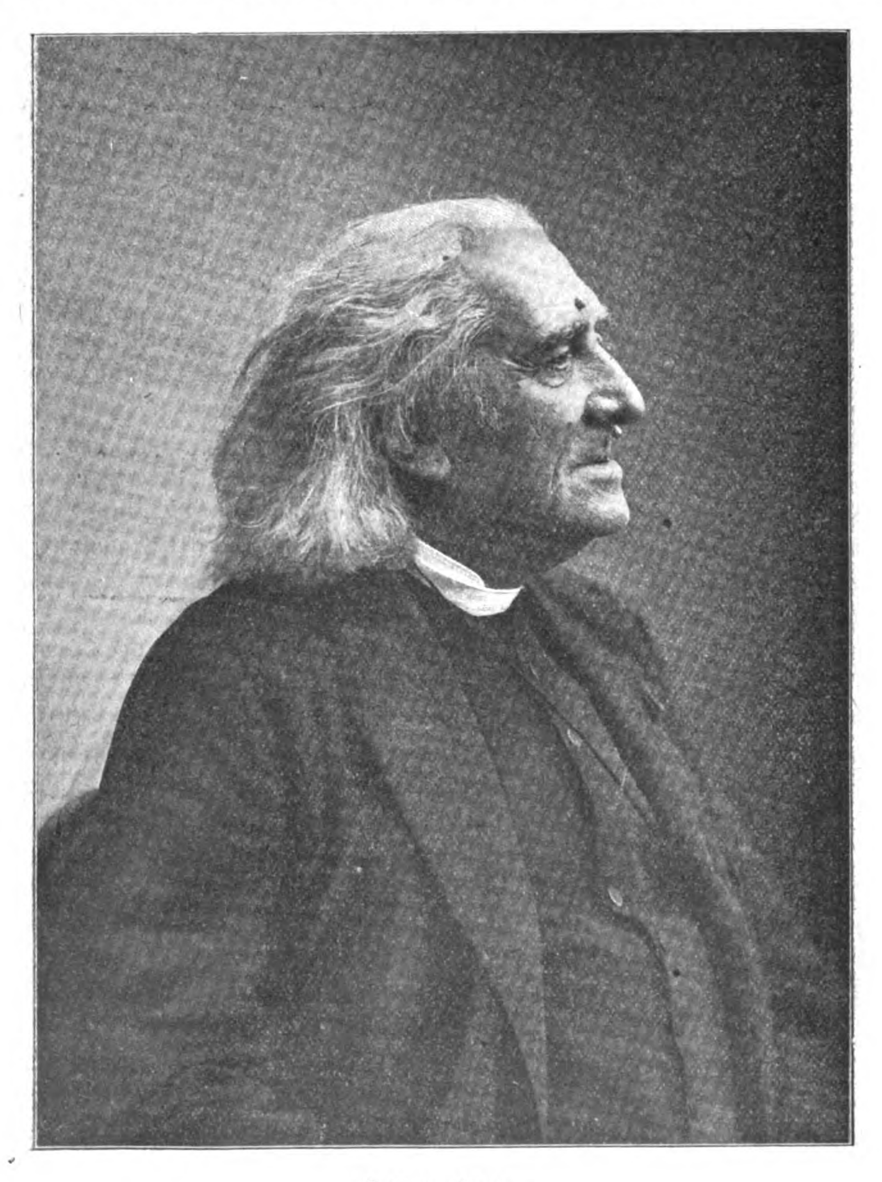
IV.

Замѣчательно сходнымъ путемъ шли въ своемъ умственномъ развитіи Ж. Зандъ и знаменитый музыкантъ Францъ Листъ. Какъ она, молодой венгерецъ въ ранней юности былъ обуреваемъ религіознымъ экстазомъ; какъ она, лишенный правильнаго образованія, онъ долженъ былъ взяться за самостоятельное чтеніе и въ своей жаждѣ знанія поглощалъ безъ всякой системы мыслителей, поэтовъ, историковъ и также, какъ она, получилъ первое глубокое впечатлѣніе отъ Шатобріана. И онъ также переносилъ на себя чувства Рене и повторялъ его слова: «un instinct secret me tourmente». Разница заключается въ томъ, что Листъ не потерялъ безплодно семи лѣтъ, какъ Ж. Зандъ во время своей жизни съ мужемъ, и потому въ моментъ іюльской революціи 19-ти-лѣтній музыкантъ стоялъ на той же ступени развитія, какъ и 26-ти-лѣтняя будущая романистка. Не зная еще другъ о другѣ, они переживали почти одни и тѣ же настроенія: оба жаждали впечатлѣній, увлекались театромъ и героемъ его Викторомъ Гюго, оба старались извлечь изъ личныхъ знакомствъ съ умными и талантливыми людьми то, что имъ некогда было достигать самостоятельной работой. По чувству Листъ былъ такой же искренній республиканецъ и демократъ, какъ Ж. Зандъ, и только изъ любви къ матери не пошелъ сражаться на баррикадахъ противъ ретроградной реставраціи. Онъ обдумывалъ даже «Революціонную симфонію», которая должна была состоять изъ трехъ темъ: чешской гуситской пѣсни, религіознаго хорала Лютера и, наконецъ, «Марсельезы». Это характерное для того времени соединеніе освободительныхъ аспирацій съ религіозностью естественно должно было внушить Листу интересъ и симпатію къ сенъ-симонизму; и дѣйствительно Листъ довольно долго былъ усерднымъ посѣтителемъ сенъ-симонистскихъ собраній, даже помышлялъ стать настоящимъ адептомъ ихъ ученія, и, повидимому, только ихъ голубые кафтаны и другія смѣшныя стороны ихъ ритуала удержали его отъ этого.

---

*) См. «Міръ Божій», № 8, августъ.

Листъ познакомился съ Ж. Зандъ черезъ Мюссе, сестрѣ котораго онъ давалъ уроки музыки. Былъ моментъ, когда Мюссе даже ревновалъ свою подругу къ обаятельному артисту, кажется, впрочемъ, безъ достаточныхъ основаній. Въ отношеніяхъ Ж. Зандъ съ Листомъ ни

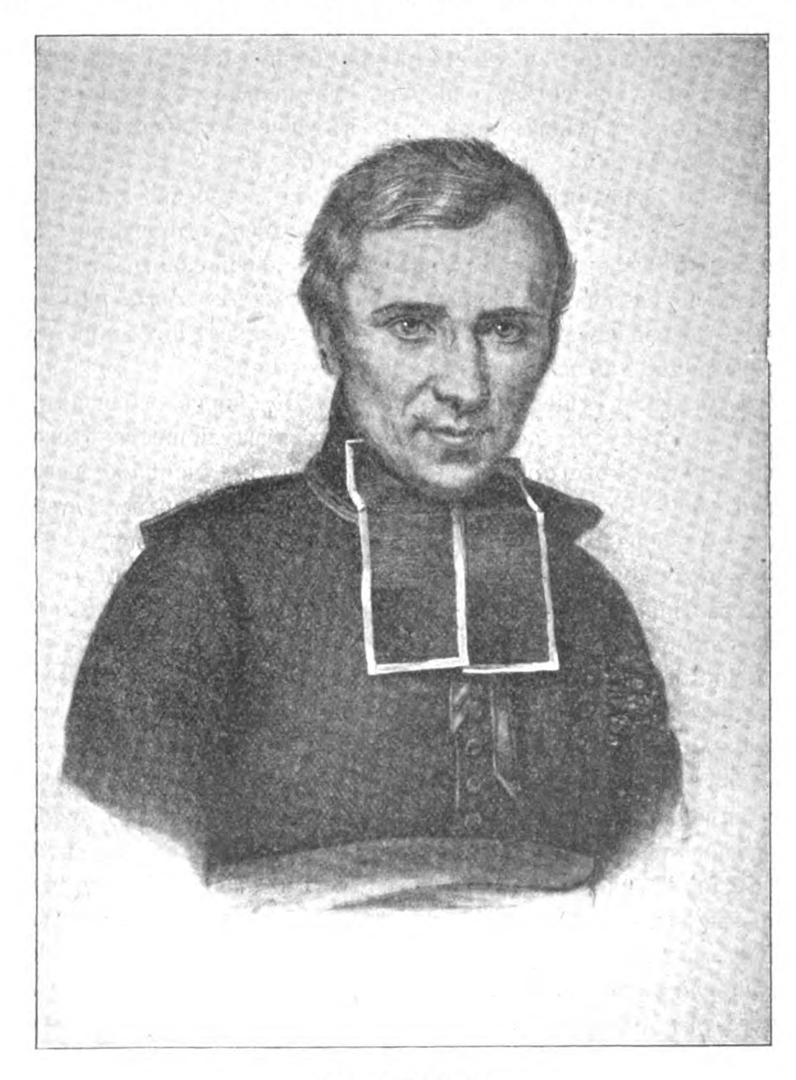
Францъ Листъ.

тогда, ни послѣ не было романическаго элемента, но несомнѣнно, что духовное сродство сближало ихъ болѣе, чѣмъ культивируемая страсть сближала ее съ ревнивымъ поэтомъ. Мюссе, вѣроятно, понималъ это. Въ угоду ему Ж. Зандъ даже перестала видѣться съ Листомъ, но зато

послѣ финала этого романа ихъ дружескія отношенія возобновились и продолжались нѣсколько лѣтъ, оказывая въ высшей степени плодотворное вліяніе на обоихъ. Воздѣйствіе ихъ другъ на друга не было ни съ той, ни съ другой стороны такимъ деспотическимъ и подавляющимъ, какъ, напр., воздѣйствіе Делатуша или Мишеля де-Буржъ на своихъ послѣдователей. Листъ и Ж. Зандъ чувствовали себя товарищами, вдохновляемыми великими ученіями объ общечеловѣческомъ счастьѣ. Какъ служители искусства, они оба стремились «пробуждать лирой чувства добрыя» и отдать свои силы въ качествѣ простыхъ солдатъ въ распоряженіе лицъ, подчинившихъ себѣ ихъ умъ и волю. Какъ Ж. Зандъ въ серединѣ 30-хъ годовъ была покорена Мишелемъ де Буржъ, такъ Листъ еще ранѣе призналъ полный авторитетъ Ламенне, и если при этомъ его воля оставалась непорабощенною, тогда какъ Ж. Зандъ по ея собственному выраженію, «готова была плыть какъ собака за лодкой своего господина», то это зависѣло больше отъ глубокаго различія характеровъ ихъ руководителей.

Листъ оказалъ существенную пользу Ж. Зандъ, сблизивъ ее съ Ламенне, и потому мы должны остановиться на личности этого великаго идеалиста, этого оригинальнаго аббата и гуманнаго революціонера. До 1830 г. его считали роялистомъ крайней правой, отвергающимъ всѣ либеральныя новшества, возводящимъ въ догму единеніе трона съ алтаремъ, мечтающимъ объ абсолютной и вмѣстѣ отеческой власти христіанской монархіи, которую ограничивало бы только главенство папы. Но уже въ 1829 г. появилось его сочиненіе «Progrès de la révolution et de la guerre contre l'église», обнаруживающее замѣтный поворотъ въ идеяхъ. Его идеалъ и цѣль по прежнему остается теократія, въ болѣе обыденномъ значеніи этого слова, чѣмъ у сенъ-симонистовъ, но достичь ея онъ хотѣлъ уже не черезъ королей, а черезъ народъ. Съ смѣлымъ довѣріемъ говоритъ онъ объ общественныхъ вольностяхъ, въ которыхъ видитъ не цѣль, какъ республиканская партія, но необходимое средство. Онъ энергично порицаетъ тѣхъ духовныхъ, которые отождествляли дѣло религіи съ господствующимъ режимомъ, онъ убѣждалъ ихъ напротивъ отдѣлить себя отъ скомпрометированной королевской власти, чтобы соединиться съ демократіей и попытаться реабилитировать церковь въ глазахъ прогрессивныхъ круговъ населенія. Онъ привѣтствуетъ даже революцію, какъ неизбѣжную и провиденціальную предшественницу новаго соціальнаго строя, который долженъ былъ быть торжествомъ церкви. Само собою разумѣется, такія идеи не могли встрѣтить сочувствія въ лагерѣ французскихъ клерикаловъ, которые какъ разъ шли въ противоположномъ направленіи, стремясь еще тѣснѣе соединиться съ свѣтской властью и тѣмъ пріобрѣсти нѣкоторую самостоятельность по отношенію къ папскому престолу, тогда какъ Ламенне не допускалъ и тѣни уменьшенія прерогативъ намѣстника Христа. Поэтому королевской власти не нужно

было вовсе вступать самой въ борьбу съ страннымъ революціонеромъ въ рясѣ, достаточно было натравить на него церковныя власти. Цензура епископовъ безъ труда нашла достойныя осужденія мѣста въ произведеніяхъ Ламенне, и онъ подвергся строгому внушенію. Тогда, удивленный и ожесточенный ретроградствомъ именно тѣхъ, на комъ

Аббатъ Ламенне.

по его мнѣнію лежала обязанность провозглашать и проводить новыя идеи, онъ рѣзко сталъ на сторону либерализма и объявилъ, что намѣренъ его «католицизировать».

15-го октября 1830 г. появился первый нумеръ газеты «L'Avenir», девизъ котораго былъ: «Богъ и свобода». Главное направленіе этому органу давалъ Ламенне, поддерживаемый двумя талантливыми со-

трудниками, Лакордеромъ, также священнослужителемъ, аристократомъ-идеологомъ Монталамберомъ и нѣсколькими менѣе извѣстными молодыми писателями. «L'Avenir» стоялъ за вѣру противъ господствовавшаго безвѣрія и полемизировалъ съ сенъ-симонистами, доказывавшими, что католицизмъ не имѣетъ будущности. Съ другой стороны онъ убѣждалъ католиковъ, что единственное спасеніе вѣры и церкви въ свободѣ. «Кто хочетъ быть свободнымъ,—говорила газета,—встанетъ въ одинъ прекрасный день, поразмыслитъ четверть часа, опустится на колѣни передъ лицомъ Бога, создавшаго человѣка свободнымъ, затѣмъ пойдетъ своей прямой дорогой и будетъ ѣсть свой хлѣбъ, какъ его посылаетъ Провидѣніе... Свобода не даруется, ее надо взять». Газета заклинаетъ католиковъ порвать навсегда съ партіей, которая «жертвуетъ Богомъ ради своего короля». Во всѣхъ политическихъ и общественныхъ вопросахъ эти неокатолики становятся на сторону крайняго радикализма, въ совершенномъ согласіи съ республиканцами. Но такой же радикализмъ проводился и въ вопросахъ церковнаго устройства. Ламенне продолжаетъ съ отвращеніемъ отвергать «галликанизмъ» французскихъ епископовъ, которые, желая освободиться отъ папы, становятся «слишкомъ зависимы отъ свѣтской власти». Онъ отвергаетъ бюджетъ министерства исповѣданій: «кто получаетъ деньги, зависитъ отъ того, кто ихъ даетъ». Лакордеръ убѣждалъ даже покинуть роскошные мраморные храмы, потому что они принадлежатъ государству, и перенести свой культъ въ любой овинъ или сарай, гдѣ снопы соломы будутъ лучшей обстановкой для молитвы, чѣмъ мраморныя колонны. Іюльское правительство пыталось преслѣдовать редакцію судомъ, какъ и всѣхъ своихъ противниковъ, но изъ каждаго процесса Ламенне и его сподвижники, оправданные или осужденные, выносили еще большее упорство въ своемъ направленіи и завоевывали еще большую симпатію общества. Газета, однако, просуществовала лишь одинъ годъ, но не вслѣдствіе противодѣйствія государственной власти, а вслѣдствіе вражды клерикаловъ. Органъ епископовъ («Ami de la religion») полемизировалъ съ взглядами Ламенне, многіе епископы запрещали своимъ священникамъ читать его газету. Кто изъ нихъ отваживался заявить себя его сторонникомъ, былъ лишаемъ священническаго званія. Наконецъ, тринадцать прелатовъ составили тайный доносъ о доктринахъ Ламенне и отправили его въ Римъ. Но на Римъ разсчитывали также и редакторы «L'Avenir». Они глубоко вѣрили, что папа на ихъ сторонѣ,—вѣдь они хотятъ только проводить въ жизнь идеалъ христіанской церкви. Закрывая свою газету, они заявляли, что идутъ въ Римъ, въ качествѣ pélerins de Dieu et de la liberté, повергнуть свою дѣятельность на судъ папы. «Но что мы будемъ дѣлать, если мы будемъ осуждены»?—спрашивалъ болѣе практичный Монталамберъ.—«Мы не можемъ быть осуждены», — отвѣчалъ Ламенне. Папа Григорій XVI

былъ такъ далекъ отъ идей этихъ энтузіастовъ, какъ только можно себѣ представить. Въ своихъ собственныхъ владѣніяхъ онъ боялся карбонаріевъ и представлялъ себѣ либерализмъ лишь въ формѣ потоковъ крови. Долго папа старался хранить молчаніе, но Ламенне упорно настаивалъ на томъ, чтобы его выслушали и судили. За время своего продолжительнаго пребыванія въ Римѣ Ламенне набрался такихъ впечатлѣній отъ жизни высшей церковной іерархіи, что его вѣра въ теократію потерпѣла рѣшительное пораженіе. Его негодующія филиппики напоминаютъ Лютера.

«Я былъ въ Римѣ, — писалъ онъ впослѣдствіи, — и видѣлъ тамъ самую отвратительную клоаку, которая когда-либо оскорбляла человѣческіе взоры. Гигантскій акведукъ Тарквинія былъ бы слишкомъ узокъ для протока всѣхъ этихъ мерзостей. Тамъ нѣтъ другого бога, кромѣ выгоды. Тамъ стали бы торговать народами; тамъ продали бы всѣ три ипостаси Св. Троицы одну за другой или всѣ разомъ за кусокъ земли или за нѣсколько піастровъ. Я видѣлъ это и сказалъ себѣ: зло выше силъ человѣка, и я отвратилъ взоры съ отвращеніемъ и ужасомъ».

Наконецъ, послѣ долгаго ожиданія Ламенне получилъ аудіенцію. Она была весьма оригинальна. Папа держалъ въ рукахъ распятіе; это было произведеніе искусства. Каждый разъ какъ Ламенне открывалъ ротъ, чтобы заговорить о дѣлѣ, которое привело его къ папскому престолу, папа обращалъ его вниманіе на какую-нибудь новую подробность этого шедевра скульптуры, такъ что Ламенне долженъ былъ удалиться, не сказавъ ни слова изъ того, что такъ волновало его. Но онъ все еще ждалъ съ упорствомъ отчаянія, наконецъ рѣшилъ, что «если его не хотятъ судить, то онъ можетъ считать себя оправданнымъ», и уѣхалъ изъ Рима, рѣшивъ возобновить газету. По дорогѣ его нагнала энциклика папы, которою съ прямолинейною ограниченностью и рутиною осуждались всѣ идеи, всѣ мечты Ламенне о возрожденіи католицизма.

Ударъ былъ ошеломляющій. Товарищи Ламенне признали себя ошибавшимися и отказались отъ всякаго сопротивленія волѣ папы. Лакордеръ со временемъ сдѣлался даже парижскимъ архіепископомъ и не думалъ уже покидать соборъ «Notre-Dame» для богослуженія въ овинѣ. Но Ламенне послѣ періода удрученнаго молчанія безъ страха и колебанія дошелъ до конца по избранному имъ пути. Тѣ надежды, которыя онъ прежде возлагалъ на монархію въ союзѣ съ церковью, затѣмъ на одну церковь, теперь, послѣ того какъ эти силы отшатнулись отъ него, онъ возлагалъ только на народъ. Мы уже цитировали изъ «L'Avenir» мысль, которую почти тѣми же словами выражаетъ Гёте въ заключительной сценѣ второй части «Фауста»: «Лишь тотъ заслуживаетъ свободу и жизнь, кто ежедневно умѣетъ ихъ себѣ завоевать». Позднѣе Ламенне опять говоритъ: «Свобода есть хлѣбъ, который народы должны

зарабатывать въ потѣ лица своего». Этотъ афоризмъ заключается въ его удивительной книгѣ «Paroles d'un croyant», которую онъ создалъ въ своемъ деревенскомъ уединеніи послѣ возвращенія изъ Рима и выпустилъ нѣсколько дней спустя послѣ ліонской и парижской рѣзни въ 1834 году.

Это одна изъ величайшихъ страницъ литературы XIX-го вѣка не только по глубинѣ и убѣжденности излагаемыхъ мыслей, но и по художественной выразительности формы. Излагать или резюмировать произведенія Ламенне нельзя, его можно только цитировать: это не публицистическое разсужденіе, тамъ ничего не доказывается, тамъ нѣтъ даже общаго плана; душа библейскаго пророка, вродѣ Іереміи, изливаетъ здѣсь свою міровую скорбь и страстные порывы къ царствію мира и справедливости *). Мрачныя картины современной жизни чередуются съ глубоко искренними лирическими воплями, призывы всѣхъ страждущихъ къ борьбѣ противъ неправды и униженія съ мечтами о грядущемъ золотомъ вѣкѣ. Нельзя сказать, чтобы идеи автора объ историческомъ развитіи человѣчества, о причинахъ зла и страданія среди людей были новы или научны съ современной точки зрѣнія (онѣ во многомъ отражаютъ вліяніе «общественнаго договора» Руссо); идеалы будущаго также страдаютъ мѣстами неясностью и непослѣдовательностью, но проявляющаяся на каждой страницѣ гуманная, высоко честная и поэтическая натура не можетъ и нынѣ не оставить глубокаго впечатлѣнія въ читателѣ. Недаромъ папа выпустилъ новую энциклику противъ непокорнаго аббата, недаромъ ни одинъ священникъ не хотѣлъ исповѣдовать близкихъ автору лицъ, недаромъ свѣтскія власти окружили его подозрѣніями, вскрывали его переписку, слѣдили за его знакомыми.

Можно себѣ представить, какое глубокое впечатлѣніе книга Ламенне произвела на Ж. Зандъ. Черезъ два года послѣ ея появленія послушная ученица Мишеля де-Буржъ написала на стѣнѣ своей комнаты слѣдующую молитву, которая вылилась, повидимому, въ моментъ лирическаго настроенія и не была назначена для оглашенія,—напечатана она только послѣ смерти писательницы: «Великій Боже! Будь покровителемъ тѣхъ, которые желаютъ добра, покорай тѣхъ, которые желаютъ зла! Отмѣть печатью чело дѣтей Твоихъ, чтобы нечестивые ихъ почитали! Разрушь упорное царство книжниковъ и фарисеевъ! Открой дорогу путнику, который ищетъ Твое святая святыхъ! Призри дѣтей вдовицы! Открой уши глухого и глаза слѣпого! Твоя чаша не горька болѣе, съ тѣхъ поръ какъ уста Твои прикоснулись къ ней! Въ наши ночи смертельныхъ мукъ мы ищемъ слѣдовъ Твоихъ ногъ въ

*) Толчкомъ, побудившимъ Ламмена къ созданію этой книги, послужило твореніе Мицкевича «Книги странничества польскаго народа», написанное имъ въ 1831—1832 г. и несомнѣнно извѣстное Ламенне. См. «Сочиненія» В. Д. Спасовича т. IX, лекціи о Мицкевичѣ. *Ред.*

масличномъ саду и надѣемся, ибо Ты облагородилъ наши страданія, ибы ты сдѣлалъ Бога прибѣжищемъ противъ людей»!

Здѣсь, конечно, далеко нѣтъ образности и пластичности Ламенне, міровая скорбь выражается въ слишкомъ общихъ формулахъ, общественная подкладка не такъ ясна, но все-таки самая форма необычна для Ж. Зандъ. Стремленіе къ сжатой, лирической апострофной фразѣ, отсутствіе доводовъ и разсужденій, наконецъ, эти «книжники и фарисеи», по нашему мнѣнію, съ несомнѣнностью указываютъ, что молитва вдохновлена воспоминаніемъ о Ламенне. Ж. Зандъ познакомилась съ нимъ во время процесса «апрѣльскихъ» бунтовщиковъ, когда онъ пріѣзжалъ на нѣсколько дней изъ своей Бретани въ Парижъ, чтобы принять участіе въ защитѣ. Преданный анаѳемѣ своими прежними товарищами по направленію, онъ стоялъ тогда совершенно одиноко. Но республиканцы поняли, какую громадную нравственную силу онъ представляетъ, и пытались приблизить его къ себѣ. Дѣло, однако, не особенно подвигалось. Ламенне былъ слишкомъ оригиналенъ и независимъ, чтобы отдаться чужой программѣ. Когда онъ вскорѣ захотѣлъ опять выступить на общественное поприще въ качествѣ редактора новаго журнала, то ему трудно было найти сотрудниковъ. Республиканцы находили, что онъ «еще слишкомъ большой священникъ». Ж. Зандъ писала по этому поводу въ одномъ письмѣ слѣдующее: «Я легко приду съ нимъ къ соглашенію относительно всего, что не есть догматъ. Но въ этомъ отношеніи я буду требовать извѣстную свободу совѣсти, а онъ не разрѣшитъ мнѣ этого. Если онъ уѣдетъ изъ Парижа, не сговорившись съ двумя-тремя лицами, которыя относятся къ нему съ такой же преданностью и сопротивленіемъ, какъ я, то это будетъ для меня въ нравственномъ и умственномъ отношеніи большой ударъ. Опять разбредутся элементы свѣта и просвѣщенія народнаго, носимые по капризнымъ волнамъ моря, выбрасываемые на всѣ берега, печально разбиваемые у нихъ, ничего не произведя. Единственный кормчій, который могъ бы ихъ собрать во-едино, лишитъ ихъ своей помощи и оставитъ ихъ болѣе печальными, болѣе разъединенными, болѣе безнадежными, чѣмъ когда-либо». Когда же проектъ журнала подъ руководствомъ Ламенне состоялся («Mond«), то Ж. Зандъ все-таки была приглашена въ качествѣ сотрудницы, какъ она скромно думаетъ, «чтобы доставить своей пустой болтовней нѣсколькихъ лишнихъ подписчиковъ журналу». Дѣйствительно, она не особенно попала въ тонъ программы Ламенне, начавъ печатать романъ, гдѣ опять дебатировался самый близкій ей женскій вопросъ, «о бракѣ, о материнствѣ» и т. д. Ламене этими вопросами не интересовался, и потому романъ Ж. Зандъ не былъ оконченъ. Впрочемъ, и самъ Ламенне понялъ, что у него нѣтъ достаточно практичности и цѣпкости, чтобы вести журналъ, и покинулъ редакторство.

Ж. Зандъ разсказываетъ, что у нея позднѣе вышли крупныя пре-

пирательства съ Ламенне изъ-за ея соціалистическихъ убѣжденій тогда какъ революціонный аббатъ всегда оставался индивидуалистомъ въ экономическихъ вопросахъ и сторонникомъ «священной» собственности. Сближала же ихъ одинаковая вѣра въ то, что дѣятельность на пользу общественнаго прогресса угодна Богу. Ж. Зандъ говоритъ, что ей легче было бы признать, что Бога нѣтъ, чѣмъ думать, что Онъ равнодушенъ къ человѣческому страданію. Эта вѣра служила имъ поддержкой въ тотъ тяжелый періодъ, когда, повидимому, всѣ усилія, всѣ жертвы лучшихъ людей гибли подъ давленіемъ «книжниковъ и фарисеевъ». Послѣ «апрѣльскаго» процесса республиканская оппозиція была разбита. Тѣ, которые не сидѣли въ тюрьмѣ за бунтъ, сидѣли тамъ же за проступки въ печати или жили эмигрантами въ Лондонѣ и въ Женевѣ. Члены партій, остававшіеся во Франціи, были дезорганизованы принципіальными несогласіями или личнымъ соперничествомъ и потеряли всякую активную силу. Послѣ закона объ ассоціаціяхъ, которыми запрещались всякія общества, имѣвшія болѣе двадцати членовъ, хотя бы они дѣлились на фракціи меньшаго размѣра, открыто существовавшія республиканскія общества должны были закрыться. Движеніе перешло въ тайныя общества, составъ которыхъ былъ совсѣмъ иной. Они вербовались большею частью среди недовольныхъ изъ низшихъ классовъ подъ руководствомъ заговорщиковъ, которые значительно упростили задачу оппозиціи: они не мечтали ни о чемъ иномъ, какъ смыть потокомъ крови господствующее зло и завести наново свободу, равенство и братство. Робеспьеръ и Бабефъ были всегда на языкѣ и въ умѣ наиболѣе образованныхъ изъ этихъ заговорщиковъ. Въ 1839 г. дѣло дошло до попытки произвести революцію подъ предводительствомъ извѣстныхъ Бланки и Барбеса, но парижане за пять лѣтъ со времени послѣдняго возстанія уже настолько отвыкли отъ баррикадъ и пальбы пушекъ на улицахъ, что заговорщики не вызвали никакого дѣятельнаго сочувствія и были легко раздавлены.

Въ это безвременье «новоиспеченный энтузіазмъ» Ж. Зандъ не могъ найти никакого приложенія въ общественной дѣятельности, и она отдается опять личной жизни. Послѣ любви къ Мишелю де-Буржъ, которая имѣла такую яркую общественную подкладку, романъ съ Шопеномъ былъ неожиданнымъ контрастомъ. Великій польскій музыкантъ по своему образу мыслей и по индифферентизму ко всей общественной сферѣ жизни походилъ на Мюссе. Правда, его сильно волновала судьба его родины и онъ поддерживалъ живыя отношенія со всѣми видными польскими эмигрантами, но эта симпатія имѣла чисто лирическій характеръ и не выражалась ни въ какихъ поступкахъ, а для Ж. Зандъ польскій вопросъ имѣлъ, конечно, только внѣшній интересъ. Поэтому умственной близости между ними не было и большая часть интересовъ писательницы отвлекала ее отъ ея друга. При этомъ онъ, въ противоположность Мюссе и Мишелю, не обладалъ деспотическими на-

клонностями и могучимъ темпераментомъ, который могъ бы покорить волю Ж. Зандъ. Вѣроятно благодаря этой необыкновенной мягкости Шопена, отношенія ея къ нему продолжались дольше, чѣмъ всѣ прежнія ея связи, и не имѣли такого характера лихорадочныхъ пароксизмовъ. Ж. Зандъ, которая всегда стремилась придать какую-нибудь придуманную окраску каждому изъ своихъ романовъ, вообразила себѣ теперь, что она жертвуетъ собою ради счастія великаго артиста, что ея роль будетъ заключаться въ материнскихъ попеченіяхъ, что, благодаря ея снисходительнымъ ласкамъ и участію, «геніальному ребенку» будетъ спасена жизнь, угрожаемая уже очевидною болѣзнью, и создана бла-

Фридрихъ Шопенъ.

гопріятная обстановка для художественнаго развитія и творчества. Для себя она хотѣла только одного, чтобы эта тихая любовь служила ей «предохранительнымъ средствомъ противъ тѣхъ волненій, о которыхъ она не хотѣла больше знать».

Этотъ стройный планъ, какъ и всѣ предъидущіе въ томъ же родѣ, конечно, разлетѣлся прахомъ при первомъ соприкосновеніи съ дѣйствительностью. Поэтическій характеръ ея романа съ Мюссе, казалось ей, требовалъ красивой итальянской обстановки; теперь она опять съ удовольствіемъ послѣдовала совѣтамъ врачей, рекомендовавшимъ Шопену пожить на югѣ, и мечтала о томъ, какъ на лонѣ прекрасной дѣвственной природы Маіорки, вдали отъ всѣхъ условностей и волненій париж-

ской сутолоки они будутъ жить только для своей любви и для своихъ артистическихъ цѣлей. Мечты эти очень быстро разсѣялись. Оказалось, что уединеніе, полное отсутствіе культурныхъ удобствъ при серьезной болѣзни и избалованности Шопена и дурная погода привели обоихъ бѣглецовъ къ взаимному раздраженію. Уже черезъ нѣсколько недѣль Ж. Зандъ выражается въ письмѣ къ пріятельницѣ, что ихъ «путешествіе, болѣе чѣмъ въ одномъ отношеніи, ужасное фіаско». И если послѣ зимы, проведенной на Маіоркѣ, ихъ отношенія не закончились такъ печально, какъ нѣкогда путешествіе въ Венецію, то вѣроятно только потому, что Шопенъ нисколько не походилъ характеромъ на Мюссе, и сама Ж. Зандъ была уже совсѣмъ не та, что четыре года назадъ. Восемь лѣтъ еще продолжалась ея совмѣстная жизнь съ Шопеномъ, но любовь эта не наполняла ея существованія, тогда какъ онъ только и дышалъ ею и музыкой. Шопенъ съ дѣтскою застѣнчивостью и съ присущею ему боязнью передъ всѣмъ, шокирующимъ общественное мнѣніе, старался, чтобы объ его отношеніяхъ къ Ж. Зандъ люди знали какъ можно менѣе; сначала онъ даже совершенно скрывалъ обстановку своего путешествія на Маіорку, позднѣе же, во время совмѣстной жизни въ Парижѣ и Ноганѣ, когда скрывать уже было невозможно, онъ все-таки ни съ кѣмъ не говоритъ откровенно и въ письмахъ къ лучшимъ друзьямъ упоминаетъ о Ж. Зандъ лишь въ случаѣ необходимости. Вслѣдствіе этого мы имѣемъ весьма мало достовѣрныхъ свѣдѣній о внутренней сторонѣ ихъ жизни, потому что сообщенія самой Ж. Зандъ въ ея мемуарахъ и романахъ, по обыкновенію, больше говорятъ намъ о томъ, что она думала по поводу фактовъ, чѣмъ о самыхъ фактахъ. Ближайшіе поводы ихъ разрыва также неизвѣстны съ достовѣрностью, что даетъ возможность современнымъ свидѣтелямъ и біографамъ обоихъ заинтересованныхъ лицъ теряться въ предположеніяхъ и догадкахъ. Мы за ними не послѣдуемъ, считая достаточно очевиднымъ, что, какіе бы ни были поводы причины разрыва лежали въ полной чуждости интересовъ, привычекъ и характеровъ обоихъ.

Въ 40-е годы Ж. Зандъ была какъ разъ въ апогеѣ своей популярности и литературной дѣятельности. Она стояла въ непосредственной близости къ самымъ живымъ теченіямъ политики, публицистики и литературы того времени. Она воспринимала и пропагандировала религіозно-соціалистическіе взгляды Леру, издавала вмѣстѣ съ послѣднимъ журналъ, сотрудничала въ провинціальныхъ изданіяхъ того же направленія, писала одинъ романъ за другимъ, пыталась даже дебютировать въ качествѣ драматической писательницы («Cosima»). Постоянными гостями въ ея домѣ бывали въ это время упомянутый Пьеръ Леру, Бальзакъ, супруги Віардо, республиканцы и публицисты — Луи Бланъ, Годфруа Кавеньякъ, Анри Мартенъ; часто бывали также Мицкевичъ (это былъ единственный изъ гостей Ж. Зандъ, который могъ быть пріятенъ Шопену), философъ и поэтъ Эдгаръ Кине, а также

*

различные самоучки-писатели изъ народа, какъ Пердигье, Жилланъ и другіе протеже Ж. Зандъ, какихъ у нея было множество.

Эта пестрая и шумная компанія, высказывавшая самые крайніе взгляды по всѣмъ вопросамъ, не обладавшая особенно изысканными манерами, была вовсе не по душѣ Шопену. Онъ привыкъ вращаться въ аристократическихъ салонахъ, гдѣ его окружала атмосфера тонкой лести и изящнаго ухаживанія; онъ придавалъ большое значеніе всякой наружности, хорошей обстановкѣ, хорошей одеждѣ и корректнымъ манерамъ. Его умственный горизонтъ былъ весьма не широкъ: онъ былъ правовѣрный католикъ, не только набожный, но и суевѣрный, онъ чуждался всякихъ контроверсовъ и споровъ объ отвлеченныхъ предметахъ и даже читалъ весьма мало; по свидѣтельству современниковъ онъ не читалъ даже произведеній Ж. Зандъ, а Пьеръ Леру, который всегда подносилъ ему свои произведенія, находилъ ихъ неизмѣнно неразрѣзанными. Но еще глубже было различіе духовнаго склада индивидуальности каждаго. Шопенъ былъ глубоко чувствующей и сдержанной натурою; всегда корректный и вѣжливый, съ оттѣнкомъ грусти отъ неизлѣчимаго недуга, онъ только своему роялю и нотной бумагѣ повѣрялъ тайны своей психологіи. Какъ композиторъ и какъ піанистъ, онъ былъ художникъ въ величайшемъ значеніи слова; музыка была для него не профессіей, а атмосферой, которою онъ дышалъ. Легко понять, съ какою глубокою тоскою онъ ощущалъ отсутствіе своего Плейелевскаго рояля на Маіоркѣ, куда привезли рояль только черезъ три мѣсяца; многіе часы капризовъ и дурного настроенія, несомнѣнно, объясняются этой неутоленной жаждой музыкальныхъ звуковъ.

Его подруга была здоровая, жизнерадостная, ко всѣмъ одинаково привѣтливая женщина, потерявшая уже все украшающую свѣжесть и грацію молодости, но сохранившая небрежность своей прежней полустуденческой, полулитературной холостой компаніи. У нея не было душевнаго движенія, котораго бы она не пыталась выразить словами; она какъ будто боялась, что какой нибудь уголокъ ея души останется невѣдомымъ, неосвѣщеннымъ, неразсказаннымъ, и отворяла ее настежъ своимъ пріятелямъ и читателямъ, также какъ двери своей квартиры. Она также считала себя артисткой и дѣйствительно любила искусство во всѣхъ его видахъ, но искусство было для нея красивою вещью, которую можно сдѣлать. Она писала свои романы отъ такого-то часа до такого-то, она не знала ни подъемовъ, ни упадковъ, она съ жаромъ писала вставныя, часто весьма разумныя разсужденія отъ себя (это тѣ pages sublimes, которыя всѣ критики неизмѣнно указываютъ въ ея произведеніяхъ), съ удовольствіемъ сплетала и расплетала нескончаемые и запутанные узоры фабулы, но въ лучшемъ случаѣ умѣла заполнить ихъ только подкрашенными портретами своихъ знакомыхъ. Она восхищалась искусствомъ своего друга, впадала даже въ довольно простительную крайность въ этомъ отношеніи, но едва ли Шопенъ чувство-

валъ, что ей понятенъ тотъ языкъ, на которомъ онъ только и умѣлъ говорить, не умалчивая самаго главнаго, хотя Ж. Зандъ утверждаетъ противное. Достаточно того, что здѣсь указано, и не надо никакихъ подозрѣній въ злой волѣ и черныхъ поступкахъ, изъ которыхъ, впрочемъ, ни одинъ не доказанъ, чтобы понять жизненную драму великаго музыканта и новое непріятное осложненіе въ жизни Ж. Зандъ.

Въ то время какъ Шопенъ молчаливо доживалъ послѣдніе годы своей жизни, орлеанистская монархія шла также къ своему концу, но нисколько не сознавала этого. Династическіе враги Луи-Филиппа, претенденты на престолъ мало-по-малу сходили въ могилу, и съ ними бонапартисты и легитимисты теряли всякій смыслъ существованія, да и ранѣе они имѣли очень слабые корни во Франціи. Республиканская оппозиція также казалась разбитой на голову. Въ палатѣ, правда, терпится одинъ представитель этой партіи, сначала Гарнье-Пажесъ (старшій), а послѣ его смерти Ледрю-Ролленъ, но ихъ одинокое положеніе и недостаточная талантливость лишали ихъ всякаго вліянія; роль ихъ сводилась къ тому, чтобы въ два-три года разъ произнести программную рѣчь. Съ 1834 г. въ палатѣ засѣдаетъ и поэтъ Ламартинъ, приверженецъ старшей линіи Бурбоновъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ имѣющій претензію представлять въ своемъ единственномъ лицѣ цѣлую «соціальную партію». Это слово, однако, еще никого не пугало, но и самъ носитель такой грозной впослѣдствіи клички нисколько не угрожалъ существующему строю: до 1843 года онъ неизмѣнно поддерживалъ правительственную политику и только время отъ времени преподносилъ палатѣ фантастическіе проекты конверсіи государственныхъ бумагъ или національзаціи желѣзныхъ дорогъ (подъ безспорнымъ вліяніемъ сенъ-симонизма),—проекты, надъ которыми всѣ потѣшались. Внѣ палаты республиканцы были еще весьма многочисленны, но, усталые отъ безконечныхъ судорожныхъ порывовъ 30-хъ годовъ, потрепанные жизнью и преслѣдованіями, они стали миролюбивѣе. Это были почти все тѣ же люди, которые юношами дрались на іюльскихъ баррикадахъ; теперь они не бросались уже по каждому удобному случаю съ оружіемъ въ рукахъ на улицу. Для партіи наступило время самокритики и дифференціаціи. Одинъ изъ самыхъ молодыхъ представителей республиканскихъ идей, Луи Бланъ заявлялъ, что задача даннаго момента заключается не въ оппозиціи, а только въ пропагандѣ. Различія въ оттѣнкахъ идей существовали, конечно, и раньше, но они были еще не для всѣхъ ясны и охотно забывались «передъ общимъ врагомъ»...

...Захватывающія событія политической жизни, хлопоты и непріятности по дѣлу о разводѣ, наконецъ, тиранническое руководство Мишеля отвлекали въ это время Ж. Зандъ къ другимъ мыслямъ. Лишь послѣ того, какъ личность Мишеля потеряла обаяніе въ ея глазахъ, послѣ новой попытки романтической идилліи на островѣ Маіоркѣ, когда Ж. Зандъ, вернувшись во Францію, почувствовала необычное для себя

состояніе свободы отъ чьего-нибудь личнаго авторитета, она усвоила взгляды П. Леру основательно, такъ что ей стало казаться, будто она пришла къ нѣсколькимъ несомнѣннымъ выводамъ относительно соціальнаго прогресса. Замѣчательно, что всѣ, имѣвшіе сильное умственное вліяніе на Ж. Зандъ, были не только вѣрующими, но видѣли непосредственное вмѣшательство высшей воли въ дѣла человѣческія; даже Мишель въ своихъ анархистскихъ декламаціяхъ ссылался на волю Провидѣнія. Пьеръ Леру, сначала атеистъ, затѣмъ поклонникъ разума, теперь пришелъ черезъ сенъ-симонизмъ къ своеобразному мистическому пантеизму. Богъ заключается въ мірѣ, и обратно. Какъ міръ представляетъ нѣчто цѣлое, такъ и родъ человѣческій во всемъ своемъ разнообразіи числа и времени есть также одно цѣлое. Всѣ группы, на которыя дѣлится человѣчество, семьи, общины, націи,—только части этого цѣлаго. Люди только атомы единой, вѣчной, неизмѣняемой міровой души. «Современные люди—тѣ же люди, которые жили въ прошломъ и будутъ жить въ будущемъ». Это ученіе о переселеніи душъ было нѣсколько разъ изложено Ж. Зандъ въ беллетристической формѣ («Консюэло», а также «Собака», «Священный цвѣтокъ» изъ «Бабушкиныхъ сказокъ»). Единство человѣческаго рода, по ученію Леру, указано уже христіанствомъ, но оно сдѣлало изъ этого положенія неправильный выводъ, проповѣдуя милосердіе, которое противорѣчитъ эгоистической натурѣ человѣка; правильный же выводъ есть солидарность, которая выгодна. Въ постепенномъ приближеніи къ господству этого принципа солидарности и заключается прогрессъ. Смыслъ историческаго процесса опредѣляется распространеніемъ равенства и свободы... Много элементовъ этой доктрины принесено Пьеромъ Леру непосредственно отъ сенъ-симонизма, такъ что Ж. Зандъ встрѣтила здѣсь давно знакомыя ей идеи. Только теперь она обращаетъ главное вниманіе на ту сторону ученія, которая касается соціальнаго неравенства. Въ этой области вопросовъ Леру стоялъ довольно близко къ Луи-Блану, также былъ горячій приверженецъ республики и всеобщей подачи голосовъ, также стоялъ за государственное участіе въ организаціи труда и въ 1848 г., будучи членомъ крайней лѣвой въ національномъ собраніи, ратовалъ за «національныя мастерскія».

Между П. Леру и Ж. Зандъ установилась скорѣ такая близость идей, что они стали издавать журналъ «Revue indépendante», въ которомъ проводили свою программу. Журналъ этотъ не имѣлъ особеннаго вліянія на ходъ политическихъ событій, для этого онъ носилъ слишкомъ философскій и литературный характеръ, но все-таки имѣлъ значительный кругъ читателей, такъ что убилъ органъ Луи Блана «Revue du progrés» и сильно дѣйствовалъ на воображеніе пролетаріевъ, которые цѣнили въ немъ столько же гуманныя демократическія идеи, какъ и мистическую философію. Кромѣ того, Ж. Зандъ основываетъ еще одинъ журналъ «Éclaireur de l'Indre», который былъ посвященъ

пропагандѣ демократическихъ и республиканскихъ взглядовъ въ весьма отсталой средѣ ея родной провинціи. Ея популярность, не только какъ романистки, но какъ лица, имѣющаго вліяніе на общественное мнѣніе, растетъ. Какъ романистки, ея имя считается украшеніемъ во всѣхъ видныхъ журналахъ, въ консервативныхъ также, какъ въ прогрессивныхъ, при чемъ первые охотно мирятся съ соціалистическими тенденціями ея романовъ, а вторые; напр., «National», органъ чисто политическаго либерализма, просятъ ее воздержаться отъ соціальныхъ темъ. Какъ вліятельное лицо радикальнаго лагеря, ее не только цѣнятъ всѣ лучшіе дѣятели парижской демократической интеллигенціи, у нея не только находятъ поддержку и одобреніе протестантски настроенные самоучки изъ народа, но всѣ, кто ищетъ сочувствія общественнаго мнѣнія Франціи не считаютъ возможнымъ ее обойти: польскіе и итальянскіе эмигранты посѣщаютъ ея домъ, Бакунинъ вступаетъ съ нею въ переписку и даже дальновидный Луи Бонапартъ, новый претендентъ, который заигрываетъ съ демократами, вступаетъ съ нею въ сношенія. Вскорѣ ея перо будетъ служить оффиціальнымъ органомъ республиканцевъ, очутившихся у власти, но, прежде чѣмъ перейти къ критическому моменту 1848 г., оглянемся еще разъ, чтобы отмѣтить тѣ элементы, которые подъ столькими разнообразными вліяніями входили въ ея романы.

Общій фонъ, основной аккордъ ихъ остается, какъ прежде, любовь и связанные съ нею вопросы о свободѣ чувства и положеніи женщины. Въ «Жакѣ», написанномъ еще до знакомства съ Мишелемъ де-Буржъ, любовь еще служитъ единственнымъ содержаніемъ. Въ первыхъ романахъ мы видѣли мужей-тирановъ, которые неспособны были оцѣнить своихъ женъ, но грубо настаивали на своей абсолютной власти, признанной за ними закономъ и общественнымъ мнѣніемъ. Въ «Жакѣ» Ж. Зандъ изображаетъ полную противоположность: мужъ является идеаломъ ума, деликатности и чести, а наивная простушка-жена не въ состояніи его оцѣнить. Появляется опять и идеальный другъ страдающаго героя, въ данномъ случаѣ мужа, въ лицѣ женщины, стоящей съ нимъ на одной ступени умственнаго и нравственнаго совершенства, Когда романическій конфликтъ въ видѣ увлеченія жены такимъ же. какъ она, ничтожнымъ субъектомъ, требуетъ разрѣшенія, идеальный мужъ съ рыцарскимъ самоотверженіемъ устраняется съ пути. Герой Чернышевскаго уѣзжаетъ при подобныхъ условіяхъ въ Америку; еще болѣе радикальны Жакъ кончаетъ самоубійствомъ, но съ такою деликатностью, что никто этого не подозрѣваетъ. Впослѣдствіи совершенно та же комбинація, за исключеніемъ самоубійства мужа, повторена въ «Вальведрѣ». Однако, уже въ «Андре», написанномъ также еще въ Венеціи, выступаетъ и соціальный вопросъ въ бракѣ: молодой человѣкъ «изъ хорошаго дома» увлекаетъ простую модистку и доводитъ ее до гроба. Здѣсь положеніе взято въ своемъ чистомъ видѣ, не

осложненное никакими демократическими убѣжденіями, зато герой «Симона», крестьянинъ по происхожденію, адвокатъ по профессіи, ненавидящій аристократовъ и влюбленный въ дочь графа, это уже схематическое изображеніе Мишеля де-Буржъ. Идеи послѣдняго еще яснѣе отразились въ «Мопра». Этотъ романъ любопытенъ по своему разнообразному составу. По своей фабулѣ онъ примыкаетъ къ тому ряду разбойничьихъ повѣстей, который во французской литературѣ былъ начатъ «Сбогаромъ» Шарля Нодье; характеръ идеально-чистой и женственной героини принадлежитъ къ семейству «Индіаны» и «Валентины», а крестьянинъ-философъ Пасіансъ, который для развитія романа совершенно не нуженъ и существуетъ только для того, чтобы излагать взгляды отчасти Ж. Ж. Руссо, отчасти Мишеля, напоминаетъ типъ «наивнаго» философа, весьма обычный въ драматической литературѣ XVIII вѣка. Это добродѣтельный мизантропъ вродѣ, Урса изъ «L'homme qui rie», но только болѣе болтливый: на нѣсколькихъ страницахъ излагаетъ онъ принципы и практику своей филантропической дѣятельности бѣдному герою романа, жаждущему увидѣться со своею возлюбленной послѣ шестилѣтней разлуки. Читатели обыкновенно оказываются менѣе терпѣливы, чѣмъ этотъ влюбленный юноша, и перескакиваютъ прямо къ концу нравоучительнаго монолога. Если въ качествѣ пустынника, наслаждающагося красотами природы, Пасіансъ больше напоминаетъ Руссо въ Эрмитажѣ или на Біенскомъ озерѣ, то когда онъ выступаетъ въ качествѣ импровизированнаго адвоката за невинно обвиняемаго, когда онъ посрамляетъ судей тонкостью произведеннаго имъ по собственной иниціативѣ слѣдствія и увлекаетъ всю аудиторію непобѣдимою энергіею краснорѣчія, то мы уже не сомнѣваемся, что передъ нами самъ Мишель; кстати и судъ происходитъ въ Буржѣ, гдѣ такъ недавно Мишель произносилъ свои блестящія рѣчи въ защиту самой Ж. Зандъ въ ея бракоразводномъ процессѣ. Другой наставникъ романистки Ламенне легко узнается въ старомъ монахѣ «Спиридіона». Ж. Зандъ признается, что если когда-нибудь она изображала въ романахъ самое себя, то именно въ лицѣ молодого монаха Алексиса, который со всѣмъ пыломъ ищетъ религіозной правды и божественнаго идеала. Старый монахъ, умирая, передаетъ ему огонь, полученный изъ пламени грозы. Отъ этого пламени должна возгорѣться революція религіозныхъ идей, а затѣмъ и великая революція.

Надо удивляться, съ какою быстротою Ж. Зандъ перерабатывала воспринимаемыя ею идеи въ беллетристическую форму. Зимою 1839—1840 г. она увѣровала въ религіозно-соціалистическую систему П. Леру и въ томъ же 1840 г. ея романъ «Le compagnon du tour de France» полонъ новопріобрѣтенныхъ убѣжденій. Какъ Пасіансъ говорилъ за Мишеля, такъ здѣсь Ашиль Лефоръ, такой же демократъ по происхожденію, такой же радикальный и болтливый мыслитель, беретъ на себя пропаганду теорій Леру. Въ тотъ же періодъ написанъ «Орасъ»,

одинъ изъ тѣхъ романовъ Ж. Зандъ, которые менѣе другихъ кажутся устарѣвшими. Здѣсь есть всѣ обычные персонажи: женщина—ангелъ добродѣтели, недостойный любовникъ, вѣрный другъ, онъ же демократъ по рожденію и убѣжденіямъ; кромѣ того, благоразумный резонеръ, который оказывается всегда выше событій, но интересъ романа заключается въ томъ, что центральное мѣсто въ немъ занимаютъ не возвышенныя чувства положительныхъ персонажей, а вѣрно наблюденный характеръ фразера и карьериста, играющаго роль передового человѣка, пока это безопасно и не мѣшаетъ успѣвать въ жизни. Этотъ типъ, который, кстати сказать, нѣтъ никакихъ мотивовъ сближать съ Рудинымъ, какъ дѣлаетъ г. Влад. Каренинъ, Ж. Зандъ уже затронула въ «Индіанѣ». Тамъ онъ былъ взятъ въ средѣ дворянства, приверженнаго къ реставраціи, теперь авторъ показываетъ его намъ въ средѣ революціонно настроенной учащейся молодежи послѣ смѣны Бурбоновъ Орлеанами. Орасъ весьма характерный «parvenu» изъ мелкихъ буржуа, съ приказчицкой душонкой, короткимъ умомъ и широкимъ аппетитомъ. Онъ хотѣлъ бы не только наслаждаться сытостью, но и быть интереснымъ и покорять людей; для этого пускаются въ ходъ и радикальныя фразы, и романтическая наружность и фиктивно-страстный темпераментъ. Изъ всей галлереи дѣйствующихъ лицъ романовъ Ж. Зандъ это одинъ изъ наиболѣе удачныхъ въ литературномъ отношеніи. Реальность его зависитъ оттого, что Ж. Зандъ въ данномъ случаѣ не стремилась создать общечеловѣческій шекспировскій характеръ, а ближе держалась тѣхъ психологическихъ чертъ, которыя были присущи опредѣленной средѣ и опредѣленному историческому моменту. Въ этомъ смыслѣ «Орасъ» принадлежитъ къ одной группѣ съ повѣстями Ж. Зандъ изъ крестьянской жизни, о которыхъ будетъ рѣчь ниже. Тамъ тоже, за нѣкоторыми исключеніями, чувствуется конкретная почва, которой недостаетъ Жаку, Леліи, Вальведру и всѣмъ ихъ сородичамъ.

Вліяніе того же Леру, комбинированное, впрочемъ, съ нѣсколькими другими элементами, ясно сказывается въ «Консюэло», которая въ свое время производила фуроръ не только во Франціи, но во всей Европѣ. Взглядъ сенъ-симонистовъ, а отчасти и Ламенне на искусство, какъ на средство дѣйствовать на чувства людей, съ цѣлью дѣлать ихъ благороднѣе и доступнѣе для альтруистическихъ движеній,—взглядъ, который такъ сильно увлекъ Листа, олицетворенъ здѣсь въ образѣ молодой итальянской пѣвицы, которая смотритъ на свое дарованіе, какъ на благодать свыше, столько же доставляющую наслажденіе, сколько налагающую нравственныя обязательства. Ея строгій учитель, непризнанный геній Порпора, сильно напоминающій Делатуша, требуетъ отъ нея, чтобы она всѣмъ пожертвовала своему артистическому призванію, даже личнымъ счастіемъ. Дѣйствіе этого романа происходитъ въ XVIII столѣтіи, сначала въ Италіи, затѣмъ въ Австріи, въ Чехіи, а

продолженіе его—«Графиня Рудольштатъ»—въ Пруссіи и, наконецъ, въ Парижѣ. Тутъ Ж. Зандъ нашла удобный моментъ приложить историческую философію Леру. Послѣдній былъ большой почитатель чешскихъ религіозно-національныхъ движеній XV-го вѣка, и вотъ графъ Рудольштатъ, потомокъ Яна Жишки, подробно и въ нѣсколько пріемовъ излагаетъ любознательной Консюэло ученія и исторію гусситовъ, миноритовъ и таборитовъ, причемъ историческая дѣйствительность принимаетъ самый фантастическій характеръ, какъ вообще Ж. Зандъ никогда не стѣсняется ни съ исторіей, ни съ географіей. Появляется и живое воплощеніе этихъ отдаленныхъ ученій въ лицѣ юродиваго съ quasi чешскимъ именемъ Зденко. Тотъ же самый графъ Рудольштатъ, визіонеръ, страдающій міровою скорбью, служитъ доказательствомъ и другой части ученія П. Леру—о переселеніи душъ. Онъ въ извѣстные моменты экстаза можетъ съ полною отчетливостью переживать и видѣть все, что переживали и видѣли всѣ поколѣнія его предковъ, начиная отъ Жишки (неизвѣстно только, почему именно съ этого момента); онъ чувствуетъ себя дѣйствительнымъ участникомъ Гусситскихъ войнъ, это съ него самого сдираютъ кожу, его самого бросаютъ въ огонь и т. д. Наконецъ, въ этомъ же романѣ есть воспоминанія нѣкогда пережитыхъ самою Ж. Зандъ впечатлѣній: ея дневникъ, заключающій описаніе ея поѣздки по Пиренеямъ и посѣщеніе Лурдскаго грота вмѣстѣ съ де-Сезомъ, несомнѣнно, послужилъ источникомъ для описанія таинственнаго подземелья, въ которомъ Консюэло разыскиваетъ съ опасностью жизни графа Рудольштатъ. Но любопытно вотъ что: въ дневникѣ Ж. Зандъ передавала лишь непосредственныя свои впечатлѣнія, и они совершенно ясно и понятно передаются читателю; въ романѣ авторъ старается такъ описать каждый поворотъ, каждый обрывъ, каждую ступеньку этой пещеры, чтобы читатель вполнѣ уяснилъ себѣ ея планъ и нивеллировку, а въ результатѣ получается какъ разъ обратное: всякая наглядность описанія теряется, остается только смутное чувство чего-то хаотическаго, и является сомнѣніе, представлялъ ли себѣ авторъ то, что изображалъ. Къ личнымъ впечатлѣніямъ нужно отнести также и описаніе Венеціи, которое занимаетъ такое большое мѣсто въ первой части «Консюэло». Венеціанскій пейзажъ весьма часто служитъ фономъ для произведеній Ж. Зандъ, особенно изъ числа болѣе мелкихъ повѣстей. И надо сказать, что почти всегда ей удается вызвать живое впечатлѣніе, также какъ при описаніяхъ своей беррійской родины.

Въ «Консюэло» музыка играетъ громадную роль. Это даетъ намъ поводъ сказать здѣсь нѣсколько словъ о томъ, что вынесла Ж. Зандъ изъ своего близкаго общенія съ двумя такими музыкантами, какъ Листъ и Шопенъ. Біографъ послѣдняго (Никсъ) указываетъ на въ высшей степени неправильныя сужденія Ж. Зандъ въ области музыки, ссылаясь на характеристику, какую она даетъ въ «Hist. de ma vie» Шо-

пену сравнительно съ другими музыкальными геніями. Дѣйствительно, она высказываетъ тамъ, будто Шопенъ не только равенъ, но выше всѣхъ своихъ предшественниковъ, что у него болѣе изящества, чѣмъ у Баха, болѣе мощи, чѣмъ у Бетховена (!), и болѣе драматизма, чѣмъ у Вебера. «Онъ равенъ всѣмъ тремъ вмѣстѣ и при этомъ онъ остается самимъ собой, т.-е. болѣе независимый въ своемъ вкусѣ, болѣе строгій въ изображеніи величія, болѣе раздирающій въ изображеніи страданія. Одинъ Моцартъ выше его, потому что Моцартъ въ большей степени обладалъ спокойствіемъ здоровья, а слѣдовательно, и полнотою жизни». Современному вкусу, конечно, не можетъ не казаться страннымъ такое полное непониманіе Бетховена, но нельзя забывать, что въ то время, особенно во Франціи, такое непониманіе было общераспространеннымъ даже среди выдающихся музыкантовъ. Одинъ Листъ пропагандировалъ этого величайшаго генія музыки, но безъ особеннаго успѣха; когда онъ однажды сталъ играть какую-то сонату Бетховена передъ Крейцеромъ, который въ настоящее время извѣстенъ только благодаря Бетховену, тотъ заткнулъ себѣ уши и выбѣжалъ изъ комнаты отъ такой варварской музыки. Сужденіе же Ж. Зандъ намъ интересно не столько само по себѣ, сколько потому, что оно является почти буквальнымъ повтореніемъ музыкальной критики самого Шопена, конечно, за исключеніемъ превознесенія этого послѣдняго, на что, какъ мы уже замѣтили, Ж. Зандъ имѣла достаточныя субъективныя причины. Согласно сообщеніямъ Листа, Шопенъ также выше всѣхъ ставилъ Моцарта, цѣня особенно его благородное изящество. Онъ также, какъ Ж. Зандъ, указываетъ на присущія Моцарту черты граціи, счастливой гармоніи и на отсутствіе всего грубаго, жесткаго, несуразнаго, нездороваго и эксцентричнаго. На второе мѣсто, но очень близко къ Моцарту, Шопенъ ставилъ Баха. Къ Веберу онъ также относился сочувственно; Бетховена же онъ почиталъ, но не безусловно: строеніе его музыки казалось ему черезчуръ атлетическимъ, ея экспрессія черезчуръ могучею, ея негодующій паѳосъ (courroux) черезчуръ громогласнымъ.

Не будучи такимъ образомъ выше своего времени въ качествѣ музыкальнаго критика, Ж. Зандъ, несомнѣнно, была музыкальна. Изъ всѣхъ отраслей искусствъ, кажется, только одна музыка ощущалась ею непосредственно. По крайней мѣрѣ, страницы ея романовъ, посвященныя музыкѣ и музыкантамъ, представляются намъ наиболѣе художественными изъ всего, что ею написано. Приведемъ здѣсь только маленькій отрывокъ, который, по нашему мнѣнію, столько же характеризуетъ воспріимчивость Ж. Зандъ къ музыкѣ, сколько вновь свидѣтельствуетъ и о литературномъ вліяніи на нее Ламенне. Во время своего совмѣстнаго путешествія съ Листомъ по Швейцаріи (осенью 1836 г.) Ж. Зандъ сдѣлала экскурсію въ Фрейбургъ, гдѣ Листъ на великолѣпномъ органѣ въ соборѣ поразилъ слушателей необычайною игрою своего «Dies irae». Вотъ какъ Ж. Зандъ передаетъ свои впе-

чатлѣнія въ одномъ изъ «Писемъ путешественника»: «О, да, говорила я себѣ, въ то время, какъ гнѣвъ Божій гремѣлъ надо мною громовыми нотами,—да страшно будетъ тѣмъ, кто не зналъ страха Божія и оскорблялъ Его въ самомъ прекрасномъ твореніи Его рукъ, тѣмъ, кто насиловалъ святыню совѣсти, тѣмъ, кто, отягчалъ оковами руки своихъ братьевъ, тѣмъ, кто сгущалъ предъ ихъ глазами тьму невѣжества, тѣмъ, кто проповѣдовалъ, что рабство народовъ божественнаго происхожденія... тѣмъ, кто торгуетъ народомъ и предаетъ его тѣло апокалипсическому дракону,—всѣмъ имъ будетъ страшно, всѣхъ ихъ ждетъ ужасъ»! Эти строки могли бы смѣло принадлежать Ламенне по мыслямъ и по энергичной формѣ, но любопытно именно то, что онѣ подсказаны были Ж. Зандъ музыкой. Въ другихъ случаяхъ, впрочемъ, она не ограничивалась такой общей передачей своихъ музыкальныхъ впечатлѣній, а старалась возсоздать музыкальную гармонію въ равносильныхъ ей поэтическихъ образахъ, тогда она впадала въ обычное многоглаголаніе и получалось полное фіаско. Такъ случилось, по свидѣтельству даже такого восторженнаго критика, какъ г. Влад. Каренинъ, съ «Контрабандистомъ», написаннымъ въ видѣ перифразы «Rondo fantastique» Листа подъ тѣмъ же заглавіемъ.

Чтобы покончить съ литературною дѣятельностью Ж. Зандъ до 1848 г., намъ слѣдовало бы еще остановиться на нѣсколькихъ произведеніяхъ ея, въ которыхъ авторъ въ лицахъ проповѣдуетъ свою религію соціализма («Le Meunier d'Angibault», «Péché de M. Antoine»), но въ сущности, кромѣ фабулы, въ нихъ нѣтъ ничего новаго, такъ что, отказавшись разъ навсегда отъ всесторонняго штудированія ея романовъ, мы имѣемъ полное право оставить ихъ безъ вниманія. Отмѣтимъ только, что именно такія произведенія создавали славу Ж. Зандъ и пріобрѣтали ей какъ друзей, такъ и враговъ. Но нельзя пройти мимо одного изъ произведеній этого періода, которое въ свое время возбудило много толковъ и сплетенъ, а нынѣ обращаетъ на себя вниманіе совсѣмъ съ иной стороны. Мы говоримъ о «Лукреціи Флоріани». Въ этомъ романѣ послѣ многихъ лѣтъ Ж. Зандъ возвращается къ вопросу о свободѣ любви безъ другихъ осложненій. Это было въ послѣдніе годы совмѣстной жизни романистки съ Шопеномъ, когда характеръ ея друга для нея вполнѣ выяснился, и его слабости, его неприспособленность къ жизни внушали ей больше жалости, чѣмъ симпатіи. Въ одномъ изъ персонажей романа она и изобразила Шопена такимъ, какимъ онъ ей казался. Друзья музыканта раздули эту исторію въ страшный скандалъ, увѣряли, что она написала свою книгу съ спеціальною цѣлью отдѣлаться отъ надоѣвшаго ей больного друга, а когда черезъ годъ послѣ разрыва онъ умеръ, то этотъ романъ получилъ еще болѣе мрачную характеристику и считался орудіемъ убійства. Вмѣсто того, чтобы игнорировать эти сплетни, какъ она обыкновенно дѣлала, Ж. Зандъ вздумала отрицать, что Шопенъ служилъ

моделью для князя Кароля. Аргументы, которые она приводитъ въ «Histoire de ma vie», надо признаться весьма недостаточны: она утверждаетъ, во-первыхъ, что натура Шопена была гораздо сложнѣе, чѣмъ выдуманная ею личность, что романистъ долженъ послѣдовательно проводить задуманный типъ, тогда какъ природа позволяетъ себѣ скачки, противорѣчія и неожиданности, и, во-вторыхъ, что князь Кароль не геній, а потому ему не прощается то, что могло прощаться Шопену. Едва ли кого-либо можно было переубѣдить такими доводами. Но для насъ важенъ не князь Кароль, а сама Лукреція Флоріани, въ которой Ж. Зандъ изобразила никого иного, какъ самое себя, тоже безъ пунктуальной точности, но съ несомнѣннымъ сходствомъ. Она отрицаетъ и это, какъ мы уже раньше указывали, говоря, что она никогда не изображала себя въ женскихъ типахъ; можно было бы указать, что она непохожа на Лукрецію уже потому, что у послѣдней было четверо дѣтей отъ трехъ любовниковъ, тогда какъ Ж. Зандъ имѣла только двухъ дѣтей отъ законнаго мужа. Но все это не измѣняетъ того факта, что отношеніе Лукреціи къ вопросу о нравственности, ея психологія любви, ея материнскія чувства, ея равнодушіе къ суду общественнаго мнѣнія совершенно тѣ же, какъ у Ж. Зандъ. Это-то и сохраняетъ за названнымъ романомъ историческій интересъ, хотя въ художественномъ отношеніи онъ не имѣетъ никакихъ особенныхъ преимуществъ передъ десятками другихъ произведеній Ж. Зандъ.

«Лукреція Флоріани—кто бы могъ подумать?—была отъ природы также цѣломудренна, какъ маленькій ребенокъ», такъ характеризуетъ авторъ героиню. «Это звучитъ странно относительно женщины, которая столько и стольхихъ любила». Дѣйствительно, такое сужденіе о самой Ж. Зандъ многимъ кажется парадоксомъ. Постоянно можно встрѣтить въ литературѣ замѣчанія объ ея «необузданной чувственности», объ ея «неслыханной развращенности» и т. п. Въ подтвержденіе этого вѣдь достаточно привести пространный списокъ ея любовныхъ связей. На самомъ дѣлѣ этотъ списокъ ничего не доказываетъ. Все, что мы знаемъ объ ея увлеченіяхъ, рисуетъ ихъ не какъ порывы физически-страстной натуры, а какъ стремленіе къ высшему, идеальному сліянію душъ. Въ противномъ случаѣ, отчего она никогда не старалась возводить въ принципъ плотской похоти? Отчего она не присоединилась къ ученію Анфантена о «реабилитаціи плоти»? Отчего всѣ ея героини, безъ исключенія, являются идеаломъ нравственной чистоты и цѣломудрія? Всѣ онѣ даже слишкомъ много разсуждаютъ, прежде чѣмъ отдаться любимому человѣку. И у самой Ж. Зандъ всякой любовной связи предшествовалъ какой-нибудь планъ, какая-нибудь идея, какая-нибудь мечта объ идеалѣ. Лукреція Флоріани объясняетъ это очень хорошо: «Я знаю,—думаютъ, будто любовь коренится въ чувственныхъ инстинктахъ (les sens), но это невѣрно относительно даровитыхъ женщинъ. У этихъ любовь идетъ шагъ за шагомъ, она сначала овладѣваетъ умомъ, стучится въ дверь.

воображенія,—безъ его золотого ключа она не получаетъ доступа въ сердце; тогда уже она нисходитъ вглубь, наполняетъ все наше существо, и мы любимъ того человѣка, который нами завладѣетъ, какъ Бога, какъ дитя, какъ брата, какъ супруга, какъ все, что женщина можетъ любить». Лукреція такъ же, какъ Ж. Зандъ, чувствуетъ влеченіе къ слабымъ женственнымъ натурамъ, къ которымъ она можетъ относиться больше какъ снисходительная мать, чѣмъ какъ покорная любовница. Лукреція такъ же, какъ Ж. Зандъ, любитъ своихъ дѣтей больше, чѣмъ всѣхъ любовниковъ: материнское чувство у обѣихъ дѣйствительно природный инстинктъ, а любовныя увлеченія—это продуктъ воображенія. Наконецъ, по отношенію къ мнѣнію свѣта Лукреція высказывается такъ, какъ, по справедливому замѣчанію Брандеса, могла бы говорить сама Ж. Зандъ: «Я никогда не искала ссоры; быть можетъ, я подавала поводъ къ тому, но помимо воли и сознанія. Я никогда не любила болѣе одного человѣка заразъ (Ж. Зандъ приходилось и въ этомъ оправдываться); когда я его больше не любила, я его не обманывала, а просто разрывала съ нимъ. Несомнѣнно, я клялась ему въ вѣчной любви, но вполнѣ искренно. Каждый разъ, какъ я любила, эта любовь бывала такою безраздѣльною и полною, что я думала, что это въ первый и послѣдній разъ въ моей жизни. Меня, можетъ быть, не считаютъ достойной уваженія женщиной, но я глубоко сознаю себя таковой... Я предоставляю свѣту судить обо мнѣ, не протестуя противъ его приговора, не находя, что онъ неправъ въ своихъ общихъ правилахъ, но я также не признаю за нимъ ни малѣйшаго права надъ собой». Именно такъ Ж. Зандъ держала себя всю жизнь. Она не расшатывала общепринятыхъ принциповъ морали, но была также убѣждена, что по существу она нравственно чиста и никогда, даже въ старости, не испытала ни тѣни раскаянія. Поэтому, хотя она и знала, какъ ее осуждали и клеветали на нее, но это не нарушало ея спокойнаго состоянія духа, и она ни передъ кѣмъ не опускала головы. Среди столькихъ колеблющихся, неувѣренныхъ и раздвоенныхъ Гамлетовъ, которыми изобиловалъ XIX вѣкъ, эта цѣльность, довѣріе къ своей природѣ отводитъ Ж. Зандъ дѣйствительно совершенно исключительное мѣсто.

Евгеній Дегенъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

БЕЗДОМНЫЕ.

Повѣсть Стефана Жеромскаго.

Переводъ съ польскаго М. Троповской.

(*Продолженіе* *).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Глава I.

Честныя захолустныя идеи.

Съ наступленіемъ сезона доктору Юдыму пришлось не мало поработать. Онъ рано вскакивалъ съ постели, тѣмъ болѣе, что въ маленькой его комнаткѣ подъ самой жестяной крышей, куда въ іюнѣ были перенесены изъ салоновъ его «лары и пенаты», уже къ шести часамъ утра, такъ и пылало зноемъ. Онъ бѣгалъ на метеорологическую станцію дѣлать наблюденія и замѣтки, посѣщалъ комнаты, въ которыхъ купальщики примѣняли гидропатическія «средства», слѣдилъ за порядкомъ въ ваннахъ, у источниковъ, и къ восьми часамъ былъ уже у себя въ больницѣ.

Въ десять онъ принималъ въ своемъ кабинетѣ извѣстную категорію больныхъ (преимущественно изъ сферы распатанной молодежи), и это продолжалось до часу. Послѣ обѣда время у него уходило на то, чтобы занимать дамъ, принимать участіе въ организованіи любительскихъ спектаклей, прогулокъ, всевозможныхъ *record*'овъ, экскурсій etc. Волей-неволей ему приходилось относиться къ занятіямъ этого рода, какъ къ одной изъ своихъ обязанностей.

Эта новая для него стихія вскорѣ поглотила его.

Рой молодыхъ женщинъ, нервныхъ, избалованныхъ, жаждущихъ такъ называемыхъ впечатлѣній, окружалъ его постоянно. И Юдымъ, какъ-то даже незамѣтно для самого себя, вдругъ превратился въ молодого франта, одѣтаго по модѣ и умѣющаго вести веселые разго-

---

*) См. «Міръ Божій», № 8, августъ.

воры. Эта легкая, интересная, пріятная, распускающаяся жизнь небольшого курорта, гдѣ, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, стекается и сливается какъ бы въ одну семью масса людей со всѣхъ концовъ страны и изъ различныхъ слоевъ общества—совершенно ошеломила его. Онъ, ни съ того, ни съ сего, вошелъ въ общество богатыхъ дамъ и часто являлся не только что свидѣтелемъ, но даже повѣреннымъ ихъ сокровеннѣйшихъ тайнъ. Онъ былъ повсюду желаннымъ гостемъ, котораго чуть ли не изъ рукъ вырывали другъ у друга, и не разъ, хоть самъ онъ внутренно смѣялся надъ этимъ, его голосъ имѣлъ рѣшающее значеніе въ дѣлахъ, касающихся того, что самъ онъ называлъ тономъ и вкусомъ.

Порою, возвращаясь позднею ночью домой съ какой-нибудь роскошной вечеринки или прогулки, онъ задумывался надъ прелестями жизни, надъ тѣми новыми ея формами, съ которыми ему приходилось знакомиться. Когда онъ думалъ объ этомъ обществѣ, что собралось на воды въ Цисы, ему представлялось, будто онъ читаетъ какой-то романъ конца прошлаго вѣка, слабострастный, гдѣ изображается жизнь недостойная, нехорошая, въ которой, однако, есть что-то заманчивое... Сила чувственности, умышленно облеченная въ красивыя формы, обыкновенной дюжинной натурѣ кажется чѣмъ-то особеннымъ, невѣдомымъ. Были минуты, что онъ прямо упивался краснорѣчивостью молчанія въ извѣстныхъ случаяхъ, символикой цвѣтовъ, красокъ, музыки, словъ, какъ будто все не договаривающихъ чего-то...

На балахъ и собраніяхъ по временамъ показывались и обитательницы имѣнія. И царицей тогда неизмѣнно была панна Наталія. Когда она, въ своемъ свѣтломъ нарядѣ, появлялась въ залѣ, она бывала такъ ослѣпительно хороша, что ничто не въ силахъ было устоять передъ ея чарами. И она, несомнѣнно, чувствовала то массовое преклоненіе, ту безумную любовь, какую вызывали среди мужчинъ ея дивныя, царственныя очи, но, съ высоты своего величія, она не обращала на это никакого вниманія. Она всегда была холодна, равнодушна и словно оторвана отъ всей этой жизни. Порою она становилась нѣсколько оживленнѣе, улыбалась своей чарующей улыбкой, но чуть только она замѣчала, что тотъ или другой хочетъ изъ минутнаго ея хорошаго настроенія сдѣлать какой-нибудь выводъ въ свою пользу, она однимъ взглядомъ, одной улыбкой совершенно иного рода, спускала его на землю.

Та же исторія повторилась и съ Юдымомъ. Избалованный успѣхомъ у дамъ, докторъ смѣло подходилъ и къ Наталіи. На одномъ изъ собраній она нѣсколько разъ танцовала съ нимъ, была весела и оживлена, сама вспомнила о Парижѣ и о поѣздкѣ въ Версаль. У Юдыма совсѣмъ голова закружилась. Возбужденный всѣмъ этимъ, онъ въ какомъ-то безумномъ порывѣ смѣлости рѣшился на настоящее покушеніе и въ слѣдующей кадрили заговорилъ о Карбовскомъ, котораго пару недѣль ужъ не было въ Цисахъ. Панна Оршенская согла-

шалась съ нимъ, когда онъ говорилъ, что Карбовскій, какъ ему кажется, человѣкъ не особенно симпатичный, поддакивала его словамъ кивками головы и негромкими восклицаніями. Флиртъ продолжался. Но когда докторъ, поощренный успѣхомъ, сталъ еще смѣлѣе и попытался было заговорить уже не о Карбовскомъ, а о самомъ себѣ, онъ вдругъ замѣтилъ въ глазахъ ея выраженіе такой суровой гордости, какого не видѣлъ еще никогда въ жизни, и струсилъ не на шутку. Ему казалось, что этотъ суровый, властный взглядъ, полный презрѣнія, изъ глубины полуопущенныхъ рѣсницъ такъ и впивается въ въ него, пронизываетъ насквозь, разрываетъ на части, какъ когти орлицы раздираютъ живую добычу. Онъ хотѣлъ что-то сказать, но слова, словно кусокъ пакли, завязли у него въ горлѣ.

Блѣдный, стиснувъ зубы, онъ сидѣлъ, какъ прикованный, не будучи въ состояніи ни уйти, ни оставаться.

Всѣ эти обстоятельства, въ общемъ, мѣшали доктору заниматься его больничными дѣлами. Въ это лѣто въ немъ какъ бы столкнулись два теченія и боролись другъ съ другомъ. Чѣмъ дальше забѣгало одно становясь на дорогѣ другому, тѣмъ болѣе напрягались силы второго. Докторъ постоянно чувствовалъ какъ будто преграду въ своемъ ухаживаніи за больными и старался побороть ее съ помощью усиленнаго труда, но какъ только онъ попадалъ въ міръ удовольствій и развлеченій, онъ весь отдавался этому вихрю и съ тѣмъ большимъ увлеченіемъ, чѣмъ усиленнѣе работалъ въ больницѣ. При всемъ томъ, онъ чувствовалъ себя въ общемъ довольно хорошо. Онъ жилъ, совершенно забывъ о томъ, что такое скука, рефлексы, апатія.

Самая больница, собственно говоря, при немъ только и стала выполнять должное назначеніе. Устроенная нѣсколько лѣтъ назадъ «идеалистомъ» Невадзкимъ, она, послѣ его смерти служила различнымъ потребностямъ. Въ случаѣ надобности, управляющій имѣніемъ употреблялъ больничныя палаты на складъ для свеклы, разсыпавшіяся клепки чановъ изъ винокурни, попорченныя части молотилки и т. д. А то лакеи, экономъ, кассиръ и другія должностныя лица брали оттуда кровати для своихъ гостей; сосуды и всякая другая утварь были растасканы съ истинно-славянскимъ усердіемъ. Изрѣдка лишь лежала тамъ какая-нибудь бездомная родильница, надъ которой кто-то «взялъ да сжалился», какой-нибудь батракъ изъ имѣнія, больной «коликами», или ребенокъ, заболѣвшій оспой.

Больничка находилась на попеченіи доктора Венглиховскаго. Было бы ложью утверждать, что директоръ изъявлялъ свое согласіе на помѣщеніе въ больницѣ всякаго хлама; напротивъ, надо признаться, онъ иногда хохоталъ до упаду надъ этимъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя сказать и того, чтобы докторъ особенно усердно занимался больными. Если кому-либо дѣлалось совсѣмъ скверно и его, ради «предупрежденія заразы», помѣщали въ больницу, то д-ръ Венглихов-

скій иногда заглядывалъ туда и царапалъ рецептикъ. Обыкновенно, его лѣкарство даже помогало.

Часто ксендзъ, барышни, а то и сама бабушка-помѣщица находили какого-нибудь расхворавшагося бѣднягу, и такого счастливца отправляли въ больницу. Если онъ состоялъ подъ опекой ксендза, ему присылали тарелку бульону или ножку вареной курицы. Если же это былъ протеже барышень, на его долю всегда доставались самые роскошные объѣдки съ господскаго стола, частенько даже во вредъ здоровью.

Вообще, этотъ небольшой домикъ, стоящій особнякомъ, посреди хозяйскихъ строеній, предназначенныхъ для добыванія доходовъ извѣстными средствами, нѣкоторымъ образомъ, представлялъ олицетвореніе участи благородной идеи среди матеріальнаго міра. Онъ имѣлъ такой унылый, заброшенный, безпомощный видъ и стоялъ безцѣльно, словно сложа руки. Глубокая, непреоборимая досада и злость охватывала Юдыма всегда, какъ только онъ подходилъ къ этому зданію. Когда онъ вспоминалъ про того человѣка, который съ извѣстною цѣлью его поставилъ, много и долго думалъ надъ тѣмъ, какъ бы толково и дѣльно устроить, и когда со всѣмъ этимъ онъ сопоставлялъ результатъ предпріятія, на него находило такое бѣшенство, какъ будто бы этотъ незнакомый ему покойникъ бичевалъ его словами презрѣнія и упрека. И не одно только это.

Какъ только онъ устроилъ въ одной изъ болѣе свѣтлыхъ комнатъ пріемную, ему сразу свалилась на голову цѣлая лавина евреевъ, нищихъ, бродягъ, бѣдняковъ, чахоточныхъ, пораженныхъ ракомъ — словомъ, весь голодный, нуждающійся, кровавыми слезами плачущій людъ грязнаго польскаго мѣстечка и не менѣе грязныхъ деревенекъ. Докторъ распредѣлилъ, какъ слѣдуетъ, весь этотъ матеріалъ и принялся за него. Нѣкоторыхъ ему пришлось помѣстить на извѣстное время въ больницу, а потому надо было прежде всего привести въ порядокъ самую больницу. За это онъ принялся усиленно.

Съ помощью платныхъ агентовъ онъ разыскалъ всѣ растасканныя кровати и самымъ неумолимымъ образомъ отобралъ ихъ. Исторія раздобыванія новыхъ сѣнниковъ, одѣялъ, подушекъ, простынь могла бы занять цѣлый томъ in-folio. На покупку двухъ ваннъ и снарядовъ для нагрѣванія воды былъ устроенъ любительскій спектакль, въ которомъ принимали участіе самыя красивыя и самыя знатныя дамы. Каждый предметъ, нужный въ кабинетъ, въ аптеку, въ кухню и т. д., молодой эскулапъ таскалъ отъ людей. Тутъ онъ выманитъ шесть тарелокъ, тамъ выфлиртуетъ ножи, ложки, вилки; одну онъ заставитъ купить стаканы, у другого выиграетъ на пари кусокъ полотна для больничнаго бѣлья. Старуха-помѣщица горячо интересовалась стараніями молодого доктора, даже плакала отъ умиленія и благодарила «отъ имени покойника», но сама находилась подъ такимъ сильнымъ

вліяніемъ управляющаго, который терпѣть не могъ всѣхъ этихъ причудъ, которыя только портятъ и балуютъ народъ, что, съ своей стороны, могла сдѣлать очень мало.

Какъ бы то ни было, но, по ея распоряженію, территорія, занятая больницей, была обнесена новой, крѣпкой оградой, и садовникъ получилъ приказаніе ухаживать и слѣдить за больничнымъ садомъ. Это было первымъ важнымъ пріобрѣтеніемъ, такъ какъ отнынѣ Юдымъ становился полновластнымъ хозяиномъ этого *templum,* обнесеннаго оградой. Никто изъ служащихъ и различныхъ пришельцевъ не имѣлъ права не только ничего выносить оттуда, но даже шагу ступить. Кованая ограда была плотно заперта и снабжена звонкомъ...

Вторымъ важнымъ пріобрѣтеніемъ была госпожа Вайсманъ. Сія особа была вдовой по какомъ-то «покойникѣ мужѣ», имѣвшемъ «небольшой капиталецъ», въ данное время, однако, она была лишена какихъ бы то ни было средствъ. Госпожа Вайсманъ приняла должность надзирательницы за больными, съ жалованьемъ въ 400 рублей (которое, само собой разумѣется, съ педантичною регулярностью, подъ глубочайшимъ секретомъ, выплачивалъ ей изъ «потайной кассы», при посредствѣ Юдыма, М. Лесъ), съ квартирой, отопленіемъ, освѣщеніемъ, что опять-таки взяла на себя помѣщица.

Третьимъ фактомъ фундаментальнаго значенія было снабженіе лѣчившихся въ больницѣ больныхъ—провизіей. Тутъ Юдымъ ужъ прямо поступалъ, какъ Маккіавели. Онъ дѣйствовалъ на матеріалиста-управляющаго всѣми возможными и невозможными средствами: подсылалъ къ нему разныхъ дамъ, шелъ, по отношенію къ нему, на самую низкую лесть, искушалъ его разными обѣщаніями, наконецъ, отдалъ его въ руки тремъ хозяйскимъ барышнямъ и добился-таки своего. Управляющій согласился доставлять въ больницу въ теченіе цѣлаго года опредѣленное количество картофеля, муки, крупъ, молока, масла, овощей, фруктовъ etc. и собственноручно подписалъ контрактъ, искусно составленный Юдымомъ. Само лѣчебное заведеніе не въ состояніи было отказать въ своей помощи, въ извѣстной, впрочемъ, мѣрѣ. Наконецъ, ксендзъ, поставщикъ мяса въ заведеніе и въ имѣніе, да еще нѣкоторые обитатели мѣстечка, что побогаче, подъ натискомъ ксендза и доктора, обязались давать больницѣ необходимые съѣстные припасы въ натурѣ.

Такимъ образомъ, уже въ половинѣ лѣта больница была полна всякаго рода «дохлятиной». Оховъ, вздоховъ, кашлю, кряхтѣнія столько тамъ было, что докторской душѣ оставалось лишь радоваться. Въ садикѣ на солнышкѣ грѣлись старыя высохшія бабы, больные ребятишки, трясущіеся въ лихорадкѣ, разные «придурковатые» еврейчики и всякія другія птицы небесныя, что не сѣютъ, не жнутъ... Не проходило недѣли, чтобы доктору не пришлось устроить какую-нибудь операцію. То и дѣло вырѣзывалъ онъ всякіе наросты, болячки, сверлилъ, про-

калывалъ, экстирпировалъ, рѣзалъ, пластыри ставилъ и т. д. Что во всемъ этомъ было, дѣйствительно, очень плохо, такъ это недостатокъ фельдшерской помощи и переходящая всякія границы скудость инструментовъ и перевязочныхъ средствъ.

Госпожа Вайсманъ не переносила вида крови (въ особенности, мужицкой и—*horribile dictu!*—еврейской), брезгливо относилась къ бѣднымъ и вообще презирала простонародье, такъ что доктору приходилось чуть не на каждомъ шагу ее останавливать, слѣдить за нею и не допускать съ ея стороны никакихъ проявленій грубости къ крестьянамъ.

Сферы «мѣропріятствующія», стоящія во главѣ лѣчебнаго заведенія, посматривали на дѣятельность молодого хирурга, такъ сказать, искоса. Правда, нельзя сказать, чтобы кто-либо имѣлъ что-нибудь противъ или даже былъ недоволенъ поведеніемъ Юдыма, но, съ другой стороны, нельзя утверждать, чтобы кто-либо раздѣлялъ его энтузіазмъ въ этомъ дѣлѣ. Докторъ Венглиховскій относился ко всѣмъ этимъ хлопотамъ своего ассистента, стремящимся къ тому, чтобы поставить больницу на такую небывалую степень, такъ же иронически, какъ къ расхищенію лакеями больничныхъ кроватей. Если Юдымъ иногда требовалъ активной его помощи, въ смыслѣ выдачи нѣкоторыхъ матеріаловъ, докторъ Венглиховскій, кряхтя, соглашался на это, но выдавалъ ихъ, разумѣется, въ крайне ограниченномъ количествѣ. Когда больница бывала переполнена, директоръ испытывалъ неудовольствіе, хоть ничѣмъ этого никому не выказывалъ и не давалъ почувствовать и Юдыму, только въ подтруниваньяхъ его надъ горячимъ увлеченіемъ «ординатора» сказывалось тогда, пожалуй, что-то ужъ черезчуръ преувеличенно-снисходительное. Отъ времени до времени старый медикъ самолично заглядывалъ въ больницу и распоряжался тамъ по прежнему. Онъ заходилъ въ палаты въ шапкѣ, съ сигарою въ зубахъ, говорилъ безъ стѣсненія громко, задавалъ вопросы, ругалъ госпожу Вайсманъ, покрикивалъ на больныхъ и, наскоро осмотрѣвъ одного—другого, размашисто писалъ рецепты, а не то совѣтовалъ Юдыму дать одному того-то, другому того-то...

«Ординаторъ» покорно выслушивалъ эти приказанія и исполнялъ ихъ безотлагательно. Ему, главнымъ образомъ, важно было привлечь доктора Венглиховскаго къ идеѣ больницы, втянуть его въ работу, а потому онъ старался пропускать мимо ушей всѣ его шуточки и тѣ предписанія, съ которыми онъ не совсѣмъ былъ согласенъ. Если даже, бывало, директоръ приказывалъ какого-нибудь извѣстнаго ему «плута» немедленно удалить изъ предѣловъ больницы, то и тогда Юдымъ смиренно подчинялся. Таково было положеніе вещей до конца августа.

Въ концѣ этого мѣсяца число пріѣзжихъ стало постепенно уменьшаться. Брички и кареты заведенія ежедневно увозили какую-нибудь группу или, по крайней мѣрѣ, какую-нибудь семью. Докторъ Юдымъ

разорялся на прощальные букеты, въ которыхъ преобладающее мѣсто надъ другими цвѣтами занимали незабудки. Первый утренній холодъ ужъ обвѣялъ паркъ, стлалъ по вечерамъ на травѣ холодную, бѣлую росу и въ верхушки деревъ кое-гдѣ уже вплелъ желтые листья, словно первые сѣдые волоски на головѣ пожилого мужчины.

Тихая грусть воцарилась въ веселыхъ кружкахъ, и прежде тщательно скрываемыя симпатіи теперь выплывали наружу. Жестокая пора разлуки нависла надъ парочками, которыя какъ разъ теперь собирались такъ много сказать другъ другу.

Сердце Юдыма не было затронуто, а мимолетныя «впечатлѣнія» были для него словно дождемъ, что размягчаетъ землю и дѣлаетъ ее какъ будто ужъ ни къ чему не способной, а на самомъ дѣлѣ увеличиваетъ силу ея производительности.

Минуты тоски быстро промчались, душа Юдыма окрѣпла, и онъ съ удвоеннымъ рвеніемъ принялся за работу.

Въ началѣ сентября, когда стало мокро и сыро, въ хатахъ батраковъ множество ребятишекъ разболѣлось такъ называемой «лихоманкой».

Хаты эти находились за большимъ, сырымъ паркомъ, который, словно длинный плащъ, ниспадалъ по склону холма съ самой его вершины, гдѣ стояла усадьба, до рѣки, плывущей средь луговъ. Тамъ были овчарни, хлѣвы и избы, занятыя подъ помѣщеніе хозяйскихъ работниковъ. Управляющій имѣніемъ, человѣкъ необыкновенно энергичный и замѣчательный агрономъ, нашелъ средство эксплуатировать безполезно текущую рѣченку. Онъ устроилъ на краю парка, въ трясинѣ, подмытой какими-то тайными источниками, нѣсколько прудовъ, расположенныхъ одинъ за другимъ. Вода, черезъ соотвѣтственно устроенныя подъемныя двери, протекала изъ одного въ другой. Прудики эти были выкопаны на торфяной почвѣ, и илъ, остававшійся на берегахъ и плотинахъ, размачивался и въ извѣстное время служилъ для удобренія полей. Стекавшая оттуда вода соединялась посредствомъ продолговатаго бассейна съ тѣми прудами, которые находились въ паркѣ лѣчебнаго заведенія, что нѣсколько украшало вѣчно кислое побережье. Мѣсто, значитъ, и такъ ужъ было сырое, а еще благодаря задержкѣ резервуаровъ стоячей воды, оттуда постоянно неслись тяжелыя испаренія, съ которыми не могло совладать и солнце. Вотъ тамъ-то именно (въ этихъ рабочихъ помѣщеніяхъ и въ деревнѣ, расположенной по другую сторону луга) и разгулялась «лихоманка». Дѣти, которыхъ приводили къ Юдыму, были какіе то исхудалые, зеленые, съ посинѣвшими губами, съ отупѣлымъ взглядомъ. Періодическіе припадки горячки, постоянныя головныя боли и какое-то словно омертвѣніе души въ живомъ еще тѣлѣ—всѣ эти симптомы, послѣ долгаго изслѣдованія, привели Юдыма къ печальному заключенію, что передъ нимъ не что иное, какъ жертвы маляріи. Тогда онъ украдкой выбрался однажды осмотрѣть расположенныя внизу подъ паркомъ мѣстности. Ему приш-

лось воочію убѣдиться, какъ много семействъ поражено этимъ бѣдствіемъ.

Коренные жители деревни, повидимому, легче переносили его, но рабочій людъ, пришлый изъ другихъ мѣстностей, дѣлался жертвой его въ большомъ количествѣ. Юдымъ бралъ въ больницу только очень больныхъ дѣтей, лѣчилъ ихъ хининомъ и отогрѣвалъ на солнышкѣ въ саду, давая имъ различныя работы, а то и за книжку сажалъ понемногу. Но и четвертой части всѣхъ больныхъ онъ не въ состояніи былъ взять къ себѣ. А тѣ, что немного поправлялись тамъ, «наверху», въ теплѣ, принуждены были возвращаться обратно въ свои сырыя квартиры.

Эти избы, поставленныя уже давно, были сравнительно даже хорошія, построены онѣ были изъ кирпича точно такъ же, какъ овчарни, сараи, амбары и т. д. О томъ, чтобы перемѣстить эти семейства куда-нибудь въ другое мѣсто, не могло быть и рѣчи, такъ какъ это повлекло бы за собою громадные расходы. Тамъ концентрировалась жизнь всего имѣнія.

Когда Юдымъ въ первый разъ какъ-то мимоходомъ спросилъ управляющаго, нельзя ли было бы перенести рабочія избы на какое-либо болѣе сухое мѣсто, тотъ пристально поглядѣлъ на него и съ такимъ выраженіемъ, какъ если бы докторъ вдругъ, ни съ того, ни съ сего, въ обществѣ старшихъ и почтенныхъ людей, заплясалъ канканъ или выкинулъ какую-нибудь штуку. Юдымъ, однако, нисколько не смутился и не потупилъ глазъ. Онъ переждалъ еще минутку, не отвѣтитъ ли ему все-таки всевластный агрономъ, но, не дождавшись ни словечка, онъ произнесъ какъ можно болѣе мягкимъ тономъ:

— Тамъ, въ этихъ рабочихъ избахъ свирѣпствуетъ малярія. Этому способствуютъ въ значительной степени... этому способствуютъ... устроенные тамъ пруды...

Управляющій весь побагровѣлъ. Эти пруды были его любимцами. Онъ самъ ихъ задумалъ, завелъ тамъ рыбъ и получалъ съ нихъ для имѣнія значительный доходъ. Въ теченіе цѣлаго года рыба шла на продажу и въ кухню лѣчебнаго заведенія, что давало уже порядочную сумму, а въ будущемъ все это дѣло, подъ умѣлымъ руководствомъ, обѣщало стать еще лучше. Кромѣ того, еще ледъ, илъ и т. д.

И управляющій ничего ему не отвѣтилъ и теперь, только сверкнулъ глазами и поспѣшилъ убійственно любезнымъ тономъ перемѣнить тему разговора.

Подобное вступленіе не обѣщало ни взаимнаго соглашенія, ни какого-либо компромисса. Нужно было избрать болѣе энергичныя мѣры. Къ самой помѣщицѣ въ дѣлѣ такого чисто-хозяйскаго свойства вела одна лишь дорога — *via* управляющій. Барышни ломали бѣлыя ручки, но помочь ничѣмъ не могли.

Приближалась осень.

Настали дождливыя ночи, и по утрамъ надъ лугами и нижнею частью парка въ воздухѣ стояли настоящіе грязные слои. Тѣ, кому приходилось долго дышать имъ, испытывали сильныя головныя боли и какой-то странный шумъ въ жилахъ. Въ эту пору Юдымъ замѣтилъ, что и въ самомъ заведеніи, около прудовъ воздухъ былъ если не такой же, то, во всякомъ случаѣ очень и очень сродни ему. Листья, опадавшіе съ огромныхъ грабовъ и вербъ, сыпались въ стоячіе бассейны воды и гнили въ ней. На поверхности прудовъ водилось множество водорослей, которыя, будучи вырваны чьей либо рукой и разбросаны по берегу, распространяли ужасное зловоніе. Тѣ, которые пріѣзжали въ Цисы вылѣчиться отъ маляріи, не избавлялись тамъ отъ нея, и произошло даже два случая заболѣванія лихорадкой. Когда Юдымъ подѣлился своими наблюденіями съ докторомъ Венглиховскимъ, тотъ смѣрилъ его такимъ же взглядомъ, какъ управляющій, и шутливымъ, но приправленнымъ ѣдкой эссенціей, тономъ заявилъ, что это вовсе не лихорадка, еще менѣе — малярія.

— Главное, — прибавилъ онъ, — не слѣдуетъ объ этомъ вовсе говорить...

При этомъ онъ чмокнулъ его въ лобъ и по пріятельски ударилъ по плечу.

Юдымъ былъ изумленъ, но... не говорилъ никому.

Въ сентябрѣ больничныя палаты были переполнены ребятами всѣхъ возрастовъ. Вялыя, соныя эти существа, какъ колоды, сидѣли и валялись, гдѣ ни случится. Въ комнатахъ было душно, и какое-то неописуемое уныніе и скука царили по всѣмъ угламъ. Казалось, сюда согнали толпу дикихъ, безтолковыхъ школьниковъ, которыхъ ни за что на свѣтѣ никогда ничему не выучишь. Безсмысленнымъ тупымъ взоромъ глядѣли эти дѣти на все, что ни стояло передъ ихъ глазами, никакого выраженія не было въ нихъ, они даже ѣли вяло и неохотно. Если кого-нибудь изъ нихъ выгоняли за дверь, онъ только съеживался и безсмысленно лѣзъ впередъ.

Если случалось свободное мѣсто, его мгновенно занималъ кто-нибудь другой и тотчасъ закрывалъ глаза, не для того, чтобы поспать, а просто, чтобы на свѣтъ Божій не смотрѣть, чтобы совсѣмъ уйти въ себя, какъ улитка въ свою раковину, и забыться въ теплѣ. Исхудалыя, увядшія туловища дѣвушекъ, на лицахъ которыхъ отражались страданія отъ головной боли, закутанныя въ платки и передники, неподвижно сидѣли на полу, готовыя, казалось, застыть въ такой позѣ, лишь бы только не ходить по грязи и подъ дождемъ. Когда докторъ входилъ въ комнату, всѣ поворачивали къ нему головы и грустнымъ, унылымъ, какъ осенній день, взглядомъ, смотрѣли на него. Порой лишь гдѣ-то, въ глубинѣ скользила улыбка...

Подобное сентиментальное гостепріимство, оказываемое подросткамъ, въ сущности, не больнымъ какою либо серьезною болѣзнью, такъ ярко

противорѣчащее традиціямъ больницы, начало, наконецъ, раздражать нѣкоторыхъ особъ. Управляющій прямо заявилъ, что дѣло близко къ деморализаціи «въ широкомъ смыслѣ», и даже съ своей стороны «ни за что не ручался» и «умывалъ руки». Въ сущности, Юдымъ и самъ не зналъ, что ему дальше дѣлать. Хининъ онъ раздавалъ, какъ муку, получалъ «результаты», но къ чему *summa summarum* это должно было привести — и самъ онъ не совсѣмъ понималъ. Когда больныя дѣти, какъ овечки въ овчарню, приходили къ нему въ больницу, онъ позволялъ имъ разваливаться тамъ и сидѣть, гдѣ и какъ угодно, а когда «родители», подосланные экономами и приказчиками, таскали ихъ домой на работу, надѣляя здоровенными тумаками, онъ не протестовалъ, ибо не зналъ, во имя чего протестовать.

Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда въ одинъ прекрасный день докторъ Юдымъ получилъ письмецо отъ г-жи Невадзкой, въ которомъ та просила его, чтобы онъ потрудился немедленно придти къ ней. Онъ отправился. Его ввели въ небольшой альковъ, гдѣ старуха имѣла обыкновеніе просиживать. Съ нею были обѣ внучки и нѣсколько человѣкъ дальнихъ родственниковъ, которые обыкновенно проводили въ Цисахъ лѣто. Юдымъ бывалъ уже въ этой комнаткѣ нѣсколько разъ, но, при видѣ такого большого общества, онъ нѣсколько смутился. Госпожа Невадзкая протянула ему руку и указала на мѣсто подлѣ себя.

— Я звала васъ, докторъ, на совѣщаніе.

— Готовъ служить.

— Это вотъ объ этихъ ребятишкахъ. Что, никакого средства нѣтъ, правда?

— Никакого.

— Воршевичъ, кажется, и слушать не хочетъ вашихъ проектовъ о томъ, чтобы перенести Цисы на другое мѣсто, хотя бы, напримѣръ, на Святокрестовыя горы?

— Онъ не желаетъ даже нѣсколькихъ рабочихъ избъ перемѣстить повыше на здѣшнюю, цисовскую гору, гдѣ же тутъ говорить о Святокрестовыхъ...—отвѣтилъ докторъ тѣмъ же тономъ.

— Гм... Скверно! А тутъ Іоася предлагала другую комбинацію.

— Панна Подборская?

— Да, да... Она хотѣла отдать свою комнату во флигелѣ для помѣщенія этихъ вашихъ маляриковъ, чтобы освободить отъ нихъ больницу. Да, впрочемъ, у ней тамъ вообще какія-то свои причуды, въ которыхъ я ничего не смыслю. Да только это что-то такое свѣтлое, какъ огонекъ, яркое, нѣжное, словно повелика, какъ же ей тутъ не покоряться. А сама она, говоритъ, устроится тамъ, въ проходикѣ, слышите, докторъ, что рядомъ съ комнатой экономки... Ну, такъ мы и порѣшили, чтобы на именины ея, въ ноябрѣ, устроить ей сюрпризъ. Въ лѣвомъ флигелѣ есть у насъ старая пекарня, теперь она

совсѣмъ пустою стоитъ. Тамъ есть одна большая комната, свѣтлая, сухая. Вотъ я и просила Воршевича распорядиться, чтобъ вынесли оттуда всякую рухлядь, стѣны выштукатурили, печь поправили, окна обновили... Такъ вотъ, докторъ, вы бы, можетъ быть, согласились переселить туда вашихъ ребятъ? Пускай себѣ они тамъ зимою грѣются и здоровѣютъ... Это для нея, для панны Подборской на именины...

— Согласенъ ли я?.. Но...

— Ну, вотъ и слава Богу...

— Эти дѣти вовсе и не нуждаются въ лѣченьи, имъ необходимо только сухое помѣщеніе тутъ, наверху. Гдѣ же панна Іоанна?

-- Нѣтъ, нѣтъ, ей еще не нужно говорить! Мы только въ ноябрѣ откроемъ эту палату и торжественно передадимъ въ ея вѣдѣніе. Понимаете? Она ужъ тамъ будетъ возиться съ этими замарашками. Это ея стихія... Разумѣется, подъ вашимъ докторскимъ надзоромъ...

— Ахъ, такъ... — прошепталъ Юдымъ.

Гдѣ-то, въ глубинѣ души его промелькнуло чувство чего-то непріятнаго, чуть ли не отвращенія.

Глава II.

Старцы.

Домикъ, въ которомъ жилъ директоръ Цисъ, докторъ Венглиховскій, находился на возвышеніи, съ котораго открывался видъ на весь паркъ и его окрестности. Домикъ этотъ былъ собственностью М. Леса. Когда докторъ Венглиховскій согласился принять должность директора, М. Лесъ вдругъ началъ, упросивъ предварительно одного компетентнаго въ этомъ дѣлѣ человѣка присмотрѣть за этимъ, строить себѣ въ Цисѣ «домишко» свой, въ которомъ, какъ онъ писалъ, онъ желалъ бы дожить свой вѣкъ. Это была простая деревянная вилла, съ виду довольно невзрачная и тѣсная. Зато она обладала нѣкоторыми внутренними достоинствами: были тамъ альковы, погреба, кладовыя, чуланчики, чердаки и т. д., устроенные такъ, что дѣлали изъ этого домика прямо безцѣнное гнѣздышко.

Когда домъ былъ готовъ, М. Лесъ написалъ Венглиховскому письмо на какомъ-то отчаянномъ языкѣ, въ которомъ просилъ его поселиться въ немъ, просто ради того лишь, чтобы оберегать его отъ воровъ, огня и войны. Венглиховскій отказался отъ этого предложенія, такъ какъ не желалъ принимать этого дома въ подарокъ (къ чему, въ сущности, и сводилась вся хитрая затѣя М. Леса, сшитая, впрочемъ, такими красными нитками, что едва ли нашелся бы человѣкъ, который сразу не догадался бы, въ чемъ дѣло). Тогда Лесчиковскій написалъ ему еще письмо, гдѣ орѳографія страдала еще ужаснѣе, въ которомъ онъ на турецкій манеръ ругалъ тѣхъ, что считаютъ для себя чужимъ

кровъ пріятеля. «Нѣтъ уже—писалъ онъ—былого товарищества! Все-то вы промѣняли на деньги, ну, такъ если такъ, плати, плати мнѣ за квартиру, точно жиду либо греку! Но такъ какъ я на старости лѣтъ ни жидомъ, ни грекомъ и никакимъ инымъ живодеромъ быть не намѣренъ, то я прошу, чтобы вы употребили эти квартирныя деньги на обученіе какого-нибудь тамъ осла въ Цисахъ или за Цисами какому-либо полезному ремеслу, какому-либо тамъ корзиночному, ткацкому, какому угодно, которое онъ потомъ могъ бы распространить по окрестности, впрочемъ, что я тамъ знаю, чему и какъ? Вѣдь я тутъ въ этихъ дѣлахъ ровно ничего не смыслю, какъ, впрочемъ, и вообще во всемъ, что не соприкасается непосредственно съ торговлей съ азіатами»...

На это докторъ Венгляховскій охотно согласился. На общемъ засѣданіи былъ опредѣленъ размѣръ квартирной платы, и сумма эта, согласно съ желаніемъ М. Леса, выплачивалась сначала мальчику, который обучался въ Варшавѣ садоводству, а потому еще какому-то другому

Въ особенности довольна была этой квартирой супруга доктора пани Лаура. Это была весьма интересная особа. Ей ужъ было лѣтъ пятьдесятъ съ большимъ хвостикомъ, но она до сихъ поръ еще прекрасно сохранилась. Нѣсколько сѣдыхъ прядей, выбивавшихся изъ-подъ черныхъ волосъ, она такъ усердно и систематически чернила, что онѣ приняли какой-то особенный цвѣтъ, цвѣтъ мокраго, грязнаго сѣна, которое, правда, уже высохло на солнцѣ, но еще сохранило оттѣнокъ черноватой зелени. У нея были всегда румяныя щеки, живые глаза и движенія быстрыя и рѣзкія, какъ у восемнадцатилѣтней дѣвушки. Пани Лаура была женщина худая и небольшого роста. Съ тѣхъ поръ, какъ она прибыла въ Цисы, она постепенно обращалась въ «хозяйку», довольно много времени посвящала кухнѣ, стряпнѣ, печенью и жаренью. Однако, нельзя сказать, чтобы она больше своей кухни ничего не хотѣла знать. Наоборотъ, пани Лаура любила присматриваться къ жизни болѣе широкой и даже довольно-таки проницательно, что, впрочемъ, нерѣдко приводило къ слишкомъ ужъ категорическимъ (между жаркимъ и дессертомъ) разрѣшеніямъ самыхъ сложныхъ вопросовъ. Жизнь ея была полна всевозможныхъ приключеній, изъ которыхъ можно было бы составить цѣлый романъ. Ея молодость, первые годы послѣ свадьбы прошли въ простой, грубой работѣ, въ тяжелыхъ и жестокихъ страданіяхъ. Такая жизнь сильно подавила врожденный темпераментъ пани Лауры, и выработала изъ него оригинальное цѣлое. Съ перваго взгляда, докторша производила впечатлѣніе словоохотливой, холодной и рѣшительной бабенки. Она терпѣть не могла всякихъ «экзальтацій», чувствительностей и нѣжностей. Иной разъ она, бывало, такую фразу выпалитъ, что такъ и съежишься. Въ сущности, однако, она умѣла чувствовать живѣе, чѣмъ всѣ окружающіе, и существовали такія матеріи, которыя въ мгновеніе ока могли наэлектризовать ее. Въ такія минуты она производила впечатлѣніе нахорохорив-

шейся кошки, свои мысли и желанія высказывала она тогда кратко, рѣзко, какъ главнокомандующій, отдающій приказанія своимъ войскамъ. Въ ряду этихъ войскъ стоялъ, разумѣется, на первомъ мѣстѣ докторъ Венглиховскій. Былъ ли онъ у нея подъ башмакомъ — это останется вѣчной тайной... Въ вопросахъ широкихъ, общихъ, принципіальныхъ онъ производилъ впечатлѣніе несамостоятельнаго, подвластнаго человѣка, но зато тамъ, гдѣ дѣло требовало быстроты и сообразительности, онъ былъ свободнымъ властелиномъ и законодателемъ...

У Венглиховскихъ почти каждый день собирался весь цисовскій мірокъ: Листва, Хобржанскій, управляющій имѣніемъ Воршевичъ, ксендзъ, Юдымъ, нѣсколько человѣкъ мужчинъ и дамъ изъ частыхъ и долговременныхъ посѣтителей лѣчебнаго заведенія. Лѣтомъ, особенно къ началу осени составлялись партіи винта на небольшой верандѣ домика, обвитой дикимъ виноградомъ. Когда Юдымъ пріѣхалъ въ Цисы, между постоянными членами этихъ винтовыхъ засѣданій существовали ужъ не только тѣсныя дружескія отношенія, но всѣ они какъ будто даже срослись между собой мыслями, понятіями, цѣлой массой общихъ симпатій и антипатій.

Нѣкоторые изъ нихъ питали другъ къ другу взаимную и безкорыстную любовь. Такъ, напримѣръ, госпожа Венглиховская любила Листву, и онъ ее. Молодой ксендзъ и Кживосондъ — первый добродушно, а второй грубо, по мужицки—постоянно подтрунивали надъ этими «амурами». Пани Лаура сама нерѣдко подсмѣивалась надъ старикомъ-кассиромъ, но тѣмъ не менѣе любила его всей душой и всегда защищала отъ насмѣшекъ какъ жены и Дизи, такъ и всѣхъ остальныхъ. За такую опеку Листва платилъ ей настоящимъ преклоненіемъ, неизсякаемой и исключающей всякую критику любовью. Кживосондъ втерся къ Венглиховскимъ, сошелся съ ними и, познакомившись хорошенько со всѣми ихъ достоинствами, недостатками, со всѣми ихъ странностями и особенностями, дѣлалъ все нужное чтобы занять главную позицію, что ему вполнѣ и удалось. Докторъ Венглиховскій считалъ его своей правой рукой. Кживосондъ выполнялъ все, согласно волѣ директора, за мѣсяцъ впередъ предугадывалъ его желанія, но взамѣнъ день за днемъ и шагъ за шагомъ расширялъ территорію своей власти.

Несмотря на весь умъ, силу воли и выдержку характера, докторъ Венглиховскій очень часто подчинялся Кживосонду, уступалъ ему во многомъ и даже прикрывалъ нѣкоторые его поступки обаяніемъ своего авторитета. Оба эти человѣка дополняли другъ друа и вмѣстѣ сотавляли какъ бы одно цѣлое сильной и ненарушимой власти. Управляющій имѣніемъ любилъ ихъ обоихъ и пользовался также ихъ любовью. Онъ вѣчно спорилъ съ Хобржанскимъ, который просто поражалъ его всѣмъ, что дѣлалъ и говорилъ, и въ то же время былъ почти безъ ума отъ всесторонняго администратора. Тройка эта составляла свой кружекъ.

Это̀ были люди испытанной, безупречной честности,—люди, которые, что называется, на вѣку своемъ видали виды, а потому окружающіе считали для себя честью бывать на винтѣ у директора. Юдымъ и ксендзъ вошли въ этотъ кружокъ какъ бы *ex officio*, въ силу занимаемаго ими общественнаго положенія. Само собою разумѣется, они, были очень хорошо приняты, но войти въ тѣсныя, близкія отношенія не могли. Никогда Юдымъ не могъ достичь того, чтобы его голосъ имѣлъ въ этомъ обществѣ какое-либо значеніе, чтобы придавали цѣну высказываемымъ имъ убѣжденіямъ.

Правда, его выслушивали внимательно, ему возражали или соглашались съ нимъ, но онъ прекрасно чувствовалъ, что это не что иное, какъ простая бесѣда. Между нимъ и остальными стояла непроницаемая стѣна. Его всегда поражали ихъ взгляды на все новое, современное, или, вѣрнѣе говоря, не взгляды, а та манера, съ которой они принимали всякое явленіе текущей жизни. Современная жизнь составляла въ Цисахъ для директорской группы какъ бы только рамку для прошлыхъ событій. Все, что только было и могло быть важнаго, было въ прошломъ.

Люди, событія, всякія коллизіи, радости и страданія той, прошлой эпохи, имѣли для нихъ живую силу, которая подавляла и заглушала все новое. Все, что современно—проходило для нихъ даже незамѣтно, было для нихъ пустымъ звукомъ, не имѣло никакой цѣны, никакого значенія, и чаще всего считалось даже просто смѣшнымъ. Юдымъ, между тѣмъ, жилъ всею полнотою силъ, такъ страстно рвался ко всему настоящему, современному и захватывался имъ, что все прежнее, устарѣлое наводило на него только скуку. Такимъ образомъ, онъ никакъ не могъ найти стезю для сближенія съ этими людьми.

Онъ чувствовалъ на каждомъ шагу, что или онъ долженъ принять изъ ихъ рукъ бразды правленія цисовскихъ дѣлъ или сотрудничать вмѣстѣ съ ними такимъ образомъ, чтобы имъ казалось, что дѣйствуютъ только они. Уже по истеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, онъ убѣдился, что возможно только второе. Администраторъ и директоръ такъ сильно были связаны другъ съ другомъ и такъ сознательно вели все дѣло, что и рѣчи быть не могло о томъ, чтобы работать помимо нихъ. Когда, по окончаніи сезона, Крживосондъ самъ, собственноручно починялъ трубы, проводящія въ ванны нагрѣтую воду, а Юдымъ сдѣлалъ ему замѣчаніе, что такъ быть не должно, что починка трубъ—дѣло спеціалиста, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, въ теченіе сезона могутъ оказаться нежелательныя послѣдствія, въ родѣ поломку этихъ благородныхъ сосудовъ, Крживосондъ ответилъ ему нѣсколькими анекдотами и продолжалъ дѣлать по своему. Директоръ, къ которому молодой ассистентъ обратился съ тѣмъ же самымъ, улыбнулся и вѣжливо отвѣтилъ, что это находится въ вѣдѣніи управляющаго, который, въ своемъ самопожертвованіи для Цисъ, заходитъ даже слиш-

комъ далеко, который вотъ работаетъ собственными руками ради того, чтобы сэкономничать копѣйку-другую, ну, который, однимъ словомъ, феноменъ, а не человѣкъ. Въ заключеніе, онъ привелъ ему примѣровъ шесть, доказывающихъ безупречную честность Кривосонда. Когда же Юдымъ поспѣшилъ заявить, что онъ не только ничуть не сомнѣвается въ его благородствѣ, но даже и не упоминаетъ о немъ, трубы же...—директоръ повторилъ свои слова и прекратилъ разговоръ.

Такія исторіи повторились разъ десять, при самыхъ разнообразныхъ обстоятельствахъ. Всѣ онѣ доказали только то, что вліять на ходъ цисовскихъ дѣлъ невозможно никоимъ образомъ, если не идти рука объ руку съ управляющимъ. Тогда молодой докторъ задумалъ дѣйствовать сообща съ Кржживосондомъ и такимъ путемъ захватить его въ свои руки. И вотъ, во время осенняго сезона, когда прекратились всевозможныя увеселенія, онъ принялся за всевозможныя работы. Замѣщая старика, онъ составлялъ канцелярскія книги, которыя тотъ измазывалъ своими каракулями самымъ невозможнымъ образомъ, заглядывалъ, какъ экспертъ, въ порядки кухни, огорода, парка, сажалъ деревья, ѣздилъ въ городъ судиться, строилъ, перестраивалъ, занимался всевозможными починками мебели, писалъ контракты и т. д. Подобное ревностное отношеніе къ дѣламъ заведенія понравилось всѣмъ, не только Кржживосонду. Всякій охотно пользовался услугами доктора, который брался за какую бы то ни было работу. Это были для него средства, которыя оправдывались далекою, заманчиво мелькавшею передъ нимъ впереди, цѣлью: осушеніемъ Цисъ, устраненіемъ прудовъ, озеръ, бассейновъ и цѣлой раскинутой на этомъ фонѣ сѣтью ловко задуманныхъ реформъ. Отъ времени до времени, онъ незамѣтно, какъ ни въ чемъ не бывало, высовывалъ лапку и щупалъ почву, нельзя ли ужъ двинуться въ извѣстномъ направленіи... Но нѣтъ, всякій разъ приходилось ее прятать обратно и возвращаться къ прежнему исполненію работъ за Кржживосонда, за директора...

Чуть только въ высшей инстанціи замѣчалось, что «молодой» начинаетъ философствовать, его немедленно, самымъ деликатнымъ маиеромъ, отставляли даже отъ тѣхъ областей дѣятельности, на которыя онъ уже было получилъ разрѣшеніе, какъ маленькій, многообѣщающій мальчикъ, который хорошо себя ведетъ. Юдыма, однако, это не страшило, и онъ еще не сдавался. Онъ продолжалъ усердно работать, въ надеждѣ, что со временемъ онъ изучитъ Цисы вдоль и поперекъ, повсюду вложитъ свой трудъ и такимъ путемъ завоюетъ ихъ.

Мало по-малу, въ глубинѣ души его, первоначальное желаніе работать обращалось въ пагубную страсть. Все заведеніе, паркъ, вся окрестность становились предметомъ его тайныхъ желаній, все ярче и сильнѣе разгоравшихся въ глубинѣ его внутренняго міра.

Бывало, онъ глубоко, глубоко задумается и вдругъ спохватится и спроситъ себя, о чемъ это онъ думаетъ, и всегда оказывается, что

все онъ замышляетъ: новое устройство, другія ванны, увеселительные сады, садики для дѣтей, гимнастическія залы, убѣжища для рабочихъ при заведеніи и многое, многое другое—до самаго бѣлаго слона, до самаго «цисовскаго музея». Нерѣдко онъ вдругъ просыпался по ночамъ и ломалъ голову надъ какою-нибудь мелочью, надъ чѣмъ-нибудь такимъ, что никого не интересовало и, дождавшись утра, вскакивалъ на зарѣ, уходилъ, самъ что-то дѣлалъ, копалъ, измѣрялъ, высчитывалъ...

Нѣкоторыя предпріятія, которыя онъ находилъ необходимыми для систематическаго выполненія своего плана, стремившагося къ оздоровленію мѣстности, онъ цѣликомъ исполнялъ самъ, съ самымъ яростнымъ усердіемъ. Никто изъ окружающихъ не могъ понять, почему это онъ вдругъ, ни съ того, ни съ сего, занимался какимъ-нибудь совершенно постороннимъ дѣломъ, не имѣющимъ никакой связи съ обыденной жизнью, съ формулой заведенія. Надъ нимъ снисходительно подсмѣивались, про него тайкомъ составлялись анекдоты — вовсе не съ желаніемъ ему повредить или задѣть его, а просто такъ, въ силу натуры простыхъ, спокойныхъ, осѣдлыхъ людей.

Уже зимою молодой докторъ сдѣлался такимъ необходимымъ въ Цисахъ лицомъ, такою ихъ, такъ сказать, неотъемлемою принадлежностью, какъ, напримѣръ, источникъ или ванны. Служащіе, рабочіе, окрестные крестьяне, подрядчики, господа, гости,—всѣ, словомъ, привыкли уже къ тому, что если нужно непремѣнно, во что бы то ни стало, сдѣлать что-нибудь трудное, что-нибудь такое «отмахать»—такъ сейчасъ къ «молодому доктору». Въ каждую пору дня, нерѣдко даже въ зимніе ночи, въ морозы, вьюгу, распутицу, на маленькихъ салазкахъ, а то и пѣшкомъ, въ грубыхъ, толстыхъ сапогахъ бродилъ онъ изъ деревни въ деревню по больнымъ, зараженнымъ оспой, тифомъ, дифтеритомъ, скарлатиной...

Какъ и всегда бываетъ въ жизни съ людьми сильными, дѣло и тутъ не обошлось безъ эксплоатаціи. Его трудами пользовался всякій, кто только могъ. Но Юдыму все это было ни по чемъ. Онъ чувствовалъ себя превосходно, какъ человѣкъ, который накопляетъ себѣ состояніе или достигаетъ славы. Чѣмъ больше онъ работалъ, тѣмъ больше, казалось, прибывало у него силъ, больше мощи, какого-то размаха и того рвенія, которое въ немъ все расло и крѣпло отъ труда, какъ крѣпнутъ отъ частыхъ упражненій мускулы. Но въ этой жизни, жизни полной грудью, у него недоставало товарища. Иногда онъ дѣлалъ ошибки, напрасно стремился въ какомъ нибудь направленіи и только у конца его замѣчалъ, что самъ себя дѣлаетъ смѣшнымъ для тѣхъ, что только присматриваются къ нему со стороны и заранѣе увѣрены въ безсмысленности и забавности всего, что онъ ни дѣлаетъ.

Былъ у него одинъ сообщникъ, но онъ былъ далеко, Это былъ М. Лесъ. Со времени своего пріѣзда, Юдымъ вступилъ съ нимъ въ переписку, которая съ теченіемъ времени обратилась въ постоянное

общеніе. Влюбленный не тратитъ для своей возлюбленной такой кучи бумаги, какую тратили эти два практическихъ мечтателя. Юдымъ предлагалъ свои проекты и обосновывалъ ихъ, М. Лесъ указывалъ пути для ихъ осуществленія. Первое время Лесчиковскій пытался письменно убѣдить правленіе ввести въ Цисахъ такія-то и такія-то усовершенствованія. Но всѣ, разумѣется, обрушились на него съ упреками, что онъ берется разсуждать о дѣлахъ учрежденія, котораго самъ онъ въ глаза не видалъ.

М. Лесъ, скомпрометированный, долженъ былъ смолкнуть. Пошли догадки, кто это подстраиваетъ стараго филантропа, и догадались безъ труда. Прежде всѣхъ угадалъ это Кржибосондъ и поспѣшилъ обезпечить себя съ этой стороны. Онъ самъ сталъ писать огромнѣйшія письма Лесчиковскому и представлять ему все въ совершенно иномъ свѣтѣ. Къ счастью, старый купецъ хорошо зналъ «зеленую обезьяну» и слишкомъ любилъ самое дѣло, чтобы его такъ легко было на этотъ счетъ провести. Въ письмахъ Юдыма онъ видѣлъ воплощенія своихъ собственныхъ, въ тоскѣ взлелѣянныхъ, плановъ, какъ бы дальнѣйшіе выводы своихъ собственныхъ мыслей. И потому онъ еще не сдавался. Если не удавалось какими-нибудь хитростями подѣйствовать на директора и Кржибосонда, М. Лесъ предлагалъ Юдыму прибѣгнуть къ посредству «потайной кассы». Такъ было съ больницей и со множествомъ другихъ вещей. Если правленіе не соглашалось на какое-либо нововведеніе, то М. Лесъ, при посредничествѣ Юдыма, ассигновалъ на это извѣстную сумму, и Цисы получали его. Правленіе было недовольно, иронически улыбалось, отпускало разныя остроты, но въ концѣ концовъ чувствовало себя обязаннымъ поблагодарить. Въ продолженіе всей осени Юдымъ изслѣдовалъ и измѣрялъ озера, расположенныя посрединѣ парка, а главнымъ образомъ бассейнъ, проводившій воду въ первое изъ нихъ.

Бассейнъ этотъ былъ устроенъ такимъ образомъ, что у самаго входа рѣчки въ озеро сдѣлана была плотина, благодаря которой уровень воды въ рѣкѣ повысился на аршинъ слишкомъ. Избытокъ воды съ шумомъ ниспадалъ въ озеро. Устроилъ этотъ резервуаръ воды Кржибосондъ, желая этимъ украсить паркъ на такой образецъ, какъ приходилось ему видать въ различныхъ богатыхъ резиденціяхъ. Юдымъ, однако, пришелъ къ тому заключенію, что для осушенія Цисъ необходимо первымъ дѣломъ уничтожить это изобрѣтеніе, потомъ первое озеро, а затѣмъ уже второе обратить въ резервуаръ, который будетъ приводить въ движеніе машины заведенія. Слѣдовало, значитъ, поднять дно рѣчки до высоты уровня въ ней воды и по этому руслу, убитому камнями, пустить небольшой ручеекъ. Съ этою цѣлью надо было передъ паркомъ устроить родъ запруды и поднять уровень воды въ рѣчкѣ, текущей посреди открытой долины. Вода эта стекала бы на твердое дно, устроенное въ паркѣ, быстро протекала бы по нему и

впадала въ первое озеро. Такимъ образомъ листья, опадавшіе съ деревъ, не гнили бы въ бассейнѣ, весенніе разливы не вносили бы ихъ вмѣстѣ съ иломъ въ озеро, вслѣдствіе чего резервуары эти не были бы до такой степени вредны, какъ теперь.

Юдыму становилось страшно при одной только мысли высказать свой проектъ лицамъ, завѣдующимъ дѣлами Цисъ, т.-е. директору и «обезьянѣ», а между тѣмъ, выполнить всю эту работу на счетъ М. Леса тоже не было никакой возможности. Какъ разъ въ это время, въ февралѣ, приходился срокъ посѣщенія Цисъ ревизіонной коммиссіей. Коммиссія эта, состоявшая изъ трехъ человѣкъ, выбранныхъ среди акціонеровъ, дѣйствительно, ежегодно наѣзжала въ Цисы, осматривала заведеніе, просматривала книги, съѣдала обѣдъ и уѣзжала обратно, такъ какъ всѣмъ хорошо извѣстно было, что, подъ руководствомъ Кржнвосонда и Венгликовскаго, дѣла идутъ превосходно. И вотъ однажды, входя въ общую столовую, Юдымъ засталъ тамъ трехъ незнакомыхъ господъ, которые вели оживленный разговоръ о Цисахъ, съ видомъ людей, близко стоящихъ къ дѣлу.

— Коммиссія...—тотчасъ подумалъ Юдымъ.

Нервная дрожь пробѣжала по всему его тѣлу, разрѣшаясь въ мозгу твердымъ, сознательнымъ рѣшеніемъ:

— Теперь я имъ все выскажу!

За обѣдомъ завязалась оживленная бесѣда, въ которой Юдымъ тоже принялъ участіе, но больше съ цѣлью позондировать почву, раскусить, что это за люди такіе. Немногаго, однако, удалось ему добиться. То они говорили превосходно, безсознательно поддерживая планы реформъ, а то вдругъ обнаруживали такое отсутствіе простѣйшаго знакомства съ дѣломъ, что руки опускались. Докторъ Венгликовскій пригласилъ контролеровъ на совѣщаніе въ канцелярію, гдѣ, послѣобѣденнаго сна, всѣ должны были сойтись, просмотрѣть книги, счеты и, между прочимъ, новые планы квитанціонныхъ книгъ, предложенныхъ Юдымомъ. Пользуясь любезностью, въ которой, въ присутствіи ревизоровъ, ему не отказывали ни директоръ, ни Кржнвосондъ, ассистентъ, отозвавъ доктора Венгликовскаго въ сторону, обратился къ нему съ просьбой, чтобы ему разрѣшили присутствовать на этомъ совѣщаніи. Докторъ, свертывая, по обыкновенію, папиросу, вперилъ въ него свои пронизывающіе глаза и прямо спросилъ:

— Почему вы, коллега, хотите быть на этомъ засѣданіи?

— Я хочу представить коммиссіи мой проектъ объ улучшеніи гигіеническихъ условій въ Цисахъ.

— Улучшеніе гигіеническихъ условій въ Цисахъ... Прекрасно. Но вѣдь мы тутъ всѣ, насколько возможно, думаемъ объ этомъ самомъ. Ваши указанія, несомнѣнно, весьма цѣнны, но неужели, коллега, вы можете сказать намъ еще что-нибудь болѣе того, что знаемъ мы всѣ, напримѣръ, вотъ Хобржанскій, эти господа ревизоры, которые, вы слышали, хорошо знакомы съ дѣломъ, ну, и я, наконецъ?

— Я, дѣйствительно, хотѣлъ бы сказать именно что-то другое. Можетъ быть, это и неподходящая мысль... Я хотѣлъ бы, чтобы это обсудили. Я желалъ бы ясно все изложить и подвергнуть общему обсужденію.

— Вы находите, коллега,—чуть-чуть улыбаясь, медленно говорилъ Венглиховскій,—что мы тутъ затѣваемъ что-нибудь плохое, противорѣчащее условіямъ гигіены?

— Ничуть... То-есть, видите ли, я полагаю, я нахожу, что въ Цисахъ сырость слишкомъ велика.

— Вы, можетъ быть, въ ней-то и находите причины вашей знаменитой маляріи, той, что тогда лѣтомъ?

На губахъ у него, когда онъ говорилъ это, показалась какъ бы добродушная улыбки; Юдымъ не выдержалъ и отвѣтилъ:

— Увы! мнѣ кажется, что едва ли кто-либо отъ нея уцѣлѣетъ.

Докторъ Венглиховскій чмокнулъ губами, сильно затянулся и, изъ-за клубовъ дыма поглядывая на своего ассистента, произнесъ:

— Видите ли, милѣйшій коллега, мы должны поступать согласно съ уставомъ, по которому вамъ участвовать въ засѣданіяхъ не разрѣшается. Вы не состоите акціонеромъ. Мы должны держаться устава. Наше неуваженіе къ уставамъ—это нашъ національный недостатокъ... Вотъ это: что тамъ! законъ закономъ, а дружба дружбой. Нашимъ девизомъ...

— Господинъ директоръ...

— Простите, я прерву васъ: нашимъ девизомъ должно быть другое... *Dura lex, sed lex...*

— А... если уставъ запрещаетъ... — прошепталъ Юдымъ, — въ такомъ случаѣ...

Этотъ отказъ не столько огорчилъ его, сколько, такъ сказать, какъ бы напомнилъ ему его болѣе низкое положеніе. Юдымъ вообще легко поддавался иллюзіи, что, въ сущности, онъ лишенъ права на многія привилегіи, которыя являются удѣломъ другихъ людей. Его никогда не оставляло сознаніе прошлаго, своего происхожденія и этого входа какъ бы безъ права въ жизнь высшихъ сферъ общества.

И потому, послѣ разговора съ докторомъ Венглиховскимъ, въ глубинѣ души его осталось это чувство трусости разумной воли, это униженіе человѣческой гордости. Онъ ушелъ къ себѣ, бросился на кушетку и силился подавить это чувство жалкой покорности. Въ то время, какъ онъ мучился этими безплодными усиліями, въ дверь его номера постучался старый купальщикъ, который зимою исправлялъ въ домѣ директора должность лакея, и передалъ ему приглашеніе госпожи директорши пожаловать къ нимъ. Юдымъ зналъ, что тамъ будутъ и контролеры, и потому нарочно сталъ разспрашивать стараго Ипполита, кто собственно присылаетъ это приглашеніе.

— Господинъ директоръ съ утра наверху не были,—сказалъ старикъ.

— Ну, а кто сегодня будетъ у васъ?

— Вотъ эти трое господъ изъ Варшавы, господинъ администраторъ и господинъ управляющій изъ имѣнія.

— Хорошо, приду,—сказалъ Юдымъ.

Онъ понялъ, что распоряженіе о приглашеніи было отдано утромъ, а теперь пани Лаура выполняла его, не зная ничего о послѣобѣденномъ столкновеніи.

Вечеромъ онъ встрѣченъ былъ въ залѣ директоромъ самымъ что ни на есть любезнымъ образомъ и все время чувствовалъ себя въ пріятной атмосферѣ любезности и нѣжной заботливости.

Онъ понималъ, какъ трудно будетъ ему прорвать эту паутину, въ которую хотѣли его запутать, но чувствовалъ, что долженъ ее разорвать, долженъ, долженъ... Воспоминаніе о варшавской лекціи дѣйствовало на него такъ угнетающе, что минутами онъ затруднялся отдать себѣ отчетъ въ томъ, о чемъ онъ собирается говорить...

Еще до ужина, когда кружокъ обыкновенныхъ гостей дополнилъ тройку пріѣзжихъ, Юдымъ вмѣшался въ разговоръ и категорически принялся излагать теорію своего канала. Докторъ Венглиховскій нѣкоторое время терпѣливо слушалъ, но вдругъ, подъискавъ удобную минуту, ловкимъ афоризмомъ отринулъ этотъ вопросъ и завелъ рѣчь о другомъ, а именно о смѣтѣ новой доходной виллы для несостоятельныхъ больныхъ.

Разговоръ перешелъ на иную почву...

Юдымъ очень хорошо понималъ, что рискуетъ стать смѣшнымъ, если точно маніакъ, снова затянетъ свою пѣсенку о томъ, какъ бы поднять дно рѣки, и тѣмъ не менѣе началъ опять:

— Простите, господа, я позволю себѣ еще разъ вернуться къ вопросу о рѣкѣ.

— Сдѣлайте одолженіе, сдѣлайте одолженіе...—сказалъ д-ръ Венглиховскій.

Юдымъ взглянулъ на него и замѣтилъ, какой убійственный взглядъ тотъ бросилъ на него при этихъ словахъ.

И вотъ начался докладъ *ab ovo*, подробное изложеніе о движеніи водяной капли и силѣ ея паденія изъ рѣчки въ озеро, о родѣ тумана, застилающаго лугъ, находящійся по близости...

— Уничтожить бассейна мы не можемъ,—внезапно отрѣзалъ Крживосондъ,—такъ какъ весною въ немъ сохраняется избытокъ воды. Когда наступятъ разливы, вы увидите, докторъ, что это такое. Если поднять дно рѣки, вода выступитъ изъ береговъ и зальетъ весь паркъ...

— Лугъ, а не паркъ,—сказалъ Юдымъ.

— Да, лугъ, а на немъ мы засадили самыя красивыя деревья.

— Такъ что-же? Какое кому дѣло до вашихъ деревьевъ?

— Какъ что?—воскликнулъ докторъ Венглиховскій.—Я покажу вамъ,

коллега, сколько намъ стоили эти деревья? Мы посадили тамъ ясени, самыя красивыя сосны Веймута, даже платаны, не говоря ужъ объ этихъ прелестныхъ грабахъ...

— Господинъ директоръ, скажите, какое дѣло можетъ быть больному, который пріѣзжаетъ сюда за тѣмъ, чтобы набраться здоровья, до вашихъ грабовъ или даже платановъ. Вѣдь тамъ грязь одна! Лугъ весь насыщенъ гнилой, испорченной водой, которая стоитъ неподвижно въ каналѣ. Этотъ каналъ необходимо уничтожить какъ можно скорѣе, а лугъ прорѣзать нѣсколькими канавами. Осушать надо, осушать...

— Осушать...—смѣялся Кржывосондъ.

— Мнѣ кажется, господинъ докторъ Юдымъ, можетъ быть, и правъ,—промолвилъ одинъ изъ членовъ коммиссіи.—Кто-то, дѣйствительно, жаловался мнѣ на сырость въ Цисахъ, на странный какой-то холодъ, который наступаетъ здѣсь послѣ заката солнца. На окрестныхъ поляхъ, говорили мнѣ, еще совсѣмъ тепло, еще земля пышетъ жаромъ, а надъ озерами уже холодомъ вѣетъ, и кашель горло деретъ. Я въ этомъ самъ мало понимаю, но разъ докторъ Юдымъ подтверждаетъ... Даже жена моя...

— Охъ, ужъ эти мнѣ молодые доктора!—полушутливымъ тономъ воскликнулъ докторъ Венгляховскій. — Имъ всегда кажется, что гдѣ они, тамъ ужъ навѣрно какая-нибудь Америки, которую, разумѣется, надо какъ можно скорѣе открыть. Вѣдь я же, господа, зиму и лѣто здѣсь живу, знаю хорошо это заведеніе и желаю ему всяческаго добра... Какъ вы полагаете, желаю я ему добра или нѣтъ? Такъ вотъ, скажите, какая можетъ быть мнѣ выгода отъ того, что бы тутъ былъ какой-то каналъ, который распространяетъ сырость... если онъ ее распространяетъ. Но я ручаюсь, — все это только фикціи, выдумки однѣ. Каналъ нуженъ такъ же, какъ мостъ, какъ озеро, какъ дорога, потому мы его и сохраняемъ. Окажись, что онъ приноситъ вредъ — тогда мы, разумѣется, его уничтожимъ, но прямо изъ-за фантазіи какой-то начинать работы и выбрасывать на это сотни рублей, деньги притомъ не наши, деньги, которыя не принесутъ никакого дохода, которыя уйдутъ совсѣмъ даромъ...

— Въ такомъ случаѣ, надо только сдѣлать маленькую поправку въ объявленіяхъ, въ описаніяхъ Цисъ. Не слѣдуетъ писать, напримѣръ, что тутъ лѣчатъ хроническую лихорадку, болѣзни дыхательныхъ путей, потому что на это тутъ надѣяться никто не можетъ.

Докторъ Венгляховскій хотѣлъ было что-то возразить на это, но сдержался. Только мускулы лица его дрогнули. Черезъ минуту только онъ произнесъ холоднымъ тономъ:

— Я, кажется, тоже докторъ... и болѣе или менѣе понимаю, что тутъ можно лѣчить и чего нѣтъ. Конечно... я, можетъ быть, этого не понимаю такъ хорошо, какъ почтенный коллега, докторъ Юдымъ, но все-таки какъ-нибудь... У меня тутъ бывали случаи замѣчатель-

наго излѣченія маляріи, и случаи довольно частые, такъ что я не вижу рѣшительно никакой надобности въ томъ, чтобы выбросить изъ описаній...

— Мнѣ кажется,—обратился къ Юдыму одинъ изъ контролеровъ,—что вы, быть можетъ, въ этомъ отношеніи впадаете немножечко въ крайность. Вѣдь число пріѣзжающихъ сюда лѣчиться увеличивается съ каждымъ годомъ.

— Но увеличеніе это, собственно, ничего не доказываетъ. Достаточно одной статьи ученаго доктора, что Цисы нездоровы для тѣхъ, съ которыхъ, однако, берутся деньги за воздухъ, который якобы долженъ излѣчить ихъ—и пропало все дѣло. Въ теченіе одного года заведеніе можетъ потерять всѣхъ своихъ посѣтителей. Я тоже не желаю зла этимъ милѣйшимъ Цисамъ и потому-то все это и говорю.

— «Одной статьи ученаго доктора»—слышишь? — тихо проговорилъ д-ръ Венглиховскій Крживосонду, свертывая толстую папиросу.

— Такъ за чѣмъ же, наконецъ, дѣло стало, за расходами, что ли?

— Ахъ, да, мы знаемъ!—засмѣялся Крживосондъ.—Вы найдете, докторъ, сумму, необходимую для покрытія всѣхъ расходовъ... въ карманѣ этого добряка Леса. Но развѣ это хорошо? Старикъ, разумѣется, дастъ, но онъ вѣдь вообще даже и не знаетъ самъ, на что даетъ...

— И, правда, развѣ хорошо уговаривать этого одинокаго человѣка дѣлать такіе большіе расходы?—заговорила пани Лаура.—Правда, онъ богатъ, но все же не милліонеръ. Вѣдь онъ что ни заработаетъ, все другимъ раздаетъ. Этакъ еще, пожалуй, ему на старости лѣтъ и голову негдѣ приклонить будетъ.

— Да, да, докторъ,—говорилъ тотъ контролеръ, который прежде поддержалъ-было Юдыма,—Лесчиковскій слишкомъ много тратитъ на все это. Мы этого рѣшительно не должны допускать. Я еще понимаю мелочь какую-нибудь, но подобныя фундаментальныя дѣла, нѣтъ, не годится это...

Юдымъ сконфузился. Ему вдругъ пришла въ голову мысль, что въ данную минуту Крживосондъ, быть можетъ, подозрѣваетъ его въ какихъ-то нехорошихъ намѣреніяхъ воспользоваться тѣми суммами, которыя М. Лесъ прислалъ бы на поднятіе дна рѣки... Мысль эта была такъ неожиданна, такъ поразительна, что всѣ другія стушевались передъ нею.

Юдымъ смолкъ и усѣлся въ сторонкѣ.

Такъ-то рушился проектъ о передѣлкѣ водяныхъ резервуаровъ въ цисовскомъ паркѣ. Послѣ отъѣзда ревизоровъ, все вошло въ обычную колею и, казалось, все осталось попрежнему. Директоръ былъ съ Юдымомъ очень любезенъ, Крживосондъ, казалось, не зналъ, какъ ему угодить. Но подъ этой оболочкой таилась глубокая, холодная ненависть.

Но Юдымъ послѣ фiаско еще яснѣе видѣлъ всю важность своего проекта. То, что его отвергли, казалось ему просто подрывомъ здоровья прiѣзжающихъ и противуобщественнымъ поступкомъ. Этотъ незначительный по существу своему вопросъ выросъ въ его глазахъ до небывалыхъ размѣровъ, затемняя всѣ другiе, быть можетъ, во стократъ большей важности. Такъ, карнизъ крыши хлѣвика, торчащiй передъ окномъ, у котораго мы стоимъ, закрываетъ предъ нашими глазами длинную цѣпь далекихъ горъ.

Антагонисты: директоръ, Кржывосондъ, Листва, управляющiй—всѣ эти люди боролись съ докторомъ, въ сущности, вовсе не за самое поднятiе дна рѣки. Каждый изъ нихъ пользовался случаемъ, чтобъ свести кое-какiе счеты съ Юдымомъ. Директоръ разсчитывался съ нимъ за больницу, Кржывосондъ—за свои униженiя, Листва—за возмущенiе тишины, которая была для него единственнымъ наслажденiемъ въ жизни, управляющiй—за проекты перемѣщенiя рабочихъ избъ.

Но что всѣхъ этихъ четверыхъ человѣкъ злило прежде всего и больше всего, такъ это его молодость. Заговори кто-нибудь изъ нихъ за карточнымъ столомъ о томъ самомъ, что проектировалъ Юдымъ, онъ, конечно, не считая недолговременныхъ старческихъ брюзжанiй, добился бы общаго согласiя, съ тѣмъ, разумѣется, условiемъ, чтобы тотъ, кто подаетъ такiя прекрасныя мысли, самъ же взялъ на себя и трудъ ихъ выполненiя. Но разъ съ такими затѣями выступилъ человѣкъ молодой, старцы почувствовали свою амбицiю затронутой и оскорбленной. И потому-то они такъ отдѣлились отъ него и, безъ взаимнаго соглашенiя, рѣшили не давать такой большой власти надъ собою «этому молокососу». Въ особенности сильно заупрямился директоръ.

Кромѣ молодости, его злило въ Юдымѣ докторское его званiе. Не отдавая себѣ въ этомъ отчета, старый медикъ не признавалъ Юдыма за равнаго себѣ врача, и когда тотъ говорилъ что-либо или улыбался во имя «медицины», директоръ еле сдерживался, чтобы не кинуть ему рѣзкое, оскорбительное слово. Что же и говорить, когда молодой совсѣмъ выбился изъ рукъ и дѣйствовалъ своевольно.

Нѣтъ такого средства, которое не промелькнуло бы въ воображенiи доктора Венглиховскаго и не прельщало его надеждой быстраго и абсолютнаго удовлетворенiя. Однако, ни одно изъ нихъ не оказывалось достаточно дѣйствительнымъ и достойнымъ. Устранить этого энтузiаста, воспользовавшись какимъ-нибудь удобнымъ предлогомъ, который, при помощи сплетни, можно было бы раздуть до степени преступленiя? Однако, въ голову тутъ же приходила мысль, что тогда пришлось бы самому заниматься больницей и притомъ по той же методѣ, какъ дѣлалъ тотъ. Иначе слава Юдыма разрослась бы у массы до небывалой высоты, ему, Венглиховскому, во вредъ. Принудить его насмѣшками, рядомъ мелкихъ уколовъ, униженiй, раздраженiй, къ добровольному бѣгству?.. Но тогда не вздумаетъ ли это сапожничье отродье отомстить

по своему, по «научному», не посадитъ ли онъ въ какомъ-нибудь журнальцѣ такую заплату на Цисы, что потомъ и самъ чортъ ея не отпоретъ? И докторъ Венгликовскій проклиналъ день и минуту, когда ему пришло въ голову обратиться къ Юдыму съ предложеніемъ занять должность въ Цисахъ. Полный досады и злобы, онъ силился разорвать тѣ сѣти, въ которыя самъ добровольно запутался, тѣмъ болѣе, что въ сѣтяхъ этихъ были еще нѣкоторыя особенности. До сихъ поръ докторъ Венгликовскій шелъ въ жизни прямою дорогой, всегда и во всемъ, какъ самъ онъ любилъ выражаться, «рѣзалъ правду прямо въ глаза». Онъ никогда не кривилъ душою, не дѣйствовалъ обманомъ и хитростью, ни съ однимъ существомъ человѣческимъ не боролся скрыто, изъ-за угла. Повсюду онъ слылъ за человѣка «благороднаго». Онъ самъ уже свыкся не только съ этимъ эпитетомъ, но и съ этою чертою своего характера, какъ свыкаются съ своей шубой, съ своей палкой, а тутъ вдругъ, въ первый разъ въ жизни, ради борьбы съ этимъ «молодымъ» ему пришлось бродить ощупью въ потемкахъ и искать въ себѣ чего-то донынѣ незнакомаго, какого-то особаго оружія. Юдымъ въ глубинѣ души понималъ все это и потому-то хотѣлъ побѣдить ихъ всѣхъ въ этой борьбѣ тѣмъ страстнѣе, что безъ гигіеническихъ реформъ, которыя начинались повышеніемъ дна рѣки, какъ умѣнье читать начинается съ азбуки, вовсе и не стоило работать въ Цисахъ. Итакъ, среди полной тишины и любезностей, среди совмѣстнаго чаепитія и чтенія газетъ, кипѣла тайная борьба.

Въ первыхъ числахъ марта, послѣ сильныхъ морозовъ, державшихъ всѣхъ почти весь февраль въ своихъ желѣзныхъ когтяхъ, наступила оттепель.

Снѣга быстро растаяли. Рѣчка въ паркѣ поднялась, снесла искусственную преграду надъ первымъ озеромъ и выступила изъ его береговъ. Юдымъ стоялъ надъ этой водой, полной ила, смотрѣлъ на ея быстрое теченіе и съ грустью убѣждался въ справедливости своихъ заключеній.

Было тепло и свѣтло, совсѣмъ по весеннему. Погруженный въ задумчивость, онъ не замѣтилъ, какъ къ нему подошли Крживосондъ и директоръ.

— А что?—произнесъ администраторъ,—что бы было теперь, докторъ, еслибы тутъ не было канала. Какъ же шла бы вся эта вода?

— Вы лучше спросите, куда дѣнутся кучи гнилыхъ листьевъ, наполняющихъ этотъ вашъ каналъ. Они въ данную минуту падаютъ въ озеро, чтобы выдѣлять изъ себя воздухъ, за который вы прикажете платить издалека пріѣзжающимъ людямъ.

— Знаемъ мы эту сказку...—смѣялся директоръ, потрепывая Юдыма по плечу.

— Въ газетахъ мы громимъ публику, которая, какъ стадо овецъ, устремляется за границу, въ такъ называемые *bad*'ы? Но, помилуйте, какой *bad* допустилъ бы подобныя вещи?

— Послушайте...

— Нѣтъ, нѣтъ, я не забываюсь! Ничуть! Я беру настоящее положеніе вещей, если вы ужъ этого хотите. Пустимъ сюда нѣмца и посмотримъ, что бы онъ сдѣлалъ. Что онъ устроитъ раньше: роскошную залу для танцевъ, или вычиститъ озеро отъ ила?

— Ну, пойдемъ Крживосондъ, пойдемъ...—сказалъ директоръ,—не мало еще у насъ дѣла...

Глава III.

«Слеза, что изъ очей твоихъ катится»...

Нѣсколько сотъ рублей, данныхъ докторомъ Томашемъ, дали возможность брату его выбраться за границу. Послѣдніе нѣсколько дней Викторъ провелъ дома, среди плача и увѣщаній жены и тетки. Когда наступила удобная минута, онъ тронулся въ путь.

Было раннее февральское утро. Одноконка, съ усталымъ и погруженнымъ въ тулупъ извозчикомъ медленно тащилась по улицамъ. Въ глубинѣ, подъ поднятымъ верхомъ, сидѣлъ Викторъ съ женою. Въ ногахъ у нихъ помѣщались дѣти, которымъ эта важная ѣзда доставляла невыразимое удовольствіе. Худая, изнуренная труженица-кляча то и дѣло скользила по мерзлымъ камнямъ, спотыкалась, попадая ногами въ ямки, засыпанныя снѣгомъ, и влачила проклятіе своей жизни, несчастныя дрожки, по Желѣзной улицѣ, по направленію къ вольской заставѣ. Съ Вислы дулъ сильный вѣтеръ, съ бѣшенствомъ метаясь на все, что ни попадалось по дорогѣ. Онъ билъ въ ноздри и морды, раздвинутыя уздами, бѣдныхъ ломовыхъ лошадей, которыя изо всей мочи, всѣмъ напряженіемъ своихъ мускуловъ тащили по варварской мостовой большія тяжело нагруженныя телѣги. Онъ рѣзалъ глаза бѣднымъ людямъ, куда-то несущимся съ утра за жалкимъ кусочкомъ насущнаго хлѣба. Онъ дергалъ во всѣ стороны маленькую, заблудшую собаченку, жавшуюся къ холоднымъ ступенямъ. Онъ силился вырвать крюки и захлопнуть двери, ведущія въ лавки. Казалось, въ извѣстные моменты онъ испытываетъ дикое бѣшенство при видѣ вывѣсокъ и рветъ ихъ и мечетъ, и хватаетъ зубами огромныя буквы, дергаетъ ихъ во всѣ стороны, словно хочетъ стряхнуть съ нихъ на землю всѣ эти глупыя надписи. А если на далекой его дорогѣ попадались высокіе дома, онъ врывался на крыши и цѣлыми кучами ссыпалъ съ нихъ снѣгъ на грязныя улицы. Тонкіе хлопья, словно живыя, подвижныя паутинки, прорѣзывали пространство. Летучія, бѣленькія снѣжинки такъ быстро и непрерывно падали въ одномъ направленіи, что въ глазахъ оставляли впечатлѣніе длинныхъ, длинныхъ нитей. Казалось, начала ихъ тянутся, будто изъ кудели, изъ снѣжнаго наноса подъ краснымъ заборомъ, растущаго предъ глазами, а противоположные концы

ихъ обворачиваютъ телефонныя проволоки, механически кружатся вокругъ столбовъ и съ неимовѣрной быстротой летятъ куда-то надъ канавами.

Запутанный въ этой сѣти, мечется на углу улицы бѣдный посыльный. Скачетъ онъ и топчется на мѣстѣ, ударяетъ ногою о ногу, растираетъ руки и на маленькомъ разстояніи бѣгаетъ туда и назадъ, туда и назадъ, туда и назадъ. Повернется ли онъ лицомъ къ сѣверу—вихрь, словно притаившійся за угломъ, бросается на него, какъ тигръ, впивается въ него когтями и захватываетъ дыханіе. Тогда этотъ маленькій, съежившійся человѣчекъ поворачивается и топчется на мѣстѣ, а вихрь хлещетъ его въ спину и толкаетъ впередъ, развѣвая сѣрыя полы пальто. Минутами, словно думая спрятаться отъ вѣтра, онъ весь съеживается, прижимается къ стѣнѣ и стоитъ такъ безъ движенія, безъ признаковъ жизни...

Тамъ, подальше, немного широко шагаетъ подлѣ телѣги огромнаго роста еврей съ кнутомъ въ рукѣ. Голова у него обвязана какой-то большой, красной тряпкой, на немъ самомъ съ три кафтана, ноги въ войлочныхъ сапожищахъ. Его обросшее, красное, исхлещенное вѣтромъ лицо выдѣляется въ толпѣ, налитые кровью глаза грозно глядятъ изъ-подъ нависшихъ бровей. Этотъ человѣкъ, человѣкъ, ставшій такой же неизбѣжной принадлежностью дороги, какъ верстовой столбъ, какъ барьеръ моста, приготовленный къ борьбѣ съ бурей, со снѣгами и морозами, возбуждаетъ живой, горячій интересъ въ Каролѣ и въ Франкѣ. Они забываютъ про все на свѣтѣ и, отъѣхавъ далеко ужъ отъ того мѣста, они еще смотрятъ на него и другъ другу показываютъ на него пальцами. На Серебряной и Товарной, гдѣ, вслѣдствіе наплыва телѣгъ, дрожки подвигаются медленно, медленно, шагъ за шагомъ, покачиваясь на выбоинахъ, точно лодка, дѣти съ любопытствомъ таращатъ глаза во всѣ стороны. Вотъ большія, длинныя телѣги, что такъ и трещатъ подъ тяжестью тюковъ и ящиковъ съ товаромъ, однѣ, черныя отъ угля, которымъ онѣ были нагружены, другія со льдомъ, съ кирпичемъ, съ деревомъ. За ними тянутся возницы, засыпанные снѣгомъ, съ побѣлѣвшими бородами, обрамляющими красныя лица, и, крича во все горло, погоняютъ лошадей. Между грязными домами выдѣляются тамъ и сямъ дикія очертанія фабричныхъ зданій, не теряющихъ даже отъ снѣга своего чернаго цвѣта, съ оттѣнкомъ какъ бы несмываемой ржавчины. Крыши на нихъ имѣютъ форму какихъ-то заостренныхъ ступеней, изъ-за которыхъ выглядываютъ темныя, стальныя стекла, вправленныя вовсе не за тѣмъ, чтобы черезъ нихъ на свѣтъ Божій глядѣли очи людскія... Среди гнетущихъ, душныхъ стѣнъ эти стекла поражаютъ какимъ-то страннымъ, какъ будто несвойственнымъ имъ, блескомъ, словно глаза кошки при дневномъ свѣтѣ. Въ другомъ мѣстѣ тянется къ небу высокая кирпичная, а то черная, желѣзная, прикрѣпленная проволокой, труба и кидаетъ огром-

ные клубы бураго дыма на стѣны сосѣднихъ домовъ и въ окна ихъ квартиръ. Конвульсивныя движенія дрожекъ сбрасывали сѣдокамъ шляпы на носъ и заслоняли глаза. Викторъ неподвижно сидѣлъ на своемъ мѣстѣ и глядѣлъ изъ-подъ обвисшихъ полей шляпы на все, что дѣлалось вокругъ. Порою изъ глазъ его вытекала слеза, и, никѣмъ не замѣченная, тихонько скатывалась по изнуренному лицу.

Когда они проѣхали заставу, шумъ уменьшился. Вокругъ были заборы, пустыри, сады, широкіе дворы, заваленные углемъ, известью, досками. Кое-гдѣ попадался на глаза одинокій, захудалый домъ, при взглядѣ на который казалось, что его какъ будто выстроили изъ краснаго песку. Въ первомъ этажѣ его видны были двери, которымъ предназначалось выходить на балконъ, но такъ какъ балкона не было, а вмѣсто него только пара заржавѣлыхъ рельсъ торчала въ стѣнѣ, то двери эти, казалось, имѣли намѣреніе сорваться съ петель и кинуться въ пропасть. Вскорѣ и эти послѣднія строенія исчезли и за какимъ-то заборомъ открылось уже одно чистое поле, царство вѣтра. Далеко позади остался городъ, неясными очертаніями обрисовываясь въ туманѣ, какъ какой-то смутный, но полный страданій и такой скорби, такой скорби символъ...

Рѣзкій, холодный вѣтеръ врывался теперь подъ верхъ дрожекъ, зловѣщимъ шумомъ отдаваясь въ придорожныхъ деревьяхъ и пронзительно свистя между вальками, какъ будто у заднихъ ногъ лошади.

Всѣ члены семьи тѣснѣе прижались другъ къ другу. Теося какъ будто инстинктивно, подъ вліяніемъ холода прижималась колѣнями къ ногамъ мужа. Онъ сидѣлъ неподвижно, безмолвно, глубоко засунувъ руки въ рукава и глядя впередъ. Мысли его были далеко. Онъ испытывалъ свое новое, неизвѣстное будущее, съ помощью неясныхъ, неопредѣленныхъ предчувствій. По какимъ-то далекимъ, Богъ вѣсть когда пережитымъ впечатлѣніямъ, по слышаннымъ отрывкамъ онъ создавалъ себѣ странное орудіе познаванія невѣдомой доли. Взглядъ его блуждалъ по придорожнымъ снѣгамъ, страннымъ, какъ всѣ явленія, какъ мысли, какъ все на свѣтѣ. Вотъ дѣвственныя насыпи съ причудливыми очертаніями, безформенныя, ни на что ни похожія, полныя какихъ-то особенно эфектныхъ украшеній въ стилѣ барокко: это не то какіе-то скрученные, кривые, вогнутые внутрь листья, далеко не похожіе на настоящіе листья, листья какіе-то не существующіе, большіе и не полные, не то какія-то титаническія стрѣлы, которыми можно было бы пробить костелъ Св. Креста.

Тутъ тянулись какіе-то временные холмы, привлекавшіе взоры своими нѣжными очертаніями, а тамъ какія-то скверныя, отвратительныя ямы, напоминающія самыя ужасныя и, вмѣстѣ съ тѣмъ самыя таинственныя, темныя стороны жизни, напоминающія ихъ съ такою яркостью и силой, какъ пронзительный крикъ отчаянія...

Слѣва и справа все было скрыто бурой пеленой, изъ глубины которой вѣтеръ выдувалъ и разносилъ надъ землею летучіе хлопья снѣгу.

Около полудня дрожки прибыли, наконецъ, на мѣсто назначенія и остановились передъ какимъ-то одинокимъ строеньицемъ въ чистомъ полѣ, которое соединялось съ остальнымъ міромъ посредствомъ полотна желѣзной дороги. Внизу была устроена лавченка съ пестрой вывѣской, а въ глубинѣ помѣщалась квартира еврейской семьи, многочисленные представители которой показались въ дверяхъ, какъ только дрожки подъѣхали къ нимъ. Дѣти почти окоченѣвшія отъ холода, вытаращили глазенки на этотъ «домъ», построенный изъ полусгнившихъ досокъ, оставшихся, вѣроятно, послѣ старой корчмы или сарая, и выкрашенный въ тѣлесный цвѣтъ съ красными украшеніями около оконъ и дверей. Викторъ сошелъ и обратился къ одному изъ стоявшихъ у дверей съ вопросомъ, нельзя ли раздобыть рюмочку «монопольки». Ему немедленно вынесли цѣлую бутылку, и каждый выпилъ по рюмочкѣ. Извозчикъ принужденъ былъ хватить даже цѣлыхъ двѣ, такъ какъ по первой онъ еще никакъ не могъ угадать ея настоящаго вкуса.

Вдали, въ туманѣ виднѣлись смутныя очертанія, которыя по объясненіямъ евреевъ, именно и представляли вокзалъ желѣзной дороги. Поѣздъ, идущій въ сторону Сосновца, долженъ былъ придти приблизительно черезъ три четверти часа. Надо было торопиться. Жена и дѣти должны были проводить Юдыма еще немного и, не доходя до мѣстечка, отправиться обратно, сѣсть въ ожидавшія ихъ дрожки и вернуться въ Варшаву.

И всѣ они скоро, скоро пошли впередъ, по краю полотна. Викторъ шелъ впереди. Ему все казалось, что онъ опоздаетъ, что вотъ уже поѣздъ идетъ... И онъ бѣжалъ еще быстрѣе...

Они, подражая его движеніямъ, спѣшили за нимъ. Отъ времени до времени онъ замедлялъ шаги и краткими, отрывистыми предложеніями говорилъ что-то женѣ, совѣтовалъ сдѣлать то-то и то-то... Она хотѣла затронуть еще тысячу разныхъ вопросовъ, она не теряла надежды, что, можетъ быть, что-нибудь задержитъ его хоть на одинъ день, хоть на пару часовъ. Мысли спутались у нея въ головѣ и, какъ эти снѣжные хлопья, безпорядочно пролетали въ мозгу. Во рту, въ горлѣ, внутри себя она чувствовала жгучій вкусъ водки и какое-то одурѣніе. Ей было все равно, и все-таки такъ больно. Сердце сжималось въ груди, какъ будто его перевязали тонкой ниточкой и рѣзали, рѣзали. Но первенствующее мѣсто въ душѣ у ней занимала какая-то неразумная увѣренность въ томъ, что что бы кто-либо ни сдѣлалъ когда-либо на свѣтѣ и съ какою бы то ни было цѣлью, ей одной суждено нести на себѣ всю тяжесть всего этого. Она должна прокормить вотъ этихъ ребятъ. Онъ, Викторъ, уходитъ. Тутъ ужъ нечего говорить, должна... Охъ, какъ жжетъ эта водка! Такой дымъ въ головѣ, такой глупый дымъ... Вѣдь надо все понимать, какъ и для чего. Разъ она родила дѣтей, такъ и должна о нихъ думать. Какъ животныя, да, какъ животныя. Извѣстное дѣло, отецъ можетъ уйти, а она нѣтъ.

Это вѣдь такъ называется—мать. Она мать. Онъ, разумѣется, долженъ ѣхать, еще какъ разумѣется! Сознаніе этой необходимости, какъ дитя зачатое, лежитъ у нея подъ сердцемъ, лежитъ, какъ раскрытая рана, въ которую непрерывно сыплется и сыплется песокъ. Въ глубинѣ души лежитъ согласіе на этотъ отъѣздъ.

Въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ первыхъ домовъ мѣстечка Викторъ остановился и сказалъ, что надо прощаться... Голосъ его дрогнулъ.

По обѣ стороны твердаго, широкаго шоссе, на которое они вошли, чернѣли кусты ивы. Темнокоричневые, скользкіе, круглые прутья ихъ вѣтокъ стучали о крѣпкій деревянный барьеръ, выкрашенный черной краской. Это былъ непріятный, рѣзкій шумъ. Вѣтеръ дулъ низомъ, подъ барьерами и сметалъ съ дороги тонкія складки снѣга, обнажая куски темнаго льда и гребни земли, истертой колесами телѣгъ.

— Викторъ! — простонала Юдымова — не покинешь ты меня? Побойся Бога, Викторъ...

— Вотъ тебѣ... теперь...

— Потому, если ты меня бросишь...

— Ну, и время теперь для такихъ разговоровъ?! Поѣздъ идетъ! Надо быть разумной.

— Ты знаешь, ребята то эти, вѣдь твои они... Викторъ, Викторъ...—рыдала она тихимъ, боязливымъ, замирающимъ голосомъ.

— Да напишу же я, вотъ какъ только первую работу достану. И какъ первыя деньги, такъ сейчасъ пришлю. Что ты думаешь...

Онъ быстро обнялъ и поцѣловалъ ее, потомъ дѣтей.

Не успѣли они оглянуться, какъ онъ ужъ пошелъ дальше по дорогѣ. Они поплелись было еще за нимъ, но онъ махнулъ имъ рукой разъ, другой, приказывая воротиться. Издали крикнулъ имъ еще разъ, чтобы они спѣшили обратно, а то извозчикъ не захочетъ дожидаться и уѣдетъ. Тогда они остановились и стали смотрѣть ему вслѣдъ. Еще видно было его изношенное пальто, широкія, не закрывающія голенищъ, брюки изъ дешеваго сукна, порыжѣвшая плоская шляпа, но лицо его уже совсѣмъ исчезло у нихъ изъ глазъ.

— Видите, дѣтки, это отецъ тамъ идетъ... Это отецъ... тамъ— рыдая, проговорила Юдымова дѣтямъ.

Франка слова эти ничуть не поразили. Онъ преспокойно стоялъ себѣ на мѣстѣ и ковырялъ пальцемъ въ носу.

Все слабѣе и слабѣе, среди хлопьевъ снѣга, чернѣлась фигура Юдыма, наконецъ, она быстро спустилась внизъ по покатости и скрылась совсѣмъ.

Тогда Юдымова схватила Каролю за руку и побѣжала назадъ, чтобы терять какъ можно меньше времени, за которое нужно было платить извозчику. Она стала звать къ себѣ и Франка, который съ нескрываемымъ, безмятежнымъ удовольствіемъ кидалъ вдоль шоссе комки мерзлой земли...

Глава IV.

На разсвѣтѣ.

Раннимъ утромъ выбрался докторъ Юдымъ на ревизію своихъ больныхъ по окрестнымъ деревнямъ. Было это въ началѣ апрѣля. Луга были еще мокры, поля черны, по дорогамъ кисли глубокія лужи. Ихъ увеличивалъ еще мелкій, не перестающій дождикъ, наводящій подвижную мглу, выплывающую изъ влажныхъ, медленныхъ вздоховъ вѣтерка. Но, перескакивая черезъ канавы, цѣпляясь за плетни, можно было, не рискуя замочиться, пройти хоть нѣсколько верстъ.

Докторъ былъ въ теплой курткѣ, а на ногахъ у него были толстые сапоги съ высокими голенищами. Онъ шелъ, погруженный въ серьезныя думы, насвистывая какую-то извѣстную арію и фальшивя при этомъ такъ, что только въ Цисахъ и то среди открытаго поля можно было это простить европейцу. Дорога тянулась по окраинѣ лѣса, по холмистой, обрывистой почвѣ, то спускаясь въ оврагъ, то подымаясь, то прямою линіей прорѣзывая поле, расположенное на площади, расчищенной въ лѣсу. Въ низинахъ, гдѣ почва была очень сырая, уже зеленѣла свѣтлая травка, словно чудный румянецъ жизни на лицѣ человѣка, который, страдая тяжелой болѣзнью, былъ близокъ къ смерти. На крестьянскихъ участкахъ было еще мокро и мертво. Докторъ спѣшилъ: ему хотѣлось взобраться на самый высокій пунктъ возвышенности, царившей надъ окрестностью, чтобы посмотрѣть оттуда на солнечный дискъ, который еще не показался изъ-за противоположнаго холма, хотя уже и плылъ надъ землею.

Въ лѣсу, по окраинѣ котораго онъ шелъ, полно было весенней сырости. Мхи, висѣвшіе на сучьяхъ елей, какъ сѣрыя, безобразныя зимнія шубы, были мокры и ежеминутно падали съ нихъ темныя капли. Онѣ однѣ вызывали движеніе между спящими деревьями. Казалось, будто изъ нихъ выдѣляется острый, сырой, лѣсной запахъ. Тамъ и сямъ висѣли на стволахъ обрывки коры: весна насыщала ихъ, словно безобразные лохмотья, водою и медленно тянула къ землѣ. Въ глубинѣ прорубленнаго лѣса еще царила влажная темнота, изъ которой неслись лѣсныя испаренія. Стволы осинъ выглядѣли какими-то желтоватыми. Грабы, обмытые дождемъ, блестѣли и чернѣли, какъ сталь. На свѣтлой верхней корѣ сосенъ образовались какіе-то затеки, будто причудливые рисунки, контуры какихъ-то предметовъ, силуэты какихъ-то особенныхъ лицъ... Между обмокшими стволами и густыми вѣтвями, обвисшими подъ тяжестью дождя, манила взоры, словно сонное видѣнье, котораго никакъ не можешь отогнать, то березка, склонившая внизъ свою верхушку, то молодая осина, словно пылающими угольями, вся усыпанная свѣжими почками. При видѣ этихъ молодыхъ деревьевъ, сердце невольно преисполнялось чувствомъ радости и нѣжности.

Докторъ Юдымъ чувствовалъ даже, что въ этомъ чувствѣ, быть можетъ, есть доля какой-то сентиментальности, или даже еще чего-нибудь похуже, и все-таки не могъ съ нимъ справиться.

— Правда,—думалось ему,—этого чувства нельзя ни рѣзать микротомомъ, ни разсматривать подъ микроскопомъ, но что же изъ этого, коль скоро чувство это существуетъ и само по себѣ есть такойже точно фактъ, какъ и превосходнѣйшимъ образомъ описанная бацилла.

Занятый такими простыми мыслями, онъ вошелъ въ лѣсъ, присѣлъ на старомъ пнѣ и сталъ ждать. Темныя тучи образовали на небѣ какъ бы широкій неводъ, который тянулся отъ одного края горизонта до другого и длинными сѣтями свѣшивался внизъ. Изъ каждаго отверстія этихъ сѣтей сыпался мелкій, теплый, легкій, какъ пушинки, дождикъ. Въ глубинѣ оставалось чистое небо, упоительно прекрасная лазурь, начинавшая уже окрашиваться пурпуромъ утренней зари. У самаго края далекаго горизонта показались бѣлыя и румяныя облачка, вызывая въ душѣ своимъ видомъ странное волненіе, словно прелестные, мечтательные глаза женщины. Было тихо, такъ тихо, что можно было разслышать плескъ тихаго дождя въ лужахъ, покрытыхъ рябью отъ падающихъ капель. По землѣ повсюду струились маленькіе потоки, будто веселыя дѣтки, которыя, не зная, почему, куда, зачѣмъ, радостно подпрыгивая, бѣгутъ куда-то.

Среди этой тишины слухъ доктора поразилъ рѣзкій звукъ катящейся повозки. Вскорѣ на вершинѣ холма показались лошади, пышущія паромъ, и бричка. Усталыя лошади, до того забрызганныя грязью, что изъ гнѣдыхъ стали почти совсѣмъ сѣрыми, грязная бричка, и даже возница и фигура, занимавшая сидѣнье,—все это носило слѣды долговременнаго путешествія.

Юдымъ пристально вглядѣлся въ черты лица сидѣвшей въ бричкѣ дамы и узналъ «особу» изъ имѣнія, панну Іоанну.

На ней была французская, свѣтлозеленая мантилья съ капюшономъ, который она накинула себѣ на голову для защиты отъ дождя. Она какъ будто дремала.

Охваченный сильнымъ любопытствомъ, откуда бы это въ эту пору и по этой дорогѣ могла возвращаться панна Подборская, докторъ, полусознавая, зачѣмъ онъ это дѣлаетъ, всталъ съ пня и пошелъ по краю дороги навстрѣчу бричкѣ. Когда онъ былъ отъ нея всего въ нѣсколькихъ шагахъ, панна Іоанна вдругъ подняла голову и увидала его. На лицѣ ея въ ту же минуту появилось выраженіе смущенія, даже испуга какъ будто. Въ первое мгновеніе она надвинула капюшонъ на глаза, потомъ отвернула голову... Докторъ привѣтствовалъ ее поклономъ и съ вопросительной улыбкой на губахъ остановился у брички.

— Панна Іоанна? Откуда вы?

— Какъ видите... Изъ путешествія.

— Вижу, вижу даже, что путешествіе, должно быть, было далекое.

Возница остановилъ лошадей. Панна Іоанна въ замѣшательствѣ пощипывала кончикъ мантильи. На ея «невѣроятно», какъ говорили, правдивомъ и открытомъ лицѣ отражалось усиліе утаить что то. Румянецъ все сильнѣе разгорался на щекахъ... Наконецъ, она тихо вымолвила:

— Я ѣздила къ исповѣди... въ Волю Замецкую...

— Такъ далеко, въ Волю? И почему же ночью? Ну, не дѣлайте этого другой разъ. Какъ можно?.. Дождь идетъ, ночь такая прохладная, вы вся измокли. Простите меня, что я, непрошеный, позволяю себѣ вмѣшиваться, но, какъ врачъ, считаю своимъ долгомъ сдѣлать вамъ это замѣчаніе.

А между тѣмъ, онъ дѣлалъ это замѣчаніе вовсе не по побужденіямъ врача. Сердце сильно билось у него въ груди. Это лицо съ потупленными глазами, въ глубинѣ зеленаго капюшона, роскошные, распустившіеся волосы, упавшіе на лобъ, но особенно глаза, эти глаза и этотъ яркій румянецъ... Это были какъ будто чары чуднаго лѣса, это какъ бы сливалось въ одну картину съ этимъ дивнымъ солнцемъ, которое медленно выплывало изъ-за тумана надъ тихой, сонной, лѣсною глушью. Юдымъ безмолвно стоялъ у ступеней телѣжки и, прищуривъ глаза, жадно вглядывался въ прелестныя, смущенныя черты.

— Э, барышня, чего тутъ скрываться передъ бариномъ, передъ докторомъ...—выпалилъ вдругъ возница, поворачиваясь бокомъ.

— Не къ исповѣди, баринъ, ѣздили мы съ барышней.

— Феликсъ!—крикнула Іоанна.

— Если вамъ не угодно...—произнесъ Юдымъ, снимая шляпу.—Я не желалъ бы вамъ причинить ни малѣйшей непріятности.

— Ну, да вѣдь не укроется это, не укроется, хотя бы мы на головахъ стали ходить. Ужъ люди и такъ языками-то мелютъ... — продолжалъ свое Феликсъ.

— Что такое?

— Мы ѣздили, баринъ, барышню нашу искать, барышню Наталію.

— Какъ это искать?—съ изумленіемъ прошепталъ Юдымъ.—Какъ искать?

Вмѣсто отвѣта, панна Іоанна быстро вскочила и сошла съ брички. Лицо ея выражало мученіе. Все тѣло ея тряслось какъ въ лихорадкѣ. Она сдѣлала Юдыму знакъ глазами, что хочетъ сказать ему всю правду, только не при кучерѣ. Они сдѣлали нѣсколько шаговъ по дорогѣ въ гору. Феликсъ понялъ свою роль и слегка встряхнулъ возжами. Лошади тронулись и медленно, шагъ за шагомъ, сходили подъ гору. Стукъ колесъ брички о корни сосенъ и елей, прорѣзывавшихъ дорогу, заглушалъ разговоръ.

— Наташа,—сказала панна Іоанна,—уѣхала изъ дому безъ вѣдома бабушки.

— Одна?

— Нѣтъ.

— Съ господиномъ Карбовскимъ?

— Да... съ господиномъ, съ господиномъ Карбовскимъ...—говорила она, кутаясь въ мантилью, какъ будто бы ей было страшно холодно.— Бѣдная бабушка... Она такъ ужасно страдаетъ. Она сейчасъ же отправилась на могилу пана Януарія и долго пролежала въ часовнѣ ничкомъ. Мы не знали... мы совсѣмъ не знали, гдѣ она. У насъ такая суматоха!

— Ну, а откуда жъ узнали?

— Господинъ Воршевичъ узналъ гдѣ-то еще вчера, что Наташа уѣхала въ Волю Замецкую. Я не могу понять, откуда онъ могъ это узнать... Какой это догадливый человѣкъ. Онъ догадался, что они обвѣнчаются именно въ этомъ костелѣ, въ Волѣ... Тамъ есть ксендзъ какой-то, несимпатичный, говорятъ, человѣкъ. И дѣйствительно... Онъ согласился обвѣнчать ихъ. И вотъ, на этомъ, повидимому, основаніи, бабушка вчера ночью послала меня туда. Я поѣхала немедленно. Мы скакали во всю прыть, но все напрасно. Дѣйствительно, они тамъ обвѣнчались. Когда я прибыла туда, было уже поздно: они уже уѣхали и велѣли сказать, на случай, если кто будетъ ихъ спрашивать, что они ѣдутъ прямо за границу.

— Знаете ли, вѣдь это можно было... Можетъ быть, можно было предвидѣть не это самое, но, во всякомъ случаѣ, что-нибудь въ этомъ родѣ.

— Ахъ, докторъ! Но какая же моя роль во всей этой исторіи.

— Ваша роль?

— Я вѣдь была ея учительницей, менторшей, чуть-ли не повѣренной всѣхъ ея мыслей и тайнъ. Я догадывалась, я даже знала про эту любовь. Я его терпѣть не могла этого господина и потому-то мнѣ, видно, казалось, что все это увлеченіе скоро пройдетъ. А теперь всякій можетъ сказать, что это навѣрно мое вліяніе. Всякій можетъ это сказать и, увы! будетъ даже отчасти правъ. Я часто говорила съ Наташей о томъ, что въ замужествѣ безъ любви бываютъ ужасныя вещи, къ которымъ я отношусь съ глубокимъ презрѣніемъ, что она не должна, не должна никогда въ жизни. Кто же могъ предвидѣть, что она такъ это пойметъ!

— Успокойтесь. На панну Наталію подобнаго рода разговоры не могли имѣть большого вліянія. Это была натура самостоятельная, смѣлая, независимая.

— О, да, независимая. Въ письмѣ къ бабушкѣ, которое я везу съ собою, она положительно заявляетъ, что капиталъ свой собственный, наслѣдство послѣ матери, она возьметъ изъ банка цѣликомъ, такъ какъ она совершеннолѣтняя и имѣетъ на это право. Она такъ и пишетъ бабушкѣ... «Какъ совершеннолѣтняя...»

— И большой это капиталъ?

— О, да, кажется, довольно большой.

— Будетъ Карбовскому что спускать нѣкоторое время.

Панна Іоанна вдругъ остановилась, какъ будто вспомнивъ что-то. Она вскинула на Юдыма глазами, полными блеска и какъ бы лукавства.

— Я тутъ говорю все это и вовсе даже не думаю о томъ, какъ это вамъ должно быть непріятно слушать...

— Мнѣ? Непріятно?

— Ахъ, вѣдь... Вѣдь и вы были влюблены въ Наташу... Простите меня....

— Я,—сказалъ Юдымъ,—я былъ влюбленъ?

— Слушайте, повѣрьте мнѣ, я безъ всякаго злого умысла разсказала вамъ все это!

— Вы совершенно напрасно меня жалѣете, такъ какъ я ничуть не чувствую себя огорченнымъ. Даю вамъ честное слово, я не влюбленъ въ панну Наталію. Нѣтъ, нѣтъ! — воскликнулъ онъ радостнымъ голосомъ, съ радостно загорѣвшимися глазами,—я совсѣмъ не влюбленъ въ нее!

Этотъ отрицательный возгласъ былъ какъ бы послѣднимъ звукомъ ихъ разговора, какъ бы исчерпалъ его до дна.

Они прошли еще нѣсколько шаговъ молча, не будучи рѣшительно въ состояніи произнести больше ни слова. Панна Іоанна, наконецъ, ускорила шаги и произнесла:

— Я должна ѣхать.

Юдымъ проводилъ ее до брички.

Въ то время, какъ она подавала ему руку, на лицѣ у нея было выраженіе какой-то мучительной тревоги, какъ у человѣка, который смутно чуетъ что-то такое, чего сознаніе обнять еще не въ состояніи. Юдымъ, широко раскрывъ глаза, смотрѣлъ на нее. Помогая ей вскочить на ступеньку брички, которая остановилась посреди грязной дороги, онъ почувствовалъ тѣло ея близко-близко, чуть ли не въ своихъ объятіяхъ, и на мгновеніе онъ испыталъ какую-то чудную иллюзію.

Кто бы повѣрилъ, что это она, та самая дѣвушка, что это запахъ ея волосъ? До сихъ поръ онъ видѣлъ въ ней человѣка-сестру, разумъ и душу, существо изъ своего міра, изъ того круга, гдѣ ради чего-то высокаго, но непонятнаго для толпы эгоистовъ, борются безъ отдыха и съ радостью работаютъ родственныя души. И вдругъ теперь онъ точно обезумѣлъ отъ счастья: она не только такая! Какія-то поистинѣ дьявольскія грезы, какъ змѣй, вползали въ его душу. У него было такое ощущеніе, какъ будто бы цвѣтъ ея волосъ, ихъ запахъ уже стали его собственностью на вѣки.

Въ сердцѣ его заговорило чувство мучительной тревоги и тоски, неизъяснимая нѣга охватила его, какая-то смутная грусть, благоухающая, какъ цвѣтокъ, проникла въ душу. Все это для него еще было такъ ново, еще чуждо душѣ и своимъ появленіемъ вызывало восторженное изумленіе, заставляло задуматься.

Бричка удалилась и исчезла на поворотѣ.

Юдымъ почувствовалъ что сердце его сжимается. Онъ стоялъ на окраинѣ лѣса и жестоко упрекалъ себя въ томъ, что такъ скоро прекратилъ разговоръ.

Вѣдь нужно было еще столько сказать, столько важнаго, необходимаго! Каждое изъ этихъ словъ, что теперь какъ бы выскользали одно за другимъ изъ мрака, имѣло свое предвѣчное бытіе, какую то свою особенную форму, свой смыслъ и мѣсто, содержаніе и логическое значеніе, какъ удачно помѣщенный, необходимый, неизбѣжный тонъ въ симфоніи. Въ каждомъ изъ нихъ былъ замкнутъ цѣлый особый міръ, цѣлыя царства, полныя дыханія весны, гдѣ благоухаютъ мокрыя поля и тихо шелестятъ высокія деревья.

Лѣнивыми шагами плелся онъ по своей дорогѣ, къ деревнѣ, расположенной на другомъ концѣ долины. Когда онъ былъ на вершинѣ холма, солнце вырвалось изъ-за тучъ надъ дальними лѣсами. Душа Юдыма неслась къ этому свѣту, какъ исполинъ, головою достигающій до небесъ.

Онъ остановился на прежнемъ мѣстѣ и посреди болотистой дороги замѣтилъ слѣды маленькихъ ботинокъ Іоаси. Взглядъ его падалъ на эти правильныя очертанія на пескѣ и мысленно съ восхищеніемъ созерцалъ ножки, которыя касались этихъ мѣстъ. Онъ видѣлъ стройное, утонченно-прекрасное тѣло, которое промелькнуло надъ ними,— тѣло, способное дать неописуемое наслажденіе.

Онъ закрылъ глаза и вникалъ въ глубину своей души.

И въ это мгновенье къ нему склонилось тихое сознанье, веселый шепотъ мучительной загадки, разрѣшеніе труднаго вопроса, простое, какъ чистая правда. Онъ радостно привѣтствовалъ его:

— Ну, да! Понятно! Вѣдь это—моя жена!

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ЛѢТОМЪ.

I.

Черемуха.

Мнѣ жаль черемухи моей!..
Она, какъ юность, расцвѣтала;
Надъ нею днемъ пчела жужжала,
И ночью пѣлъ въ ней соловей.

И я, упившись ароматомъ,
Подъ ней мечталъ и молодѣлъ...
Но къ ней негаданно съ закатомъ
Сердитый вѣтеръ прилетѣлъ.

Дохнулъ, какъ смерть,—затрепетали
Въ тоскѣ безпомощной цвѣтки;
И бѣлымъ роемъ замелькали
И пали наземь лепестки.

И ихъ оплакалъ мглой тумана
Разсвѣтъ унылый безъ лучей...
Какъ юности, отвцѣтшей рано,
Мнѣ жаль черемухи моей...

II.

Передъ грозой.

Садъ застылъ—какъ изваянье.
Душный паръ идетъ съ земли.
Воздухъ замеръ. Рокотанье
Глухо слышится вдали...

И клубясь, несутся тучи
Черезъ горы и лѣса,
Безпощадно и могуче
Застилая небеса.

Въ хорѣ звуковъ торопливыхъ,
Все рѣдѣющемъ вокругъ,
Въ ихъ тревожныхъ переливахъ
Слышенъ трепетъ и испугъ.

Молнья первая сверкнула;
Громъ откликнулся и стихъ.
Солнце въ тучахъ потонуло,
Пали сумерки отъ нихъ.

Вѣтерокъ, дохнувъ несмѣло,
Притаился надъ землей...
Все притихло—занѣмѣло
Передъ властною грозой.

III.

Въ зной.

Вся, отъ края и до края,
Высь лазурная горитъ;
Въ дымкѣ млѣетъ даль нѣмая;
За горами вѣтеръ спитъ.

Надъ землею зной разлился
И проникъ въ лѣсную тѣнь.
Я отъ зноя истомился:
Въ сердцѣ—нѣга, въ мысляхъ—лѣнь.

Надо мной шатёръ берёзы;
Я лежу въ густой травѣ,
И обрывки вешней грезы
Смутно вьются въ головѣ.

Льется-ль пѣснь? Звёнятъ стрекозы?
Не пойму... Я опьяненъ...
И не знаю: это—грезы,
Иль баюкающій сонъ?..

А. Колтоновскій.

ВОСКРЕСШІЕ БОГИ.

ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ.

РОМАНЪ.

(*Продолженіе* *).

ТРИНАДЦАТАЯ ГЛАВА.

Багряный звѣрь.

1503.

Звѣрь, выходящій изъ бездны.
XI, 7 *Откровеніе Іоанна.*

I.

У Леонардо былъ виноградникъ близъ Флоренціи на холмѣ Фіезоле. Сосѣдъ, желая отнять кусокъ земли, затѣялъ съ нимъ тяжбу. Будучи въ Романьи, поручилъ художникъ это дѣло Джіованни Бельтраффіо, и въ концѣ марта 1503 года вызвалъ его къ себѣ въ Римъ.

По дорогѣ заѣхалъ Джіованни въ Орвіетто взглянуть на знаменитыя, недавно оконченныя фрески Лука Синьорелли въ соборѣ, въ такъ называемомъ Новомъ Придѣлѣ—Капелла Нуова. Одна изъ этихъ фресокъ изображала пришествіе Антихриста.

Лицо его поразило Джіованни. Сначала показалось оно ему злымъ, но когда онъ вглядѣлся, то увидѣлъ, что оно не злое, а только безконечно-страдальческое. Въ ясныхъ глазахъ съ тяжелымъ, кроткимъ взоромъ отражалось послѣднее отчаяніе мудрости, отрекшейся отъ Бога. Несмотря на уродливыя острыя уши сатира, искривленные пальцы, напоминавшіе когти звѣря—онъ былъ прекрасенъ. И передъ Джіованни изъ подъ этого лица выступало точно такъ же, какъ нѣкогда въ горячешномъ бреду, иное, до

*) См. «Міръ Божій», № 8, августъ.

ужаса сходное, божественное Лицо, которое онъ хотѣлъ и не смѣлъ не узнать.

Слѣва на той же картинѣ изображена была гибель Антихриста. Взлетѣвъ къ небесамъ на невидимыхъ крыльяхъ, чтобы доказать людямъ, что онъ Сынъ Человѣческій, грядущій на облакахъ судить живыхъ и мертвыхъ, врагъ Господень падалъ въ бездну, пораженный Ангеломъ. Этотъ неудавшійся полетъ, эти человѣческія крылья пробудили въ Джіованни знакомыя страшныя мысли о Леонардо.

Вмѣстѣ съ Бельтраффіо разсматривали фрески тучный, откормленный монахъ лѣтъ пятидесяти и спутникъ его, длинновязый человѣкъ неопредѣленныхъ лѣтъ, съ голоднымъ и веселымъ лицомъ, въ платьѣ кочующаго клерка, изъ тѣхъ, которыхъ въ старину звали „бродячими школярами", вагантами и голіардами.

Они познакомились съ Джіованни и поѣхали вмѣстѣ. Монахъ былъ нѣмецъ изъ Нюренберга, ученый библіотекарь августинскаго монастыря, по имени Томасъ Швейницъ. Въ Римъ ѣхалъ онъ хлопотать о спорныхъ бенефиціяхъ и пребендахъ. Спутникъ его, тоже нѣмецъ, изъ города Зальцбурга, Гансъ Платеръ, служилъ ему не то секретаремъ, не то шутомъ и конюхомъ.

По дорогѣ бесѣдовали они о дѣлахъ церкви.

Спокойно, съ научною ясностью, доказывалъ Швейницъ безсмыслицу догмата папской непогрѣшимости, увѣряя, будто бы двадцати лѣтъ не пройдетъ, какъ вся Германія возстанетъ и свергнетъ иго Римской Церкви.

„Этотъ не умретъ за вѣру, — думалъ Джіованни, глядя на сытое, круглое лицо нюренбергскаго монаха, — не пойдетъ въ огонь, какъ Савонарола, — но, какъ знать? — можетъ быть, онъ опаснѣе для Церкви".

Однажды, вечеромъ, вскорѣ по пріѣздѣ въ Римъ Джіованни встрѣтился на площади Санъ-Пьетро съ Гансомъ Платеромъ. Школяръ повелъ его въ сосѣдній переулокъ Синибальди, гдѣ было множество нѣмецкихъ постоялыхъ дворовъ для чужеземныхъ богомольцовъ,—въ маленькій винный погребъ подъ вывѣской Серебряннаго Ежа, принадлежавшій чеху гусситу, Яну Хромому, который охотно принималъ и угощалъ отборными винами своихъ единомышленниковъ—тайныхъ враговъ папы, съ каждымъ днемъ размножавшихся вольнодумцевъ, чаявшихъ великаго обновленія Церкви.

За первою общею комнатою была у Яна другая, завѣтная, куда допускались лишь избранные. Здѣсь собралось цѣлое общество. Томасъ Швейницъ сидѣлъ на верхнемъ почетномъ концѣ стола, прислонившись къ бочкѣ спиною, сложивъ толстыя руки на толстомъ животѣ. Пухлое лицо его съ двойнымъ подбород-

комъ было неподвижно, крохотные осовѣлые глазки слипались — онъ, должно быть, выпилъ лишнее. Изрѣдко подымалъ онъ стаканъ въ уровень съ пламенемъ свѣчи, любуясь блѣднымъ золотомъ рейнскаго въ граненомъ хрусталѣ.

Захожій монашекъ фра Мартино изливалъ свое негодованіе на лихоимство куріи въ однообразныхъ жалобахъ:

— Ну, возьми разъ, возьми два, но вѣдь и честь, говорю, надо знать, а то, помилуйте, что же это такое? Лучше разбойникамъ въ руки попасть, чѣмъ здѣшнимъ прелатамъ. Дневной грабежъ! Пенитенціарію дай, протонотарію дай и кубикуларію, и остіарію, и конюху, и повару, и тому, кто ведро съ помоями выноситъ у ея преподобія, кардинальской наложницы, прости Господи! Какъ въ пѣснѣ поется:

Продаютъ они Христа,
Новые Іуды...

Гансъ Платеръ всталъ, принялъ торжественный видъ, и когда всѣ умолкли, обративъ на него взоры,—возгласилъ протяжнымъ голосомъ, подражая церковному чтенію:

— Приступили къ папѣ ученики его, кардиналы и спросили: что намъ дѣлать, чтобы спастись. И сказалъ Александръ: что спрашиваете меня? въ законѣ написано, и я говорю вамъ: люби золото и серебро всѣмъ сердцемъ твоимъ и всею душою твоею, и люби богатаго, какъ самого себя. Сіе творите и живы будете. И возсѣлъ папа на престолѣ своемъ и сказалъ: блаженны имущіе, ибо узрятъ лицо мое, блаженны приносящіе. ибо нарекутся сынами моими, блаженны грядущіе во имя серебра и золота, ибо тѣхъ есть курія папская. Горе бѣднымъ, приходящимъ съ пустыми руками, лучше было бы имъ, если бы навѣсили имъ жерновъ на шею и ввергли ихъ въ море. Кардиналы отвѣтили: сіе исполнимъ. И сказалъ папа: ибо примѣръ вамъ даю, чтобы, какъ я грабилъ, такъ и вы грабили съ живого и съ мертваго.

Всѣ разсмѣялись. Органный мастеръ Отто Марпургъ, сѣденькій благообразный старичокъ съ дѣтскою улыбкою, до сихъ поръ сидѣвшій, молча, въ углу, вынулъ изъ кармана сложенные тщательно листочки и предложилъ прочесть только что полученную въ Римѣ и ходившую по рукамъ во множествѣ списковъ сатиру на Александра VI, въ видѣ безъимяннаго письма одному вельможѣ Паоло Савелли, бѣжавшему отъ преслѣдованій папы къ императору Максимиліану. Здѣсь въ длинномъ перечнѣ обличались злодѣйства и мерзости, происходившія въ домѣ римскаго первосвященника, начиная отъ симоніи, кончая братоубійствомъ Цезаря и кровосмѣшеніемъ папы съ Лукреціей, собственной дочерью. Посланіе заключалось призывомъ ко всѣмъ государямъ и

правителямъ Европы, увѣщаніемъ соединиться, дабы уничтожить „этихъ извергов, звѣрей въ человѣческомъ образѣ“:

„Антихристъ пришелъ, ибо воистину у вѣры и церкви Божьей никогда еще не было такихъ враговъ, какъ папа Александръ VI и сынъ его Цезарь“.

Послѣ чтенія всѣ заговорили, обсуждая, дѣйствительно ли папа Антихристъ.

Мнѣнія были различныя. Органщикъ Отто Марпургъ признался, что давно уже мысли эти не даютъ ему покоя, и что онъ полагаетъ, что не папа настоящій Антихристъ, а сынъ его Цезарь, который, какъ думаютъ многіе, послѣ смерти отца, сдѣлается папою. Фра Мартино доказывалъ, ссылаясь на одно мѣсто изъ книги „Восхожденіе Іесеево“, что Антихристъ, имѣя образъ человѣческій, въ дѣйствительности будетъ не человѣкомъ, а только безплотнымъ призракомъ, ибо, по словамъ святого Кирилла Александрійскаго--„сынъ погибели, грядущій во тьмѣ, именуемый Антихристомъ, есть ничто иное, какъ самъ Сатана, великій Змій, ангелъ Веліаръ, князь міра сего, пришедшій въ міръ“.

Томасъ Швейницъ покачалъ головою:

— Ошибаетесь, фра Мартино. Іоаннъ Златоустъ прямо говоритъ: „кто сей? не сатана ли? Отнюдь. Но человѣкъ всю силу его пріявшій, ибо два естества въ немъ, одно дьявольское, другое человѣческое“. Впрочемъ, ни папа, ни Цезарь не могутъ быть Антихристомъ: сыномъ дѣвы надлежитъ ему быть...

И Швейницъ привелъ выдержку изъ Ипполитовой книги „О кончинѣ міра“.

И слова Ефрема Сирина: „Дьяволъ осѣнитъ дѣву изъ колѣна Данова и внидетъ во чрево ея Змѣй похотливый, и зачнетъ, и родитъ“.

Всѣ приступили къ Швейницу съ вопросами и недоумѣніями. Ссылаясь на св. Іеронима, Кипріана, Иринея и многихъ другихъ отцовъ Церкви, монахъ разсказалъ имъ о пришествіи Антихриста.

— Одни утверждаютъ, что родится онъ въ Галилеѣ, какъ Христосъ, другіе—въ великомъ Градѣ, именуемомъ духовно Вавилономъ или Содомомъ и Гоморрою. Лицо у него будетъ, какъ лицо оборотня, и многимъ будетъ оно казаться похожимъ на лицо Христа. И сотворитъ онъ великія знаменія. Скажетъ морю,— утихнетъ, скажетъ солнцу, — померкнетъ, и горы сдвинутся, и камни обратятся въ хлѣбы, и насытитъ голодныхъ, и больныхъ исцѣлитъ, и нѣмыхъ, и слѣпыхъ, и разслабленныхъ. Воскреситъ ли мертвыхъ, не знаю, ибо въ третьей книгѣ Сибилловой сказано: воскреситъ,—но святые отцы сомнѣваются. „Надъ духами,—говоритъ Ефремъ,—власти не имѣетъ,—non habet potestatem in spi-

ritus". И притекутъ къ нему всѣ племена и народы съ четырехъ вѣтровъ неба,—Гогъ и Магогъ, такъ что земля убѣлится палатками, море—парусами. И соберетъ ихъ, и возсядетъ во Іерусалимѣ, во храмѣ Бога Всевышняго и скажетъ: я есмь Сущій, я—Сынъ и Отецъ.

— Ахъ ты, песъ окаянный!—воскликнулъ фра Мартино, не выдержавъ, и ударилъ кулакомъ по столу.—Кто же повѣритъ ему? Я такъ полагаю, фра Томасъ, младенцевъ неразумныхъ, и тѣхъ не обманетъ?

Швейницъ опять покачалъ головою:

— Повѣрятъ, многіе повѣрятъ, фра Мартино, и соблазнятся личиною святости, ибо плоть свою умертвитъ, чистоту соблюдетъ, съ женами не осквернится, отъ мяса не вкуситъ, и не только людей, но и всякую живую тварь, всякое дыханіе будетъ миловать. И какъ лѣсная куропатка, созоветъ чужой выводокъ обманчивымъ голосомъ: придите ко мнѣ, — скажетъ, — всѣ труждающіеся и обремененные, и я успокою васъ.

— Если такъ,—проговорилъ Джіованни,—кто же узнаетъ его, кто обличитъ?

Монахъ посмотрѣлъ на него глубокимъ, проникновеннымъ взоромъ и отвѣтилъ:

— Человѣку сіе невозможно—развѣ Богу. Великіе праведники, и тѣ не узнаютъ, ибо разумъ ихъ помутится, и мысли раздвоятся, такъ что не увидятъ, гдѣ свѣтъ, гдѣ тьма. И будетъ на землѣ уныніе народовъ и недоумѣніе, какихъ еще не бывало отъ начала міра. И скажутъ люди горамъ: падите и скройте насъ, и будутъ издыхать отъ страха и ожиданія бѣдствій, грядущихъ на вселенную, ибо силы небесныя поколеблются. И тогда сидящій на престолѣ во храмѣ Бога Всевышняго скажетъ: „О чемъ смущаетесь и чего хотите? Овцы ли не узнали голоса пастыря. О родъ невѣрный и лукавый! Знаменья хотите,—и будетъ вамъ знаменье. Се узрите Сына Человѣческаго грядущаго на облакахъ судить живыхъ и мертвыхъ". И возьметъ великія, огненныя крылья, устроенныя хитростью бѣсовскою, и вознесется на небо въ громахъ и молніяхъ, окруженный учениками своими, въ образѣ ангеловъ,—и полетитъ...

Джіованни слушалъ, блѣднѣя, съ горящими, неподвижными глазами, полными ужаса: ему вспоминались широкія складки въ одеждѣ Антихриста, низвергаемаго ангеломъ въ бездну на картинѣ Луки Синьорелли, и точно такія же складки, бившіяся по вѣтру, похожія на крылья страшной исполинской птицы, за плечами Леонардо да Винчи, стоявшаго у края пропасти на пустынной вершинѣ Монте-Альбано.

Въ это время за дверью въ сосѣдней общей комнатѣ, куда

скрылся школяръ, потому что не любилъ слишкомъ долгихъ ученыхъ бесѣдъ, послышались крики, дѣвичій смѣхъ, бѣготня, стукъ падающихъ стульевъ, звонъ разбитаго стакана: подвыпившій Гансъ шалилъ съ хорошенькою трактирною служанкою.

Вдругъ все на минуту затихло,—должно быть, онъ поймалъ ее, поцѣловалъ и усадилъ къ себѣ на колѣни.

Подъ рокотъ струнъ зазвучала старинная пѣсня:

Дѣва винныхъ погребовъ,
Сладостная роза,
Ave, ave, я пою,
Virgo gloriosa!
Нашъ трактирщикъ—трезвый плутъ,
Съ хитрой лисьей рожей,—
Все же погребъ твой люблю
Больше Церкви Божьей.
Отъ Киприданыхъ сѣтей
И отъ стрѣлъ Амура
Не спасаютъ клобуки,
Четки и тонзура.
За единый поцѣлуй
Я пойду на плаху.
Нацѣди-же мнѣ вина
Доброму монаху.
Не боюсь святыхъ отцовъ:
Знаемъ мы законы:
Въ Римѣ золотомъ звучатъ,—
И молчатъ каноны.
Римъ—разбойничій вертепъ,
Путь въ геенну торный.
Папа—Божьей Церкви столпъ,—
Только столбъ позорный...
Ну-же, дѣва, поцѣлуй!
Dum vinum potamus—
Богу Вакху пропоемъ:
Te Deum laudamus!

Томасъ Швейницъ прислушался, и жирное лицо его расплылось въ блаженную улыбку. Онъ поднялъ стаканъ, въ которомъ искрилось блѣдное золото рейнскаго, и тонкимъ дребезжащимъ голосомъ отвѣтилъ на старую пѣсню бродячихъ школяровъ, вагантовъ и голіардовъ, первыхъ мятежниковъ, возставшихъ на Римскую Церковь:

Богу Вакху пропоемъ:
Te Deum laudamus!

II.

Леонардо занимался анатоміей въ больницѣ Санъ-Спирито. Бельтраффіо помогалъ ему.

Однажды, замѣтивъ постоянную грусть Джіованни и желая чѣмъ-нибудь развлечь его, учитель предложилъ ему пойти вмѣстѣ съ нимъ во дворецъ папы.

Въ это время испанцы и португальцы обратились къ Александру VI за разрѣшеніемъ спорныхъ вопросовъ о владѣніи новыми землями и островами, которые были недавно открыты Христофоромъ Колумбомъ. Папа долженъ былъ окончательно освятить пограничную черту, раздѣлявшую шаръ земной, проведенную имъ десять лѣтъ назадъ при первомъ извѣстіи объ открытіи Америки. Леонардо приглашенъ былъ вмѣстѣ съ другими учеными, съ которыми папа желалъ посовѣтоваться.

Джіованни сперва отказался, но потомъ любопытство превозмогло: ему хотѣлось увидѣть того, о комъ онъ такъ много слышалъ.

На слѣдующее утро отправились они въ Ватиканъ и, пройдя большую Залу Первосвященниковъ, ту самую, гдѣ Александръ VI вручилъ Цезарю Золотую Розу, вступили во внутренніе покои,— въ пріемную, такъ-называемую Залу Христа и Божьей Матери,— потомъ въ рабочую комнату папы. Своды и полукруги,—простѣночныя лунки между арками, украшены были фресками Пинтурриккіо, картинами изъ Новаго Завѣта и житіями святыхъ.

Рядомъ на тѣхъ же сводахъ изобразилъ художникъ языческія таинства. Сынъ Юпитера — Озирисъ, богъ солнца, сходитъ съ неба, обручается съ богинею земли, Изидою, учитъ людей воздѣлывать землю, собирать плоды, насаждать лозу. Люди убиваютъ его; онъ воскресаетъ, выходитъ изъ земли и снова является подъ видомъ бѣлаго быка, непорочнаго Аписа.

Какъ ни странно было здѣсь въ покояхъ римскаго первосвященника сосѣдство картинъ изъ Новаго Завѣта съ обожествленіемъ Золотого Быка рода Борджіа подъ видомъ Аписа,—единая, всепроникающая радость жизни примиряла оба таинства — сына Іеговы и сына Юпитера: тонкіе молодые кипарисы гнулись подъ вѣтромъ между уютными холмами, подобными холмамъ пустынной Умбріи, и въ небѣ рѣявшія птицы играли въ весеннія игры любви; рядомъ со св. Елизаветой, обнимавшей Матерь Божію съ привѣтствіемъ: „Благословенъ плодъ чрева Твоего", крошечный пажъ училъ собачку стоять на заднихъ лапкахъ, и въ Обрученіи Озириса съ Изидою такой же точно шалунъ ѣхалъ голый верхомъ на жертвенномъ гусѣ: все дышало единою радостью; во всѣхъ украшеніяхъ залъ, между цвѣточными гирляндами, ангелами съ крестами и кадильницами, козлоногими пляшущими фавнами съ тирсами и корзинами плодовъ, являлся таинственный Быкъ, златобагряный Звѣрь, и отъ него-то, казалось, какъ свѣтъ отъ единаго солнца, изливалась эта радость жизни.

„Что это?—думалъ Джіованни.—Кощунство или дѣтское простодушіе? Не то же ли святое умиленіе—въ лицѣ Елизаветы, у которой младенецъ взыгралъ во чревѣ, и въ лицѣ Изиды, плачущей надъ растерзанными членами бога Озириса? Не тотъ же ли молитвенный восторгъ — въ лицѣ Александра VI, склонившаго колѣна передъ Господомъ, выдящимъ изъ гроба, и въ лицѣ египетскихъ жрецовъ, принимающихъ бога солнца, убитаго людьми и воскресшаго подъ видомъ Аписа?"

И этотъ богъ, передъ которымъ люди падаютъ ницъ, поютъ славословія, жгутъ ѳиміамъ на алтаряхъ, геральдическій быкъ рода Борджіа, преображенный золотой телецъ былъ никто иной, какъ самъ римскій первосвященникъ, обожествленный поэтами:

Caesare magna fuit, nunc Roma est maxima: Sextus
Regnat Alexander, ille vir, iste Deus.
Римъ былъ великимъ при Цезарѣ, нынѣ же сталъ величайшимъ:
Царствуетъ въ немъ Александръ: тотъ—человѣкъ, этотъ—Богъ.

И страшнѣе всякаго противорѣчія казалось Джіованни это беззаботное примиреніе Бога и Звѣря.

Разсматривая живопись, въ то же время прислушивался онъ къ разговорамъ вельможъ и прелатовъ, наполнявшихъ залы, въ ожиданіи папы.

— Откуда вы, Бельтрандо? — спрашивалъ феррарскаго посланника кардиналъ Арбореа.

— Изъ собора, монсиньоре.

— Ну, что? Какъ его святѣйшество? Не утомился ли?

— Нисколько. Такъ пропѣлъ обѣдню, что лучшаго желать нельзя. Величіе, святость, благолѣпіе ангелоподобное! Мнѣ казалось, что я не на землѣ, а на небѣ среди святыхъ божьихъ угодниковъ. И не я одинъ, многіе плакали, когда папа возносилъ чашу съ Дарами...

— Отъ какой болѣзни умеръ кардиналъ Микіеле? — полюбопытствовалъ недавно пріѣхавшій французскій посланникъ.

— Отъ пищи или питья, которыя оказались вредными его желудку,—отвѣтилъ вполголоса датарій донъ-Жуанъ Лопецъ, родомъ испанецъ, какъ большинство приближенныхъ Александра VI.

— Говорятъ,—молвилъ Бельтрандо,—будто бы въ пятницу, какъ разъ на слѣдующій день послѣ смерти Микіеле, его святѣйшество отказалъ въ пріемѣ испанскому послу, котораго ожидалъ съ такимъ нетерпѣніемъ, — извиняясь горемъ и заботою, причиненными ему смертью кардинала Микіеле.

Всѣ переглянулись.

Въ этой бесѣдѣ, кромѣ явнаго, былъ тайный смыслъ: такъ недосугъ и забота, причиненные папѣ смертью кардинала Микіеле, заключались въ томъ, что онъ весь день пересчитывалъ

деньги покойнаго; пища, вредная для желудка его преподобія, былъ знаменитый ядъ Борджіа, — сладкій бѣлый порошокъ, убивавшій постепенно, въ какіе угодно, заранѣе назначаемые сроки, или же настойка изъ высушенныхъ, протертыхъ сквозь сито, шпанскихъ мухъ. Папа изобрѣлъ этотъ быстрый и легкій способъ доставать деньги. Въ точности слѣдя за доходами всѣхъ кардиналовъ, въ случаѣ надобности, перваго, кто казался ему достаточно разбогатѣвшимъ, отправлялъ онъ на тотъ свѣтъ и объявлялъ себя наслѣдникомъ. Говорили, что онъ откармливаетъ ихъ, какъ свиней на убой. Нѣмецъ, Іоганнъ Бурхардъ, церемоніймейстеръ, то и дѣло отмѣчалъ въ дневникѣ своемъ среди описаній церковныхъ торжествъ внезапную смерть того или другого прелата, съ невозмутимою краткостью:

„Испилъ чашу. Biberat calicem“.

— А правда ли, монсиньоры, — спросилъ камерарій, тоже испанецъ, Педро Каранца,—правда ли, будто бы сегодня ночью заболѣлъ кардиналъ Монреале?

— Неужели?—воскликнулъ Арбореа въ ужасѣ.—Что же съ нимъ такое?

— Не знаю навѣрное. Тошнота, говорятъ, рвота...

— О, Господи, Господи!—тяжело вздохнулъ Арбореа и пересчиталъ по пальцамъ, — кардиналы Орсини, Феррари, Микіеле, Монреале...

— Не здѣшній ли воздухъ, или, можетъ быть, тибрская вода имѣютъ столь вредныя свойства для здоровья вашихъ преподобій?—лукаво замѣтилъ Бельтрандо.

— Одинъ за другимъ! Одинъ за другимъ! — шепталъ Арбореа, блѣднѣя,—сегодня живъ человѣкъ, а завтра...

Всѣ притихли.

Новая толпа вельможъ, рыцарей, тѣлохранителей подъ начальствомъ внучатаго племянника папы, дона Родригеца Борджіа, камераріевъ, кубикуларіевъ, датаріевъ и другихъ сановниковъ апостольской куріи хлынула въ покои изъ обширныхъ сосѣднихъ залъ Папагалло.

„Святой отецъ, святой отецъ!“ — прошелестѣлъ и замеръ почтительный шопотъ.

Толпа заволновалась, раздвинулась, двери распахнулись,—и въ пріемную вступилъ папа Александръ VI Борджіа.

III.

Въ молодости онъ былъ хорошъ собою. Разсказывали, будто бы достаточно ему было взглянуть на женщину, чтобы воспламенить ее страстью, какъ будто въ глазахъ его была сила, которая при-

тягивала къ нему женщинъ, какъ магнитъ — желѣзо. До сихъ поръ черты его, хотя расплылись въ чрезмѣрной тучности, сохраняли величественное благообразіе. У него былъ смуглый цвѣтъ лица, черепъ голый, съ остатками сѣдыхъ волосъ на затылкѣ, большой орлиный носъ, отвислый подбородокъ, маленькіе, быстрые глазки, полные живостью необыкновенною, мясистыя, мягкія губы, выдававшіяся впередъ, съ выраженіемъ сластолюбивымъ, лукавымъ и въ то же время почти дѣтски-простодушнымъ.

Напрасно Джіованни искалъ въ наружности этого человѣка чего-нибудь страшнаго или жестокаго. Александръ Борджіа обладалъ въ высшей степени даромъ свѣтскихъ приличій, врожденнымъ изяществомъ. Что бы ни говорилъ онъ и ни дѣлалъ, казалось, что именно такъ слѣдуетъ сказать и сдѣлать, и нельзя иначе.

„Папѣ семьдесятъ лѣтъ, — писалъ одинъ посланникъ изъ Рима, — но съ каждымъ днемъ молодѣетъ онъ; самыя тяжкія заботы его длятся не болѣе сутокъ; природа у него веселая; все, за что онъ берется, служитъ къ пользѣ его, да онъ, впрочемъ, и не думаетъ ни о чемъ, кромѣ славы и счастья дѣтей своихъ“.

Борджіа выводили свой родъ отъ кастильскихъ мавровъ, выходцевъ изъ Африки, и въ самомъ дѣлѣ, судя по смуглому цвѣту кожи, толстымъ губамъ и огненному взору Александра VI, въ жилахъ его текла африканская кровь.

«Нельзя себѣ представить — думалъ Джіованни, — лучшаго ореола для него, чѣмъ эти фрески Пинтуриккіо, изображающія славу древняго египетскаго Аписа, рожденнаго солнцемъ, Быка“.

Самъ старый Борджіа, несмотря на семьдесятъ лѣтъ, здоровый и могучій, какъ матерый быкъ, казался потомкомъ своего геральдическаго звѣря, златобагрянаго Быка, бога солнца, веселья, сладострастья и плодородья.

Александръ VI вошелъ въ залу, разговаривая съ евреемъ, золотыхъ дѣлъ мастеромъ, Саломоне да-Сессо, тѣмъ самымъ, который изобразилъ тріумфъ Юлія Цезаря на мечѣ Валентино. Особой милости его святѣйшества заслужилъ онъ, вырѣзавъ на плоскомъ, большомъ изумрудѣ, въ подражаніе древнимъ камнямъ, Венеру Каллипигу; папѣ такъ понравилась она, что этотъ камень велѣлъ онъ вставить въ крестъ, которымъ благословлялъ народъ во время торжественныхъ службъ въ соборѣ Петра, и, такимъ образомъ, цѣлуя Распятіе, въ то же время цѣловалъ прекрасную богиню.

Онъ, впрочемъ, не былъ безбожникомъ. Не только исполнялъ всѣ внѣшніе обряды церкви, но и въ тайнѣ сердца своего былъ набоженъ. Особливо же чтилъ Пречистую Дѣву Марію и полагалъ ее своею нарочитою заступницей, всегдашнею, теплою молитвенницей передъ Богомъ.

Лампада, которую теперь заказывалъ онъ жиду Саломоне, была даромъ, обѣщаннымъ Маріи дель Пополо за исцѣленіе мадонны Лукреціи.

Сидя у окна, разсматривалъ папа драгоцѣнные камни. Онъ любилъ ихъ до страсти. Длинными, тонкими пальцами красивой руки тихонько трогалъ ихъ, перебиралъ, выпятивъ толстыя губы съ выраженіемъ лакомымъ и сластолюбивымъ.

Особенно понравился ему большой хризопрасъ, болѣе темный, чѣмъ изумрудъ, съ таинственными искрами золота и пурпура.

Онъ велѣлъ принести изъ собственной сокровищницы шкатулку съ жемчугомъ.

Каждый разъ, какъ открывалъ онъ ее, вспоминалась ему возлюбленная дочь его Лукреція, похожая на блѣдную жемчужину. Отыскавъ глазами въ толпѣ вельможъ посланника феррарскаго герцога Альфонсо д'Эсте, своего зятя, папа подозвалъ его къ себѣ.

— Смотри же, Бельтрандо, не забудь гостинчика для мадонны Лукреціи. Не добро тебѣ къ ней возвращаться съ пустыми руками отъ дядюшки...

Онъ называлъ себя „дядюшкой" потому что въ дѣловыхъ бумагахъ именовалась мадонна Лукреція не дочерью, а племянницей его святѣйшества: римскій первосвященникъ не могъ имѣть законныхъ дѣтей.

Онъ порылся въ шкатулкѣ, вынулъ огромную, въ лѣсной орѣхъ, продолговатую, розовую индѣйскую жемчужину, которой не было цѣны, поднялъ къ свѣту и залюбовался: она представилась ему въ глубокомъ вырѣзѣ чернаго платья на матово-бѣлой груди мадонны Лукреціи, и онъ почувствовалъ нерѣшимость, кому отдать ее—герцогинѣ Феррарской или Дѣвѣ Маріи? Но тотчасъ, подумавъ, что грѣшно отнимать у Царицы Небесной обѣщанный даръ, передалъ жемчужину еврею и приказалъ ее вставить въ лампаду на самое видное мѣсто, между хризопрасомъ и карбункуломъ, подаркомъ султана.

— Бельтрандо,—снова обратился онъ къ посланнику,—когда увидишь герцогиню, скажи ей отъ меня, чтобы здорова была и усерднѣе молилась Царицѣ Небесной. Мы же, какъ видишь, милостью Господа и Приснодѣвы Маріи, всегдашней Заступницы нашей, въ здравіи совершенномъ обрѣтаемся и ей апостольское шлемъ благословеніе. А гостинчикъ доставимъ тебѣ на домъ сегодня же вечеромъ.

Испанскій посолъ, подойдя къ штатулкѣ, воскликнулъ почтительно:

— Никогда не видывалъ я такого множества жемчуга! По крайней мѣрѣ семь пшеничныхъ мѣръ?

— Восемь съ половиною!—поправилъ папа съ гордостью.—

Да, можно чести приписать, жемчужокъ изрядный! Двадцать лѣтъ коплю. У меня вѣдь дочка до перловъ охотница...

И, прищуривъ лѣвый глазъ, разсмѣялся онъ тихимъ, страннымъ смѣхомъ.

— Знаетъ, плутовка, что́ ей къ лицу. Я хочу,—прибавилъ онъ торжественно,—чтобы послѣ смерти моей у Лукреціи были лучшіе перлы въ Италіи!

И погружая обѣ руки въ жемчугъ, забиралъ онъ его пригоршнями и ссыпалъ между пальцами, сладострастно любуясь, какъ тусклыя, нѣжныя зерна струятся съ шуршаніемъ и матовымъ блескомъ.

— Все, все—для нея, для дочки нашей возлюбленной!—повторялъ онъ, захлебываясь.

И вдругъ въ горящихъ глазахъ его что-то промелькнуло, отъ чего холодъ ужаса пробѣжалъ по сердцу Джіованни, и вспомнились ему слухи о чудовищной похоти стараго Борджіа къ собственной дочери.

IV.

Его святѣйшеству доложили о Цезарѣ.

Папа пригласилъ его по важному дѣлу: французскій король, выражая черезъ своего посланника при дворѣ Ватикана неудовольствіе на враждебные замыслы герцога Валентино противъ республики флорентинской, находившейся подъ верховнымъ покровительствомъ Франціи, обвинялъ Александра VI въ томъ, что онъ поддерживаетъ сына въ этихъ замыслахъ.

Когда доложили о приходѣ сына, папа взглянулъ украдкою на французскаго посланника, подошелъ къ нему, взялъ его подъ руку, и говоря что-то на ухо, подвелъ какъ бы нечаянно къ двери той комнаты, гдѣ ожидалъ Цезарь; потомъ, войдя въ нее, оставилъ дверь, должно быть, тоже нечаянно, непритворенною, такъ что сказанное въ сосѣднемъ покоѣ могло быть услышано стоявшими у двери, въ томъ числѣ французскимъ посланникомъ.

Скоро послышались оттуда яростныя ругательства папы.

Цезарь началъ было возражать ему спокойно и почтительно. Но старикъ затопалъ на него ногами, закричалъ неистово:

— Прочь, прочь съ глазъ моихъ! Чтобъ тебѣ удавиться, собачьему сыну, блудницыну пащенку...

— Ахъ, Боже мой! Слышите?—шепнулъ французскій посланникъ своему сосѣду, венеціанскому ораторе Антоніо Джустиніани.— Они подерутся, онъ прибьетъ его!

Джустиніани только пожалъ плечами. Онъ зналъ, что, если кто кого побьетъ, то скорѣе сынъ отца, чѣмъ отецъ сына. Со вре-

мени убійства Цезарева брата, герцога Гандіи, папа трепеталъ передъ Цезаремъ, хотя полюбилъ его съ еще большею нѣжностью, въ которой суевѣрный ужасъ соединялся съ отеческою гордостью. Всѣ помнили, какъ молоденькаго камерарія Перотто, спрятавшагося отъ разгнѣваннаго герцога подъ одежду папы, Цезарь закололь на груди первосвященника, такъ что въ лицо ему брызнула кровь.

Джустиніани догадывался также, что теперешняя ссора ихъ—обманъ, что они желаютъ окончательно сбить съ толку французскаго посланника, доказавъ ему, что, если бы даже у герцога были какіе-либо тайные замыслы противъ республики, папа въ нихъ не участвуетъ. Джустиніани говаривалъ, что они всегда помогаютъ другъ другу: отецъ никогда не дѣлаетъ того, что говоритъ, сынъ никогда не говоритъ того, что дѣлаетъ.

Погрозивъ въ догонку уходившему герцогу отцовскимъ проклятьемъ и отлученіемъ отъ церкви, папа вернулся въ пріемную, весь дрожа отъ бѣшенства, задыхаясь и вытирая потъ съ побагровѣвшаго лица. Только въ самой глубинѣ его глазъ блестѣла искра тонкаго веселаго лукавства.

Подойдя къ французскому посланнику, снова отвелъ онъ его въ сторону, на этотъ разъ въ углубленіе двери, выходившей на дворъ Бельведера.

— Ваше святѣйшество,—началъ было извиняться вѣжливый французъ,—мнѣ бы не хотѣлось быть причиною гнѣва...

— А развѣ вы слышали?—простодушно изумился папа, и не давая опомниться, отечески-ласковымъ движеніемъ взялъ его за подбородокъ двумя пальцами,—знакъ особаго вниманія,—и быстро, плавно, съ неудержимымъ порывомъ заговорилъ о своей преданности королю, о чистотѣ намѣреній герцога.

Посланникъ слушалъ, отуманенный, ошеломленный и, хотя имѣлъ почти неопровержимыя доказательства обмана, готовъ былъ скорѣе не вѣрить собственнымъ глазамъ, чѣмъ выраженію глазъ, лица, голоса папы.

Старый Борджіа лгалъ естественно и вдохновенно. Никогда не обдумывалъ онъ заранѣе лжи, которая слагалась на устахъ его сама собою, такъ же невинно, почти непроизвольно, какъ въ дѣлахъ любви у женщинъ. Всю жизнь развивалъ онъ въ себѣ упражненіемъ эту способность и, наконецъ, достигъ такого совершенства, что, хотя всѣ знали, что онъ лжетъ, что, по выраженію Макіавелли, „чѣмъ менѣе было у папы желанія что-либо исполнить, тѣмъ болѣе давалъ онъ клятвъ“,—всѣ ему однако вѣрили, ибо тайна этой лжи заключалась въ томъ, что онъ и самъ себѣ вѣрилъ, какъ художникъ, увлекаясь вымысломъ.

V.

Покончивъ бесѣду съ посланникомъ, Александръ VI обратился къ своему главному секретарю Франческо Ремолино да Илерда, кардиналу Перуджіи, который нѣкогда присутствовалъ на судѣ и казни брата Джироламо Савонароллы. Онъ ожидалъ съ готовою къ подписи буллою объ учрежденіи духовной цензуры. Папа самъ обдумывалъ и составлялъ ее.

„Признавая—говорилось въ ней, между прочимъ,—пользу печатнаго станка,—изобрѣтенія, которое увѣковѣчиваетъ истину и дѣлаетъ ее доступною всѣмъ, но желая предотвратить могущее произойти для Церкви зло отъ сочиненій вольнодумныхъ и соблазнительныхъ, симъ печатать возбраняемъ какую бы то ни было книгу безъ разрѣшенія начальства духовнаго—окружного викарія или епископа“.

Выслушавъ буллу, папа обвелъ взоромъ кардиналовъ съ обычнымъ вопросомъ:

— Quod videtur? Какъ полагаете?

— Помимо книгъ печатныхъ, — возразилъ Арборея, — не должно ли принять какія-либо мѣры и противъ такихъ сочиненій рукописныхъ, какъ безъименное письмо къ Паоло Савелли?.

— Знаю,—перебилъ его папа.—Илерда показывалъ мнѣ...

— Если вашему святѣйшеству уже извѣстно...

Папа посмотрѣлъ кардиналу прямо въ глаза. Тотъ смутился.

— Ты хочешь сказать, какъ же не началъ я преслѣдованій, не постарался отыскать виновнаго? О, сынъ мой, за что же бы я сталъ преслѣдовать моего обличителя, когда въ словахъ его нѣтъ ничего, кромѣ истины?..

— Отче святый!—ужаснулся Арборея.

— Да,—продолжалъ Александръ VI голосомъ торжественнымъ и проникновеннымъ,—правъ обличитель мой! Послѣдній изъ грѣшниковъ есмь азъ,—и тать, и лихоимецъ, и прелюбодѣй, и человѣкоубійца. Трепещу и не знаю, куда скрыть лицо мое на судѣ человѣческомъ,—что же будетъ на страшномъ судилищѣ Христовомъ, когда и праведный едва оправдается. Но живъ Господь, жива душа моя! И за меня, окаяннаго вѣнчанъ былъ терніемъ, битъ по ланитамъ и распятъ, и умеръ мой Богъ на крестѣ! Довольно капли крови Его, дабы убѣлить и такого, какъ я, паче снѣга. Кто же, кто изъ васъ, обличители-братья мои, испыталъ глубины милосердія Божьяго такъ, чтобы сказать о грѣшникѣ: осужденъ?! Пусть же праведные судомъ оправдаются, мы же грѣшные—только смиреніемъ и покаяніемъ, ибо знаемъ, что нѣтъ безъ грѣха покаянія, безъ покаянія нѣтъ спасенія. И согрѣшу, и покаюсь, и паки согрѣшу, и паки восплачу о грѣхахъ моихъ,

какъ мытарь и блудница. Ей Господи, какъ разбойникъ на крестѣ, исповѣдую имя Твое. И ежели не только люди, можетъ быть, столь же грѣшные, какъ я, но и ангелы, силы, начала и власти небесныя осудятъ и отвергнутъ меня, — не умолкну, не преставу вопить къ Заступницѣ моей, Дѣвѣ Пречистой,—и знаю, Она меня помилуетъ, помилуетъ!..

Съ глухимъ рыданіемъ, потрясшимъ все тучное тѣло его, протянулъ онъ руки къ Божьей Матери въ картинѣ Пентуриккіо надъ дверью залы. Многіе думали, что въ этой фрескѣ, по желанію самого папы, художникъ придалъ ей сходство съ прекрасной римлянкой Джуліей Фарнезе, наложницей его святѣйшества, матерью Цезаря и Лукреціи.

Джіованни глядѣлъ, слушалъ и недоумѣвалъ; что̀ это — шутовство или вѣра? а можетъ быть,—и то, и другое вмѣстѣ?

— Одно еще скажу, друзья мои,—продолжалъ папа,—не себѣ въ оправданіе, а во славу Господа. Писавшій посланіе къ Паоло Савелли называетъ меня еретикомъ. Свидѣтельствуюсь Богомъ живымъ—въ семъ неповиненъ! Вы сами... или нѣтъ, вы въ лицо мнѣ правды не скажете,—но хоть ты, Илерда, я знаю, ты одинъ меня любишь и видишь сердце мое, ты не льстецъ,—скажи же мнѣ, Франческо, скажи, какъ передъ Богомъ, повиненъ ли я въ ереси?

— Отче святый, — произнесъ кардиналъ съ глубокимъ чувствомъ,—мнѣ ли тебя судить? Злѣйшіе враги твои, если читали творенія папы Александра VI — „Щитъ святой римской церкви", должны признать, что въ ереси ты неповиненъ.

— Слышите, слышите? — воскликнулъ папа, указывая на Илерду и торжествуя, какъ ребенокъ.—Если ужъ онъ меня оправдалъ, значитъ и Богъ оправдаетъ. Въ чемъ другомъ, а въ вольнодумствѣ, въ мятежномъ любомудріи вѣка сего, въ ереси неповиненъ! Ни единымъ помысломъ, ниже сомнѣніемъ богопротивнымъ не осквернилъ я души моей. Чиста и непоколебима вѣра наша. Да будетъ же булла сія о цензурѣ духовной новымъ щитомъ адамантовымъ церкви Господней!

Онъ взялъ перо и крупнымъ, дѣтски-неуклюжимъ, но величественнымъ почеркомъ вывелъ на пергаментѣ:

„Fiat. Быть по сему. Alexander Sextus episcopus, servus servorum Dei. Александръ Шестый, епископъ, рабъ рабовъ Господнихъ".

Два монаха цистеріанца изъ апостолической коллегіи „печатниковъ" „піомбаторе", подвѣсили къ буллѣ на шелковомъ шнуркѣ, продѣтомъ сквозь отверстія, въ толщѣ пергамента, свинцовый шаръ и расплющили его желѣзными щипцами въ плоскую печать съ оттиснутымъ именемъ папы и крестомъ.

— Нынѣ отпущаеши раба Твоего!—прошепталъ Илерда, подымая къ небу впалые глаза, горѣвшіе огнемъ безумной ревности.

Онъ въ самомъ дѣлѣ вѣрилъ, что, если бы положить на одну чашу вѣсовъ всѣ злодѣянія Борджіа, на другую эту буллу о духовной цензурѣ,—она перевѣсила бы.

VI.

Тайный кубикуларій приблизился къ папѣ и что-то сказалъ ему на ухо. Борджіа съ озабоченнымъ видомъ прошелъ въ сосѣднюю комнату и черезъ маленькую дверь, спрятанную ковровыми обоями,—въ узкій сводчатый проходъ, озаренный висячимъ фонаремъ, гдѣ ожидалъ его поваръ отравленнаго кардинала Монреале. До Александра VI дошли слухи, будто бы количество яда оказалось недостаточнымъ, и больной выздоравливаетъ.

Разспросивъ повара съ точностью, папа убѣдился, что, несмотря на временное улучшеніе, онъ умретъ черезъ два, три мѣсяца. Это было еще выгоднѣе, такъ какъ отклоняло подозрѣнія.

„А все-таки,—подумалъ онъ,—жаль старика! Веселый былъ, обходительный человѣкъ и добрый католикъ“.

Папа сокрушенно вздохнулъ, понуривъ голову, добродушно выпятивъ пухлыя, мягкія губы. Онъ не лгалъ: онъ въ самомъ дѣлѣ жалѣлъ кардинала, и если бы можно было отнять у него деньги, не причинивъ ему вреда,—былъ бы счастливъ.

Возвращаясь въ пріемную, папа увидѣлъ въ залѣ Свободныхъ Искусствъ, иногда служившей трапезною для маленькихъ дружескихъ полдниковъ, накрытый столъ и почувствовалъ голодъ.

Дѣленіе земного шара отложено было на послѣобѣденное время. Его святѣйшество пригласилъ гостей въ трапезную.

Столъ украшенъ былъ живыми бѣлыми лиліями въ хрустальныхъ сосудахъ, цвѣтами Благовѣщенія, которые папа особенно любилъ, потому что дѣвственная прелесть ихъ напоминала ему мадонну Лукрецію.

Блюда не были раскошными: Александръ VI въ пищѣ и питьѣ отличался умѣренностью.

Стоя въ толпѣ камераріевъ, Джіованни прислушивался къ застольной бесѣдѣ.

Датарій Донъ Жуанъ Лопецъ навелъ рѣчь на сегодняшнюю ссору его святѣйшества съ Цезаремъ и, какъ будто не подозрѣвая, что она притворная, началъ усердно оправдывать герцога.

Всѣ присоединились къ нему, превознося добродѣтели Цезаря.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, не говорите!—качалъ головою папа съ ворчливою нѣжностью. — Не знаете вы, друзья мои, что̀ это за человѣкъ. Каждый день я жду, какую еще штуку выкинетъ. Помяните слово мое, доведетъ онъ насъ всѣхъ до бѣды, да и самъ себѣ шею сломаетъ.

Глаза его блеснули отеческою гордостью.

— И въ кого только уродился, подумаешь? Вы вѣдь меня знаете,—я человѣкъ простой, безхитростный. Что на умѣ, то и на языкѣ. А Цезарь, Господь его вѣдаетъ,—все-то онъ молчитъ, все-то прячется. Вѣрите ли, мессэры, иногда кричу я на него, ругаюсь, а самъ боюсь, да, да, собственнаго сына боюсь, потому что вѣжливъ онъ, даже слишкомъ вѣжливъ, а какъ вдругъ поглядитъ, точно ножемъ въ сердце ударитъ...

Гости принялись еще усерднѣе защищать герцога.

— Ну, да ужъ знаю, знаю,—молвилъ папа съ хитрою усмѣшкою,—вы его любите, какъ родного, и намъ въ обиду не дадите.

Всѣ притихли, недоумѣвая, какихъ еще похвалъ ему нужно.

— Вотъ вы всѣ говорите: такой онъ и сякой,—продолжалъ старикъ, и глаза его загорѣлись уже неудержимымъ восторгомъ,—а я вамъ прямо скажу,—никому изъ васъ и не снилось, что такое Цезарь! О, дѣти мои, слушайте—я открою вамъ тайну сердца моего. Не себя вѣдь я въ немъ прославляю, а нѣкій высшій Промыселъ.—Два было Рима. Первый собралъ племена и народы земные подъ властью меча. Но взявшій мечъ отъ меча погибнетъ. И Римъ погибъ. Не стало въ мірѣ власти единой, и разсѣялись народы, какъ овцы безъ пастыря. Но міру нельзя быть безъ Рима. И новый Римъ хотѣлъ собрать языки подъ властью Духа, и не пошли къ нему, ибо сказано: будешь пасти ихъ жезломъ желѣзнымъ. Единый же духовный жезлъ надъ міромъ власти не имѣетъ. Я, первый изъ папъ, далъ Церкви Господней сей мечъ, сей жезлъ желѣзный, коимъ пасутся народы и собираются въ стадо единое. Цезарь—мой мечъ. И се, оба Рима, оба меча соединяются, да будетъ папа Кесаремъ и Кесарь папою, царство Духа на царствѣ Меча—въ послѣднемъ вѣчномъ Римѣ!

Старикъ умолкъ и поднялъ глаза къ потолку, гдѣ золотыми лучами, какъ солнце, сіялъ Багряный Звѣрь.

— Аминь! Аминь! Да будетъ!—вторили сановники и кардиналы.

Въ залѣ становилось душно. У папы немного кружилась голова не столько отъ вина, сколько отъ опьяняющихъ грезъ о величіи сына.

Вышли на балконъ, „рингіеру“, выходившую на дворъ Бельведера.

Внизу папскіе конюхи выводили разгоряченныхъ кобылъ и жеребцовъ изъ конюшенъ.

. . . .

Окруженный кардиналами и вельможами церкви, долго любовался папа этимъ зрѣлищемъ.

Но мало-по-малу лицо его омрачилось: онъ вспомнилъ, ма-

донну Лукрецію. Образъ дочери всталъ передъ нимъ, какъ живой: бѣлокурая, голубоглазая, съ немного толстыми губами, въ отца, вся свѣжая, нѣжная, какъ жемчужина, безконечно-покорная, тихая, во злѣ не знающая зла, въ послѣднемъ ужасѣ грѣха непорочная и безстрастная. Вспомнилъ онъ также съ возмущеніемъ и ненавистью теперешняго мужа ея, феррарскаго герцога Альфонсо д'Эсте. Зачѣмъ онъ отдалъ ее, зачѣмъ согласился на этотъ бракъ?

. . . .

Тяжело вздохнувъ и понуривъ голову, какъ будто вдругъ почувствовавъ на плечахъ своихъ бремя старости, вернулся онъ въ пріемную.

VII.

Здѣсь уже приготовлены были сферы, карты, циркули, компасы для проведенія великаго меридіана, который долженъ былъ пройти въ трехъ стахъ семидесяти португальсктхъ „легвахъ" къ западу отъ острововъ Азорскихъ и Зеленаго Мыса. Мѣсто это выбрано было потому, что именно здѣсь, какъ утверждалъ Колумбъ, находился „пупъ земли", отростокъ грушевиднаго глобуса, подобный сосцу женской груди,—гора, достигающая лунной сферы небесъ, въ существованіи коей убѣдился онъ по отклоненію магнитной стрѣлки компаса во время перваго своего путешествія.

Отъ крайней западной точки Португалліи съ одной стороны и береговъ Бразиліи—съ другой, отмѣтили равныя разстоянія до предполагаемой черты. Впослѣдствіи кормчіе и астрономы должны были съ бо́льшею точностью опредѣлить эти разстоянія днями морского пути.

Папа сотворилъ молитву, благословилъ земную сферу тѣмъ самымъ крестомъ, въ который вставленъ былъ изумрудъ съ Венерой Каллипигою, и, обмакнувъ кисточку въ красныя чернила, провелъ по Атлантическому океану отъ сѣвернаго полюса къ южному великую миротворную черту. Всѣ острова и земли, открытые или имѣвшіе быть открытыми къ востоку отъ этой черты, принадлежали Испаніи, къ западу—Португаліи.

Такъ, однимъ движеніемъ руки своей разрѣзалъ онъ шаръ земли пополамъ, какъ яблоко, и раздѣлилъ его между христіанскими народами.

Въ это мгновеніе, казалось Джіованни, Александръ VI, благолѣпный и торжественный, полный сознаніемъ своего могущества, походилъ на предсказаннаго имъ міродержавнаго кесаряпапу, объединителя двухъ царствъ—земного и небеснаго, отъ міра и не отъ міра сего.

Въ тотъ же день, вечеромъ, въ своихъ покояхъ въ Ватиканѣ Цезарь давалъ его святѣйшеству и кардиналамъ пиръ, на которомъ присутствовало пятьдесятъ прекраснѣйшихъ римскихъ „благородныхъ блудницъ“, meretrices honestae nuncupatae.

. . . .

Такъ отпраздновали въ Ватиканѣ достопамятный день Римской Церкви, ознаменованный двумя великими событіями—раздѣленіемъ шара земного и учрежденіемъ духовной цензуры.

Леонардо присутствовалъ на этомъ ужинѣ и видѣлъ все. Приглашеніе на подобныя непристойныя празднества считалось величайшею милостью, отъ которой невозможно было отказаться.

Въ ту же ночь, вернувшись домой, писалъ онъ въ дневникѣ:

„Правду говоритъ Сенека: въ каждомъ человѣкѣ есть богъ и звѣрь, связанные вмѣстѣ“.

И далѣе, рядомъ съ анатомическимъ рисункомъ:

„Мнѣ кажется, что люди съ низкими душами, съ презрѣнными страстями недостойны такого прекраснаго и сложнаго строенія тѣла, какъ люди великаго разума и созерцанія: довольно съ нихъ было бы мѣшка съ двумя отверстіями, однимъ—чтобы принимать, другимъ—чтобы выбрасывать пищу, ибо воистину они не болѣе, какъ проходъ для пищи, какъ наполнители выгребныхъ ямъ. Только лицомъ и голосомъ похожи на людей, во всемъ остальномъ—хуже скотовъ“.

Утромъ Джіованни засталъ учителя въ мастерской за работой надъ святымъ Іеронимомъ.

Въ пещерѣ, подобной львиному логову, отшельникъ, стоя на колѣняхъ и глядя на Распятіе, бьетъ себя камнемъ въ грудь съ такою силою, что прирученный левъ, лежащій у ногъ его, смотритъ ему въ глаза, открывъ пасть, должно быть, съ протяжнымъ, унылымъ рыканіемъ, какъ будто звѣрю жаль человѣка.

Бельтраффіо вспомнилъ другую картину Леонардо — бѣлую Леду съ бѣлымъ Лебедемъ, богиню сладострастія, объятую пламенемъ на кострѣ Савонаролы. И опять, какъ уже столько разъ, спрашивалъ себя Джіованни: какая изъ этихъ двухъ противоположныхъ безднъ ближе сердцу учителя,—или обѣ одинаково близки?

VIII.

Наступило лѣто. Въ городѣ свирѣпствовала гнилая лихорадка Понтійскихъ болотъ — „mal'aria“. Въ концѣ іюля и въ началѣ августа не проходило дня, чтобы не умиралъ кто-нибудь изъ приближенныхъ папы.

Въ послѣдніе дни казался онъ тревожнымъ и печальнымъ. Но не страхъ смерти, а иная, давнишняя тоска мучила его. тоска по

мадоннѣ Лукреціи. У него и прежде бывали такіе припадки неистовыхъ желаній, слѣпыхъ и глухихъ, подобныхъ безумію, и онъ самъ боялся ихъ: ему казалось, что, если онъ не утолитъ ихъ тотчасъ, они задушатъ его.

Онъ писалъ ей, умоляя пріѣхать, хотя бы на нѣсколько дней, надѣясь потомъ удержать ее силою. Она отвѣтила, что мужъ не пускаетъ ее. Ни передъ какимъ злодѣяніемъ не остановился бы старый Борджіа, чтобы истребить этого послѣдняго ненавистнѣйшаго зятя своего такъ же, какъ уже истребилъ онъ всѣхъ остальныхъ мужей Лукреціи. Но съ герцогомъ Феррары шутки были плохи: у него была артиллерія, лучшая во всей Италіи.

Пятаго августа отправился папа на загородную виллу кардинала Адріана. За ужиномъ, не смотря на предостереженіе врачей, ѣлъ свои любимыя, пряныя блюда, запивалъ тяжелымъ сицилійскимъ виномъ и долго наслаждался опасною свѣжестью римскаго вечера.

На слѣдующее утро почувствовалъ недомоганіе. Впослѣдствіи разсказывали, будто бы, подойдя къ открытому настежъ окну, увидѣлъ онъ сразу два похоронныхъ шествія —одного изъ своихъ камерлинговъ и мессэра Гульельмо Раймондо. Оба покойника были тучными.

— Опасное время года для нашего брата, тучныхъ людей,— молвилъ, будто бы, папа.

И только что онъ это сказалъ, горлинка влетѣла въ окно, ударилась объ стѣну и, оглушенная, упала къ ногамъ его святѣйшества.

— Дурная примѣта! Дурная примѣта! — прошепталъ онъ, блѣднѣя, тотчасъ же удалился въ опочивальню и легъ.

Ночью сдѣлалась съ нимъ тошнота и рвота.

Врачи опредѣляли болѣзнь различно: одни называли „терціаною“, третичною лихорадкою, другіе—разлитіемъ желчи, третьи— „кровянымъ ударомъ“. По городу ходили слухи объ отравленіи.

Съ каждымъ часомъ папа ослабѣвалъ. 16 го августа рѣшили прибѣгнуть къ послѣднему средству,—лѣкарству изъ толченыхъ драгоцѣнныхъ камней. Отъ него больному сдѣлалось еще хуже.

Однажды ночью, очнувшись отъ забытья, сталъ онъ шарить на груди подъ рубашкою. Въ теченіе многихъ лѣтъ Александръ VI носилъ на себѣ маленькій золотой ковчежецъ, натѣльную дароносицу въ видѣ шарика съ частицами Крови и Тѣла Господня. Астрологи предсказали ему, что онъ не умретъ, пока будетъ ее имѣть при себѣ. Самъ ли онъ потерялъ ее, или укралъ кто-нибудь изъ бывшихъ при немъ, желая ему смерти — осталось тайною. Узнавъ, что нигдѣ не могутъ отыскать ее, онъ смежилъ глаза съ безнадежною покорностью и произнесъ:

— Значитъ, умру. Кончено.

Утромъ 17-го августа, почувствовавъ смертельную слабость, велѣлъ онъ выйти всѣмъ, и подозвавъ къ себѣ любимаго врача своего, епископа Ванозы, напомнилъ ему о способѣ лѣченія, изобрѣтенномъ однимъ евреемъ, врачемъ Иннокентія VIII, перелившимъ, будто бы, въ жилы умирающаго папы кровь трехъ младенцевъ.

— Ваше святѣйшество,—возразилъ епископъ,— вамъ извѣстно, чѣмъ кончился этотъ опытъ?..

— Знаю, знаю, — пролепеталъ папа.—Но, можетъ быть, не удалось потому, что дѣти были семи, восьми лѣтъ, а нужно, говорятъ, самыхъ маленькихъ, грудныхъ...

Епископъ ничего не отвѣтилъ. Глаза больного померкли. Онъ уже бредилъ:

— Да, да, самыхъ маленькихъ... бѣленькихъ... Кровь у нихъ чистая, алая... Я дѣтокъ люблю. Не мѣшайте имъ. Sinite parvulos ad me venire. Не возбраняйте малымъ приходить ко мнѣ...

Отъ этого бреда въ устахъ умирающаго намѣстника Христова покоробило даже невозмутимаго, ко всему привыкшаго епископа.

Однообразнымъ, безпомощнымъ, словно утопающій, судорожно-торопливымъ движеніемъ руки, папа все еще шарилъ, щупалъ, искалъ на груди своей пропавшей дароносицы съ Тѣломъ и Кровью Господнею.

Во время болѣзни ни разу не вспомнилъ онъ о дѣтяхъ. Узнавъ, что Цезарь тоже при смерти, остался равнодушенъ. Когда же спросили его, не желаетъ ли онъ, чтобы сыну или дочери была передана его послѣдняя воля, отвернулся молча, какъ будто для него уже не было тѣхъ, кого всю жизнь любилъ онъ такою безмѣрною любовью.

18-го августа, въ пятницу, утромъ, онъ исповѣдался духовнику своему, епископу Каринола, Пьеро Гамбоа, и пріобщился.

Къ повечерію стали читать отходную. Нѣсколько разъ умирающій усиливался что-то сказать, сдѣлать знакъ рукою. Кардиналъ Илерда наклонился къ нему и по слабымъ звукамъ, выходившимъ изъ устъ его, понялъ, что папа говоритъ:

— Скорѣй... скорѣй... читай молитву Заступницѣ...

Хотя по церковному чину надъ умирающими молитву эту читать не полагалось, Илерда исполнилъ послѣднюю волю друга и прочелъ: Stabat Mater Dolorosa.

На Голгоѳѣ Матерь Божья
Ты стояла у подножья
Древа Крестнаго, гдѣ былъ
Распятъ Сынъ Твой,—и, разящій,
Душу Матери Скорбящей
Смертной муки мечъ пронзилъ.

Какъ Онъ умеръ, Сынъ твой нѣжный,
Одинокій, безнадежный,
Очи видѣли Твои.

. . . .

Не отринь меня, о Дѣва,
Дай и мнѣ стоять у Древа
Обагреннаго,—въ крови,—
Ибо, видишь, сердце жаждетъ
Пострадать, какъ Сынъ Твой страждетъ.
Дѣва дѣвъ, Родникъ любви,
Дай мнѣ болью ранъ упиться,
Крестной мукой насладиться,
Мукой Сына Твоего,
Чтобъ огнемъ любви сгорая
И томясь, и умирая,
Мнѣ увидѣть славу рая
Въ смерти Бога моего!

Невыразимое чувство блеснуло въ глазахъ Александра VI, какъ будто онъ уже видѣлъ предъ собою Заступницу. Съ послѣднимъ усиліемъ протянулъ онъ руки, весь встрепенулся, приподнялся, повторилъ коснѣющимъ языкомъ:

— „Не отринь меня, о, Дѣва!“ —упалъ на подушки, и его не стало.

IX.

Въ это время Цезарь также былъ между жизнью и смертью.

Врачъ—епископъ Гаспаре Торелла подвергъ его необычайному способу лѣченія: велѣлъ распороть брюхо мулу и погрузить больного, потрясаемаго ознобомъ, въ окровавленныя, дымящіяся внутренности. Потомъ окунули его въ ледяную воду. Не столько лѣченіемъ, сколько неимовѣрнымъ усиліемъ воли Цезарь побѣдилъ болѣзнь.

Въ эти страшные дни сохранялъ онъ совершенное спокойствіе и самообладаніе. Слѣдилъ за происходившими событіями, выслушивалъ доклады, диктовалъ письма, отдавалъ приказанія. Когда пришла вѣсть о кончинѣ папы, онъ велѣлъ перенести себя черезъ потайной ходъ изъ Ватикана въ крѣпость св. Ангела.

По городу распространялись цѣлыя сказанія о смерти Александра VI. Венеціанскій посланникъ Марино Сануто доносилъ республикѣ, будто бы умирающій видѣлъ обезьяну, которая дразнила его, прыгая по комнатѣ, и когда одинъ изъ кардиналовъ предложилъ поймать ее, воскликнулъ въ ужасѣ: „оставь её, оставь; это —дьяволъ!“ Lasolo, lasolo, chè il diavolo! Другіе разсказывали, что онъ повторялъ: „иду, иду, только погоди еще немного“, и объясняли это тѣмъ, что, находясь въ конклавѣ, из-

биравшемъ папу послѣ кончины Иннокентія VIII,—Родриго Борджіа, будущій Александръ VI заключилъ договоръ съ дьяволомъ, продавъ ему душу свою за двѣнадцать лѣтъ папскаго владычества. Увѣряли также, будто бы за минуту до смерти папы у изголовья его появилось семь бѣсовъ, и только что онъ умеръ, тѣло его начало разлагаться, кипѣть, выбрасывая пѣну изо рта, точно котелъ на огнѣ, стало поперекъ себя толще, вздулось горою, утративъ всякій человѣческій образъ, и почернѣло, „какъ уголь или самое черное сукно, а лицо сдѣлалось, какъ лицо эѳіопа".

По обычаю, передъ погребеніемъ римскаго первосвященника, слѣдовало служить заупокойныя обѣдни въ соборѣ св. Петра въ теченіе девяти дней. Но таковъ былъ ужасъ, внушаемый останками папы, что никто не хотѣлъ надъ нимъ служить. Вокругъ тѣла не было ни свѣчей, ни лампадъ, ни ѳиміама, ни чтецовъ, ни стражей, ни молящихся. Долго не могли найти гробовщиковъ. Наконецъ, отыскалось шесть негодяевъ, готовыхъ на все за стаканъ вина. Гробъ оказался не въ пору. Тогда съ головы папы сняли трехвѣнечную тіару, набросили на него, вмѣсто покрова, дырявый коверъ и кое-какъ пинками втиснули тѣло въ слишкомъ короткій и узкій ящикъ. Другіе увѣряли, будто бы, не удостоивъ гроба, сволокли его въ яму за ноги, привязавъ къ нимъ веревку, какъ падаль или трупъ зачумленнаго.

Но и послѣ того, какъ тѣло зарыли, не было ему покоя: суевѣрный ужасъ въ народѣ все увеличивался. Казалось, что въ самомъ воздухѣ Рима къ смертоносному дыханью маларіи присоединился новый невѣдомый, еще болѣе отвратительный и зловѣщій смрадъ. Въ соборѣ св. Петра стала являться черная собака, которая бѣгала съ неимовѣрною скоростью правильными расходящимися кругами. Жители Борго не смѣли выходить изъ домовъ съ наступленіемъ сумерекъ. И многіе были твердо увѣрены въ томъ, что папа Александръ VI умеръ не настоящею смертью,—воскреснетъ, сядетъ снова на престолъ,—и тогда начнется царство Антихриста.

Обо всѣхъ этихъ событіяхъ и слухахъ Джіованни подробно узнавалъ въ переулкѣ Синибальди, въ погребѣ чеха-гуссита, Яна Хромого.

X.

Въ это время Леонардо, вдали отъ всѣхъ, безмятежно работалъ надъ картиною, которую началъ давно по заказу монаховъ-сервитовъ для церкви ихъ, Санта-Марія дель Аннунціата во Флоренціи, и потомъ, будучи на службѣ Цезаря Борджіа, продолжалъ, со своею обычною медлительностью. Картина изображала св. Анну и Дѣву Марію.

Среди пустыннаго горнаго пастбища, на высотѣ, откуда виднѣются голубыя острыя вершины дальнихъ горъ и тихія озера, Дѣва Марія, по старой привычкѣ сидя на колѣняхъ матери, удерживаетъ Іисуса младенца, который схватилъ ягненка за уши, пригнулъ его къ землѣ и поднялъ ножку съ шаловливою рѣзвостью, чтобы вскочить верхомъ. Св. Анна подобна вѣчно юной Сибиллѣ. Улыбка опущенныхъ глазъ ея, тонкихъ, извилистыхъ губъ, неуловимо скользящая, полная тайны и соблазна, какъ прозрачно глубокая вода,—улыбка змѣиной мудрости, напоминала Джіованни улыбку самаго Леонардо. Рядомъ съ нею младенчески ясный ликъ Маріи дышалъ простотою голубиною. Марія была совершенная любовь, Анна—совершенное познаніе. Марія—знаетъ, потому что любитъ, Анна—любитъ, потому что знаетъ. И Джіованни казалось, что, глядя на эту картину онъ понялъ впервые слово учителя: великая любовь есть дочь великаго познанія.

Въ то же время Леонардо исполнялъ рисунки разнообразныхъ машинъ, гигантскихъ подъемныхъ лебедокъ, водокачальныхъ насосовъ, приборовъ для вытягиванія проволокъ, пилъ для самаго твердаго камня, станковъ сверлящихъ для выдѣлки желѣзныхъ прутьевъ,—твацкихъ, суконострижныхъ, канатопрядильныхъ, гончарныхъ.

И Джіованни удивлялся тому, что учитель соединяетъ эти двѣ работы—надъ машинами и надъ св. Анною. Но соединеніе не было случайнымъ.

„Я утверждаю,—писалъ онъ въ началахъ механики,—что сила есть нѣчто духовное, незримое,—духовное, потому что въ ней жизнь безтѣлесная, незримое, потому что тѣло, въ которомъ рождается сила, не мѣняетъ ни вѣса, ни вида".

И съ одинаковой радостью, созерцалъ онъ, какъ по членамъ прекрасныхъ машинъ, колесамъ, рычагамъ, пружинамъ, дугамъ, приводнымъ ремнямъ, безконечнымъ винтамъ, щурупамъ, стержнямъ, могучимъ желѣзнымъ валамъ и маленькимъ зубчикамъ, спицамъ, тончайшимъ калевкамъ ходитъ сила, переливается, и точно такъ же—любовь, сила духа, которою движутся міры, течетъ, переливается отъ неба къ землѣ, отъ матери къ дочери, отъ дочери къ внуку, таинственному Агнцу, чтобы, совершая вѣчный кругъ, вернуться вновь къ Началу своему.

Участь Леонардо рѣшалась вмѣстѣ съ участью Цезаря. Несмотря на спокойствіе и отвагу, которыя сохранялъ онъ, „великій знатокъ судьбы"—по выраженію Макіавелли, чувствовалъ, что счастье отъ него отвернулось. Узнавъ о смерти папы и болѣзни герцога, враги его соединились, захватили земли Римской Кампаньи. Просперо Колонна подступалъ къ воротамъ города; Вителли двигался на Читта ди Кастелло; Джіанъ Паоло Бальони—

на Перуджію; Урбино возмутилось; Камерино, Кальи, Піомбино,—одно за другимъ,—отпадали; конклавъ, открытый для избранія новаго папы, требовалъ удаленія герцога изъ Рима. Все измѣняло, все рушилось.

И тѣ, кто недавно трепетали передъ нимъ, теперь издѣвались, привѣтствовали гибель его, лягали издыхающаго льва ослинымъ копытомъ. Поэты слагали эпиграммы:

— «Или ничто, или Цезарь!»—А если и то, и другое?
Цезаремъ ты уже былъ, будешь ты скоро ничѣмъ.

Однажды во дворцѣ Ватикана, бесѣдуя съ венеціанскимъ посланникомъ Антоніо Джустиніани, тѣмъ самымъ, который во дни величія герцога предсказывалъ, что онъ „сгоритъ, какъ соломенный огонь", Леонардо завелъ рѣчь о мессэрѣ Никколò Макіавелли.

— Говорилъ ли онъ вамъ про свое сочиненіе о государственной наукѣ?

— Какъ же, бесѣдовали не разъ. Мессэръ Никколò, конечно, изволитъ шутить. Никогда не выпуститъ онъ въ свѣтъ этой книги. Развѣ о такихъ предметахъ пишутъ? Давать совѣты правителямъ, разоблачать передъ народомъ тайны власти, доказывать, что всякое государство есть ничто иное, какъ насиліе, прикрытое личиной правосудія,—да вѣдь это все равно, что куръ учить лисьимъ хитростямъ, вставлять овцамъ волчьи зубы. Сохрани насъ Боже отъ такой политики!

— Вы полагаете,—молвилъ художникъ,—что мессэръ Никколò заблуждается и перемѣнитъ свои мысли?

— Ничуть. Я съ нимъ совершенно согласенъ. Такъ надо дѣлать, какъ онъ говоритъ, но не говорить. Впрочемъ, если онъ и выпуститъ въ свѣтъ эту книгу,—никто не пострадаетъ, кромѣ него самаго. Богъ милостивъ, овцы и куры повѣрятъ, какъ вѣрили донынѣ своимъ законнымъ повелителямъ, волкамъ и лисицамъ, которые обвинятъ его въ дьявольской политикѣ,—въ лисьей хитрости, въ волчьей лютости. И все останется по прежнему. По крайней мѣрѣ на нашъ вѣкъ хватитъ.

XI.

Осенью 1503 года, пожизненный гонфалоньеръ флорентинской республики Пьеро Содерини пригласилъ къ себѣ Леонардо на службу, намѣреваясь послать его въ качествѣ военнаго механика въ Пизанскій лагерь для устройства осадныхъ машинъ.

Художникъ проводилъ въ Римѣ послѣдніе дни.

Однажды, вечеромъ, бродилъ онъ на холмѣ Палатинскомъ. Тамъ, гдѣ возвышались нѣкогда дворцы императоровъ Августа, Калигулы, Септимія Севера, — теперь только вѣтеръ шумѣлъ въ

развалинахъ, и между сѣрыми оливами слышалось блеяніе пасущихся овецъ да стрекотаніе кузнечиковъ. Судя по множеству обломковъ бѣлаго мрамора, изваянія боговъ невѣдомой прелести почивали въ землѣ, какъ мертвецы, ожидающіе воскресенія. Вечеръ былъ ясный. Кирпичные остовы арокъ, сводовъ и стѣнъ, озаренные солнцемъ, горячо алѣли въ темно-синемъ небѣ. И царственнѣе, чѣмъ пурпуръ и золото, которые нѣкогда украшали чертоги римскихъ императоровъ, былъ пурпуръ и золото осеннихъ листьевъ.

На сѣверномъ склонѣ холма недалеко отъ садовъ Капроника, Леонардо, стоя на колѣняхъ, раздвигалъ травы и внимательно разсматривалъ осколокъ мрамора съ тонкимъ узоромъ.

На узкой тропинкѣ изъ кустовъ вышелъ человѣкъ. Леонардо взглянулъ на него, всталъ, взглянулъ еще разъ, подошелъ и воскликнулъ:

— Вы ли это, мессэръ Никколò? — и не дожидаясь отвѣта, обнялъ его и поцѣловалъ какъ родного.

Одежда секретаря Флоренціи казалась еще старѣе и бѣднѣе, чѣмъ въ Романьѣ: видно было, что правители республики попрежнему не баловали его,—держали въ черномъ тѣлѣ. Онъ похудѣлъ; бритыя щеки осунулись; длинная, тонкая шея вытянулась; плоскій утиный носъ выдавался впередъ еще острѣе, и ярче горѣли глаза лихорадочнымъ блескомъ.

Леонардо сталъ разспрашивать его, надолго ли онъ въ Римъ и съ какими порученіями. Когда художникъ упомянулъ о Цезарѣ, Никколò отвернулся, избѣгая взоровъ его и пожимая плечами, возразилъ холодно, съ напускною небрежностью:

— По волѣ судебъ я былъ въ моей жизни свидѣтелемъ такихъ событій, что давно уже не удивляюсь ничему...

И видимо желая перемѣнить разговоръ, спросилъ, въ свою очередь, Леонардо, чтò онъ подѣлываетъ. Узнавъ, что художникъ поступилъ на службу флорентинской республики, Макіавелли только махнулъ рукою:

— Не обрадуетесь! Богъ знаетъ, чтò лучше,—злодѣянія такого героя, какъ Цезарь, или добродѣтели такого муравейника, какъ наша республика. Впрочемъ, одно стоитъ другого. Меня спросите: я вѣдь кое-что знаю о прелестяхъ народнаго правленія! —усмѣхнулся онъ своею горькою циническою усмѣшкою.

Леонардо сообщилъ ему слова Антоніо Джустиніани о лисьей хитрости, которой будто-бы онъ, Макіавелли, собирается учить куръ, о волчьихъ зубахъ, которые онъ хочетъ вставить овцамъ.

— Что правда, то правда, — добродушно разсмѣялся Никколò. — Раздразню я гусей, — отсюда вижу, какъ честные люди готовы будутъ сжечь меня на кострѣ за то, что я первый заго-

ворилъ о томъ, что дѣлаютъ всѣ. Тиранны объявятъ меня бунтовщикомъ народа, народъ—приспѣшникомъ тиранновъ, святоши—безбожникомъ, добрые—злымъ, а злые возненавидятъ меня больше всѣхъ, потому что я буду имъ казаться злѣе, чѣмъ сами они.

И онъ прибавилъ съ тихою грустью:

— Помните наши бесѣды въ Романьи, мессэръ Леонардо? Я часто думаю о нихъ, и мнѣ кажется иногда, что у насъ съ вами общая судьба. Открытіе новыхъ истинъ всегда было и будетъ столь же опасно, какъ открытіе новыхъ земель. У тиранновъ и толпы, у малыхъ и великихъ—мы съ вами вездѣ чужіе, лишніе,—бездомные бродяги, вѣчные изгнанники. Кто не похожъ на всѣхъ, тотъ одинъ противъ всѣхъ, ибо міръ созданъ для черни, и нѣтъ въ немъ никого, кромѣ черни. — Такъ-то, другъ мой,—продолжалъ онъ еще тише и задумчивѣе,—скучно, говорю я жить на свѣтѣ, и, пожалуй, самое скверное въ жизни, не заботы, не болѣзни, не бѣдность, не горе,—а скука.

Молча спустились они по западному склону Палатино и тѣсной грязной улицей Делла-Консолаціоне вышли къ подножію Капитолія, къ развалинамъ храма Сатурна, къ мѣсту, гдѣ нѣкогда былъ Римскій Форумъ.

XII.

По обѣимъ сторонамъ древней Священной Улицы, Сакра Віа отъ арки Септимія Севера до амфитеатра Флавіевъ лѣпились жалкіе, ветхіе домики. Разсказывали, будто бы основанія многихъ изъ нихъ сложены были изъ обломковъ драгоцѣнныхъ изваяній, изъ членовъ олимпійскихъ боговъ. Въ теченіе столѣтій Форумъ служилъ каменоломнею. Въ развалинахъ языческихъ капищъ уныло и робко ютились христіанскія церкви. Наслоенія уличнаго мусора, пыли, навоза возвысили уровень почвы больше, чѣмъ на десять локтей. Но все еще кое-гдѣ возносились древнія колонны съ обломками архитравовъ, грозившихъ паденіемъ.

Никколо указалъ спутнику мѣсто Римскаго Сената, Куріи, Народнаго Собранія, теперь называвшееся Коровьимъ Полемъ. Здѣсь былъ скотный рынокъ. Пары бѣлыхъ круторогихъ быковъ и черныхъ буйволовъ лежали на землѣ; свиньи хрюкали въ лужахъ; поросята визжали. И упавшія мраморныя колонны, плиты съ полустертыми надписями, облѣпленныя скотскимъ пометомъ, утопали въ черной, жидкой грязи. Къ тріумфальной аркѣ Тита Веспасіана прислонилась старая рыцарская башня, нѣкогда разбойничье гнѣздо бароновъ Франджипани. Тутъ же передъ аркою была харчевня для земледѣльцевъ, пріѣзжавшихъ на скотный рынокъ. Изъ оконъ слышались крики ругавшихся женщинъ и вы-

леталъ клубами чадъ прогорклаго масла и жареной рыбы. На веревкѣ сушились лохмотья. Старый нищій съ лицомъ, изможденнымъ лихорадкой, сидя на камнѣ, завертывалъ въ рубище больную, распухшую ногу.

Внутри, по обѣимъ сторонамъ побѣдной арки было два барельефа: на одномъ — императоръ Титъ Веспасіанъ, завоеватель Іерусалима, въ тріумфальномъ шествіи на колесницѣ, запряженной квадригою; на другомъ — еврейскіе плѣнники въ оковахъ, съ трофеями побѣдителя, жертвенною трапезою Іеговы, хлѣбами предложенія и семисвѣщниками Соломонова храма; вверху, посрединѣ свода,—ширококрылый орелъ, возносящій на Олимпъ обожествленнаго Кесаря. На челѣ воротъ Никколо̀ прочелъ уцѣлѣвшую надпись: „Senatus populusque Romanus divo Tito divi Vespasiani filio Vespasiano Augusto“.

Солнце, проникая подъ арку со стороны Капитолія, озарило тріумфъ императора послѣдними багровыми лучами сквозь голубоватыя, подобныя облакамъ ѳиміама, смрадныя волны кухоннаго чада.

И сердце Никколо̀ болѣзненно сжалось, когда, въ послѣдній разъ оглянувшись на Форумъ, увидѣлъ онъ розовый отблескъ вечерняго свѣта на трехъ одинокихъ колоннахъ изъ бѣлаго мрамора передъ церковью Маріи-Либератриче. Унылый, дряхло-лепечущій звонъ колоколовъ, вечерній благовѣстъ—Ave Maria—казался похоронной жалобой надъ Римскимъ Форумомъ.

Они вошли въ Колизей.

— Да,—проговорилъ Никколо, глядя на исполинскія глыбы камня въ стѣнахъ амфитеатра, — тѣ, кто умѣли строить такія зданія—не намъ чета. Только здѣсь, въ Римѣ чувствуешь, какая разница между нами и древними. Куда ужъ соперничать съ ними! Мы и представить себѣ не можемъ, что это были за люди...

— Мнѣ кажется,—возразилъ Леонардо медленно, какъ будто съ усиліемъ, выходя изъ задумчивости,— мнѣ кажется, Никколо̀, вы не правы. Есть и у нынѣшнихъ людей сила не меньшая, чѣмъ у древнихъ,—только иная...

— Ужъ не христіанское ли смиреніе?

— Да, между прочимъ, и смиреніе...

— Можетъ быть,—произнесъ Макіавелли холодно.

Они присѣли отдохнуть на нижнюю, полуразрушенную ступень амфитеатра.

— Только я полагаю,—продолжалъ Никколо̀ съ внезапнымъ, неудержимымъ порывомъ,—я полагаю, что людямъ слѣдовало бы или принять, или отвергнуть ученіе Христа. Мы же не сдѣлали ни того, ни другого. Мы—не христіане и не язычники. Отъ одного отстали, къ другому не пристали. Быть добрыми силы не имѣемъ,

быть злыми страшимся. Мы—ни черные, ни бѣлые, только сѣрые, ни холодные, ни горячіе, только теплые. Такъ изолгались, измалодушествовались, виляя, хромая на обѣ ноги между Христомъ и Веліаромъ, что нынче ужъ и сами, кажется не знаемъ, чего хотимъ, куда идемъ. Древніе, тѣ, по крайней мѣрѣ, знали и дѣлали все до конца, и не лицемѣрили, не подставляли правой щеки тому, кто ударялъ ихъ по лѣвой. Ну, а съ тѣхъ поръ, какъ люди повѣрили, что ради блаженства на небѣ должно терпѣть всякую неправду и насиліе на землѣ, негодямъ открылось великое и безопасное поприще. И что же въ самомъ дѣлѣ, какъ не это новое ученіе обезсилило міръ и отдало его въ жертву мерзавцамъ?..

Голосъ его дрожалъ, глаза горѣли почти безумною ненавистью, лицо исказилось, какъ бы отъ нестерпимой, внутренней боли.

Леонардо молчалъ. Въ душѣ его проходили ясныя, дѣтскія мысли, такія простыя, что онъ не съумѣлъ бы ихъ выразить словами. Онъ смотрѣлъ на голубое небо, сіявшее сквозь трещины стѣнъ Колизея и думалъ о томъ, что нигдѣ не кажется лазурь небесъ такой вѣчно-юной и радостной, какъ въ щеляхъ старыхъ полуразрушенныхъ зданій.

Нѣкогда завоеватели Рима, сѣверные варвары, не умѣвшіе добывать руду изъ земли, вынули желѣзныя скрѣпы, соединявшія камни въ стѣнахъ Колизея, чтобы древнее римское желѣзо перековать на новые мечи; и птицы свили себѣ гнѣзда въ отверстіяхъ вынутыхъ скрѣпъ. Леонардо слѣдилъ, какъ черныя галки, слетаясь на ночлегъ съ веселыми криками, прятались въ гнѣзда, и думалъ о томъ, что міродержавные Кесари, воздвигавшіе это зданіе, варвары, разрушавшіе его, не подозрѣвали, что трудятся для тѣхъ, о которыхъ сказано: „онѣ не сѣютъ, не жнутъ, не собираютъ въ житницы, и Отецъ небесный питаетъ ихъ“.

Онъ не возражалъ Макіавелли, чувствуя, что тотъ не пойметъ, ибо все, что для него, Леонардо, было радостью, для Никколò было скорбью, медъ его былъ желчью Никколò, — великая ненависть дочерью великаго познанія.

— А знаете ли, мессэръ Леонардо,—произнесъ Макіавелли, желая, по обыкновенію, кончить разговоръ легкомысленной шуткой,—я теперь только вижу, какъ ошибаются тѣ, кто считаютъ васъ еретикомъ и безбожникомъ. Попомните слово мое: въ день Страшнаго Суда, какъ раздѣлятъ насъ на овецъ и на козлищъ, быть вамъ со смиренными овечками христовыми, быть вамъ въ раю со святыми угодниками!

— И съ вами, мессэръ Никколò! — подхватилъ художникъ, смѣясь.—Если ужъ я попаду въ рай, то и вамъ не миновать.

— Ну, нѣтъ,—слуга покорный! Заранѣе уступаю мѣсто мое всѣмъ желающимъ. Довольно съ меня скуки земной.

И лицо его вдругъ озарилось добродушною веселостью.

— Послушайте, другъ мой, вотъ, какой вѣщій сонъ приснился мнѣ однажды: привели меня, будто бы, въ собраніе голодныхъ и грязныхъ оборванцевъ, монаховъ, блудницъ, рабовъ, калѣкъ, слабоумныхъ и объявили, что это тѣ самые, о коихъ сказано: блаженны нищіе духомъ, ибо ихъ есть царство небесное. Потомъ привели меня въ другое мѣсто, гдѣ увидѣлъ я сонмъ величавыхъ мужей, подобный древнему сенату. Здѣсь были полководцы, императоры, папы, законодатели, философы, — Гомеръ, Александръ Великій, Платонъ, Маркъ Аврелій. Они бесѣдовали о наукѣ, искусствѣ, дѣлахъ государственныхъ. И мнѣ сказали, что это адъ и души грѣшниковъ отвергнутыхъ Богомъ за то, что возлюбили они мудрость вѣка сего, которая есть безуміе предъ Господомъ. И спросили меня, куда я желаю, — въ адъ или въ рай? „Въ адъ,—воскликнулъ я,—конечно, въ адъ къ мудрецамъ и героямъ!“

— Да, если все это въ дѣйствительности такъ, какъ вамъ приснилось,—возразилъ Леонардо, то вѣдь и я, пожалуй, не прочь...

— Ну, нѣтъ, поздно! Теперь ужъ не отвертитесь. Насильно потащутъ. За христіанскія добродѣтели наградятъ васъ и раемъ христіанскимъ.

Когда они вышли изъ Колизея, — стемнѣло. Огромный, желтый мѣсяцъ выплылъ изъ-за черныхъ сводовъ базилики Константина, разрѣзая слои облаковъ, прозрачныхъ, какъ перламутръ. Сквозь дымную, сизую мглу, разстилавшуюся отъ Арки Тита Веспасіана до Капитолія, три одинокія, блѣдныя колонны передъ церковью Маріи Либератриче, подобныя призракамъ, въ сіяніи луны казались еще прекраснѣе. И дряхло-лепечущій колоколъ, сумеречный *Angelus* еще заунывнѣе звучалъ, какъ похоронный плачъ, надъ Римскимъ Форумомъ.

Д. Мережковскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

АНТРОПОЛОГИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ.

Проф. А. Ѳ. Брандта.

(*Продолженіе* *).

Глава V.

Емкость черепа и количество мозга.

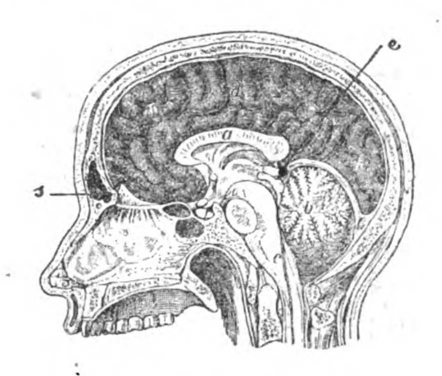
Въ предъидущей главѣ предполагалось дать лишь представленіе о краніологіи вообще и краніометріи въ частности. Для нашихъ цѣлей можно бы ограничиться сказаннымъ, если бы не существенный пробѣлъ, обязательно требующій пополненія: опредѣленіе емкости черепа. Черепъ — та часть человѣческаго тѣла, которая легче всего добывается, перевозится и сохраняется въ коллекціяхъ. Не то мозгъ, подверженный быстрому разложенію, требующій особыхъ инструментовъ для своего извлеченія изъ черепа, требующій сохраненія въ спеціальныхъ жидкостяхъ, въ подходящей посудѣ. Менѣе всего всѣмъ этимъ располагаютъ путешественники по некультурнымъ странамъ. Опредѣленіе объема и вѣса свѣжаго мозга на мѣстѣ и подавно дѣло почти неисполнимое; консервированный же мозгъ лишенъ и натуральнаго, объема и вѣса. Насколько богатъ современный музейскій матеріалъ по части череповъ, настолько онъ бѣденъ по части мозговъ.

Изъ всего этого проистекаетъ, что приходится сплошь да рядомъ судить о количествѣ мозга по черепу. Кое-что даетъ по этой части уже простой осмотръ, линейныя измѣренія и обхватъ черепа. Однако, при этомъ мѣшаетъ столь измѣнчивая толщина костей, сильно вліяющая на размѣры черепной полости. Въ особенности при сравнительномъ изученіи емкости черепа человѣка и животныхъ трудно, а иногда прямо-таки невозможно руководствоваться однимъ наружнымъ изслѣдованіемъ. Возьмемъ для примѣра черепа быка и слона. Ихъ мозговой отдѣлъ кажется не дурно развитымъ; но это не болѣе какъ обманъ, потому что черепная покрышка этихъ животныхъ содержитъ

*) См. «Міръ Божій», № 8, августъ.

громаднѣйшія воздухоносныя полости, сообщающіяся съ полостью носовою. У человѣка (рис. 27, s) соотвѣтственныя полости — лобныя пазухи—совсѣмъ малы и ограничиваются лишь самою нижнею частью лобной кости, непосредственно надъ переносьемъ, тамъ, гдѣ при сильномъ насморкѣ замѣчается ощущеніе тяжести, такъ какъ сюда продолжается слизистая оболочка носа.

Отсюда ясно, что для болѣе точнаго сужденія о величинѣ мозга подлежитъ непосредственному измѣренію черепная полость, ея линейные размѣры, длина, ширина, высота, а съ бо́льшимъ успѣхомъ ея кубическое содержаніе. Такая «кубировка» основана на очень простомъ принципѣ,—на измѣреніи того количества какого-либо сыпучаго тѣла, которое можетъ вмѣститься въ полости черепа.

27. Вертикальный разрѣзъ головы.

a Мозговая спайка. *b* Мозжечекъ. *c* Продолговатый мозгъ. *d* Большой мозгъ. *e* Шишковидный придатокъ. *s* Лобныя пазухи.

Нельзя ожидать отъ кубировки вполнѣ точнаго опредѣленія объема мозга по слѣдующимъ двумъ причинамъ; во-первыхъ, потому, что даже хорошо просѣяннымъ матеріаломъ не заполняется въ точности все пространство черепной коробки; а во-вторыхъ, потому, что мозгъ оставляетъ въ этой полости нѣкоторые промежутки и щели, выполненные его оболочками, кровеносными сосудами, нервными стволами и жидкостью. По этой второй причинѣ не даетъ вполнѣ точныхъ результатовъ и всякій другой способъ опредѣленія по черепу количества мозга, хотя бы помощью гипсоваго слѣпка съ черепной полости.

Зная путемъ кубировки приблизительный объемъ головного мозга, а также удѣльный вѣсъ мозговаго вещества, легко вычисляется и вѣсъ мозга, понятно, опять-таки лишь приблизительно. Путемъ кубировки стало извѣстно, что емкость черепной полости взрослыхъ людей подвержена въ частности такимъ громаднымъ колебаніямъ, что у европейцевъ максимумъ приближается къ 2.000 кубич. сант., а минимумъ составляетъ около 1.000 кубич. сант.; стало быть, колебанія доходятъ безъ малаго до 100%. Чтобы удобнѣе разобраться въ различ-

ныхъ размѣрахъ полости череповъ, антропологи устанавливаютъ нѣсколько,—одни четыре, другіе пять,—категорій или градацій, полостей, какъ то: очень малыя, малыя, среднія, большія и очень большія.

Какъ и слѣдуетъ ожидать a priori, емкость черепа находится въ нѣкоторой зависимости отъ роста людей. При этомъ на долю такого карликоваго племени, какимъ являются цейлонскіе веддасы, пришелся женскій черепъ емкостью всего въ 960 куб. сантим. Это, насколько намъ извѣстно, уже минимумъ, когда-либо встрѣчавшійся у нормальнаго взрослаго. Такъ какъ средній ростъ и вѣсъ женщины нѣсколько меньше, нежели мужчины, то на ея долю чаще выпадаютъ цифры черепной емкости ниже среднихъ и минимальныхъ.

Изучая емкость черепа, мы тѣмъ самымъ весьма естественно перешли отъ краніологіи къ тому отдѣлу неврологіи, который издавна сдѣлался по преимуществу достояніемъ антропологовъ, а именно, къ изученію головного мозга въ количественномъ отношеніи.

Изъ всѣхъ существъ человѣкъ обладаетъ наиболѣе объемистымъ и тяжелымъ головнымъ мозгомъ; такъ полагалъ *Аристотель*. Положеніе это впослѣдствіи оказалось ошибочнымъ, когда пришлось вскрывать черепа и взвѣшивать мозги нѣкоторыхъ особенно крупныхъ животныхъ. Такъ, среднему вѣсу человѣческаго мозга отъ 1.200 до 1.360 граммъ (3—3½ русскаго фунта) противопоставляется вѣсъ китоваго до 2.800 гр. (7 ф.) и слоноваго даже до 4.770 гр. или 11 русскихъ фунтовъ, стало быть втрое большій. Глядя на головы данныхъ животныхъ колоссовъ, можно было бы ожидать у нихъ еще болѣе значительнаго количества мозгового вещества, но дѣло въ томъ, что ихъ черепныя кости неимовѣрно вздуты, содержатъ въ себѣ точно громадную костяную губку съ ноздрями, наполненными у слона воздухомъ, а у кита костнымъ мозгомъ. Уже изъ этихъ примѣровъ видна зависимость количества черепного мозга не только отъ умственной ступени но и отъ величины животныхъ. Объ интеллектуальныхъ способностяхъ китовъ мы, къ сожалѣнію, по понятнымъ причинамъ освѣдомлены весьма слабо; зато признаемъ въ слонѣ одного изъ самыхъ смышленыхъ животныхъ. Доказательствомъ тому служитъ та легкость, съ которой онъ поддается дрессировкѣ. Примѣромъ крупнаго животнаго съ завѣдомо низкими умственными способностями, но съ мозгомъ, по объему и вѣсу въ полтора и болѣе раза превосходившимъ человѣческій, можетъ служить *сѣверная морская корова* или *капустникъ* (Rhytina borealis). Это животное, походившее не то на тюленя, не то на кита, не принадлежитъ уже къ современной намъ фаунѣ, но водилось еще въ прошломъ столѣтіи близъ береговъ Камчатки и острововъ Берингова моря. Пасясь среди водорослей, ламлосарій (морской капусты), въ мелкой водѣ подлѣ самаго берега, глупое животное подпускало къ себѣ моряковъ, которые и избивали его дубинами, веслами и чѣмъ попало. Положимъ, этому содѣйствовала и неповоротливость хорошаго

пловца въ слишкомъ мелкой водѣ и на самомъ берегу, но, тѣмъ не менѣе, неважныя умственныя способности капустника достаточно удостовѣрены; а потому высчитанный мною, по гипсовому слѣпку черепной полости, вѣсъ мозга въ 2.242 гр. ($5^1/_2$ фунтовъ) долженъ быть отнесенъ на счетъ значительной величины животнаго до 35 фут. длины.

Противопоставляя значительному объему и вѣсу человѣческаго мозга еще болѣе значительный вѣсъ, найденный для нѣкоторыхъ исполиновъ животнаго міра, мы должны считаться съ возраженіемъ, не обладаютъ ли послѣдніе инымъ, болѣе низкопробнымъ составомъ мозговаго вещества? Такое возраженіе обосновывается уже тѣмъ фактомъ, что у холоднокровныхъ животныхъ въ составъ мозговаго вещества входитъ весьма много соединительной ткани, въ которую собственно нервные элементы какъ бы лишь вкраплены, тогда какъ у высшихъ животныхъ въ мозговомъ веществѣ нервные элементы значительно преобладаютъ надъ соединительною тканью. Къ сожалѣнію, мы не знаемъ, по скольку нервныхъ клѣточекъ приходится на кубическій сантиметръ мозговаго вещества вообще или въ частности отдѣльныхъ мозговыхъ центровъ. Сравнительныхъ данныхъ въ этомъ родѣ и подавно не имѣется. Далѣе достовѣрно, что величина всякаго рода клѣточекъ прибываетъ съ величиною животнаго, хотя и не строго пропорціонально ей, а въ меньшей мѣрѣ. Существенное же значеніе, въ смыслѣ превосходства организаціи, несомнѣнно, присвоено не болѣе крупнымъ размѣрамъ, а большему числу клѣточекъ. Въ виду этого простое вѣсовое сравненіе между собою мозговъ разнородныхъ и разнокалиберныхъ животныхъ заключаетъ въ себѣ источникъ погрѣшностей. Задача будущаго—разобраться въ этомъ основательнѣе. Къ счастію, нѣкоторыя основныя положенія устанавливаются уже и наличными въ наукѣ данными. Они касаются прежде всего фундаментальнаго вопроса объ относительномъ количествѣ мозга, т.-е. объ отношеніи вѣса мозга къ вѣсу всего тѣла.

По этой части находимъ разрозненныя данныя еще у очень старыхъ авторовъ. Сведеніе ихъ въ общую таблицу и выведеніе изъ нихъ закона—одна изъ многочисленныхъ заслугъ безсмертнаго *Альберта фонъ-Галлера*, уроженца города Берна, жившаго въ прошломъ столѣтіи и прославившагося одновременно и какъ анатомъ и физіологъ, и какъ ботаникъ, и какъ практическій врачъ, и какъ поэтъ. Законъ *Галлера* гласитъ, что вѣсъ мозга обратно пропорціоналенъ вѣсу тѣла, понимая это отношеніе не въ смыслѣ математическихъ пропорцій, а просто въ смыслѣ уменьшенія процента мозга по мѣрѣ увеличенія тѣла. Для образца извлекаю изъ длинныхъ таблицъ *Галлера* и другихъ авторовъ лишь нѣсколько наглядныхъ примѣровъ, и притомъ парами. Каждая пара наименованій животныхъ въ нашей табличкѣ соединена скобкой и обозначаетъ двухъ представителей звѣрей и птицъ, меньшаго и бо̀льшаго, по умственнымъ же способностямъ приблизительно однородныхъ. Дроби при наименованіяхъ животныхъ показы-

ваютъ, какую долю вѣса тѣла составляетъ у нихъ головной мозгъ. Вотъ эта табличка:

Мышь	1/30	Воробей	1/25
Крыса	1/170	Дроздъ	1/70
Кошка	1/80	Соколъ	1/100
Рысь	1/160	Орелъ	1/160
Оселъ	1/250	Утка	1/260
Лошадь	1/400	Гусь	1/360

Въ табличкѣ отсутствуютъ наиболѣе эффектныя данныя объ относительномъ количествѣ мозга у сухопутныхъ и водяныхъ исполиновъ по той причинѣ, что цифры эти гадательны, такъ какъ вѣсъ тѣла опредѣлялся не на вѣсахъ, а на глазомѣръ. Впрочемъ, относительно слона могу сообщить данныя изъ предоставленнаго мнѣ для обработки рукописнаго матеріала покойнаго анатома и антрополога *Герм. Вилькера* о вѣсовомъ соотношеніи органовъ позвоночныхъ животныхъ. Вѣсъ тѣла слона составлялъ 6.720 килогр.; вѣсъ мозга—12 килогр. или 1/560 вѣса тѣла. Это пока единственныя въ своемъ родѣ точныя цифры, такъ какъ изслѣдователь подвергъ своего слона дѣйствительно взвѣшиванію, и притомъ взялъ чистый вѣсъ тѣла, т.-е. по опорожненіи желудка и кишекъ.

Уже въ предшествующихъ главахъ нашего курса, посвященныхъ пропорціональности частей тѣла и изученію черепа, было указано, что голова, въ частности мозговой ея отдѣлъ, въ дѣтскомъ возрастѣ относительно больше, нежели въ позднѣйшемъ. Объясненіе этому факту мы усмотрѣли въ томъ, что мозгъ при своемъ развитіи значительно опережаетъ остальные органы. Послѣ этого становится понятнымъ относительное преобладаніе мозга и у животнаго не взрослаго: чѣмъ оно моложе, тѣмъ бо̀льшій процентъ общаго вѣса тѣла выпадаетъ на долю головного мозга; его максимумъ же, понятно, приходится на зародышевую жизнь. Мозгъ новорожденнаго составляетъ по вѣсу приблизительно 1/6 (!) всего тѣла, мозги взрослаго въ среднемъ,—лишь 1/43. Первая дробь въ 7 разъ больше второй. Отсюда проистекаетъ, что при сравненіи между собою разнородныхъ животныхъ относительно степени развитія ихъ мозга слѣдуетъ брать обязательно представителей одного и того же возраста.

Мозговой законъ *Галлера* примѣнимъ также къ субъектамъ разныхъ половъ. Средній абсолютный вѣсъ мужского взрослаго мозга мы принимаемъ вмѣстѣ съ *Блосфельдомъ* въ 1.346 гр., женскаго въ 1195 гр. Другіе авторы пришли къ нѣсколько инымъ среднимъ цифрамъ, при чемъ, однако, нѣкоторая бѣднота въ мозговомъ веществѣ оставалась неоспоримой принадлежностью средней женщины. Недруги женщинъ эксплуатировали этотъ фактъ по своему. Отчасти это дѣлается и теперь съ непростительною опрометчивостью. Абсолютный вѣсъ мозга

находится въ зависимости отъ всего тѣла. Уже поэтому самому количество мозга болѣе тяжелаго въ среднемъ мужчины и должно быть нѣсколько больше женскаго *). Женщина одарена на каждые 100 граммовъ своего тѣла 2,47, а мужчина лишь 2,24 грамма мозга, или женскій мозгъ составляетъ въ среднемъ $^1/_{42}$, а мужской только $^1/_{44}$ вѣса тѣла. Послѣ такой поправки женщины могли бы возгордиться противъ мужчины; но это, въ свою очередь, было бы несправедливо: относительно бо́льшее количество женскаго мозга есть только частный случай закона *Галлера*, по которому *относительное* количество мозга у болѣе мелкаго организма значительнѣе, нежели у крупнаго.

Слишкомъ тридцать лѣтъ тому назадъ мнѣ посчастливилось набрести на полузабытый законъ *Галлера* и предложить для него физіологическое объясненіе, которое мало-по-малу, въ особенности въ новѣйшее время, завоевало себѣ право гражданства и служитъ исходнымъ пунктомъ для дальнѣйшихъ изслѣдованій. Ключъ для объясненія галлерова закона нашелся въ давнихъ наблюденіяхъ и опытахъ относительно той связи, которая существуетъ между величиной животныхъ и количествомъ совершаемой имп физіологической работы.

Всѣмъ извѣстенъ элементарный фактъ изъ стереометріи, что при увеличеніи тѣла его объемъ и поверхности возрастаютъ не въ одинаковой мѣрѣ. Если, напр., увеличить всѣ линейныя измѣренія тѣла въ 2 раза, то поверхность его увеличится въ 4, а объемъ въ 8 разъ. На этомъ основаніи, по отношенію къ своей массѣ, мелкое животное имѣетъ болѣе обширную внѣшнюю поверхность. Эта поверхность есть вмѣстѣ съ тѣмъ и поверхность охлажденія. Подобно тому, какъ стаканъ чая остываетъ скорѣе самовара, изъ двухъ параллелепипедовъ, нагрѣтыхъ въ одинаковой степени, меньшій вдвое быстрѣе приметъ температуру комнаты. На этомъ же основаніи, мелкое животное въ единицу времени теряетъ больше тепла, а потому, для поддержанія собственной температуры, необходимой для жизнедѣятельности, должно, такъ сказать, дѣлать больше усилій. Другими словами, физіологическіе процессы должны совершаться въ немъ энергичнѣе. Это было указано еще въ сороковыхъ годахъ физіологомъ *Бергмандмъ*. Въ подтвержденіе своей дедукціи онъ ссылается на извѣстный фактъ бо́льшей, сравнительно прожорливости мелкихъ животныхъ: избытокъ пищи, сгорая, окисляясь въ организмѣ, усиленно его подтапливаетъ для компенсаціи теплопроводимости и теплового лучеиспусканія.

За послѣднія десятилѣтія накопилось множество доказательствъ усиленнаго обмѣна веществъ у мелкихъ животныхъ. Такъ, экспериментально выяснено, что одинаковые участки тѣла у животныхъ разной величины, въ единицу времени, получаютъ различныя количества крови,

*) Таблица того же *Блосфельда* показываетъ средній вѣсъ тѣла для мужчины въ 60,7, для женщинъ въ 52,6 килогр.

причемъ преимущество на сторонѣ болѣе мелкихъ. Черезъ каждый граммъ кроличьяго тѣла, напримѣръ, ежеминутно протекаетъ вчетверо больше этой питательной жидкости, нежели у лошади. Неодинаково вмѣстѣ съ тѣмъ и число сердцебіеній въ минуту у животныхъ разной величины. Оно равняется у лошади 36, у осла—50, у человѣка—72, у кролика—120, у морской свинки—140. Вмѣсто нормальныхъ для вполнѣ взрослаго человѣка 72-хъ сердцебіеній или ударовъ пульса, двадцатилѣтній юноша имѣетъ ихъ 74, пятнадцатилѣтній—82, десятилѣтній ребенокъ—91, пятилѣтній—103, грудной младенецъ—130. Частота вдыханій и выдыханій тоже возрастаетъ по мѣрѣ пониженія величины и возраста животныхъ. Такъ, киты дышатъ въ минуту всего отъ 4—5 разъ, лошадь—отъ 8—12 разъ, человѣкъ—18 разъ, собака и кошка—24 раза. Аналогичныя цифры характеризуютъ и разные возрасты одного и того же вида животныхъ. Сообразно этому, и количество выдѣляемой организмомъ углекислоты—прекрасное мѣрило напряженности процессовъ окисленія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и выработки тепла—колеблется по возрастамъ. Напр., десятилѣтній ребенокъ на вѣсовую единицу тѣла, въ единицу же времени, выдѣляетъ черезъ легкія вдвое больше углекислоты противъ взрослаго. Послѣ этого понятна уже упомянутая неодинаковая потребность въ пищѣ. Шестимѣсячный ребенокъ потребляетъ ежедневно количество молока, равное по вѣсу $^1/_6$ его тѣла, тогда какъ нормальная для взрослаго ежедневная пищевая порція равняется лишь $^1/_{20}$ его вѣса. Шестилѣтній мальчикъ на каждый фунтъ своего тѣла ежедневно поглощаетъ вдвое противъ молодого человѣка двадцати одного года. Понятно, не весь этотъ избытокъ питанія идетъ на усиленное подогрѣваніе тѣла; нѣтъ, молодой организмъ еще дѣлаетъ значительнѣйшія затраты и на сравнительно бо̀льшую подвижность, а затѣмъ и на ростъ. Что касается температуры тѣла разныхъ представителей одного и того же класса, равно какъ и разновозрастныхъ ея особей одного и того же вида, то она является довольно постоянной: хорошее подтвержденіе того, что дѣйствительно животнымъ разныхъ ростовъ и протяженій внѣшней поверхности приходится дѣлать неодинаковыя усилія для поддержанія температурной нормы.

Только что сообщенными физіологическими данными достаточно иллюстрируется законъ, гласящій: *чѣмъ мельче животное, тѣмъ сравнительно дѣятельнѣе въ немъ физіологическіе процессы*. Намъ надлежитъ связать этотъ законъ съ выведеннымъ передъ тѣмъ галлеровымъ: *чѣмъ мельче животное, тѣмъ сравнительно больше у него мозга.*

Антропологи старой школы привыкли разсматривать мозгъ, исключительно какъ органъ души. Иное дѣло физіологи-экспериментаторы. Они открыли въ немъ рядъ центровъ соматическихъ, управляющихъ *осязательно-явно*-вещественными процессами. Таковы: рефлекторные центры чувствующихъ и двигательныхъ головныхъ нервовъ, центры, задерживающіе рефлексы (правда, иными оспариваемые, какъ нѣчто

самостоятельное), центры, регулирующіе дѣятельность сердца, вызывающіе дыхательныя движенія, вліяющія на работу слюнныхъ железъ, кровеносныхъ сосудовъ и другіе. Многочисленными наблюденіями и опытами второй половины нашего столѣтія чѣмъ дальше, тѣмъ шире раскрывалась и продолжаетъ раскрываться сфера вліянія нервной системы—въ частности также и головного мозга—на соматическіе процессы. Ни одинъ изъ нихъ, не исключая процессовъ обмѣна веществъ, не обходится безъ вмѣшательства нервной системы съ ея центрами. Чѣмъ значительнѣе, многостороннѣе и энергичнѣе работа любого органа, тѣмъ значительнѣе и его объемъ. Это общее правило должно найти себѣ примѣненіе и къ соматическимъ мозговымъ центрамъ, а посему у болѣе мелкихъ животныхъ, съ ихъ сравнительно болѣе дѣятельными процессами питанія, должно существовать относительно и большее количество мозга.

Резюмируемъ, для ясности, еще разъ главнѣйшія положенія касательно безусловнаго и относительнаго вѣса головного мозга. Количество мозга наростаетъ съ увеличеніемъ вѣса тѣла; но это наростаніе не идетъ въ шагъ съ увеличеніемъ вѣса тѣла. Такимъ образомъ, по мѣрѣ увеличенія животнаго, относительное количество мозга все болѣе и болѣе понижается. Аналогичная законность замѣтна и въ обсолютномъ, и относительномъ количествѣ периферическихъ нервныхъ волоконъ какъ двигательныхъ, такъ и чувствующихъ. Въ основѣ такой законности лежитъ теорема, что объемы и вѣсы подобныхъ тѣлъ относятся между собою, какъ кубы, поверхности же и площади сѣченія, какъ квадраты линейныхъ измѣреній. Вотъ почему киты, слоны, морскія коровы одарены, по сравненію съ человѣкомъ, абсолютно большимъ и относительно массы тѣла несравненно меньшимъ головнымъ мозгомъ. Вотъ почему аналогичная законность бросается въ глаза и при сличеніи количества мозга ребенка и взрослаго. Вотъ почему, наконецъ, и женщина, сообразно своему меньшему среднему вѣсу, имѣетъ абсолютно нѣсколько меньше, и относительно нѣсколько больше мозга нежели мужчина.

Однако, не слишкомъ ли я увлекся, напирая на зависимость количества мозга отъ размѣровъ тѣла? Не впалъ ли я въ другую крайность, столь же неосновательную, какъ разсматриваніе мозга, исключительно какъ органа психическаго? Весьма охотно допускаю такого рода увлеченіе. Для обслѣдованія даннаго вопроса необходимо обратиться къ сличенію между собою, по отношенію количества мозга, животныхъ одинаковой величины и приблизительно одинаковаго тѣлосложенія, но завѣдомо различныхъ по психическимъ способностямъ. Это подсказываетъ здравый смыслъ. Возьмемъ, поэтому, пользуясь наличнымъ въ литературѣ матеріаломъ, хотя бы слѣдующія двѣ пары животныхъ: уистити (*Maidas*, крошечную коготную американскую обезьянку) и нашу обыкновенную бѣлку или вѣкшу, а затѣмъ человѣка и его сравнительно близкаго, въ зоологическомъ смыслѣ, родича африканскаго гориллу.

Уистити	въ 335 гр,	ея мозгъ	—	12,8 гр.	=	1/26	тѣла.
Бѣлка	» 389 »	» »	—	6,0 »	=	1/65	»
Человѣкъ	»	его »	—	1.430 »	=	1/46	»
Горилла	»	» »	—	400 »	=	1/180	»

Не думаю, чтобы неполное тожество вѣса животныхъ каждой пары могло существенно уяснить столь рѣзкія различія въ количествѣ головного мозга. Количество это у взятой нами обезьяны вѣдь слишкомъ вдвое больше, нежели у грызуна, а у человѣка оно въ три съ половиною раза больше, нежели у гориллы! Въ виду такихъ сопоставленій нельзя не признать зависимости количества головного мозга и отъ умственныхъ способностей животнаго.

Такой выводъ подтверждается и наблюденіями изъ области тератологіи. Микрокефалы, субъекты слабоумные или вполнѣ идіотичные, какъ уже раньше было отмѣчено, обладаютъ мозгомъ маленькаго дитяти, при зачастую нормальномъ ростѣ и нормальныхъ тѣлесныхъ отправленіяхъ. Къ доказательству зависимости объема мозга не исключительно отъ органовъ, служащихъ явно матеріальнымъ процессамъ, клонится, между прочимъ, и изученіе весьма курьезнаго существа, сиріянки *Маріи Газаль*, въ извѣстномъ смыслѣ противоположной микрокефаламъ. Этотъ замѣчательный «феноменъ» всплылъ на научномъ горизонтѣ въ восьмидесятыхъ годахъ *).

Никогда не забуду того своеобразнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ жуткаго перваго впечатлѣнія, когда на яву очутился въ двухъ шагахъ отъ настоящей, живой головы Карла Черномора изъ пушкинской сказки. Голова, впрочемъ, не мужская, а женская, старческая, лежала на подушкѣ. Она сверкала глазами, внезапнымъ смѣхомъ и гиканіемъ пугала приближавшихся къ ней посѣтителей, курила папиросы, говорила и читала на арабскомъ языкѣ, произносила и по-русски слово или короткую фразу. На повѣрку изъ-подъ головы высовывалась пара дѣтскихъ ручекъ. При ближайшемъ изслѣдованіи злосчастнаго калѣки, понятно, оказалось и туловище, но изумительно миніатюрное и скорченное, изогнутое въ невѣроятной степени. При туловищѣ нашлись и ножки, согнутыя, поджатыя, лишенныя, способности разгибаться. Такимъ образомъ одна только голова достигла полнаго своего развитія, а вмѣстѣ съ нею, очевидно и мозгъ. Марія Газаль уже отъ рожденія страдала англійскою болѣзнью, рахитизмомъ, и всѣ слѣды этой болѣзни, въ видѣ повторныхъ переломовъ и срощеній костей, въ видѣ костныхъ бугроватостей и задержки въ развитіи скелета, были на лицо въ необыкновенно рѣзкой формѣ. Умственны способности субъекта, повидимому, ничего не оставляли желать. Куда впослѣдствіи дѣвалась престарѣлая калѣка? Вернулась ли къ себѣ на родину, сидя въ своемъ ящикѣ, въ которомъ импрессаріо таскалъ ее подъ мышкой? Было бы весьма жаль, если бренные останки страдалицы

*) «Arhiv für Patholog. Anatomie». Bd. 104. 1886.

пропадутъ или уже пропали для науки. На самомъ дѣлѣ, болѣе тонкое изслѣдованіе ея мозговыхъ центровъ, управляющихъ, прямо или косвенно, миніатюрными отдѣлами туловища и конечностей, представляло бы крайній интересъ. Разсуждая a priori, эти центры должны бы представляться болѣе или менѣе переродившимися, съ уменьшеннымъ количествомъ клѣточекъ и волоконъ. Въ противоположность имъ должны бы выступать центры чисто психическіе. Чисто психическіе?.. Вотъ здѣсь мы и подходимъ къ великой загадочной, но, полагаю, разрѣшимой въ близкомъ будущемъ проблемѣ о существованіи или несуществованіи такихъ чисто исключительно психическихъ мозговыхъ центровъ.

Философы старинной, умозрительной школы полагали, что душа своего рода вещество, субстанція, нѣчто въ родѣ пресловутаго гипотезическаго эѳира, въ которомъ физики такъ нуждаются, но эѳира, такъ сказать, въ квадратѣ, уже лишеннаго всѣхъ признаковъ реальнаго тѣла. Такого рода вещество не стѣснено ни рамками пространства, ни времени. Какъ мѣстопребываніе для него, казалось бы, какъ разъ въ пору все протяженіе вселенной, но и не слишкомъ мала булавочная головка. Вещество это вмѣстѣ съ тѣмъ цѣлостно, нераздѣльно. Подобнаго рода соображеніями, повидимому, руководился въ XVII в. безсмертный мыслитель *Декартъ* или *Картезій*, высказывая предположеніе, что обиталищемъ человѣческой души можетъ считаться такъ называемый шишковидный придатокъ головного мозга (рис. 27, е). По формѣ—сосновая шишка, по величинѣ мелкая горошина, этотъ отростокъ является нераздѣльнымъ, непарнымъ; да кромѣ того, картезіанское его толкованіе могло мотивироваться еще и приблизительно центральнымъ положеніемъ шишковиднаго придатка въ глубинѣ мозга, ибо гдѣ же мѣсто командиру, какъ не на среднемъ возвышеніи судна? Но, увы, красивая гипотеза разсѣялась, какъ сонъ. Физіологи и психофизіологи давнымъ давно убѣдились въ томъ, что шишковидному придатку, сидящему на узкомъ стебелькѣ, состоящему изъ ничтожнаго количества мозговаго вещества, вдобавокъ еще начиненнаго известковыми песчинками, не можетъ быть присвоено важнаго физіологическаго отправленія. Въ новѣйшее время сравнительными анатомами раскрыто и значеніе этого придатка. Это рудиментарный, зачаточный органъ, часть мозга, служившая нѣкогда основою для *непарнаго* темяннного глаза. Такіе глаза, направленные въ зенитъ, имѣлись первоначально въ числѣ двухъ, переднемъ и заднемъ, и сохранились оба у миногъ, а въ числѣ одного у нѣкоторыхъ ящерицъ и земноводныхъ.

Какъ бы ни было тонко, разряжено вещество, оно все же остается матеріей. Поэтому ученіе о субстанціальности души, хотя и кичилось противоположнымъ, все же ученіе матеріалистическое. Современное ученіе отрекается отъ такого псевдоспиритуализма. Отрицая за душою существованіе хотя бы и самое утонченно матеріальное, оно считаетъ ее понятіемъ, отвлеченіемъ, суммою извѣстнаго рода процессовъ. Такими процессами являются: ощущеніе, сознаніе, представленіе, воля.

Не съ вещественнымъ началомъ мы тутъ имѣемъ дѣло, а съ динамическимъ, съ проявленіемъ «силъ», т. е. энергіи или энергій. Возбуждаясь химизмомъ, электричествомъ, свѣтомъ, эти намъ столь знакомыя по своимъ проявленіямъ и столь темныя по существу психическія функціи—и родственны скорѣе съ ними, нежели съ матеріей. Психическіе процессы постоянно въ насъ зарождаются, пробуждаются послѣ глубокаго сна и обморока, а въ теченіе послѣзародышеваго и зародышеваго развитія возникаютъ и осложняются. Элементарнѣйшее соображеніе это доказываетъ, еще новорожденному дитяти приписывается душа, и совершенно основательно, хотя и всякій понимаетъ всю элементарность такой души. Ребенокъ можетъ родиться и раньше узаконеннаго срока, даже не вполнѣ шестимѣсячнымъ зародышемъ, и уже тогда воспринимать и реагировать на раздраженія. Нѣкогда много разсуждали и спорили насчетъ момента, когда въ зародышъ вселяется душа. Интересовались этимъ и въ судебно-медицинскомъ, и криминалистическомъ отношеніи. На дѣлѣ искомый моментъ не поддается опредѣленію по той простой причинѣ, что его вовсе и нѣтъ. Вмѣстѣ съ тѣломъ зародыша развивается и его психика. Слѣдя въ обратномъ порядкѣ за постепеннымъ и безпрерывнымъ развитіемъ зародыша, мы неизбѣжно приходимъ къ выводу, что первые зачатки психики должны быть присущи уже яйцевой клѣточкѣ. А если это такъ, то они должны были передаться послѣдовательно и всѣмъ ея потомкамъ, которые происходятъ отъ нея путемъ послѣдовательнаго дѣленія въ безконечномъ числѣ поколѣній. Такими разсужденіями элементарнѣйшіе психическіе процессы приписываются всѣмъ безъ изъятія клѣточкамъ нашего тѣла, въ составъ какого органа они бы ни входили. Однако, между этими клѣточками есть и такія, къ которымъ, въ силу принципа раздѣленія труда, психическая работа пріурочена предпочтительно. Мы ихъ называемъ нервными. При этомъ, въ свою очередь, нервная клѣточка нервной клѣточкѣ рознь, и психическія отправленія не равномѣрно разлиты по нервной системѣ. Они сосредоточены, сильнѣе напряжены и разнообразнены лишь въ центральной нервной системѣ. А въ этой системѣ они опять-таки не распредѣлены равномѣрно, но достигаютъ высшаго своего подъема, сознанія и воли, въ мозгѣ не спинномъ, а головномъ. Но и этого мало: разнообразіе въ устройствѣ, въ формѣ, величинѣ, способѣ соединенія и въ расположеніи нервныхъ клѣточекъ въ разныхъ отдѣлахъ головного мозга наводитъ на положеніе о дальнѣйшемъ раздѣленіи между ними труда и порождаетъ желаніе изъ массы спеціальныхъ центровъ, отчасти командующихъ питаніемъ и мускульными рефлексами, выдѣлить чисто психическіе. Такимъ образомъ, по стопамъ *Декарта* и многихъ другихъ мыслителей ученые и по сію пору допытываются мозгового центра психическаго, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова.

Еще въ шестидесятыхъ годахъ проф. *И. М. Сѣченовъ*, если не

ошибаюсь, первый представилъ свою попытку принципіальнаго сведенія психическихъ процессовъ на неполные рефлексы. Одно изъ очень распространенныхъ современныхъ психофизіологическихъ ученій есть въ сущности ничто иное, какъ дальнѣйше развитіе *Сѣченовской* теоріи. По этому ученію къ первоначальнымъ рефлекторнымъ путямъ головного мозга примыкаютъ своего рода второстепенныя и третьестепенныя нервныя петли и арки. Въ нихъ вѣтвятся, перерабатываются, осложняются внѣшніе импульсы. Чѣмъ выше стоитъ-де животное въ психическомъ отношеніи, тѣмъ сложнѣе, такъ сказать многоэтажнѣе, эти добавочныя арки. Степень ихъ развитія отражается на количествѣ мозга и притомъ въ частности на большихъ его полушаріяхъ. Здѣсь по преимуществу, какъ полагаютъ, сосредоточены высшіе психическіе центры. Но вотъ въ чемъ бѣда: въ полушаріяхъ нѣтъ такой точки, откуда, помощью раздраженія электрическимъ токомъ, нельзя было бы вызвать двигательной реакціи въ той или другой периферической части тѣла, а это указываетъ на присутствіе тутъ же и чувствительнаго привода, т.-е. на отдѣлъ рефлекторной машины. При этомъ всѣ пути въ мозгу такъ перепутаны, что строгая локализація функцій оказалась иллюзіей, тѣмъ болѣе, что участки могутъ работать и одинъ за другимъ. Такимъ образомъ, представленіе о головномъ мозгѣ, какъ о цѣлостномъ аппаратѣ, по которому разлита психическая дѣятельность, какъ будто опять начинаетъ торжествовать.

Вѣсъ мозга самъ по себѣ еще не есть точный выразитель массы его нервныхъ центровъ. Кромѣ ткани нервной, въ составъ его входитъ еще и соединительная, а количественное соотношеніе между обоего рода тканями можетъ и очень колебаться; по крайней мѣрѣ, при сличеніи млекопитающихъ съ земноводными и рыбами, соотвѣтственныя колебанія, навѣрное, выразятся въ сотняхъ процентовъ. Для такого утвержденія достаточно бросить взглядъ на соотвѣтственные микроскопическіе препараты.

Поэтому, въ кругъ нашихъ изслѣдованій требуется ввести еще учетъ нервныхъ клѣточекъ на кубическій сантиметръ мозга, скажемъ, человѣка и гориллы. Но и нервная ткань въ мозгу еще не есть количественная выразительница нервныхъ центровъ, ибо въ составъ мозга, кромѣ клѣточекъ и ихъ соединительныхъ отростковъ, входятъ еще и нервныя волокна. Нервные стволы прежде своего выступленія на поверхности проходятъ болѣе или менѣе длинные пути внутри мозга и тутъ существенно вліяютъ на его вѣсъ.

Мы только что коснулись количественнаго соотношенія нервныхъ клѣточекъ и волоконъ, изъ которыхъ первыя своимъ скопленіемъ образуютъ сѣрое, вторыя—бѣлое мозговое вещество. Займемся теперь этимъ соотношеніемъ, хотя и вкратцѣ, въ очень тѣсныхъ рамкахъ, а именно придерживаясь одной лишь *мантіи* большихъ мозговыхъ полушарій. Послѣднія представляютъ собою два пузыря съ ничтожною ще-

левидною полостью и съ весьма мощно развитыми стѣнками. Эти то стѣнки и образуютъ собою мозговую мантію. Наружный ея слой состоитъ изъ сѣраго, внутренній—изъ бѣлаго вещества. Какъ показываютъ рисунки 27 и 28, вся поверхность мантіи испещрена витыми

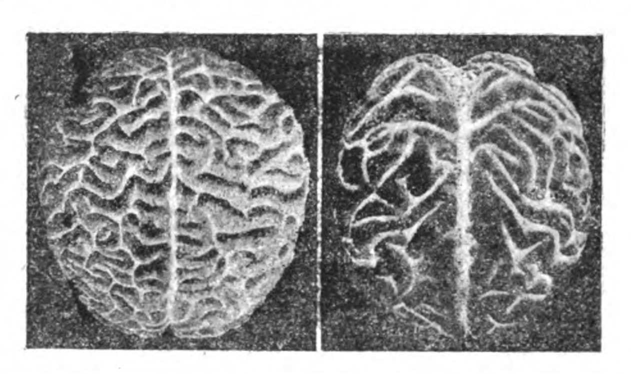

Рис. 28. Мозговыя извилины орангутана и человѣка. (Оба рисунка приведены въ одинаковой длинѣ).

бороздками, между которыми остаются столь же витые валики, придающіе мозговымъ полушаріямъ видъ груды тонкихъ кишекъ. Такой видъ *мозговыхъ извилинъ*, впрочемъ, не даетъ достаточно точнаго о нихъ представленія. Для полученія его необходимо надорвать тоненькую пленку, на подобіе паутинки оплетающей мозгъ, и, расправляя извилины пальцами, постараться проникнуть въ глубь мозговыхъ бороздокъ. При этомъ оказывается, что иныя изъ нихъ простираются глубоко во внутрь, почти до полости полушарія (рис. 29). Такимъ образомъ, мозговая мантія каждаго изъ полушарій представляетъ въ сущности очень большой пузырь, далеко несоразмѣрный съ емкостью черепа и лишь втиснутый въ нее благодаря тѣмъ складкамъ, въ которыя онъ собранъ. Какъ бы ни напрашивалось объясненіе этихъ складокъ тѣснотою черепной полости при усиленномъ ростѣ двухъ мозговыхъ пузырей, это объясненіе не подтверждается тѣмъ непреложнымъ наблюденіемъ, что мозгъ вообще опережаетъ при своемъ развитіи черепъ и обусловливаетъ его емкость и форму, а не наоборотъ. Извилины происходятъ сами собою, вслѣдствіе какихъ-то внутреннихъ, еще неразгаданныхъ условій роста. Впрочемъ, въ настоящій моментъ насъ интересуетъ не способъ развитія извилинъ, а ихъ значеніе.

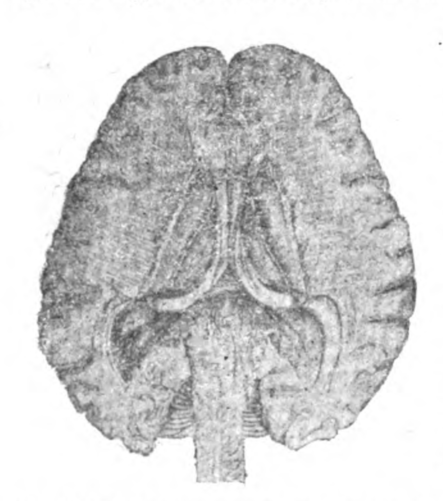

Рис. 29. Горизонтальный разрѣзъ головного мозга.

Со степенью развитія извилинъ издавна связывается антропологами большая или меньшая степень психическаго совершенства человѣка и животныхъ. Но тутъ требуется существенная поправка, вполнѣ аналогичная той, которую мы ввели въ психологическую оцѣнку абсолютнаго и относительнаго количества мозга. Степень развитія извилинъ оказывается въ нѣкоторой несомнѣнной зависимости отъ величины мозга, прямо ей пропорціональна. На самомъ дѣлѣ, грызуны, животныя интеллектуально одаренныя, но мелкія, имѣютъ гладкія мозговыя полушарія; быкъ въ умственномъ отношеніи стоитъ куда ниже собаки, а гораздо богаче ея мозговыми извилинами; по обилію этихъ извилинъ киты и слоны стоятъ выше самого человѣка. Разгадка зависимости обилія извилинъ отъ величины мозга найдена. Она заключается въ необходимости соблюденія извѣстнаго соотношенія между сѣрымъ и бѣлымъ веществомъ мозга, причемъ на столько-то нервныхъ клѣточекъ должно приходиться по столько-то нервныхъ волоконъ. Объясню это нѣсколько обстоятельнѣе. Дознано, что у всевозможныхъ млекопитающихъ сѣрое вещество, образующее поверхностный слой мантіи, имѣетъ приблизительно одинаковую толщину у всякаго рода млекопитающихъ, не зависящую ни отъ величины, ни отъ умственной ступени животнаго, толщина же всей мантіи значительно наростаетъ съ увеличеніемъ мозга. Такимъ образомъ, сѣрое вещество могло бы подпасть геометрическому закону возрастанія поверхностей пропорціонально квадратамъ, а бѣлое вещество пропорціанально кубамъ линейныхъ измѣреній. При этомъ нормальному сличенному соотношенію между клѣточками сѣраго и волокнами бѣлаго вещества угрожало бы нарушеніе, тѣмъ болѣе, что діаметръ волоконъ куда меньше діаметра клѣточекъ. Вотъ тутъ-то и требуется та поправка, къ которой и прибѣгла природа, заставляя мозговыя пузыри рости не столько въ толщину, сколько въ плоскости, не давая имъ ложиться въ складки. Въ результатѣ получаются объемистыя, тяжеловѣсныя мозговыя полушарія съ надлежащимъ, относительно неуменьшеннымъ количествомъ сѣраго мозговаго вещества.

Такими непреложными соображеніями въ значительной степени умаляется то громадное значеніе, которое изслѣдователи прежнихъ временъ приписывали мозговымъ извилинамъ въ дѣлѣ оцѣнки умственнаго уровня животныхъ и человѣка.

Францъ-Іосифъ Галль, знаменитый врачъ и анатомъ конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія, на изученіи извилинъ создалъ такъ называемую *френологію*, надѣлавшую въ свое время столько шума. Самое названіе этого ученія позаимствовано отъ греческаго слова phren, которое обозначаетъ середину или сосредоточеніе тѣла, а вмѣстѣ съ тѣмъ и жизни, душу, разумъ, мыслительную способность. *Галль* разсматривалъ мозговыя извилины, какъ мозговые органы опредѣленнаго отправленія. Соотвѣтственно разнообразнымъ положитель-

нымъ и отрицательнымъ чертамъ характера, способностямъ и наклонностямъ человѣка отдѣльныя извилины развиты различно у различныхъ индивидовъ. Далѣе онъ полагалъ, что степень развитія извилинъ вліяетъ на форму черепа, на большее или меньшее выступаніе въ особенности его бугровъ. Душевныя качества, завѣдомо присвоенныя наблюденными имъ индивидами, онъ относилъ къ случайно болѣе выступающимъ площадкамъ ихъ черепа. При сводѣ соотвѣтственныхъ наблюденій имъ получены головы и черепа, исписанные наименованіемъ этихъ качествъ (рис. 30). Такіе расписанные и разграфленные

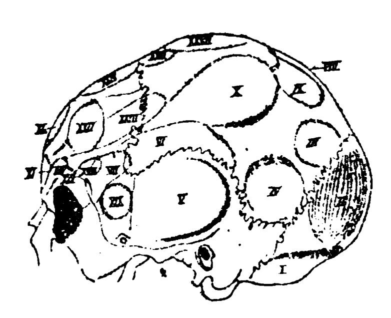

Рис. 30. Френологическій черепъ по Галлю. I. Половое влеченіе. II. Чадолюбіе III. Дружественная привязанность. IV. Чувство самосохраненія. V Кровожадность. VI. Хитрость. VII. Вороватость, корыстолюбіе. VIII. Душевное благородство. IX. Тщеславіе. X. Осмотрительность. XI. Память. XII. Память мѣста. XVI. Склонность къ живописи, чувство красокъ. XVII Музыкальность. XIX. Склонность къ механикѣ. XX. Прозорливость. XXII. Остроуміе. XXIII. Поэтическое дарованіе. XXIV. Добродушіе. XXVI. Религіозность. XXVII. Настойчивость.

на клѣтки черепа можно видѣть и понынѣ въ старыхъ анатомическихъ музеяхъ. Благодаря попыткамъ *Галля* по конфигураціи черепа заключать о развитіи извилинъ и душевныхъ качествахъ людей, френологія именуется нерѣдко также галлевскимъ ученіемъ о черепѣ.

Френологія оказалась пышнымъ пустоцвѣтомъ. Прежде всего совершенно недопустимо считать поверхностные выступы органа, каковыми являются мозговыя извилины, въ свою очередь органами. Съ такимъ же правомъ, справедливо говоритъ *Гиртль*, можно бы, напр., называть органами и лопасти и бугры печени. Далѣе, пресловутые галлевы органы пріурочиваются ихъ изобрѣтателемъ лишь къ наружной поверхности мозговыхъ полушарій, тогда какъ они имѣются и на ихъ нижнихъ и взаимно соприкасающихся внутреннихъ поверхностяхъ. Наконецъ, извилины отпечатываются, и то лишь слегка, только на внутренней поверхности черепной капсулы, на наружный же, въ силу неравномѣрной толщины костей, ихъ вліяніе уже ничѣмъ не обнаруживается.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИЗЪ ЛѢТНИХЪ НАБЛЮДЕНІЙ.

I.

«Меня все интересовало. Мнѣ хотѣлось все знать. Мнѣ хотѣлось знать и отношеніе мужика къ его женѣ и дѣтямъ, и отношенія одного двора къ другому, и экономическое положеніе мужика, его религіозныя и нравственныя воззрѣнія, словомъ все».

Такими словами Энгельгардъ въ своихъ «Письмахъ изъ деревни» охарактеризовалъ ту жажду познанія, которая охватила его въ деревнѣ, внѣ интеллигентской жизни, при близкомъ соприкосновеніи съ будничными интересами русскаго поселка. Долженъ сказать, что я эту глубокую жажду познанія ощущалъ всегда и всюду, куда ни бросала меня судьба. Ощущалъ и... почти никогда не удовлетворялъ, и не могъ удовлетворить. Вѣчно мѣшало что-нибудь: только начнешь надъ чѣмъ-нибудь задумываться, что-нибудь наблюдать изъ «жизни», какъ ворвутся литература и книга и потянутъ совсѣмъ въ другую сторону. И кусочекъ наблюденной жизни такъ и остается маленькимъ отрывкомъ, который забудешь, прежде чѣмъ успѣешь его привести въ связь съ остальными представленіями. Конечно, и та жизнь, которую обычно видишь и которою живешь, не есть вовсе жизнь «воображаемая» или «литература» въ презрительномъ смыслѣ Нитцше, какъ часто вслѣдъ за крупными людьми говорятъ мелкіе людишки, которыхъ тяготитъ или которымъ просто непонятны ея высокіе умственные и моральные масштабы. Она тоже историческая жизнь, и даже гораздо больше историческая, чѣмъ такъ называемая «жизнь» (въ ковычкахъ). Ея отличіе отъ послѣдней, ея сравнительно большая утомительность, наоборотъ, состоитъ въ ея слишкомъ историческомъ, слишкомъ сознательномъ характерѣ: ничего въ ней не дѣлается такъ, ради нея самой, все производится ради той, другой, непосредственной жизни. Въ ней, въ этой интеллигентской жизни безъ красокъ все приносится въ жертву, ничто не довлѣетъ себѣ. Въ этомъ, я думаю, лежитъ отчасти психологическая разгадка жгучаго интереса, возбуждаемаго въ писателѣ, литературная дѣятельность котораго носитъ книжный характеръ, непосредственной жизнью. Какъ сильная любовь, чѣмъ меньше она находитъ удовлетворенія, тѣмъ ярче разгорается, такъ и этотъ интересъ

къ подлинной, себѣ довлѣющей жизни, тѣмъ больше гложетъ и сверлитъ интеллигентскую душу, чѣмъ меньше она можетъ отдаться ему и искать удовлетворенія ненасытной жаждѣ познанія. Есть еще другой особенный мотивъ, обостряющій эту жажду у людей, подобныхъ пишущему эти строки. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, ко мнѣ по совершенно частному дѣлу явилась незнакомая дама. Исполнивъ возложенное на нее порученіе, она затѣмъ съ улыбкой, въ которой сквозило не то презрѣніе, не то снисхожденіе и жалость, и фамильярнымъ тономъ, въ которомъ чувствовался намекъ на мой юный возрастъ, озадачила меня словами: «Вы проповѣдуете, что всю Россію необходимо обратить въ фабрику. А знаете ли вы русскую деревню?» Я смолчалъ, сдѣлавъ видъ, что принимаю сказанное за любезную шутку на прощаніе, и мы разстались. Дамѣ, въ словахъ которой совершенно несомнѣнно звучало убѣжденіе, что я по молодости лѣтъ проповѣдую какія-то глупости *), я врядъ ли могъ бы сколько-нибудь убѣдительно доказать свое право имѣть и высказывать мнѣніе объ экономическомъ развитіи Россіи, совершенно независимо отъ какихъ-либо личныхъ наблюденій. Но, сознавая это право, я всегда очень живо чувствовалъ, что оно не устраняетъ ни глубокой потребности, ни высокой субъективной цѣнности живыхъ личныхъ впечатлѣній. Научная добросовѣстность, конечно, никогда не позволила бы мнѣ ни въ литературѣ, ни даже передъ «дамой» обосновывать свой взглядъ на экономическія судьбы Россіи такими личными впечатлѣніями и наблюденіями—я всегда сознавалъ бы, что они, эти личныя впечатлѣнія, какъ бы они ни были количественно и качественно богаты, несоизмѣримы съ задачей истолкованія путей и условій экономическаго развитія цѣлой страны, что для этого *нужна* и *достаточна* упорная и строгая къ себѣ работа теоретической мысли. Но я всегда алкалъ и искалъ личныхъ впечатлѣній и изъ простой жажды подлинной жизни, и въ качествѣ субъективно цѣннаго подспорья, какъ бы вкусовой приправы къ сухимъ и тяжелымъ теоретически-книжнымъ яствамъ. «Дама» со своимъ снисходительно-презрительнымъ вопросомъ вовсе не посрамила меня передъ самимъ собой, она только вновь разбудила во мнѣ неудовлетворенную и неудовлетворимую потребность соприкосновенія съ непосредственною жизнью.

Этимъ лѣтомъ мнѣ удалось и, быть можетъ, еще удастся удовлетворить хотя немного эту потребность. Какъ неисправимый литераторъ и книжникъ, я переношу эти впечатлѣнія, впрочемъ, въ обобщенномъ видѣ, на бумагу.

II.

Мы привыкли слышать и говорить, что новѣйшая экономическая исторія шествуетъ семимильными шагами по стезѣ прогресса. Но когда

*) Нечего, конечно, объяснить, что я ничего подобнаго не «проповѣдую».

отрѣшаешься нѣсколько отъ огульнаго расмотрѣнія, при которомъ тонкіе штрихи времени и мѣста сливаются въ грубыя черты и мазки, суммирующія и погашающія множество мѣстныхъ и временныхъ различій, то замѣчаешь, что многое такое, чему давно пора бы сгинуть, стоитъ съ поразительнымъ упорствомъ на мѣстѣ и обнаруживаетъ очень мало охоты стать «достояніемъ исторіи». На эти размышленія меня навели хозяйственныя условія той губерніи, куда я прежде всего попалъ. Они имѣли своего классическаго бытописателя въ лицѣ А. Н. Энгельгардта, автора «Писемъ изъ деревни» (1872—1887) и «Хозяйства въ сѣверной Россіи», потомъ ихъ коснулся Н. В. Шелгуновъ въ томъ фельетонѣ «Русскихъ Вѣдомостей» (1885 г.), которымъ открывается теперь отдѣльное изданіе «Очерковъ русской жизни», Что же въ описаніяхъ этихъ даровитыхъ и умныхъ наблюдателей составляло въ 70-хъ и 80-хъ годахъ центральный фактъ мѣстной хозяйственной жизни? На это можетъ быть только одинъ отвѣтъ: упорные пережитки крѣпостного хозяйства, состоящіе въ томъ, что крестьянинъ, надѣленный недостаточнымъ количествомъ земли и окруженный помѣщичьими землями («отрѣзками» и проч.), вынужденъ почти даромъ работать на помѣщиковъ, а помѣщики, опираясь на такое положеніе крестьянъ, не только могутъ, но и должны—руководствуясь здравымъ экономическимъ разсчетомъ—вести свое хозяйство, не заводя ни батраковъ, ни своего собственнаго инвентаря, т.-е. держать хозяйство въ значительной мѣрѣ на техническомъ уровнѣ крестьянъ. Этотъ фактъ такъ и остается до сихъ поръ господствующимъ въ аграрной экономіи Смоленской губерніи. Но рядомъ съ этимъ кардинальнымъ фактомъ намѣчаются тенденціи совсѣмъ другого рода, его подтачивающія и прокладывающія путь новому порядку вещей.

Можно было бы думать, что при только-что охарактеризованномъ положеніи вещей мѣстные помѣщики должны были бы стоять очень прочно въ экономическомъ отношеніи и даже расширять свое землевладѣніе Между тѣмъ этого нѣтъ: мѣстные помѣщики, какъ мнѣ говорили лица, хорошо знающія уѣздныя дѣла и дѣлишки, теряютъ пядь за пядью, вытѣсняемые двумя другими, болѣе стойкими и жизнеспособными элементами въ экономической борьбѣ: тѣмъ же крестьяниномъ, который—неизвѣстно, откуда и какъ—собираетъ деньги и покупаетъ при содѣйствіи крестьянскаго банка «панскую» землю, и болѣе хозяйственнымъ землевладѣльцемъ Западнаго края, которому ограничительные законы противъ польскаго элемента не даютъ возможности расширять свое землевладѣніе и хозяйство на исторической, давно освоенной почвѣ. Мнѣ кажется, что эти два элемента захватываютъ землю русскихъ помѣщиковъ просто потому, что она, дѣйствительно, очень нужна имъ обоимъ, не имѣющимъ легкаго доступа къ казенному жалованью, за которымъ русскіе, особенно сѣверные помѣщики, послѣ эмансипаціи жадно потянулись и тянутся въ города, оставляя «воздѣлываніе зла-

ковъ», какъ почтительно-иронически выражается о земледѣліи одинъ мой знакомый землевладѣлецъ, крестьянамъ и польскимъ панамъ *) и вообще всѣмъ не взысканнымъ казенной копѣйкой людямъ. Тотъ знаменательный фактъ, что стѣсняемое въ Западномъ краѣ польское землевладѣніе, благодаря этимъ стѣсненіямъ, переносится въ чисто русскія губерніи, напомнило мнѣ аналогичный процессъ, о которомъ я узналъ изъ разсказовъ одного безпристрастнаго и образованнаго нѣмца, наблюдавшаго дѣло въ Познани **). По его словамъ, по мѣрѣ того, какъ, благодаря аграрнымъ мѣропріятіямъ прусскаго правительства, здѣсь на польской землѣ осаждалось нѣмецкое крестьянство, въ *городѣ* Познани на деньги, выручаемыя польскими землевладѣльцами отъ продажи своихъ земель прусскому государству, выростали *цѣлыя польскія улицы* и городъ изъ нѣмецкаго превращался въ польскій. Такъ, стихійные процессы народной жизни нерѣдко разрушаютъ самые, повидимому, вѣрные политическіе разсчеты, выдвигая непредусмотрѣнныя комбинаціи и открывая таившіеся подъ спудомъ выходы.

Скупая земли русскихъ «пановъ», землевладѣльцы изъ сосѣдняго Западнаго края (я жилъ на границѣ Смоленской и Могилевской губ.) садятся на земли, которыя въ своемъ составѣ заключаютъ знаменитые отрѣзки и вообще граничатъ съ землями малонадѣльныхъ крестьянъ. Понятно, что они отнюдь не пренебрегаютъ этимъ испытаннымъ средствомъ снабженія хозяйства дешевыми рабочими силами и пользуются имъ съ не меньшей, если не съ большей систематичностью и основательностью, чѣмъ ихъ предшественники по землевладѣнію изъ коренныхъ жителей. Это неудивительно: никто себѣ не врагъ, а, кромѣ того, пришлые землевладѣльцы отличаются такой хозяйственной выдержкой, упорствомъ и основательностью, до которыхъ аборигенамъ далеко. Издержки ихъ на личное потребленіе гораздо ниже того, что позволяютъ себѣ чисто русскіе баре; они сами и ихъ дѣти не сбѣгаютъ, да и не могутъ сбѣгать на выгодную казенную службу; наоборотъ, они крѣпко сидятъ на землѣ и дѣтей къ тому пріучаютъ. Естественно, что эти люди не упускаютъ ни въ чемъ своей выгоды и являются истинными представителями типа предпринимателя, стремящагося къ наивысшему чистому доходу. Среди мѣстныхъ жителей, конечно, есть охотники объяснять успѣхи этихъ пришлыхъ землевладѣльцевъ особеннымъ, якобы «инородческимъ» умѣньемъ эксплуатировать и прижимать «русскихъ» крестьянъ. Но неосновательность этихъ указаній очевидна сама собою: развѣ Энгельгардтъ и Щедринъ, характеризуя хозяйство,

---

*) Впрочемъ, выходцы-землевладѣльцы изъ Западнаго края отнюдь не всегда поляки въ національномъ смыслѣ, иногда это литвины или даже русскіе католическаго вѣроисповѣданія. Я держусь того мнѣнія, что національность всего лучше опредѣляется тѣмъ языкомъ, которымъ говорятъ въ семьѣ.

**) Это хорошо извѣстный психіатрамъ и криминалистамъ д-ръ Курелла, въ Бреславлѣ.

основанное на «отрѣзкахъ», не изображали русскихъ землевладѣльцевъ, развѣ эта хозяйственная система не создана самими условіями крестьянской реформы, отдавшими крестьянъ, лишенныхъ луговъ и выгоновъ, во власть помѣщиковъ? Правда, хозяйничая съ полнымъ разсчетомъ и не упуская ничего, пришлые землевладѣльцы окончательно затягиваютъ отработочный узелъ: крестьяне, подвластные одному крупному земельному собственнику изъ пришлыхъ, говорили мнѣ, что — послѣ перехода владѣнія къ «поляку» — отработки за угодья увеличились количественно и стали разнообразнѣе, а денежная приплата къ нимъ сильно упала, почти вдвое, т.-е., выражаясь школьнымъ языкомъ, сильно возросъ уровень эксплуатаціи. Думаю, что это явленіе составляетъ скорѣе правило, чѣмъ исключеніе. Но затягиваніе отработочнаго узла, быть можетъ, способно приводить и къ ликвидаціи невыносимыхъ отношеній. Съ другой стороны, несомнѣнно, что новые землевладѣльцы умѣлымъ веденіемъ хозяйства подготовляютъ тотъ моментъ, когда крестьянскіе отработки могутъ быть сведены на минимумъ и замѣнены инымъ хозяйственнымъ режимомъ. Несомнѣнно также, что крестьяне употребляютъ и будутъ употреблять всѣ усилія для того, чтобы избавляться отъ отработной кабалы. Любопытное доказательство этого представляетъ одна деревня, которую мнѣ пришлось посѣтить и съ обывателями которой я говорилъ. Деревня эта, при освобожденіи, получила въ надѣлъ по 2½ десятины на ревизскую душу, при высшемъ надѣлѣ въ уѣздѣ (по Положенію) въ 4 дес. Изъ разсказовъ стариковъ оказывается, что еще до освобожденія, помѣщикъ, дававшій своей дворянской братіи балы и щедро кормившій ее при этихъ оказіяхъ, но крестьянъ жестоко тѣснившій, отрѣзалъ отъ ихъ надѣла въ свое пользованіе изрядный кусокъ земли и, такимъ образомъ, посадилъ ихъ на уменьшенный надѣлъ *). Съ двухъ сторонъ деревню и ея земли кольцомъ окружаетъ помѣщичья земля; у крестьянъ нѣтъ ни луговъ, ни выгоновъ, и, благодаря этому обстоятельству, они не въ гиперболическомъ, а въ буквальномъ смыслѣ, *даромъ* работаютъ на помѣщика. Плохой лугъ, который они берутъ *исполу* у помѣщика, они цѣликомъ оплачиваютъ своимъ трудомъ и, кромѣ того, они обязуются за лугъ цѣлымъ рядомъ отработковъ, совершенно не оплачиваемыхъ. Отработки эти заключаются въ томъ, что крестьяне берутся обработать опредѣленное число «гнѣздъ». Гнѣздо (въ другихъ мѣстахъ называемое кругомъ) состоитъ обыкновенно изъ трехъ, рѣдко изъ четырехъ **) хозяй-

*) Любопытно, что старики (а по ихъ разсказамъ, и слѣдующее поколѣніе) твердо убѣждены, что при освобожденіи ихъ обманули и что они напрасно подписывали уставную грамоту. Подписали они ее, впрочемъ, только послѣ неоднократныхъ уговоровъ мирового посредника. Между тѣмъ они получили всю ту землю, которой пользовались до освобожденія, въ размѣрѣ, превышающемъ низшій надѣлъ, установленный Положеніемъ, т. е. они получили все то, что имъ слѣдовало по закону.

**) Три — озимая, яровая и паровая десятины. Четыре — тоже съ придачей 1 дес. луга.

ственныхъ десятинъ; гнѣздовая обработка, однако, далеко не всегда ограничивается обработкой земли подъ посѣвъ и уборкой луга, но обнимаетъ собой часто и цѣлый рядъ другихъ операцій. Въ моихъ рукахъ находится подлинный договоръ о гнѣздовой обработкѣ, и изъ этого договора читатель убѣдится, какое универсальное содержаніе (которое нельзя даже, строго говоря, назвать исключительно сельскохозяйственнымъ) заключаетъ въ себѣ «гнѣздо». Я позволю себѣ привести здѣсь самое существенное изъ этого любопытнаго документа жизни: «Мы вышеписанные крестьяне (12 крестьянъ изъ 2-хъ деревень) взяли у такого-то на обработъ въ с. (такомъ-то) въ количествѣ 13-ти гнѣздъ, а именно въ яровомъ полѣ, сколько окажется экономическихъ десятинъ и въ озимомъ полѣ, сколько окажется *) въ текущемъ 1900 году съ полной опашкой, уборкой, свозкой сухого хлѣба подъ крышу, молотьбою и ссыпкой зерна въ амбары, а также уборкою на указанное мѣсто соломы, оторы и мякины». Все крестьяне обязаны дѣлать «по первому требованію экономіи». Кромѣ того, они «по первому требованію экономіи должны скосить исполу весь нижній лугъ, облогу около сада, бывшую подъ клеверомъ, а также... высушить, сложить въ копы равномѣрно и экономическую половину свезти прежде своей въ сарай и уложить въ указанное мѣсто». Кромѣ того, крестьяне «тѣмъ же порядкомъ обязаны скосить указанныя экономіей пять десятинъ клевера съ третьей копы, т.-е. себѣ получить одну копу, а двѣ копы доставить въ экономію». Для обсѣмененія десятинъ въ паровомъ полѣ крестьяне «обязуются намолотить семь овиновъ ржи на все количество десятинъ, сколько потребуется для посѣва поля». Удобреніе крестьяне обязуются «вывезти все находящееся въ с. (такомъ-то) и тотчасъ навозъ разбить равномѣрно и запахать... По вывозкѣ навоза тѣ мѣста, гдѣ находится навозъ, настлать экономической соломой». Крестьяне далѣе обязаны:

«Вычистить весь хлѣбный сарай и пуни для укладки хлѣба и сѣна и вывезти на указанное экономіей мѣсто, а также очистить по вскрытіи весны сего года отъ лома луга».

«Обработать по первому требованію и указанію экономіи всѣ огороды съ производствомъ посѣва подъ картофель и другія огородныя растенія данными экономіей сѣменами».

«Осенью... по первой санной дорогѣ и по первому требованію выставить экономіи тринадцать подводъ для своза клади не менѣе 21 пуда на подводу разстояніемъ не далѣе 40 верстъ **) отъ экономіи».

«Вырубить тринадцать куб. саженъ дровъ въ указанномъ мѣстѣ, но не далѣе 7 верстъ отъ экономіи, наколоть ихъ на мелкія плахи и перевезти въ с. (такое-то) и сложить аккуратно въ указанномъ мѣ-

*) Неопредѣленность относится къ распредѣленію земли въ поляхъ. 13 гнѣздъ= 39 десятинамъ.

**) Въ 40 верстахъ какъ разъ находится главное мѣсто сбыта — губернскій городъ.

стѣ». «За аккуратное и точное исполненіе обозначенныхъ въ семъ условіи работъ мы крестьяне отвѣчаемъ круговой порукой другъ за друга, а въ случаѣ неисполненія какого-либо пункта сего условія или части онаго, а также въ случаѣ самовольнаго распаса скота на экономической уру̀гѣ *) подвергаемъ себя штрафу въ пользу NN по десяти рублей каждый» **). За всѣ указанныя работы, изъ которыхъ, конечно, слѣдуетъ исключить уборку луга и клевера (значительно болѣе, чѣмъ сполна, оплачиваемую половиной луга и третью клевера) крестьяне получаютъ за каждое гнѣздо 18 рублей въ три срока: при подписаніи условія 8 рублей, къ 1-му октября—3 рубля, а остальные 7 рублей—по окончаніи всѣхъ выговоренныхъ работъ. Къ этой суммѣ необходимо прибавить то, чѣмъ выручка отъ половины сѣна и трети клевера превосходитъ обыкновенную оплату сѣнокосной работы.

Энциклопедичность гнѣзда, съ достаточной выпуклостью выступающая въ приведенномъ нами договорѣ, напоминаетъ намъ объ его происхожденіи по прямой линіи изъ барщины. Кажется, здѣсь недостаетъ только раздачи бабамъ «талекъ», да мелкихъ сборовъ, т.-е. тѣхъ элементовъ барщины, которые многіе разсчетливые хозяева крѣпостной эпохи считали не стоющими вниманія и предлагали упразднить. Изъ данныхъ земской статистики мы, впрочемъ, знаемъ, что эти элементы барщины уцѣлѣли въ натуральной крестьянской арендѣ и по сіе время ***). Замѣчу, между прочимъ, что и до освобожденія въ нѣкоторыхъ благоустроенныхъ барщинныхъ имѣніяхъ подводная повинность, справедливо считавшаяся крайне тягостною для крестьянъ, иногда тоже была платной, а если и не платной, то во всякомъ случаѣ точно урегулированной ****). Несомнѣнно, что универсальные гнѣздовые договоры, подобные приведенному, юридически свободные крестьяне заключаютъ только изъ крайней нужды либо въ наличныхъ деньгахъ, либо въ какихъ-нибудь угодьяхъ, либо въ томъ и другомъ вмѣстѣ. Универсальная гнѣздовая обработка чаще всего и встрѣчается въ этой смѣшанной формѣ аренды, сочетающейся съ личнымъ наймомъ. Что крестьянину, ведущему свое хозяйство, невыгодно обязываться вообще работой на чужой землѣ, да еще «по первому требованію», это какъ нельзя лучше выяснилъ еще Энгельгардтъ. «Работа лѣтомъ, въ страду, въ помѣщичьемъ хозяйствѣ разоряетъ мужика и потому на такую работу онъ

---

*) Уру̀гой здѣсь называется выгонъ для скота.

**) Кромѣ этого, за частныя неисправности установлены особые штрафы.

***) См. *Карышевъ* «Внѣнадѣльныя крестьянскія аренды» и *Ильинъ* «Развитіе капитализма въ Россіи».

****) Опредѣлялась величина клади и длина переѣзда, напр., 23 пуда и 300 верстъ. 300 верстъ эти могли быть сдѣланы 1, 2, 3, 4, 5 подводами; принимались въ разсчетъ условія пути. Дни проѣзда съ кладью засчитывались въ барщину; также засчитывались въ барщину дни, потерянные по причинѣ дурной дороги, и т. п.

идетъ лишь изъ крайности, отбиваясь отъ этой работы елико возможно... Онъ борется до послѣдней степени и беретъ страдную работу только тогда, когда нѣтъ никакой возможности обойтись, когда нѣтъ хлѣба когда приступаютъ къ продажѣ скота за недоимки» *).

Сколько приходится крестьянину при разныхъ видахъ гнѣздовой обработки за рабочій день на своихъ харчахъ, со своею лошадью и своими орудіями? На этотъ вопросъ крестьяне, которымъ я его задавалъ, отвѣчали ироническою усмѣшкой, затрудняясь въ то же время опредѣлить цифру. Одно было ясно: они прекрасно понимаютъ, что ихъ трудъ отдается почти задаромъ. Энгельгардтъ въ свое время (70-ые г.) вычислилъ, что крестьяне при «гнѣздовой» или «круговой» обработкѣ получаютъ, считая равными по цѣнности день работы лошади, день работы мужчины и день работы женщины, по 11⁴/₅ коп. за мужской рабочій день, постольку же за денную работу лошади и постольку же за женскій рабочій день **); Шелгуновъ (въ 80-хъ г.) писалъ, что крестьяне—при этой формѣ найма—получаютъ 15—20 коп. поденной платы, считая сюда оплату работы лошади.

Но вернемся къ нашей деревнѣ. Отработки ея, какъ увѣряютъ крестьяне,—и нѣтъ причинъ имъ не вѣрить,—безусловно даровые. Въ составъ ихъ входитъ, между прочимъ, поставка подводъ, и вообще они приближаются къ тому универсальному «гнѣзду», которое я охарактеризовалъ выше. Безъ всякихъ украшеній, это—чистѣйшая барщина. Но тогда какъ барщина въ крѣпостное время всегда оплачивалась надѣломъ, пореформенная барщина, какъ я сказалъ, часто ни чѣмъ не оплачивается. При *такомъ* надѣлѣ, *такъ* расположенномъ, крестьяне прожили все время послѣ освобожденія до настоящаго года, и только теперь они, наконецъ, надо думать, выйдутъ изъ тисковъ. Теперешній владѣлецъ, которому рабство крестьянъ, несмотря на прелести дарового труда, очевидно, стало невтерпежъ, «*обѣщалъ ихъ выпустить*», какъ весьма характерно выразился въ разговорѣ со мной крестьянинъ той же деревни, давно уже не занимающійся землей (ея не хватаетъ и на одного брата) и живущій въ кучерахъ. Баринъ, держащій крестьянъ въ своихъ рукахъ, милостиво покупаетъ ненужную ему крестьянскую надѣльную землю по 100 руб. за десятину (земли у крестьянъ всего 163¹/₂ дес.). Вырученная отъ продажи этой земли сумма пойдетъ въ качествѣ доплаты крестьянскому банку за пріобрѣтаемую крестьянами новую землю въ размѣрѣ около 300 дес. и цѣной въ 150 р. Теперь крестьяне напряженно и съ волненіемъ ждутъ, во сколько оцѣнитъ банкъ высмотрѣнную ими землю, т.-е. хватитъ ли тѣхъ денегъ,

*) «Изъ деревни». 12 писемъ. Изд. 3-е. Спб. 1897, стр. 481.

**) «Отеч. Записки» 1873, № 2. «Вопросы русскаго сельскаго хозяйства III. Дороговизна ли рабочихъ рукъ составляетъ больное мѣсто нашего хозяйства?» Перепечатано въ сборникѣ статей Энгельгардта, изданномъ подъ заглавіемъ «О хозяйствѣ въ сѣверной Россіи». Спб. 1888 (стр. 209—256).

которыя они, погасивъ выкупную ссуду, могутъ выручить отъ продажи теперешняго надѣла и представить въ качествѣ доплаты крестьянскому банку. Если дѣло сладится, наша деревня въ составѣ 26 дворовъ переѣдетъ на новое мѣстс, и многоземельный «панъ», державшій въ клещахъ малоземельныхъ мужиковъ, можетъ впредь не возиться съ потравами и пр. и вообще не имѣть дѣла съ мужикомъ, который за глаза называетъ его, безъ околичностей, тираномъ, т.-е. попросту ненавидитъ. Крестьянскія три поля войдутъ въ многопольный сѣвооборотъ помѣщика, и панъ вмѣсто даровыхъ работниковъ крестьянъ, будетъ нанимать батраковъ и поденщиковъ. Милость пана, покупающаго крестьянскій надѣлъ по 100 р. за десятину, быть можетъ, не такъ ужъ велика: правда, пану не хлѣбъ ѣсть съ этой земли, какъ мужикамъ, но когда кругомъ земля покупается за 125—150 р. крестьянами, то недурно купить землю за 100 р.—вѣдь потомъ ее когда-нибудь и за 200 руб. можно будетъ продать. Кстати, всѣ мѣстные жители говорятъ, что въ послѣдніе годы пришлые паны почти уже перестали покупать земли,—такъ крестьяне, при помощи крестьянскаго банка, подняли цѣны. *При такихъ высокихъ цѣнахъ земли доступны только крестьянамъ.* Читатель, незнакомый ни съ житейскими фактами, ни съ выведенными изъ нихъ «парадоксами» экономистовъ, изумится этому положенію. Но несомнѣнно, опытомъ разныхъ странъ, доказывается, что чѣмъ меньше землевладѣлецъ—капиталистъ и чѣмъ больше онъ—земледѣлецъ, тѣмъ дороже онъ можетъ платить за землю. Землевладѣлецъ-некапиталистъ, самъ работающій на землѣ, можетъ спокойно не получать ни процента на капиталъ, ни предпринимательской прибыли, ни земельной ренты. Исторія не пріучила его совсѣмъ къ нетрудовому доходу, и полученіе послѣдняго не входитъ въ разсчетъ крестьянина.

Я не сказалъ еще, что землю ищутъ и цѣны на нее подымаютъ не только здѣшніе крестьяне, но и пришлые земледѣльцы: крестьяне изъ настоящей Бѣлоруссіи (изъ Могилевщины) и латыши, т.-е. выходцы изъ Остзейскаго края. Послѣдніе, впрочемъ, встрѣчаются здѣсь спорадически, много рѣже, чѣмъ, напр., въ недалекомъ отсюда Жиздринскомъ уѣздѣ, Калужской губ., и, конечно, гораздо рѣже, чѣмъ въ Петербургской и Псковской губ., въ которыхъ они осѣдаютъ въ большомъ количествѣ, разнося улучшенную сельскохозяйственную культуру и подавая русскому населенію поучительный примѣръ поразительнаго активнаго и цѣлесообразнаго упорства въ трудѣ.

Какъ ни выгодно за отрѣзки и вообще за недостающія крестьянамъ земли получать даромъ или почти даромъ гнѣздовую обработку, но все-таки мѣстные помѣщики сами начинаютъ понимать, что при такихъ условіяхъ они вмѣстѣ съ крестьянами когда-нибудь упрутся лбомъ въ стѣну. Кромѣ того, на крестьянскихъ малосильныхъ лошадяхъ нельзя подымать землю изъ подъ клевера и потому клевер-

ное поле необходимо обрабатывать своимъ рабочимъ скотомъ. Любопытно, что этого слѣдствія техническаго прогресса помѣщичьихъ хозяйствъ Шелгуновъ въ 1885 г. даже не предвидѣлъ. Противопоставляя Смоленскую губ. Новгородской, Шелгуновъ тогда писалъ:

«Пока мужику нужны отрѣзки, онъ едва ли откажется отъ гнѣздовой обработки, какъ бы она ни была ему тяжела. Въ сѣверныхъ уѣздахъ Новгородской губерніи эта система тоже практиковалалась первое время послѣ освобожденія. Но, когда владѣльцы перешли къ шести и восьмипольному хозяйству съ клеверомъ, обработка гнѣздами прекратилась, потому что оказалась невыгодной для владѣльцевъ и невозможной для мужиковъ. Для владѣльцевъ была невыгодна мелкая вспашка сохами, а мужикамъ оказалось не подъ силу поднимать задернѣлую землю, стоявшую подъ клеверомъ 5—6 лѣтъ. Такъ круги и прекратились. Прекращеніе это было «естественнымъ» слѣдствіемъ новыхъ земледѣльческихъ условій, а въ нашей мѣстности причинъ для подобнаго слѣдствія и нѣтъ, и не предвидится. У насъ хозяйство трехпольное, ведется оно по старому, и рѣшительное большинство владѣльцевъ не желаетъ улучшенія, потому что безъ затратъ и лишнихъ хлопотъ ихъ и не введешь. При такихъ скромныхъ желаніяхъ владѣльцевъ самъ Богъ послалъ имъ гнѣздовую обработку. Правда, что крестьяне съ гнѣздами хозяйничаютъ по своему, по деревенски, не лучше и не хуже, безъ всякой «интенсивности». Но вѣдь если владѣльцамъ и не нужно ничего лучшаго и клевера они сѣять не станутъ, то нужно думать, что при этихъ условіяхъ мужикъ еще долго будетъ нуждаться въ отрѣзкахъ и обрабатывать земледѣльческія гнѣзда» (стр. 6).

Между тѣмъ за время прошедшее съ того момента, что писалъ Шелгуновъ частные владѣльцы всѣ стали сѣять клеверъ. Въ связи съ этимъ въ ихъ хозяйствахъ появились плуги, и теперь огромное большинство и крестьянъ въ той мѣстности, гдѣ я жилъ, пашетъ плугами. Я по крайней мѣрѣ, обойдя нѣсколько десятковъ крестьянскихъ дворовъ, въ одной только видѣлъ соху; ходя по полямъ во время пахоты, я встрѣтилъ только двухъ крестьянъ, пахавшихъ сохами. Прежде плуги привозились изъ Риги, а теперь они дѣлаются въ ближнихъ городахъ — Смоленскѣ и Витебскѣ. Крестьянину плугъ обходится въ 4 р. 50 — 5 р. и стоитъ не дороже сохи. Пашетъ онъ лучше, а, главное съ нимъ гораздо легче работать: плугомъ могутъ работать не только женщины, но даже дѣти. Кромѣ того имъ можно поднять такую почву, съ которой соха не можетъ ничего подѣлать. Съ этой стороны, крестьянское хозяйство не разошлось въ техническомъ отношеніи съ помѣщичьимъ, а послѣдовало за нимъ.

Такимъ образомъ, хотя экономическая исторія здѣсь и не движется въ семимильныхъ сапогахъ, но за 10—15 лѣтъ, прошедшія съ тѣхъ поръ, что о здѣшнихъ хозяйственныхъ дѣлахъ писалъ Шелгуновъ, кое-что все-таки измѣнилось. Правда, пореформенная барщина, отработки

за угодья, стоитъ еще очень крѣпко. Тѣмъ не менѣе, эта система несомнѣнно медленно, но будетъ отмирать. «Старая помѣщичья система,— писалъ Энгельгардтъ въ «Письмахъ изъ деревни»—послѣ «Положенія» замѣнилась кулаческой, но эта система можетъ существовать только временно, прочности не имѣетъ и должна пасть и перейти въ какую-нибудь иную прочную форму. Если бы крестьяне въ этой борьбѣ пали, обезземелились, превратились въ кнехтовъ, то могла бы создаться какая-нибудь прочная форма батрацкаго хозяйства, но этого не произошло—падаютъ, напротивъ, помѣщичьи хозяйства. Съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе закрывается хозяйство, скотъ уничтожается и земли сдаются въ краткосрочную аренду, на выпашку подъ посѣвы льна и хлѣба. Пало помѣщичье хозяйство, не явилось и фермерства, а просто-на-просто происходитъ безпутное расхищеніе — лѣса вырубаются, земли выпахиваются, каждый выхватываетъ что можно и бѣжитъ. Никакія техническія улучшенія не могутъ въ настоящее время помочь нашему хозяйству. Заводите какія угодно сельскохозяйственныя школы, выписывайте какой угодно иностранный скотъ, какія угодно машины, ничто не поможетъ, потому что нѣтъ фундамента. По крайнѣрѣ я, какъ хозяинъ, не вижу никакой возможности поднять наше хозяйство, пока земли не перейдутъ въ руки земледѣльцевъ» (стр. 610—611).

По всей видимости, Энгельгардтъ слишкомъ рѣзко ставилъ альтернативу. Вмѣсто непримиримаго «или—или» *исторія готовитъ компромиссъ*. Значительная часть помѣщичьихъ хозяйствъ будетъ ликвидирована и ихъ площадь отойдетъ къ крестьянамъ, но въ оставшихся утвердится прочное батрачное хозяйство, о достаточомъ снабженіи котораго «кнехтами» и поденщиками наши еще пока не зараженные неомальтузіанствомъ крестьяне сами позаботятся. В. Ильинъ, авторъ книги «Развитіе капитализма въ Россіи», очень мѣтко указалъ, что Энгельгардтъ, считавшій помѣщичье хозяйство безсмысленнымъ и предсказывавшій ему гибель, самъ въ своей практикѣ вырабатывалъ основы раціональнаго помѣщичьяго хозяйства, основаннаго на батрацкомъ трудѣ.

Несомнѣно, что крестьяне, покупая помѣщичьи земли при содѣйствіи крестьянскаго быта хотя бы и за очень высокую цѣну, не оставляющую ничего ни для прибыли, ни для ренты, все-таки весьма много выигрываютъ отъ этого. Покупая землю, они этимъ самымъ отрѣзываютъ возможность безграничнаго повышенія земельной ренты на ихъ счетъ, они, такъ или иначе, фиксируютъ ренту, между тѣмъ какъ, будучи арендаторами, они жили бы подъ постоянной угрозой повышенія арендной платы. Поставить хоть какіе-нибудь предѣлы повышенія ренты очень важно для крестьянъ, и отсюда для нихъ прямой разсчетъ покупать землю во что бы то ни стало. Конечно, своей высокой покупной цѣной, являющейся естественнымъ результатомъ ихъ усиленнаго спроса, они гонятъ ренту вверхъ, за предѣлы возможной и существующей въ дан-

ный моментъ доходности, но они, во всякомъ случаѣ, повторяю фиксируютъ ее. Поэтому-то вездѣ, гдѣ крестьяне могутъ хоть сколько-нибудь сберегать, они набрасываются на землю, которая въ силу этого всюду въ сѣверной и сѣверно-центральной Россіи, въ области сравнительно зажиточнаго крестьянства, большими массами переходитъ въ его руки. Въ Смоленской губ. этотъ процессъ обозначился довольно рѣзко.

III.

Здѣсь нѣтъ сколько-нибудь замѣтной «дифференціаціи» крестьянскаго населенія, которая такъ рѣзко бросается въ глаза и въ многоземельной Самарской губ. (и вообще въ Нижнемъ Поволжьѣ), и въ богатыхъ сѣверныхъ губерніяхъ. Для нея нѣтъ почвы. Населеніе бѣдно, и въ немъ происходитъ не столько дифференціація, сколько медленный *подъемъ* общаго *низкаго* уровня. Рѣзкое отличіе такихъ мѣстностей, какъ характеризуемая мною, отъ богатыхъ отхожихъ уѣздовъ сѣверной и сѣверно-центральной Россіи сказывается въ слѣдующей въ высшей степени характерной черточкѣ: тогда какъ въ нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, мѣстностяхъ Тверской губ., въ каждомъ домѣ есть самоваръ и крестьяне два раза въ день пьютъ чай, здѣсь на цѣлую деревню въ 20—30 дворовъ приходится одинъ самоваръ, а то его и вовсе нѣтъ. Здѣсь народъ одѣвается еще въ значительной мѣрѣ въ самодѣльныя ткани, и этотъ фактъ лишній разъ вмѣстѣ съ прочими наблюденіями укрѣпилъ во мнѣ убѣжденіе, что нашъ (да и вообще всякій) крестьянинъ очень цѣпко держится за натуральное хозяйство, если это для него экономически возможно и выгодно. Ткать холсты и дѣлать сукно крестьяне перестаютъ только тогда, когда для нихъ экономически невозможно или невыгодно сѣять ленъ и коноплю и держать овецъ, т.-е., главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ земельнаго утѣсненія, а вовсе не въ силу какой-то мистически дѣйствующей конкуренціи московскихъ, владимірскихъ и лодзинскихъ фабрикъ, якобы побивающихъ крестьянское натуральное хозяйство. Какое дѣло крестьянину до того, что московскій ситецъ и петербургское или клинцевское сукно дешевы, если онъ можетъ—съ точки зрѣнія своего хозяйственнаго разсчета—еще дешевле самъ руками бабъ спрясть и соткать въ свободное время свой холстъ и свое сукно? Другое дѣло, когда у него нѣтъ земли для посѣва льна, нѣтъ скота для удобренія конопляника, нѣтъ, куда выгнать овецъ. Вотъ тогда онъ дѣйствительно вынужденъ идти на встрѣчу фабричному ситцу и сукну. Зависимость между явленіями, какъ я это уже раньше доказывалъ, вовсе не та, которую выдумали—нужно, впрочемъ, по справедливости сказать съ легкой руки Маркса—нѣкоторые доктринеры. Но если крестьяне до сихъ поръ цѣпко держатся за натуральное хозяйство, насколько оно имѣетъ экономическій смыслъ, то это не

значитъ вовсе, что ихъ хозяйство стоитъ внѣ власти денегъ. Деньги у здѣшняго крестьянина растутъ на огородѣ и къ ихъ взращиванію онъ поневолѣ долженъ относиться съ огромнымъ вниманіемъ. Уѣздъ лежитъ въ «конопляномъ» районѣ *), изстари производящемъ коноплю и выручкой за нее покрывающемъ почти всѣ свои денежныя надобности. Продажа конопли здѣшнему крестьянину даже во снѣ снится. Конопля служа основой денежнаго хозяйства, является въ то же время подспорьемъ и натуральнаго.

Такимъ образомъ, здѣсь, какъ, впрочемъ, думается мнѣ, вездѣ, несмотря на прочные и именно *въ силу своей относительной экономической раціональности* прочные остатки натуральнаго хозяйства, идилліи его безраздѣльнаго господства или хотя бы только преобладанія не наблюдается.

Я сказалъ, что здѣсь происходитъ медленный, но вѣрный подъемъ жизненнаго уровня крестьянства. Оно начинаетъ обростать тѣломъ послѣ продолжительнаго періода исхуданія. Обростаніе это сказывается въ слѣдующемъ любопытномъ фактѣ, имѣющемъ совершенно непререкаемое доказательное значеніе. Шелгуновъ, характеризовавшій ту же самую мѣстность, въ которой пришлось пожить мнѣ, чрезвычайно выпукло нарисовалъ картину крестьянской бѣдности и крестьянскаго питанія на основаніи наблюденій надъ привозимымъ крестьянами на мельницу хлѣбомъ. «Въ Смоленской губерніи на мельницы, — писалъ онъ,—крестьяне привозятъ такой хлѣбъ, что стыдно въ руки взять: земли, мякины, всякой шелухи столько, что не увидишь зерна. Посмотри, что ты привезъ: какъ это молоть?—говорятъ мужику,—а онъ съ добродушной ироніей отвѣчаетъ: люди не свиньи,—съѣдятъ. Мужикъ хочетъ сказать, что даже свиньи не станутъ ѣсть того, что ѣдятъ люди. Хороша же жизнь, вызвавшая такую иронію». Въ то время, когда эту мельницу наблюдалъ Шелгуновъ, на ней, какъ говорило мнѣ лицо, близко стоящее къ дѣлу, около 75% всего привозимаго крестьянами для помола хлѣба состояло изъ такъ называемыхъ «сýбарныхъ» хлѣбовъ, т.-е. изъ смѣси ржи съ болѣе дешевыми хлѣбами; *теперь* крестьяне почти исключительно привозятъ хорошую несмѣшанную рожь. Сýбарь же теперь идетъ почти исключительно на приготовленіе корма *свиньямъ*. Далѣе Шелгуновъ описывалъ «несчастный и неисходный круговоротъ, начинающійся и кончающійся мужикомъ». Этотъ круговоротъ состоялъ въ томъ, что, «наготовивъ хлѣба, мужикъ его осенью и зимою смелетъ и выплатитъ мельницѣ натурой, потомъ тотъ же хлѣбъ и съ той же мельницы возьметъ весной въ долгъ, но уже затхлый. Осенью возвратитъ долгъ свѣжимъ хлѣбомъ, а весной получитъ опять тухлятину. Мельница становится какъ бы запаснымъ хлѣбнымъ магазиномъ, и безконечная игра въ долгъ и

*) Конопля сѣется на пріусадебной или огородной землѣ.

отдачу ведется какъ бы только для освѣженія хлѣба, и, конечно, мельничнаго, потому что если на мельницѣ есть хлѣбъ, свѣжій и не свѣжій, то нужно думать, что мельникъ прибережетъ свѣжій хлѣбъ для продажи за деньгу». *Теперь* мельница почти совсѣмъ потеряла значеніе такого кредитующаго запаснаго магазина, потому что у большинства крестьянъ не только хватаетъ хлѣба, но завелись и избытки. Крестьяне по прежнему платятъ за хлѣбъ натурой (хотя это менѣе выгодно, чѣмъ расплата деньгами, однако крестьяне не любятъ и часто не могутъ платить деньгами), но ихъ «натура» уже больше не возвращается къ нимъ, а продается мельницей евреямъ, которые являются главными ея кліентами по размолу на продажу. Мельница, о которой идетъ рѣчь, «обслуживаетъ», выражаясь техническимъ желѣзнодорожнымъ терминомъ, довольно значительный районъ (до 40 верстъ), и размалываетъ довольно много зерна, и потому тѣ крупныя перемѣны, о которыхъ я говорю, несомнѣнно доказываютъ подъемъ жизненнаго уровня всего окрестнаго крестьянскаго населенія.

V.

Носителемъ торговаго обмѣна здѣсь по преимуществу является такой чрезвычайно приспособленный и исторически подготовленный къ этому элементъ, какъ евреи. Въ 10-ти верстахъ отъ того мѣста, гдѣ я жилъ, проходитъ черта еврейской осѣдлости, но фактически наши мѣста находятся, выражаясь колоніально-дипломатическимъ языкомъ, въ «сферѣ вліянія» евреевъ. При извѣстныхъ благопріятныхъ условіяхъ (когда въ этомъ, прямо или косвенно, нуждаются власть имущія лица), они даже пользуются настоящей осѣдлостью, благодаря чему выступаютъ не только въ роли наѣзжихъ торговцевъ, но и въ качествѣ осѣдлыхъ лавочниковъ и арендаторовъ. Независимо отъ какихъ-либо высшихъ гуманитарныхъ соображеній, меня, какъ экономиста, всегда интересовало и изумляло учрежденіе, извѣстное подъ именемъ черты еврейской осѣдлости. О томъ, что отъ нея теряютъ евреи, скученные на пространствѣ, хотя и обширной, но по русскимъ масштабамъ чрезвычайно населенной области, и выигрываетъ только еврейская обособленность,—и говорить нечего. Но возьмите пограничную область и посмотрите, что вышло бы, если бы ее удалось фактически «освободить» отъ «экономическаго» вліянія евреевъ, и вы поймете значеніе черты осѣдлости. Представьте себѣ рынокъ, на которомъ 100 покупателей встрѣчаются съ 100 продавцами, и представьте себѣ далѣе, что чьей-либо административной мудрости и энергіи удалось «облегчить» этотъ рынокъ, изъявъ 50 или 75 покупателей изъ обращенія. Тогда 100 продавцамъ противостояли бы 50 или 25 покупателей, и первымъ очень не поздоровилось бы отъ ихъ численнаго перевѣса. Въ положеніи этихъ 100 продавцевъ, которымъ выгодно, чтобы покупателей

было какъ можно больше, находятся всѣ русскіе производители, имѣющіе дѣло съ еврейскими торговцами. Послѣдніе покупаютъ все, начиная съ хлѣба и кончая даже мертвыми пчелами *), но; конечно, чѣмъ дальше живутъ и могутъ жить эти энциклопедическіе покупатели, тѣмъ слабѣе ихъ вліяніе и тѣмъ, при прочихъ равныхъ условіяхъ, образованіе цѣнъ менѣе выгодно для продавцевъ, т.-е. въ данномъ случаѣ для производителей. Это совершенно ясно становится всякому обывателю, когда почему-либо усиливаются строгости, и разрушается какая-нибудь ранѣе терпимая осѣдлость внѣ черты. А строгости наступаютъ періодически, какъ метеорологическія явленія, подъ вліяніемъ вѣяній и движеній, къ которымъ мѣстный обыватель остается непричастнымъ и происхожденіе которыхъ ему неизвѣстно.

V.

Занимаясь скупкою всевозможныхъ товаровъ и даже вовсе не товаровъ, а просто предметовъ, дальнѣйшее употребленіе и вообще судьба которыхъ нѣсколько загадочны, евреи врядъ-ли могутъ быть въ серьезъ считаемы носителями въ здѣшнихъ мѣстахъ «капитализма». Фабричныхъ трубъ они не воздвигаютъ, и ихъ крупное участіе въ торговлѣ врядъ-ли «разлагаетъ» здѣшнее крестьянство. Тѣмъ не менѣе успѣхи самаго подлиннаго капитализма — безъ всякой особой дифференціаціи крестьянства и при несомнѣнномъ переходѣ въ его руки помѣщичьихъ земель—очень замѣтно сказываются на здѣшнихъ мѣстахъ. Они, подобно почти всей непромышленной центральной Россіи, вовлечены въ то теченіе, которое временно или навсегда уноситъ избыточное населеніе на югъ, въ новый растущій районъ горной и металлургической промышленности, въ такъ называемый «Донецкій бассейнъ». Отхожіе промыслы были развиты въ уѣздѣ и раньше, были въ немъ цѣлыя селенія, изъ которыхъ рѣдкій мужчина не бывалъ въ Петербургѣ, но рядомъ съ этимъ множество селеній было вовсе не тронуто отходомъ. Теперь въ прежнихъ неотхожихъ и чисто земледѣльческихъ селеніяхъ развивается отходъ и въ большіе города (Петербургъ и Москва) и на промышленный югъ. На югъ идутъ на сахарные заводы Юго-Западнаго края и въ «Юзовку». Подъ названіемъ «Юзовки» разумѣется не только самая Юзовка, но весь южный горнопромышленный районъ. Отходъ этотъ недавняго происхожденія, начался онъ не болѣе, какъ лѣтъ 7—8 тому назадъ, но, повидимому, развивается очень быстро. У меня имѣются данныя о 15 деревняхъ съ 370 дворами. Изъ этихъ 370 дворовъ, 53, т.-е. около 14 проц. **), поставляютъ отхожихъ работниковъ, уходящихъ на продолжительные и дальніе заработки,

*) Для чего покупаются мертвыя пчелы—я не знаю, и мнѣ не умѣли объяснить.

**) На дворъ приходится иногда не одинъ, а два или болѣе отхожихъ рабочихъ. Поэтому число ихъ должно быть больше числа дворовъ, дающихъ отходъ.

главнымъ образомъ въ «Юзовку». Несомнѣнно, что въ развитіи этого отхода извѣстную роль съиграла и паспортная реформа конца 90-хъ годовъ: теперь, когда паспортъ ничего не стоитъ, взять его гораздо легче, чѣмъ прежде; легче поэтому и уйти. Любопытно, что крестьяне теперь нерѣдко берутъ паспортъ на всякій случай, не имѣя вполнѣ опредѣленнаго намѣренія воспользоваться имъ.

Здѣшній отходъ носитъ рѣзкія черты новаго, еще непривычнаго для самого населенія, разрыванія вѣковыхъ узъ. Въ мѣстностяхъ стараго отхода населеніе выработало въ себѣ извѣстную дисциплину, на отходѣ покоится существованіе не только самихъ уходящихъ, но и тѣхъ, кто остается дома, очень часто даже самая возможность поддерживать осѣдлость и хозяйство. Здѣсь отходъ не создалъ еще въ населеніи никакой экономической дисциплины: отрывающееся отъ земли населеніе не освоилось еще со своимъ новымъ положеніемъ и не прониклось сознаніемъ «обязанности»—поддерживать деревню своимъ городскимъ трудомъ.

— Отъ того, что уходятъ, бываетъ только *опущенство*,—съ презрѣніемъ и досадой говорилъ мнѣ волостной старшина волости, въ которой отходъ представляетъ новость *),—уходятъ, ничего не зарабатываютъ, ничего не приносятъ, сами чуть не голые, безъ штановъ возвращаются. Не то жаль, что они, подлецы, ничего не посылаютъ домой, а то жаль, что у нихъ, подлецовъ, у самихъ ничего не оказывается.

Вотъ крестьянинъ, братъ котораго ушелъ въ «Юзовку». Консерваторъ-старшина убѣждаетъ его при другихъ послать брату рублевку въ видѣ «гостинца», и слушающіе старшину крестьяне, конечно, очень хорошо понимаютъ, что въ этомъ добромъ совѣтѣ скрывается злая насмѣшка надъ ушедшимъ изъ дому работникомъ, отъ котораго не только не получаются деньги, но которому самому, быть можетъ, придется ихъ посылать.

Невѣрно, конечно, въ огульной формѣ, что отхожіе рабочіе изъ Юзовки и другихъ мѣстъ ни копѣйки не присылаютъ и не приносятъ съ собой домой. Но очень естественно, что выбитые нуждой изъ вѣковой земледѣльческой рутины, они теряются на каменныхъ мостовыхъ большихъ городовъ, въ дыму фабричныхъ трубъ, предъ ослѣпительнымъ свѣтомъ бессемеровскихъ конвертеровъ, въ глубинѣ угольныхъ шахтъ. Теряются, т.-е. теряютъ свое жизненное равновѣсіе, и оказываются плохими опорами для деревенскаго хозяйства. Нуженъ цѣлый рядъ поколѣній, чтобы пріучить отхожаго рабочаго сберегать и отдавать свои сбереженія деревнѣ **). Возможно, что отходъ на югъ вовсе и не

*) И въ то же время въ этой волости на 9.000 населенія обоего пола берется уже 800 паспортовъ, причемъ надо замѣтить, что женщины очень мало участвуютъ въ отходѣ.

**) Не слѣдуетъ забывать, что классическій отходъ сѣверной Россіи развился и установился въ суровой школѣ крѣпостного права.

выработаетъ такого типа содержащаго деревню городского работника. Весьма возможно, что этотъ отходъ выльется окончательно въ форму фактическаго выселенія, при которомъ такой прямой экономической зависимости деревни отъ города, или иначе и общѣе, промышленности отъ земледѣлія, и наоборотъ, не будетъ. Объ этомъ въ концѣ концовъ, мнѣ кажется, не пришлось бы сожалѣть. Отходъ, при всемъ его огромномъ цивилизующемъ вліяніи, страшно вреденъ тѣмъ, что, разобщая мужей и женъ, родителей и дѣтей, онъ мѣшаетъ прочному образованію дѣйствительно осѣдлой и культурной массы городского населенія. Деревня даетъ способы дешево содержать семью, и это является однимъ изъ моментовъ, позволяющихъ понижать городскую заработную плату. Но главное зло отхода, приносящее болѣзни и развращающее морально, это именно разобщеніе мужа съ женой и семьей. Это зло исчезнетъ, когда хроническій, т.-е. регулярный отходъ перейдетъ въ выселеніе, т.-е. когда живущій теперь на два дома отхожій рабочій станетъ, наконецъ, «жить какъ всѣ живутъ», на одинъ домъ.

Какія бы формы ни принялъ отходъ, онъ тѣмъ имѣетъ безусловно положительное значеніе для жизни и положенія земледѣльческаго крестьянскаго населенія, что противодѣйствуетъ пониженію оплаты *деревенскаго* труда. Тѣмъ самымъ онъ увеличиваетъ силу крестьянства въ экономической борьбѣ. Мнѣ всегда казалось, что въ сѣверныхъ и сѣверно-центральныхъ губерніяхъ широкое развитіе отхода составляетъ одно изъ условій, благопріятствующихъ ликвидаціи помѣщичьихъ хозяйствъ и переходу земель въ руки крестьянъ. При недостаткѣ и дороговизнѣ рабочихъ рукъ—а отходъ создаетъ именно такое положеніе вещей—крупное хозяйство испытываетъ сильныя затрудненія и неспособно къ широкому развитію. Поэтому-то вездѣ, гдѣ широко развился и развивается отходъ, онъ долженъ благопріятствовать такъ или иначе расширенію крестьянскаго хозяйства и землевладѣнія насчетъ помѣщичьяго, косвенно подрывая послѣднее. Разрѣженіе крестьянскаго населенія, отливъ его изъ перенаселенныхъ мѣстностей, выгоденъ ему самому во всѣхъ отношеніяхъ.

Такимъ образомъ, переходъ помѣщичьихъ земель въ крестьянскія руки и развитіе отхода на заводы, фабрики и шахты промышленнаго юга, этотъ «некапиталистическій» свѣтъ и эти «капиталистическія» тѣни вовсе не стоятъ между собой въ противорѣчіи. *Всѣ* не могутъ сколько-нибудь сносно устроиться на землѣ: наоборотъ, чѣмъ больше «земледѣловъ» тѣснится на землѣ, тѣмъ имъ хуже живется. Извѣстная часть неизбѣжно должна уходить, и, уходя, она оставляетъ больше простору сидящимъ на землѣ и тѣмъ увеличиваетъ ихъ хозяйственную силу.

Что же мы видѣли? Мы видѣли, какъ традиціонное крѣпостное хозяйство, съ одной стороны, уступаетъ мѣсто мелкому крестьянскому хозяйству, и съ другой—медленно преобразуется въ капиталистическое

земледѣліе; мы видѣли, какъ на почвѣ земельнаго утѣсненія развивается отливъ населенія изъ земледѣлія въ высокоразвитую, за тысячу верстъ раскинувшуюся, промышленность, представляющую цвѣтъ капитализма. Въ этой смѣшанной картинѣ съ полною ясностью и выпуклостью выступаетъ *эклектичность дѣйствительности.* Въ то же время одно несомнѣнно: здѣсь передъ нами кусочекъ *цѣльнаго,* живущаго *единой* жизнью, народнохозяйственнаго организма. Единство этой жизни состоитъ не въ единообразіи частей и функцій, а въ тѣсной связи ихъ между собой. Такъ же эклектично и въ то же время съ такимъ же единствомъ развивалась—мы знаемъ это—и хозяйственная жизнь большинства нашихъ западныхъ сосѣдей, которыхъ мы привыкли объединять подъ названіемъ «капиталистической Европы», себя къ ней не причисляя. Плохо зная Европу, которая рисуется намъ на одно лицо, манчестерское или бирмингамское, мы до сихъ поръ не знаемъ также, насколько, въ экономическомъ отношеніи, мы всегда были европейцами. Поэтому мы все не можемъ взять въ толкъ, что намъ и невозможно стать ничѣмъ инымъ, какъ только—бо̀льшими европейцами.

Въ настоящее время, когда насъ не только зовутъ въ Азію, но и прямо приглашаютъ быть азіатами въ компаніи китайцевъ и турокъ, глубоко утѣшительно сознаніе, что эта азіатская романтика не имѣетъ никакихъ корней въ нашей экономической дѣйствительности и потому есть только—одна «словесность».

Петръ Струве.

ВЪ СУТОЛОКѢ ПРОВИНЦІАЛЬНОЙ ЖИЗНИ.

(ОЧЕРКИ).

(*Продолженіе* *).

XIV.

Мои непосредственныя наблюденія надъ холерой неожиданно прекратились, потому что я самъ заболѣлъ и провалялся довольно долго.

Касаюсь этого обстоятельства, потому что оно сблизило меня съ нашимъ земскимъ докторомъ Константиномъ Ивановичемъ Колпинымъ, а черезъ него и съ цѣлой группой интеллигентныхъ лицъ деревни.

Я заболѣлъ въ началѣ августа 1892 года. Накунунѣ, вечеромъ, я только что возвратился къ себѣ въ деревню, послѣ довольно продолжительной поѣздки въ сосѣднюю губернію, гдѣ особенно сильно свирѣпствовала эпидемія.

Засыпалъ я здоровый, довольный, что вырвался невредимымъ, что пріѣхалъ наконецъ, въ такое мѣсто, гдѣ холеры никогда не было,—это объяснялось особымъ климатомъ Князевки,—а проснулся отъ нестерпимой боли въ желудкѣ, со рвотой, съ отвратительнымъ желтымъ, — иначе не могу характеризовать, потому что все было желто въ глазахъ и ощущеніяхъ, — состояніемъ моего, вдругъ сразу разслабившагося организма.

Въ открытое окно донесся испуганный крикъ горничной:

— Дядя Владиміръ, барыня приказала ѣхать за докторомъ.

И голосъ Владиміра спокойный, лѣнивый:

— Еще что?

— Баринъ заболѣлъ.

Пауза и новый вопросъ недовольнымъ тономъ:

— На какихъ лошадяхъ?

Голосъ жены:

---

*) См. «Міръ Божій», № 4, апрѣль 1900 г.

— Въ коляскѣ на выѣздной тройкѣ.

— Слушаю съ.

И, погодя, опять голосъ горничной, очевидно, уже въ догонку:

— Дядя Владиміръ, барыня приказала поспѣшить!

— Ладно,—отвѣтъ Владиміра,—баринъ тамъ живъ или нѣтъ будетъ, а за лошадей кто отвѣтитъ? Раньше, какъ черезъ двѣнадцать часовъ не ждите,—лошадей кормить тамъ буду.

Долженъ сознаться, что когда начались припадки, я струсилъ и упалъ духомъ; эти же слова Владиміра, какъ-то сразу возвратили мнѣ полное душевное спокойствіе. Если можно такъ выразиться, принимая мое тогдашнее состояніе во вниманіе, мнѣ даже весело стало отъ этой откровенной и ясной логики вещей.

Владиміръ выдержалъ характеръ и дѣйствительно явился съ докторомъ ровно черезъ двѣнадцать часовъ.

Все уже это въ то время было мнѣ, впрочемъ, совершенно безразлично. Я ощущалъ только одну невыносимую боль отъ судорогъ, ощущалъ одно желаніе, какой бы то ни было цѣной, но чтобъ окончились эти боли... Какъ сквозь запертую дверь, я слышалъ страстные убѣждающіе возгласы чужого мнѣ человѣка:

— Это надо, необходимо надо... Если бы вы только сдѣлали еще одно усиліе...

Ко мнѣ наклонялся высокій худой человѣкъ, съ маленькимъ, какъ кулачекъ, лицомъ, то молодымъ, то старымъ, когда оно сбѣгалось вдругъ все въ мелкія морщинки. Тогда черезъ раскрытыя губы его была видна дыра отсутствующаго передняго зуба, а большіе золотые очки дѣлали лицо его еще болѣе маленькимъ и старымъ. Что то изжитое, болѣвое, горькое бывало тогда въ этомъ лицѣ.

Я зналъ этого человѣка; это былъ докторъ Константинъ Ивановичъ Колпинъ, уже девять лѣтъ, прямо съ окончанія курса, жившій въ нашемъ околоткѣ.

Я зналъ его и раньше болѣзни, но онъ какъ то не вызывалъ къ себѣ интереса. Робкій, деликатный, точно испуганный или ищущій, и онъ молчалъ о себѣ, и о немъ никогда никто не говорилъ.

Собственно болѣзнь моя прошла довольно скоро, но силы возстановлялись медленно и долго еще не оставляло меня тяжелое апатичное состояніе.

Въ этомъ періодѣ докторъ довольно часто навѣщалъ меня,—мы узнали ближе другъ друга и сблизились.

Онъ оказался образованнымъ человѣкомъ, съ опредѣленными взглядами на жизнь, хорошо знакомый съ нашей литературой, съ ея господствовавшими направленіями.

На ряду съ этимъ совершенно удовлетворительнымъ впечатлѣніемъ, какое производилъ на меня Константинъ Ивановичъ,

чувствовалось въ немъ и какое-то безсиліе, что-то надломанное. Чувствовалось сознаніе этого и приниженность отъ этого сознанія.

Многое объяснилъ мнѣ одинъ эпизодъ изъ жизни доктора, разсказанный какъ-то имъ самимъ.

Онъ кончалъ тогда гимназію. Сынъ бѣдныхъ людей изъ мѣщанъ, робкій, забитый нуждой и жизнью, онъ учился и давалъ уроки, на которые и содержалъ себя, отца и двухъ сестеръ.

И вотъ нежданно-негаданно свалилась на его голову бѣда.

Сосѣдъ его во время урока бросилъ въ учителя комъ жеваной бумаги. Учитель указалъ на Колпина, какъ на виновника, потому что онъ, учитель, будто бы успѣлъ замѣтить боковымъ взглядомъ движеніе руки Колпина. Колпина исключили.

Никто не сомнѣвался, что бросилъ сосѣдъ Колпина, Ушковъ, но фактовъ не было. Ушковъ, сынъ богатаго купца, наотрѣзъ отказался признать свою вину, какъ ни просилъ его Колпинъ. Колпинъ обращался къ отцу Ушкова съ просьбой повліять на сына, но и тотъ отказалъ ему.

— Могу повѣрить,—сказалъ онъ,—и довѣряю даже вполнѣ, что мой балбесъ только и могъ это сдѣлать; но если, упаси Боже, онъ сознается и его исключатъ, убью, собственноручно убью. А ежели вы вину на себя примете, то имѣете получить отъ меня двадцать пять рублей на выѣздъ изъ города.

Тогда въ отчаяніи Колпинъ передъ всѣмъ классомъ бросился передъ молодымъ Ушковымъ на колѣни, до тѣхъ поръ рыдая и и умоляя его признаться въ своей винѣ, пока не потерялъ сознанія отъ своего перваго сердечнаго припадка.

Ушковъ не выдержалъ и признался. Ушкова исключили, Колпина приняли обратно, а Ушковъ въ тотъ же день повѣсился въ конюшнѣ своего отца.

Какой слѣдъ оставила вся эта исторія на Константинѣ Ивановичѣ, можно было судить по тому, какъ онъ передавалъ ее. Во все время разсказа онъ былъ такъ подавленъ, растерянъ, какъ будто снова все это переживалъ.

Та внутренняя преобладающая забота души, которая сидитъ во всякомъ человѣкѣ, отъ нравственнаго качества которой зависитъ выраженіе лица человѣка, выступила на лицѣ его рельефнѣе: то униженіе, которое онъ пережилъ, вымаливая себѣ право на жизнь, то угнетеніе духа, придавленность, страхъ жизни, рана сердца отъ щемящаго сознанія вины, сознанія, что и самый добрый человѣкъ своею жизнью уже заѣлъ чью-то другую жизнь... И одну ли?..

По мѣрѣ того, какъ узнавалъ я нашего доктора, эта характерная его черта—сознаніе своей вины—вырисовывалась все ярче и въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Какъ-то болѣзненно чувствовалась она у него постоянно, въ общеніи со всѣми, точно каж-

дый, кто приходилъ къ нему, уже былъ его судьей, захватившимъ его врасплохъ, и все спасеніе его, доктора, заключалось только въ томъ, чтобы какъ-нибудь умилостивить этого своего судью.

Въ концѣ концовъ вся округа стала этимъ неумолимымъ судьей, на котораго и работалъ онъ, докторъ, не покладая рукъ, все больше и больше подрывая свое здоровье. И сильнѣе получалось впечатлѣніе надломаннаго и только краешкомъ приросшаго цвѣтка.

XV.

— Ну-съ,—сказалъ мнѣ однажды Константивъ Ивановичъ,—теперь вы здоровы, можете выходить. Завтра мое рожденіе,—милости просимъ ко мнѣ.

На другой день я поѣхалъ къ нему.

Это былъ мой первый выѣздъ послѣ болѣзни.

Владиміръ радостно привѣтствовалъ меня съ козелъ и поздравлялъ съ выздоровленіемъ.

Чисто съ принципіальной точки зрѣнія, я замѣтилъ ему, что онъ менѣе другихъ былъ виноватъ въ томъ.

— Ну, что тамъ еще вспоминать, баринъ, — отвѣтилъ мнѣ пренебрежительно Владиміръ,—слава Богу, здоровы и вы, и лошадки цѣлы, вы же ѣздить будете, а то загналъ бы...

И мы поѣхали, и я съ жадностью выздоровѣвшаго переживалъ опять радость сознанія, что живу.

Была уже осень. Ясная, свѣтлая, съ пожелтѣвшими листьями, лазоревымъ небомъ, зеркальными прудами осень.

Въ полѣ рѣдко уже встрѣчались запоздавшія фигуры крестьянъ и, напротивъ, въ деревняхъ всѣ были видны на улицахъ въ спѣшной работѣ осенняго ремонта: починяли сани, крыши, возили дрова, лѣсъ, молотили на токахъ. Большинство, впрочемъ, уже обмолотилось, такъ какъ урожай и въ этомъ году былъ очень плохой.

Но лица крестьянъ, хотя и угрюмыя, не имѣли той печати ужаса, какая была въ прошломъ году: уже знали, что опять будутъ кормить.

Село, гдѣ жилъ Колпинъ, находилось верстахъ въ тридцати отъ меня.

Домъ Колпина расположенъ былъ съ боку села, на пригоркѣ.

Два-три тощихъ деревца, задавленныя бурьяномъ, печально торчали изъ-за полуразвалившагося палисадника; въ настежъ раскрытыхъ воротахъ виднѣлся грязный дворъ крестьянской конструкціи съ навѣсами и плоскушами.

Собственно и домъ самый былъ ничто иное, какъ та же крестьянская изба, немного повыше, немного пошире, съ балкономъ въ палисадникъ.

Съ этого балкона открывался видъ на все село, на церковь, на противоположный высокій гористый берегъ рѣки, гдѣ повыше расположилось сельское кладбище.

Маленькія три комнатки доктора были полны народомъ.

Кромѣ взрослыхъ гостей, было множество дѣтей и чисто одѣтыхъ съ претензіей, и простыхъ крестьянскихъ дѣтей, оборванныхъ и грязныхъ.

Докторъ то ходилъ между своими маленькими гостями, обнимая то одного, то другого, то подсаживался къ тѣмъ изъ нихъ, которыя разсматривали книжки, объясняя и смѣясь, при чемъ вокругъ его глазъ сбѣгалось множество морщинъ, а онъ, сутуловатый, пригнувшійся, трясся отъ тихаго давившаго его смѣха.

Когда входили новыя дѣти, докторъ велъ ихъ къ столу, на которомъ стояли орѣхи, пряники, карамель, а въ столѣ лежали дешевыя игрушки.

Гости, и взрослые, и дѣти, чувствовали себя налаженно.

Комнаты не вмѣщали всѣхъ и, накинувъ пальто, нѣкоторые изъ гостей сидѣли на балконѣ, по двое на одномъ стулѣ, обнявшись и пѣли.

Собравшіеся у балкона и во дворѣ у оконъ крестьяне слушали, смотрѣли, а иной входилъ и въ комнаты: постоитъ и уйдетъ или подойдетъ къ дешевой олеографіи, висѣвшей на стѣнѣ, и начнетъ разсматривать ее.

Гостей угощали родственники доктора: старикъ отецъ, одѣтый бѣдно, какъ одѣваются простые мѣщане, сестра его, жена ветеринара, и сестра дѣвушка—молоденькая, хорошенькая учительница, въ которой Константинъ Ивановичъ души не чаялъ.

Для угощенія въ углу стоялъ особый столъ съ винами, водкой и закуской. Около стола оживленно толпились гости.

Общество составляли: фельдшера съ семьями; учительница мѣстнаго села Татьяна Васильевна, героиня лучшаго романа изъ человѣческой жизни, идеальной прекрасной жизни съ двадцати пяти-лѣтнимъ трудомъ; ея знакомая учительница изъ сосѣдняго села; молодой учитель; матушка румяная, полная, нарядная, по прозванію, розовая; лѣсничій большого имѣнія, Карлъ Карловичъ, завсегдатай всѣхъ собраній, первоисточникъ всѣхъ новостей округи; писарь; нѣсколько мелкихъ землевладѣльцевъ; разнаго рода полуинтеллигентные разночинцы, выбившіеся изъ деревни же, крестьяне, мѣщане, ищущіе уже не физическаго труда.

Многихъ изъ нихъ я зналъ и раньше,—однихъ встрѣчалъ у Колпина же, другіе являлись просить какого-нибудь мѣста, предлагая свои услуги за меньшую цѣну, чѣмъ еслибъ они явились въ роли разнаго рода мастеровыхъ.

Зналъ я ихъ робкихъ, забитыхъ, старавшихся, если и было у

нихъ сознательное отношеніе къ жизни, спрятать все это подальше, выставляя на видъ только свою немощь, свою неприспособленность къ окружающей ихъ жизни.

Но здѣсь, въ гостяхъ у Колпина, люди эти, очевидно, чувствовали подъ собой почву, чувствовали себя людьми, имѣющими право жить, думать, разсуждать.

И они разсуждали, говорили и о своихъ дѣлахъ, и о дѣлахъ крестьянъ,—о земствѣ, земскихъ начальникахъ.

Близко стоящіе ко всей мелкой деревенской жизни, въ значительной степени неудовлетворенные, они старались разобраться и отыскать корень зла.

Я замѣтилъ доктору, что еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда я былъ у него, все это общество держало себя иначе. Я видѣлъ въ этомъ прогрессъ жизни.

— Отчасти, конечно, да, но главная причина, мнѣ кажется, въ томъ, что они познакомились съ вами больше: познакомились не какъ съ помѣщикомъ уже, а какъ съ писателемъ, своимъ человѣкомъ, въ нѣкоторомъ родѣ, которому полезно раскрывать карты.

— Они слѣдятъ, значитъ, за литературой?

— Несомнѣнно; многіе изъ нихъ корреспонденты газетъ.

Докторъ указалъ мнѣ на одного крестьянина, съ окладистой бородой, въ русской поддевкѣ, съ ласковыми голубыми глазами.

— Онъ самоучка, любитъ исторію, большой идеалистъ, не оставляя хозяйство, читаетъ, пишетъ въ газетахъ, механикъ-самоучка—изобрѣлъ велосипедъ между прочимъ. Сынъ у него подаетъ большія надежды: литературный талантъ.

Крестьянинъ замѣтилъ, что разговоръ у насъ съ докторомъ идетъ о немъ, и взволнованно, напряженно насторожился.

— Ахъ, очень пріятно, — торопливо заговорилъ онъ, когда мы съ докторомъ подошли къ нему, протягивая мнѣ руку по купечески, какъ-то сверху внизъ,—мы много наслышаны и даже прочитали ваше описаніе деревни...

Мы сѣли съ нимъ и онъ торопливо заговорилъ:

— Очень пріятно. Я тоже вотъ пописываю въ газеты относительно нашего житья-бытья: о пьянствѣ, развратѣ, о нуждѣ. Оно, конечно, словъ нѣтъ, польза можетъ быть и отъ земскаго, если хорошій человѣкъ и дѣло наше знаетъ. Вотъ, еслибъ ихъ выбирали, а то угождаетъ всякій. Надняхъ только вотъ въ самый сѣвъ вызываетъ за двадцать верстъ сорокъ человѣкъ и по пустому дѣлу, тамъ—скотина потоптала экономическую озимь. И самъ говоритъ: „Дѣло пустое,—вызываю, чтобъ проучить". Въ страдную-то пору, когда день годъ кормитъ: при мировыхъ не было этого.

— Мировые не были судьями и администраторами, — замѣтилъ я, — только судьями, — политика не входила въ ихъ сферу.

— Или вотъ, — продолжалъ крестьянинъ, — нашего старосту и сотскаго вызвалъ за тридцать верстъ, да и посадилъ на три дня за то, что безъ спросу ушли къ сосѣднему землевладѣльцу, а землевладѣлецъ, въ свою очередь, этихъ оштрафовалъ за то, что не выполнили взятую работу. Вотъ и насчетъ религіи: языкъ славянскій не понятный и духовенство. Вотъ, еслибъ какъ въ первые вѣка и ихъ выбирать. Вотъ я вамъ примѣръ какой приведу. И очень даже интересный, вы, пожалуйста, послушайте.

Мой собесѣдникъ, Иванъ Архиповичъ, вынулъ платокъ, прокашлялся въ него, торопливо спряталъ его опять въ карманъ и, пригнувшись, съ удовольствіемъ и разстановкой, дѣлая сильныя ударенія на о, заговорилъ:

— Живетъ у насъ женщина Дарья. Вдова она. Лѣтъ ей ужъ, видно, подъ сорокъ, но здорова и въ работѣ, можно сказать, первая баба. Но за то и въ другихъ дѣлахъ нечего грѣха таить: ну, однимъ словомъ... четырехъ ребятъ нагуляла. Двоихъ и сама не знаетъ отъ кого, а послѣднихъ отъ нашего же мужика Егора. Мужикъ женатый, отъ своей бабы у него четверо. Баба его большое горе приняла отъ этой самой Дарьи, говорятъ, отъ Дарьи и смерть приняла. Я не полагаю этого; просто тоска — жизнь не мила стала. Ну, однимъ словомъ, баба померла и остался Егоръ съ четырьмя малолѣтками, да старикомъ отцомъ, да все съ той же Дарьей и ея четырьмя. Дарья живетъ бѣдно, бѣднѣе чего и быть не можетъ: дѣтишки милостыню собираютъ. Егоровы же дѣти у Егоровыхъ дѣтей Христа ради просятъ. Извѣстно, гадится ребенокъ, что дальше, то хуже, — прямая дорога, какъ выростетъ, въ острогъ: выростетъ, узнаетъ все, благодарить отца будетъ. Не хорошо все это. Самъ Егоръ, грѣхъ сказать, мужикъ хорошій: только вотъ эта слабость съ Дарьей. Казалось бы, чего проще: померла хозяйка, жениться на Дарьѣ, да вмѣстѣ и замаливать свой грѣхъ. И работница Дарья за троихъ. Такъ и порѣшили они съ Егоромъ, да не такъ рѣшилъ батюшка. „Ты, говоритъ, женщина непутная и дѣти твои набалованныя, — зло покойницѣ при жизни дѣлала, хочешь и послѣ смерти на ея дѣтяхъ вымещать? Подъ сосной вѣнчайтесь, а я васъ вѣнчать не стану“. Не стану, да не стану. Словъ нѣтъ, можетъ быть, и вѣрно онъ говоритъ, да что же дѣлать? Мужику безъ бабы никакъ нельзя: покорился попу Егоръ, отыскалъ въ другомъ селѣ невѣсту, хорошую, тихую, не такъ, чтобъ молодую, ну такъ вѣдь и самъ-то самъ-шесть. Пріѣхала невѣста на смотрины: честь честью, а тутъ Дарья полѣномъ дрясь въ окно: всѣ стекла выбила. Выбила и говоритъ: „Вотъ это вамъ для начала, мало, сожгу, а если по-

вѣнчаетесь, снесутъ туда же, куда и первую унесли". Невѣста изъ избы вонъ. И больше ужъ нѣтъ охотницъ за Егора идти. Выбился мужикъ изъ силъ: завшивѣлъ самъ, дѣти завшивѣли. Все село, сами родные покойной уже стали просить батюшку обвѣнчать Егора съ Дарьей. Нѣтъ! Конечно, худо и такъ, и этакъ, а только, что дѣло это вѣдь ихъ, да Божье,—Богъ бы и разсудилъ ихъ, а людямъ бы не слѣдъ мѣшаться. Оно, конечно, ко благу будто, да вѣдь и въ крѣпостное время—все вѣдь будто какъ ко благу, да вотъ отставило правительство опеку, нашло, что и своимъ умомъ можетъ прожить человѣкъ па свѣтѣ.

Иванъ Архиповичъ замолчалъ, но не на долго. Радъ, что дорвался до человѣка, который слушаетъ его.

Онъ энергично повернулся ко мнѣ и, смотря въ упоръ, продолжалъ:

— Случай вѣрный и ни одного слова въ немъ неправды нѣтъ. И всѣ знаютъ этотъ случай и человѣкъ этотъ сейчасъ живъ, хоть сейчасъ и человѣкомъ его назвать не приходится, а прямо хоть жми съ него водку. Трехъ лѣтъ его наши мужики привезли изъ лѣсу. Рубили дрова въ лѣсу, глядь, выходитъ изъ лѣсу мальчикъ. Чей—неизвѣстно. Такъ и по сю пору неизвѣстно. Былъ слухъ, что пріѣзжала какая-то баба съ мальчикомъ, бросила ли, потеряла... Привезли мужики мальчика въ деревню, такъ и жилъ онъ съ тѣхъ поръ, какъ приблудная собаченка, по избамъ. Съ десяти лѣтъ сдали его міромъ въ подпаски и сталъ онъ гонять свиней. Выросъ, самъ пастухомъ сталъ. Приписали его къ обществу, сталъ крестьяниномъ. Охотникъ до церкви былъ, выучился у дьячка грамотѣ. Въ нашей сторонѣ раскольниковъ много. Пріѣхалъ разъ миссіонеръ и назначили къ нему въ услуженіе безроднаго этого самаго, изъ лѣсу. Дальше, больше, сталъ миссіонеръ брать его съ собой на бесѣды съ раскольниками, а потомъ и одного ужъ стали посылать. И такъ онъ зналъ Святое Писаніе, что раскольникъ ему текстъ, а онъ ему три. Такъ что жъ вы думаете? Экзаменъ сдалъ на миссіонера, а года черезъ три этотъ начальникъ его миссіонеръ выхлопоталъ ему мѣсто попа въ Уральскѣ къ казакамъ; они всѣ тамъ раскольники. Ну и вотъ, міръ не отпустилъ. И раньше завидовали; „что такое, свинной подпасокъ выше насъ хочетъ быть?" Всякую каверзу ему дѣлали,—въ холерный, лѣтъ десять назадъ, годъ чуть не убили его за то, что полиціи помогалъ больныхъ разыскивать... Не пустили... Насчитали на немъ недоимки шестьсотъ рублей: заплати, тогда и иди на всѣ стороны... Просился на разсрочку—не пустили. Сталъ пить,—теперь пьянѣе его и на селѣ нѣтъ,—безъ просыпу, валяется по кабакамъ, да подъ заборами, а тѣ радуются: „хотѣлъ больше насъ быть—послѣднимъ сталъ".

Иванъ Архиповичъ круто оборвалъ:

— Извините, пожалуйста, заговорилъ я васъ. Какъ начну, вѣдь не удержусь, а этого вѣдь никогда не кончишь... Лучше уйти...

И онъ быстро ушелъ отъ меня въ другія комнаты.

Его молча проводилъ глазами маленькій господинъ съ испитымъ лицомъ, вздернутымъ задорно носомъ, и, заложивъ руки въ карманы, увѣренно подошелъ къ высокому широкоплечему сухому и сильному человѣку въ рубахѣ косовороткой, поверхъ которой былъ надѣтъ поношенный пиджакъ.

— Ну, что, Ваня, — лѣниво проговорилъ маленькій, — выпьемъ что ли...

— Выпьемъ,—согласился высокій, и оба пошли къ столу.

Они выпили, закусили и отошли къ молодому человѣку, одиноко сидѣвшему недалеко отъ меня.

— Шурка, не грусти, — хлопнувъ его по плечу присаживаясь, сказалъ высокій.

Присѣлъ и маленькій.

Молодой человѣкъ въ отвѣтъ кивнулъ головой и добродушно сказалъ:

— Ладно, не буду. Давай такъ условимся: я грустить не стану, а ты водку брось пить.

— А мнѣ что? Только и всего, что бросилъ.

— Бросилъ? Честное слово?

— Говорятъ тебѣ, бросилъ.

— Нѣтъ, честное слово?

Высокій махнулъ головой и пренебрежительно отвѣтилъ:

— Честное слово.

— А я съ кѣмъ же пить стану?—спосилъ маленькій.

— А ты тоже брось, ей-Богу,—посовѣтовалъ молодой человѣкъ.

— Ладно, пройдетъ это съ вами, — отвѣтилъ маленькій.

— Кто эти? —спросилъ я у доктора.

— Этотъ вотъ маленькій,—началъ объяснять мнѣ подсѣвшій ко мнѣ докторъ, — фельдшеръ Петръ Емельяновичъ Снитковъ, этотъ юноша—учитель Александръ Владиміровичъ Писемскій, а этотъ высокій—агрономъ, управляющій одного здѣсь имѣнія, Иванъ Андреевичъ Лихушинъ. Всѣ трое друзья-пріятели. Лихушинъ и Писемскій фигуры очень интересныя для васъ, какъ для писателя, такъ и для хозяина: Писемскій—учитель съ огнемъ и вѣрой въ дѣло, Лихушинъ—прекрасный агрономъ, теоретикъ и практикъ и тоже влюбленъ въ свое дѣло. Человѣкъ большихъ способностей. Онъ уже нѣсколько лѣтъ хозяйничаетъ здѣсь въ одномъ имѣніи, но, къ сожалѣнію, владѣльцы его народъ обѣднѣвшій и, какъ всѣ здѣсь, не вѣрящій въ высшую культуру.

Агрономъ по образованію и къ тому-же практикъ—этого въ нашихъ мѣстахъ я еще не видалъ, ни въ земствѣ, ни въ частныхъ хозяйствахъ.

И такъ какъ я уже рѣшилъ приняться снова за хозяйство и хозяйство культурное, то понятно, какъ такой человѣкъ, какъ Лихушинъ, сочетавшій теорію и практику нашихъ мѣстъ, заинтересовалъ меня.

Я попросилъ доктора насъ познакомить и черезъ нѣсколько минутъ уже сидѣлъ возлѣ нихъ.

— Скажите, пожалуйста,—спросилъ меня, когда я подсѣлъ къ нимъ, для начала маленькій фельдшеръ, закладывая ногу за ногу и теребя свою бородку,—вотъ мы прочли вашъ очеркъ нынѣшней зимой „Нѣсколько лѣтъ въ деревнѣ"—это ваше первое произведеніе?

— Первое.

— Что жъ это вы такъ поздно надумали взяться за перо? Интересно въ вашемъ писаньи то, что вы пишете изъ дѣйствительной жизни. Собственно жгли васъ, какъ я понялъ, за то, что вы мѣшались въ жизнь крестьянъ, хотѣли устроить ее по своему, какъ вамъ лучше казалось... Вамъ, а не имъ,—улыбнулся фельдшеръ, тыкая въ меня пальцемъ.—Ну и что же, какой же выводъ получился у васъ теперь?

— Я не мѣшаюсь больше,—отвѣтилъ я,—въ жизнь крестьянъ.

— Да,—замѣтилъ Петръ Емельяновичъ,—крестьяне, положимъ, и сами говорятъ это... на базарахъ даже хвалятся: „проучили мы, говорятъ, князевскаго барина,—рубаха, а не баринъ сталъ..."

Всѣ разсмѣялись; разсмѣялся и я.

— А затѣмъ, — продолжалъ я, — я рѣшилъ заниматься снова хозяйствомъ.

— Хозяйствомъ выгодно заниматься,—отвѣтилъ Лихушинъ,—если есть деньги, если поставить хозяйство на научныхъ основаніяхъ, слѣдить за послѣдними требованіями рынка, тогда нѣтъ выгоднѣе этого дѣла, а такъ, какъ мы вотъ, по-мужицки...

— Но, если всѣ опять займутся такимъ дѣломъ, то опять будетъ убытокъ,—замѣтилъ Петръ Емельяновичъ.

— Будетъ хорошее хозяйство, — наставительно отвѣтилъ ему Лихушинъ,—будетъ хлѣбъ, скотъ, будетъ богатство, вмѣсто нищеты.

— Ну, тебѣ виднѣе,—кивнулъ фельдшеръ. И сказалъ по поводу проходившаго доктора:

— А не хорошо выглядитъ нашъ докторъ. Да, гдѣ ему и выглядѣть хорошо? Vitium cordis въ полномъ разгарѣ.

— А ты не пугай, — замѣтилъ ему Лихушинъ, — говори по-русски.

— Порокъ сердца,—перевелъ фельдшеръ.

— Наслѣдственный или благопріобрѣтенный?

— Нажитой... Нельзя было и не нажить, — этакую семейку вытащить на своихъ плечахъ, урочишками, да и сейчасъ всякаго народу, котораго тащитъ еще больше... Тамъ мать, помирая, просила не оставить сиротъ, школьные ребятишки, вотъ Настюша воспитанница въ гимназію уже ходитъ. Такъ все жалованье между рукъ и проходитъ... Да и велико ли жалованье? Больной пріѣдетъ: себѣ хлѣба, лошади сѣна... „Константинъ Ивановячь, слышь, сѣнцато беремя лошадкѣ-то возьму у тебя?" — „Бери, если есть". Вѣдь продалъ лошадь, потому что отказать не можетъ, а изъ-за одной лошади расходъ такой пошелъ на сѣно... Лошадь бросилъ держать, а ѣсть не бросишь: кто ни попроситъ: „бери".

XVI.

Поговорить съ Лихушинымъ относительно хозяйства такъ и не пришлось въ тотъ разъ. Мы только условились съ нимъ, что я съ докторомъ какъ-нибудь на-дняхъ побываю у него.

Вскорѣ мы съ докторомъ, дѣйствительно, навѣстили Лихушина и учителя.

Сами хозяева никогда въ этомъ имѣніи не жили. Когда-то владѣльцы эти были очень богатыми людьми и клочекъ земли въ двѣ тысячи десятинъ не представлялъ для нихъ никакой цѣны.

Но главное имѣніе съ оранжереями и садами было продано, продавались одинъ за другимъ и придатки, пока не остались только тѣ двѣ тысячи десятинъ, на которыхъ хозяйничалъ, случайно попавшій къ нимъ, Иванъ Андреевичъ Лихушинъ.

Иванъ Андреевичъ, пріѣхавъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, засталъ только избу караульщика.

Все это дорогой разсказалъ мнѣ докторъ.

— Ну, вотъ и Апраксино,—сказалъ докторъ, когда мы взобрались на послѣдній пригорокъ.

И сразу почувствовалось что-то иное, совершенно отличное отъ тѣхъ тощихъ полей осени, которыя мы оставили за собой.

Имѣніе начиналось живописной мѣстностью перелѣсками.

Поля между этими перелѣсками, по которымъ извивалась наша дорога, не смотря на осень, ярко зеленѣли. Бѣлые стволы березъ на этой зелени казались еще бѣлѣе. Свѣжестью дышалъ молодой расчищенный лѣсокъ и эти поля и самый закатъ казалось задержался здѣсь на яркомъ фонѣ.

Скоро, впрочемъ, опять потянулись обычныя темныя поля осени.

Я сперва принялъ зелень за озимь.

— Это люцерна,—сказалъ докторъ.

Та люцерна, которую столько лѣтъ я пытался и безплодно развести у себя. Люцерна одна изъ нотъ громаднаго клавикорда культурнаго хозяйства.

Мы уже подъѣзжали къ усадьбѣ.

На совершенно ровной мѣстности, около пруда, своими размѣрами, напоминавшими тарелку, возвышалось съ этой и той его стороны нѣсколько простыхъ одноэтажныхъ деревянныхъ построекъ.

— По ту сторону, — говорилъ мнѣ докторъ, — пріемный покой, школа, а сюда ближе экономическія постройки.

Тамъ около школы и больницы виднѣлась зелень молодого сада и даже клумбы съ осенними цвѣтами. Здѣсь же около экономическихъ построекъ все было черно, сѣро и даже грязно.

Мы въѣхали на обширный дворъ, примыкавшій прямо къ пруду.

Флигель, изба, еще какія-то постройки изъ осины, уже принявшія грязно-сѣрый цвѣтъ торчали тамъ и сямъ во дворѣ въ какомъ-то странномъ безпорядкѣ.

Торчали такъ, словно вызвали ихъ, поставили и забыли потомъ о нихъ.

Рабочій вывелъ изъ подъ навѣса жеребца—сухого, сильнаго, съ раздвоеннымъ задомъ.

— Это его Арденъ,—сказалъ докторъ и крикнулъ рабочему:

— А что, Иванъ Андреевичъ дома?

— Нѣтъ, дома нѣту,—въ полѣ.

— А учитель?

— Учитель долженъ быть въ школѣ.

— Къ нему поѣдемъ?—спросилъ докторъ.

— Ну, что жъ, къ нему.

Писемскаго мы застали въ школѣ, окруженнаго ребятишками.

Школа была отстроена, что называется, на-черно и состояла изъ четырехъ комнатъ: собственно школы, мастерской, комнаты учителя и смежной съ ней переплетной.

Самая большая была школьная комната, высокая, свѣтлая, со множествомъ оконъ.

Осеннее солнце, заходя, привѣтливо красноватыми лучами играло на стѣнахъ, на полу, на дѣтскихъ головкахъ.

Во всей обстановкѣ чувствовалась налаженность, уютность, равновѣсіе. Напрашивалось сравненіе со стадомъ и опытнымъ пастухомъ, расположившимъ вокругъ себя это стадо.

— Батюшки, кто пріѣхалъ,—весело сказалъ учитель, увидѣвъ доктора, а когда за докторомъ показался и я, онъ смущенно прибавилъ:

— Да, и вотъ еще кто...

Мы пожали другъ другу руки и учитель сказалъ, обращаясь къ дѣтямъ:

— Ну, дѣлайте, что хотите, а мы вотъ съ гостями уйдемъ ко мнѣ чайничать.

— Ладно, — отвѣтило ему покровительственно нѣсколько голосовъ.

Послѣ этого, какъ будто неохотно, учитель обратился къ намъ:

— Ну, милости просимъ ко мнѣ, господа... Ужъ не взыщите только—живемъ плохо...

— А вотъ увидимъ, увидимъ,—сказалъ докторъ, входя въ его комнату и, по привычкѣ къ низкимъ дверямъ, наклоняя голову.

— На счетъ этого безъ опаски,—усмѣхнулся Писемскій, замѣтивъ движеніе доктора.

Большая комната учителя имѣла очень мало мебели: кровать, столъ, два стула, да шкафъ некрашенный, еще не остекленный, весь наполненный книгами.

— Библіотека вотъ недурная,—безъ малаго всю Иванъ Андреевичъ пожертвовалъ намъ...

Библіотека дѣйствительно оказалась недурная. Кромѣ дѣтскихъ, было много книгъ, которымъ позавидовалъ бы любой интеллигентъ.

Я выразилъ по этому поводу удивленіе.

Писемскій разсмѣялся и отвѣтилъ:

— На-дняхъ земскій заѣхалъ то же попить чайку и то-же обратилъ вниманіе на библіотеку.—Теперь и побаиваюсь.

— Это ужъ новый, Горяновъ?—спросилъ докторъ.

— Онъ,—лаконично кивнулъ головой учитель.

— Кажется, симпатичный?—спросилъ докторъ.—Говоритъ о прогрессѣ.

— Вотъ увидимъ,—уклончиво отвѣтилъ учитель,—садитесь, господа.

Мы съ докторомъ сѣли на стулья, учитель на кровать.

— Иванъ Андреевичъ какъ?—спросилъ докторъ.

— Мучается,—усмѣхнулся учитель.

И, помолчавъ, нехотя, заговорилъ полусерьезно:

— Да вѣдь въ самомъ дѣлѣ: вѣдь это богатырь, размахъ какой... Горы бы ему ворочать, а вмѣсто этого, игрушечные размѣры какихъ-то жалкихъ попытокъ съ людьми, которые не понимаютъ и не хотятъ понимать...

Молодой безусый Писемскій, свѣтлый блондинъ горбился, постоянно смущенно проводилъ по своимъ коротко остриженнымъ волосамъ и старался казаться старше своихъ лѣтъ. Онъ говорилъ тихо, убѣжденно, слегка нараспѣвъ. Но иногда вдругъ сразу слеталъ съ него серьезный тонъ и онъ улыбался по дѣтски удовлетворенный и счастливый.

Онъ застѣнчиво спросилъ меня:

— У васъ теперь, кажется, нѣтъ школы?

— Собираемся строить.

— А учитель есть?

— Нѣтъ еще. У васъ школа ремесленная?—спросилъ я въ свою очередь.

— Да, только средствъ мало, а ребятишки охотятся.

— Какія у васъ ремесла?

— Да теперь пока переплетная,—я самъ учу,—столярная. Иванъ Андреевичъ хочетъ съ весны завести образцовыя поля, да не знаю, какъ владѣльцы: денегъ у нихъ ужъ очень мало,—ничего почти не даютъ на школу,—такъ изъ ничего и дѣлаемъ, Иванъ Андреевичъ больше на свое жалованье.

Учитель пригнулся, хихикнулъ и развелъ руками.

— А такъ можно было бы; есть замѣчательно способные, да, главное, охотятся,—всѣ, положительно, всѣ.

Онъ помолчалъ и продолжалъ:

— Вотъ пчеловодство начали: Иванъ Андреевичъ раскошелился—дадановскій улей намъ выписалъ.

Онъ опять разсмѣялся, вытянулъ руку и размашисто ударилъ другой по ней.

У людей, преданныхъ своему дѣлу, особая манера говорить, особый голосъ.

Какъ-то сразу это чувствуется, сразу заинтересовываешься ихъ дѣломъ. Мелочь, мимо которой прошелъ бы и не замѣтилъ, въ такомъ освѣщеніи становится яркой, краснорѣчивой.

Какъ у хорошаго повара изъ самой простой провизіи выходитъ вкусно и аппетитно, такъ и у Писемскаго было умѣнье, была способность придавать вкусъ и аппетитъ своему дѣлу. Дѣлалось это какъ-то незамѣтно, само собой.

Черезъ полчаса мы уже чувствовали себя здѣсь своими людьми.

Въ сосѣдней комнатѣ, отдѣленной отъ учительской только легкой переборкой, уже давно слышалась какая-то возня.

Учитель все время прислушивался и иногда улыбался про себя. Онъ не выдержалъ наконецъ и, подойдя къ дверямъ, съ нескрываемой улыбкой удовольствія посмотрѣлъ въ открытую дверь. За нимъ заглянули и мы.

Учитель весело прошепталъ:

— Ишь, шельмецы...

Въ сосѣдней комнатѣ на столѣ кипѣлъ только что поставленный громадный самоваръ. Кипѣлъ весело, энергично, выпуская во всѣ отверстія паръ. Вокругъ самовара суетилось нѣсколько подростковъ-учениковъ.

Одинъ заваривалъ чай, другой держалъ рукой кранъ самовара, чтобъ запереть его во-время, третій разставлялъ чашки, а одинъ, откусивъ здоровый кусокъ полубѣлаго хлѣба, жевалъ его энер-

гично, въ засосъ. Еще одинъ, ни на кого не обращая вниманія, лежалъ на кровати и читалъ какую-то книгу.

Замѣтивъ учителя, а главное, насъ сзади, всѣ смутились.

Учитель тихо объяснялъ намъ:

— Это они изъ заработка кутятъ; тутъ изъ сосѣдней экономіи работу переплетную давали.

— Хлѣбъ-то хорошій?—спросилъ онъ у того, кто уплеталъ его большими ломтями.

— Хорошій-съ,—полнымъ ртомъ хлѣба отвѣчалъ мальчикъ.

— Ну, ѣшьте и пейте, а напьетесь, къ намъ тащите самоваръ...

— А ты бери, что ль, теперь его, Шурка,—предложилъ маленькій съ острыми глазками мальчикъ.

— Ну, ладно,—отвѣтилъ учитель,—мы сейчасъ еще не станемъ, дождемся Ивана Андреевича.

Учитель затворилъ дверь и заговорилъ, ни къ кому не обращаясь особенно:

— Казалось бы, прямая выгода всѣмъ землевладѣльцамъ лично для себя заводить школы: вѣдь новая культура неизбѣжна и нужны новые работники. Главнымъ образомъ туго идетъ у Ивана Андреевича дѣло не потому только, что не даютъ, не вѣря въ эту культуру, ему денегъ, а потому, что и соотвѣтствующихъ и рабочихъ нѣтъ: тамъ машину сломалъ, тамъ лошадь опоилъ, тамъ корову упустилъ въ мірской табунъ... то все, что здѣсь кончено, еще пустяки, а если всю новую картину взять,—безъ новыхъ людей откуда она возьмется? И положеніе такое, что приходится не дѣло дѣлать, а тратить время и силы на то, чтобъ Христа ради собрать, или хозяина земли убѣждать въ его же пользѣ. По подпискѣ на постройку школы собрали, на счетъ Ивана Андреевича обставили—только лѣсъ барскій.

— Вы много жалованья получаете?

— Восемь рублей и мѣсячное.

— Владѣльцы платятъ?

— Владѣльцы мѣсячное выдаютъ, а жалованье изъ церковно-приходскихъ суммъ.

— Это церковно-приходская школа?

— Да. Съ одной стороны, въ ней, конечно, больше свободы, чѣмъ въ земской.

— Неужели?

— Гораздо больше,—мрачно, какъ эхо, повторилъ, входя въ это время, громадный широкоплечій Иванъ Андреевичъ.—Конкуренція у нихъ съ земствомъ, а правъ смотрѣть сквозь пальцы больше...

Тамъ у доктора среди гостей размѣры Лихушина скрадывались. Здѣсь онъ вырисовывался во весь свой ростъ, сильный, стройный,

широкій въ плечахъ, сухой и жилистый. Каріе большіе глаза напряженно смотрѣли изъ глубокихъ орбитъ, нижняя губа какъ-то пренебрежительно выдвинулась впередъ. Въ то время, какъ мягкая бородка и вьющіеся на головѣ волосы придавали всему лицу что-то молодое и нѣжное, энергичный сдвигъ бровей, сильный загаръ, глухой голосъ, напротивъ, производили впечатлѣніе мужества и силы. Въ глазахъ эти контрасты лица слились, производя сложное притягивающее впечатлѣніе... Было что-то удалое и властное и ласковое, какъ у женщины.

Поздоровавшись, онъ сѣлъ на кровати рядомъ съ учителемъ и угрюмо сказалъ ему:

— На-ка, прочти, что намъ пишутъ.

Учитель взялъ и сталъ внимательно читать.

Прочитавъ, онъ молча возвратилъ письмо.

— Ухожу,—рѣшительно, односложно, бросилъ Иванъ Андреевичъ.

— Слыхалъ,—усмѣхнулся учитель.

Иванъ Андреевичъ рѣзко обратился ко мнѣ:

— У васъ, кажется, есть свободное мѣсто учителя?

— Есть.

— Возьмите меня.

— У меня и управляющаго мѣсто свободно,—отвѣтилъ я, радостно подумавъ, что вб-время пріѣхалъ.

— Вы не шутите?

— Совершенно серьезно.

— Согласенъ.

Лихушинъ сверкнулъ глазами и протянулъ мнѣ руку.

Учитель растерянно спросилъ его:

— Взаправду?

— Видишь,—не смотря, бросилъ ему Лихушинъ.

— А не выйдетъ, что я васъ сманиваю?—спросилъ я Лихушина.

Лихушинъ вспыхнулъ:

— Крѣпостной я по вашему, что ли? Мнѣ вотъ предлагаютъ распродать все: арденовъ, симменталовъ, деньги выслать, а на будущее время, если и сѣять, то исключительно крестьянскимъ инвентаремъ, который-де дешевле...

XVII.

Дней черезъ десять Лихушинъ совсѣмъ переѣхалъ въ Князевку. Передъ этимъ онъ былъ у меня три раза, отобралъ у меня планъ имѣнія, ѣздилъ со мной по полямъ, бралъ съ собой образцы почвы.

Пріѣхавъ, онъ пришелъ ко мнѣ съ кучей своихъ проектовъ и заявилъ:

— Сегодня я хочу васъ познакомить со всѣми моими планами, по крайней мѣрѣ, на двѣнадцать лѣтъ впередъ. Необходимо прежде всего условиться намъ, чтобъ работать по опредѣленной, выясненной совершенно программѣ. И разъ мы ее примемъ, тѣмъ самымъ примемъ и нравственную отвѣтственность за ея выполненіе.

Я съ интересомъ слѣдилъ за Лихушинымъ, когда раскладывалъ онъ на большомъ столѣ всѣ свои бумаги.

А Лихушинъ между тѣмъ продолжалъ свое вступленіе. Онъ весь ушелъ въ себя, большіе каріе глаза его напряженно горѣли, а нижняя губа еще больше выдвинулась впередъ и казалось сильнѣе подчеркивала выраженіе пренебреженія. Говорилъ онъ, волнуясь, гулко, скороговоркой:

— Владѣльцы, имѣніе которыхъ я оставилъ, можетъ быть, и имѣютъ основаніе быть недовольными мной. Дѣло въ томъ, что въ сельскомъ хозяйствѣ меня интересуетъ прежде всего вся совокупность дѣла. Я не имѣлъ средствъ для этого и волей-неволей мнѣ пришлось ограничиться чисто опытной дѣятельностью. Я выяснилъ, напримѣръ, секретъ нашихъ мѣстъ. Каждая мѣстность имѣетъ такой секретъ; узнать его и значитъ взять быка за рога, стать хозяиномъ дѣла. Помимо почвеннаго анализа, совокупность остальныхъ факторовъ—климатъ, влажность тамъ и другое—создаютъ успѣхъ того или другого растенія. Такъ, скажемъ, Новоузенскій и Николаевскій уѣзды Самарской губерніи—родина пшеницы. Ирбитскій уѣздъ Пермской губерніи—сплошной конопляникъ, Псковская губернія родитъ ленъ. Наши же мѣста исключительно бобовыя: горохъ, чечевица, люцерна, клеверъ. Это свое открытіе я сдѣлалъ прежде всего, наблюдая дикую природу, затѣмъ и опыты съ чечевицей, люцерной, клеверомъ тоже подтвердили мои предположенія.

Онъ сдвинулъ брови, уставивъ глаза въ какую-то точку, и сидѣлъ нѣкоторое время какъ бы въ раздумьи.

Прихлебнувъ горячій чай, и слегка поморщившись онъ продолжалъ:

— Въ данномъ случаѣ это потому важно, что бобовые злаки такъ же цѣнны теперь на рынкѣ, какъ и масличные. Въ большихъ размѣрахъ поставленное дѣло дало бы большія выгоды, а въ тѣхъ опытныхъ размѣрахъ, въ какихъ стояло до сихъ поръ у меня, оно не давало ничего,—для чечевицы, напримѣръ, для выгоднаго сбыта ея, необходимы непосредственныя сношенія съ Кенигсбергомъ, Данцигомъ, изъ-за одного вагона не заведешь ихъ и приходится отдавать за полцѣны перекупщику здѣшнихъ мѣстъ.

*

Если бы еще была близко желѣзная дорога—явились бы конкуренты, а когда она въ 80 верстахъ, кого заманишь, а привезешь въ городъ, ты уже въ ихъ рукахъ. Вообще нѣтъ ничего убыточнѣе опытнаго культурнаго хозяйства: одинъ симентальскій быкъ, два ардена, три іоркшира, одна жатвенная машина и прочее. Нужны опытные люди, масса накладныхъ расходовъ; все это можетъ оправдаться только размѣрами дѣла.

— И дастъ выгоду?

— Несомнѣнно. Въ силу одного того уже, что арена пуста совершенно, громадный спросъ на всѣ продукты высшей культуры. Но это временно, конечно.

— Какъ временно?

— Десять—пятнадцать лѣтъ.

— А затѣмъ?

— А затѣмъ явится столько конкурентовъ, что цѣны собьются. Можно слѣдить, конечно, за міровымъ рынкомъ, постоянно восполняя то, въ чемъ чувствуется недостатокъ. Напримѣръ, въ этомъ году рапсъ пропалъ вездѣ,—это было извѣстно уже въ серединѣ мая, то-есть, самое время посѣять его у насъ. Я посѣялъ полдесятины и онъ далъ сто пудовъ. Пудъ на мѣстѣ 1 р. 65 к. Всѣ поля засѣять рапсомъ—сразу цѣлое состояніе. Но это хозяйство хищнически промышленное,—отъ такого я отказываюсь,—я могу только отчасти воспособлять его. То-есть, въ масличномъ полѣ сѣять то, на что наибольшее требованіе.

— Какъ великъ оборотный капиталъ, который требуется на десятину?

— Сто рублей.

— Сколько эти сто рублей будутъ приносить доходу?

— Первыя пять лѣтъ отвѣтственность за доходъ я не беру на себя, онъ можетъ быть и не быть, мы будемъ въ такихъ же случайныхъ условіяхъ, какъ и всѣ. Въ пять лѣтъ я надѣюсь поднять настолько плодородіе почвы, глубокой пашней, удобреніемъ, орошеніемъ (сперва, конечно, обводненіемъ), уничтоженіемъ сорныхъ травъ, что все это не сомнѣваюсь, принимая во вниманіе при этомъ бездѣятельность массъ и, слѣдовательно, пустую арену, дастъ въ среднемъ не менѣе 25% чистаго дохода, а при большей интенсивности и больше еще.

— То-есть?

— Если все сырье, по возможности, мы станемъ перерабатывать у себя же. Вмѣсто ржи, будемъ вырабатывать пеклеванку, вмѣсто пшеницы—крупчатку, хотя бы для мѣстнаго употребленія. Вмѣсто сливочнаго масла—сыръ. Цѣннымъ кормомъ: люцерной, клеверомъ будемъ выращивать и откармливать племенной скотъ. Значительно возрасла бы доходность, если бы въ нашемъ имѣніи

была бы станція желѣзной дороги. Увеличеніе доходности на десятину вотъ что дало бы. Допустимъ, сто пудовъ уродилось. При теперешней гужевой перевозкѣ, около ста верстъ это стоитъ, принимая во вниманіе къ тому же спѣшность, не менѣе 15 копѣекъ съ пуда, при желѣзной же дорогѣ разница между здѣшней станціей и сто верстъ ближе при транзитѣ составитъ не больше одной копѣйки, слѣдовательно, одна перевозка дастъ 14 рублей выгоды на десятину и, слѣдовательно, при вашихъ предполагаемыхъ посѣвахъ въ двѣ тысячи десятинъ вы уже имѣете лишнихъ 28.000 рублей.

— Да,—замѣтилъ я,—это то, что называется, косвенная выгода желѣзныхъ дорогъ, которой и до сихъ поръ у насъ не принимаютъ въ соображеніе при постройкѣ дорогъ и которая во много разъ покрываетъ всѣ видимые убытки нашихъ дорогъ.

— Теперь,—продолжалъ Лихушинъ,—мы перейдемъ къ детальному разсмотрѣнію двухъ системъ: девятипольной и двѣнадцатипольной. Девятипольная съ клеверомъ, предполагая трехлѣтнее его произрастаніе и двѣнадцатипольная съ люцерной, оставляя подъ ней поля на пять лѣтъ, хотя въ нашихъ мѣстахъ, она растетъ на томъ же полѣ и до десяти лѣтъ. Такъ какъ клеверныхъ полей у насъ немного сравнительно, то займемся прежде двѣнадцатипольной системой.

Мы перешли къ разсмотрѣнію плановъ двѣнадцати и девятипольныхъ системъ хозяйства.

Въ двѣнадцати экземплярахъ перечерченный планъ, покрытый разными красками, представлялъ изъ себя сѣвооборотъ на первыя двѣнадцать лѣтъ.

Вотъ этотъ сѣвооборотъ:

Въ первый годъ паръ съ удобреніемъ.

— Удобреніе,—объяснялъ Лихушинъ, — навозное съ обязательной примѣсью костяного, такъ какъ главное, что вѣками извлекалось изъ нашихъ почвъ и никогда не возвращалось, это, конечно, фосфоръ и каліевая соль. Навозъ нуженъ, главнымъ образомъ, не такъ, какъ азотистое, потому что и бобовные дадутъ этотъ азотъ достаточно, а какъ грѣющее, поднимающее дѣятельность почвы, вызывающее болѣе энергичные, необходимые почвѣ химическіе процессы. Затѣмъ, конечно, навозъ необходимъ, какъ влагоудержатель.

Второй годъ—рожь.

— Рожь, конечно, не простая,—замѣтилъ Лихушинъ,—для нашихъ мѣстъ вальдендорфская и ивановская: натура 125—130. Она и родитъ процентовъ на 30 больше, и въ продажѣ, какъ болѣе тяжелая, дороже копѣекъ до пяти на пудъ. Это одно при

машинномъ способѣ уборки оправдаетъ расходъ и молотьбы, и уборки.

Третій годъ—макъ и ленъ.

Къ этому пункту Лихушинъ замѣтилъ:

— Я поставилъ сильно истощающія сейчасъ же послѣ ржи, чтобъ использовать выгоднѣе ту часть удобренія, которая для послѣдующихъ злаковъ въ ихъ смѣновомъ порядкѣ особой роли играть не будетъ. Мое мнѣніе сѣять такъ: по осенней вспашкѣ макъ. Враги мака дѣйствуютъ съ ранней весны, и если макъ уйдетъ отъ нихъ, онъ тогда почти внѣ опасности. Если же онъ погибнетъ, то мы успѣемъ пересѣять его льномъ. Я забылъ прибавить, что и макъ, и ленъ очищаютъ почву отъ сорныхъ травъ и въ этомъ ихъ полезная, а для нашихъ почвъ и прямо необходимая сторона.

Четвертый—подъ корнеплодъ.

— Лучше всего, конечно, свекла,—замѣтилъ Лихушинъ,—она требуетъ и глубокой пашни, и опять-таки энергичной очистки отъ сорныхъ травъ. Какъ отъ плодосмѣна, громадная выгода. Но сахарный заводъ отъ насъ въ 80 верстахъ и, конечно, немыслимо на такомъ разстояніи перевозить этотъ грузъ гужомъ. 80 верстъ для свеклы по желѣзной дорогѣ одна копѣйка, а гужемъ одинадцать-двѣнадцать копѣекъ, при цѣнѣ 15 копѣекъ за пудъ, конечно, невыгодно. Придется остановиться на картофели.

— Что же съ ней дѣлать?—спросилъ я.

— Винокуренный заводъ.

Я, молча, замоталъ головой.

— Паточный, передѣлывать въ муку, откармливать скотъ; но безъ корнеплодовъ наше дѣло не пойдетъ.

Пятый годъ—тарелочная чечевица и горохъ Викторія.

— Здѣсь необходима срочность доставки—замѣтилъ Лихушинъ. Въ Кенигсбергъ и Данцигъ купцы, покупающіе, чечевицу съѣзжаются къ августу и ноябрю разъѣзжаются. Подъ конецъ всегда цѣна падаетъ и къ ноябрю падаетъ процентовъ на тридцать. При гужевой доставкѣ мы, конечно, къ сроку не попадемъ никогда.

— Значитъ, опять желѣзная дорога?—спросилъ я.

— Безъ нея трудно съ культурнымъ хозяйствомъ.

— Если и совсѣмъ неневозможно.

Шестой годъ—подсолнухъ.

— Въ первый сѣвооборотъ,—замѣтилъ Лихушинъ,—я два раза ввожу масличныя. Прежде всего все съ той же цѣлью—уничтоженіе сорныхъ травъ, затѣмъ противъ подсолнуха у насъ въ значительной степени существуетъ ложное предубѣжденіе. Если взвѣсить всѣ обстоятельства, то подсолнухъ при правильномъ его использованіи приноситъ почвѣ больше пользы, чѣмъ зла. Гово-

рятъ, подсолнухъ истощаетъ почву и главнымъ образомъ за счетъ каліевыхъ солей, но корень подсолнуха уходитъ въ почву на три четверти аршина и свой кали онъ беретъ оттуда, изъ того сундучка, котораго, все равно, людямъ не достать. Этотъ кали онъ сосредоточиваетъ въ стеблѣ своемъ, главнымъ образомъ, въ шляпкѣ своей и только часть его, сравнительно меньшая, уходитъ въ зерна. Если слѣдовательно эту шляпку и стебель пережечь и возвратить назадъ почвѣ, то мы только сдѣлаемъ выгодное перемѣщеніе изъ подпочвы въ почву. А глубокая пашня, полка, законъ оттѣненія—все это тѣмъ болѣе улучшитъ землю.

Седьмой годъ—пшеница или овесъ, а по немъ люцерна.

— То-есть, овесъ или пшеница уберутся, а люцерна останется. Если и просто пустить въ залежъ, то земля нѣсколько лѣтъ, кромѣ бурьяна, ничего не дастъ, а при люцернѣ на слѣдующее же лѣто получается уже два прекрасныхъ укоса, дающіе до 200 и болѣе пудовъ сѣна, при которомъ овса уже не надо.

— Зачѣмъ же намъ сѣять тогда овесъ?

— Мы будемъ сѣять овесъ не простой, а шведскій селлекціонный, изъ котораго вырабатывается лучшая овсяная мука,—вотъ эти всѣ геркулесы. Натура у этого овса, почти какъ и у пшеницы, родитъ онъ у насъ 200 пудовъ, тогда какъ простой и ста не даетъ. Вотъ еще доказательство, что подсолнухъ изрѣдка только улучшаетъ почву,—послѣ него всякій хлѣбъ родитъ гораздо лучше.

Восьмой, девятый, десятый, одинадцатый, двѣнадцатый—люцерна.

— Послѣдній годъ люцерна на сѣмена: она даетъ до двадцати пудовъ съ десяти сѣмянъ, цѣна которыхъ семь рублей за пудъ. А на слѣдующій годъ паръ и еще одинъ укосъ люцерны не въ счетъ. Я пробовалъ сѣять и сразу люцерну, но травы въ нашихъ мѣстахъ такъ сильны, что онѣ глушатъ ее, а при такой подготовкѣ травъ сорныхъ нѣтъ,—послѣ пяти лѣтъ только появляется пырей, оттого я и назначаю пять лѣтъ для люцерны, что засоряется опять почва, а пять лѣтъ совершенно достаточно для возстановленія почвы: люцерна даетъ ей массу азота, корни ея такъ пробуравятъ землю аршинъ на десять и уплотнятъ, какъ коренной залогъ, и свойствами эта земля изъ подъ люцерны не уступитъ залогу...

Многое изъ того, что сообщалъ мнѣ Лихушинъ я зналъ, но у меня не было того цѣннаго, что было у Лихушина, того, что достигается только систематическимъ образованіемъ—системы. И больше, чѣмъ когда-либо сознавалъ я, что въ агрономіи, не смотря на многолѣтнюю свою дѣятельность, я только дилетантъ, который пойметъ, но не замѣнитъ собой Лихушина.

Результатомъ разговора нашего съ Лихушинымъ было то, что я далъ ему свое полное согласіе.

Относительно нужныхъ для дѣла средствъ не было другого выхода, какъ, помимо личнаго кредита, привлечь своего рода акціонеровъ, родъ товарищества на вѣрѣ съ отвѣтственностью за капиталъ и съ участіемъ въ прибыляхъ.

Въ числѣ привлеченныхъ мною къ дѣлу былъ и Наумъ Дмитріевичъ Юшковъ, тотъ самый русскій американецъ, о которомъ я уже упоминалъ въ своемъ очеркѣ „Нѣсколько лѣтъ въ деревнѣ".

Мы заключили съ нимъ такую сдѣлку: я, выплативъ ему половинную стоимость его дѣла, вошелъ съ нимъ въ компаньоны по мельницѣ. Устройство вальцеваго отдѣленія мы произвели тоже на половинныхъ расходахъ. На торговые обороты я взнесъ пять тысячъ рублей, но такъ какъ для нихъ требовалось не менѣе ста тысячъ, то Юшковъ, взносившій третью часть, пригласилъ еще одного своего родственника капиталиста въ третьей долѣ, который за пріемъ его ссужалъ меня недостающимъ мнѣ капиталомъ изъ шести процентовъ годовыхъ.

Все мельничное дѣло повелъ, конечно, Н. Д. Юшковъ, какъ человѣкъ и опытный, и пользующійся безукоризненной и вполнѣ справедливой репутаціей.

XVIII.

Устроивъ денежныя дѣла, я рѣшилъ добиваться желѣзной дороги.

Желѣзныя дороги—моя прямая спеціальность, и я рѣшилъ добиваться дороги, заинтересовавъ ею земства.

Намѣтивъ четырехсотъ-верстную линію, проходившую черезъ двѣ губерніи и захватывавшую пять уѣздныхъ земствъ, я обратился въ эти земства, предлагая имъ типъ дешевой узкоколейной желѣзной дороги.

Вотъ какія основанія я приводилъ.

Проектируемая дорога не можетъ располагать грузомъ большимъ, чѣмъ 4 милліона пудовъ въ годъ.

Для ширококолейной дороги это грузъ ничтожный; для оправданія процентовъ на строительный капиталъ и расходовъ эксплоатаціонныхъ ей нуженъ грузъ, по крайней мѣрѣ, въ 15—20 милліоновъ пудовъ.

При такихъ условіяхъ приходится или отказаться совсѣмъ отъ дороги, или помириться съ болѣе скромной—узкоколейной.

Пусть она будетъ ходить тише, пусть будетъ перегрузка, все-таки это гораздо лучше, чѣмъ отсутствіе дороги.

Я писалъ, что въ данномъ случаѣ дѣйствую эгоистично, имѣя

въ виду и свои личныя выгоды. Но эгоизмъ свой признаю вполнѣ законнымъ, такъ какъ предлагаемый мною типъ дороги не ляжетъ бременемъ на государство, а при такихъ условіяхъ онъ вездѣ, гдѣ только производятся посѣвы, оправдаетъ себя и, слѣдовательно, является достояніемъ всѣхъ. А если намъ, какъ иниціаторамъ, и достанется первымъ по времени такая дорога, то это будетъ только актомъ справедливости.

Самый способъ выполненія я проектировалъ такъ: земство и частные владѣльцы гарантируютъ ежегодно извѣстную доходность, достаточную какъ для погашенія процентовъ на строительный капиталъ, такъ и на текущіе эксплоатаціонные расходы и подъ эту гарантію уже искать частныхъ или казенныхъ капиталовъ.

Та отзывчивость, какую я встрѣтилъ во всѣхъ земствахъ, лучше всего показывала назрѣвшую потребность въ такихъ желѣзныхъ дорогахъ.

Потребность, совершенно понятную, если вспомнить, что конкурирующая съ нами страна, Америка, имѣетъ среднее удаленіе сельскохозяйственныхъ фермъ отъ пунктовъ сбыта 5—7 верстъ, а у насъ на лошадяхъ приходится подвозить къ желѣзной дорогѣ въ среднемъ до ста верстъ. Это одно уже дѣлаетъ разницу въ 12—14 копѣекъ на пудъ въ пользу Америки. Если принять во вниманіе весь нашъ двухмилліонный хлѣбный грузъ, слагающійся въ двухъ третяхъ своихъ изъ такого обезцѣненнаго гужевой перевозкой груза, то одной той суммы, которая приплачивается ежегодно на гужевую перевозку, хватило бы на оплату процентовъ того капитала, который нуженъ на всю сѣть (150 тысячъ верстъ) не достающихъ намъ подъѣздныхъ желѣзныхъ дорогъ. Что до косвенныхъ выгодъ, происходящихъ отъ увеличенія цѣнности земельной, отъ роста экономической жизни, то онѣ въ десятки разъ окупятъ всѣ затраты на желѣзныя дороги.

И тотъ энергичный откликъ, который я получилъ отъ всѣхъ пяти земствъ, представляетъ ясное доказательство, что земства наши находятся на высотѣ экономическихъ требованій времени.

На всѣхъ этихъ пяти земскихъ собраніяхъ рѣшено было поддержать мой проектъ и поручить мнѣ дѣлать изысканія съ весны.

XIX.

Небывалая еще до того въ Князевкѣ жизнь началась съ весны. Собирались изыскательскія партіи; дѣйствовалъ Лихушинъ со своими.

Появились всевозможныя сельскохозяйственныя орудія: плуги Сакка, рядовыя сѣялки, всѣхъ родовъ бороны, сѣнокосилки, машины жатвенныя, молотильныя, сортовальныя; пришелъ рабочій

скотъ и выписанный племенной; все имѣніе разбивалось на хутора и шла оживленная работа по постройкѣ зданій—жилыхъ, для машинъ, амбаровъ и сушиленъ; прудились овраги и рѣчки для будущаго орошенія. Работа кипѣла и въ полѣ. Лихушинъ, ставя идеаломъ своевременность посѣва, торопился и нагналъ сотни людей и лошадей.

— Это все оправдается,—бурчалъ онъ своей скороговоркой.

Черныя поля представляли яркую и оживленную картину.

Тянулись нескончаемыя вереницы бычьихъ плуговъ; на горизонтѣ стройно, какъ войска, двигались рядовыя сѣялки, сотни конныхъ боронъ тянулись другъ за другомъ въ своемъ обычномъ водоворотѣ, группы бабъ и ребятишекъ, садившихъ подсолнухи, похожи были въ своихъ пестрыхъ рубахахъ и сарафанахъ на цвѣты.

Надъ всей этой яркой картиной стояло сочное голубое небо, отъ согрѣтой земли шелъ легкій паръ и насыщенный имъ воздухъ рябилъ и млѣлъ въ лучахъ весенняго солнца.

Надо знать неподвижность деревни, отсутствіе всякаго представленія здѣсь о времени, чтобы оцѣнить энергію, нужную для того, чтобы вызвать такую кипучую жизнь.

Виновникъ—Иванъ Андреевичъ Лихушинъ, дѣйствительно, проявлялъ энергію, превосходившую всякое представленіе о дѣятельности человѣка.

Я не знаю, когда онъ спалъ. Всѣ дни онъ проводилъ въ полѣ, поспѣвая вездѣ. а вечера и большую часть ночи, отдавъ нужныя распоряженія на завтрашній день, проводилъ въ комнатѣ своихъ помощниковъ и изыскателей, принимая и въ ихъ жизни дѣятельное участіе, въ ихъ пѣсняхъ, спорахъ и разговорахъ.

— Да идите вы спать,—говорилъ ему докторъ-студентъ,—желѣзный вы, что ли, въ самомъ дѣлѣ?

За столомъ у Лихушина собиралась веселая компанія, человѣкъ въ двадцать.

Пили водку, закусывая ее лукомъ, ѣли щи, вареную говядину, ѣли съ аппетитомъ, уничтожая груды хлѣба и мяса. Ѣли хорошо, а спорили еще лучше.

Компанія состояла изъ студентовъ-изыскателей, ожидавшихъ начала работъ и пока бездѣйствовавшихъ, трехъ практикантовъ-агрономовъ, одного студента-медика, котораго всѣ называли докторомъ, и студента-ветеринара, онъ же и кассиръ. Къ компаніи примыкали и Лихушинъ и его помощникъ-агрономъ, молодой, болѣзненный неврастеникъ, и бухгалтеръ, маленькій кудрявый, заводившій какую-то въ высшей степени сложную бухгалтерію.

Практиканты-агрономы держались особнякомъ и только по праздникамъ принимали болѣе дѣятельное участіе въ жизни остальной компаніи.

Душой компаніи былъ изъ „выгнанныхъ“ студентъ Борисъ Геннадіевичъ Свирскій, или просто Геннадьичъ, какъ называли его всѣ.

Высокій, длинноногій, нервный и впечатлительный, какъ женщина, Геннадьичъ постоянно волновался и кипятился. Середины у него никогда не бывало: или любить, или ненавидѣть. И нерѣдко бывало такъ, что тотъ, кого сегодня онъ превозносилъ, открывая въ немъ всевозможныя добродѣтели, гражданскія и личныя, завтра позорно летѣлъ съ пьедестала, и Геннадьичъ уже говорилъ:

— Я въ немъ разочаровался.

Горячка онъ былъ невозможная,—вздуть пустое событіе до размѣровъ, заслоняющихъ все и вся, было для него дѣломъ обычнымъ. Тогда онъ становился несправедливымъ, нетерпимымъ, прямолинейнымъ. Но Геннадьичъ былъ отходчивъ и снова дѣлался умнымъ, добрымъ, отзывчивымъ, очень начитаннымъ и очень образованнымъ человѣкомъ. Товарищемъ онъ былъ прекраснымъ, всегда готовымъ на что угодно: лѣзть на баррикады, обвинять, восхвалять, пить, пѣть, спорить, проводить ночи безъ сна, словомъ, какъ ни жить, только бы жить во всю, съ размахомъ.

Полной противоположностью ему былъ студентъ Сажинъ,—единственный, не поддававшійся вліянію Геннадьича,—замкнутый, сосредоточенный блондинъ средняго роста съ самымъ зауряднымъ лицомъ, но съ выразительными умными глазами, холодный, спокойный, скорѣе злой, чѣмъ добрый. Все это, впрочемъ, скрывалось въ тайникахъ его души.

Сажинъ, по убѣжденіямъ, былъ марксистъ,—тогда еще новое слово,—а Геннадьичъ—горячій народникъ, какъ окрестилъ его Сажинъ и противъ чего энергично протестовалъ Геннадьичъ.

— При чемъ тутъ народникъ?—кипятился онъ,—народники: В. В., Юзовъ, Кривенко, Златовратскій, а я стою за культуру обобществленнаго труда.

— Что, по вашему, можетъ,—ѣдко перебивалъ его Сажинъ,—осуществиться поддержкой собственности съ помощью вашею и еще нѣсколькихъ, такихъ же добрыхъ малыхъ „я“, которые захотятъ, кого-то уговорятъ, заставятъ,—логичный исходъ, и все сдѣлается.

— Да,—отвѣчалъ Геннадьичъ,—я признаю значеніе личности и вѣрю, что нѣтъ никакой надобности каждой народности проходить тѣ же фазисы и можно слиться съ передовымъ теченіемъ въ любомъ періодѣ развитія.

— Полное противорѣчіе въ самыхъ вашихъ опредѣленіяхъ,—отвѣчалъ холодно Сажинъ,—„развитіе“, „передовое теченіе“, „сліяніе“—все это понятіе о движеніи: одно движется, другое стоитъ,—

какое тутъ сліяніе? Или путь самосознанія замѣнить тѣмъ или другимъ распоряженіемъ, какое кому кажется лучшимъ?.. Это и есть путь произвола, деспотизма, къ этому и ведетъ субъективизмъ...

— А вы что противупоставляете этому субъективизму?

— Объективное, конечно, начало, волѣ отдѣльнаго лица или лицъ—законы, по которымъ движется жизнь.

— А отдѣльнымъ лицамъ сложить ручки и ждать у моря погоды?—спрашивалъ Геннадьичъ.—И пусть какая угодно гадость дѣлается, вы кланяйтесь и благодарите, и говорите, что все существующее разумно...

И раздраженный, охваченный Геннадьичъ уже кричалъ:

— Такъ подите вы къ чорту, служители сатаны, съ своимъ Марксомъ и его капиталомъ! Противны вы, какъ гробы, съ своей теоріей, laissez faire, laissez aller—буржуи проклятые!

А Сажинъ вставалъ и, уходя, говорилъ:

— Ну, ужъ это... одинъ изъ пріемовъ субъективизма.

Среди остальной компаніи у Сажина поклонниковъ не было.

Студентъ докторъ былъ весь поглощенъ своею спеціальностью и не хотѣлъ связывать себя никакими кличками.

Геннадьичъ относился къ доктору сперва пренебрежительно и восхвалялъ Лихушина.

— Сила, знанье! И на все его хватаетъ,—это герой.

Но кончилось тѣмъ, что къ Лихушину Геннадьичъ сталъ охладѣвать и, наоборотъ, началъ все больше увлекаться докторомъ.

У Лихушина крупный недостатокъ: у него „я“ даже его переросло.

Докторъ былъ простой, уравновѣшенный малый. Онъ и ѣлъ, и пилъ, и пѣлъ, и работалъ и съ одинаковымъ усердіемъ, весело, въ засосъ, все это дѣлалъ.

Онъ весь сосредоточивался на томъ, за что брался въ данный моментъ съ увлеченіемъ, съ огнемъ.

Не любилъ онъ только всякихъ отвлеченныхъ споровъ. Это было единственнымъ временемъ, когда докторъ вдругъ сосредоточивался и, молча, пощипывая свою бородку, терпѣливо ждалъ, когда кончатъ спорщики. Иногда ждать приходилось долго и докторъ говорилъ:

— Давайте лучше пѣть, господа.

— Ты не любишь споровъ?—спрашивалъ его Геннадьичъ.

— Я понимаю,—отвѣчалъ докторъ,—научные диспуты: соберутся люди спеціально съ этою цѣлью, строго держатся основной нити, а вы вѣдь, какъ козы, прыгаете съ одного предмета на другой.

— Ну чортъ съ тобой, будемъ пѣть!

И они пѣли: Геннадьичъ стоя, вытягивая свою длинную шею, складывая руки на животѣ, точно кто собирается въ это время ткнуть его, а докторъ, кряжистый, сильный, пригибая подбородокъ, упираясь такъ, словно собирался бороться.

Пѣли они съ чувствомъ, съ силой: Геннадьичъ теноркомъ, докторъ—мягкимъ раскатистымъ баритономъ. Пѣли, увлекаясь, иногда по цѣлымъ ночамъ.

Но въ восемь часовъ утра, умытый и свѣжій, докторъ уже открывалъ свою лавочку, то-есть, пріемъ больныхъ.

Собранный, возбужденный онъ толково опрашивалъ больныхъ, своимъ интересомъ къ нимъ вызывая и въ нихъ энергію и вѣру.

Популярность его росла и пріемъ больныхъ доходилъ до восьмидесяти въ день.

— И вѣдь это,—толковалъ намъ докторъ,—не земскій пріемъ, гдѣ и 250 примутъ такимъ путемъ: „эй, у кого рвота, болитъ животъ подъ ложечкой,—выходи влѣво. У кого великая скорбь—стой на мѣстѣ. У кого—глаза—вправо. У кого лихоманка—иди къ забору. Остальные заходи въ пріемную“. Зайдетъ человѣкъ двадцать, изъ которыхъ штукъ пятнадцать еще отправитъ къ прежнимъ группамъ, которымъ фельдшера по одному рецепту выдаютъ лѣкарства. А я вѣдь каждаго больного... Вы пожалуйте-ка ко мнѣ на пріемъ.

На пріемѣ у доктора была образцовая чистота.

Докторъ въ бѣломъ балахонѣ, его помощница по составленію лѣкарствъ—Анна Алексѣевна Кожина, дочь мелкаго землевладѣльца, окончившая гимназію и собиравшая деньги для того, чтобы продолжать свое образованіе—тихая, безотвѣтная, молоденькая.

Докторъ съ аппетитомъ тормошилъ больного, пощипывая бородку, стрѣляя своими большими глазами, напряженно, очевидно, перебирая въ памяти учебники.

— У-гм... У-гм... А вотъ здѣсь не болитъ? Болитъ... У-гм...

Докторъ задумывался, иногда справлялся въ книгахъ.

Пріемъ тянулся до обѣда. Обѣдали къ часу. Послѣ обѣда докторъ спалъ, потомъ съ помощницей готовилъ порошки общеупотребительныхъ лѣкарствъ для другого дня и затѣмъ, покончивъ, отдавался отдыху.

Томившійся бездѣльемъ Геннадьичъ, которому надоѣло уже все и даже чтеніе, пытался иногда нарушить режимъ доктора.

— Нѣтъ, — отрѣзывалъ докторъ, — все въ свое время. А ты вотъ чѣмъ баклуши бить—помогай.

Геннадьичъ сталъ помогать и такъ увлекся, что сдѣлался вторымъ помощникомъ доктора.

Какъ раньше Геннадьичъ находилъ интересъ въ сельскомъ хозяйствѣ, сопровождая Лихушина по цѣлымъ днямъ въ поле, часто

послѣ совершенно безсонныхъ ночей, такъ теперь увлекался всякими болѣзнями и толкованіями по поводу нихъ доктора: рылся съ нимъ въ учебникахъ, а въ сомнительныхъ для него случаяхъ ѣздилъ къ Константину Ивановичу, какъ объяснялъ онъ, съ цѣлью вывести доктора на свѣжую воду.

За обѣдомъ Геннадьичъ съ одушевленіемъ разсказывалъ разныя сцены изъ пріемной жизни.

— Бабы, особенно дѣвки, прямо безнадежны: тупость... Языкъ у нихъ у всѣхъ, — говорилъ Геннадьичъ, — какой-то совершенно особенный. Приходитъ мрачный крестьянинъ съ экземой: „нашъ фельдшеришка толкуетъ: у тебя ракъ подкожный,—зудомъ и выходитъ“. Другой говоритъ: „пузерь у меня“,—оказывается отрыжка. Иногда ничего не поймешь: „ноняй отъ работы, ноняй отъ тоски сохчу“—это значитъ не то отъ работы, не то отъ тоски сохну. Или: „голова хруститъ; пока чемиръ дергаютъ, легче, а нонѣ ни одинъ волосъ не щелкалъ, потому и головѣ не легче“. Это значитъ, что голова у нея болитъ и пока выдергиваютъ ей волосы и пока они щелкаютъ, головѣ легче. „Какъ,—говоритъ,—выпью, душа навалится и нельзя дышать“. А одна старушка: „охъ, батюшка, вся-то я разорилась...“ Всѣ свои члены они называютъ уменьшительно: глазоньки или просто зеньки, рученьки, брюшенько, брюшко. Покажи языкъ: „не смѣю“. Или закроетъ рукой и еле высунетъ подъ ней кончикъ языка.

— Я не понимаю,—горячился Геннадьичъ,—какъ тутъ жили, какъ могутъ жить люди безъ медицинской помощи? Нѣтъ, чортъ съ ними, съ изысканіями и со всѣмъ инженерствомъ,—осенью ѣду за границу изучать медицину.

Геннадьичъ понемногу и всѣхъ увлекъ медициной.

Однажды привезли къ доктору изъ сосѣдняго села одного крестьянина, который какъ-то вилами проткнулъ себѣ животъ.

— Дрянь дѣло,—сказалъ, осмотрѣвъ докторъ,—надо выписать Константина Ивановича.

И вотъ Константинъ Ивановичъ, нашъ докторъ-студентъ, Геннадьичъ и Анна Алексѣевна, да и мы всѣ по очереди нѣсколько дней и ночей просидѣли надъ умиравшимъ отъ перитонита крестьяниномъ.

Громадный крестьянинъ, силачъ и красавецъ лежалъ, смотрѣлъ на всѣхъ вопросительными глазами и тяжело дышалъ. Положеніе его ухудшалось съ каждымъ часомъ, лицо куда то проваливалось, все больше и все больше выростала вся эта масса вздутаго живота его, тяжело и неровно опускавшагося.

Было эпическое во всей этой простой покорной смерти этого колосса, въ его женѣ—стойкой, тоже покорной, двухъ маленькихъ ребятишкахъ, окружавшихъ постель отца.

Въ рѣдкія минуты облегченія крестьянинъ дѣлился своими думами.

Однажды, обернувшись ко мнѣ, онъ облегченно заговорилъ:

— Скоро это все кончится: пріѣзжалъ къ намъ одинъ, — переписывалъ, у кого что есть, а солдатъ одинъ видѣлъ его въ Питерѣ и призналъ. Подходитъ къ нему и гоговоритъ: „Ваше благородіе, а вѣдь я призналъ васъ". И сказалъ ему, кто онъ. Тотъ испугался, вскочилъ и говоритъ: „Что ты, что ты и никому этого не говори". И сейчасъ лошадей себѣ потребовалъ. Ну, схватились тутъ мы, что неловко сами сдѣлали, — онъ будто не хотѣлъ, а мы его вродѣ того, что открыли... Міромъ и порѣшили: мнѣ везти его и разсказать ему въ дорогѣ про всю нашу крестьянскую нужду. Лучшихъ лошадей собрали, я кафтанъ надѣлъ... Какъ поѣхали, народъ весь на колѣни... Выѣхали за околицу, повернулся я къ нему и сталъ ему все докладывать: какъ народъ безъ земли бьется, какъ трудно жить: хоть у Авдѣя Махина, пятнадцать рабочихъ ртовъ на четырехъ десятинахъ сидятъ: съ чего же тутъ хлѣбъ ѣсть? Все, все разсказалъ.

Больной понизилъ голосъ:

— И про себя не утаилъ, — признался ему, что двѣ лошади свели у меня осенью со двора: совсѣмъ разорился... Такъ съ тѣмъ и уѣхалъ тотъ на чугунку... И такъ что надѣемся мы теперь, крѣпко надѣемся, что все перемѣнится... и скоро... скоро... будетъ и нарѣзка, и скотина: все будетъ...

Онъ лежалъ на кровати, одѣтый въ наше тонкое бѣлье, шелковая подушка была подъ его головой, его поили шампанскимъ, за нимъ былъ самый нѣжный, самый трогательный уходъ. Больной оглядывалъ съ удивленіемъ себя, переживая, вѣроятно, какую-то сказку отъ этой перемѣнившейся вдругъ обстановки: какъ будто уже начиналъ сбываться завѣтный сонъ жизни...

На третій день сразу произошелъ крутой поворотъ къ худшему.

— Гнилостный перитонитъ, — объяснилъ Константинъ Ивановичъ, — вилы, очевидно проткнули брюшину и кишку снизу вверхъ изъ кишки успѣло выйти содержимое, затѣмъ стянуло и кишку, и брюшину, и это содержимое, не имѣя выхода, произвело гнилостный, не гнойный, гнилостный процессъ. Возбуждающіе больше не дѣйствуютъ: если его разрѣзать теперь, то печень и сердце у него уже совершенно желтыя отъ жирового перерожденія. Коллапсъ полный, очень скоро конецъ при полномъ сознаніи.

На одно только мгновеніе больной какъ будто потерялъ сознаніе. Онъ вдругъ, смотря передъ собой, и радостно, и испуганно спросилъ:

— Откуда кони?

Но сейчасъ опять пришелъ въ себя и скорбнымъ голосомъ сказалъ:

— Помираю я...

Онъ протянулъ намъ руку, пожалъ наши, съ усиліемъ кивая головой и говоря сухимъ раскрытымъ ртомъ, сверкавшимъ бѣлыми зубами:

— Помираю, прощайте, прощайте...

Онъ простился съ женой, благословилъ дѣтей.

Послѣдняя вошла въ комнату Анна Алексѣевна.

Онъ порывисто протянулъ ей руку, и когда она наклонилась, шепталъ ей уже безъ голоса съ потрясающимъ чувствомъ тоски:

— Помираю я, прощай... Ты какъ мать родная была со мной... лучше матери.

Кроткая, тихая, вся воплощенная любовь такъ и застыла надъ нимъ Анна Алексѣевна, смотря въ его глаза. Порывисто дыша и онъ смотрѣлъ на нее сухими, воспаленными глазами, открывая все больше ротъ. Понемногу глаза поднимались все выше и выше, а ротъ открывался все больше и больше, пока съ послѣднимъ усиліемъ вздохнуть не застыло безъ стона и звука все это громадное тѣло и ротъ, и глаза въ неподвижной, спрашивающей позѣ.

Безъ стона и звука упала на землю и стоявшая на колѣняхъ жена и молча, судорожно забилось ея тѣло о полъ.

Анна Алексѣевна, все время спокойная и стойкая, молча поднялась, перешагнула черезъ жену умершаго и вышла въ другую комнату. Выйдя, она побѣжала и бѣжала все быстрѣе и быстрѣе съ широко раскрытыми глазами, изрѣдка вскрикивая, хватаясь за голову, пока не упала и не начала кричать неистово и дико.

Ея крики и хохотъ неслись по всему дому, потрясая воздухъ. Голосомъ раздирающаго душу отчаянія и тоски, она кричала: имя умершаго „Григорій, Григорій, мама, мама“!

Докторъ тихо объяснилъ, что недавно умерла ея мать и съ ней былъ такой же припадокъ.

Я въ это мгновеніе вспомнилъ вдругъ, какъ эта Анна Алексѣевна говорила тоскливо, стоя у окна:

— Гдѣ же выходъ? Какъ жить, чтобы не жалко было, что жила?

И еще угнетеннѣе теперь раздавались ея вопли: „Мама, мама! Григорій, Григорій!..“

Докторъ и Геннадьичъ возились съ ней: Геннадьичъ взволнованный, готовый самъ обезумѣть, докторъ Константинъ Ивановичъ спокойный и совершенно желтый.

— Самъ уже ходячій мертвецъ,—сказалъ нашъ докторъ, когда Константинъ Ивановичъ, успокоивъ Анну Алексѣевну, уѣхалъ,—водянка началась уже, а живетъ вѣдь, какъ самый нормальный человѣкъ: вотъ это сила...

. . . .

Компанія наша увеличивалась.

Въ одно изъ воскресеній на дворъ князевской усадьбы въѣхала плетушка, запряженная въ одну лошадь. На козлахъ сидѣлъ молодой парень, а въ плетушкѣ—Писемскій, по обыкновенію сгорбленный, весь ушедшій въ плетушку и только изгрызенная соломенная шляпа торчала оттуда.

— Шурка,—радостно привѣтствовалъ Геннадьичъ вошедшаго въ столовую пріятеля, гдѣ въ это время компанія садилась за обѣдъ.

Писемскій, комично пригнувшись, спросилъ:

— А что мѣсто учителя свободно?—И махнувъ рукой, разсмѣявшись по дѣтски, сказалъ:

— Выгнали!

— Ну?—заревѣлъ, присѣвъ отъ восторга, Геннадьичъ.

— Ей-Богу.

— Молодецъ! Разсказывай, за что?

— Да и разсказывать нечего: глупо ужъ все это вышло,—проговорилъ Писемскій, присаживаясь къ столу.

Онъ огорченно оглянулся и бросилъ шляпу въ уголъ.

— Пришелъ Василій,—Писемскій по-дѣтски разсмѣялся и показалъ на Лихушина, — вотъ его замѣститель, и сказалъ, что господа велѣли школу подъ барскій домъ повернуть.

— Ну, на это права они не имѣютъ, положимъ,—замѣтилъ Лихушинъ.

— Тебя, что ли, спрашивать будутъ?—усмѣхнулся Писемскій и опять серьезно продолжалъ:—Горяновъ тутъ много напуталъ: какой-то, видите, будто бы мальчикъ изъ моей школы ему сказалъ, что Бога нѣтъ и что это, будто бы, я сказалъ мальчику.

— Сказалъ?—лукаво подмигнулъ Писемскому Геннадьичъ.

— Да, что я сумасшедшій? Комичнѣе всего, что самъ батюшка возмущенъ, распинается, что этого не было и быть не могло... Съ библіотекой тоже... Однимъ словомъ, изобразилъ меня передъ владѣльцами такимъ, что, того и гляди, и ихъ самихъ потащутъ...

Геннадьичъ кричалъ:

— Господа, Ура! За Шурку! Ахъ, чортъ, какъ у нихъ тутъ весело будетъ ей-Богу! не плюнуть ли ужъ сразу на всѣ эти изысканія? А то пойдемъ съ нами, Шурка?

— Нѣтъ, ужъ я на счетъ школы,—усмѣхнулся Писемскій.

— И пчельникъ мы тебѣ навяжемъ,—говорилъ Лихушинъ, быстро глотая щи.

— Пчельникъ,—согласенъ: лѣтомъ, съ ребятишками—одна прелесть...

— Я съ изысканій, Шурка, прямо къ тебѣ на пчельникъ,—сказалъ Геннадьичъ, наотмашь ударивъ по плечу Писемскаго.

У Писемскаго сразу нашлась работа.

Дѣло въ томъ, что, не смотря на большой составъ служащихъ, въ разгаръ работъ ихъ все-таки не хватало, и вотъ понемногу всѣ грамотные изъ Князевки, бывшіе ученики жены, превратились въ надсмотрщиковъ. Многіе изъ нихъ успѣли порядкомъ призабыть свою грамоту и теперь, послѣ посѣва, энергично принялись съ Писемскимъ за ея возстановленіе.

Я думаю, что характеристика нашей компаніи будетъ не полная, если я не скажу нѣсколько словъ еще объ одномъ членѣ ея—Галченкѣ.

Онъ пришелъ пѣшкомъ, молодой, высокій, худой, до крайности оборванный.

Онъ вошелъ ко мнѣ и, не стѣсняясь своимъ видомъ, покровительственно протянувъ мнѣ руку, сказалъ:

— Галченко. Я зашелъ къ вамъ узнать, нѣтъ ли у васъ какой-нибудь работы?

— Въ какомъ родѣ?

Галченко уже сѣлъ и, обтирая потъ съ лица, сказалъ небрежно:

— А ужъ это сами придумайте.

— Хорошо, пока поживите съ моими товарищами.

И я направилъ Галченко къ Геннадьичу.

— Это очень интересный субъектъ,—сказалъ мнѣ вечеромъ Геннадьичъ,—возьмемъ его на изысканія пекитажистомъ,—большихъ знаній здѣсь не нужно.

Такъ и порѣшили, а такъ какъ разрѣшенія приступать къ изысканіямъ еще не было, то съ Галченко проходился предварительный курсъ.

Галченко пренебрежительно слушалъ и говорилъ.

— Понимаю: ерунда...

— Ну, теперь попробуйте сами,—сказалъ ему какъ-то Геннадьичъ и задалъ самостоятельную работу.

Работа была не большая, а между тѣмъ Галченко не явился ни къ обѣду, ни къ четырехчасовому чаю.

— Надо идти къ нему,—рѣшилъ Геннадьичъ.

Онъ нашелъ Галченко въ оврагѣ, въ меланхолическомъ созерцаніи сидѣвшаго на землѣ.

— Ну какъ дѣла?

— Дрянь.

— Вы до чего же дошли?

— До полнаго отчаянья дошелъ, хочу совсѣмъ уйти отъ васъ: все равно, вѣдь ни инженеромъ, ни воромъ никогда не буду...

Временный упадокъ духа скоро, впрочемъ, прошелъ у Галченка

и онъ опять на каждомъ шагу постоянно твердилъ съ громаднымъ самомнѣніемъ:

— Ерунда!

Вообще онъ имѣлъ такой видъ, какъ бы говорилъ каждому человѣку, съ которымъ встрѣчался:

— Другъ мой, и рта лучше не открывай: надо примириться съ тѣмъ, что ты и все, что въ тебѣ—ерунда.

Почти не слушая Геннадьича, онъ съ апломбомъ осаживалъ его:

— Ерунда.

Сажину говорилъ:

— Окончательная ерунда.

— Что же, наконецъ, по вашему не ерунда?—приставалъ къ нему Геннадьичъ,—анархизмъ?

— Ерунда.

— Толстовщина?

— Ерунда.

— Декаденство?

— Ерунда.

— Сверчеловѣкъ вы, что ли?

— Ерунда.

Но однажды прижатый къ стѣнѣ, онъ изложилъ, наконецъ, свои взгляды.

— Въ сущности, если отдѣлить всю его отсебятину,—резюмировалъ Сажинъ,—получается теорія государственнаго соціализма въ буржуазномъ государствѣ съ прибавкой русскаго чиновника: не ново во всякомъ случаѣ.

— Ерунда,—авторитетно махнулъ рукой Галченко.

— Сами вы, другъ мой, ходячая ерунда,—на этотъ разъ, какъ союзникъ Сажина, отвѣтилъ ему Геннадьичъ.

Галченко, конечно, не обратилъ никакого вниманія на слова Геннадьича.

Галченко по цѣлымъ днямъ гдѣ-то пропадалъ.

Иногда видѣли его гдѣ-нибудь ѣвшимъ съ крестьянами въ полѣ.

Однажды, гуляя, Галченко забрелъ верстъ за десять отъ Князевки и усталъ. На лугу паслись чьи-то лошади и, Галченко, долго не думая, сѣлъ на одну изъ нихъ и поѣхалъ назадъ въ Князевку. Очень скоро послѣ этого его нагнали и со всѣхъ сторонъ окружили верховые крестьяне:

— Стой!

Галченко, ни больше, ни меньше, какъ приняли по его дѣйствіямъ и костюму за конокрада.

Положеніе его было очень опасное, потому что съ конокрадами крестьяне обыкновенно расправляются судомъ Линча.

Галченко, понявъ опасность, ввиду крайности назвался ненавистнымъ ему именемъ инженера.

На счастье его съ нимъ былъ компасъ и онъ представилъ его, какъ доказательство своего званія.

Послѣ совѣщаній, крестьяне рѣшили все-таки проводить Галченко, не довѣряя ему, въ Князевку.

И вотъ высокій и худой на бѣлой клячѣ появился во дворѣ князевской усадьбы Галченко, окруженный толпой верховыхъ крестьянъ.

Мы всѣ высыпали во дворъ и Галченко, хотя и смущенный, началъ свой разсказъ съ своего обычнаго:

— Ерунда: понимаете,—ну, усталъ я, а хозяевъ нѣтъ,—пріѣду, думаю и отошлю лошадь, конечно, заплачу...

Геннадьичъ визжалъ отъ восторга.

Одинъ изъ конвоировавшихъ Галченко крестьянъ, когда недоразумѣніе уже выяснилось, сказалъ мнѣ съ упрекомъ:

— Ты бы хоть портки новые купилъ ему: вишь рваный весь какой ходитъ.

— Да вѣдь не хочетъ,—отвѣчалъ я.

Верстахъ въ двадцати отъ меня жилъ одинъ оригиналъ дворянинъ. Выстроилъ онъ себѣ пароходъ, который долженъ былъ ходить по льду, но не ходилъ, мельницу, которая не молола, держалъ громадную дворню, часть которой составляла конную стражу, одѣтую въ старинные костюмы. Съ этой стражей онъ носился по своимъ полямъ и горе было нарушителямъ издаваемыхъ самодуромъ законовъ. Стража его готова была на все: сѣкли, и, говорятъ, даже безъ вѣсти пропадали въ этомъ имѣніи люди.

Доступъ къ владѣльцу былъ крайне сложный. У воротъ стоялъ часовой, которому сообщалось имя пріѣхавшаго. Этотъ часовой кричалъ имя швейцару, тотъ передавалъ дальше лакею при дверяхъ, у каждой двери находился такой же лакей, пока очередь не доходила до двери той комнаты, гдѣ находился владѣлецъ. Такимъ же путемъ получался обратный отвѣтъ.

Галченко умудрился не только попасть къ этому помѣщику, но даже прогостилъ у него нѣсколько дней.

— Замѣчательно интересный субъектъ,—лаконически сообщилъ намъ возвратившійся Галченко.

И на всѣ остальные разспросы отвѣчалъ:

— Въ свое время все узнаете...

Дѣйствительно черезъ нѣсколько дней въ мѣстной газетѣ появились очерки, подъ заглавіемъ: „Типы современной деревни“.

Въ число ихъ попалъ и помѣщикъ-самодуръ.

Галченко имѣлъ мужество самъ отнести этотъ нумеръ газеты помѣщику.

— Вотъ чудакъ,--разсказывалъ, возвратившись Галченко,— можете себѣ представить, онъ обидѣлся на меня.

— Можетъ,—отвѣчалъ Геннадьичъ,—вздули васъ?

— Вздуть не вздули, а влетѣло...

— Да ужъ признавайтесь.

— Ерунда... Но странно, ей-Богу, какъ у людей совершенно нѣтъ общественной жилки, нѣтъ способности видѣть самихъ себя со стороны: говоритъ, что я не его, а урода какого-то изобразилъ...

Галченко весело разсмѣялся.

Галченко пришлось еще больше убѣдиться въ отсутствіи способности видѣть себя со стороны, когда въ очереди очерковъ появился Лихушинъ.

Лихушинъ, хотя и былъ изображенъ крупнымъ и талантливымъ иниціаторомъ, но человѣкомъ, у котораго и все его дѣло было построено на его „я“, и служилъ онъ своимъ дѣломъ только вящей эксплоатаціи крестьянскаго труда, да набиванью хозяйскаго кармана.

Лихушинъ очень обидился.

— Да чѣмъ же проявляется это мое „я“?—спрашивалъ Лихушинъ, сидя съ нами со всѣми на террасѣ въ саду.

— Ну, положимъ, мало ли я съ вами ѣздилъ,—отвѣчалъ ему Геннадьичъ,—„почему такъ сдѣлано, когда я приказалъ такъ?“ „Я такъ хочу“, „Я такъ сказалъ“. На каждомъ вѣдь шагу это. Всѣ ваши помощники не смѣютъ ни на іоту ослушаться,—никакой самостоятельности, никакой иниціативы вы имъ не даете...

— Словомъ, полный крѣпостникъ,—бросилъ съ своей высоты Галченко. Галченко взобрался на верхъ балюстрады, сидя тамъ на подобіе птицы.

— Потому что,—отвѣчалъ Лихушинъ,—всякое дѣло можно вести только, когда одинъ хозяинъ.

— Крѣпостническій взглядъ,—бросилъ опять Галченко,—и вашимъ извиненіемъ можетъ служить только то, что и по образованнѣе васъ русскіе люди, можно сказать, свѣточи просвѣщенія также деспотичны: любой русскій редакторъ проповѣдуетъ, что только одинъ онъ, „я“, можетъ вести дѣло и онъ не потерпитъ никакого вмѣшательства.

— Не знаю, не замѣчалъ я, по крайней мѣрѣ, за собой,— угрюмо отвѣчалъ Лихушинъ и, вставъ, ушелъ.

— Замѣчать за собой,—наставительно сказалъ вслѣдъ ему Галченко,—высшая и трудная работа... Куда же вы?

И когда Лихушинъ, не отвѣчая, ушелъ, Галченко прибавилъ:

— Ты сердишься, Горацій...

— Да вотъ собственно на счетъ набиванія кармановъ, вящей эксплоатаціи,—заговорилъ Геннадьичъ.—Я смотрю на нашу хотя бы

компанію и у меня получается какое-то двойственное впечатлѣніе. Съ одной стороны, люди, какъ люди съ извѣстными убѣжденіями,—Геннадьичъ прищурился на Сажина,—хотя бы и съ жесткими, но, во всякомъ случаѣ, по своимъ убѣжденіямъ не имѣющіе ничего общаго со всѣмъ, что носитъ на себѣ печать буржуазнаго, а между тѣмъ мы всѣ въ своей дѣятельности служимъ этой самой буржуазіи и самымъ пошлымъ образомъ при этомъ служимъ, создаемъ дѣла, которыя должны набить,—онъ обратился ко мнѣ,—ваши и другихъ такихъ же карманы. Что же это съ нашей стороны?—несостоятельность, крахъ, прежде, чѣмъ жить, можно сказать начали—крахъ, въ силу котораго мое я со всей своей волей—нуль, ничто, жалкая или роковая игрушка обстоятельствъ?

— Великолѣпно,—кивнулъ ему изъ своего угла Сажинъ,—жму вашу руку.

— За что это?—насторожился Геннадьичъ.

— Да то, что „я" оказывается не причемъ въ общемъ ходѣ событій,—попытки этого „я" обособиться уподобляются въ нѣкоторомъ родѣ усилію поднять самого себя за волосы. Это именно то, что называется: пріѣхали ..

— По моему заѣхали,—отвѣтилъ Геннадьичъ,—но не въ этомъ дѣло, а вы-то сами куда же пріѣхали?

— А мы пріѣхали въ область внѣ буржуазную, наша точка опоры внѣ.

— Гдѣ же? Мы съ вами, кажется, изъ того же мѣста получаемъ жалованье.

— Мы съ вами, во-первыхъ, ремесленники: сапожники, которые шьютъ сапоги и думаютъ о томъ, чтобъ за свой трудъ получить, а не о томъ, кто его сапоги носить будетъ. А во-вторыхъ я говорю не о себѣ лично, а о классѣ, которому служу, о дѣлѣ этого класса...

— Какое дѣло? Оправдывать все существующее? большое дѣло,—фыркнулъ Геннадьичъ.

— Осмысливать все существующее,—спокойно отвѣтилъ Сажинъ,—механикъ самоучка при всей своей природной талантливости можетъ додуматься до отрицанія и законовъ тяготѣнія, а механикъ образованный будетъ изобрѣтать, руководствуясь этимъ закономъ. Вотъ этотъ законъ и создаетъ матеріалистическое ученіе, въ основу котораго положенъ чисто научный по своей объективности діалектическій методъ.

— Знаю,—перебилъ нетерпѣливо Геннадьичъ,—тезъ, антитезъ, синтезъ и множество надстроекъ, съ которыми до сихъ поръ никто не справился и никогда не справится, потому что то, изъ чего все вытекаетъ—мое „я" не принято во вниманіе...

Слишкомъ объективный методъ, такой же научный, какъ и всѣ остальные, модная теорія, отъ которой черезъ двадцать лѣтъ, можетъ быть, ничего не останется: какъ было до сихъ поръ, какъ будетъ всегда... Я знаю одно, я своей воли никакимъ вашимъ законамъ не отдамъ. Я вольный, сознающій себя человѣкъ, стремлюсь къ добру, какъ понимаю его, и никто мнѣ не смѣетъ запретить идти къ цѣли путемъ, какой мнѣ кажется лучшимъ.

— Полное оправданіе и всякаго произвола, и нравственная поддержка любому бухарскому эмиру...

— Будемъ лучше пѣть, господа,—предложилъ докторъ.

Но пѣніе не пошло.

— Мнѣ интересно,—обратился во время перерыва ко мнѣ Геннадьичъ,—какъ собственно вы смотрите на свою и нашу дѣятельность... Собственно до сихъ поръ, какъ писатель, вы опредѣленный физіономіи не имѣете. „Дѣтство Темы" создало вамъ популярность. „Нѣсколько лѣтъ въ деревнѣ" уже вызвало по вопросамъ объ общинѣ нѣкоторое недоумѣніе въ доброй семьѣ народниковъ,—такъ ихъ называетъ Сажинъ и съ чѣмъ я не согласенъ,—въ которую вы вступили; ваши желѣзнодорожныя статьи о дешевыхъ тамъ дорогахъ и совсѣмъ втупикъ поставили всѣхъ: кто же вы? Ваше такъ, сказать profession de foi?

— Прежде чѣмъ отвѣчать, я задамъ вамъ вопросъ: должна ли частная дѣятельность человѣка соотвѣтствовать его идейной?

— Можетъ соотвѣтствовать, можетъ и нѣтъ: Энгельсъ оставилъ после себя большое состояніе, а идейно работалъ на совершенно другой почвѣ.

— Я работаю въ классѣ крупной буржуазіи: въ силу рожденія, въ силу воспитанія я въ немъ. Вѣрю въ его творческую силу. Вѣрю, что желѣзная дорога, фабрика, капиталистическое хозяйство несутъ въ себѣ сами культуру, а съ ней и самосознаніе: здѣсь образованный человѣкъ, машинистъ, техникъ — нужны и не потому только, что я этого хочу, а потому, что онъ дѣйствительно необходимъ.

— Этою необходимостью,—замѣтилъ Сажинъ,—объясняется и ваша дѣятельность: культурное хозяйство и пр. Вы заводите все это, потому что надѣетесь имѣть выгоду и не станете заводить это гдѣ-нибудь въ глухомъ углу Сибири... Сапожникъ шьетъ тѣ сапоги, которые требуетъ рынокъ, и не станетъ дѣлать иныхъ. Я хочу этимъ сказать, что ваши ремесла,—тамъ инженерство, капиталистическое хозяйство и другія,—нельзя назвать ни культурными, ни не культурными, какъ и всякое ремесло: вы работаете, получаете за свой трудъ, больше или меньше—другой вопросъ... Но это собственно еще не profession de foi.

— Совершенно, конечно, согласенъ,—отвѣчалъ я,—одно ре-

месло еще ничего не даетъ. Но лично я хотѣлъ бы вносить во всѣ свои ремесла не только эту сторону, но и идейную. И въ желѣзныхъ дорогахъ, и въ хозяйствѣ интензивномъ я вижу средство для достиженія цѣли: болѣе быстраго развитія жизни хотя бы экономической, съ которой придетъ и остальное. Въ творческую силу такой работы я вѣрю, вѣрю въ достиженіе цѣли такимъ путемъ. А въ достиженіе цѣли утопистовъ совершенно не вѣрю; матеріалистамъ вѣрю, но думаю, что мы въ томъ фазисѣ развитія, когда точка приложенія равнодѣйствующей находится въ періодѣ національнаго накопленія богатствъ. И, слѣдовательно, просто культурная, прогрессивная работа является наиважнѣйшей въ смыслѣ обширнаго фронта работъ. Для представителей четвертаго класса и фронтъ работъ малъ, да и въ опекунскую работу плохо вѣрю, стать же въ ряды этого класса считаю, что это будетъ невыгодной затратой силъ моихъ, каковымъ являюсь я во всей своей совокупности.

— Я не разслышалъ,—спросилъ Геннадьичъ.

— Почему вы утопистамъ или тамъ народникамъ не вѣрите?

— Потому что они сами себя обрекли на бездѣйствіе. Они говорятъ: надо вотъ что. Съ этимъ „надо", какъ съ скрижалями, они сидятъ. Какъ дѣлать, что дѣлать — отвѣта нѣтъ и всѣ попытки отвѣтить потерпѣли крушеніе. Время сдѣлаетъ свое дѣло, но не они...

— Вы, слѣдовательно, не признаете за ними никакой прогрессивной роли?

Голосъ Геннадьича сдѣлался сухой, долбящій.

— Признаю, все признаю: и роль ихъ въ дѣлѣ нашего прогресса, и преемственность, и даже жизненную роль въ будущей практикѣ жизни, какъ представителей громаднаго класса мелкихъ земельныхъ собственниковъ.

— Я никогда вамъ не повѣрю,—заговорилъ болѣе спокойно Геннадьичъ, — чтобы вы могли сочувствовать проекту отрывать крестьянъ отъ земли, бросать ихъ на рынокъ, изъ собственниковъ превращать въ пролетаріевъ...

— Кто жъ этому сочувствуетъ...

— Давайте же пѣть, господа!—Позвали доктора.

— Пѣть такъ пѣть,—согласился Геннадьичъ.

Посѣвъ кончился и зазеленѣла земля, мы собирались выступать уже на изысканія, когда давно ожидавшееся, впрочемъ, несчастіе совершилось: докторъ Константинъ Ивановичъ Колпинъ скончался.

Маленькій фельдшеръ Петръ Емельяновичъ, растерянный, убитый, безжизненными глазами слѣдя за умиравшимъ, говорилъ, что эти послѣдніе мѣсяцы жилъ уже не онъ, а его наука.

За полчаса до смерти докторъ еще разъ принялъ лѣкарство, сказавъ спокойно, съ покорной улыбкой:

— Этого можно было бы и не дѣлать уже...

Въ открытое окно смотрѣло безмятежное голубое майское небо, вѣтерокъ лѣниво шевелилъ молодую листву деревьевъ, несъ ароматъ далекихъ зеленыхъ полей.

Онъ умиралъ, а надъ его окномъ со всей энергіей весны озабоченно щебетали воробьи, замирало гдѣ-то звонкое кукованье кукушки, еще какая-то птичка, какъ выраженіе высшаго блаженства, въ тонъ всему напѣвала тихо и нѣжно свою пѣсенку.

Онъ, очевидно, еще и этимъ наслаждался. Вздохнувъ, какъ вздыхаетъ усталый, собирающійся на покой, человѣкъ, онъ попросилъ положить въ изголовье его гроба свѣжей травы.

Онъ умеръ тихо, точно уснулъ, и въ эти мгновенія торжественнаго молчанія невольно подводился итогъ его жизни.

На видъ онъ жилъ жизнью самаго здороваго, самаго удовлетвореннаго человѣка и какъ самый счастливый, онъ отъ избытка своего счастья щедрой рукой разсыпалъ вокругъ себя то довольство, которое только могъ давать людямъ. И не такъ матеріальное, какъ нравственное. Сколько ласки, любви было въ немъ.

Когда разнеслась вѣсть о его смерти, пришла громадная толпа людей и все доброе скрытое всплыло.

Была какая-то жажда говорить, спѣшить говорить, разсказать обо всемъ, что сдѣлалъ Константинъ Ивановичъ.

И, какъ въ панорамѣ, вырисовывалась передъ глазами вся эта прекрасная жизнь, полная такого горя для себя и такой радости для окружающихъ. Онъ и отъ любви изъ-за болѣзни отказался.

Въ дневникѣ Аміеля есть такое мѣсто:

„Не тяготиться, не остывать, быть терпѣливымъ, торопиться любить—въ этомъ долгъ“.

Такимъ былъ незамѣтный при жизни докторъ.

Съ этой толпой бѣдныхъ людей онъ дѣлилъ горе, съ ними онъ пережилъ два голода, тифъ, холеру, и послѣдній тифъ зимой, когда и подорвалъ въ конецъ свои силы.

Послѣ его смерти только и нашли, что полный столъ копѣечныхъ лошадокъ, да деревянныхъ куколокъ.

Тамъ въ нищенской избѣ за этой лошадкой тянулась маленькая больная ручонка и въ глазахъ ребенка загорался тотъ огонекъ радости, который грѣлъ и свѣтилъ въ жизни этому человѣку.

Его похоронили на томъ кладбищѣ, которое видѣлъ онъ изъ своего окна. Онъ спитъ подъ большимъ крестомъ, окруженный тѣми, кого любилъ больше себя. Въ памяти живыхъ онъ долго будетъ жить. Чѣмъ дальше, тѣмъ ярче встанетъ образъ этого больного своимъ большимъ сердцемъ человѣка.

И говорили крестьяне, расходясь съ похоронъ:

— Хоррошій былъ человѣкъ!

На лентѣ Лихушинскаго вѣнка стояла китайская пословица: „Отъ одного хорошаго человѣка и весь міръ лучше дѣлается". Геннадьичъ былъ страшно огорченъ этой надпись:

— Все настроеніе мнѣ Лихушинъ испортилъ, — жаловался онъ.—И что онъ хотѣлъ этимъ сказать? Что дѣлу можетъ помочь дѣятельность такихъ культурныхъ одиночекъ? Глупо и пошло... Безъ всякой тамъ идеи я всей душой былъ расположенъ къ Константину Ивановичу, но если это герой, который намъ нуженъ... Лучше ужъ никакого...

Сажинъ молча кивнулъ головой.

Н. Гаринъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

КИТАЙ и КИТАЙЦЫ.

Теперь, когда всѣ заговорили о Китаѣ, приходится слышать самые противорѣчивые отзывы объ этой далекой, окруженной покровомъ таинственности странѣ. Одни преклоняются передъ высокой и мощной цивилизаціей Китая, готовы призывать насъ учиться у него или слиться съ нимъ, какъ съ родственнымъ по духу народомъ. Другіе тѣхъ же самыхъ китайцевъ обзываютъ грубыми варварами, чуть не дикарями, которыхъ надо хорошенько проучить, если не совсѣмъ уничтожить.

«Этотъ великій по труду и терпѣнію народъ, создавшій государственно мудраго Конфуція и пересозданный послѣднимъ, давшій въ области глубокихъ умозрѣній мыслителя Лао-цзы, доведшій до высшей степени высоты и простоты культъ монарха и культъ безсмертія достойныхъ предъ отечествомъ предковъ,—нашъ лучшій по уживчивости и удобнѣйшій по консервативнымъ качествамъ сосѣдъ», заявляетъ князь Ухтомскій, и дальше: «Что «сыну неба» такъ называемый «западный», въ корнѣ анархическій прогрессъ, когда передъ его духовнымъ окомъ вѣчно встаютъ величественно мудрые образы преемственно съ нимъ связанныхъ, архаически настроенныхъ правителей-самодержцевъ, у которыхъ идеи о народномъ благѣ тѣсно обусловлены были возможностью ихъ осуществлять и всему, нуждающемуся въ помощи, ее оказывать?» И въ то же время мы слышимъ напутствіе европейской арміи, идущей водворять порядокъ на Дальній Востокъ: «Пощады не давайте, плѣнныхъ не берите!»... Нечего церемониться съ этими желтокожими варварами. Со звѣрями и поступать надо по звѣрски.

И въ отзывахъ путешественниковъ, побывавшихъ или даже жившихъ въ Китаѣ, мы встрѣчаемъ то же разнообразіе, ту же противорѣчивость. Съ одной стороны, намъ приводятъ доказательства утонченной культурности, глубокаго уваженія къ знанію и высокимъ завѣтамъ вѣры, сильно развитаго чувства чести, съ другой, насъ засыпаютъ описаніями проявленій дикой жестокости, грубаго невѣжества и суевѣрій, самыхъ первобытныхъ соціальныхъ отношеній. И всѣ эти противоположные факты наблюдались не въ разныхъ слояхъ населенія, а среди людей, повидимому, одного и того же уровня.

«Одинъ китаецъ, по имени Ло-Янгъ,—разсказываетъ Вильямсъ,—семь лѣтъ былъ въ отсутствіи и въ это время его молодая жена должна была своимъ трудомъ содержать маленькаго сына и свекровь. Однажды къ нимъ на дворъ забѣжала курица сосѣдей. Старуха поймала ее и обжарила къ обѣду. Когда невѣстка сѣла за столъ и увидала птицу, она залилась горькими слезами и на вопросъ удивленной старухи сказала ей: «Я плачу оттого, что я такъ бѣдна и не имѣю возможности доставлять вамъ все, чего бы я желала, и, такимъ образомъ, я принудила васъ ѣсть мясо, принадлежащее другому». Какое развитое чувство долга и какая деликатная, утонченная форма укора!

А рядомъ съ этимъ «Пекинская Газета» передаетъ слѣдующій судебный процессъ. Мать и дочь не взлюбили сноху. Послѣ всяческихъ истязаній, какимъ онѣ ее подвергали, онѣ вымыли въ тазу свои ноги и заставили несчастную выпить эту воду, потомъ онѣ вырѣзали ей языкъ и, наконецъ, умертвили такимъ варварскимъ способомъ, который не поддается описанію. Вообще жестокости, физическія мученія, очень распространены въ Китаѣ. На судѣ до сихъ поръ самымъ широкимъ образомъ примѣняются всевозможные виды пытокъ и истязаній: битье по щекамъ и зубамъ, сжиманіе пальцевъ и щиколокъ, скручиванье ушей. пусканье дыма въ ноздри и т. п., не говоря уже о смертной казни, полагающейся за 644 рода преступленій.

И эти ужасныя формы наказаній примѣняются среди того народа. у котораго, повидимому, до такой высокой степени развито чувство чести, что оскорбленіе сплошь и рядомъ доводитъ ихъ до самоубійства. У нихъ существуетъ даже особый терминъ: «потеря лица», который означаетъ, что человѣкъ уличенъ или заподозрѣнъ въ какомъ-нибудь позорномъ дѣяніи. Если онъ не можетъ опровергнуть обвиненій—онъ «потерялъ лицо» и послѣ этого ему остается одно—покончить съ собою.

М-ръ Пумпели, американецъ, бывшій на службѣ у пекинскаго правительства, разсказываетъ слѣдующій случай, происшедшій съ нимъ во время поѣздки по Пе-чилійской провинціи. Въ Та-вей-чангѣ его и его спутника м-ра Муррея окружила враждебно настроенная толпа китайцевъ. Сначала изъ толпы слышались насмѣшки, брань, угрозы, а потомъ полетѣли и камни. Положеніе было критическое. Тогда м-ръ Муррей остановилъ свою лошадь, приподнялся на стременахъ и заговорилъ на китайскомъ языкѣ. «О вы, жители Та-вей-чанга,—воскликнулъ онъ,—таково-то ваше гостепріимство! Такъ-то соблюдаете вы завѣты вашихъ мудрецовъ, повелѣвавшихъ вамъ быть добрыми къ странникамъ! Развѣ вы забыли слова вашего великаго учителя, Конфуція: «Какъ я не хочу, чтобы поступали со мною люди, такъ и я не долженъ поступать съ людьми»? Результатъ былъ поразительный. Слыша слова своего великаго учителя, смущенная толпа разступилась, непріязненность смѣнилась радушіемъ. Одинъ передъ другимъ китайцы предлагали свои услуги путешественникамъ, объ опасности не могло быть

и рѣчи. «Представимъ себѣ, — заключаетъ свой разсказъ м-ръ Пумпели, — что въ Америкѣ кто-нибудь вздумалъ напомнить разъяренной толпѣ слова нагорной проповѣди. Въ результатѣ подобнаго обращенія врядъ ли можно сомнѣваться».

И не только древніе мудрецы-святые окружены въ Китаѣ такимъ глубокимъ почтеніемъ,—современные ученые тоже пользуются величайшимъ уваженіемъ. Преклоненіе передъ наукой, знаніемъ, наконецъ, просто передъ печатнымъ словомъ доходитъ въ Китаѣ до крайней степени. Уничтоженіе печатной бумаги считается тамъ если не преступленіемъ, то грѣхомъ; для ненужной бумаги на улицахъ выставляются ящики, откуда бумага собирается и предается торжественному сожженію.

Но все это уваженіе къ знанію не мѣшаетъ существованію въ Китаѣ самаго грубаго невѣжества и не среди безграмотной массы, а среди людей, казалось бы, по самому положенію своему обязанныхъ имѣть какія-нибудь познанія въ предѣлахъ хотя бы своей спеціальности. Китайскіе доктора не имѣютъ ни малѣйшаго представленія о человѣческой анатоміи. Они не знаютъ даже расположенія главнѣйшихъ органовъ человѣческаго тѣла. Самымъ распространеннымъ пріемомъ лѣченія среди нихъ является акупунктура. Пріемъ этотъ состоитъ въ томъ, что въ пораженную болѣзнью часть тѣла вводится холодная или раскаленная игла. При ревматизмахъ игла втыкается въ сочлененія, при боли желудка въ животъ и т. д. Иногда эти проколы вызываютъ серьезныя поврежденія затронутыхъ органовъ, и несмотря на это, вѣра въ ихъ цѣлебное свойство непоколебима. Извѣстный путешественникъ докторъ Пясецкій разсказываетъ, какъ подобная операція была произведена на его глазахъ китайскимъ врачемъ, устроившимъ свой пріемный покой въ открытой палаткѣ среди базарной площади. «При мнѣ,—разсказываетъ Пясецкій,—къ нему (т.-е. къ доктору) подошелъ больной человѣкъ, очень жалкій на видъ, худой и съ выраженіемъ страданія на лицѣ... Докторъ съ важнымъ видомъ изслѣдовалъ пульсъ, сдѣлалъ многозначительную гримасу и нашелъ нужнымъ употребить хирургическое лѣченіе: онъ вкололъ ему иглу въ спину, ниже лопатки и оставилъ ее въ такомъ положеніи. Несчастный паціентъ терпѣлъ, конечно, въ надеждѣ на обѣщанное эскулапомъ «необыкновенно скорое и вѣрное исцѣленіе».

Наконецъ, въ этомъ государствѣ, гдѣ всѣ равны передъ закономъ, гдѣ нѣтъ сословій, и нищій земледѣлецъ, получивъ ученую степень, можетъ достичь высшихъ административныхъ должностей, существуетъ варварскій институтъ рабства, признаваемый и закономъ, и общественнымъ мнѣніемъ. «Рабство устанавливается тамъ тремя способами: продажею дѣтей и несовершеннолѣтнихъ родителями и женъ мужьями, продажею лицъ похищенныхъ и обращеніемъ въ рабство преступниковъ. Преступники, обращенные въ рабство по закону, ссылаются обыкновенно въ пограничные гарнизоны, гдѣ становятся рабами офи-

церовъ и мѣстныхъ чиновниковъ... Продажа дѣтей въ рабство, главнымъ образомъ въ неурожайные годы, составляетъ довольно обыкновенное явленіе. Рабъ получаетъ имя хозяина и теряетъ собственное прозвище. Вотъ текстъ купчей на раба, купленнаго около Кантона: «Вѣчное условіе на продажу моего сына. Такъ какъ прошлый годъ былъ весьма бѣдственный и неурожайный, то, въ виду дороговизны риса и неимѣнія денегъ для покупки пищи, мы, отецъ (имя и названіе деревни) и мать, по здравомъ обсужденіи дѣла, рѣшили продать нашего ребенка тому, кто пожелаетъ его купить. Мы совѣтовались съ родными и никто не пожелалъ его усыновить, и мы можемъ его продать. Въ доказательство нашей искренности мы пригласили этого посредника (имя и мѣстопребываніе). Тотъ, кто купитъ этого человѣка, обязанъ, въ присутствіи трехъ свидѣтелей, уплатить назначенную сумму, и человѣкъ вмѣстѣ съ настоящею купчею будутъ ему переданы. Покупатель, уплативъ деньги, можетъ взять раба въ свой домъ. Продавецъ обязуется никогда не раскаяваться въ своемъ поступкѣ и никогда не требовать выкупа. Если этотъ человѣкъ заложенъ и не можетъ быть проданъ, то отвѣчаетъ посредникъ, покупщикъ же свободенъ отъ всякаго нареканія. Если рабъ свалится съ обрыва или потонетъ въ морѣ, владѣлецъ не несетъ отвѣтственности, ибо таково рѣшеніе неба. Эта вѣчная купчая крѣпость, служащая доказательствомъ уплаты денегъ, не должна быть утрачена» *).

И такихъ противоположныхъ, казалось бы, взаимно исключающихъ другъ друга фактовъ, можно привести десятки, сотни. Китай—страна контрастовъ. Оттого и мнѣнія о немъ европейцевъ такъ рѣзко различны. Изъ массы разнохарактерныхъ фактовъ можно выбрать достаточно для доказательства любого взгляда на него. Въ этой неравномѣрности развитія разныхъ сторонъ жизни и заключается одна изъ характернѣйшихъ особенностей Китая.

I.

Одно изъ древнѣйшихъ государствъ міра—Китай по своему географическому положенію всегда былъ отрѣзанъ отъ всѣхъ цивилизованныхъ странъ. Лишенный до самаго послѣдняго времени возможности установить правильныя сношенія съ какимъ-нибудь культурнымъ народомъ, онъ волей-неволей принужденъ былъ до всего доходить собственными силами, ничего не заимствуя извнѣ. Это положило своеобразный отпечатокъ на всю его цивилизацію и обусловило тѣ несообразности и уродливости, какія поражаютъ насъ при бѣгломъ знакомствѣ съ нимъ. Всѣ народы Запада развивались въ постоянномъ взаимномъ

*) Н. Коростовцевъ. «Китайцы и ихъ цивилизація», стр. 291.

общеніи, заимствуя другъ у друга то, чего не могли выработать собственными силами. Оттого развитіе ихъ шло такъ относительно быстро и равномѣрно. Китай былъ лишенъ этого важнѣйшаго условія правильнаго прогресса.

Съ самаго начала своей исторической жизни Китай былъ поставленъ въ очень выгодныя естественныя условія. Природа тамъ богата и разнообразна, она щедро вознаграждаетъ трудъ человѣка и въ то же время постоянно требуетъ этого труда. Плодородная почва при неравномѣрномъ орошеніи съ незапамятныхъ временъ побуждала населеніе заниматься всякими осушительными и оросительными работами, которыя скорѣе всѣхъ пріучаютъ къ солидарному труду. Съ другой стороны, незащищенность отъ разныхъ пограничныхъ бродячихъ племенъ заставляла китайцевъ съ давнихъ поръ сплочиваться для цѣлей само защиты.

Въ виду тѣхъ и другихъ причинъ, Китай очень рано образовалъ государство и достигъ нѣкотораго уровня культуры, значительно превышавшаго уровень сосѣднихъ кочевыхъ племенъ. Долгіе вѣка пришлось Китаю вести борьбу съ этими послѣдними, главнымъ образомъ съ монголами. Иногда Китай одерживалъ надъ ними побѣду, часть покорялъ и присоединялъ къ себѣ, часть отгонялъ далеко отъ границъ, и на нѣкоторое время въ странѣ водворялся миръ. Но потомъ столкновенія начинались снова и порой приводили къ очень печальнымъ для Китая результатамъ. Такъ въ XIII в. знаменитый Чингизъ-Ханъ, пользуясь наступившими въ Китаѣ династическими смутами, постепенно завоевалъ весь Китай и подчинилъ его монгольскому игу. Цѣлое столѣтіе Китай былъ подъ властью татаръ, но, наконецъ, собрался съ силами, объединился и прогналъ завоевателей.

Необходимость постоянно обороняться отъ разбойничьихъ нападеній сосѣдей заставляла Китай обращать главное вниманіе на военную организацію и на выработку прочныхъ государственныхъ формъ. Въ то же время культурный ростъ страны задерживался и этими постоянными смутами, и сношеніями исключительно съ полудикими народностями. Изъ культурныхъ государствъ одна только Индія довольно близко подходила къ границамъ Китая, но и ее отдѣляли такія неодолимыя препятствія въ видѣ почти непроходимыхъ горныхъ хребтовъ, что между этими двумя государствами могли возникать только случайныя сношенія, — какъ оно и было въ дѣйствительности.

Послѣ сверженія монгольскаго ига наступила эпоха сравнительнаго затишья, во время которой напряженіе военныхъ силъ Китая значительно ослабѣло. Этимъ снова воспользовались воинственные сосѣди и въ началѣ XVII вѣка возобновили свои нападенія на Китай. Во главѣ нападавшихъ племенъ стояли теперь Манчжуры. Сначала китайцы довольно мужественно оборонялись, пока не возникли снова дворцовыя неурядицы, игравшія значительную и печальную роль въ исторіи Китая.

Въ свои внутреннія смуты китайцы вмѣшали манчжуръ и открыли врагамъ ворота Пекина.

Съ половины XVII вѣка въ Китаѣ царствуетъ манчжурская династія. Манчжуры, какъ побѣдители, заняли большую часть важныхъ административныхъ и, главное, военныхъ постовъ, но, какъ народъ менѣе культурный и гораздо менѣе многочисленный, они не оказали существеннаго вліянія на внутренній строй китайскаго государства, на нравы и обычаи. Только коса, составляющая теперь такой замѣтный признакъ китайцевъ, была принудительно навязана имъ завоевателями. Вообще же манчжуры, особенно трудящаяся масса ихъ, въ значительной степени слились и ассимилировались съ китайцами.

Первые богдыханы манчжурской династіи очень дѣятельно принялись водворять порядокъ въ государствѣ. Вторымъ изъ нихъ былъ одинъ изъ величайшихъ китайскихъ императоровъ — Канси. Его царствованіе почти совпадаетъ съ царствованіемъ у насъ Петра Великаго. Петръ посылалъ даже посольство въ Китай, и оно было довольно милостиво принято богдыханомъ, благодаря славѣ Петра, проникшей даже въ предѣлы далекаго Китая. Канси въ своей государственной дѣятельности многимъ напоминаетъ своего великаго современника. Не довольствуясь укрѣпленіемъ границъ Китая, онъ заботился также объ упорядоченіи внутренняго управленія, о процвѣтаніи промышленности, о поднятіи нравственнаго уровня и образованія. Въ видѣ нравственнаго назиданія для народа и чиновничества онъ издалъ такъ-называемый священный указъ (шинъ-ю), нѣчто вродѣ краткаго нравственнаго и гражданскаго катехизиса, состоящаго изъ 16-ти положеній. По его повелѣнію китайскими учеными была составлена энциклопедія всѣхъ китайскихъ знаній—громадный трудъ, составившій 5.020 томовъ различныхъ научныхъ сочиненій. Въ противоположность другимъ китайскамъ императорамъ, Канси не только не гналъ иностранцевъ, но даже признавалъ пользу отъ общенія съ ними. Онъ покровительствовалъ миссіонерамъ-іезуитамъ и даже заказывалъ имъ работы по изученію Китая и собиранію статистическихъ свѣдѣній о немъ, признавая превосходство ихъ образованія и научныхъ пріемовъ.

Но эта сторона дѣятельности Канси не оставила сколько-нибудь замѣтныхъ слѣдовъ на жизни Китая, такъ какъ встрѣтила слишкомъ неблагопріятную почву. Уже его преемникъ Юнгъ-Чинсъ держался прямо противоположной политики относительно иностранцевъ, да и, кромѣ миссіоненовъ, мало кто изъ иностранцевъ въ то время отваживался заѣзжать въ Китай, и вліяніе ихъ, во всякомъ случаѣ, не могло быть значительнымъ.

Другая задача Канси привела къ гораздо болѣе реальнымъ результатамъ. Ему удалось укрѣпить всѣ внѣшнія границы Китая. Онъ покорилъ и усмирилъ монгольскія племена, населявшія сѣверныя окраины Китая, окончательно присоединилъ къ Китаю Тибетъ и такимъ обра-

зомъ придалъ китайской имперіи ту территоріальную форму, которую она сохраняетъ до сихъ поръ.

Со времени манджурскаго завоеванія и до второй половины текущаго столѣтія Китаю не приходилось испытывать сильныхъ внѣшнихъ потрясеній. Болѣе двухъ вѣковъ внѣшній міръ имперіи не нарушался. Но того же никакъ нельзя сказать относительно внутренняго спокойствія страны. Въ различныхъ областяхъ обширной имперіи постоянно вспыхивали бунты и мятежи, на усмиреніе которыхъ правительству приходилось тратить массу силъ. Въ пятидесятыхъ годахъ нашего вѣка эти обычные для Китая мятежи приняли характеръ громаднаго возстанія, охватившаго бо́льшую половину страны. Это страшное возстаніе, извѣстное подъ названіемъ Тайпингскаго, длилось цѣлыхъ 14 лѣтъ (съ 1851 по 1865), принесло Китаю неисчислимыя бѣдствія, отъ которыхъ онъ и до сихъ поръ не можетъ оправиться. «Когда-то мирныя и населенныя части девяти большихъ провинцій, гдѣ прошли ихъ (тайпинговъ) полчища,—говоритъ Вильямсъ,—едва начали возвращаться къ своему прежнему виду... Дикіе звѣри бродили по всей странѣ послѣ ихъ удаленія и устраивали свои логовища въ брошенныхъ городахъ; тамъ, гдѣ раздавался гулъ оживленнаго населенія, нынѣ слышно лишь шуршаніе крыльевъ фазана, а заросли и бурьянъ покрываютъ нѣкогда обработанныя пространства». Кромѣ милліоновъ ланъ, безвозвратно утраченныхъ, нищеты, болѣзней и голода, которыя пришлось переживать оставшимся въ живыхъ, отъ Тайпингскаго возстанія между 1851 и 1865 годами погибло не меньше 20 милліоновъ человѣкъ *).

Всѣ эти многочисленные мятежи, принявшіе, наконецъ, грозную форму Тайпингскаго возстанія, имѣли всегда одну и ту же основную причину, хотя иногда она маскировалась въ разныя случайныя формы, такъ, напр., Тайпингское возстаніе имѣло вначалѣ какой-то смутный религіозный характеръ. Это основная причина народныхъ волненій въ Китаѣ—страшныя административныя злоупотребленія и постоянное скрытое недовольство народа чиновниками.

II.

Административная система Китая въ основныхъ своихъ формахъ сложилась еще задолго до наступленія нашей эры. Съ тѣхъ поръ она не претерпѣвала никакихъ существенныхъ измѣненій, она только развивалась, упрочивалась и детальнѣе разрабатывалась. Вполнѣ естественно, что, несмотря на крайне медленный ростъ всѣхъ сторонъ китайской культуры, мертвыя окаменѣлыя формы государственнаго механизма давятъ на всѣ жизненныя проявленія и не удовлетворяютъ даже невысокимъ требованіямъ китайской жизни.

*) Коростовцевъ. «Китайцы и ихъ цивилизація», ст. 35.

Въ теоріи,—но только въ теоріи,—Китай есть неограниченная монархія на патріархальной основѣ. Богдыханъ—отецъ народа, подданные—его дѣти. Оффиціальное названіе всѣхъ чиновниковъ—представителей богдыхана передъ народомъ—«фу-му-гуань», т.-е. «замѣняющіе народу отца и мать». Система управленія этой обширной монархіей строго бюрократическая, обладающая всѣми характерными свойствами чистой бюрократіи.

Богдыханъ отвѣтственъ только передъ Небомъ, вручившимъ ему власть, онъ и именуется «сыномъ неба», хотя кромѣ этого имѣетъ еще множество другихъ титуловъ—священный монархъ, драконъ, повелитель десяти тысячъ лѣтъ и т. п.

Императорскій престолъ переходитъ по наслѣдству отъ отца къ сыну, но царствующій богдыханъ можетъ назначать своимъ преемникомъ любого изъ своихъ сыновей. По большей части наслѣдникомъ объявляется старшій сынъ, но это не обязательно, важно только, чтобы престолъ не выходилъ изъ предѣловъ семьи богдыхана. Женщина не можетъ ни въ какомъ случаѣ занимать престолъ, но во время несовершеннолѣтія императора можетъ являться регентшею, какъ и было до совершеннолѣтія нынѣ царствующаго богдыхана.

По отношенію къ династіи императоръ обязанъ озаботиться тѣмъ, чтобы имѣть достаточное количество мужского потомства и не подвергать риску законъ прямого престолонаслѣдія. Въ виду этого, императору вмѣняется въ обязанность имѣть значительное количество женъ. «Правила династіи Чжоу» опредѣляютъ это количество такъ. Законная жена, т.-е. императрица можетъ быть только одна. Но далѣе идутъ три наложницы перваго разряда, девять—второго, 27—третьяго и 81—четвертаго, такъ что число всѣхъ женъ императора достигаетъ почтенной цифры 121. Несмотря на то, что эти правила составлены еще за нѣсколько вѣковъ до Р. Х., богдыханы и до сихъ поръ считаютъ своею обязанностью соблюдать ихъ во всей неприкосновенности.

Выборъ наложницъ тоже обставленъ самыми точными правилами. Молоденькія манчжурскія дѣвушки—жены императора могутъ быть только изъ племени побѣдителей,—не старше 10—12 лѣтъ, привозятся во дворецъ и тамъ подвергаются самому строгому экзамену со стороны императрицы матери. Не понравившіяся невѣсты отпускаются домой, получивъ въ вознагражденіе кусокъ атласа, шелковый платокъ и кошелекъ съ двумя серебряными ланами *). Выбранныя поступаютъ въ императорскій гаремъ и тамъ подъ присмотромъ евнуховъ проходятъ курсъ придворнаго этикета, послѣ чего уже представляются въ качествѣ женъ императору. Въ гаремѣ онѣ пробываютъ до 25 лѣтъ, послѣ чего, если не подарили императору сына, отсылаются обратно въ семью. Тѣ, которымъ посчастливилось имѣть сына, остаются во дворцѣ на-

*) Ланъ—около двухъ рублей серебромъ.

всегда, но вѣсъ и значенiе прiобрѣтаетъ только та, сынъ которой объявленъ наслѣдникомъ престола. Она получаетъ тогда званiе законной жены императора и отличается отъ первой тѣмъ мѣстомъ, которое каждая изъ нихъ занимала при торжественныхъ выходахъ. Сообразно съ этимъ, одна изъ нихъ называется «восточной», другая «западной» императрицей. Но главное значенiе во дворцѣ принадлежитъ все-таки не имъ, а императрицѣ-матери. Послѣ богдыхана его мать считается первымъ лицомъ во дворцѣ.

Вся жизнь императора проходитъ въ такъ называемомъ «Запрещенномъ городѣ»—части Пекина, обнесенной высокими стѣнами и недоступной для простыхъ смертныхъ. Оттуда онъ выѣзжаетъ очень рѣдко въ торжественныхъ случаяхъ, напр., для принесенiя жертвоприношенiй на могилахъ предковъ царствующей династiи—въ Мукденѣ.

Во дворцѣ жизнь императора подчинена строжайшимъ требованiямъ этикета, соблюденiе котораго считается болѣе важнымъ, чѣмъ занятiе государственными дѣлами. Въ ознаменованiе того, что вся жизнь императора посвящена заботамъ о благѣ подданныхъ, онъ долженъ вставать раньше всѣхъ въ государствѣ. Его рабочiй день начинается въ три часа пополуночи прiемомъ высшихъ сановниковъ государства.

Въ дѣлахъ управленiя богдыханъ опирается на два высшiя государственныя учрежденiя—великiй секретарiатъ (найге) и государственный совѣтъ (цзюнь-цзи-чу). Великiй секретарiатъ, состоящiй изъ четырехъ статсъ-секретарей и двухъ товарищей, завѣдуетъ составленiемъ указовъ богдыхана, разсматриваетъ государственный бюджетъ, назначаетъ и распредѣляетъ налоги и имѣетъ верховный надзоръ надъ дѣятельностью всѣхъ чиновниковъ. Государственный совѣтъ обсуждаетъ важнѣйшiе обще-государственные вопросы, наблюдаетъ за исполненiемъ императорскихъ указовъ и, кромѣ того, ведетъ лѣтопись всѣхъ внѣшнихъ событiй и войнъ, въ которыхъ участвуетъ китайская имперiя.

Оба эти учрежденiя имѣютъ исключительно совѣщательный голосъ. Рѣшенiя ихъ представляются на усмотрѣнiе богдыхана, и онъ по своему произволу можетъ согласиться съ ними или нѣтъ.

Далѣе идутъ приказы и управленiя, вѣдающiе различными отраслями государственнаго хозяйства. Главныхъ приказовъ въ настоящее время насчитывается девять.

1. Приказъ церемонiй (ли-бу) завѣдуетъ важною отраслью придворнаго этикета, устройствомъ празднествъ, торжественныхъ жертвоприношенiй, представленiй, аудiенцiй и т. п. Кромѣ того, ему принадлежитъ высшiй надзоръ за школами и государственными экзаменами. Наконецъ, при немъ имѣется еще нѣчто вродѣ консерваторiи, чиновники которой занимаются сочиненiемъ симфонiй и кантатъ на разные торжественные случаи.

2. Финансовый приказъ (ху-бу) слѣдитъ за взысканiемъ налоговъ, податей, акцизовъ и пошлинъ, ведетъ статистику населенiя, выпускаетъ монету и т. п.

*

3. Приказъ гражданскихъ чиновъ назначаетъ, перемѣщаетъ и смѣщаетъ чиновниковъ, представляетъ ихъ къ наградамъ и наказаніямъ.

4. Военный приказъ (бинъ-бу) завѣдуетъ общеимперскими сухопутными военными силами. Ему же въ настоящее время порученъ надзоръ за желѣзными дорогами.

5. Вновь учрежденный морской приказъ имѣетъ въ своемъ вѣдомствѣ китайскій флотъ.

6. Приказъ уголовныхъ дѣлъ (синъ-бу) представляетъ собой высшее судебное учрежденіе имперіи.

7. Приказъ работъ (гунъ-бу) завѣдуетъ проведеніемъ каналовъ, дорогъ, постройкой общественныхъ зданій, кумиренъ, городскихъ стѣнъ, мостовъ и т. п.

8. Инородческій приказъ (ли-фань-юань) представляетъ высшее административное учрежденіе, завѣдующее дѣлами не-китайскихъ областей, входящихъ въ составъ китайской имперіи — Монголіи, Тибета, Кукунора, Или и Кобдо. Въ прежнее время сношенія съ иноземными державами входили тоже въ компетенцію этого приказа, но въ настоящее время они выдѣлены въ особое учрежденіе, или

9-й—приказъ иностранныхъ дѣлъ (цзунъ-ли-ямынь). Кромѣ сношеній съ иностранными государствами, это управленіе должно служить посредствующимъ звеномъ между правительствомъ и высшими административными учрежденіями страны.

На ряду съ девятью приказами стоитъ высшее ученое учрежденіе страны — ханъ-линская академія, члены которой составляютъ всякіе государственные акты и историческія записки, присутствуютъ на государственныхъ экзаменахъ и выдаютъ ученыя степени. Кромѣ того, они обязаны слѣдить за тѣмъ, чтобы классическія китайскія произведенія не искажались и не подвергались ложнымъ и вольнодумнымъ толкованіямъ.

Кромѣ этихъ главнѣйшихъ правительственныхъ учрежденій, въ составъ центральныхъ органовъ управленія входятъ еще: управленіе оффиціальныхъ жертвоприношеній, экспедиція пиршествъ, управленіе государственнаго коннозаводства и астрономическій приказъ, предсказывающій затменія и опредѣляющій счастливые дни для государственныхъ церемоній.

Мѣстное управленіе Китая не вездѣ устроено однообразно. Въ этомъ отношеніи такъ называемый застѣнный Китай, т.-е. области съ инородческимъ населеніемъ значительно разнятся отъ собственнаго Китая, сохраняя остатки своего прежняго самостоятельнаго управленія.

Собственно Китай дѣлится въ административномъ отношеніи на 18 провинцій. Провинціи раздѣлены на области, области—на уѣзды и округа. Двѣ, три провинціи соединяются обыкновенно вмѣстѣ, подъ властью вице-короля (дзунъ-ду), только двѣ провинціи—Чили и Сычуанъ—имѣютъ каждая своего особаго вице-короля. Во главѣ управленія отдѣльной провинціей стоитъ губернаторъ (сюнъ-фу или фу-тай).

Внутри своихъ провинцій вице-короли и губернаторы являются полновластными хозяевами. Всѣ доходы съ провинціи поступаютъ въ полное ихъ распоряженіе. Нѣкоторую часть—около половины ихъ—они отсылаютъ пекинскому правительству на общегосударственные расходы, а все остальное употребляютъ на мѣстныя нужды.

Финансовая система Китая крайне запутана и безпорядочна. Государственныхъ смѣтъ совсѣмъ не составляется, и само правительство не знаетъ точно, на какой размѣръ доходовъ оно можетъ разсчитывать.

Государственные доходы слагаются изъ слѣдующихъ статей: 1) поземельный налогъ—въ общемъ очень невысокій, 2) соляная монополія, 3) внутреннія таможенныя пошлины, 4) доходъ съ иностранной таможни, 5) доходъ отъ продажи ученыхъ степеней, 6) натуральныя повинности и дань покоренныхъ народовъ. Приблизительныя цифры этихъ доходовъ опредѣляются слѣдующимъ образомъ. Поземельный налогъ даетъ около 40 милліоновъ рублей, соляная монополія — около 20 милл. руб., внутреннія таможни и разныя пошлины—24 милл. руб., морская таможня—45 милл., доходъ отъ продажи степеней—2 милл. и натуральныя повинности—4 милл. Итого приблизитнльная сумма доходовъ китайскаго правительства равняется 135 милліонамъ рублей,—сумма, крайне незначительная, и потому совершенно естественно, что дефициты составляютъ обычное явленіе въ китайскомъ государственномъ казначействѣ. Для покрытія ихъ оно прибѣгаетъ обыкновенно къ разнымъ своеобразнымъ мѣрамъ: усиленно продаетъ ученыя степени и почетные титулы, устраиваетъ почти принудительный сборъ частныхъ пожертвованій, и т. п.

Суммы ежегодныхъ поступленій съ каждой провинціи опредѣлены разъ навсегда. Если губернатору по какимъ-нибудь причинамъ удается извлечь изъ своей области дохода больше, чѣмъ предположено, то излишекъ остается въ его безконтрольномъ распоряженіи и по большей части подвергается полюбовному дѣлежу между высшими представителями провинціальныхъ властей. Такая безотчетность въ распоряженіи доходами даетъ въ руки губернаторовъ и вице-королей громадную власть. Не забудемъ, что они являются въ своей области и главными органами судебной власти, и начальниками флотовъ въ прибрежныхъ мѣстностяхъ, и главнокомандующими мѣстными войсками. Обязательной воинской повинности въ Китаѣ нѣтъ и эти провинціальныя войска, называемыя войсками Зеленаго Знамени, губернаторы набираютъ за ничтожное вознагражденіе изъ добровольцевъ. Если принять во вниманіе, что по территоріи и населенности нѣкоторыя китайскія провинціи не уступаютъ цѣлымъ европейскимъ государствамъ—въ Шандунѣ, напримѣръ, считается 36, а въ Сычуани 73 милліона жителей,—то, само собой разумѣется, такой вице-король или губернаторъ является настоящимъ монархомъ въ своей области, и зависимость его отъ пекинскаго правительства на дѣлѣ порой оказывается довольно эфемерной.

За губернаторомъ идетъ рядъ болѣе мелкихъ правителей, тоже соединяющихъ въ своемъ лицѣ всѣ функціи административной и судебной власти. Во главѣ нѣсколькихъ областей провинціи стоитъ даотай, который хотя и является въ іерархической лѣстницѣ подчиненнымъ губернатору лицомъ, но въ своемъ округѣ считается почти безконтрольнымъ правителемъ. Каждой отдѣльной областью управляетъ областной на-

Военный мандаринъ.

чальникъ—чжи-фу, а уѣздомъ—уѣздный начальникъ—тунъ-чжи. Наконецъ, самой мелкой административной единицей является округъ или станъ, которымъ тоже правитъ особый начальникъ — чжи-сянъ, по нашему—становой приставъ.

При каждомъ изъ этихъ мѣстныхъ начальниковъ, начиная отъ вице-короля и кончая участковымъ начальникомъ, состоитъ, конечно, цѣлый

штатъ подчиненныхъ, помогающихъ ему въ разныхъ отрасляхъ управленія. Въ провинціи эти завѣдывающіе различными частями управленія,—казначей, соляной откупщикъ, прокуроръ, хлѣбный коммиссаръ и инспекторъ учебной части,—являются очень важными чиновниками, занимающими высокій служебный рангъ. Въ болѣе мелкихъ областяхъ служебные чины ихъ гораздо ниже.

Въ такъ-называемомъ застѣнномъ Китаѣ устройство управленія нѣсколько иное, менѣе единообразное. Манджурія раздѣлена на три провинціи, которыя управляются военными генералъ-губернаторами или дзянь-дзюнями. Манджуры освобождены отъ всякихъ государственныхъ податей и налоговъ, но взамѣнъ того все мужское населеніе страны обязано нести военную службу. Манджурскія войска и составляютъ главную военную силу Китая — такъ называемую императорскую армію. По своему устройству Манджурія нѣсколько напоминаетъ наши казачьи земли. Всѣ манджуры раздѣлены на восемь знаменъ или частей, управляемыхъ командиромъ знамени — ду-туномъ. Знамя состоитъ изъ пяти полковъ, находящихся подъ начальствомъ полковниковъ. Въ настоящее время китайское правительство стремится преобразовать военное управленіе Манджуріи въ обычное гражданское, какъ это уже было сдѣлано въ 1884 году въ Восточномъ Туркестанѣ. Манджурскія военныя власти сильно притѣсняли мѣстное монгольское населеніе и довели его до открытаго возстанія. Послѣ подавленія мятежа правительство, по совѣту генерала Дзо-дзу-тана, уничтожило прежнюю военную организацію Восточнаго Туркестана и ввело ту же систему управленія, какъ въ остальномъ Китаѣ.

Монголія тоже управляется военными генералъ-губернаторами—дзянь-дзюнями. Далѣе она дѣлится на хошуны, соотвѣтствующіе прежнимъ родовымъ владѣніямъ монгольскихъ князей. Хошунами управляютъ родовые князья (хошунъ-цзасаки). Нѣсколько хошуновъ, управляемыхъ родственными князьями, составляютъ военный корпусъ — чугулганъ, во главѣ котораго стоитъ чугулганъ-дарга.

Всѣ монгольскіе князья получаютъ жалованье отъ пекинскаго правительства, при чемъ размѣры жалованья колеблются отъ 5.000 руб. и сорока кусковъ шелковой матеріи въ годъ, до 200 рублей и четырехъ кусковъ шелку. Китайскіе чиновники, занимающіе разныя должности въ Монголіи, позволяютъ себѣ тамъ еще большія злоупотребленія, чѣмъ въ самомъ Китаѣ. На монголовъ они смотрятъ какъ на низшую расу, всячески притѣсняютъ ихъ и стараются за время своей службы тамъ выжать возможно больше доходовъ изъ населенія. Монголы, въ свою очередь, платятъ имъ непримиримой ненавистью, и при каждомъ удобномъ случаѣ тамъ вспыхиваютъ возмущенія, которыя китайцамъ приходится подавлять съ большими усиліями.

Тибетъ представляетъ совершенно своеобразную страну, управляе-

мую на половину свѣтскою, на половину духовною властью. Свѣтская власть находится въ рукахъ двухъ резидентовъ — китайцевъ, присылаемыхъ пекинскимъ правительствомъ. Подчиненные имъ министры или калоны—тибетцы, но утверждаются они также китайскимъ императоромъ. Гораздо большимъ вліяніемъ въ странѣ пользуется властъ трехъ духовныхъ главъ Тибета — Далай-Ламы, Эрдени-Ламы и Баньчань-Ламы. Посредниками между ламами и населеніемъ является сословіе ламайскихъ верховныхъ жрецовъ; они называются хутухты, т.-е. святые или живые будды. Всѣхъ хутухтъ, живущихъ въ Тибетѣ, Кукунорѣ и Монголіи насчитывается до 160-ти.

III.

Китайскіе администраторы, начиная отъ вице-королей и военныхъ генералъ-губернаторовъ и кончая участковыми начальниками, соединяютъ всѣ функціи государственной власти—и военную, и административную, и судебную. Такое соединеніе въ рукахъ одного человѣка власти судьи и администратора очень дурно отзывается на китайскомъ судопроизводствѣ. Вообще, изъ всѣхъ отраслей государственнаго управленія судъ въ Китаѣ представляетъ самую печальную картину. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ онъ напоминаетъ наши до-реформенные суды. То же соединеніе въ одномъ лицѣ и судьи, и слѣдователя, и прокурора. То же отсутствіе защиты, тѣ же пытки для вынужденія признанія, та же полная негласность суда, страшное взяточничество и, наконецъ, та же безконечная медленность судопроизводства, при которой дѣла сплошь и рядомъ кончаются за смертью обвиняемаго, да и свидѣтелей тоже, содержимыхъ наравнѣ съ нимъ въ тюрьмахъ. Въ «Пекинской Газетѣ» постоянно встрѣчаются посмертные приговоры, составляющіе особенность китайской судебной практики. Человѣкъ, умершій въ тюрьмѣ, пока дѣло его спокойно почивало у судьи, приговаривается къ палочнымъ ударамъ, къ ссылкѣ, даже къ смертной казни. Приговоръ этотъ, конечно, остается на бумагѣ и служитъ только для устрашенія живыхъ.

Судебныхъ инстанцій въ Китаѣ очень много—онѣ совпадаютъ по числу съ ступенями административной лѣстницы, и приносить жалобы можно, только соблюдая строгую постепенность ступеней. Минованіе какой-нибудь инстанціи влечетъ за собой суровое наказаніе.

Низшей судебной инстанціей въ сельскихъ мѣстностяхъ служитъ деревенскій старшина—единственное выборное лицо въ китайской администраціи. Его судебная дѣятельность очень затруднена тѣмъ, что полицейскія власти не обязаны слѣдить за приведеніемъ въ исполненіе его приговоровъ. Но это возмѣщается зато активнымъ участіемъ въ дѣлѣ всего населенія. Въ этомъ судѣ дѣла рѣшаются если не всегда справедливо, зато скоро. Вотъ, напримѣръ, какой случай разсказы-

ваетъ «Пекинская Газета» отъ 7 го февраля 1889 года. Одинъ крестьянинъ, проходя мимо кукурузной плантаціи сосѣда, сорвалъ нѣсколько колосьевъ, причемъ былъ замѣченъ работникомъ. Работникъ побѣжалъ сообщить объ этомъ хозяину, а тотъ пожаловался сельскому старшинѣ, требуя, чтобы виновный былъ сожженъ. Хотя старики, присутствовавшіе на сходѣ, не соглашались съ этимъ мнѣніемъ, но обвиняемый былъ всетаки схваченъ по приказу старшины и приговоренъ къ сожженію. Старуха-мать, узнавъ объ этомъ, предлагала за него выкупъ, но крестьяне не соглашались и требовали, чтобъ она дала письменное согласіе на сожженіе сына. Запуганная старуха согласилась, а тѣмъ временемъ, за деревней уже былъ приготовленъ костеръ, на который и бросили злосчастнаго похитителя нѣсколькихъ колосьевъ кукурузы.

Судъ не пріучилъ китайскій народъ къ соотвѣтствію между преступленіемъ и наказаніемъ, и жестокость наказанія не возмущаетъ его чувства справедливости. Въ уголовномъ кодексѣ китайцевъ поражаетъ, какіе иногда ничтожные проступки караются наравнѣ съ серьезными преступленіями. Напримѣръ, лица, смотрящія на дворецъ съ возвышенныхъ мѣстъ, подвергаются ссылкѣ; убійство лошади или коровы родственника наказывается тремя годами ссылки. За хожденіе ночью по улицѣ безъ особой нужды полагается 50 ударовъ бамбука. За вложеніе въ ухо или въ носъ человѣка посторонняго тѣла полагается смертная казнь. За написаніе анонимнаго письма виновный тоже подлежитъ смертной казни черезъ удавленіе, какъ и за убійство человѣка, что нисколько не мѣшаетъ доносамъ, страшно развитымъ въ Китаѣ.

Высшими органами судебной власти послѣ старшины являются въ послѣдовательномъ порядкѣ—уѣздный начальникъ, областной начальникъ, управляющій провинціальной судебной палатой, губернаторъ и вице-король. Далѣе слѣдуетъ уголовный приказъ и, наконецъ, высшей инстанціей служитъ самъ богдыханъ. Впрочемъ, непосредственное обращеніе къ нему строго карается, да и случаевъ къ тому не представляется, такъ какъ самъ онъ почти никогда не выходитъ изъ предѣловъ запрещеннаго города, а получить аудіенцію у него стоитъ громадныхъ денегъ. Знаменитому китайскому генералу Дзо-дзунъ-тану, вернувшемуся въ Пекинъ въ качествѣ покорителя Кашгара, пришлось затратить 60.000 таэлей, т.-е. около 120.000 рублей, прежде чѣмъ онъ получилъ доступъ къ богдыхану.

По закону китайскій мандаринъ обязанъ разбирать дѣла во всякое время дня и ночи, когда бы къ нему ни явился жалобщикъ. Посреди его двора или пріемной залы находится возвышеніе, обтянутое краснымъ сукномъ; на немъ стоитъ столъ и кресло, куда садится судья. Онъ одинъ имѣетъ право сидѣть во время разбора дѣла, писцы и мелкіе чиновники, присутствующіе при этомъ, все время стоятъ на ногахъ, а подсудимые и свидѣтели—на колѣняхъ. Вообще, китайскій

судъ дѣлаетъ мало различія между всѣми лицами, такъ или иначе прикосновенными къ дѣлу. Въ прежнее время полагалось даже до разбора дѣла подвергать палочнымъ ударамъ обѣ стороны—и истца, и отвѣтчика, чтобъ не повадно было жаловаться. Теперь этотъ законъ на практикѣ не примѣняется. Великій китайскій императоръ Канси простодушно развиваетъ эту точку зрѣнія въ одномъ изъ своихъ указовъ. «Я желаю,—говоритъ онъ,—чтобы съ тѣми, кто обращается къ суду, поступали безъ всякой жалости, чтобы всѣ ненавидѣли судебную волокиту и дрожали при мысли—явиться предъ лицо судьи. Этимъ способомъ зло будетъ пресѣчено въ корнѣ, добрые граждане, поссорившись между собой, будутъ по братски улаживать свои дѣла, подъ руководствомъ стариковъ и старшихъ. Что касается упрямыхъ и неисправимыхъ сутягъ, то пусть они будутъ раздавлены въ судѣ: они не заслуживаютъ ничего иного» *).

Дѣйствительно, самая процедура китайскаго суда можетъ отбить у любого китайца охоту прибѣгать къ нему даже въ случаяхъ крайней надобности. До разбора дѣла и свидѣтели, и обвиняемые, и мужчины, и женщины содержатся въ общихъ тюрьмахъ. Привлеченные по одному дѣлу, находясь въ одномъ помѣщеніи, часто пытаются тутъ же покончить свои счеты; драки и убійства составляютъ тамъ самое обычное явленіе. Кормить заключенныхъ не входитъ въ обязанность тюремнаго начальства, и если о нихъ не позаботятся родные, они свободно могутъ умереть съ голоду. Они и умираютъ массами отъ голода или отъ ужасныхъ, невыносимыхъ даже для китайцевъ, гигіеническихъ условій. Вотъ какъ описываетъ докторъ Пясецкій свое посѣщеніе тюрьмы для маловажныхъ преступниковъ. «Хотя эти менѣе тяжкіе преступники не носили цѣпей (болѣе важные сидятъ все время въ цѣпяхъ, иногда скованные по-двое), положеніе ихъ было не лучше, вслѣдствіе невообразимой грязи и ужаснаго воздуха, какимъ они дышали. Не трудно себѣ представить, какова должна быть въ лѣтнее время атмосфера въ этомъ помѣщеніи, гдѣ сидѣли почти биткомъ набитые тридцать пять человѣкъ и когда тутъ же въ одномъ углу сваливались и сливались всякіе очистки, помои и нечистоты. Когда я подошелъ къ рѣшеткѣ, то не только мое обоняніе было поражено до возбужденія тошноты,—у меня стало щипать въ глазахъ отъ вредныхъ газовъ, содержащихся въ воздухѣ этого убійственнаго жилища. И видъ сидѣвшихъ здѣсь арестантовъ былъ ужасенъ: они были едва прикрыты кое-какой убогой одеждой, а нѣкоторые оставались почти голыми; тѣло ихъ было невообразимо грязно; лица безкровныя и одутловатыя, какъ у водяночныхъ больныхъ; на ногахъ у нѣкоторыхъ были скорбутныя пятна и язвы; вѣки у всѣхъ, безъ исключенія, поражены катаромъ».

*) Bard. «Les chinois chez eux», стр. 173.

Изнуренный до послѣдней степени, обвиняемый, выдержавшій эту первую пытку, является предъ очи судьи. Чтобъ вынести это второе испытаніе, ему нужно собрать весь остатокъ силъ и рѣдко у кого его оказывается достаточно. Вотъ образчикъ допроса въ камерѣ китайскаго судьи. Обвиняется китаецъ-христіанинъ въ убійствѣ, которое произошло въ то время, когда онъ былъ въ домѣ католической миссіи, въ другомъ городѣ:

Судья. Тебя видѣли въ этомъ мѣстѣ. Значитъ, ты тамъ былъ.

Обвиняемый. Это невозможно. Съ 7-го августа я жилъ въ миссіи.

Судья А! именно съ 7-го! (Преступленіе совершилось 9-го) Дайте ему 500 ударовъ бамбука. Надо, чтобъ онъ сознался. — Приказаніе исполняется.—Ну, что же, сознаешься ты теперь?

Обвиняемый. Я увѣряю, что былъ въ городѣ.

Судья. Отсчитайте ему 500 ударовъ по плечамъ. Ты долженъ сознаться, что былъ тамъ.

Обвиняемый. Я не могъ въ одно время быть и тамъ, и въ городѣ. Если бы я участвовалъ въ убійствѣ, я бы постарался куда-нибудь спрятаться.

Судья. Ты слишкомъ много болтаешь. Дайте ему двѣсти пощечинъ! Ты долженъ во что бы то ни стало сознаться, что былъ тамъ.

Обвиняемый. Нѣтъ, я тамъ не былъ.

Судья. Двѣсти ударовъ плетью по плечамъ.

Тутъ къ несчастному Тзень-ху-чингу подошелъ секретарь.

— Берегись,—сказалъ онъ ему,—есть вѣдь и другія пытки. Если ты будешь продолжать отпираться, хуже будетъ!

Судья. Ну что же, сознаешься ты!

Обвиняемый. Вы видите, Та-лао-ы, я больше не могу, я не въ силахъ вынести больше, я не былъ при убійствѣ; но чтобы исполнить ваше желаніе, я могу сказать, что былъ.

Судья. А! наконецъ-то онъ сознался! Уведите его! *)

Несложные, но дѣйствительные пріемы слѣдствія. И это еще далеко не всѣ виды пытокъ, которые употребляетъ китайскій судья для вынужденія показаній. На-ряду съ битьемъ бамбукомъ практикуется подвѣшиванье за руки или за ноги, вырѣзаніе кусковъ кожи, поджариванье на медленномъ огнѣ и многія другія истязанія, одно описаніе которыхъ вызываетъ дрожь ужаса. «Змѣи и тигры лучше, чѣмъ судьи и судебные чиновники», гласитъ китайская пословица. Не мудрено, что китайцы предпочитаютъ прибѣгать къ самосуду или къ третейскому разбирательству, не обращаясь къ представителямъ оффиціальной власти. А если ихъ избѣжать невозможно, они часто кончаютъ съ собой. не дожидаясь предстоящихъ мытарствъ.

Съ другой стороны, ужасъ, внушаемый судомъ, вызвалъ у китай-

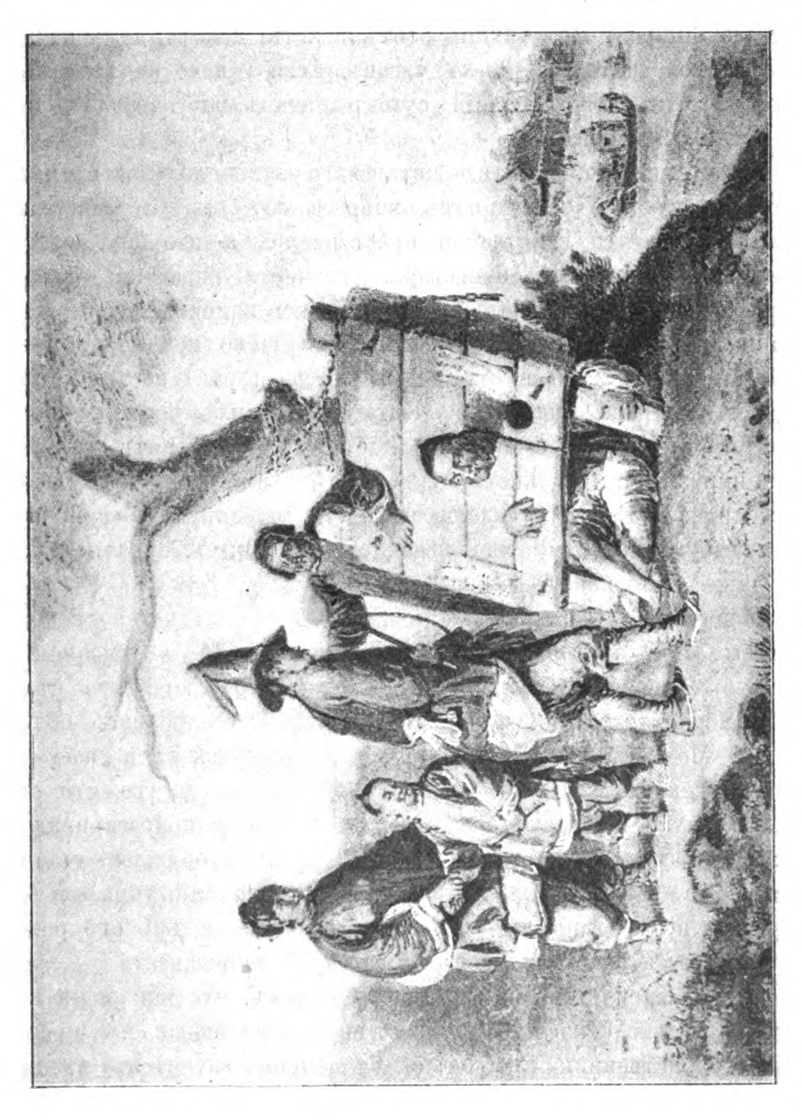
*) Bard. «Les chinois chez eux». стр. 174.

цевъ совершенно своеобразный пріемъ мести. По китайскимъ законамъ, человѣкъ, на землѣ котораго найденъ трупъ, считается виновнымъ въ убійствѣ или, во всякомъ случаѣ, долженъ доказать свою невиновность, что, какъ мы видѣли, не легко сдѣлать на китайскомъ судѣ. И вотъ, чтобы наказать своего врага, китаецъ рѣшается на крайне средство—онъ принимаетъ ядъ и идетъ умирать на порогъ дома, въ его лавку, въ его садъ. Иногда нашедшій у себя трупъ, если его нельзя оттащить незамѣтно, предпочитаетъ самъ покончить съ собой, предвидя, что, все равно, ему грозитъ не лучшая участь. Извѣстенъ разсказъ о томъ, какъ одинъ китаецъ приревновалъ свою любовницу къ другому и, чтобы отомстить своему сопернику принялъ яду, и пришелъ умирать къ его дверямъ. Послѣдній, не видя возможности счастливо раздѣлаться съ судомъ, предпочелъ тоже покончить съ собой. Несчастная китаянка, возбудившая такую роковую страсть, увидѣла, что попала въ безвыходное положеніе. Несомнѣнно обѣ эти смерти будутъ поставлены ей въ вину и ей не избѣжать позорныхъ истязаній и казни. Доведенная до отчаянія этой мыслью, она въ концѣ концовъ тоже лишила себя жизни. Если эта исторія и анекдотъ, то, во всякомъ случаѣ, она очень характерна для Китая.

До сихъ поръ мы говорили только о самой судебной процедурѣ. Паническій ужасъ, внушаемый судомъ, обусловливается также и налагаемыми имъ наказаніями. Китайское законодательство признаетъ пять главныхъ видовъ наказанія: битье плетью или бамбукомъ, канга, ссылка, отдача въ рабство и смертная казнь. Тюремное заключеніе не входитъ въ число наказаній, оно примѣняется только какъ временная мѣра къ подслѣдственнымъ и ожидающимъ исполненія приговора. Всѣ эти ужасные виды казней и еще многія другія болѣе ухищренныя и жестокія формы ихъ, щедро примѣняемыя въ Китаѣ, служатъ наглядным доказательствомъ, какъ безсильна система строгихъ наказаній исправить народную нравственность. Страхъ передъ щедро сыплющимися ударами бамбука нисколько не уменьшаетъ числа преступленій въ Китаѣ, онъ побуждаетъ только преступника и его близкихъ тщательнѣе скрывать слѣды преступленія и откупаться, по возможности, отъ суда.

Битье плетьми и канга представляютъ самый обычный видъ наказаній за маловажныя преступленія. Канга — это большая квадратная доска, окованная желѣзомъ, съ круглымъ отверстіемъ посрединѣ, куда вставляется голова преступника. Иногда ниже имѣются еще два меньшихъ отверстія для рукъ. Съ надѣтой на шею кангой преступникъ не можетъ ни выпрямиться, ни пошевелить руками. Въ такомъ видѣ его приковываютъ иногда на долгій срокъ гдѣ-нибудь на людномъ мѣстѣ у придорожнаго столба или у стѣны дома; питаться ему предоставляется подаяніемъ. Смертная казнь бываетъ трехъ родовъ: черезъ задушеніе, обезглавленіе и четвертованіе. Задушеніе считается

самымъ легкимъ видомъ казни, такъ какъ оно не уродуетъ тѣла, сохранностью котораго такъ дорожатъ китайцы. Послѣ обезглавленья родственники казненнаго обыкновенно обращаются съ просьбою разрѣшить имъ пришить голову къ туловищу. Это разрѣшенье дается

Наказаніе кангой.

обыкновенно подъ условіемъ пришить ее задомъ напередъ, чтобы человѣкъ и въ могилу унесъ позорное клеймо казни. А когда казненный не имѣетъ близкихъ, выкупающихъ его голову, она помѣщается въ клѣтку и на цѣлыя недѣли выставляется въ людныхъ мѣстахъ. Докторъ Пясецкій разсказываетъ, какое тягостное впечатлѣніе на путе-

шественника производятъ эти, выставленныя на перекресткахъ, разлагающіяся головы.

Иногда, въ знакъ особой милости богдыхана, знатнымъ преступникамъ предоставляется самимъ совершать надъ собой казнь. Въ такомъ случаѣ имъ присылается небольшая шкатулка съ кускомъ шелковаго шнурка. Получившій этотъ почетный даръ долженъ покончить съ собой въ теченіе 24-хъ часовъ. Если у него не хватитъ духа произвести это, по истеченіи сутокъ палачъ вступаетъ въ отправленіе своей обязанности.

Характерною особенностью китайскаго законодательства является то, что оно совсѣмъ не ставитъ вопроса объ отвѣтственности преступника. Карается собственно преступленіе, а кто его совершилъ, не имѣетъ значенія для приговора. Эта черта, впрочемъ, была свойственна въ прежнее время и европейскимъ законодательствамъ. Въ Германіи до XVIII вѣка животныя, случайно причинившія смерть человѣку, судились со всѣмъ соблюденіемъ формальностей и присуждались къ смертной казни. Въ Китаѣ и до сихъ поръ, если не животныя, то признанные сумасшедшіе судятся наравнѣ съ здравомыслящими людьми и несутъ всѣ послѣдствія своихъ преступленій. Въ «Пекинской Газетѣ» сплошь и рядомъ публикуются приговоры о битьѣ бамбукомъ и смертной казни сумасшедшихъ, лунатиковъ, идіотовъ, даже маленькихъ дѣтей.

Сумасшедшій убиваетъ въ припадкѣ помѣшательства свою пріемную мать. Его приговариваютъ къ четвертованію — обычная казнь за отцеубійство. Его братъ и сосѣди приговариваются къ ста ударамъ бамбукомъ за то, что не предупредили своевременно объ опасности. — Молодой человѣкъ убиваетъ въ пьяномъ видѣ своего дѣда; его присуждаютъ къ смертной казни, а отца, за то, что онъ не съумѣлъ внушить сыну правилъ нравственности, приговариваютъ къ сорока ударамъ бамбука до и послѣ казни и обязываютъ присутствовать на казни сына. — Другой сумасшедшій убиваетъ своего отца; онъ приговаривается къ обезглавленію, а всѣ его родственники получаютъ по сто ударовъ бамбука за небрежность.

Въ перечисленныхъ примѣрахъ мы видимъ, что наказанію подвергается не только самъ преступникъ, но и невиновные въ преступленіи люди, родственники или сосѣди. Въ данномъ случаѣ это можно объяснить отвѣтственностью людей здравомыслящихъ за находящихся на ихъ попеченіи больныхъ, но китайское законодательство руководствуется иными соображеніями. Оно вообще признаетъ принципъ родовой отвѣтственности за преступленія, независимо отъ того, можетъ ли быть признанъ самъ преступникъ отвѣтственнымъ за свои поступки, или нѣтъ.

«Въ 1873 году одинъ китаецъ изъ Пекина былъ признанъ виновнымъ въ томъ, что осквернилъ могилу одного принца и укралъ оттуда драгоцѣнныя украшенія. Хотя не было ни малѣйшихъ указаній на то,

что родные его знали объ этомъ и тѣмъ менѣе—были соучастниками, однако всѣ члены семьи, состоявшей изъ тринадцати человѣкъ, принадлежавшихъ къ пяти поколѣніямъ, въ томъ числѣ старикъ девяноста лѣтъ и двухмѣсячный ребенокъ, были приговорены къ смертной казни. Самъ преступникъ и его отецъ были четвертованы, остальные мужчины обезглавлены, а женщины—удавлены» *).

Сплошь и рядомъ цѣлыя семьи отправляются въ ссылку и подвергаются полнѣйшему разоренію за проступокъ одного изъ своихъ родственниковъ. «Когда одинъ человѣкъ привлекается къ суду—десять семей дѣлается несчастными», говоритъ китайская пословица.

Въ теоріи всѣ подданные китайской имперіи равны передъ закономъ. Отъ дѣйствія его освобождаются только члены семьи богдыхана. Но на дѣлѣ эти изъятія простираются гораздо шире, и крупные мандарины рѣдко привлекаются къ отвѣтственности за свои преступленія. Положимъ, нерѣдко «Пекинская Газета» сообщаетъ о преданіи суду того или иного важнаго чиновника, публикуетъ даже смертные приговоры губернаторамъ и военнымъ генераламъ. Такіе факты служатъ, повидимому, доказательствомъ безпристрастія и неподкупности высшихъ органовъ судебной власти. Но на дѣлѣ они по большей части объясняются иными причинами. Иногда провинившемуся администратору случается по волѣ судьбы натолкнуться въ лицѣ судьи на своего личнаго врага, не желающаго допустить по отношенію къ нему обычнаго снисхожденія. Еще чаще судья запрашиваетъ слишкомъ большую сумму, которую обвиняемый или не желаетъ, или не можетъ выплатить, и мечъ правосудія падаетъ на виновную голову. Но эти отдѣльные факты нелицепріятнаго примѣненія закона къ сильнымъ міра составляютъ въ Китаѣ рѣдчайшее исключеніе. Какъ общее правило, судъ въ Китаѣ продаженъ, и общая подкупность судей дѣлаетъ оправданіе исключительной привилегіей богатыхъ и власть имущихъ. Начиная отъ сторожей ямыня, мелкихъ писцовъ, тюремныхъ смотрителей и кончая губернаторами и членами уголовнаго приказа, всѣ берутъ взятки. «Денегъ требуетъ судья, денегъ требуетъ и писарь», говоритъ пословица.

Въ судебной практикѣ существуетъ цѣлая градація выкуповъ, соотвѣтственно важности наказанія и рангу подсудимаго. Такса выкуповъ для чиновниковъ первыхъ классовъ довольно высока, такъ, чтобы избѣжать обезглавленія, важный мандаринъ долженъ внести 12.000 ланъ, т.-е. около 24.000 рублей. Отъ болѣе мелкихъ наказаній можно откупаться за гораздо меньшую сумму. Такъ, отъ пятидесяти ударовъ бамбука откупаются тремя рублями. Но, конечно, эти освященныя обычаемъ нормы выкупа могутъ варіировать въ зависимости отъ произвола судей и сильно возрастать, благодаря той роли, какую играютъ въ участи подсудимаго второстепенные служащіе ямыня и острога.

---

*) Bard. «Les chinois chez eux», стр. 178.

Это поголовное, возведенное въ систему взяточничество, царящее въ судѣ, пожалуй, не меньше пугаетъ населеніе, чѣмъ жестокія пытки и наказанія, практикуемыя имъ. Судебный процессъ и разореніе—въ Китаѣ синонимы. Оправданный, даже выигравшій дѣло, выходитъ изъ суда разореннымъ. «Если ты выиграешь кошку, ты потеряешь корову», замѣчаетъ невозмутимый китаецъ.

Нѣкоторые поклонники китайской цивилизаціи любятъ приводить примѣры справедливыхъ и мудрыхъ китайскихъ законовъ. Они упоминаютъ, напримѣръ, о строгой карѣ, которой подлежатъ чиновники, допустившіе въ своей области упущенія во вредъ населенію; они приводятъ законы, ограждающіе добрыя семейныя отношенія и т. п. Не говоря уже о томъ, что эти справедливые законы тонутъ въ массѣ жестокихъ и нелѣпыхъ—вродѣ смертной казни за дурно приготовленный для богдыхана обѣдъ,—можетъ ли существовать справедливость въ странѣ, гдѣ судебные порядки таковы, какъ въ Китаѣ? До сихъ поръ китайскій судъ—мрачное мѣсто, куда не заглядывалъ еще ни одинъ лучъ свѣта.

IV.

Да и вся административная машина Китая, поражающая съ перваго взгляда такой стройностью и такимъ соотвѣтствіемъ частей, функціонируетъ на дѣлѣ не лучше суда. Въ теоріи въ этой строго выработанной правительственной системѣ—все предусмотрѣно, приняты всевозможныя мѣры противъ злоупотребленій. Но въ дѣйствительности эти самыя мѣры къ огражденію интересовъ населенія приносятъ ему еще бо̀льшій вредъ. Китайское государственное управленіе носитъ въ себѣ всѣ недостатки, свойственные вообще бюрократіи съ прибавленіемъ еще нѣкоторыхъ специфическихъ китайскихъ прелестей.

Какъ всякое бюрократическое государство, Китай управляется чиновниками. Никакихъ органовъ мѣстнаго самоуправленія онъ не знаетъ. Никакихъ выборныхъ властей, кромѣ сельскаго старшины, не пользующагося, въ сущности, никакой властью и безусловно подчиненнаго участковому начальнику, — тамъ нѣтъ. Поэтому, мѣстные интересы остаются совершенно не представленными и частная инипіатива не находитъ себѣ мѣста. Громадная территорія Китая, говоря даже только о собственномъ Китаѣ, крайне разнообразная по составу населенія, по почвеннымъ и климатическимъ особенностямъ, управляется вездѣ по одному и тому же шаблону — казеннымъ способомъ. Естественныя богатства страны не эксплуатируются, никакихъ мѣръ къ поднятію благосостоянія населенія не принимается. Дороги не проводятся, а старыя приходятъ въ упадокъ, иногда въ самыхъ густо населенныхъ мѣстностяхъ путешественникъ не можетъ пробраться иначе, какъ верхомъ или пѣшкомъ; судоходныя рѣки мелѣютъ, канавы за-

носятся иломъ, по проѣзжимъ дорогамъ внутри Китая хозяйничаютъ разбойники,—словомъ, богатая и природой, и трудолюбивымъ населеніемъ страна представляетъ сплошную мерзость запустѣнія. И все это потому, что въ благосостояніи населенія никто не заинтересованъ, а само населеніе подавлено. Единственный хозяинъ страны—чиновникъ, интересы котораго не только не связаны съ интересами населенія, но часто противоположны имъ. Высшее правительство требуетъ отъ своихъ мѣстныхъ органовъ только одного, чтобы въ ихъ областяхъ было спокойно, — не было открытаго мятежа или возстанія, не было сильныхъ засухъ или наводненій, не свирѣпствовали слишкомъ грозныя разбойничьи шайки и т. п., такъ какъ во всѣхъ этихъ случаяхъ раздраженіе населенія можетъ прорваться и опасность будетъ угрожать самому пекинскому правительству. Но если въ своихъ отчетахъ губернаторы и уѣздные начальники заявляютъ, что «во ввѣренныхъ имъ округахъ все обстоитъ благополучно», то большаго отъ нихъ и не требуется. Какими путями достигнуто это благополучіе, никого не интересуетъ. А между тѣмъ положеніе населенія подъ отечественной опекой мандариновъ ужасающее.

Начать съ того, что отъ пекинскаго правительства чиновники получаютъ до смѣшного ничтожное жалованье. Губернаторы и вице-короли получаютъ всего отъ 50 до 200 ланъ въ мѣсяцъ, а другіе крупные чиновники имѣютъ не больше 25—30 ланъ въ мѣсяцъ. Между тѣмъ, одни такъ называемые расходы по представительству, требуютъ отъ губернаторовъ значительныхъ суммъ. Китайскій мандаринъ—это не просто чиновникъ, единственнымъ отличіемъ котораго отъ простого смертнаго служитъ мундиръ. Когда мандаринъ показывается на улицѣ, народъ издали долженъ знать о приближеніи своего «фу-му-гуаня». «Впереди идутъ восемь мальчишекъ по четыре въ два ряда со значками вродѣ нашихъ военныхъ. На нѣкоторомъ разстояніи другіе восемь мальчишекъ также въ два ряда съ досками краснаго цвѣта вродѣ большихъ лопатъ, на которыхъ изображены чинъ и другія достоинства мандарина. За ними четыре палача по два въ рядъ; первые два стучали въ мѣдные «ло», а два другихъ были вооружены плетьми, которыми немедленно наказывался какой-нибудь ослушникъ или зазѣвавшійся, не уступившій во время дороги. Кромѣ плетей, предназначавшихся для публики, они несли цѣпи, имѣвшія назидательное значеніе для самого Дао-Тая; онѣ должны были напоминать ему, что въ случаѣ какого-нибудь нарушенія закона, онъ самъ можетъ быть закованъ въ цѣпи... За палачами шли два человѣка, которые несли по очереди большой красный зонтъ; имъ защищаютъ мандарина отъ солнца, если бы онъ пожелалъ пройтись. За этими двумя шли двое другихъ съ такъ называемымъ «вѣеромъ скромности», назначеніе котораго состоитъ въ томъ, чтобы закрывать особу въ случаѣ, если бы она пожелала перемѣнить въ дорогѣ платье на болѣе теплое или болѣе прохладное... Съ

запасомъ его четырьмя солдатами несется на коромыслѣ сундукъ порядочной величины... За людьми съ сундукомъ слѣдовалъ конвой изъ восьми человѣкъ пѣшихъ солдатъ. Позади нихъ на нѣкоторомъ разстояніи шли опять двое съ краснымъ зонтомъ, но не съ тройной, а съ двойной оборкой; за ними вторая эскорта въ восемь человѣкъ пѣшаго конвоя, предшествующая носилкамъ, которыя несли не четыре, а восемь человѣкъ солдатъ. Въ нихъ сидѣлъ Дао-Тай, а за носилками ѣхали верхомъ шесть человѣкъ свитскихъ мандариновъ, заключавшихъ торжественное шествіе». Вотъ какъ, по описанію Пясецкаго, дѣлаетъ свои прогулки по городу Хань-Коуській губернаторъ. Понятно, на одно содержаніе подобной свиты не хватитъ его скуднаго жалованья. Естественно, для пополненія своихъ средствъ онъ долженъ обратиться къ поборамъ съ поселенія. И эти поборы въ Китаѣ также введены въ систему и нормированы. Они приблизительно въ сто и болѣе разъ превышаютъ мѣсячный окладъ мандариновъ. Такъ, Ганьсюйскій губернаторъ, получающій казеннаго жалованья 2.400 ланъ въ годъ, взимаетъ поборами съ населенія свыше 20.000 ланъ. Кантонскій, Чилійскій и Учанскій губернаторы получаютъ суммы въ 2, 3 раза большія. Такимъ образомъ, невысокое, повидимому, государственное обложеніе страшно увеличивается, благодаря этой узаконенной системѣ взятокъ, и притомъ, что всего хуже, увеличивается неопредѣленно, согласно произволу мандарина. И произволъ этотъ по существу ничѣмъ не ограниченъ, хотя по формѣ мандаринъ и обставленъ цѣлой системой контроля.

Прежде всего чиновники составляютъ строгую іерархію и каждый слѣдующій по служебной лѣстницѣ мандаринъ отвѣчаетъ за всѣхъ подчиненныхъ, такъ что въ силу этой отвѣтственности принужденъ бдительно слѣдить за ними. Но эта взаимная отвѣтственность на дѣлѣ замѣняется взаимнымъ пособничествомъ и всякіе незаконные поборы съ населенія полюбовно дѣлятся между представителями мѣстной администраціи, причемъ нѣкоторая часть ихъ идетъ на задабриваніе представителей центральной власти.

Для усиленія этого мнимаго контроля надъ провинціальными властями въ Китаѣ имѣется еще спеціальное учрежденіе—цензура. Институтъ цензуры состоитъ изъ центральнаго управленія и мѣстныхъ цензоровъ (юй-ши). Компетенція цензоровъ очень широка. Они должны наблюдать за исполненіемъ законовъ и соблюденіемъ справедливости во всѣхъ областяхъ и во всѣхъ отрасляхъ управленія. Начиная отъ мелкихъ служащихъ ямыней и кончая самимъ богдыханомъ, никто не изъятъ изъ вѣдѣнія цензуры. По идеѣ, это очень почтенное учрежденіе защищаетъ слабыхъ отъ угнетенія и пресѣкаетъ злоупотребленія властъ имущихъ. На практикѣ, конечно, какъ мы видѣли, получается совсѣмъ иное. Цензора тѣ же люди, лучше сказать—тѣ же чиновники. Они также дорожатъ своимъ служебнымъ положеніемъ, своими

отношеніями, также боятся непріятныхъ послѣдствій своихъ обличеній и предпочитаютъ доносить на маленькихъ, сравнительно безобидныхъ чиновниковъ, оставляя въ покоѣ большихъ, съ которыми гораздо выгоднѣе дѣлиться барышами, чѣмъ ссориться и обличать. Изъ органа высшей справедливости цензура выродилась въ штатъ чиновниковъ, пользующихся могущественнымъ орудіемъ доноса для всевозможныхъ вымогательствъ, и ложится лишнимъ бременемъ на тотъ же народъ.

Правда, иногда среди цензоровъ попадаются въ видѣ исключенія люди обладающіе гражданскимъ мужествомъ и рѣшающіеся обличать сильныхъ и могущественныхъ мандариновъ. Такъ, въ недавнее время цензоръ Анъ-Уей-Тзюнъ выступилъ послѣдовательно съ двумя докладами. Первый былъ направленъ противъ всесильнаго Ли-Хунъ-Чанга, второй—противъ самой старой императрицы. Ли-Хунгъ-Чанга онъ обличалъ въ неправильныхъ доходахъ и въ несправедливомъ покровительствѣ всѣмъ своимъ родственникамъ. «Если мы сравнимъ,—пишетъ онъ,—Ли-Хунъ-Чанга съ маркизомъ Тзо-Тзунъ-Таномъ, если мы обратимъ вниманіе на громадныя богатства, власть и вліяніе, какимъ пользуются члены семьи перваго, и на честную бѣдность знаменитаго Тзо, то не надо большой проницательности, чтобы судить, на какой сторонѣ находится честный человѣкъ и патріотъ». («Пекинская Газета», 18 іюля 1894 г.). Въ другомъ докладѣ, еще болѣе смѣломъ, даже рѣзкомъ по формѣ, онъ пишетъ: «Ея величество постоянно безъ всякаго права вмѣшивалась въ государственныя дѣла; какъ-то она будетъ отвѣчать за свое поведеніе передъ царственными предками и передъ народнымъ довѣріемъ» («Пекинская Газета», 28 декабря 1894 г.) *). За свое безпримѣрное мужество безстрашный обличитель отправленъ былъ въ рабство въ пограничные монгольскіе гарнизоны.

Другой цензоръ, осмѣлившійся высказаться противъ законности возведенія на престолъ теперешняго императора, не сталъ и дожидаться очевидныхъ послѣдствій своего поступка и, подавъ свой смѣлый докладъ, покончилъ съ собой на глазахъ самого богдыхача—въ то время трехлѣтняго ребенка.

Само собой разумѣется, что подобные примѣры не могутъ вызвать подражанія и остаются рѣдкимъ исключеніемъ среди общей массы цензоровъ, слѣдящихъ за тѣмъ, откуда дуетъ вѣтеръ.

Кромѣ цензоровъ, обязанныхъ постоянно наблюдать за дѣятельностью чиновниковъ, въ важныхъ случаяхъ богдыханъ можетъ назначать еще спеціальныхъ чиновниковъ для произведенія ревизіи въ какой-нибудь мѣстности или въ какой-нибудь отрасли управленія. Эти ревизоры (цинъ-чай) облекаются чрезвычайными полномочіями и служатъ представителями самого богдыхана. Иногда имъ дается двусторонній мечъ—символъ того, что они имѣютъ право казнить всѣхъ чиновниковъ не

*) Bard. «Les chinois chez eux».

выше второго класса. Для небольшихъ чиновниковъ, не имѣющихъ сильной протекціи и достаточныхъ средствъ для подкупа ревизоровъ, наѣзды послѣднихъ являются настоящей грозой. Крупнымъ они, конечно, не опасны. Когда кончается срокъ ихъ полномочій, ревизоры теряютъ свою неприкосновенность, становятся снова незначительными чиновниками, изъ числа которыхъ ихъ обыкновенно назначаютъ, и горе тому изъ нихъ, кто въ періодъ своего кратковременнаго могущества затронулъ кого-нибудь изъ дѣйствительно сильныхъ людей.

Иногда крупные чиновники, чтобы избѣжать доносовъ ревизоровъ, прибѣгаютъ еще къ одному своеобразному способу,—они сами обличаютъ себя и ходатайствуютъ о назначеніи имъ наказаній. Лицемѣрно обвиняя себя въ какихъ-нибудь мелкихъ проступкахъ, мандаринъ прикрываетъ этимъ способомъ крупныя злоупотребленія; ни одинъ ревизоръ не рѣшится обличить чиновника, завоевавшаго довѣріе такимъ способомъ. Въ 1892 году Ли-Хунъ-Чангъ, за которымъ водилось не мало серьезныхъ злоупотребленій, подалъ докладъ о вредѣ, причиненномъ разливомъ рѣки Хунь-Ха. Хотя предупредить наводненіе, по его словамъ, было почти невозможно, тѣмъ не менѣе, онъ смиренно признаетъ себя виновнымъ въ бѣдствіи и проситъ назначить наказанія для него и для чиновниковъ, завѣдующихъ берегами. Такое чистосердечное раскаяніе, конечно, произвело прекрасное впечатлѣніе, и болѣе важные проступки всесильнаго фаворита надолго остались въ тѣни.

Страшныя наказанія, практикуемыя китайскимъ судомъ и система взаимныхъ доносовъ и обличеній должны, по мысли законодателей, держать чиновниковъ въ спасительномъ страхѣ. Съ другой стороны путемъ особыхъ указовъ и внушеній имъ внѣдряютъ нравственные принципы, а добродѣтельныхъ награждаютъ.

Мы уже видѣли, насколько достигаетъ своихъ результатовъ система угрозъ и карательныхъ мѣръ, посмотримъ теперь, какъ дѣйствуетъ система поощреній. Прежде всего для назиданія чиновниковъ имъ два раза въ мѣсяцъ читается во всеуслышаніе шинъ-ю—священный указъ Канси. Указъ этотъ состоитъ изъ шестнадцати изрѣченій слѣдующаго содержанія:

«Почитайте сыновнія и братскія обязанности, дабы исполнять назначеніе жизни.

«Уважайте родство ради соблюденія гармоніи.

«Поддерживайте согласіе съ сосѣдями во избѣжаніе споровъ.

«Придавайте главное значеніе земледѣлію и шелководству для обезпеченія достаточнаго количества запасовъ и одежды.

«Уважайте бережливость, препятствующую безразсудной тратѣ денегъ

«Почитайте науку, чтобы быть въ состояніи слѣдить за ея успѣхами.

«Презирайте чужія религіи ради возвеличенія господствующаго вѣроученія.

«Объясняйте законы для вразумленія невѣжественныхъ и упрямыхъ.

«Распространяйте правила вѣжливаго и уступчиваго обращенія, дабы улучшить нравы.

«Прилежно занимайтесь дѣломъ, дабы удовлетворить народнымъ требованіямъ.

«Просвѣщайте юношество, чтобы удержать его отъ дурного.

«Уничтожайте всякое ложное обвиненіе, дабы доставить покровительство невиннымъ.

«Предостерегайте скрывающихъ дезертировъ, дабы послѣдніе не пострадали вмѣстѣ съ ними.

«Платите исправно подати, дабы избѣгнуть частыхъ напоминаній.

«Соединяйтесь вмѣстѣ, чтобы искоренять разбойничество и воровство.

«Устраняйте ссоры, чтобы показать, что вы понимаете цѣну жизни».

Кромѣ этого краткаго катехизиса морали и государственной мудрости, чиновникамъ предписывается постоянно читать разныя поученія и наставленія древнихъ мудрецовъ, а нѣкоторыя изъ нихъ читаются даже вслухъ наравнѣ съ священнымъ указомъ. По мнѣнію китайскихъ богдыхановъ, постоянное перечитываніе поученій древнихъ мудрецовъ сильно способствуетъ укорененіе добрыхъ нравовъ среди народа и чиновниковъ, но народъ, какъ видно изъ вышеприведенныхъ пословицъ, имѣетъ свое мнѣніе на этотъ счетъ.

Чиновниковъ, отличившихся какими-нибудь гражданскими или военными подвигами, правительство награждаетъ различными способами. Крестовъ и орденовъ въ Китаѣ не существуетъ, но ихъ роль играютъ другіе знаки отличія.

Всѣ китайскіе чиновники дѣлятся на 18 классовъ или чиновъ, внѣшними знаками которыхъ служатъ разноцвѣтные шарики на шапкахъ, пряжки на поясѣ и вышивки на спинѣ и груди. Каждому классу соотвѣтствуютъ особые виды наградъ и почетныхъ титуловъ. Почетныхъ титуловъ всего 36 и жалуются они не только самимъ чиновникамъ, но и ихъ женамъ, родителямъ и родственникамъ, иногда даже умершимъ. Получившій какой-нибудь почетный титулъ выписываетъ его по-китайски и манчжурски на длинныхъ шелковыхъ свиткахъ и можетъ прибить надъ дверями своего дома. Самымъ высшимъ титуломъ считается «наставникъ императора», его имѣетъ въ настоящее время одинъ Ли-Хунъ-Чангъ. Далѣе слѣдуетъ титулъ «добродѣтельнаго», «мудраго» и т. д.

Высшею наградой считается разрѣшеніе въѣзжать верхомъ въ «Запрещенный городъ» — привилегія, которой пользуются очень немногіе сановники. Далѣе слѣдуетъ желтая шелковая курма и павлинье перо трехъ степеней: — съ однимъ глазкомъ — самая высшая степень, съ двумя и съ тремя глазками.

Большимъ распространеніемъ въ Китаѣ пользуются почетныя арки и кумирни, воздвигаемыя въ честь прославившагося чѣмъ-нибудь ман-

дарина послѣ его смерти. Воздвигаются эти кумирни и арки по постановленію правительства, но на средства, собранныя путемъ пожертвованій съ народа. Мѣстные чиновники всегда не прочь похлопотать о воздвиженіи кумиренъ, такъ какъ при полномъ отсутствіи контроля большая часть собранныхъ суммъ пристаетъ къ рукамъ сборщиковъ. Вотъ, напримѣръ, какіе убѣдительные доклады представляютъ въ этихъ случаяхъ мандарины. «Учанъ-Цинъ, дабы отомстить за смерть отца, погибшаго во время Тайпингскаго возстанія, храбро и успѣшно сражался противъ бунтовщиковъ. Будучи назначенъ въ началѣ нынѣшняго царствованія начальникомъ обороны Гуандунской провинціи, онъ принялъ всѣ мѣры къ установленію порядка и безопасности. Онъ любилъ водить знакомство съ учеными и покровительствовалъ наукѣ и образованію. Когда ввѣренную ему область постигало бѣдствіе или когда предпринимались общественныя работы, его имя фигурировало первымъ въ спискѣ жертвователей. Когда онъ покидалъ свой постъ, массы народа собрались, чтобы выразить ему свое сочувствіе. Воспоминаніе о немъ живо въ сердцахъ жителей, и теперь, когда его не стало, они желаютъ увѣковѣчить память о немъ сооруженіемъ кумирни».

Конечно, на такую краснорѣчивую просьбу слѣдуетъ высочайшее разрѣшеніе, и съ населенія назначается новый принудительный сборъ. Такимъ образомъ почетная награда мандарину является новой обузой для народа.

Кромѣ наградъ и наказаній, которыми китайское правительство пытается побудить чиновниковъ къ добродѣтели и удержать отъ преступленій, оно старается еще особыми мѣрами предотвратить самую возможность злоупотребленій. Но роковая особенность бюрократической системы такова, что даже законы, создаваемые съ самыми добрыми намѣреніями, приносятъ въ послѣднемъ счетѣ больше вреда, чѣмъ пользы.

По закону, китайскій мандаринъ не можетъ получить назначенія въ ту провинцію, изъ которой онъ родомъ, и не можетъ занимать одного поста болѣе трехъ-четырехъ лѣтъ. Оба эти ограниченія имѣютъ цѣлью, чтобы чиновники не были связаны никакими внѣслужебными отношеніями, не заводили никакихъ прочныхъ связей и могли дѣйствовать съ полнымъ безпристрастіемъ. Такая повидимому, мудрая предосторожность имѣетъ, однако, свою обратную сторону. Чиновничество, и безъ того не связанное никакими существенными интересами съ населеніемъ, оказывается вслѣдствіе этого совершенно оторваннымъ отъ почвы и даже при желаніи не можетъ не только войти въ мѣстные интересы, но и какъ слѣдуетъ ознакомиться съ ними. При крайнемъ разнообразіи всѣхъ условій жизни въ Китаѣ, отъ этого получаются самые печальные результаты.

Назначаемый изъ какой-нибудь сѣверной провинціи, напримѣръ Чили или Шеньси, куда-нибудь на югъ въ Юнань или Квантунгъ, гу-

бернаторъ или областной начальникъ часто не понимаетъ даже языка мѣстнаго населенія, такъ что долженъ объясняться съ нимъ черезъ переводчика. Между тѣмъ, онъ оказывается повелителемъ нѣсколькихъ десятковъ милліоновъ подданныхъ, условія жизни, занятія, промыслы которыхъ ему совершенно неизвѣстны. Въ этой мѣстности съ совершенно чуждымъ ему многомилліоннымъ населеніемъ ему предстоитъ прожить всего какихъ-нибудь три года, чтобы опять перекочевать въ новыя мѣста. Неужели у него можетъ явиться энергія вникать въ условія мѣстной жизни, узнавать потребности населенія, вносить что-нибудь новое, свое? Конечно, онъ предоставитъ дѣламъ идти такъ, какъ они шли при его предшественникѣ, положится во всемъ на мелкихъ чиновниковъ своего ямыня, которые въ противность крупнымъ всю жизнь не трогаются съ мѣстъ, а самъ постарается скопить побольше за время своей службы здѣсь. Вѣдь, можетъ быть, слѣдующее мѣсто и не будетъ такимъ хлѣбнымъ, а, кромѣ того, китайскіе чиновники не получаютъ пенсіи, такъ что ему нужно позаботиться еще о черномъ днѣ.

Далѣе, по китайскимъ законамъ, два родственника не могутъ служить въ одномъ и томъ же учрежденіи, и если случайно они встрѣчаются тамъ, то младшій долженъ оставить мѣсто. Такой выходъ въ отставку имѣетъ даже особое названіе—«почтительный уходъ». Цѣлью этого постановленія служитъ противодѣйствіе кумовству. Въ дѣйствительности крупные чиновники имѣютъ въ своемъ распоряженіи мѣста не въ одномъ какомъ-нибудь ямынѣ и могутъ свободно назначать своихъ родственниковъ въ разныя учрежденія, чѣмъ они, конечно, широко пользуются.

Наконецъ, самымъ важнымъ требованіемъ закона является ученая степень для чиновника. Желающій получить казенное мѣсто долженъ сдать государственный экзаменъ и получить ученую степень. Такимъ образомъ, имѣется въ виду, чтобы на службу правительству поступали только способные и подготовленные люди. Безъ сомнѣнія, это было бы очень цѣнно для Китая, если бы осуществлялось на дѣлѣ. Однако, и тутъ мы наталкиваемся на цѣлый рядъ «но».

Во-первыхъ, ученыя степени выдаются не только за экзамены,—онѣ продаются также по опредѣленной таксѣ, какъ и все въ Китаѣ. Во времена какихъ-нибудь финансовыхъ затрудненій, напр., во время послѣдней японской войны, эта продажа практикуется въ особенно широкихъ размѣрахъ. Во-вторыхъ, на самыхъ экзаменахъ, о которыхъ дальше мы будемъ говорить подробнѣе, взятки, подкупы и всякаго рода обманы даютъ не меньше шансовъ на успѣхъ, чѣмъ серьезныя знанія. Чтобы выдержать государственный экзаменъ, даже при солидной подготовкѣ, надо очень большія средства на всѣ эти побочные расходы. Тотъ, у кого нѣтъ этихъ средствъ, прибѣгаетъ къ займамъ, въ надеждѣ покрыть долги по полученіи казеннаго мѣста. Эти спе-

ціальныя ссуды на экзамены очень распространены въ Китаѣ. Юношѣ, готовящемуся переступить Рубиконъ, отдѣляющій простыхъ смертныхъ отъ привилегированныхъ, т.-е. мандариновъ, охотно предлагаютъ деньги. И не мудрено—впослѣдствіи отъ него будетъ чѣмъ поживиться, онъ все возмѣститъ съ лихвой. Если такому юношѣ удастся счастливо пройти испытанія и получить мѣсто, онъ является на службу, таща за собой цѣлый хвостъ кредиторовъ, требующихъ отъ него расплаты за свои услуги. Однихъ онъ удовлетворяетъ деньгами, а для этого ему приходится, не теряя времени, изобрѣтать формы новыхъ и новыхъ поборовъ. Отъ другихъ онъ предпочитаетъ откупаться, давая имъ какія-нибудь мѣстечки въ ямынѣ. Такимъ образомъ, вмѣсто родственниковъ, которыхъ ему запрещено помѣщать въ то учрежденіе, гдѣ онъ служитъ, онъ тянетъ за собой ростовщиковъ.

Обращаясь, наконецъ, къ тѣмъ изъ кандидатовъ на ученую степень, кто получаетъ ее вполнѣ справедливо, безъ всякихъ подкуповъ, не обязываясь никакимъ ростовщикамъ, мы должны прежде всего отмѣтить одно—всѣ они получаютъ одинаковую подготовку. Спеціалистовъ Китай не знаетъ. Получившій ученую степень считается по одному этому пригоднымъ къ занятію любой государственной должности. «Уѣздный начальникъ можетъ, на основаніи указа, превратиться въ директора угольныхъ копей или въ коменданта крѣпости, въ инженера, въ посланника, въ провинціальнаго прокурора и, вообще, во что угодно. Иллюстраціей бюрократическаго диллетантизма можетъ служить система выбора завѣдывающихъ работами по урегулированію теченія Желтой рѣки. Для исполненія гидротехническихъ сооруженій, требующихъ знанія и опытности первокласныхъ техниковъ и инженеровъ, назначаются мандарины, быть можетъ, знакомые съ изреченіями Конфуція, но совершенно невѣжественные въ инженерномъ искусствѣ» *).

V.

Посмотримъ теперь, въ чемъ по существу заключается эта научная подготовка, которой китайцы придаютъ такую большую цѣну, отвѣчаетъ ли китайская наука хоть сколько-нибудь требованіямъ дѣйствительной жизни.

Какъ и китайскій государственный строй, китайская наука одна изъ древнѣйшихъ въ мірѣ. Еще за много вѣковъ до Р. Х. китайскіе мудрецы писали свои философскіе трактаты и этическія разсужденія. И съ тѣхъ поръ почти вплоть до нашихъ дней умственная жизнь китайцевъ не испытала на себѣ никакихъ внѣшнихъ вліяній. Полная оторванность отъ всего міра сказалась и на ней такой же неравномѣрностью въ развитіи, какъ и на всей вообще китай-

*) Коростовцевъ, «Китайцы и ихъ цивилизація», стр. 94.

ской жизни. Цѣлыя отрасли знаній до сихъ поръ находятся въ Китаѣ въ младенческомъ состояніи, и именно тѣ, которыя ближе всѣхъ соприкасаются съ жизнью. Можно сказать, что вся огромная область наукъ естественныхъ и математическихъ тамъ отсутствуетъ. Нѣкоторыя открытія въ этой области, вродѣ открытія свойствъ магнитной стрѣлки и способа приготовленія пороха, которыми такъ гордятся китайцы, сдѣланы ими совершенно случайно, внѣ всякой связи съ изученіемъ законовъ природы.

Мы уже упоминали выше, что китайцы не имѣютъ ни малѣйшаго представленія о строеніи человѣческаго тѣла. «Легкія, по ихъ мнѣнію, состоятъ изъ шести сосудовъ, прикрѣпленныхъ къ спинному хребту. Они при посредствѣ особыхъ отверстій производятъ звукъ. Черезъ легкія проходитъ гортань отъ горла до сердца, а рядомъ съ гортанью находится пищепроводъ, сообщающійся съ желудкомъ. Сердце расположено подъ легкими и считается княземъ тѣла; въ сердце сосредоточено мышленіе. Ложечка является центромъ дыханія; въ ней зарождаются радость и наслажденіе. Сердце, внутренности, печень и селезенка сообщаются между собой посредствомъ трехъ каналовъ. Печень находится въ правой сторонѣ и состоитъ изъ семи долей; въ ней заключается душа...» Познанія ихъ по зоологіи, ботаникѣ и минералогіи немногимъ выше. Въ ботаникѣ, напр., они раздѣляютъ всѣ травы на слѣдующія семь группъ: пахучія, вредныя, горныя, ползучія, водяныя, моховыя и растенія, не употребляемыя въ медицинѣ.

Такая группировка ясно показываетъ, что китайцы не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о научной классификаціи. Законы физики и химіи остались имъ также совершенно неизвѣстны, всѣ ихъ познанія въ этихъ областяхъ носятъ чисто эмпирическій характеръ. Нѣкоторыя математическія знанія у нихъ были еще до начала нашей эры — такъ, имъ были извѣстны свойства прямоугольнаго треугольника, они умѣли дѣлать несложныя алгебраическія вычисленія, но дальше развитіе этой науки не пошло. Сильнымъ препятствіемъ этому служитъ, между прочимъ, сложная и неудобная цифирная система.

Уровень географическихъ познаній китайцевъ нѣсколько выше — они съ незапамятныхъ временъ имѣли понятіе о шаровидности земли, но знакомство съ географіей вселенной мало интересовало ихъ. Все свое вниманіе они сосредоточивали на изученіи собственной страны. По этому вопросу у нихъ есть множество сочиненій, и всѣ области Китая тщательнѣйшимъ образомъ описаны, хотя китайскія карты носятъ довольно фантастическій характеръ, такъ какъ они не имѣютъ понятія объ астрономической сѣткѣ. Карта земли, составленная самими китайцами, имѣетъ крайне курьезный характеръ. Въ центрѣ они помѣщаютъ Срединную имперію, на сѣверъ отъ нея тянется наше отечество, на востокъ расположены Японія, Сіамъ, Формоза, Бирманія и Ява. На западѣ въ видѣ отдѣльныхъ острововъ разбросаны Франція, Германія,

Англія, Голландія, Португалія и Индія. Вообще, знакомиться съ иноземными странами китайцы не считаютъ ни нужнымъ, ни интереснымъ, ко всѣмъ имъ они относятся съ одинаковымъ презрѣніемъ. «Англійскіе бунтовщики, — говорится въ одномъ воззваніи, появившемся въ 1891 году,—имѣютъ подлое логово на берегу моря. Ими можетъ управлять безразлично мужчина или женщина. По породѣ они на половину люди, на половину животныя».

Въ послѣднее время подобныя нелѣпости начинаютъ уступать мѣсто болѣе правильнымъ взглядамъ, но совершается это очень медленно, и мнѣнія, подобныя вышеприведенному, можно встрѣтить не только среди простого народа, но и среди такъ-называемыхъ ученыхъ.

Впрочемъ, всѣ упомянутыя выше отрасли знаній и не причисляются китайцами къ научнымъ. Наукой они признаютъ только изученіе своего языка и классическихъ сочиненій своихъ мудрецовъ. На этомъ построена вся система ихъ образованія, которое такимъ образомъ съ полнымъ правомъ можетъ быть названо ультра-классическимъ. Изученію своего языка, который китайскіе ученые считаютъ первымъ въ мірѣ, они посвящаютъ долгіе годы неустанныхъ занятій.

Между тѣмъ, этотъ языкъ, надъ разработкой котораго трудились много вѣковъ, не носитъ на себѣ почти никакихъ слѣдовъ этой работы. Онъ застылъ на самой первобытной стадіи развитія языковъ и въ настоящее время представляетъ въ полномъ смыслѣ слова мертвый языкъ. Отъ всѣхъ остальныхъ языковъ онъ отличается совершеннымъ отсутствіемъ въ немъ какихъ бы то ни было измѣненій словъ. Въ немъ нѣтъ ни склоненій, ни спряженій, ни чиселъ, мало того — нѣтъ даже отдѣльныхъ частей рѣчи; каждое слово можетъ быть одинаково принято за глаголъ, существительное или прилагательное. Различаются они между собой только по мѣсту, занимаемому ими въ предложеніи. Въ европейскихъ языкахъ различныя оттѣнки мыслей выражаются разнообразными измѣненіями словъ. Мы можемъ, напр., сказать «я видѣлъ» «я увидѣлъ» или «я видывалъ», и каждое изъ этихъ предложеній будетъ заключать въ себѣ особый оттѣнокъ, совершенно ясный для слушающаго. Китаецъ во всѣхъ этихъ случаяхъ долженъ сказать «я видѣть». Вслѣдствіе этого отсутствія измѣненій словъ, китайскій языкъ можетъ выражать только самыя грубыя—если можно такъ выразиться—мысли. Тонкіе оттѣнки ихъ недоступны ему. Онъ совершенно лишенъ гибкости европейскихъ языковъ. Все его развитіе можетъ заключаться только въ постепенномъ накопленіи лишнихъ словъ. Между тѣмъ, и теперь лексиконъ его очень великъ, хотя въ то же время многія отвлеченныя понятія, даже очень употребительныя, отсутствуютъ въ немъ. У него нѣтъ, напр., особыхъ словъ для обозначенія такихъ понятій, какъ разстояніе, вѣсъ, злоба. Вмѣсто разстоянія они говорятъ: «далеко—близко», вмѣсто вѣсъ— «легко-тяжело», вмѣсто злоба—«злой духъ». Вмѣсто «не соглашаться», китаецъ говоритъ: «я востокъ, ты—западъ», вмѣсто разговаривать—«я

спрашивать, ты отвѣчать», и т. п. Для новыхъ понятій, входящихъ въ языкъ, китайцы пользуются иностранными словами, изображаемыми по произношенію.

Этотъ застывшій, неповоротливый, громоздкій и въ то же время бѣдный языкъ служитъ однимъ изъ главныхъ тормазовъ къ росту умственной жизни китайцевъ. Облеченная въ эту неуклюжую одежду, мысль китайца поворачивается медленно и тяжело. Трудно себѣ представить, какъ можно въ эти грубыя, неотчетливыя формы облечь тонкую и сложную, неудержимо-стремящуюся впередъ мысль европейца.

Кромѣ языка, и китайская письменность тоже представляетъ крайне несовершенный и неудобный для пользованія инструментъ. Китайцы не дошли ни до звукового, ни до слогового письма. Каждый іероглифъ у нихъ представляетъ изображеніе отдѣльнаго слова, причемъ нѣкоторые іероглифы носятъ символическій характеръ, другіе же, наиболѣе древніе, — идеографическій, т.-е. служатъ изображеніемъ предмета.

По приблизительному исчисленію европейскихъ ученыхъ, число употребляемыхъ въ настоящее время іероглифовъ равняется 25-ти тысячамъ. Сами китайцы насчитываютъ ихъ еще больше; въ словарѣ Канси ихъ помѣщено до 44½ тысячъ; но туда вошло много синонимовъ и вышедшихъ изъ употребленія іероглифовъ. Для чтенія почти всѣхъ китайскихъ книгъ достаточно знанія 10.000 іероглифовъ. Конечно, и это количество составляетъ порядочное бремя для памяти. Замѣчательно, что китайскіе ученые не потрудились даже привести своихъ іероглифовъ въ какую-нибудь систему. До послѣдняго времени іероглифы составляли хаотическую массу, запоминаніе которой представляло почти неодолимыя трудности. Только въ наше время, главнымъ образомъ, благодаря трудамъ европейскихъ ученыхъ, сдѣлано нѣсколько попытокъ систематизировать іероглифы. Располагаютъ ихъ обыкновенно или на основаніи произношенія, или по какому-нибудь ключу. Эта послѣдняя система заключается въ томъ, что составляются группы іероглифовъ съ однимъ основнымъ знакомъ или ключемъ. Не только запоминаніе, но и самое изображеніе іероглифовъ довольно трудно; оно требуетъ очень большой отчетливости, такъ что скоропись по-китайски почти невозможна.

Наконецъ, ко всѣмъ этимъ трудностямъ надо прибавить еще одну— громадную разницу между письменнымъ и разговорнымъ языкомъ. Разговорныхъ языковъ собственно въ Китаѣ нѣсколько, такъ какъ чуть не въ каждой области тамъ употребляется свое нарѣчіе и разница между отдѣльными нарѣчіями очень значительна. Кромѣ мѣстныхъ говоровъ, въ Китаѣ есть еще такъ называемое мандаринское нарѣчіе—языкъ образованныхъ классовъ населенія, но и онъ не мало отличается отъ письменнаго языка.

Такимъ образомъ, всякій китаецъ учится читать не на своемъ родномъ нарѣчіи, а на чуждомъ ему книжномъ языкѣ. Это, конечно, еще

увеличиваетъ трудность усвоенія китайской грамоты. Не мудрено, поэтому, что на вопросъ одного европейца, почему въ Китаѣ такъ мало грамотныхъ женщинъ, развѣ китайцы противъ образованія женщинъ,— ученый китаецъ отвѣчалъ: «Мы ничего не имѣемъ противъ образованія женщинъ, но у насъ дѣвушки лѣтъ 16-ти, 17-ти выходятъ обыкновенно замужъ, значитъ, онѣ могутъ располагать всего какими нибудь десятью годами для ученья, а при этомъ условіи—стоитъ ли начинать».

Дѣйствительно, чтобы быть мало-мальски образованнымъ человѣкомъ въ Китаѣ, надо потратить лѣтъ 15—20, а настоящій ученый китаецъ учится всю жизнь, т.-е. всю жизнь изучаетъ словарь своего языка и классическія произведенія своихъ мудрецовъ.

Ученіе у китайцевъ начинается очень рано. Пяти-шести лѣтъ мальчика уже отдаютъ въ школу, тамъ онъ остается неопредѣленное время, пока не выучитъ всего, что ему полагается знать, чтобы выдержать первый экзаменъ въ уѣздномъ городѣ. Преподаваніе въ начальныхъ китайскихъ школахъ не имѣетъ ничего общаго съ нашимъ. О развитіи учениковъ китайскій учитель и не помышляетъ. Онъ стремится къ одному—заставить ихъ запомнить слова священныхъ книгъ и ихъ письменное изображеніе. Соотвѣтственно этому и пріемы обученія тамъ совершенно иные. Въ сущности китайскія школы нельзя даже называть школами, такъ какъ никакого совмѣстнаго обученія тамъ нѣтъ. Собранные въ одномъ помѣщеніи дѣти учатъ каждый въ отдѣльности заданный урокъ. Когда урокъ вытверженъ, ученикъ подходитъ къ учителю, дѣлаетъ ему установленный поклонъ, отдаетъ свою книгу и, повернувшись къ нему спиной, чтобъ не заглядывать въ книгу, отвѣчаетъ наизусть заданное. Шумъ въ такой школѣ стоитъ невообразимый, такъ какъ всѣ ученики заучиваютъ свои уроки вслухъ.

Первая книга, попадающая въ руки китайскаго мальчика при поступленіи въ школу—«Санъ-цзы-цзинъ». Это—родъ краткой энциклопедической хрестоматіи, въ которой заключаются разсказы о природѣ человѣка, о его воспитаніи, объ его обязанностяхъ, о трехъ свѣтилахъ, о четырехъ временахъ года, о пяти добродѣтеляхъ, о шести родахъ хлѣбныхъ растеній, шести классахъ домашнихъ животныхъ, семи главныхъ порокахъ, восьми музыкальныхъ нотахъ, девяти степеняхъ родства и т. д.

Вотъ, для примѣра, одно изъ нравственныхъ разсужденій, которые должны заучивать наизусть 6-ти—7-ми-лѣтніе китайцы: «Сначала нужно узнать цѣль, къ которой должно стремиться, и потомъ рѣшить, какъ поступать. Рѣшивъ, какъ поступать, можно достигнуть спокойнаго состоянія ума. Достигнувъ спокойнаго состоянія ума, можно наслаждаться тѣмъ невозмутимымъ спокойствіемъ, котораго ничто не можетъ нарушить. Дойдя до этого состоянія невозмутимаго спокойствія, можно размышлять и составлять сужденія о сущности вещей. Размышляя и составивъ себѣ сужденіе о сущности вещей, можно достигнуть желаемаго совершенства».

Когда ученики твердо усвоили себѣ эту книгу, они переходятъ къ поэмѣ «Цянь-цзы вень», состоящей изъ тысячи іероглифовъ и заключающей въ себѣ тоже разныя нравственныя сентенціи, вродѣ слѣдующей: «Три дня безъ научныхъ занятій дѣлаютъ разговоръ человѣка невыносимымъ».

Когда эти двѣ книги заучены и въ распоряженіи ученика имѣется около 2.000 іероглифовъ, первоначальное обученіе его считается законченнымъ. Громадное большинство китайцевъ, не мечтающихъ ни объ административной, ни объ ученой карьерѣ, на этой стадіи и останавливаются. Но какъ назвать китайца, прошедшаго такую начальную школу? Его нельзя назвать грамотнымъ, такъ какъ громадное большинство книгъ недоступно ему, для чтенія даже уличныхъ афишъ, нужно знать, по меньшей мѣрѣ, 5.000 іероглифовъ; но онъ и не безграмотный, такъ какъ знаетъ свои 2.000 іероглифовъ и можетъ съ успѣхомъ читать нѣсколько древнихъ священныхъ книгъ; онъ даже и не полуграмотный, въ томъ смыслѣ, какой у насъ придается этому слову — вѣдь онъ не только читаетъ, но и пишетъ свои іероглифы. Этимъ неудобствомъ классифицировать китайцевъ на грамотныхъ и безграмотныхъ объясняется противорѣчивость путешественниковъ по этому вопросу. Одни находятъ, что всѣ китайцы грамотны, другіе— что грамотность среди нихъ большая рѣдкость. Значительное большинство китайцевъ проходитъ начальную школу, но при этомъ можетъ стать втупикъ передъ листкомъ китайской же газеты. Ихъ грамотность не приноситъ имъ пользы въ самыхъ обыденныхъ случаяхъ жизни.

Дальнѣйшее образованіе скорѣе количественно, чѣмъ качественно отличается отъ первоначальнаго. Разница заключается главнымъ образомъ въ числѣ заучиваемыхъ священныхъ книгъ.

Выдержавшіе экзаменъ въ уѣздномъ городѣ могутъ, если хотятъ продолжать образованіе, поступать въ областную школу, но обыкновенно родители, имѣющіе какія-нибудь средства, предпочитаютъ оставлять своихъ сыновей дома и приглашать къ нимъ учителей.

Теперь юноши приступаютъ къ краеугольному камню китайской философіи—къ изученію девяти священныхъ книгъ, такъ-называемаго четырехкнижія и пятикнижія (Сы-шу и У-цзинъ). Первая книга пятикнижія такъ-называемая книга перемѣнъ (И-цзинъ) излагаетъ отношенія человѣка къ природѣ, состоящей изъ взаимодѣйствія мужского и женскаго принципа. Основаніемъ системы міра считается восемь діаграммъ. Каждая изъ діаграммъ служитъ какой-нибудь эмблемой. Первая, эмблемой мужского принципа, вторая — пара, третья — огня, четвертая—грома, пятая—вѣтра и т. д.

Вторая книга называется книгою церемоній (Ли-цзи). Она содержитъ крайне важныя на взглядъ китайца правила житейскаго поведенія. Вотъ, напримѣръ, какого рода эти правила: «Въ присутствіи старшихъ

младшему неприлично кашлять, зѣвать, сморкаться, икать, плевать и т. п. Говоря со старшимъ, юноша долженъ выражать на лицѣ почтительный трепетъ. Мужъ и жена не должны показываться на улицѣ вмѣстѣ; если же они идутъ вмѣстѣ, жена должна слѣдовать сзади мужа. При постороннихъ супруги не должны обѣдать вмѣстѣ. Жена не должна вѣшать платья въ шкафъ мужа», и множество другихъ подобныхъ же, довольно курьезныхъ на нашъ взглядъ, правилъ.

Книга исторіи (Шу-цзинъ), приписываемая Конфуцію, содержитъ легендарные разсказы о древнѣйшихъ императорахъ. Книга поэзіи (Ши-цзинъ) представляетъ сборникъ поэтическихъ произведеній древнѣйшихъ китайскихъ поэтовъ. Нѣкоторыя изъ этихъ стихотвореній, быть можетъ, отъ невѣжественной переписки, въ значительной степени утратили теперь свой смыслъ. Вотъ, для примѣра, отрывокъ одной изъ поэмъ, не отличающихся вообще особой глубиной поэтическаго чувства.

«Руки какъ бѣлый ростокъ,
Кожа застывшій жиръ,
Шея какъ у червя,
И зубы, какъ тыквенныя зернушки,
Голова жука, брови бабочки,
Привлекательная улыбка на устахъ,
Черные зрачки прекрасныхъ глазъ
Рѣзко выдѣляются изъ бѣлковъ,
Подарила мнѣ айву,
Отблагодарилъ яшмою,
Не отблагодарилъ,
А чтобы вѣкъ быть въ дружбѣ!» *)

Послѣдняя книга называется «Весна и осень» и представляетъ описаніе удѣльнаго княжества Ли, сдѣланное Конфуціемъ.

Всѣ книги четырехкнижія содержатъ изложеніе нравственнаго ученія Конфуція и его ближайшихъ учениковъ.

Основательное знаніе девяти священныхъ книгъ обязательно для всякаго образованнаго китайца. Много лѣтъ проводятъ юноши надъ изученіемъ и комментированіемъ ихъ, такъ какъ многія мѣста этихъ сочиненій носятъ туманный, иногда совершенно непонятный для современнаго китайца, характеръ. Никакихъ другихъ познаній не требуется для экзамена на третью степень. Единственно, въ чемъ еще должны упражняться молодые китайцы, это—писанье сочиненій и стихосложеніе. Сочиненія эти представляютъ въ большинствѣ случаевъ комментированіе какого нибудь отрывка священныхъ книгъ или разсужденіе на заимствованную оттуда тему.

Экзаменъ на третью степень производится въ главномъ областномъ городѣ. Къ этому экзамену допускаются всѣ, представившіе свидѣтельство, что они не состоятъ подъ судомъ и что предки ихъ

*) Коростовцевъ. «Китайцы и ихъ цивилизація», стр. 162.

въ теченіе трехъ поколѣній не занимались предосудительными профессіями. Потомки слугъ, актеровъ, тюремщиковъ, палачей и цирюльниковъ лишаются въ Китаѣ права на ученую и административную

Ученый.

карьеру. Въ недавнее время, благодаря этому закону, въ Ханькоуской провинціи разыгралась слѣдующая исторія. «На офицерскій экзаменъ въ Ханьянъ, въ маѣ 1895 года, въ числѣ другихъ кандидатовъ явился

молодой человѣкъ, поразившій экзаменаторовъ своими блестящими познаніями. По окончаніи экзаменовъ онъ былъ удостоенъ степени. Между тѣмъ, товарищи его какимъ-то образомъ узнали, что дѣдъ его занимался ремесломъ цирюльника. Извѣстіе это возбудило сильное негодованіе остальныхъ кандидатовъ и они обратились съ просьбою избавить ихъ отъ позорящаго товарища. Имя бѣднаго юноши было вычеркнуто изъ списка кандидатовъ, и самъ онъ со стыдомъ изгнанъ изъ города. Исторія эта надѣлала не мало шума и, между прочимъ, вызвала протестъ всѣхъ брадобрѣевъ Ханькоу, Ханьяна и Узана. Брадобрѣи, числомъ свыше 3.000, устроили стачку и отказались брить головы своихъ согражданъ. Нужно знать, какое значеніе имѣетъ въ Китаѣ бритье головы и заплетаніе косы, чтобы понять, какой переполохъ произвела стачка. Цирюльниковъ, по распоряженію властей, стали ловить и наказывать бамбуками, заставляя предварительно брить головы прохожимъ. Такъ какъ средство это не помогало, то губернаторъ издалъ указъ съ угрозою, въ случаѣ продленія стачки, подвергать виновныхъ смертной казни».

Выдержавшіе областной экзаменъ—а такихъ бываетъ большинство, такъ какъ экзаменъ этотъ не считается труднымъ,—получаютъ право на занятіе мелкихъ государственныхъ должностямъ. Но сдѣлать административную карьеру они ни въ какомъ случаѣ не могутъ, такъ какъ высшія административныя мѣста даются только лицамъ, получившимъ вторую и первую ученую степень. Вторая степень дается выдержавшимъ экзаменъ въ провинціальной столицѣ, а первой степени удостаиваются только сдавшіе высшій государственный экзаменъ въ Пекинѣ.

Самымъ труднымъ испытаніемъ считается этотъ послѣдній экзаменъ, происходящій, приблизительно разъ въ три года. Со всѣхъ концовъ имперіи на него собирается обыкновенно 10, 15 тысячъ кандидатовъ и изъ нихъ удостаиваются ученой степени не болѣе 300—500 человѣкъ.

Въ нѣкоторомъ отношеніи пекинскіе государственные экзамены напоминаютъ наши экзамены зрѣлости. Какъ тутъ, такъ и тамъ вся система экзаменовъ построена на взаимномъ недовѣріи, на недовѣріи учителей къ ученикамъ, учебнаго начальства къ учителямъ, правительства къ учебному начальству. Только тамъ эта основанная на недовѣріи система взаимнаго надзора доведена до кульминаціонной точки, — дальше ужъ дѣйствительно некуда идти. Всѣ мѣры противъ предполагаемаго мошенничества приняты. Но какъ всегда, недовѣріе особенно усиливаетъ желаніе провести бдительность начальства. Въ концѣ концовъ, несмотря на героическую борьбу съ экзаменаціонными плутнями, доходящую до смертной казни виновныхъ, злоупотребленій на китайскихъ экзаменахъ не меньше, если не больше, чѣмъ въ другихъ странахъ.

Иностранецъ, случайно попавшій въ помѣщеніе для этихъ торжественныхъ испытаній, можетъ подумать, что онъ очутился въ какой-нибудь тюрьмѣ новѣйшей системы или въ отдѣленіи для буйныхъ въ сумасшедшемъ домѣ. Обширное пространство, отведенное для производства экзаменовъ, окружено со всѣхъ сторонъ высокой каменной стѣной. Внутри, раздѣленныя широкими проходами, тянутся невысокія каменныя зданія, состоящія, изъ ряда крошечныхъ камеръ. Три стѣны каждой камеры глухія и только со стороны прохода въ камерѣ продѣлана дверь и окно. По проходамъ день и ночь ходятъ дежурные сторожа.

Въ назначенный день испытаній тысячи кандидатовъ, допущенныхъ къ экзаменамъ, собираются у воротъ этого чистилища. Они несутъ съ собой запасъ риса, чая, котелокъ для варки воды, уголь, свѣчу, а наиболѣе запасливые—тюфякъ и одѣяло. Отъ казны имъ выдаются только письменныя принадлежности. Здѣсь производится подъ наблюденіемъ экзаменаторовъ тщательный обыскъ всѣхъ экзаменующихся. Ихъ раздѣваютъ до-нага, осматриваютъ всѣ ихъ вещи, чтобы убѣдиться, не принесли ли они, какого-нибудь пособія, книги или готоваго сочиненія на выкраденную заранѣе тему. Тутъ же производится окончательная повѣрка личности кандидатовъ. Каждый изъ нихъ долженъ представить засвидѣтельствованное мѣстными властями описаніе своей наружности (замѣняющее наши «двѣ фотографическія карточки»), чтобы на экзаменъ, вмѣсто допущенныхъ лицъ, не явились подставные. Наконецъ, по окончаніи этой продолжительной церемоніи, экзаменующимся раздаютъ въ запечатанныхъ конвертахъ темы и казенную бумагу со штемпелями и разводятъ ихъ по камерамъ. Съ этого момента всякое общеніе заключенныхъ съ внѣшнимъ міромъ и съ экзаменаторами, тоже содержимыми подъ арестомъ въ одномъ изъ зданій, строго воспрещается.

Три дня и три ночи проводятъ испытуемые въ своихъ камерахъ; въ концѣ третихъ сутокъ у нихъ отбираютъ готовыя сочиненія, тоже въ запечатанныхъ конвертахъ съ заклеенными фамиліями, а ихъ самихъ на сутки отпускаютъ домой. Тѣ, кто не успѣлъ кончить сочиненія или испортилъ казенную бумагу, вычеркиваются изъ списковъ и не допускаются къ слѣдующимъ экзаменамъ, которыхъ бываетъ обыкновенно три. Сочиненія остальныхъ переписываются писарями, чтобы экзаменаторы не могли по почерку узнать своихъ фаворитовъ. Переписанныя сочиненія поступаютъ на просмотръ субъ-экзаменаторовъ, которые бракуютъ обыкновенно около $^9/_{10}$ работъ, такъ что главные экзаменаторы разбираютъ не больше 1.000—1.500 сочиненій. Одобренныя этими главными экзаменаторами работы пересматриваются еще особыми цензорами, для провѣрки добросовѣстности отзывовъ академиковъ.

Кажется, большаго нельзя и придумать, и тѣмъ не менѣе, по признанію самихъ китайцевъ, всякаго рода плутни составляютъ обычное

явленіе на этихъ экзаменахъ. Подставныя лица являются вмѣсто настоящихъ, темы узнаются, сочиненія пишутся одними за другихъ, экзаменаторы подкупаются и т. п., и т. п. Правительство думаетъ избѣжать этого введеніемъ новыхъ мѣръ строгости, но наврядъ ли и отъ нихъ можно ожидать лучшихъ результатовъ, тѣмъ болѣе, что вся административная система проникнута продажностью, и сами представители высшей власти далеко не безъ грѣха. Вотъ что писала по этому поводу «Пекинская Газета» въ 1890 году: «Первое изъ этихъ злоупотребленій, т.-е. появленіе на экзаменѣ подставныхъ лицъ, можетъ быть устранено, если высшіе чиновники займутся серьезной провѣркой личности кандидатовъ. Если же впослѣдствіи окажется, что одинъ кандидатъ выдержалъ экзаменъ за другого, то чиновникъ, виновный въ подобномъ упущеніи, долженъ быть подвергнутъ строгому наказанію, не взирая на оправданія и ссылки на ошибку или торопливость... Съ другой стороны, слѣдуетъ обязать надзирателей и оффиціальныхъ лицъ строго слѣдить за тѣмъ, чтобы темы не сообщались разнымъ лицамъ, находящимся въ экзаменаціонномъ зданіи, а равно за тѣмъ, чтобы туда не вносились написанныя бумаги, скрытыя въ пищѣ или въ постели. Кромѣ этого, достаточное число сторожей должно днемъ и ночью обходить мѣсто, гдѣ производятся экзамены... Если при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ будетъ обнаруженъ обманъ, чиновники, виновные въ упущеніи, будутъ наказаны наравнѣ съ тѣми, кто совершили означенный обманъ».

Отъ 31-го января 1894 года та же «Пекинская Газета» сообщаетъ о смертной казни одного мелкаго чиновника, передавшаго главному экзаменатору письмо съ просьбою за нѣсколькихъ кандидатовъ, содержавшее чекъ на 10.000 таэлей. При этомъ газета не безъ ироніи замѣчаетъ, что злосчастный чиновникъ не имѣлъ «никакого счета въ банкѣ», и банкъ ничего не выдалъ бы по его чеку.

Т. Богдановичъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

«Литературныя воспоминанія и современная смута», т. II, Н. К. Михайловскаго.— «Борьба за идеализмъ» г. Волынскаго.—Основной тонъ обѣихъ книгъ.—Самомнѣніе и самовлюбленность г. Волынскаго.—Отсутствіе идеализма въ «Борьбѣ за идеализмъ» г. Волынскаго. — Мнѣнія г. Михайловскаго о декадентахъ и символистахъ. — Его характеристика Ничше. — Изъ области курьезовъ: «Къ событіями въ Китаѣ», кн. Ухтомскаго.

Почти одновременно появились двѣ книги, въ которыхъ авторы, оба журнальные работники, подводятъ нѣчто въ родѣ итоговъ не столько своей работы, сколько журнальной жизни за истекающее десятилѣтіе. Но какъ различны эти итоги и какъ различны сами дѣятели! Тѣмъ болѣе любопытны обѣ книги для характеристики нѣкоторыхъ общественныхъ настроеній послѣднихъ годовъ XIX в.

Въ литературной, вѣрнѣе сказать, журнальной области гг. Михайловскій и Волынскій занимаютъ столь рѣзко опредѣленныя позиціи, что и жизнь въ ихъ изображеніи должна получить столь же рѣзко опредѣленные контуры. Это отразилось уже въ заглавіи, которое каждый изъ нихъ нашелъ необходимымъ дать своей книгѣ. Заглавіе въ извѣстной степени есть сжатая сущность книги. Г. Михайловскій назвалъ свои итоги «Воспоминаніями» и «смутой», г. Волынскій, по обыкновенію, широковѣщательно и шумно—«Борьбой»—не за что-нибудь, а «за идеализмъ». Первый какъ бы въ смущеніи задумывается надъ пережитымъ десяткомъ лѣтъ своей литературной работы, второй—высоко и горделиво поднявъ голову, рекомендуетъ себя борцомъ за попранный кѣмъ-то идеализмъ. Насколько краснорѣчиво простъ одинъ, настолько великолѣпенъ другой. Въ одной изъ рѣдкихъ каррикатуръ съ общественной подкладкой въ серединѣ 80-ыхъ годовъ нѣкій остроумецъ изобразилъ г. Михайловскаго барабанщикомъ, сидящимъ въ скорбномъ раздумьи надъ прорваннымъ барабаномъ. Г. Волынскаго надо бы, по меньшей мѣрѣ, изобразить знаменосцемъ, гордо шествующимъ съ развернутымъ знаменемъ въ рукахъ.

На меньшемъ онъ не помирится, какъ свидѣтельствуетъ его книга. Въ ней, съ крохоборствомъ, вызывающимъ невольную улыбку, онъ подбираетъ малѣйшую строчку, вылившуюся изъ-подъ его пера, нанизываетъ эти бѣглыя рецензіи и летучія замѣтки о всякомъ пустякѣ, имѣвшемъ и въ свой день ничтожное значеніе и потерявшемъ всякій смыслъ теперь, и все это торжественно заворачиваетъ при помощи брошюровщика въ общую обложку съ пышнымъ заглавіемъ. И чего, чего только нѣтъ въ этой «Борьбѣ за идеализмъ»! «Достоевскій, Сенкевичъ, Ницше, Страховъ, Золя, Кольцовъ, Рѣпинъ, Ге, Толстой, Метерлинкъ, Оскаръ Уайльдъ» и т. д., и т. д., вплоть до Аполлона Коринфскаго и какого-то Трика, написавшаго отвѣтъ г. Карѣеву на его письма къ учащейся молодежи. Все это должно имѣть какую-то связь съ идеализмомъ—съ «созерцаніемъ жизни въ идеяхъ духа, въ идеяхъ божества и разума», какъ рекомендуетъ свою книгу самъ г. Волынскій во введеніи. Каждому повседневному работнику текущей пе-

чатн приходится писать de omni re scibili et quibusdam aliis, о господахъ Трикахъ и Аполлонахъ Коринфскихъ, но нужно обладать поистинѣ необузданнымъ самомнѣніемъ, чтобы всѣ такого рода бѣглыя замѣтки тщательно собирать по страницамъ журналовъ въ теченіе десяти лѣтъ и затѣмъ выпускать отдѣльнымъ изданіемъ. Каждая замѣтка въ журналѣ имѣетъ значеніе не столько сама по себѣ, сколько какъ часть того общаго цѣлаго, что зовется журналомъ, что имѣетъ свою физіономію и направленіе. Рѣдко такія текущія замѣтки сохраняютъ значеніе сами по себѣ, такъ какъ пишутся они подъ извѣстнымъ настроеніемъ и въ этомъ ихъ смыслъ—отразить въ себѣ такое настроеніе и заразить имъ читателя. Лишь исключительно талантливымъ писателямъ удается вложить въ нихъ еще нѣчто не умирающее или, по крайней мѣрѣ, долго сохраняющее значеніе—глубокую мысль или яркій образъ, переживающій автора и время.

Положимъ, всякому автору свойственно мнить про себя, что онъ-то и есть исключительная по таланту натура, каждое слово которой вѣчно. Не всякій только такъ наивно простодушенъ, какъ г. Волынскій, начинающій свою книгу четырьмя страничками, на которыхъ изложенъ бѣглый разговоръ въ вагонѣ о Достоевскомъ, и рѣшающійся тиснуть ихъ отдѣльнымъ изданіемъ, подъ заглавіемъ «О Достоевскомъ». Какое заманчивое заглавіе, подумаетъ любой читатель, и воображаемъ его разочарованіе, когда изъ этихъ четырехъ страничекъ онъ узнаетъ о томъ, что г. Волынскій ѣхалъ «въ малокультурную, безправную провинцію, черезъ Кіевъ, гдѣ онъ хотѣлъ видѣть борьбу византійскихъ и простонародныхъ началъ въ церковной живописи талантливыхъ русскихъ художниковъ». Правда, онъ еще узнаетъ, что «есть два вкуса въ человѣческой душѣ: вкусъ къ конкретной жизни и вкусъ къ тайнѣ, которая облекаетъ жизнь», что Достоевскій «типиченъ, потому что въ немъ живы оба вкуса — въ его душѣ боролись всѣ противорѣчія: Богъ и міръ». Далѣе, въ утѣшеніе ему, г. Волынскій великодушно замѣчаетъ, что «о Пушкинѣ, Гоголѣ, Толстомъ, въ особенности о Пушкинѣ, этомъ полубогѣ русской литературы, я могъ бы сказать вамъ очень многое», но, за недосугомъ, онъ отлагаетъ это до болѣе удобнаго времени,—и все. Печатать подобную статейку есть даже не дерзость, а просто нахальство. Не измѣняетъ этого заключенія и продолженіе ея—«Раскольниковъ», гдѣ, сидя въ ресторанѣ, нашъ авторъ подслушиваетъ яко бы разговоръ, развивающій прежнюю тему его очерка о Достоевскомъ, причемъ разговаривающіе цитируютъ этотъ его очеркъ. Про Раскольникова мы слышимъ, что онъ раскаялся помимо воли, и въ этомъ «онъ великъ и силенъ въ своей слабости». Только до чертиковъ влюбленный въ самого себя писатель можетъ самъ себя цитировать и превозносить такъ наивно, какъ это дѣлаетъ г. Волынскій.

И изъ такихъ-то глубокомысленныхъ статеекъ состоитъ на три четверти книга, посвященная борьбѣ за идеализмъ. Сотни страницъ заняты рецензіями о гг. Бальмонтѣ (три рецензіи), Величко, Коринфскомъ, Минскомъ, Мережковскомъ, Гиппіусъ, Брюсовѣ и прочихъ большихъ и малыхъ богахъ декадентства и символизма. Отбросивъ весь этотъ хламъ, и въ журналѣ, гдѣ онъ помѣщался, не блиставшій красотой и остроуміемъ, получимъ нѣсколько жиденькихъ статеекъ, не столько интересныхъ самихъ по себѣ, сколько любопытныхъ, какъ образчики того настроенія, которое замѣтно проявилось въ 90-ые годы и можетъ быть названо мистически-метафизическимъ. Область эта, какъ хорошо извѣстно всякому, даже не учившемуся въ семинаріи, крайне обширна и отъ всѣхъ прочихъ областей отличается тѣмъ, что въ ней невозбранно можно говорить любыя глупости и дѣлать открытія, такъ какъ никакихъ доказательствъ по самому существу дѣла она не допускаетъ. И г. Волынскій пользуется своимъ правомъ широко и свободно, прибѣгая къ самымъ поразительнымъ сочетаніямъ именъ, положеній, аналогій и проч. Разбирая романъ Сенкевича «Камо грядеши», онъ, напр., пускается въ безстрашное плаваніе по Упанишадамъ, толкуетъ ихъ

и такъ, и этакъ, и вдругъ налетаетъ на демонизмъ Ницше. Свысока похваливъ его книгу «Рожденіе трагедіи», онъ тутъ же сѣтуетъ, что Ницше недостаточно духовно благороденъ, и ставитъ ему въ примѣръ Моцарта изъ пьесы Пушкина «Моцартъ и Сальери».

Слѣдить за всѣми мистическими и метафизическими прыжками г. Волынскаго, правду сказать, скучновато. Вялыя мысли, изложенныя вычурнымъ языкомъ, столь прославившимъ автора въ свое время, погружаютъ читателя въ нѣкій сладкій сонъ, отъ котораго будятъ только мѣстами щедро расточаемыя нападки автора на «либерально-буржуазную гражданственную пошлость». Себя онъ выставляетъ врагомъ всякой рутины, искателемъ новыхъ путей и благосклоннымъ покровителемъ всѣхъ, кто его... читаетъ. Съ неподражаемымъ комическимъ величіемъ отдѣлываетъ г. Волынскій всѣхъ своихъ бывшихъ соратниковъ по журналу за то, что они осмѣлились идти не по той дорогѣ, по которой онъ велъ свой журналъ. Презрительная величавость, которой онъ щеголяетъ предъ буржуазными либералами и прочими смертными не его толка, моментально измѣняетъ ему, когда онъ видитъ, что его дружина, расползшаяся послѣ краха «Сѣвернаго Вѣстника» по разнымъ мѣстамъ, забыла его и даже посмѣивается надъ нимъ и довольно ѣдко. Такъ, онъ ругается, какъ извозчикъ, когда г. Минскій, позволилъ себѣ попрекнуть его непродуманностью и спутанностью его «убѣжденій». Г. Минскій превратился въ его глазахъ въ «уродливаго литературнаго горбуна», а вся остальная компанія—это «уродливыя летучія мыши и слабыя ночныя бабочки, которыя исчезнутъ съ глазъ при первыхъ лучахъ восходящаго солнца». Есть тамъ и почище характеристики, но все это слишкомъ мелко и ничтожно, чтобы останавливаться на нихъ.

Девяностые годы были главнымъ періодомъ дѣятельности г. Волынскаго, когда онъ отъ времени до времени производилъ даже немалый шумъ. Теперь, видя итоги его работы, столь тщательно собранные имъ, невольно изумляешься, что въ нихъ могло обращать вниманіе. Предъ вами вырисовывается небольшая фигурка, заносчивая и высокомѣрная, съ литературнымъ багажомъ, который опредѣляется лучше всего крыловской басней «Лягушка и волъ». Все время при чтеніи этихъ «статей» короче куринаго носика, съ крикливыми заглавіями, въ родѣ «Религія въ современной литературѣ», «Христіанство и буддизмъ», «Философія и поэзія», «Наука, философія и поэзія»,—васъ преслѣдуетъ знакомая съ дѣтства картинка: «лягушка, на лугу увидѣвши вола, задумала въ дородствѣ съ нимъ сравняться, и ну давай топорщиться и надуваться».

И тѣмъ не менѣе, для девяностыхъ годовъ эта надутая фигурка чрезвычайно характерна. Она внезапно вынырнула изъ мглы восьмидесятыхъ годовъ съ ихъ разочарованностью во многомъ, что еще недавно казалось незыблемымъ, яснымъ и вѣчнымъ. Время было до крайности глухое и тоскливое, но очень благодарное для появленія такихъ литературныхъ борцовъ, какъ г. Волынскій, сразу заявившій, что у него есть «новая мозговая линія», освобождающая его отъ всякихъ авторитетовъ. И онъ началъ топтать эти авторитеты съ рѣзкостью, удивившей однихъ, возмутившей другихъ, но обратившей на него общее вниманіе. Затѣмъ повѣяло издалека чѣмъ-то новымъ, начали пробѣгать по мутной поверхности какія-то причудливыя струйки, странныя и неопредѣленныя, но оригинальныя. Съ жадностью ухватился за нихъ г. Волынскій, думая обрѣсти въ нихъ то, чего ему не доставало—опору для зданія своего литературнаго благополучія. Въ руководимомъ имъ журналѣ началась настоящая вакханалія, въ которой всѣ доморощенныя разновидности декадентства принимали самое дѣятельное участіе при благосклонномъ и неустанномъ поощреніи г. Волынскаго. Но длилось это недолго. Ничего не вытанцовывалось изъ русскаго декадентства, скоро потерявшаго даже интересъ скандала. Къ нему

присмотрѣлись, привыкли и онъ пересталъ вызывать даже смѣхъ. Тогда г. Волынскій рѣзко оборвалъ свои связи съ декадентами и заявилъ, что онъ борецъ за идеализмъ. Журналъ его къ этому времени разсыпался въ прахъ, и у г. Волынскаго ничего не осталось, кромѣ негодованія на своихъ прежнихъ сотоварищей и сотрудниковъ, относительно которыхъ онъ «питалъ особыя надежды». Ему казалось, «что ихъ исканія, даже при ограниченности талантовъ, помогутъ имъ очистить сознаніе отъ всякой фальши и пошлости, направить свое вниманіе на задачи, достойныя сорьезнаго творчества. Порвавъ съ рутиной,—горестно оправдывается г. Волынскій,—они должны были показать въ своей работѣ особенную вдумчивость и то броженіе самостоятельной мысли, которое отчасти искупаетъ пробѣлы непосредственнаго творчества». А вмѣсто того получилось, какъ извѣстно, «совсѣмъ напротивъ»,—читатели разбѣжались, а декаденты весьма недвусмысленно обругали своего прежняго руководителя и покровителя, устами г. Минскаго открещиваясь отъ всякаго общенія съ нимъ. Г. Волынскій не остался въ долгу, какъ мы видѣли, но дѣло его отъ этого ничего не выиграло. И стоитъ г. Волынскій, какъ покрививщійся столбъ на покинутой дорогѣ, свидѣтельствуя своей «мозговой линіей» объ одной изъ извилинъ, на которыя разбилось въ девяностыхъ годахъ теченіе русской жизни.

Нѣсколько другихъ извилинъ того же періода девяностыхъ годовъ прослѣживаетъ г. Михайловскій во второмъ томѣ своихъ «Воспоминаній». О первомъ намъ уже приходилось говорить, и какъ читатели, быть можетъ, помнятъ, главный интересъ его заключался именно въ воспоминаніяхъ автора, относящихся къ 70-мъ годамъ. Второй томъ преимущественно посвященъ «Современной смутѣ», представителями которой являются въ настоящемъ томѣ декаденты, народники лагеря Юзова и г. В. В., ницшеанцы и—марксисты, въ лицѣ г. Струве. Надо замѣтить, что статьи этого тома относятся только къ двумъ годамъ—1893 и 1894, почему марксизмъ затронутъ лишь слегка, по поводу появившейся въ концѣ 1894 г. книги г. Струве «Критическія замѣтки по вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи». Но о декадентахъ, символистахъ и Ницше достаточно—цѣлый рядъ статей, почти половина увѣсистаго тома. Въ журнальной литературѣ никто не знакомилъ читателей съ этимъ явленіемъ такъ подробно и обстоятельно, какъ г. Михайловскій, давшій въ этихъ статьяхъ подробную исторію возникновенія и развитія декадентства и ницшеанства. Авторъ выступаетъ крайнимъ противникомъ обоихъ направленій, что не мѣшаетъ ему относиться къ нимъ въ высшей степени объективно и строгонаучно. Читатель не встрѣтитъ здѣсь ни буренинскаго зубоскальства, ни тупого злорадства, ни полемическаго задора, получивъ въ то же время очень полное и яркое представленіе о многихъ сторонахъ обоихъ направленій.

Въ своемъ пониманіи новыхъ теченій авторъ далекъ отъ безусловнаго ихъ осмѣянія и выдѣляетъ то «зерно правды», которое несомнѣнно въ нихъ находится. Отдѣливъ рѣзкой чертой все нелѣпое, смѣшное, уродливое и разсчитанное на эффектъ скандала, г. Михайловскій говоритъ: «Съ художественной стороны, символизмъ, поскольку въ немъ есть зерно правды, представляетъ собою реакцію противъ «натурализма» и «протоколизма» Зола съ братіей. Со стороны философской, поскольку можно говорить о ней въ примѣненіи къ людямъ, весьма мало свѣдущимъ и совершенно безпорядочно мыслящимъ, онъ реагируетъ противъ послѣдней крупной философской системы, выставленной Франціей—противъ позитивизма. Идеи, вырабатываемыя, а иногда только перерабатываемыя Франціей, имѣютъ ту особенность, что они быстро и шумно распространяются далеко за ея предѣлы и овладѣваютъ чуть не всѣмъ міромъ. Такъ было и съ позитивизмомъ въ научно-философской области и потомъ съ натурализмомъ въ области художественной. Реакція противъ односторонности, сухости и узости этихъ доктринъ естественно должна была въ той же

Франціи принять наиболѣе острый характеръ, и уже оттуда распространиться, какъ изъ центра, къ периферіи... Задача состояла и по сейчасъ состоитъ для Франціи въ религіозномъ объединеніи разума, чувства и воли, въ такомъ расположеніи системы все растущихъ знаній, чтобы при этомъ получало удовлетвореніе и нравственное чувство; чтобы, далѣе, это нравственное чувство, въ союзѣ со знаніемъ, съ наукой, проникало человѣка до полной невозможности поступать несогласно съ указаніями нравственнаго чувства. Въ этомъ и смыслъ, и задача всякой религіи. Религіозное чувство есть тотъ великій дѣйственный элементъ, безъ котораго мертва и наука, и нравственная доктрина... Во всякомъ случаѣ, они (символисты) противопоставили протоколу—символы, непреоборимости естественнаго хода вещей—мистицизмъ, грубымъ штрихамъ натуралистической поэзіи—разныя ухищренныя тонкости» (стр. 48—49).

Въ другой статьѣ, посвященной тому же символизму, онъ говоритъ: «Что касается символистовъ, то въ ихъ «возстаніи» надо различать нѣсколько сторонъ. Надо имъ, прежде всего, отдать справедливость,—они поняли или почуяли всю антихудожественность чрезмѣрной детальности протокализма, доходящей, напр., въ «Нана», до описанія кончика рубашки. Не только нѣтъ надобности, но нѣтъ и возможности угнаться за всѣми мелочами какъ въ описаніи внѣшней обстановки дѣйствія, такъ и въ изображеніи душевныхъ движеній дѣйствующихъ лицъ. Картина художника тѣмъ и отличается отъ фотографіи, что не предоставляетъ вниманію зрителя расплываться по всѣмъ подробностямъ, а сосредоточиваетъ его на выдающихся характерныхъ моментахъ, предоставляя воображенію зрителя дополнить остальное. Практическій вопросъ рѣшается, конечно, степенью таланта, чувства мѣры и ширины горизонта художника; но символисты несомнѣнно правы въ той своей исходной точкѣ, что извѣстная доля работы собственнаго воображенія зрителя, слушателя, читателя составляетъ одно изъ условій эстетическаго наслажденія. Это не мѣшаетъ, разумѣется, большому таланту ставить воображенію читатателя или зрителя извѣстныя границы или давать извѣстное направленіе, властно «наводить» его, «внушать» ему то, что онъ, большой талантъ, внушить хочетъ. Два-три штриха великаго художника могутъ оживить передъ читателемъ цѣлую картину и возбудить въ немъ соотвѣственное настроеніе. Эти-то два-три штриха символисты и провозглашаютъ, подъ именемъ символа, своимъ девизомъ. Но дѣло въ томъ, что въ этомъ смыслѣ все искусство символично, и чѣмъ крупнѣе художникъ, тѣмъ больше его способность символизировать событія или лица, т.-е. въ немногихъ сравнительно чертахъ улавливать ихъ истинный, глубокій смыслъ. У самого Зола, какъ у даровитаго художника, хоть въ той же «Нана», напр., конецъ романа—смерть героини подъ акомпаниментъ уличныхъ криковъ: «à Berlin! à Berlin!»—можетъ быть названъ вполнѣ символическимъ... Протоколистъ Зола оказался, въ этомъ случаѣ, въ качествѣ даровитаго художника символистомъ, если ужъ нужно это новое слово для обозначенія очень старой вещи. Символисты, конечно, хорошо сдѣлали, что напомнили эту старую вещь, потому что литература, и не только французская, уже слишкомъ переполнилась плоскодонными произведеніями, въ которыхъ единичный, не обобщенный фактъ, анекдотъ, случай, всякій житейскій пустякъ самъ себѣ довлѣетъ и заносится въ протоколъ, безъ вниманія къ общему смыслу жизни» (стр. 78—80).

Наткнувшись на приведенное мѣсто, мы испытали нѣкоторое удовлетвореніе. Въ началѣ этого года, говоря о разныхъ современныхъ теченіяхъ въ литературѣ, мы отмѣтили, между прочимъ, и символизмъ, какъ сильнѣе другихъ проявившійся, причемъ высказали нѣкоторыя соображенія о причинахъ возникновенія и оживленія символизма, какъ направленія, имѣющаго будущность. Если не то же, что говоритъ почтенный авторъ «Литературной смуты», то близкое къ его «зерну правды»—высказали и мы. Правда, мы не гово-

рили категорически противъ символизма, находя, что его здоровое начало переживетъ и подавитъ тѣ болѣзненныя и уродливыя проявленія декадентства, которыя смѣшиваютъ до сихъ поръ въ одну кучу съ символизмомъ его противники. Нужно при томъ замѣтить, что цитируемыя статьи г. Михайловскаго писаны имъ въ 1893 г., и за протекшія семь лѣтъ грань между декадентствомъ и собственно символизмомъ значительно опредѣлилась. Никто теперь не поставитъ рядомъ Ибсена и Метерлинка, Гауптмана и г. Минскаго съ его курьезной «Альмой», или г. Врубеля и тѣхъ молодыхъ художниковъ, о которыхъ мы говорили въ послѣднемъ обзорѣ весеннихъ выставокъ. Многократно подчеркивая всѣ уродливости и смѣшныя стороны въ твореніяхъ доморощенныхъ декадентовъ, мы съ симпатіей относились и относимся къ тому здоровому зерну, которое отличаетъ въ современномъ символизмѣ г. Михайловскій, и думаемъ, что теперь едва-ли возможно смѣшеніе декадентскихъ крайностей съ символическимъ направленіемъ, особенно въ живописи, гдѣ оно проявилось съ талантомъ и силой. Такова наша точка зрѣнія на символизмъ, за которую еще недавно нѣкій, болѣе строгій, чѣмъ основательный, полемистъ «разносилъ» насъ, какъ за еретическія воззрѣнія въ искусствѣ и склонность къ символизму. Справившись съ критическими статьями г. Михайловскаго, онъ увидѣлъ бы, что въ нашей ереси не такъ ужъ много еретическаго, даже съ точки зрѣнія ортодоксіи того журнала, въ которомъ онъ ратоборствуетъ.

Не менѣе, если не болѣе интересны три статьи о Ницще, появленіе которыхъ въ отдѣльномъ изданіи именно теперь оказалось очень своевременнымъ. Смерть Ницше, скончавшагося 12-го августа, несомнѣнно, оживитъ литературу о немъ, и изложеніе нѣкоторыхъ главныхъ взглядовъ этого оригинальнаго философа, сдѣланное г. Михайловскимъ съ обычной ясностью и простотой, поможетъ многимъ разобраться въ противорѣчивыхъ отзывахъ о Ницще и его послѣдователяхъ. Для однихъ, напр., Макса Нордау, вся его философія — просто бредъ сумасшедшаго, для другихъ — это послѣднее слово мудрости. Г. Михайловскій указываетъ на это, какъ на результатъ массы противорѣчій, заключающихся въ произведеніяхъ Ницше, не давшаго ничего цѣльнаго въ смыслѣ строго продуманной философской системы. Въ немъ свѣтъ и тѣни не смѣшаны гармонично, но рѣзко разграничены, отчего, по вѣрному выраженію автора, «этотъ свѣтъ сіяетъ ярче прочихъ признанныхъ свѣтилъ, а эти тѣни чернѣе чернаго».

Для конца XIX в. во всякомъ случаѣ эта фигура одна изъ самыхъ характерныхъ. Онъ представитель крайняго индивидуализма. Въ Ницше какъ бы сосредоточенъ протестъ противъ всего «общаго», срединнаго, противъ житейской пошлости, съ ея уравновѣшенностью и самодовольствомъ, и даже больше. «Ницше,— говоритъ г. Михайловскій, — не хочетъ того спокойнаго житія, которое дается опредѣленнымъ «міросозерцаніемъ» и даже «міропониманіемъ», если при этомъ чувства, страсти и воля подавлены, заглушены. Онъ хочетъ жить полною жизнью, имѣть съ окружающимъ міромъ общеніе всѣми сторонами своей личности, которая есть и должна быть существомъ единовременно мыслящимъ, чувствующимъ и дѣйствующимъ, въ особенности дѣйствующимъ. Въ современной наукѣ о жизни, біологіи, его оскорбляетъ растущее господство идеи «приспособленія», такъ какъ она «скрадываетъ основное понятіе жизни, понятіе активности». Разсуждая «о пользѣ и вредѣ исторіи для жизни», онъ посвящаетъ нѣсколько оригинально блестящихъ страницъ критикѣ ходячаго «объективизма», усваивая ему девизъ — fiat veritas, pereat vita и доказывая, что кромѣ умаленія vitae, при этомъ получается и по малой мѣрѣ двусмысленная veritas. Умаленіе личнаго достоинства и личной иниціативы, замѣчаемое имъ въ современной цивилизаціи, Ницше приписываетъ въ значительной степени чрезмѣрному преобладанію исторической точки зрѣнія, воспитывающему индифферентизмъ и преклоненіе предъ фактомъ...

—

«Въ самомъ себѣ ощущая потребность полной, яркой жизни и взывая къ ней въ другихъ, Ницше естественно становится во враждебныя отношенія къ пессимизму и аскетизму. Его философія есть веселая наука. Но это отнюдь не оптимизмъ въ смыслѣ увѣренности въ благополучномъ теченіи человѣческихъ дѣлъ. Ницше вѣритъ въ «великія возможности», заключенныя въ человѣкѣ, но полагаетъ, что это именно только возможности, которыми современное человѣчество не пользуется, которыхъ оно даже не сознаетъ и для воплощенія которыхъ въ дѣйствительности нужна дѣятельность, работа, борьба. «Развѣ я счастія ищу?—говоритъ Заратустра,—я ищу дѣла». Иначе говоря, счастіе, не заработанное личными усиліями, а подаренное—судьбой ли, самодовлѣющимъ ли историческимъ процессомъ, не имѣетъ для Ницше цѣны, не есть даже счастіе. И наоборотъ, при сознаніи и чувствѣ правоты своего дѣла, не страшно и несчастіе въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова, не страшна даже гибель... Вѣнецъ человѣческой жизни есть личное творчество, чѣмъ бы оно ни грозило въ результатѣ.

«Все это, изложенное мѣстами языкомъ явно душевно-больного, но мѣстами съ удивительною силою и блескомъ, Ницше имѣлъ право назвать несвоевременнымъ, несовременнымъ. Наше время представляетъ удивительное зрѣлище, преисполненное противорѣчій. Никогда еще человѣкъ не былъ такъ силенъ и такъ слабъ въ одно и то же время. Наука дѣлаетъ гигантскіе шаги въ смыслѣ пониманія природы и утилизаціи ея силъ. Такъ, естественный ходъ вещей, который отдѣлилъ материки океанами, установилъ дневной свѣтъ и ночную тьму, опредѣлилъ распространеніе свѣта и звука и проч., всѣ эти коренныя, исконныя явленія природы человѣкъ покорилъ своимъ творчествомъ и приспособилъ ихъ къ своимъ интересамъ. И что еще ждетъ насъ на этомъ пути! Но въ то же время все съуживается и съуживается поле человѣческаго творчества въ сферѣ ближайшихъ, междуличныхъ, общественныхъ отношеній. Жизнь идетъ своимъ чередомъ, люди любятъ и ненавидятъ, производятъ, торгуютъ, воюютъ, творятъ въ повседневной жизни добро и зло, правду и неправду, побѣждаютъ и страдаютъ, погибаютъ. Спеціальныя отрасли знанія, имѣющія отношеніе къ этой пестрой и шумной картинѣ, предлагаютъ свои, часто противорѣчивые, рецепты желающимъ ими руководствоваться,—ту или другую систему воспитанія юношества, ту или другую финансовую систему, тотъ или иной государственный строй, ту или иную торговую политику, и т. д. Всѣ эти рецепты имѣютъ цѣлью извѣстнымъ образомъ направить общественныя отношенія къ благу, какъ кто его понимаетъ. Но жизнь ихъ мало слушается и движется больше ощупью, по линіямъ наименьшаго сопротивленія интересовъ и страстей. Однако, мы видимъ здѣсь, по крайней мѣрѣ, увѣренность, иногда даже слѣпую увѣренность, что русло жизни можетъ быть человѣческимъ творчествомъ и углублено, и завалено балластомъ, и отведено въ сторону, словомъ, приспособлено къ извѣстнымъ требованіямъ разума и совѣсти. Не то въ высшихъ теоретическихъ обобщеніяхъ современности. Тутъ уже прямо рѣчь идетъ не о приспособленіи обстоятельствъ, а о приспособленіи къ обстоятельствамъ, къ естественному ходу вещей, къ стихійному процессу борьбы за существованіе, или перехода отъ однороднаго къ разнородному, или исторической необходимости, или смѣны формъ производства и обмѣна. Тотъ или иной стихійный процессъ представляется непреоборимымъ, и человѣку какъ пассивному его продукту, остается только къ нему приспособить свой разумъ и совѣсть, признать его не только естественнымъ, какъ естественно, напр., распредѣленіе суши и воды на землѣ, но и разумнымъ, и справедливымъ, не только фактически, но и принципіально неприкосновеннымъ. При этомъ образъ человѣка-творца, столь яркій, когда дѣло идетъ о техническихъ изобрѣтеніяхъ, побѣждающихъ пространство и время, стушевывается, блѣднѣетъ. Это-то общая блѣдность и оскорбляетъ Ницше,

внушая ему гнѣвныя и саркастическія, но не пессимистическія рѣчи. Онъ вѣритъ въ «великія возможности», но если бы таковыя и не осуществились, онъ предлагаетъ людямъ противопоставить себя роковымъ силамъ, хотя бы съ трагическимъ исходомъ; покоряясь стихійнымъ процессамъ въ мѣру ихъ дѣйствительной непреоборимости,—не возводить факта въ принципъ, а подняться надъ стихійнымъ процессомъ, какъ бы кто его ни понималъ, найти мѣрило добра и зла «по ту сторону добра и зла»... Приглашая насъ стать «jenseits von Gut und Böse», Ницше разумѣетъ не добро и зло само по себѣ, а современныя понятія о нихъ...

Ницше критикуетъ какъ теченія современной философской мысли, такъ и современныя формы общежитія, реальныя и идеальныя, мечты о будущемъ и утопіи, которыя растутъ все-таки на почвѣ современной дѣйствительности. Присматриваясь къ тѣмъ научно-практическимъ рецептамъ, о которыхъ мы только что говорили и которыя такъ или иначе стремятся приспособить человѣческія отношенія къ требованіямъ разума и совѣсти, Ницше замѣчаетъ, что если не всѣ они, то громадное большинство ихъ не соотвѣтствуетъ его исходной точкѣ—личности, какъ самоцѣли, не могущей быть униженной до степени средствъ. Вмѣсто интересовъ и достоинства личности центромъ тяжести ихъ являются интересы и достоинства, какъ Ницше выражается, «общины, стада», вообще какой-нибудь формы общежитія, обращающей личность въ свою служебную функцію. Ницше не даетъ систематической картины этой борьбы формъ общежитія съ личностью, да и сосредоточивается почти исключительно на вопросахъ морали. Но въ этой области Европа давно не слыхала такого смѣлаго рѣзкаго голоса».

Этотъ рѣзкій протестъ противъ подавленія личности привлекъ къ Ницше массу послѣдователей изъ самыхъ, повидимому, различныхъ категорій. И демократическіе, и консервативно настроенные люди, и декаденты, и ихъ противники признали во многихъ его положеніяхъ истину. Его аристократическое презрѣніе къ «черни», его восхваленіе сильной, жестокой и самодовлѣющей личности привело въ восхищеніе въ особенности декадентовъ, которые не усмотрѣли одного, что эгоизмъ Ницше ничего общаго не имѣетъ съ жиденькимъ самоуслажденіемъ, проповѣдуемымъ декадентствомъ. Его эгоистъ прежде всего борецъ, презирающій спокойствіе, онъ весь въ дѣйствіи и въ стремленіи, безъ чего не мыслима полная жизнь, наслажденіе всей «совокупностью жизни». Его аристократическій «сверхъ человѣкъ» очень пришелся по вкусу разнымъ господамъ, увидѣвшимъ въ немъ какъ бы оправданіе своего презрѣнія къ народной массѣ, хотя Ницше еще больше презираетъ чернь «во фракахъ», чѣмъ въ рабочей блузѣ. Но и демократы увлеклись критикой Ницше, направленной противъ современныхъ формъ общежитія, хотя идеалъ Ницше это—господство «сверхъ-человѣка» надъ массами, которыя въ силу своего ничтожества вынуждены ему подчиниться. Эти «сверхъ-человѣки» представляютъ лучшее, что создала человѣческая исторія. Это—«раса господъ-побѣдителей», которыхъ теперь Ницше не видитъ въ окружающемъ современномъ обществѣ, но надѣется, что они явятся, должны явиться, чтобы очистить атмосферу лжи и лицемѣрія, созданную слабыми и ихъ моралью рабовъ.

Свой анализъ философіи Ницше авторъ заканчиваетъ очень интереснымъ выводомъ, что Ницше выпало на долю «быть философскимъ выраженіемъ всего цивилизаціей непристроеннаго, оскорбленнаго, озлобленнаго, всѣхъ сиротъ и отбросовъ, хотя, конечно, не для всѣхъ сиротъ и отбросовъ обязательна та жажда власти, которою страдалъ самъ Ницше и которую онъ считалъ кореннымъ свойствомъ человѣческой природы вообще».

Какой же идеалъ ставитъ онъ для борьбы всѣмъ этимъ недовольнымъ и обойденнымъ? «Общество, общежитіе есть фактъ необходимый, неизбѣжный,

но имѣющій свои хорошія и дурныя стороны. Судя по первоначальной исходной точки Ницше—святости личности—можно было бы подумать, что онъ своеобразно примкнетъ къ общей задачѣ вѣка: найти такую общественную форму, которая гарантировала бы полный возможный расцвѣтъ личности... Но Ницше остановился, какъ на общественномъ идеалѣ, на такомъ общественномъ строѣ, который способствовалъ бы выработкѣ «сверхъ-человѣка» насчетъ человѣка, иначе говоря, какой-то аристократіи насчетъ массы. Никакой однако нравственной распущенности онъ этой аристократіи не предоставлялъ; напротивъ, она должна, по его мнѣнію, въ свою очередь, подчиниться строжайшей нравственной дисциплинѣ для выработки изъ себя новой, еще высшей аристократіи. Демократическія теченія нашего времени естественно представлялись ему препятствіемъ на этомъ пути, и потому онъ обливалъ своимъ презрѣніемъ массы, требующія отъ обществъ больше, чѣмъ оно, по его мнѣнію, должно имъ предоставить, имѣя въ виду свою главную цѣль—выработку «сверхъ-человѣка». Всѣ его разговоры о красотѣ «бѣлокураго животнаго», о жестокости и злобѣ относятся къ невозвратному прошлому, къ «генеалогіи морали», и если онъ настаиваетъ на рабскомъ происхожденіи «доброты» и на упадкѣ человѣчества, какъ на ея результатѣ, то это лишь въ тѣхъ видахъ, чтобы отвлечь заботливость общества отъ слабыхъ и больныхъ и привлечь ее къ сильнымъ и здоровымъ, изъ среды которыхъ можетъ выработаться «сверхъ-человѣкъ».

Въ изложеніи г. Михайловскаго, какъ видятъ читатели, Ницше выступаетъ въ очень симпатичномъ освѣщеніи, хотя авторъ вездѣ указываетъ и противорѣчія, и дикія увлеченія, въ родѣ прославленія «бѣлокурой бестіи», и его нападки на женщину, и т. п. Для ознакомленія съ этой оригинальной личностью статьи г. Михайловскаго можно смѣло рекомендовать, тѣмъ болѣе, что другого такого подробнаго и тщательнаго анализа не существуетъ въ нашей литературѣ. Какъ подготовка къ чтенію произведеній Ницше, которыя вскорѣ ожидаются и на русскомъ языкѣ, эти статьи могутъ быть очень полезны.

Статьями о декадентствѣ и Ницше далеко еще не исчерпывается разнообразное содержаніе второго тома, но мы остановились исключительно на декадентахъ и ницшеанствѣ, какъ на болѣе яркихъ представителяхъ той «смуты», о которой говоритъ авторъ. Одну изъ этихъ статей онъ заканчиваетъ, между прочимъ, надеждой, что «перемелется—мука будетъ. Будемъ надѣяться, что мы переживаемъ переходное время, предѣлъ которому наступитъ тогда, когда сіи, несущіяся теперь съ сѣвера, юга, запада и востока теченія, взаимно обуздавъ другъ друга, сольются въ желанное единовѣріе, небывалое по своей многосторонности и цѣльности». Прошло почти семь лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ были сказаны эти слова, и можно думать, что отчасти надежды г. Михайловскаго сбываются. За это время мы уже пережили и расцвѣтъ русскаго декадентства, отцвѣтшаго также скоропалительно, какъ и расцвѣло, и обостреніе народнической борьбы съ марксизмомъ, перешедшее въ болѣе вдумчивое отношеніе къ русской дѣйствительности, и первое увлеченіе ницшеанствомъ, и многое другое. Если все это еще не дало настоящей муки, то все же подвинуло насъ къ тому многостороннему и цѣльному единовѣрію, которое провидитъ въ будущемъ уважаемый авторъ.

Правда, на смѣну старымъ идутъ новыя смуты, какъ оно и должно быть въ вѣчно живомъ и подвижномъ теченіи жизни. Но смута смутѣ рознь, и, напр., современная китайская вызвала на поверхность нѣчто изумительное. Когда-то славянофилы говорили пространно и велерѣчиво о провиденціальной роли Россіи объединить все славянство, противопоставляемое остальное Европѣ, но не выдѣляли Россіи изъ круга этой Европы. Теперешняя пародія на славянофильство пошла еще далѣе, и устами гг. Суворина и Ухтомскаго навязы-

ваетъ этой Россіи совсѣмъ уже сказочную роль—объединеніе всей Азіи подъ русскимъ главенствомъ, какъ противовѣсъ остальному цивилизованному міру. Г. Суворинъ додумался до тройственнаго союза Турція—Россія—Китай, кн. Ухтомскій въ брошюркѣ «Къ событіямъ въ Китаѣ» предлагаетъ порвать всѣ связи съ Западомъ и уйти въ Азію, гдѣ и находитъ истинное назначеніе Россіи. Ибо «тамъ за Алтаемъ и за Памиромъ, та же неоглядная, не изслѣдованная, никакими еще мыслителями не сознанная до-петровская Русь съ ея непочатой ширью преданія и неизсякающей любовью къ чудесному, съ ея смиренной покорностью насылаемымъ за грѣховность стихійнымъ и прочимъ бѣдствіямъ, съ отпечаткомъ, наконецъ, строгаго величія на всемъ духовномъ обликѣ».

«Родная и близкая намъ по духу Азія»—вотъ что умиляетъ нынѣ эпигоновъ славянофильства, и какъ ни курьезна эта новѣйшая романтика въ азіатскомъ вкусѣ, но въ ней чувствуется нѣчто, имѣющее отношеніе къ текущей дѣйствительности, какой-то отголосокъ глубоко затаенныхъ вожделѣній и лелѣемыхъ про себя мечтаній. Азія—это общій застой и на немъ разгулъ произвола, дикихъ хищеній и оргія животныхъ страстей для тѣхъ, кто захватилъ въ свои руки власть. Азія—это вѣковѣчная тьма народовъ, позоръ и униженіе человѣческой личности, полное подавленіе всего, чѣмъ гордится современная цивилизація. какъ самымъ лучшимъ своимъ достояніемъ,—свободы, науки и просвѣщенія. Князь Ухтомскій усматриваетъ въ этомъ единое для насъ и Азіи. «Разъ—говоритъ онъ, что понятія «Россія» и «Востокъ»,—подразумѣвая подъ послѣднимъ совокупность культурныхъ особенностей ислама, браманизма, буддійскихъ развѣтвленій, конфуціанства и т. п., поставлены исторіософами въ одну органически цѣльную группу жизненно стойкихъ народовъ,—ихъ одинаково рѣзкое отличіе отъ западныхъ націй съ ихъ минувшимъ и настоящимъ ясною истиною мало-по-малу выяснится всякому безпристрастному наблюдателю». Въ чемъ же видитъ авторъ это рѣзкое «отличіе» отъ Запада, сближающее Россію съ Азіей въ единое цѣлое?

Онъ проводитъ рядъ параллелей между Россіей, Индіей и Китаемъ. Монголы во время оно покорили эти три страны. «И тамъ, и тутъ результатъ подобнаго вторженія и вліянія грубыхъ началъ на основы государственнаго строя и народнаго быта привелъ къ невольному самоуглубленію и неисчерпаемый по составу браминскій міръ, и, наше отягченное «ношей крестною», многострадальное великорусское племя». Мы свергли монгольское иго, индусамъ помѣшали англичане. «Всѣ тѣ бѣды, которыя могли насъ ожидать, если бы Россія, полтораста лѣтъ назадъ, шагнувъ на пути прогресса, не высвободилась рѣшительно и безповоротно изъ-подъ непрошенной опеки заграничныхъ авантюристовъ (?),—всѣ эти бѣды обрушились на несчастную родину буддизма.» Только и всего, что не мѣшаетъ автору признать нашу «духовную» связь съ индусами и увѣрять, что они ужасно похожи даже физически на русскихъ мужиковъ. Даже слова «шуба» и «шугай» у нихъ, и у насъ одинаковы. Должно быть князю Ухтомскому неизвѣстно родство арійскихъ языковъ. Мало того, наши раскольники—самосожигатели и «тюкальщики» прошлаго вѣка — это прямые братья индійскихъ туговъ. Развѣ этого недостаточно для признанія родства нашего съ индусами? Отсюда уже одинъ шагъ до заявленія, что Калькутта и Петербургъ—едино суть. «Вмѣщая тысячи представителей образованной въ англійскомъ духѣ брамино магометанской страны, Калькутта столь же типично олицетворяетъ въ извѣстномъ отношеніи весь еще дремлющій полуостровъ, какъ «градъ царя Петра», наполненный учащимися у Европы, все сознательнѣе и разумнѣе опредѣляетъ собою славяно-инородческій восточный міръ, выступающій рѣзкой, но еще весьма хаотической противоположностью государствамъ западнаго типа (съ иной организаціей, съ иной культурой). На

сколько они отличаются ясно выразившимся прошедшимъ, на столько Русь и органически съ ней связанный Востокъ—область будущаго».

Столько о родствѣ съ Индіей. Что касается Китая, то наше родство съ нимъ еще нагляднѣе. Оказывается, что пока разные европейцы «хищнически» завоевываютъ Азію, «Китай на стражѣ своихъ и безсознательно на стражѣ русскихъ интересовъ и змѣиной хитростью отстаивается, копитъ силы противъ заморскаго врага, тоскливо озирается на безмолвный Сѣверъ, — единственное государство, откуда воспитанная въ принципахъ самодержавія страна богдыхановъ можетъ и привыкла ждать нравственной опоры, безкорыстной помощи, фактическаго союза на почвѣ взаимныхъ интересовъ». Слова эти получаютъ особую убѣдительность теперь, послѣ разгрома манджурской линьи и нападенія китайцевъ на всю Амурскую границу. Далѣе, идутъ туманныя разглагольствованія на тему о любви китайцевъ къ русскимъ, въ которыхъ они видятъ чуть-ли не братьевъ, о томъ, что и мы «съ дѣтства привыкли видѣть въ Китаѣ что то тѣсно съ нами связанное и духовно гораздо болѣе близкое, чѣмъ надменная Западная Европа». Откуда сіе, на чемъ основано такое категорическое утвержденіе,—неизвѣстно. Авторъ ставитъ его какъ аксіому. А выводъ изъ всего этого тотъ, что «Азія—вотъ истинное призваніе Россіи». «Въ Азіи для насъ, въ сущности, нѣтъ и не можетъ быть границъ, кромѣ необузданнаго, какъ и духъ русскаго народа, свободно плещущаго у ея береговъ необъятнаго синяго моря.»

Откинувъ всю ложь и самохвальство на счетъ нашей «непреоборимости», „смиренномудрія» и прочихъ сомнительныхъ добродѣтелей, получается странная и въ своемъ родѣ чисто китайская картинка. Въ то время, какъ по всей амурской границѣ китайцы самымъ ощутительнымъ образомъ доказываютъ свою любовь къ русскимъ, а подъ Пекиномъ тѣ же русскіе должны огромными усиліями спасать своихъ соотечественниковъ, измѣннически захваченныхъ китайцами, гг. Суворинъ и Ухтомскій, сидя у себя въ кабинетѣ, силятся убѣдить своихъ читателей, что это все ничего, а что на самомъ дѣлѣ мы и китайцы—лучшіе люди и самые искренніе друзья. Если бы эти мудрецы говорили, что у насъ съ Китаемъ есть пока еще много общаго, особенно по части порядковъ, то едва-ли кто сталъ бы имъ возражать, но когда они указываютъ на китайщину, какъ на идеалъ для Россіи, то это прямо комично. Всѣ прочіе европейцы эксплуатируютъ Азію, стараются завоевать частичку ея для собственной пользы. Только мы, русскіе, безкорыстно жертвуемъ собой для пользы Азіи. Въ чемъ же это видно? Мы завоевали Сибирь и Среднюю Азію, отняли у Китая Амурскую область, а недавно еще пріобрѣли кусочекъ Ляодунскаго полуострова. Но это еще ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что мерещится распаленному воображенію князя: не должно быть для русскихъ иныхъ границъ, кромѣ Великаго океана, т.-е. захватить всю Азію, что-ли? Когда его вопрошаютъ, къ чему намъ сіе? «Мы и теперь уже расползлись и разрослись до чудовищныхъ размѣровъ въ ущербъ дѣлу управленія государствомъ и прямо во вредъ коренному населенію». Онъ отвѣчаетъ, что «для всероссійской державы иного исхода нѣтъ, или стать тѣмъ, чѣмъ она отъ вѣка призвана быть (міровою силою, сочетающею Западъ съ Востокомъ), или безславно и незамѣтно пойти по пути паденія, потому что Европа сама по себѣ насъ въ концѣ концовъ подавитъ внѣшнимъ превосходствомъ своимъ, а не нами пробужденные азіатскіе народы для русскихъ современемъ будутъ еще опаснѣе, чѣмъ западные иноплеменники».

Такова программа новой политики, которую можно назвать азіатской во всѣхъ смыслахъ. Союзъ съ Азіей и — горе Западу! Какъ одинъ изъ директоровъ русско-китайскаго банка, князь Ухтомскій правъ, желая пріобщенія Китая и всего прочаго. Но русскому государству, коророму уже теперь при-

ходится повышать пошлины на многіе предметы, чтобы покрыть огромные расходы по китайской экспедиціи,—такая программа едва ли выгодна.

Впрочемъ, мы вовсе не имѣли въ виду вдаваться въ критику патріотическихъ проектовъ кн. Ухтомскаго. Намъ хотѣлось только отмѣтить, въ какія дебри постепенно забираются, такъ называемые, наши охранители. При всей химеричности бредней гг. Суворина, Ухтомскаго и К°, въ нихъ несомнѣнно чувствуется нѣкая «подоплека», выражаясь на языкѣ народниковъ. «Подоплека» эта заключается въ скрытомъ тяготѣніи къ азіатчинѣ и открытой ненависти къ цивилизаціи, при которой не такъ-то легко обдѣлывать свои дѣлишки господамъ охранителямъ. Разсматриваемые съ этой точки зрѣнія, проекты гг. Суворина и Ухтомскаго получаютъ особый смыслъ и значеніе, какъ показатели того шага назадъ, какой сдѣлало общественное сознаніе за послѣдніе годы. Ни г. Суворинъ, ни Ухтомскій не рѣшились бы такъ сильно выступить съ разверстыми объятьями на встрѣчу Китаю, если-бы не чувствовали за собой извѣстнаго общественнаго теченія.

Но наши доморощенные «азіаты» могутъ сильно запоздать, и съ союзомъ «Турція—Россія—Китай» — имъ надо торопиться. И въ Турціи, и въ Китаѣ лучшіе элементы народа борются какъ разъ противъ того, что такъ прельщаетъ любителей азіатчины. Партія «младотурковъ» въ Турціи, партія реформъ въ Китаѣ, потерпѣвшая крушеніе годъ назадъ, но далеко не разбитая и отнюдь не уничтоженная, именно желаютъ пріобщить свой народъ къ европейской цивилизаціи, и, кто знаетъ, можетъ быть, нынѣшній взрывъ въ Китаѣ поведетъ къ такому же перевороту, какой тридцать лѣтъ назадъ совершился въ Японіи. Тогда, пожалуй, придется г. Суворина и кн. Ухтомскаго отправить въ Китай и Турцію для укрѣпленія тѣхъ азіатскихъ устоевъ, которые имъ такъ по душѣ. Въ подготовленности ихъ обоихъ къ этой миссіи мы ни мало не сомнѣваемся.

А. Б.

ВЛАДИМІРЪ СОЛОВЬЕВЪ.

«Національный вопросъ въ Россіи есть вопросъ не о существованіи, а о достойномъ существованіи» *).

«Россія велика и разныхъ почвъ въ ней много: отъ иной почвы быть оторваннымъ дай Богъ всякому. И что значитъ противоположеніе историческаго мечтательному, когда дѣло идетъ о народѣ живомъ не завершившемъ свою исторію, имѣющемъ, будущность? Россія, освобожденная отъ крѣпостного права, была Россіей мечтательной сорокъ лѣтъ тому назадъ, и тогдашніе предшественники г-на Страхова, утверждаясь на исторической почвѣ, произведшей Салтычиху и Аракчеева, злобно брюзжали на всякую мысль о человѣческихъ правахъ крестьянства, какъ на мечту безпочвенныхъ умовъ, создающихъ «крылатыя теоріи» въ безвоздушномъ пространствѣ. Такъ и добрюзжали до 19-го февраля 1861 г.» **).

Смерть Владиміра Соловьева должна отозваться глубокой скорбью въ сердцахъ тѣхъ, кому дороги судьбы русской общественной мысли и русскаго просвѣщенія. Умеръ крупный мыслитель и крупный писатель.

Владиміръ Соловьевъ былъ, несомнѣнно, первый по дарованіямъ и по оригинальности русскій философъ. Онъ выступилъ въ 70-хъ гг. противникомъ позитивизма и представителемъ идеалистической метафизики. Идеализмъ его имѣлъ основу не только метафизическую и религіозную (какъ цѣльное метафизическое міровоззрѣніе, идеализмъ неизбѣжно метафизиченъ, а метафизика съ этической окраской всегда религіозна), но и теологическую. Какъ живой носитель религіозныхъ убѣжденій, облеченныхъ, къ тому же, въ богословскій костюмъ, онъ представлялъ странное явленіе въ русскомъ обществѣ, которое, правда, не по своей винѣ, а въ силу цѣлаго ряда историческихъ условій, ни къ чему не относится такъ равнодушно, какъ къ религіи, и ничѣмъ не интересуется такъ мало, какъ богословіемъ. Существуютъ два идеализма. Одинъ—критическій; онъ отправляется отъ теоріи познанія и, пройдя чрезъ нее, либо останавливается въ раздумьѣ и сомнѣніи предъ метафизикой и не стучится въ ея двери, либо, повинуясь непобѣдимой для многихъ и самыхъ глубокихъ умовъ «метафизической потребности», преступаетъ грани опыта. Другой идеализмъ обходится безъ теоріи и критики познанія, и прямо вступаетъ въ міръ сверхопытнаго. Идеализмъ перваго типа связанъ съ именами Беркли, Канта, Шопенгауера, Лотце; идеализмъ второго типа—съ именами Фихте, Шеллинга, Гегеля. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Вл. Соловьевъ получилъ крещеніе отъ Шеллинга и Гегеля. Ихъ, а не Кантовъ духъ почилъ на немъ.

Мы сказали, что Соловьевъ былъ первымъ въ ряду русскихъ философовъ. Для состоянія русской философіи достаточно характерно, что мы мо-

*) Вл. Соловьевъ, «Національный вопросъ въ Россіи», вып. I (Спб. 1891), предисловіе, стр. V.

**) То же, вып. II, стр. 226.

жемъ смѣло признать его таковымъ по сравненію не только съ современниками, но и съ предшественниками. Но въ то же время эта характеристика не говоритъ ничего объ абсолютномъ значеніи покойнаго писателя. Скажемъ прямо и безъ обиняковъ, что—на нашъ взглядъ—онъ не былъ вовсе великимъ философомъ и что не философскія сочиненія и труды сами по себѣ должны составить его истинную славу. Для того, чтобы оставить очень крупный слѣдъ въ философіи, надо быть или великимъ поэтомъ въ метафизикѣ, поэтомъ понятій, по извѣстному выраженію Ланге, или обладать острымъ критическимъ умомъ, расчленяющимъ духовную дѣятельность человѣка, анатомирующимъ понятія, и раскрывающимъ ихъ смыслъ, значеніе и содержаніе. Ни того, ни другого не было дано Соловьеву. Онъ не обладалъ зиждущей силой Платона, Гегеля, Шопенгауера и вообще не былъ въ достаточной мѣрѣ творецъ, чтобы возвести великое и стройное метафизическое зданіе, эстетически законченное и обаятельное; онъ не былъ одаренъ критической остротой Беркли, Юма, Канта, Лотце, и вообще, по всему своему духовному складу, былъ недостаточно критическимъ умомъ, чтобы внести что-нибудь абсолютно новое и цѣнное въ научныя дисциплины философіи.

Но его идеалистическая философія совершила не прямо, а косвенно очень крупное дѣло, гораздо болѣе значительное, чѣмъ тѣ труды, которые доставили ему первенство среди русскихъ философовъ,—дѣло, ставящее его въ рядъ самыхъ первоклассныхъ русскихъ писателей. Въ лицѣ Соловьева философскій идеализмъ, съ не превзойденной ни раньше, ни позже силой, возсталъ противъ грубаго политическаго матеріализма, рядившагося въ идеалистическія слова, сорвалъ съ него личину и обличилъ его ложь. Мы говоримъ о тѣхъ философски-публицистическихъ статьяхъ Соловьева, которыя составили двухтомный сборникъ «Національный вопросъ въ Россіи» (Спб. 1891). Въ этихъ статьяхъ авторъ далъ поразительную критику стараго и новаго славянофильства и изображеніе его разложенія, его паденія до уровня «національнаго и политическаго кулачества» (подлинное выраженіе Соловьева). «Поклоненіе своему народу, какъ преимущественному носителю вселенской правды; затѣмъ, поклоненіе ему, какъ стихійной силѣ, независимо отъ вселенской правды; наконецъ, поклоненіе тѣмъ національнымъ односторонностямъ и историческимъ аномаліямъ, которыя отдѣляютъ нашъ народъ отъ образованнаго человѣчества, т.-е. поклоненіе своему народу съ прямымъ отрицаніемъ самой идеи вселенской правды—вотъ три постепенныя фазы нашего націонализма, послѣдовательно представляемыя славянофилами, Катковымъ и новѣйшими обскурантами» *). Противъ первой фазы—славянофильства—Соловьевъ выдвинулъ уничтожающія фактическія возраженія, второй и третьей фазѣ—Каткову и его преемникамъ—онъ противопоставилъ весь запасъ своего идеализма, своей вѣры въ объективныя и незыблемыя основы нравственнаго и общественнаго бытія, свой христіанскій идеалъ, съ точки зрѣнія котораго культъ силы и факта есть чистое идолопоклонство. Если Владиміръ Соловьевъ могъ написать:

«реакція противъ христіанской истины и противъ человѣческой культуры можетъ еще торжествовать въ общественной жизни, въ области тѣхъ или другихъ практическихъ вопросовъ. Но въ области мысли и сознанія—ея пѣсня спѣта. Здѣсь она исчерпала все свое содержаніе, сказала свое послѣднее слово и полной ясностью своей лжи утвердила истину» **),

— то заслуга смѣлаго и яснаго указанія этого знаменательнаго самораскрытія лжи и самоутвержденія истины принадлежитъ всего больше Владиміру Соловьеву. Этой заслугой онъ стяжалъ себѣ мѣсто среди классиковъ русской публицистики.

---

*) «Націон. вопр.», вып. 2-й. стр. 97.
**) «Націон. вопр.», вып. 2-й, стр. 121.

И нужно признать, что только такой философъ-идеалистъ, какъ Соловьевъ, могъ обличить идейную ложь «національнаго кулачества», рядившагося въ одѣяніе христіанства и идеализма. Только такой мыслитель могъ съ полнымъ правомъ отъ своего имени привлечь «идолопоклонство» къ суду идеализма и поставить его на очную ставку съ христіанскими началами.

Принадлежащая Соловьеву философская критика стараго и новаго славянофильства, это —цѣлый огромный слитокъ чистаго публицистическаго золота, который наши газетчики обязаны были бы вычеканить въ монету и пустить въ самый широкій оборотъ, если бы они—увы!—не предпочитали золоту самой малоцѣнной, но зато прибыльной лигатуры. И стыдно сказать: второй выпускъ «Національнаго вопроса», въ которомъ собраны самыя лучшія и самыя блестящія произведенія пера Соловьева, до сихъ поръ не дошелъ до 2-го изданія. Значитъ, это единственное въ своемъ родѣ въ русской литературѣ наставленіе къ истинному патріотизму и національному самоуваженію, написанное съ глубокимъ одушевленіемъ, энергичнымъ, благороднымъ и красивымъ языкомъ, доставляющимъ непосредственное эстетическое наслажденіе,—болѣе чѣмъ недостаточно извѣстно русской читающей публикѣ. Чѣмъ объяснить этотъ печальный фактъ,—мы не знаемъ.

Новѣйшая журнальная дѣятельность Соловьева, особенно ярко выразившаяся въ эффектныхъ разговорахъ «о прогрессѣ и концѣ всемірной исторіи» (въ «Недѣлѣ» и затѣмъ отдѣльной книжкой, Спб. 1900), не имѣетъ и тѣни того крупнаго общественнаго значенія, которымъ отмѣчена его публицистическая работа второй половины 80-хъ и начала 90-хъ гг. Въ послѣдніе годы вообще въ Соловьевѣ, очевидно, происходила крупная перемѣна: перестраивались прежніе замыслы и отодвигались на задній планъ прежнія задачи *). Онъ вновь усиленно обратился къ чисто философской работѣ. Быть можетъ, Соловьевъ былъ правъ въ этомъ; быть можетъ, въ качествѣ публициста, онъ уже сказалъ все, что могъ сказать, и исчерпалъ себя, тогда какъ философская работа его оставалась недовершенной и онъ въ этой области не получилъ еще субъективнаго удовлетворенія и не пріобрѣлъ еще сознанія объективной законченности своего труда; быть можетъ, наконецъ, такъ обстояло дѣло, по крайней мѣрѣ, пока, и Соловьевъ въ новыхъ философскихъ трудахъ искалъ и, въ концѣ концовъ, обрѣлъ бы новый свѣтъ, новыя возбужденія для публицистической работы. Кто знаетъ? Все это возможно, но все это не мѣняетъ того, что самымъ крупнымъ дѣломъ Соловьева была не его философская работа, блѣднѣющая и даже исчезающая передъ болѣе богатыми, яркими и глубокими умозрѣніями европейскихъ мыслителей, а его несравненная публицистика, послѣднее слово философскаго идеализма въ историческомъ спорѣ славянофиловъ и западниковъ. Это дѣло ставитъ имя Соловьева рядомъ съ именами классиковъ обоихъ классическихъ направленій русской общественной мысли. Съ внѣшней стороны его мѣсто въ этомъ славномъ сонмѣ характеризуется тѣмъ, что онъ самъ изъ лагеря славянофиловъ перешелъ въ лагерь западниковъ. Съ внутренней же стороны его мѣсто въ историческомъ спорѣ двухъ направленій опредѣляется тѣмъ, что онъ первый изъ западниковъ противъ націонализма выступилъ открыто съ исповѣданіемъ христіанства и широкаго, чисто платоновскаго идеализма. Въ этомъ состояло то новое, что онъ внесъ въ споръ, и та сила, которую онъ въ этомъ спорѣ обнаружилъ.

Итакъ, публицистика Соловьева во всѣхъ отношеніяхъ значительнѣе его философіи, но мы должны быть одинаково благодарны какъ публицисту, такъ и философу, ибо только оба вмѣстѣ могли совершить и совершили то крупное дѣло, о которомъ мы говорили выше. П. С.

---

*) См. его признанія въ предисловіи къ первому тому перевода «Твореній» Платона (Москва. 1899, стр. V).

ПАМЯТИ Г. А. ДЖАНШІЕВА.

...Какое сердце биться перестало!..

17-го іюля скончался въ Москвѣ Григорій Аветовичъ Джаншіевъ. Въ его лицѣ сошелъ со сцены убѣжденный человѣкъ, честный публицистъ, блестящій писатель, вѣрный другъ страждущихъ и угнетенныхъ. Смерть его не была неожиданностью для тѣхъ, кому извѣстно было состояніе здоровья почившаго, но всѣ привыкли къ тому, что Г. А. никогда не бывалъ здоровъ, всѣ считали и его послѣдній недугъ проявленіемъ обычной слабости организма, и самъ онъ ни на минуту не думалъ о томъ, что приближается конецъ, за нѣсколько часовъ до смерти бесѣдовалъ съ друзьями, шутилъ и добродушно подсмѣивался надъ ихъ тревогой. Судьба рѣшила иначе, и изъ небольшой семьи дѣятелей русскаго печатнаго слова выбылъ одинъ изъ лучшихъ членовъ.

Г. А. родился въ Тифлисѣ въ 1851 г., въ небогатой армянской семьѣ; двѣнадцатилѣтнимъ мальчикомъ былъ привезенъ въ Москву и отданъ въ Лазаревскій институтъ восточныхъ языковъ; блестяще окончивъ курсъ, онъ вступилъ въ Московскій университетъ по юридическому факультету, въ 1874 г. окончилъ высшее образованіе и тогда же взялся за перо. Первой его печатной статьей былъ отчетъ въ «Судебной Газетѣ». Вскорѣ онъ сошелся съ кружкомъ «Русскихъ Вѣдомостей», тѣсныя дружескія отношенія съ которымъ не прерывались у него до самыхъ послѣднихъ минутъ жизни; онъ состоялъ въ числѣ издателей газеты и былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ ея сотрудниковъ. Потомъ онъ сталъ работать въ журналахъ, главнымъ образомъ въ «Вѣстникѣ Европы» и въ «Русской Мысли», а въ послѣднее время нерѣдко помѣщалъ статьи и въ ежедневныхъ и еженедѣльныхъ изданіяхъ («Право», «Сѣверный Курьеръ», «С.-Петерб. Вѣд.» и др.). Болѣе крупныя статьи понемногу собирались въ отдѣльныя книжки. Таковы: «Страница изъ исторіи судебной реформы. Д. Н. Замятнинъ», «С. И. Зарудный и судебная реформа», «Основы судебной реформы», «Эпоха великихъ реформъ». Кромѣ того, имъ написаны два очерка, имѣвшихъ злободневный характеръ: «Веденіе неправыхъ дѣлъ» и «Судъ надъ судомъ присяжныхъ», рядъ путевыхъ набросковъ (одна серія: «Перлъ Кавказа» вышла недавно 4-мъ изданіемъ) и издано нѣсколько сборниковъ по армянскому вопросу.

Дѣятельность Г. А. Джаншіева—одно сплошное увлеченіе, но это увлеченіе отмѣчено одной яркой и плодотворной особенностью; оно по самому своему существу носило дѣятельный характеръ. Джаншіевъ не былъ способенъ увлекаться платонически. Онъ служилъ тому, что любилъ, и служилъ такъ, какъ умѣютъ немногіе. Первымъ его увлеченіемъ была эпоха великихъ реформъ съ ея свѣтлыми принципами, съ ея благородными дѣятелями, со всѣмъ ея духомъ, живымъ, гуманнымъ, бодрымъ... Освобожденіе крестьянъ, судебные уставы, университетская автономія, насажденіе городского и земскаго самоуправленія—вотъ тѣ главные факты, отъ которыхъ онъ всю жизнь не отводилъ взора, которымъ ежегодно въ день годовщины призывалъ вниманіе общества на страницахъ «Русскихъ Вѣдомостей», которымъ посвящены его работы съ «Эпохой великихъ реформъ» во главѣ.

Что такое «Эпоха великихъ реформъ»? Это—не трудъ историка въ собственномъ смыслѣ. Читатель напрасно сталъ бы искать въ ней всесторонняго освѣ-

щенія различныхъ моментовъ движенія шестидесятыхъ годовъ, напрасно сталъ бы искать ихъ критики. Всего этого тамъ нѣтъ; но тамъ есть нѣчто бо́льшое. Когда пробѣгаешь страницы этого толстаго тома,—страницы, дышащія столь неподдѣльнымъ, столь искреннимъ одушевленіемъ, невольно вспоминается «Исторія революціи» Мишле и ея значеніе для современнаго автору общества. Книга Мишле, какъ и книга Джаншіева, слаба въ критическомъ отношеніи; но энтузіазмъ, которымъ она проникнута, горячее чувство, съ которымъ авторъ говоритъ о великихъ принципахъ 89 года, мастерскія картины, въ которыхъ воскресаетъ старина и оживаютъ былыя событія—все это съиграло свою роль въ концѣ 40-хъ и началѣ 50-хъ годовъ, когда французское общество стало забывать о томъ, чѣмъ оно живетъ. Таково же, mutatis mutandis, и значеніе «Эпохи реформъ».

Первое изданіе книги появилось въ 1891 году. Пора была критическая; ломка зданія шестидесятыхъ годовъ находилась въ полномъ разгарѣ; то, что пережили восьмидесятые годы, грозило рухнуть; уже появлялись различные темные наросты... Новыя вѣянія обѣщали дать свои плоды, и публицисты, съ Шелгуновымъ во главѣ, ужъ отмѣчали новую разновидность рода homo sapiens—восьмидесятниковъ. Тогда-то Джаншіевъ заговорилъ о шестидесятыхъ годахъ, тогда стали воскресать подъ его перомъ свѣтлые образы дѣятелей той эпохи, забытыя слова, забытые принципы въ увлекательномъ изложеніи нашли доступъ въ общество, съ книги повѣяло живительнымъ дыханіемъ былого радостнаго возбужденія... Именно такой языкъ, которымъ говорилъ Джаншіевъ, именно такой духъ, которымъ насыщена его книга, были нужны тогда обществу. О шестидесятыхъ годахъ, конечно, знали, но нуженъ былъ поэтъ, чтобы славная эпоха ожила, нужно было заразительно бодрое настроеніе, чтобы не наступило отчаяніе. И Джаншіевъ съумѣлъ дать все это. Тотъ, кому придется писать исторію воспитанія русскаго общества, не забудетъ его имени. Неслыханный успѣхъ книги (7 изданій въ 8 лѣтъ; надъ восьмымъ Джаншіевъ умеръ) былъ отвѣтомъ; но еще больше подчеркиваетъ успѣхъ ненависть добровольцевъ мракобѣсія, которую Джаншіевъ унесъ въ могилу.

Другимъ увлеченіемъ Джаншіева были его угнетенные турецкіе соплеменники. Сасунская рѣзня и послѣдовавшій за нею погромъ, гоненіе на христіанъ у порога XX столѣтія, сотни тысячъ жертвъ, въ ужасающихъ мученіяхъ погибшихъ отъ руки курдовъ и турецкихъ солдатъ, тысячи сиротъ, оставшихся на произволъ судьбы, цѣлый народъ, который безъ помощи Европы сдѣлался бы жертвою голода, опереточныя реформы, ставшія проклятіемъ армянскаго населенія, расходившіяся страсти дикихъ сыновъ востока, ежедневно, ежечасно грозящія новымъ взрывомъ—вотъ тѣ факты, которые заставили глубоко пораженнаго Джаншіева взяться за организацію посильной помощи пострадавшимъ въ Турціи армянамъ. Сначала «Положеніе армянъ въ Турціи», потомъ два изданія «Братской Помощи», стоившія ему страшныхъ трудовъ, отнимавшія у него послѣднія силы, послѣдніе запасы здоровья—дали ему возможность направить въ Турцію около 60.000 рублей и открыть при своей жизни 12 пріютовъ для сиротъ. Все это было сдѣлано въ какихъ-нибудь 3—4 года! Патріархъ-католикосъ всѣхъ армянъ приказалъ, во вниманіе къ этой его дѣятельности, отслужить по немъ панихиду во всѣхъ армянскихъ церквахъ.

Еще недавно, въ ноябрѣ прошлаго года, былъ отпразднованъ юбилей двадцатипятилѣтія писательской дѣятельности Джаншіева. Свѣтлое было настроеніе въ тотъ день; чествовать его собрались лучшіе элементы Москвы, привѣтствія были получены отъ лучшихъ элементовъ Россіи. Теперь его опустили въ могилу, но безчисленные читатели долго будутъ помнить автора «Эпохи реформъ».

А. Джживелеговъ.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

На родинѣ.

Бомбардировка Благовѣщенска Въ «Русскомъ Листкѣ» помѣщенъ разсказъ очевидца бомбардировки Благовѣщенска. По его словамъ, никто въ Благовѣщенскѣ до послѣдней минуты не ожидалъ, что на него обрушатся первыя нападенія китайцевъ. Наоборотъ, всѣ были увѣрены, что городъ останется въ сторонѣ отъ безпорядковъ. Признаки, что китайцы готовятъ что-то серьезное, были, но имъ не придавали никакого значенія или же толковали не такъ, какъ слѣдовало. Напримѣръ, уже съ послѣднихъ чиселъ іюня замѣтно было великое переселеніе китайцевъ. Цѣлыми семьями они собирали свои скудные пожитки, женъ, ребятишекъ и переплывали на другой берегъ. Думали, что это прямой результатъ ихъ страха передъ русскими, которые въ городѣ очень и очень косились на китайцевъ въ виду событій послѣднихъ дней, но оказалось, что китайцы уже знали о предполагавшейся осадѣ Благовѣщенска и торопились убраться своевременно по-добру по-здорову. Китайцы напали раньше всего на Благовѣщенскъ потому, что знали о слабости этого пункта. Они видѣли, что войска изъ города уведены, что пушки вывезены... Китайцы-рабочіе и торговцы то и дѣло говорили, что не боятся теперь насъ, такъ какъ въ Сахалинѣ у нихъ и войска больше, и пушки лучше, и мѣстность удобнѣе: вдоль берега между Амуромъ и Сахалиномъ тянется цѣлый заборъ кустарниковъ, настолько высокихъ, что съ берега за ними можно скрыть и солдатъ, и батареи. Благовѣщенскъ же совершенно открытъ. Еще числа 28—29 іюня наши пароходы совершенно безпрепятственно проходили по Амуру въ Хабаровскъ и никто не предполагалъ, что китайцы могутъ начать ихъ обстрѣливать, и вдругъ 1 іюля произошелъ прискорбный инцидентъ съ пароходомъ «Михаилъ». Очевидно, айгунскій даотай получилъ приказаніе прекратить движеніе русскихъ судовъ по Амуру. «Михаилъ» везъ оружіе и ожидался въ Благовѣщенскѣ съ нетерпѣніемъ... Вдругъ узнали, что офицеръ, везшій грузъ, арестованъ китайцами и взятъ въ плѣнъ, а пароходъ идетъ подъ градомъ пуль и картечи... Тогда поняли, что дѣло серьезно, и тотчасъ же было созвано экстренное собраніе городской думы, на которомъ городъ былъ раздѣленъ для большаго удобства охраны на 8 участковъ, а общее руководительство всей обороной возложено на полиціймейстера Баторовича.

Тотчасъ же въ городѣ были расклеены энергичныя объявленія отъ имени генерала Грибскаго, кончающіяся возгласомъ: «На начинающаго Богъ!»—и не менѣе энергичное отъ начальника внутренней обороны, гдѣ, между прочимъ, говорилось:

«Заодно, дружно, безъ страха, совмѣстно, вооружаясь чѣмъ можно, встрѣтимъ, если только понадобится, врага нехристя, помня — Богъ съ нами, а не будемъ вѣрить каждому нелѣпому слуху, распускаемому со страху глупымъ человѣкомъ, и не будемъ бросаться въ кусты, гдѣ мы безпомощны. Бросьте

боязнь, вернитесь въ городъ и мы поможемъ другъ другу, а не будемъ портить дѣло, разбѣгаясь отдѣльно. Каждаго, кто пугаетъ нелѣпымъ слухомъ, ведите ко мнѣ».

А уже 3 іюля на Большую улицу Благовѣщенска упали двѣ первыя гранаты, пущенныя изъ китайской батареи, выстроенной противъ Соборной площади. Изъ Сахалина китайцы встрѣтили ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ нашихъ солдатъ, прибывшихъ на плотахъ къ Благовѣщенску. Народъ бросился съ набережной въ городъ. Поднялась давка, сумятица. Наши солдаты отстрѣливались. Жители бросились въ управу, въ ружейные магазины за оружіемъ. Черезъ нѣсколько часовъ почти всѣ вооружились. Китайскія пули свистѣли надъ городомъ. Съ половины шестого часа вечера до самаго вечера не прекращалась пальба, впрочемъ, не причинившая особыхъ несчастій (убитыхъ, конечно, не было). Ночью противъ губернаторскаго дома были построены ложементы. Туда засѣли солдаты и добровольцы.

Ночью было сравнительно спокойно: лишь нѣсколько залповъ да выстрѣловъ изъ пушекъ, тоже не причинившихъ вреда. Во вторникъ, 4 іюля, всѣ ожидали, что манджуры высадятся на нашъ берегъ. Въ ожиданіи этого, было приказано собрать лодки и стянуть ихъ въ одно мѣсто пониже мола. Несмотря на приказанія, этого никто не рѣшался сдѣлать: градъ пуль грозилъ неминуемой смертью всякому смѣльчаку, спустившемуся къ рѣкѣ. Вдругъ къ рѣкѣ кидаются двѣ женщины, Юдина и Катошева. Онѣ не боятся смерти. Спускаются къ лодкамъ... Пристыженные мужчины за ними отважились на то же и лодки вскорѣ были переправлены куда слѣдуетъ. Во время этой вылазки двѣ пули прострѣлили юбку Юдиной. Бомбардировка не прекращалась. Загорѣлась отъ гранатъ консисторія. Чтобы тушить пламя, выѣхала пожарная команда. Вдругъ передъ самой тройкой разорвалась граната и ошеломила лошадей. Къ вечеру пожаръ стихъ и пальба прекратилась. Вдругъ раздается отчаянный крикъ какого-то труса: «Манджуры! манджуры въ городѣ!» Паническій страхъ обуялъ жителей и не скоро они пришли въ себя. Въ полночь на вторникъ нашъ отрядъ (не болѣе полутораста человѣкъ) произвелъ вылазку на китайскій пикетъ. Во время ея отличился поручикъ Юрковскій. Чтобы осмотрѣть китайскую казарму, онъ безстрашно подошелъ къ окну и былъ убитъ наповалъ. 6 іюля онъ былъ погребенъ съ военными почестями, причемъ погребальный салютъ былъ произведенъ боевыми зарядами, направленными въ сторону китайскихъ войскъ. Слѣдующій день и ночь провели спокойно. Къ пальбѣ уже попривыкли, крупныхъ орудій давно не слышно: ихъ, вѣроятно, изъ Сахалина увезли. Да вообще многіе въ городѣ были увѣрены, что бомбардировка Благовѣщенска совершена для отвода глазъ, чтобы имѣть время укрѣпиться въ Цицикарѣ. Такъ и оказалось.

Цѣлый рядъ отдѣльныхъ извѣстій, составляющихъ, однако, характерные штрихи общей картины, передаетъ «Амурскій Край». Въ Благовѣщенскѣ, послѣ отбитія атаки китайцевъ, началось мародерство. Газета пишетъ: «Мародерство, порожденное у насъ послѣдними военными событіями и, главнымъ образомъ, присутствіемъ не охраняемыхъ безхозяйныхъ китайскихъ лавокъ, не только процвѣтаетъ и въ настоящій моментъ, а все болѣе и болѣе усиливается и разгорается. Такъ, не смотря на присутствіе полиціи при подсчетѣ, перепискѣ и перевозкѣ товаровъ китайскихъ лавокъ, ихъ обыкновенно окружаетъ цѣлая толпа проходимцевъ и мародеровъ, которые набиваютъ себѣ карманы чужимъ добромъ и безнаказанные удаляются, чтобъ придти снова за новой и, быть можетъ, болѣе богатой поживой».

Но это ничего въ сравненіи съ тѣмъ, что та же газета сообщаетъ еще: «Нельзя скрывать отъ самихъ себя того факта, что въ предѣлахъ города (Благовѣщенска) было умерщвлено множество несчастныхъ жертвъ, единственная вина которыхъ состояла въ томъ, что они не ушли отъ насъ во-время.

*

Но то обстоятельство, что они довѣрчиво оставались въ нашей средѣ, только усиливаетъ нашу вину». Словомъ, благовѣщенцы не уступили китайцамъ ни въ чемъ.

Изъ жизни на Амурѣ. Въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» г. Пантелѣевъ помѣстилъ интересныя воспоминанія изъ жизни на Амурѣ въ 80-ыхъ годахъ, гдѣ ему пришлось долго служить въ мѣстныхъ золотопромышленныхъ обществахъ.

Китайцы являлись на Амуръ преимущественно для торговли, которая у нихъ съорганизована очень своеобразно.

«Прежде всего долженъ сказать, что въ мое время китайцы, какъ то они сами передавали, не имѣли права постоянной осѣдлости въ Манджуріи; они могли тамъ только заниматься торговлей, но при этомъ имъ не дозволялось привозить свои семьи. Однако, уже ходили слухи, что китайское правительство приступило къ колонизаціи нѣкоторыхъ мѣстностей въ Манджуріи въ видахъ противовѣса усиливающемуся заселенію нашего берега и особенно Южно-уссурійскаго края. Я долженъ пояснить, что всѣ эти Лавы, Ченхо, Юншины, Іохозины и тому подобные айгунскіе и сахалинскіе купцы были лишь представителями торговыхъ фирмъ, кажется, главнымъ образомъ изъ провинціи Шань-си. Они не платили никакихъ торговыхъ сборовъ, такъ какъ въ Китаѣ торговля и ремесла свободны отъ прямыхъ налоговъ.

«Лава былъ человѣкъ молодой, такъ лѣтъ 30-ти; въ противоположность другимъ китайцамъ, которыхъ я зналъ, онъ былъ очень подвижной человѣкъ и казался нѣсколько затронутымъ европейскою цивилизаціей. Такъ, онъ зимой ѣздилъ въ Благовѣщенскъ мыться въ банѣ, что дѣлали и нѣкоторые другіе изъ китайскихъ купцовъ. Вообще же какъ манджуры, такъ и китайцы на Амурѣ никакихъ бань или ваннъ у себя не знали, а только лѣтомъ купались въ Амурѣ. Потому всякій визитъ настоящаго китайца надолго оставлялъ непріятный запахъ въ квартирѣ. Но я долженъ оговориться, что прилегающая къ Амуру часть Манджуріи принадлежитъ къ самымъ захолустнымъ мѣстамъ въ Китаѣ, все равно, что Якутская область въ Россіи.

«Вотъ что говорилъ мнѣ Лава насчетъ организаціи ихъ торговыхъ домовъ (въ Китаѣ всѣ крупныя торговли, не знаю какъ теперь, но прежде велись торговыми товариществами—фузами). Всякій служащій въ нихъ, кромѣ жалованья, получаетъ извѣстную долю изъ прибылей. Торговая карьера начинается въ званіи мальчика; пока онъ пріучается къ дѣлу, получаетъ только содержаніе и одежду; затѣмъ ему назначается жалованье и извѣстная доля въ прибыляхъ. По времени, насколько онъ оказывается заслуживающимъ того, увеличивается его жалованье и соотвѣтственная доля въ прибыляхъ. Каждый служащій черезъ опредѣленное число лѣтъ (на Амурѣ, кажется, черезъ три года) пользуется правомъ годового отпуска; жалованья за это время онъ не получаетъ, но причитающаяся ему прибыль сохраняется за нимъ. Наконецъ, проработавъ полныя 30 лѣтъ, онъ можетъ оставить службу, но за нимъ до смерти сохраняется право на полученіе доли изъ прибылей.

«Китайцы очень мало покупали у насъ кое-что изъ мануфактуръ, желѣзныхъ издѣлій,—всего на нѣсколько десятковъ тысячъ рублей, если даже тутъ считать кабарговую струю. За-то нашъ закупъ у китайцевъ въ районѣ Амурской области въ 80-хъ годахъ навѣрное доходилъ 1.000.000 руб. Главныя статьи закупа были: пшеница, овесъ, скотъ, греча, сухіе овощи, табакъ. Въ первое время по занятіи нами Амура китайцы продавали только на серебро, но потомъ охотно стали брать кредитные билеты, которые обмѣнивали на серебро или золото (хищническое). Золотопромышленныя компаніи выписывали серебро; но, кромѣ того, въ Благовѣщенскѣ было нѣсколько лицъ, которые вели довольно крупныя операціи по продажѣ серебра, получая его изъ-за границы. Въ то

время, какъ на петербургской биржѣ курсъ серебрянаго рубля отмѣчался 1 р. 40 к. кредитныхъ, на Амурѣ серебряный рубль стоилъ не менѣе 2 р. бумажками. Отсюда видно, что торговля серебромъ доставляла немалыя выгоды.

«Золотопромышленныя компаніи обыкновенно заключали съ китайцами письменныя условія на русскомъ языкѣ; при заключеніи условія выдавался задатокъ, отъ одной трети до половины всей суммы подряда. Гарантій со стороны китайцевъ не было никакихъ; въ случаѣ неисправности подрядчика-китайца могла возникнуть безполезная оффиціальная переписка—и ничего болѣе. И, однако, за 25 лѣтъ нашего появленія на Амурѣ мнѣ указали только на одинъ случай, когда второстепенный китайскій подрядчикъ не выполнилъ своего обязательства, помнится, на 3.000—4.000 руб. Въ свою очередь, китайцы легко кредитовали даже незначительныхъ русскихъ торговцевъ и часто платились за это.

«Въ мое время слышались постоянныя жалобы на Амурѣ, что китайцы сильно подняли цѣны на всѣ предметы своего отпуска, что они просто прижимаютъ русскихъ.

«— Помилуйте,—говорили старожилы,—вѣдь въ первое время овесъ былъ 7—8 к., а теперь довели до 80 к. за пудъ (эта цѣна стояла какъ разъ въ годъ сильнаго неурожая въ Забайкальѣ). Фактъ былъ вѣренъ, но, во первыхъ, при занятіи Амура нашъ спросъ былъ весьма невеликъ, а во-вторыхъ, цѣны китайцевъ регулировались цѣнами въ Забайкальѣ. Какъ я уже сказалъ выше, Амурскій край свой дефицитъ въ хлѣбѣ, овсѣ и мясѣ пополнялъ частью изъ Забайкалья, частью изъ Манджуріи. Никогда, однако, цѣны у китайцевъ не дѣлали скачковъ съ 50-ти к. на 1 р., какъ бы ни былъ плохъ урожай въ Забайкальѣ или Манджуріи; между тѣмъ въ остальной Сибири подобные скачки при малѣйшемъ недородѣ — явленіе совершенно обычное и никому въ упрекъ не ставится. Надо еще имѣть въ виду, что цѣны китайцевъ опредѣляли цѣны русскихъ производителей, а при тогдашней дороговизнѣ на Амурѣ крестьяне 1 р. за ярицу и 60 к. за овесъ считали едва покрывающими издержки производства. Крестьянъ особенно разоряли частые падежи рогатаго скота и лошадей. У всѣхъ китайскихъ подрядчиковъ на всѣ главные предметы торговли цѣны были однѣ и тѣ же и выдерживались безъ перемѣнъ въ теченіе періода заготовленій, т.-е. зимой.

«Но возвращаюсь къ Лавѣ. Онъ охотно отвѣчалъ на разспросы о Китаѣ; но несмотря на его живой темпераментъ, самъ никогда не разспрашивалъ ни о Россіи, ни объ европейскихъ порядкахъ. Часто бывая у меня, онъ всегда начиналъ разговоръ вопросомъ о здоровьѣ, потомъ переходилъ къ пріисковымъ дѣламъ, городскимъ новостямъ, — изъ этого курса самъ не выходилъ; нарочно пріѣхалъ поздравить меня съ пріѣздомъ, когда я вернулся на Амуръ черезъ Суэцкій каналъ, сдѣлавъ большое путешествіе по Европѣ и побывавъ въ Японіи; но и тутъ онъ не полюбопытствовалъ о чемъ-нибудь разспросить. Былъ ли это природный недостатокъ любознательности, или горделивое презрѣніе къ европейской цивилизаціи — сказать не умѣю. Но разъ онъ меня сильно удивилъ. Я какъ-то спросилъ его, отчего въ Китаѣ не заведутъ болѣе скорой почты (почта изъ Айгуна въ Пекинъ дѣлала менѣе 50-ти верстъ въ сутки), не проведутъ телеграфовъ, желѣзныхъ дорогъ.

«— Оттого, что богдыханъ дуракъ и всѣ его мандарины дураки, такъ какъ они манджуры; они боятся умныхъ китайцевъ. Вы не можете себѣ и вообразить, какъ манджуры глупы, настоящіе дикари, немного лучше манегеровъ (маленькое звѣроловное племя въ Амурской области); они даже и земли-то не умѣютъ какъ слѣдуетъ обработать. Вотъ здѣсь на Амурѣ манджуры не позволяютъ строить хорошихъ мельницъ, даже вставлять стекла въ окнахъ (въ Айгунѣ и Сахалинѣ, вмѣсто стекла, вставлялась пропитанная жиромъ бумага).

«И дальше Лава распространялся о глупости манджуровъ: глаза его сверкали, и самъ онъ въ сильномъ волненіи ходилъ по комнатѣ.

«— А относительно вѣры какіе у васъ законы?

«— У насъ такой законъ: какому хочешь богу вѣрь, только носи косу и китайскую одежду.

«— Правда ли, что манджуры, когда разсердятся на своихъ бурхановъ (идоловъ), то бросаютъ ихъ въ Амуръ?

«— Правда, — усмѣхаясь, отвѣтилъ Лава, — вѣдь манджуры очень глупы.

«— А вы, Лава, какой вѣры?

«Кажется, Лава и самъ хорошенько не зналъ, потому что одновременно признавалъ Конфуція, Лаоцзе, Будду и еще кого-то.

«При мнѣ у китайцевъ не было пароходовъ на Амурѣ, но имѣлась флотилія военныхъ джонокъ и по временамъ производила какіе то маневры. Въ началѣ 70-хъ годовъ Іохосинъ вошелъ въ компанію съ однимъ русскимъ (Славинскимъ) и завели пароходъ; но онъ плохо работалъ, и дѣло было ликвидировано. Потомъ русскимъ было запрещено продавать пароходы китайцамъ.

«Одинъ изъ старожиловъ разсказывалъ мнѣ, что когда на Амурѣ показался первый пароходъ («Аргунь», выстроенный на Петровскомъ заводѣ, онъ съ великимъ трудомъ могъ подниматься вверхъ по теченію), то манджуры сначала думали, что внутри его сидитъ чортъ и вертитъ колесо; потомъ перешли къ другой догадкѣ, что внутри парохода спрятано было много людей, и они приводятъ въ движеніе колесо.

«Хозяйственные пріемы китайскаго населенія, жившаго на нашемъ берегу, существенно отличались отъ пріемовъ ихъ русскихъ сосѣдей. Китайцы не ширились посѣвами, но болѣе старательно обрабатывали землю, болѣе сообразовались съ мѣстными климатическими условіями, и въ результатѣ у нихъ получались болѣе устойчивые урожаи.

«Наша телеграфная линія проходила по территоріи, занятой этимъ китайскимъ населеніемъ. Она часто подвергалась явно умышленной порчѣ. Въ такихъ случаяхъ наше начальство жаловалось айгунскому амбаню и получало стереотипный отвѣтъ, что виновныхъ не могли разыскать. Помнится, при губернаторѣ П. С. Лазаревѣ была разъ попорчена линія; онъ послалъ чиновника особыхъ порученій съ отрядомъ казаковъ произвести обыскъ въ китайскихъ деревняхъ. Въ результатѣ во многихъ домахъ была найдена телеграфная проволока, большею частью употребленная на разныя хозяйственныя надобности. Виновные были забраны съ поличнымъ и подъ карауломъ доставлены въ Айгунъ. Прошло нѣкоторое время, и отъ амбаня была получена бумага, въ которой онъ предлагалъ командировать кого-нибудь для присутствованія при наказаніи виновныхъ. Желаніе амбаня было исполнено, но командированное лицо при самомъ началѣ экзекуціи удалилось, такъ какъ, по его словамъ, не могло вынести жестокости китайскихъ наказаній.

«Но вообще отношенія русскихъ и китайцевъ (точнѣе сказать, манджуровъ) были сосѣдски-дружественныя. Казаки, поселенные по самому берегу Амура, часто нуждались въ покосахъ, которыхъ на нашемъ берегу подъ рукой было мало; за самое ничтожное вознагражденіе они косили на китайскомъ берегу сколько хотѣли. Когда губернаторъ Барановъ въ 1880 году ввелъ въ области лѣсной налогъ и запретилъ манджурамъ рубку лѣса по Зеѣ, то айгунскій амбань справедливо указывалъ, что наши казаки косятъ сѣно, рубятъ лѣсъ на китайскомъ берегу и помѣхи въ этомъ отношеніи не встрѣчаютъ. По всѣмъ трактатамъ съ Китаемъ выговорено, что перебѣжчики взаимно выдаются. Китайцы настолько строго выполняли этотъ пунктъ, что наши бѣглые никогда и не рѣшались забираться въ Китай. Но для насъ выполненіе этого обязательства нерѣдко было сопряжено съ большими затрудненіями. Такъ, при мнѣ пе-

ребѣжала на нашъ берегъ влюбленная парочка, заявила о своемъ желаніи креститься, и дѣйствительно крестилась. Айгунскій амбань потребовалъ выдачи бѣглецовъ. Исполнить его требованіе – значило отдать несчастныхъ на вѣрную смерть. Отвѣтили, что никакихъ бѣглецовъ у насъ нѣтъ, а парочку, чтобы скрыть съ глазъ китайскихъ властей, препроводили, кажется, въ Иркутскую губернію.

«При мнѣ въ Амурской области чувствовался крайній недостатокъ въ рабочихъ рукахъ, доходившій до того, что крестьяне въ жнитво нанимали солдатъ и платили имъ по 20-ти руб. за уборку десятины. Ремесленники въ городѣ были никуда не годный отбросъ изъ Восточной Сибири. Случалось, что иногда по нѣскольку дней нельзя было подковать лошадь. Крестьяне, наконецъ, нашли выходъ: стали покупать сельскохозяйственныя машины, особенно во время губернаторства П. С. Лазарева, который оказывалъ имъ въ этомъ дѣлѣ всевозможную поддержку. Начинались толки о китайскихъ рабочихъ, которые во Владивостокѣ съ успѣхомъ примѣнялись на тамошнихъ постройкахъ. И вотъ, въ одинъ прекрасный день явились китайцы—по постройкѣ, помнится, каменныхъ казармъ. Работа ихъ поражала медленностью, но зато кладка кирпича была такъ тщательна, что можно было обходиться безъ наружной штукатурки, а обдѣлка дерева имѣла видъ столярной работы. Относительно найма на пріиски существовало общее убѣжденіе, что тутъ китайцы не примѣнимы частью по тяжести пріисковыхъ работъ, но главное — по причинѣ весьма неблагопріятныхъ климатическихъ условій и очень частыхъ дождей. Утверждали, что китаецъ больше всего боится дождя, что едва начинаетъ моросить дождикъ, какъ онъ уже распускаетъ свой зонтикъ и торопится зайти въ какой-нибудь домъ. Первый опытъ найма китайцевъ на пріиски былъ сдѣланъ, кажется, Ниманской компаніей, уже послѣ моего отъѣзда съ Амура, и, какъ мнѣ передавали, оказался неудачнымъ. Но въ настоящее время тысячи китайцевъ работаютъ на амурскихъ пріискахъ; въ одной системѣ р. Зеи въ нынѣшнемъ году на 3.000 руслъ имѣется 8.000 китайскихъ рабочихъ.

«Давно ходили слухи, что на китайскомъ берегу есть золото; утверждали даже, что одна пріисковая партія тайно производила развѣдки и встрѣтила очень богатыя данныя. Когда я заводилъ разговоръ съ китайцами о золотѣ, они отвѣчали, что въ Китаѣ не дозволяется разрабатывать золото, но что хунгузы (разный бѣглый сбродъ) тайно добываютъ его въ той части Манджуріи, которая соприкасается съ Южно-уссурійскимъ краемъ. Кажется, въ 1885 году наша пріисковая вольница, забравшись на китайскій берегъ, стала тамъ добывать золото, — знаменитая Желтуга. Къ нашимъ по времени присоединилось не мало китайцевъ, такъ что одно время на Желтугѣ работало до 10-ти тыс. человѣкъ. Эта оригинальная республика просуществовала около трехъ лѣтъ и произвела большой переворотъ на всемъ Амурѣ. Вынужденная покинуть китайскій берегъ, она разсѣялась по Амуру. Извѣдавъ прелесть работать на свой собственный счетъ и не обращая вниманія на запрещенія Горнаго Устава, она направилась въ амурскую тайгу и дѣлаетъ тамъ по днесь то, что дѣлала на китайскомъ берегу».

Въ добавленіе не лишне привести слѣдующія данныя изъ «Сѣв. Курьера» о стоимости для Россіи Амурскаго края.

За время 50-лѣтней политики Россіи на Амурѣ туда переселилось около 220 тысячъ человѣкъ населенія, размѣстившихся, примѣрно, въ 340 — 350 пунктахъ. Таковъ былъ покамѣстъ осязательный результатъ нашей колоніальной политики на Амурѣ. Во что же обходится намъ этотъ скромный результатъ? За всѣ пятьдесять лѣтъ мы не только не получили ни копѣйки доходу, но, напротивъ, дефицитъ нашъ растетъ съ каждымъ годомъ все больше и больше. Въ 1875 году онъ достигаетъ цифры 2.388,800; черезъ десять лѣтъ

цифра удваивается; въ 1895 году дефицитъ доходитъ до солидной цифры 17½ милліоновъ, въ 1899 г. — 22 мил.

Въ общемъ итогѣ дефицитъ по Амурской и Приморской областямъ достигаетъ въ указанный срокъ солидной суммы 304.374.374 р.

Сумма эта могла бы быть признана ничтожной, если бы она цѣликомъ или хотя бы въ значительной части шла на культурныя задачи и дѣйствительныя нужды населенія. Въ дѣйствительности оказывается, что 90% расходовъ идетъ на содержаніе войска, флота, администраціи, тогда какъ министерство юстиціи расходуетъ только 0,71 общей суммы, народнаго просвѣщенія 0,46 и т. д.

Если раздѣлить общую цифру дефицита на число русскихъ семействъ, проживающихъ въ краѣ, то окажется, что охрана каждой семьи и заботы о ней администраціи составятъ 1.168 р. 80 к. въ годъ, которые и выплачиваются государственнымъ казначействомъ.

Къ характеристикѣ артелей. Народническая литература пріучила читателя относиться съ особымъ увлеченіемъ къ понятію артели, и только постепенно выяснилось, что подъ артелями понимается многое разное, что, прикрываясь этимъ словомъ, въ сущности не имѣетъ съ настоящими артелями ничего общаго. Въ «Ниж. Листкѣ», напр., находимъ живое описаніе одной изъ такихъ фиктивныхъ артелей, долго извѣстныхъ въ литературѣ подъ именемъ артелей крючниковъ.

Ежегодно съ открытіемъ ярмарки въ ярмарочную полицію приходятъ болѣе или менѣе многочисленныя группы рабочихъ, преимущественно грузчиковъ или такъ-называемыхъ «крючниковъ» съ жалобой на различнаго рода злоупотребленія подрядчиковъ. Не обходится безъ жалобъ и нынѣшняя ярмарка. Болѣе всего жалуются фактивно организованныя артели. Организація такихъ «артелей» заслуживаетъ вниманія.

Зимой, когда въ деревнѣ начинаютъ уже покупать хлѣбъ и у мѣстнаго населенія начинаетъ подводить животы, на сцену выдвигаются деревенскіе мелкіе кулаки. Они ссужаютъ болѣе нуждающихся деньгами, ставя въ обязательство организовать артель и избрать «старшимъ» кулака. Если нужда не дошла до крайнихъ предѣловъ, кулакъ начинаетъ угощать нуждающихся и въ трактирѣ, во время спаиванія, заставляетъ ихъ подписывать уже заготовленное заранѣе условіе. Забранныя деньги зачисляются въ видѣ задатка, полученнаго отъ «старшаго». Это и называется «добровольнымъ договоромъ», который участники артели обязуются «выполнять свято и нерушимо». Кулакъ, дѣйствующій подъ маской «старшаго въ артели», выговариваетъ себѣ 5 проц. за завѣдываніе харчами и 5 руб. съ каждаго участника за распорядительство составленной указаннымъ способомъ артелью.

Главный доходъ такого «старшаго» получается побочными путями.

— Помилуйте, ваше б-діе,—жаловалась на-дняхъ въ полиціи группа крючниковъ на такого подрядчика Матюхина, крестьянина Рязанской губерніи, — вѣдь во всемъ условіи одна фальшь. Въ условіи расписано, кому 25 р. дано въ задатокъ, кому 30, кому 20. Все это невѣрно.

Находясь во главѣ артели года 3—4, такой подрядчикъ пріобрѣтаетъ каменныя хоромы на удивленіе и проклятіе своимъ односельчанамъ. Достигается это различнаго рода эксплоататорскими ухищреніями.

Всѣ условія съ работодателемъ заключаетъ съ глазу на глазъ кулачекъ— «старшій въ артели», а затѣмъ говоритъ участникамъ другой артели ту цѣну, которую онъ взялъ за выгрузку или нагрузку той или другой партіи. Конечно, такой порядокъ даетъ широкій просторъ для всякаго рода злоупотребленій. Мало этого, очень часто «старшіе» счеты съ каждымъ артельщикомъ

ведутъ «на память» или на лучшій конецъ у себя на бумажкѣ, такъ что участникъ артели не знаетъ, сколько должно «дуванить» (дѣлить) и сколько изъ общаго «дувана» приходится на долю каждаго отдѣльнаго участника.

Закабаленные Матюхинымъ артельщики третій мѣсяцъ остаются въ полномъ невѣдѣніи относительно заработанныхъ ими и причитающихся каждому изъ нихъ денегъ. Несмотря на требованія закона, Матюхинъ въ теченіе двухъ съ половиною мѣсяцевъ не выдаетъ разсчетныхъ книжекъ.

— Придешь къ нему просить, а онъ кулаками встрѣчаетъ. Одного до полусмерти побилъ,—жаловалась группа «добровольно» составившихъ артель.

Интересно было бы знать, какимъ образомъ волостное начальство свидѣтельствуетъ договоры на такого рода завѣдомо фальшивыя артели?

Много жалобъ поступаетъ на «старшаго» Аменина. Большая часть рабочихъ ушли отъ него; оставшаяся жалуется на его пьянство и дебоши. Но Аменинъ гарантировалъ себя условіемъ: изъ «старшихъ» артель его не можетъ исключить. Это же условіе предусмотрительно внесъ и Матюхинъ.

У Аменина работаютъ несовершеннолѣтніе. Оказывается, и на нихъ возложена совершенно непосильная обязанность таскать на спинѣ 8—10-пудовыя тяжести. Одного изъ нихъ сотруднику газеты пришлось видѣть вчера въ полиціи. Глядя на испитое лицо, впалый животъ, синеву подъ глазами, невольно удивляешься, какъ можетъ быть грузчикомъ по виду еще совершенно недоразвившійся мальчикъ?

— Освободите меня, — молитъ онъ со слезами на глазахъ, — совсѣмъ не подъ силу такая работа. День потаскаю, другой въ лежку лежу.

— Онъ, ваше бл—діе, до конца октября обязанъ по условію работать,— флегматично отвѣчалъ на эти просьбы кулачекъ, замаскированный титуломъ «старшого» въ артели.

О другомъ видѣ такихъ же фиктивныхъ артелей сообщаютъ «Рус. Вѣд.» въ корреспонденціи съ Кавказа, о такъ называемыхъ «плужныхъ артеляхъ».

«Рутинный способъ веденія хозяйства, неразвитость и инертность населенія, особая привязанность ко всему старому, какъ бы освященному обычаемъ, заставляютъ повсюду въ Закавказьѣ еще по настоящее время прибѣгать къ артельной обработкѣ земли, хотя это и сопряжено съ большими неудобствами и для большинства населенія имѣетъ много невыгодныхъ сторонъ. Тяжелыя лессовидныя или иловатыя почвы долинъ наносчаго происхожденія требуютъ много рабочаго скота для своего воздѣлыванія; къ тому же общераспространенный грузинскій плугъ (гутани) устроенъ крайне примитивно, и трудно себѣ даже представить орудіе для обработки почвы, гдѣ бы болѣе попирались основные законы тренія, и которое бы менѣе соотвѣтствовало своему прямому назначенію. Для работы грузинскимъ плугомъ потребно въ зависимости отъ свойствъ почвы отъ 6-ти до 10-ти паръ воловъ, 3—5 человѣкъ погонщиковъ и пахарь при средней производительности плуга—одна дгіура (полдес). за день паханья. Понятно, что при такихъ условіяхъ большая часть населенія не въ состояніи обрабатывать самостоятельно своихъ полей за недостаткомъ рабочаго скота и рабочихъ рукъ; о наймѣ же за деньги не можетъ быть и рѣчи въ рабочее время. Населеніе такимъ образомъ волей-неволей вынуждено соединять свой скотъ для совмѣстной работы и прибѣгать къ устройству «плужныхъ артелей». Онѣ явились, какъ видимъ, не въ силу сознанія выгодности и большей производительности коллективной работы, но единственно въ силу необходимости, отсутствія инаго исхода, какъ слѣдствіе изъ экономическаго положенія населенія. Этимъ обстоятельствомъ только и возможно объяснить живучесть артели, несмотря на измѣнившіяся экономическія условія и полное отсутствіе въ ней собственно строго артельныхъ началъ. Необходимостью собираться для обработки земли въ небольшія артели не преминула воспользоваться въ свою пользу бо-

лѣе обезпеченная часть населенія. Пользуясь извѣстнымъ вліяніемъ и уваженіемъ въ обществѣ, они мало-по-малу проводили и закрѣпляли путемъ обычая выгодные для себя принципы и основы артели, которые обезпечили бы имъ постоянную и вѣрную эксплоатацію болѣе бѣдной части населенія, и такимъ образомъ выработались постепенно современныя нормы оплаты труда соучастниковъ артели, вполнѣ отвѣчающія духу времени».

Совмѣстная работа хотя и даетъ возможность бѣднѣйшей части населенія воздѣлывать свои поля, но обходится крайне дорого и выгодна только крупнымъ владѣльцамъ плуговъ и скота. Не имѣя достаточно скота и средствъ, большая часть населенія находится въ полной зависимости и закрѣпощено зажиточными крестьянами. Оно вынуждено подчиняться любымъ условіямъ и не можетъ отказаться отъ «артели» подъ страхомъ остаться съ невспаханными полями.

Безпорядки въ Одессѣ. Въ «Новостяхъ» находимъ сообщенія, описывающія безпорядки, имѣвшіе мѣсто въ Одессѣ 16-го и 17-го іюля. Вотъ что передаетъ мѣстный корреспондентъ газеты въ письмѣ отъ 17-го числа: «Пишу вамъ на этотъ разъ при свистѣ, гиканьѣ и безчинствѣ разнузданной толпы, вотъ уже второй день совершающей въ Одессѣ безпорядки, преимущественно направленные противъ евреевъ. Безпорядки начались вчера, въ 4 часа дня, на толкучемъ рынкѣ. Помѣщаясь на Прохоровской площади, переполненной мелкими торговцами, этотъ рынокъ собираетъ много простаго люда и солдатъ и служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ центромъ сборища различныхъ аферистовъ. Безпорядки, бывшіе десятки лѣтъ назадъ въ Одессѣ, тоже начинались на этомъ рынкѣ. Вчера, въ воскресенье, погромъ начался при такихъ обстоятельствахъ: какой-то стрѣлокъ, изъ числа отправляемыхъ на Дальній Востокъ, не то былъ обманутъ, не то обворованъ какимъ то евреемъ. За солдатика заступились другіе и избили еврея. За послѣдняго заступились два единовѣрца и тоже были избиты. Отсюда и пошло. Драка привлекла толпу чернорабочихъ, босяковъ и любителей легкой наживы. Толпа сейчасъ же принялась громить лавки и затѣмъ группами разсыпалась по разнымъ улицамъ. Одна часть побѣжала со свистомъ, ревомъ, улюлюканьемъ на Косарку, другая на Колонтаевскую улицу, третья на Прохоровскую и т. д. Разбивали камнями стекла, ломали двери, уничтожали товары. На Колонтаевской улицѣ разоренъ еврейскій бакалейный магазинъ, въ которомъ было на 3 тысячи рублей товаровъ. Толпа рвалась по центральной улицѣ, Дерибасовской, гдѣ помѣщаются наиболѣе богатые магазины, но туда она не дошла въ этотъ день. Встрѣчавшихся по пути евреевъ избивали. Пробѣжавъ по Тираспольской, толпа проникла на Преображенскую улицу, вблизи Успенской. Здѣсь «разнесли» кондитерскую, въ часовой магазинъ Злочевскаго накидали не мало камней. Къ счастью, магазины уже были въ это время, по случаю воскресенья, закрыты. Толпа стремилась въ тѣ торговли, которыя были открыты, какъ, напримѣръ, булочная, квасная и т. п. Между прочимъ; ворвались въ квасную Егорова, но, узнавъ, что продавцы русскіе, буяны ничего не тронули. Сегодня Одесса на Одессу не похожа. Магазины заперты; по улицамъ замѣтно движеніе простолюдиновъ на Новомъ базарѣ. Толпа мальчишекъ и парней, нѣсколько разъ собираясь, расходясь и снова собираясь, швыряетъ камни въ окна квартиръ и магазиновъ. На Нѣжинской улицѣ разбиты стекла въ окнахъ во многихъ домахъ. Домовладѣльцу В. Жолковскому выбили два зуба и камнемъ нанесли ударъ въ голову. Въ часъ дня толпа-таки пробралась на Дерибасовскую улицу и разнесла нѣсколько магазиновъ—шляпный, часовой и др. Опрокинуты и разбиты кіоски, въ которыхъ производится продажа газетъ или прохладительныхъ напитковъ. Затѣмъ толпа пустилась бѣжать на другія улицы. При мнѣ стала собираться

толпа на углу Нѣжинской и Конной улицъ и въ одинъ мигъ, съ шумомъ, свистомъ, криками «ура!» разнесла деревянную будку, въ которой производилась продажа сельтерской воды и сластей. Толпа расхватывала сифоны съ водой и шоколадки. Когда я проходилъ на углу Дерибасовской и Ришельевской ул., я видѣлъ у магазиновъ съ опущенными жалюзи владѣльцевъ и приказчиковъ, державшихъ иконы. Одинъ магазиновладѣлецъ на мой вопросъ отвѣтилъ, что сейчасъ «коноводъ» пробѣжалъ, и предупредилъ: «Стойте съ иконами, русскихъ трогать не будутъ!..» - Отчего вы его не задержали?—«Такого не задержишь, у него въ рукахъ—во какая дубина!» Въ той же газетѣ Л. Е. Оболенскій дѣлится своими впечатлѣніями какъ очевидца. День 17-го іюля имъ описывается слѣдующимъ образомъ: «Впечатлѣнія этого дня были еще болѣе потрясающи, чѣмъ тревоги вчерашней почи, вдали отъ мѣста погрома. Ришельевская улица, обыкновенно людная, оживленная и веселая, теперь кажется мертвой; всѣ магазины, лавки и даже лавченки, торгующія квасомъ, было заперты. Кое-гдѣ, около воротъ и запертыхъ дверей, виднѣлись испуганныя фигуры,—по двѣ и по три,—преимущественно молодыхъ людей. Стариковъ и старухъ совсѣмъ не попадалось. На нѣкоторыхъ воротахъ были выставлены образа... И такъ по всей улицѣ, имѣющей въ длину около версты! Я обратилъ вниманіе, что на лѣсахъ вновь строящихся домовъ не было видно ни одного рабочаго. На моихъ глазахъ съ одного изъ такихъ домовъ сходили каменщики, надѣвали свои изорванные пиджаки и направлялись куда-то почти бѣгомъ... На углахъ Ришельевской и Дерибасовской (здѣшній Невскій проспектъ) стояла обширная толпа испуганныхъ мирныхъ людей, смотрѣвшихъ вдаль, на Дерибасовскую улицу, которая влѣво поднимается вверхъ. Тамъ, дѣйствительно, въ самомъ концѣ народъ кипѣлъ, какъ въ котлѣ, и туда-то, очевидно, скакали конные солдаты, которыхъ мы видѣли ранѣе. Всѣ передавали слухъ, неизвѣстно откуда идущій, что теперь происходитъ только репетиція погрома, а настоящій погромъ будетъ вечеромъ. На Дерибасовской всѣ магазины были заперты и закрыты ставнями, какъ и на Ришельевской. Впрочемъ, это я увидѣлъ потомъ и во всемъ городѣ. Толпа начинала расти выше входа въ городской садъ. Изъ боковой улицы (кажется, Преображенской) приближались солдаты со штыками, предшествуемые трескомъ нѣсколькихъ барабановъ. И толпа, и полиція стояли безмолвно, какъ будто чего-то выжидая, но въ двухъ мѣстахъ, поперекъ улицы, уже валялись разбитые и опрокинутые кіоски или будки для воды,—трудно было теперь разобрать, такъ они были искажены. Чѣмъ ближе къ Софійской улицѣ, т.-е. къ кондитерской Либмана и расположенному противъ нея соборному скверу, тѣмъ толпа становилась больше. Этотъ скверъ былъ окаймленъ густыми шпалерами какихъ-то темныхъ личностей, въ изорванныхъ костюмахъ, съ испитыми злобными лицами. Они угрюмо смотрѣли на Дерибасовскую, какъ будто ожидая чего-то. На углу Софійской и Дерибасовской я увидѣлъ, что толпа уже спустилась внизъ, къ срединѣ улицы, и тамъ происходитъ какая-то свалка. Ея результаты я увидалъ минутъ черезъ десять: почти всѣ магазины съ правой стороны улицы (если идти сверху внизъ, т.-е. къ Ришельевской) были уже разбиты, т.-е. ихъ зеркальныя стекла, ихъ вывѣски, ихъ электрическіе фонари — лежали въ осколкахъ. Начинилось съ книжнаго магазина Розова, затѣмъ по порядку шли магазины московскаго товарищества Эмиля Цинделя, складъ мебели братьевъ Тонетъ, художественный магазинъ Лурье, кондитерская Амбательо, магазинъ Мангуби, Мелисарато, Мюльнера, Бабадаглы, Фохта, Аудерскаго; особенно пострадалъ часовой магазинъ Баржанскаго, у котораго разбиты вдребезги большіе выставочные часы и перебиты, вѣроятно, ломами, закрытыя ставни»... Все описанное имѣло мѣсто до 6—7-ми часовъ вечера.

Ночью 17-го числа безпорядки продолжались на окраинахъ: на слободкѣ

Романовкѣ и на Пересыпи. Во вторникъ, 18-го, открылись нѣкоторые магазины, но черезъ часъ должны были опустить въ окнахъ шторы и оставить открытыми только двери; другіе магазины совсѣмъ закрылись, и по Дерибасовской и Новорыбной улицамъ опять начались безпорядки.

Въ другомъ письмѣ, отъ 18-го іюля, помѣщенномъ въ «Новостяхъ», г. Оболенскій опредѣляетъ общій характеръ одесскихъ безпорядковъ. По его мнѣнію, «безпорядки не имѣли никакой опредѣленной идеи или тенденціи. Прежде всего они не были анти-еврейскими: это доказывается тѣмъ, что на Дерибасовской погромъ начался съ русскаго книжнаго магазина Распопова и тутъ же перешелъ на другой книжный магазинъ Розова, который выставилъ у себя на дверяхъ икону. Она не помогла. Разбиты окна также и въ нѣсколькихъ нѣмецкихъ и французскихъ магазинахъ. Если бы не были тронуты Распоповъ и Розовъ, можно бы подумать, что это, въ подражаніе китайскимъ «боксерамъ», протестъ противъ иностранцевъ вообще; но тотъ фактъ, что «громилы» не остановились и передъ православной иконой, даетъ полное опроверженіе такому предположенію. Особенно знаменательно то, что съ этого магазина и начался погромъ, и это произошло, очевидно, только потому, что онъ первый попался подъ руку, т.-е. это даетъ физіономію всему погрому: ломали и били безъ разбора все, что было ближе—что было можно ломать и бить, начиная съ совершенно невинныхъ газетныхъ кіосковъ и будочекъ для воды. Погромъ не имѣлъ никакой мысли или идеи. Могло бы возникнуть предположеніе, что онъ явился плодомъ зависти босяковъ-пролетаріевъ къ роскоши магазиновъ, окаймляющихъ Дерибасовскую. Но и подобное предположеніе окончательно опровергается цѣлымъ рядомъ фактовъ: во-первыхъ, наканунѣ громили лавченки настоящихъ бѣдняковъ, почти нищихъ; во-вторыхъ, погромъ на Дерибасовской начался съ газетныхъ кіосковъ и будочекъ для водъ; послѣднія не составляютъ здѣсь предмета роскоши (стаканъ воды съ сиропомъ продается за 2 к., безъ сиропа за 1 к.), и можно видѣть постоянно, что простой народъ утоляетъ здѣсь свою жажду. Наконецъ, нападеніе на скромный книжный магазинъ Розова, конечно, не представляющій предметовъ роскоши, является наиболѣе очевиднымъ опроверженіемъ. Нѣтъ, какъ очевидецъ всѣхъ моментовъ буйства въ теченіе цѣлаго дня, я утверждаю по самому глубокому убѣжденію, что весь этотъ погромъ напоминалъ одно сплошное и отвратительное «баловство» двухъ или трехъ сотенъ босяковъ-юношей отъ 11-ти до 19-ти лѣтъ. Старше было мало и подобное впечатлѣніе вынесъ не я одинъ; а всѣ очевидцы, съ которыми мнѣ пришлось говорить. Впечатлѣніе это усиливалось еще и тѣмъ, что почти всѣ разрушительныя дѣйствія начинались какими-то бродячими и оборванными мальчишками и дѣвченками лѣтъ 8—12; въ обыкновенное время ихъ можно встрѣтить развѣ только просящими милостыню».

Преданіе суду членовъ польской соціалистической партіи. Въ «Варш. Дн.» появилось оффиціальное сообщеніе объ арестѣ и преданіи военному суду одного изъ членовъ польской соціалистической партіи. Въ приказѣ командующаго войсками кн. Имеретинскаго войскамъ варшавскаго военнаго округа, напечатанномъ въ «Варш. Дн.», объ этомъ говорится слѣдующее: «Мѣщанинъ гор. Ченстохова Петръ Францевъ Червинскій, по произведенному о немъ предварительному слѣдствію и особому дознанію, обвиняется въ томъ, что, состоя членомъ противозаконнаго тайнаго сообщества, именующаго себя: «польской соціалистической партіей» и преслѣдующаго въ числѣ прочихъ намѣченныхъ имъ цѣлей также и низверженіе существующаго въ Россіи государственнаго устройства путемъ всякаго всякаго рода насильственныхъ дѣйствій по отношенію къ неугоднымъ партіи лицамъ, онъ, Червинскій, усматривая въ слесарѣ механическаго отдѣленія фабрики «Пельцеровъ» Іосифѣ Шанценбергѣ агента жандарм-

скаго надзора, т. е. лицо. враждебное интересамъ означенной партіи, задумалъ вмѣстѣ съ другими необнаруженными по дѣлу лицами лишить послѣдняго жизни, съ каковой цѣлью 22 октября 1899 года въ гор. Ченстоховѣ, на Театральной улицѣ, они подстерегли возвращавшагося съ этой фабрики въ 7 часовъ вечера упомянутаго Шанценберга и, напавъ на него, имѣвшимися при нихъ ножами нанесли ему нѣсколько ранъ; отъ которыхъ Іосифъ Шанценбергъ, пробѣжавъ нѣкоторое разстояніе, тутъ же на улицѣ скончался.

За означенное преступное дѣяніе обвиняемый Петръ Червинскій, на основаніи 31 ст. положенія о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія, согласно съ заключеніемъ военно прокурорскаго надзора варшавскаго военно-окружного суда, предается варшавскому военно-окружному суду, для сужденія по законамъ военнаго времени, по 279 ст. XXII кн. с. в. п. 1869 года, изд. 2.

Затѣмъ въ томъ же «Варшавскомъ Дневникѣ». напечатанъ слѣдующій приказъ командующаго войсками варшавскаго округа:

Мѣщанинъ г. Ченстохова Конрадъ-Станиславъ Францевъ Езіоровскій, крестьяне: Кѣлецкой губерніи—Александръ Іосифовъ Мрозикъ, Петроковской—Юзефъ-Владиславъ Вицентіевъ Кравчикъ, Станиславъ-Яновъ Глинскій, Кѣлецкой—Андрей Францевъ Рутковскій и Петроковской—Юзефъ Яновъ Карчъ, по произведенному о нихъ предварительному слѣдствію и особому разслѣдованію, подверглись обвиненію въ томъ, что, будучи членами тайной польской соціалистической партіи, имѣющей главной своей цѣлью ниспровергнуть путемъ насилія существующій въ Россіи государственный порядокъ, и узнавъ, что машинистъ копи «Фанни» Иванъ Мазуръ хочетъ сообщить правительственнымъ властямъ о кружкѣ соціалистовъ на названной копи, чтобы воспрепятствовать этому, Езіоровскій и Мрозикъ задумали лишить его жизни и подговорили осуществить свой замыселъ Кравчика, Глинскаго, Рутковскаго и Карча, которые, зная о поводѣ къ убійству Мазура, согласились привести въ исполненіе замыселъ Езіоровскаго и Мрозика и съ этою цѣлью, вечеромъ, 23-го октября 1899 г., въ д. Сельце, Пендинскаго уѣзда, Петроковской губерніи,—на желѣзнодорожной вѣткѣ въ копи «Людвигъ», вооружившись—Кравчикъ и Рутковскій ножами, а Глинскій и Карчъ—палками, напали на Ивана Мазура и этими орудіями, а также длинной, узкой доской, бывшей у Мазура, умышленно нанесли ему, съ цѣлью лишить его жизни, двѣ раны на головѣ, съ раздробленіемъ черепныхъ костей, и 15 ножевыхъ ранъ, отъ каковыхъ поврежденій Мазуръ спустя около $^1/_2$ часа скончался. Дѣяніе это предусмотрѣно 13 ст. улож. о наказ. угол. и испр. изд. 1885 года и, на основаніи 31 ст. полож. о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія 279 ст. XXII кн. с. в. п. 1869 г., изд. 2.

За означенное дѣяніе мѣщанинъ Конрадъ Езіоровскій, крестьяне: Александръ Мрозикъ, Юзефъ Кравчикъ, Станиславъ Глинскій, Андрей Рутковскій и Юзефъ Карчъ, на основаніи вышеуказанной 31 ст. полож. о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка, предаются варшавскому военно-окружному суду для сужденія по законамъ военнаго времени.

Къ исторіи Нижегородской ярмарки. Въ началѣ августа выгорѣлъ до тла уѣздный городъ Макарьевъ на Волгѣ. Съ именемъ этого ничтожнаго нынѣ городка связана исторія Нижегородской ярмарки, прежде устраиваемой въ этомъ городѣ, откуда она была переведена въ Нижній. Вотъ что разсказываетъ г. А. Звѣздинъ объ этомъ переводѣ и его причинахъ.

«Въ нашихъ рукахъ,—говоритъ онъ,—имѣются *два* неизданныхъ въ печати небольшихъ дѣла «Сенатскаго Архива» за 1816 г.: «Рапортъ нижегородскаго губернскаго прокурора о происшедшемъ пожарѣ въ макарьевскомъ го-

стиномъ дворѣ» и «Просьба макарьевскихъ повѣренныхъ купца Конюхова и мѣщанина Кузовлева касательно перевода тамошней ярмарки».

«23-го августа 1816 года нижегородскій губернскій прокуроръ Николаевъ «съ величайшимъ прискорбіемъ доносилъ министру юстиціи (Д. П. Трощинскому), что макарьевскій казенный гостиный дворъ, съ окружающими его многими торговыми своекоштными разныхъ россійскихъ купцовъ помѣщеніями, по окончаніи ярмонки и по разъѣздѣ торгующихъ, *августа 18 числа*, отъ происшедшаго пожара подвергся совершенному истребленію; кромѣ каменнаго двухъэтажнаго корпуса, имѣющаго въ длину 60 и въ ширину 16 саженъ, въ которомъ помѣщалась контора гостинаго двора и нѣсколько торговыхъ лавокъ, *все прочее деревянное строеніе*, вмѣщавшее въ себѣ лавки и балаганы съ биржевою залою, досталось въ жертву пламени». Сгорѣвшіе корпуса, по донесенію прокурора, стоили казнѣ около 600 тысячъ рублей, да «партикулярныхъ разныхъ строеній, не менѣе какъ на сію же сумму по прежнимъ цѣнамъ, нежели на какую нынѣ ихъ вновь можно построить».

Пожаръ начался 18-го августа, въ 4 часа пополудни, «въ довольномъ отъ гостиннаго двора разстояніи, въ *пустомъ трактирѣ*»; почти въ одно время и «въ гостинномъ дворѣ загорѣлся *казачій холщевый рядъ*, а потомъ и еще два корпуса, совершенно пустые».

День былъ сильно вѣтреный и пламя быстро охватило всѣ корпуса гостинаго двора. Усилія мѣстной полиціи были совершенно безплодны: «по столь обширному строенію,—писалъ прокуроръ,—имѣющему въ длину болѣе 300, а въ ширину около 200 саж. и по распространенію во многихъ мѣстахъ отъ вѣтра свирѣпствуемаго сильнаго пламени, никакой къ потушенію возможности не было». Учрежденная «къ охраненію безопасности» воинская команда, которая могла быть небезполезной на пожарѣ, была отозвана изъ Макарьева, по распоряженію губернатора, 16-го августа, то-есть за день до пожара.

Въ результатѣ—гостиный дворъ съ казенными и частными постройками, за исключеніемъ каменныхъ корпусовъ, выгорѣлъ. сгорѣли и два большихъ моста, проведенныхъ къ нему черезъ каналъ, нѣсколько трактировъ, стоявшихъ по близости, и проч. Денежная казна и «всѣ письменныя дѣла» въ конторѣ гостинаго двора были сбережены. Обывательское строеніе г. Макарьева также осталось въ цѣлости.

Причиною пожара, по общему увѣренію, былъ «*поджогъ злоумышленныхъ людей*». Доводомъ къ этому (по рапорту прокурора) служило во-1-хъ, то, что «пожаръ начался въ совершенно пустомъ строеніи (трактирѣ), гдѣ огня никакого быть не могло, и, во-2-хъ, то, что трактиръ, гдѣ возникъ пожаръ, находился не въ близкомъ отъ гостинаго двора разстояніи, между тѣмъ многіе изъ городскихъ жителей и оставшихся торговцевъ, бросившіеся, по первой тревогѣ, къ гостиному двору, видѣли, что въ немъ уже загорѣлись два корпуса и при этомъ не снаружи, а внутри, судя по выходящему изъ подъ крыши дыму».

Для *макарьевской* ярмарки пожаръ 1816 года былъ роковымъ: онъ разомъ разрѣшилъ вопросъ о переводѣ ярмарки къ Н.-Новгороду, о чемъ среди купечества уже ранѣе держались упорные слухи, которые подтвердилъ и государственный канцлеръ графъ Румянцевъ, посѣтившій ярмарку въ 1816 г.

За переводъ ярмарки было много весьма вѣскихъ доводовъ: во-1-хъ, весь лѣвый берегъ Волги, гдѣ находилась ярмарка, былъ покрытъ сыпучими песками, крайне затруднявшими перевозку товаровъ; приходилось ежегодно настилать и разбирать деревянный помостъ; во 2-хъ, берегъ ежегодно подмывало и обрывало водой, требовались большія затраты на береговыя укрѣпленія; въ-3-хъ, въ весеннюю воду всѣ ярмарочныя строенія высоко заливались водой и причиняли значительный ущербъ казнѣ и купечеству; наконецъ, при неудобствахъ подъѣздныхъ дорогъ, громоздкіе тяжеловѣсные товары, вродѣ желѣза, кожъ и пр.,

приходилось складывать на правомъ берегу Волги, въ Лысковѣ, на землѣ князя Грузинскаго; всесильный князь былъ здѣсь полнымъ хозяиномъ, а казна несла отъ этого значительный ущербъ.

Теперь, послѣ пожара, уничтожившаго почти всѣ ярмарочныя строенія, естественно возникалъ вопросъ: возобновить ли ярмарку на прежнемъ мѣстѣ и мириться съ ея неудобствами, или перевести ее въ намѣченное уже мѣсто, къ Нижнему.

Были сторонники и того, и другого мнѣнія. Но за переводъ ярмарки стоялъ государственный канцлеръ графъ Румянцевъ; мнѣніе его, вмѣстѣ съ соображеніями въ томъ же духѣ нижегородскаго губернатора Быховца и городского головы Переплетчикова, одержало верхъ и судьба макарьевской ярмарки была рѣшена въ томъ же 1816 году.

Для приведенія въ исполненіе Высочайшаго повелѣнія о переводѣ ярмарки къ Нижнему, былъ образованъ особый комитетъ, въ составъ коего, кромѣ губернатора С. А. Быховца, вошли генералъ-маіоръ Апухтинъ и генералъ-лейтенантъ Бетанкуръ, строитель нынѣшней нижегородской ярмарки.

По первоначальному предположенію графа Румянцева, мѣстомъ для ярмарки въ Н.-Новгородѣ была избрана «пространная нагорная площадь, между городомъ и Печерскимъ монастыремъ»; «на подолѣ Н.-Новгорода, на берегу самой Волги» предполагалось очистить приличное мѣсто для тяжеловѣсныхъ товаровъ и для разгрузки ихъ съ судовъ.

«Ярмарка отъ Н.-Новгорода,—писалъ гр. Румянцевъ,—многимъ въ нуждахъ своихъ приспособится и не трудно то предсказать, что сей городъ оною возведенъ будетъ на степень третьей государственной столицы».

Далеко не все купечество раздѣляло, однако, взглядъ правительства на переводъ ярмарки къ Нижнему. Многіе не хотѣли разставаться съ насиженнымъ мѣстомъ, а всего болѣе печаловался за ярмарку Макарьевскій монастырь, пользовавшійся обильными съ нея доходами. Братія монастырская во главѣ съ архимандритомъ Израилемъ сильной рукой хлопотала за оставленіе ярмарки у Макарія, и искала поддержки себѣ въ именитомъ купечествѣ.

Въ январѣ 1817 г. уполномоченные отъ ярмарочнаго купечества—купецъ Конюховъ и мѣщанинъ Кузовлевъ обратились къ графу А. А. Аракчееву и министру юстиціи съ просьбой «о предстательствѣ у Его Императорскаго Величества съ испрошеніемъ Высочайшаго соизволенія оставить ярмарку по прежнему въ Макарьевѣ, безъ перевода ея въ Нижній». Но просьба ихъ не имѣла послѣдствій, и ярмарка была устроена на нынѣшнемъ мѣстѣ.

В. С. Соловьевъ (Некрологъ). 31-го іюля скончался извѣстный писатель, философъ-публицистъ Владиміръ Сергѣевичъ Соловьевъ. Онъ проѣхалъ изъ Петербурга въ подмосковное имѣніе, с. Узкое, чтобы навѣстить своего друга, профессора московскаго университета, кн. С. Н. Трубецкаго. Уже дорогой В. С. Соловьевъ почувствовалъ себя дурно, а на мѣсто прибылъ въ такомъ болѣзненномъ состояніи, что его пришлось на рукахъ перенести изъ экипажа въ домъ. Нѣкоторое время окружающіе больного все еще не теряли надежды на выздоровленіе, но болѣзнь, воспаленіе почекъ, серьезно обострилась, и 31-го іюля, въ 9 час. вечера, высоко-талантливаго ученаго—писателя не стало.

В. С. Соловьевъ, сынъ знаменитаго историка, родился въ 1853 г. По окончаніи курса на филологическомъ факультетѣ въ московскомъ университетѣ, гдѣ одновременно В. С. Соловьевъ слушалъ лекціи и на физико-математическомъ факультетѣ, онъ защитилъ въ 1874 г. въ петербургскомъ университетѣ диссертацію на степень магистра философіи—«Кризисъ западной философіи противъ позитивистовъ». Съ 1875 г. до 1877 г. В. С. читалъ лекціи въ московскомъ университетѣ на правахъ доцента, а затѣмъ перешелъ въ Петер-

бургъ, гдѣ съ 1877 до 1881 г. состоялъ членомъ ученаго комитета при министерствѣ народнаго просвѣщенія. Въ бытность свою въ Петербургѣ В. С. открылъ (1878 г.) курсъ публичныхъ лекцій по философіи религіи. Въ 1880 г. онъ защитилъ докторскую диссертацію «Критика отвлеченныхъ началъ», а въ слѣдующіе два года читалъ лекціи въ качествѣ доцента въ петербургскомъ университетѣ и на высшихъ женскихъ (бестужевскихъ) курсахъ. Въ мартѣ 1881 г. В. С. оставилъ государственную службу и съ тѣхъ поръ всецѣло посвятилъ себя литературной и публицистической дѣятельности. Покойный главнымъ образомъ сотрудничалъ въ «Вѣстникѣ Европы» и «Вопросахъ философіи и психологіи», но одновременно съ этимъ помѣщалъ свои статьи и въ другихъ періодическихъ изданіяхъ, между прочимъ, въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ». Кромѣ того, В. С. принималъ видное участіе въ большомъ «Энциклопедическомъ словарѣ» Ефрона и Брокгауза, гдѣ онъ состоялъ редакторомъ философскаго отдѣла. Изъ сочиненій В. С. пользуются наибольшею извѣстностью, кромѣ названныхъ, слѣдующія: «Чтенія о Богочеловѣчествѣ» («Правосл. Обозрѣніе», 1878), «Исторія и будущность теократіи» (Загребъ, 1887), «L'idée russe» (Paris, 1888), «Національный вопросъ въ Россіи» (въ нѣсколькихъ изданіяхъ) «Оправданіе добра» (2-е изд М. 1899) «Судьба Пушкина», «Духовныя основы жизни» (3-е изд., 1897), «Право и нравственность» (1897), «Три разговора о войнѣ, прогрессѣ и концѣ всемірной исторіи» (Спб., 1900) и др. Въ «Вѣстникѣ Европы» покойнымъ было напечатано множество статей и стихотвореній, изъ которыхъ многія имѣли крупное общественное и литературное значеніе. Таковы его «Народная бѣда и общественная помощь», «Идолы и идеалы» (1891), «Мнимыя и дѣйствительныя мѣры къ подъему народнаго благосостоянія», «Вопросъ о самочинномъ умствованіи» (1892), «Порфирій Головлевъ о свободѣ и вѣрѣ», «Нравственная философія какъ самостоятельная наука» (1894), «Народность съ нравственной точки зрѣнія» (1895) и много другихъ. Кромѣ философскихъ и публицистическихъ статей, В. С., обладавшій истиннымъ поэтическимъ талантомъ, написалъ рядъ стихотвореній, вышедшихъ отдѣльнымъ изданіемъ («Стихотворенія», М. 1891; выдержали три изданія) и повѣсть «На зарѣ туманной юности» (въ «Русской Мысли», 1892). За научныя и литературныя заслуги незадолго до смерти В. С. былъ избранъ въ члены академіи наукъ. Покойный до послѣднихъ своихъ дней не переставалъ заниматься тѣмъ дѣломъ, которому была посвящена вся его жизнь. Всего лишь нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ В. С. прочелъ въ Петербургѣ публичную лекцію, а въ послѣдней августовской книжкѣ «Вѣстника Европы» помѣщено его послѣднее изъ напечатанныхъ стихотвореній «Вновь бѣлые колокольчики». Въ послѣдніе же годы В. С. занялся переводомъ сочиненій Платона («Творенія») и выпустилъ подъ своей редакціей новый переводъ сочиненій Фр. Ланге.

---

† **Н. М. Сибирцевъ.** Въ іюлѣ скончался профессоръ почвовѣдѣнія Ново-александрійскаго института сельскаго хозяйства и лѣсоводства Николай Михайловичъ *Сибирцевъ*. Сынъ священника въ г. Архангельскѣ, Николай Михайловичъ родился въ 1860 г. и среднее образованіе получилъ въ Архангельской духовной семинаріи, по окончаніи которой, восемнадцатилѣтнимъ юношей, отправился въ Петербургъ и поступилъ въ университетъ на естественный факультетъ. Здѣсь онъ увлекся геологіей и тогда только что еще нарождавшимся, благодаря трудамъ проф. В. В. Докучаева, русскимъ почвовѣдѣніемъ. Этому увлеченію онъ остался вѣренъ до конца своей жизни. Только что окончивъ курсъ университета въ 1882 г., Николай Михайловичъ принимаетъ самое горячее участіе въ почвенно-геологическомъ изслѣдованіи Нижегородской губ., производившемся по порученію земства этой губерніи, подъ общимъ руководствомъ проф. Докучаева. 4 года шли эти изслѣдованія и какъ въ нихъ, такъ

и въ обработкѣ собраннаго матеріала на молодого ученаго была возложена наиболѣе значительная часть. Въ «Матеріалахъ» къ оцѣнкѣ земель Нижегородской губ. ему принадлежатъ слѣдующія статьи: «Сергачскій уѣздъ», «Арзамасскій уѣздъ», «Юрская система Нижегородской губ.» и «Химическій составъ почвъ Нижегородской губ.». По окончаніи нижегородской экспедиціи земствомъ, по инвціативѣ проф. Докучаева, было приступлено къ организаціи перваго земскаго естественно-историческаго музея; Николай Михайловичъ назначается завѣдующимъ музеемъ и становится душой этого дѣла. Много труда кропотливаго, незамѣтнаго, чернаго пришлось вложить ему въ устройство Нижегородскаго музея, и не колеблясь можно сказать, что; благодаря Сибирцеву, не только Нижегородскій музей всталъ на ноги и окрѣпъ, но и въ другихъ губерніяхъ земства начали заводить подобныя же учрежденія. Семь лѣтъ посвятилъ Николай Михайловичъ Нижегородскому музею, но въ это же время онъ велъ (вмѣстѣ съ Н. Богословскимъ) почвенную часть въ оцѣночно-статистическомъ изслѣдованіи той же Нижегородской губ. и впервые въ Россіи началъ составлять двухъ и трехъ-верстныя почвенныя карты уѣздовъ этой губ. Одновременно съ этими почвенными работами, Сибирцевъ, по порученію геологическаго комитета, производилъ геологическія изслѣдованія въ восточной части Владимірской губ. Въ 1893 г. Николай Михайловичъ оставляетъ Нижній-Новгородъ и снова идетъ на помощь своему учителю В. В. Докучаеву, который въ это время становится во главѣ новаго грандіознаго научнаго предпріятія, такъ называемой «Особой степной экспедиціи лѣсного департамента», поставившей себѣ цѣлью въ различныхъ пунктахъ степной Россіи изучить въ геологическомъ, почвенномъ, ботаническомъ и зоологическомъ отношеніи небольшіе участки, а затѣмъ произвести на нихъ опыты облѣсенія и орошенія, чтобы получить строго научныя данныя, могущія быть примѣненными и въ большихъ размѣрахъ. И здѣсь Н. М. становится душой дѣла и уже въ 1893 г. появляется его «Предварительнюй отчетъ особой экспедиціи лѣсного департамента». Такова была десятилѣтняя какъ бы подготовительная научная дѣятельность Николая Михайловича, почти все время неразрывно связанная съ именемъ и идеями его учителя, проф. В. В. Докучаева. Въ 1894 г. Сибирцевъ получаетъ каѳедру почвовѣдѣнія въ ново-александрійскомъ институтѣ; это совпадаетъ съ началомъ второго, вполнѣ самостоятельнаго періода его дѣятельности, когда онъ не порывая съ прошлымъ, начинаетъ все же шагъ за шагомъ прокладывать самостоятельные пути въ той новой, созданной русскими учеными, во главѣ съ проф. Докучаевымъ, наукѣ, которую можно назвать естественно-историческимъ почвовѣдѣніемъ. Одна за другой появляются слѣдующія работы Николая Михайловича: «Объ основаніяхъ генетической классификаціи почвъ» (1895), «Классификаціи почвъ въ примѣненіи къ Россіи» (1895), «Etude des sols de la Russie» (1897), (докладъ международному геологическому конгресу), «Краткій обзоръ главнѣйшихъ почвенныхъ типовъ Россіи» (1898). Завершеніемъ и сводкой всѣхъ этихъ оригинальныхъ работъ, внесшихъ въ почвовѣдѣніе совершенно новый, плодотворный принципъ о зонахъ, является «Почвовѣдѣніе» (ч. I—III)—курсъ лекцій, читанныхъ въ ново-александрійскомъ институтѣ 1898—1899 г. Главнымъ выводомъ изъ работъ почвовѣдовъ докучаевской школы можно считать положеніе, что почва является функціей физико-географическихъ факторовъ. Изъ этого положенія Сибирцевъ сдѣлалъ еще болѣе широкій выводъ. Разъ это такъ и разъ извѣстно, что физико-географическіе факторы измѣняются закономѣрно, по мѣрѣ движенія отъ полюсовъ къ экватору, то слѣдуетъ ожидать такой же правильности и въ распредѣленіи почвы на земной поверхности, т. е. различные типы почвъ должны распредѣляться зонами, параллельными географическимъ кругамъ широтъ. Разсмотрѣніе почвенныхъ типовъ всѣхъ странъ показало, что такое

обобщеніе вполнѣ правильно, и Сибирцевъ предложилъ раздѣленіе почвъ по зонамъ. Вотъ эти зональные типы почвъ для Россіи (идя съ С. къ Ю.): 1) тундровыя п., 2) дерново-подзолистыя п., 3) лѣсныя земли, 4) черноземныя п., 5) пустынно-степовыя и 6) эолово-лессовыя.

Изъ этого краткаго curriculum vitae Николая Михайловича мы видимъ, что вся жизнь его была сплошнымъ трудомъ, ни минуты отдыха и покоя, все въ наукѣ и все для нея, личной жизни какъ бы и не было совсѣмъ и не потому, чтобы онъ къ ней не былъ способенъ или бѣгалъ ея, нѣтъ—такъ не задалось. Такого труда не выдержать было бы и болѣе здоровому человѣку, а Н. М. здоровьемъ не отличался и имѣлъ даже предрасположеніе къ чахоткѣ; она и унесла его въ могилу. Русская наука потеряла энергичнаго, способнаго, еще молодого, но много уже давшаго ей, работника, друзья—друга рѣдкой душевной чистоты и отзывчивости, ученики—любимаго профессора, который свѣтилъ имъ не только свѣтомъ знанія, но и всѣмъ своимъ нравственнымъ обликомъ. Мягкость была характерной чертой Николая Михайловича, а рядомъ съ этой чисто женской, застѣнчивой, нѣсколько угловатой въ своихъ проявленіяхъ, мягкостью, въ немъ вы видѣли упорство въ трудѣ и настойчивость въ достиженіи поставленной цѣли; не розами былъ усѣянъ его путь, пришлось каждый шагъ отвоевывать грудью, но онъ не озлобился и не очерствѣлъ, а только замкнулся въ самомъ себѣ; ни одной жалобы не слышали вы отъ него, но самъ онъ всегда былъ готовъ откликнуться и на чужое страданіе, и на чужую радость, и даже на хорошее веселье—онъ прошелъ свой краткій жизненный путь бодро, дѣловито и мужественно и далъ жизни больше, чѣмъ взялъ отъ нея. **В. Аг.**

Изъ русскихъ журналовъ.

«Русское Богатство», **іюль.** Г. Діонео даетъ интересную характеристику современной уличной прессы въ Англіи. «Уличная пресса въ Англіи—явленіе молодое. Прежде были газеты культурныхъ среднихъ классовъ, солидныя, содержательныя, спокойныя по тону. Была еще пресса чисто демократическая, издаваемая философскими радикалами и радикалами-демократами. Эта пресса не отличалась сдержанностью, но и она была содержательна и честна. Въ серединѣ восьмидесятыхъ, а въ особенности въ началѣ девяностыхъ годовъ, народилась новая пресса, трескучая, крикливая, наглая, безпринципная, возведшая политическую ложь въ перлъ созданія. Эта пресса продала себя съ потрохами на службу биржевому капиталу.» Знаменемъ своимъ она выставила «патріотизмъ», цѣлью — избавить страну отъ «измѣнниковъ». Она имѣетъ огромную кліентелу; состоящую изъ дикой толпы, движимой двумя страстями: грубѣйшимъ національнымъ самохвальствомъ, соединеннымъ съ завоевательной алчностью, и страстью къ наживѣ. Чтобы потакать этимъ страстямъ, газеты не брезгуютъ ничѣмъ. Онѣ прибѣгаютъ къ явной, беззастѣнчивой лжи, выпускаютъ сенсаціонныя извѣстія, одно невѣроятнѣе другого; напримѣръ, одна изъ нихъ «Daily Express» напечатала телеграмму Вильгельма II къ редактору, въ которой императоръ говоритъ, что жаждетъ союза съ Англіей; клевета противъ личности, извѣстія, полныя всякихъ несообразностей и внутреннихъ противорѣчій,—все пускается въ ходъ и достигаетъ своей цѣли—раззадорить патріотическій пылъ и вызвать дикіе восторги, ликованія или столь же дикую политическую ненависть. Такъ, та же газета нѣсколько времени тому назадъ напечатала: «Явитесь въ редакцію, когда будетъ освобожденъ Мэфкингъ—всѣ получатъ по флагу, по трубѣ и по колпаку». И вотъ старые и молодые «куль-

турные дикари» обоего пола явились въ редакцію, а потомъ въ дурацкихъ колпакахъ, съ флагами и съ дѣтскими дудками плясали по улицамъ, возлѣ биржи. «Ничего, ликуйте!»—писала по этому поводу «Daily Express»,—Давидъ, сынъ Іессеевъ, великій царь былъ, и тотъ отплясывалъ передъ ковчегомъ!» Какъ примѣръ безстыдной и явной лжи, приводится передовая статья по иностранной политикѣ изъ той же газеты. Въ этой статьѣ лубочными красками расписана поѣздка д-ра Лейдса въ арабскую деревню на границѣ Ливійской пустыни, съ тѣмъ, чтобы возбудить противъ англичанъ магди Сенусси и внушить ему надежду завоевать всю Сѣверную Африку. Основаніемъ для этой выдумки послужило сообщеніе бельгійскихъ и французскихъ газетъ, что д-ръ Лейдсъ въ теченіе десяти дней былъ сильно боленъ инфлуэнцей. Развязный публицистъ не замѣтилъ одной маленькой несообразности: на путешествіе Лейдса понадобилось 23 дня, а не 10; но легковѣрная публика не смущается этимъ: она жадно ловила всякое пикантное извѣстіе, лишь бы праздновать торжество «британской доблести», или глумиться надъ глупостью и неудачами враговъ. «Культурные дикари», благодаря подстрекательствамъ этой грязной прессы, почувствовали себя общественной силой и стали «выводить измѣну». Въ Англіи полиція не имѣетъ права не только срывать митинговъ, но даже входить въ залу, гдѣ митингъ происходитъ. Газеты культурныхъ дикарей отъ себя организовывали шайки громилъ, чтобы срывать митинги «не-патріотовъ». Для потаканія другой страсти—къ наживѣ, уличныя газеты пользуются слѣдующими приманками. Одинъ редакторъ (Пирсонъ) придумалъ лотерею, основанную на угадываніи недостающаго слова въ фразѣ. Желающіе принять участіе въ конкурсѣ должны были отрѣзать купонъ въ журналѣ, заполнить недостающее слово и съ приложеніемъ шиллинга послать въ редакцію. Вся сумма, полученная такимъ образомъ, разверстывалась между выигравшими, т.-е. тѣми, которые вѣрно угадывали слово. Лотерея имѣла огромный успѣхъ: пай, доставшійся выигравшему, доходилъ до 700 р. Тогда настоящая ажіотажная горячка охватила культурныхъ дикарей. Журналъ сталъ расходиться въ 1.250.000 экземплярахъ. Одна типографія, несмотря на громадныя машины, не успѣвала печатать всѣхъ номеровъ. Готовый стереотипъ посылался въ провинціальные города. Но кончилось, однако, тѣмъ, что судъ запретилъ лотерею, тогда число подписчиковъ сразу убавилось на милліонъ слишкомъ. Другіе журналы выпускали дѣтски-головоломные вопросы съ преміей за правильный отвѣтъ, напримѣръ: «назвать 10 животныхъ (кромѣ человѣка), попавшихъ въ рай?» или: «какой городъ сдался мертвому генералу?» А между тѣмъ эти нечистоплотные листки задаютъ тонъ, имѣютъ свою многочисленную публику и своего министра—Чэмберлена, который поощряетъ всѣ эти побѣдные клики, барабанный бой и травлю, чтобы на ближайшихъ выборахъ эта мутная волна тріумфально подняла его — до поста премьера.

«Русская Мысль», іюль. Г. *Л. Г.* представилъ очеркъ современной финляндской литературы на основаніи новой книги: «Finnland im Bilde seiner Dichtung» Браузеветтера. Политическое, умственное и эстетическое развитіе финляндцевъ за короткое время ихъ самостоятельности почти освободилось изъ-подъ шведскаго вліянія и шло своимъ собственнымъ, самобытнымъ путемъ. Первый толчокъ національному возрожденію былъ положенъ собираніемъ народныхъ сказаній и пѣсенъ. Главная заслуга въ этомъ отношеніи принадлежитъ обществу любителей финляндской литературы, основанному въ 1827 году при Абосскомъ университетѣ; когда послѣ пожара университетъ былъ переведенъ въ Гельсингфорсъ, и общество перекочевало туда. Знаменитые писатели, Рунебергъ, Топеліусъ, Снельманъ и Ленротъ, вышли изъ его среды. Ленроту принадлежитъ честь открытія древней финской героической эпопеи — Калевалы. Хотя эта поэма не такъ богата красками и художественными деталями, какъ

*

Илліада, зато она отличается замѣчательною тонкостью и глубиной психологіи. Вслѣдъ за открытіемъ Калевалы послѣдовало обнародованіе «Кантелъ», сборника старинныхъ народныхъ пѣсенъ (собственно «кантела» есть струнный инструментъ, на которомъ древніе финны аккомпанировали свое пѣніе). Съ этого времени финское нарѣчіе, на которомъ до тѣхъ поръ говорилъ только простой народъ, пріобрѣтаетъ право гражданства. Однако, побѣда досталась не безъ борьбы: долгое время литература и вся интеллигентная Финляндія дѣлилась на два враждебныхъ лагеря—свеномановъ, признававшихъ литературнымъ языкомъ только шведскій, и финномановъ, писавшихъ исключительно по-фински. Но шведскій языкъ продолжалъ оставаться господствующимъ. Вотъ почему два величайшихъ поэта того времени, оба горячіе патріоты, Рунебергъ и Топеліусъ, писали по-шведски. Рунебергъ въ своихъ произведеніяхъ, прозой и стихами, изображалъ борьбу своей родины за свободу и представилъ намъ поэтическое, но вмѣстѣ съ тѣмъ и въ высшей степени реалистическое для того времени (40-е—50-е годы) изображеніе финскаго національнаго характера. Всѣ его произведенія дышатъ искренней любовью къ крестьянамъ и къ родинѣ. Самые популярные его разсказы—«Охотники за лосями» и «Разсказы прапорщика Столя»—можно найти вездѣ, и въ бѣдной лачугѣ, и въ аристократическомъ салонѣ. Топеліусъ—лирикъ элегическаго настроенія, но писалъ также драмы, комедіи, сказки, ученыя изслѣдованія и историческіе романы. Особенно ярки въ его описаніи картины финской природы. Его сказки составляютъ любимое чтеніе дѣтей, къ которымъ онъ подходилъ по своему ясному, простому и наивному міросозерцанію. Подъ конецъ жизни онъ сталъ впадать въ религіозный мистицизмъ и обнаружилъ склонность къ аллегоріямъ и символамъ. Изъ новѣйшихъ финскихъ писателей слѣдуетъ упомянуть недавно умершаго Карла Тавастьерна. Его можно назвать общеевропейскимъ писателемъ, онъ подолгу живалъ за границей, проникся господствующими тамъ идеями и возвысился надъ узко-національнымъ направленіемъ. Поэтому финское общество съ первыхъ же шаговъ ополчилось противъ него, противъ «молодыхъ мыслей» и «молодыхъ чувствъ», которыя онъ воспѣвалъ въ своихъ стихотвореніяхъ, въ противоположность старымъ понятіямъ и отжившимъ чувствамъ. Не могли простить ему также скептическаго отношенія къ поклоненію «народу». Онъ доказывалъ, что неумѣренное восхваленіе и излишняя идеализація крестьянъ приносятъ только вредъ. А между тѣмъ самъ онъ глубоко любилъ свою родину и высоко цѣнилъ свой народъ. Преслѣдованія во имя національнаго фанатизма доводили его до того, что онъ не разъ бѣжалъ изъ отечества, потомъ опять возвращался и чувствовалъ себя на родинѣ чуждымъ и одинокимъ: жизнь здѣсь казалась ему черезчуръ мелочной, бѣдной идеями. «Негодованіе на узкость и ограниченность идеаловъ и умственнаго кругозора своихъ соотечественниковъ,—говоритъ Браузеветтеръ—вылилось у него въ формѣ ѣдкой сатиры, проникнутой мѣстами неподдѣльнымъ горемъ и необузданнымъ гнѣвомъ», подъ названіемъ «Laureatus». Здѣсь Тавастьерна изображаетъ участь поэта, не признаннаго и не понятаго на родинѣ. Это цѣлая мартирологія: сначала его травитъ критика, потомъ общество отвертывается отъ него, какъ отъ отщепенца, преслѣдуетъ за «легкомысленную жизнь», осыпаетъ клеветой... Но Тавастьерна по преимуществу лирикъ и интересуется больше всего изображеніемъ самыхъ сложныхъ и загадочныхъ душевныхъ движеній. Мы нарочно подробнѣе остановились на характеристикѣ Тавастьерны, такъ какъ это позволяетъ намъ проникнуть въ своеобразныя черты финской культуры, и главнымъ образомъ, въ узко національный характеръ ея. «Любовь къ родинѣ у финляндцевъ въ наивысшемъ своемъ развитіи приводитъ къ отрицанію всемірной культуры», замѣчаетъ Браузеветтеръ.

Г-жа С. В. Л—ва извлекаетъ изъ только что вышедшаго французскаго перевода «Мемуаровъ идеалистки» все, что касается Герцена, его семьи и

близкихъ ему лицъ. Авторъ «Мемуаровъ» Мальвида фонъ-Мейзенбургъ (ей теперь 83 года) представляется замѣчательною женщиною особенно по той стойкости, съ которою она служила идеалистическимъ принципамъ и въ жизни, и въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ. Для насъ ея «Мемуары» имѣютъ особенный интересъ, такъ какъ вводятъ какъ бы въ непосредственное соприкосновеніе съ личностью Герцена въ его житейской обстановкѣ и лишними чертами дополняютъ его яркій образъ. Первое впечатлѣніе отъ знакомства съ нимъ Мальвида Мейзенбургъ описываетъ такъ: «Наконецъ, вошелъ Герценъ. Это былъ коренастый человѣкъ съ черными волосами и бородой, съ чертами лица немного широкими, какъ вообще у славянъ, и съ глазами поразительнаго блеска. Никогда я не видѣла глазъ, которые всѣ движенія души выражали бы съ такой быстротой. Онъ былъ мнѣ представленъ, и разговоръ немедленно оживился. Я нашла въ немъ тотъ мощный, острый умъ, который я подмѣтила въ его произведеніяхъ, но въ разговорѣ онъ выигрывалъ отъ блестящей діалектики». За первой встрѣчей послѣдовали и другія, а весною 1853 г. Мейзенбургъ получила отъ Герцена письмо, гдѣ онъ предлагалъ ей заняться съ его старшей дочерью. Мейзенбургъ отвѣтила согласіемъ и выразила въ письмѣ сочувствіе къ тяжелымъ испытаніямъ, которыя ему посылала жизнь. Въ отвѣтъ онъ писалъ ей: «Ваша дружба напоминаетъ мнѣ мою молодость; это—дружба активная, единственно истинная, единственно которую я понимаю и которую испытываю. Пассивную дружбу можно вездѣ найти около себя, дружбу разсудочную, сотрудничество, франкъ-масонство, потребность въ развитіи, политическія дружбы, но все это неопредѣленно и отвлеченно. Я горячо благодарю васъ за то, что вы мнѣ напомнили, что есть другая симпатія, болѣе человѣчная и болѣе личная въ этомъ vacuum horrendum, которымъ окружаетъ насъ жизнь. Повѣрьте мнѣ, несмотря на мой видъ Фальстафа, нѣтъ чувства, насколько бы тонко оно ни было, которое не нашло бы отзвука въ моемъ сердцѣ». Черезъ нѣсколько дней Мейзенбургъ вошла въ семью Герцена въ качествѣ учительницы его старшей дочери. Желая отдохнуть послѣ сезона занятій, Мейзенбургъ уѣхала въ Broadstairs, куда Герценъ обѣщалъ привезти ей своихъ дѣтей; но дни проходили, а отъ него не было никакихъ извѣстій. Тогда Мейзенбургъ напомнила ему объ его обѣщаніи и полушутя прибавила, что, конечно, ему трудно разстаться съ Лондономъ, съ его развлеченіями и многочисленнымъ кружкомъ знакомыхъ. Черезъ нѣсколько дней она получила слѣдующій отвѣтъ: «Вы имѣете дѣло съ человѣкомъ, котораго судьба преслѣдуетъ даже въ мелочахъ... Мой сынъ боленъ... Я только что получилъ ваше письмо,— и ты, Брутъ, тоже? Мнѣ казалось, что вы меня знаете лучше, чѣмъ кто-либо въ Лондонѣ, а между тѣмъ вы думаете, что café Very, restaurant de Piccadilly, Regent-street, толпа и пренія мнѣ необходимы, потому что, въ сущности, это все, что я имѣю здѣсь. Вы знаете теперь нашу жизнь; она печальна и разбита и похожа на одинъ изъ тѣхъ дворцовъ прошлаго, гдѣ остается обитаемымъ только маленькій уголокъ. Что же привязываетъ меня къ этой жизни? Есть только одна вещь въ свѣтѣ, которую я люблю до фанатизма, это моя независимость... Есть еще дѣти... Я зналъ жизнь широкую, жизнь увлеченія и счастья—tempi passati! Единственно, что мнѣ остается, это энергія для борьбы,—и я буду бороться. Борьба—это моя поэзія. Все остальное для меня почти безразлично». Въ другомъ письмѣ онъ пишетъ: «Единственное удовольствіе, которое мнѣ остается, это любовь къ труду. Въ этомъ я остался молодымъ и сильнымъ по прежнему». Въ слѣдующемъ письмѣ онъ, между прочимъ, пишетъ: «Покончить самоубійствомъ? Но путемъ разсужденій не кончаютъ съ собой. Пуля не силлогизмъ. Одинъ только разъ мнѣ пришла мысль о самоубійствѣ. Никто никогда не зналъ объ этомъ. Мнѣ было стыдно признаться и поступить, какъ тѣ жалкіе люди, которые эксплуатируютъ самоубійство. У

меня нѣтъ болѣе такихъ сильныхъ страстей, которыя могли бы довести меня до этой крайности. Я даже испытываю ироническое удовольствіе, любопытство посмотрѣть, какой оборотъ примутъ вещи... Я ничего не жду болѣе для самого себя. Ничто не вызоветъ во мнѣ больше ни очень большого удивленія, ни очень большой радости. Я достигъ такой степени безразличія, резиньяціи, скептицизма, что я переживу всѣ удары судьбы, хотя у меня нѣтъ желанія ни жить долго, ни умереть скоро... Бываютъ минуты, когда въ сердцѣ буря, когда испытываешь пламенное желаніе имѣть друга, пожать руку, вызвать слезу, такъ много есть что сказать!» «Вернувшись въ Лондонъ,—разсказываетъ Мейзенбургъ—я опять начала заниматься съ дочерьми Герцена. Однажды вечеромъ я проходила мимо ихъ дома и зашла. Я нашла Герцена въ столовой, у него былъ грустный и разстроенный видъ. Когда я уходила, онъ пошелъ меня проводить и вдругъ заплакалъ, говоря, что дома у него не ладится, что его безпокоитъ будущность дѣтей и что его семейная жизнь представляетъ развалину. «Я не заслужилъ этого, я не заслужилъ этого!»—повторилъ онъ нѣсколько разъ». Желая помочь ему, Мейзенбургъ предложила отдать себя вполнѣ воспитанію его дѣтей, получила согласіе и переѣхала къ нему въ домъ. «Я нашла необходимымъ,—продолжаетъ она,—ввести нѣкоторыя реформы въ воспитаніе дѣтей, въ домашній обиходъ и даже въ свѣтскія отношенія, которыя размножились до такой степени, что Герценъ серьезно страдалъ отъ нихъ, но тѣмъ не менѣе не имѣлъ должной энергіи, чтобы ввести въ этомъ отношеніи нѣкоторый порядокъ. Я подмѣтила у него въ то время черту характера, удивительную въ человѣкѣ, твердомъ въ спорѣ, непоколебимомъ въ своихъ мнѣніяхъ и упорномъ въ трудѣ,—въ дѣлахъ повседневной жизни онъ отступаетъ передъ каждымъ вмѣшательствомъ. Его домъ былъ сборнымъ мѣстомъ русскихъ и поляковъ, которые распоряжались въ немъ, какъ хозяева. Съ чистосердечностью, которая была другой чертой его характера, Герценъ признался, что слабость мѣшала ему положить конецъ этимъ злоупотребленіямъ». Былъ назначенъ одинъ день въ недѣлю для пріема «и у насъ началась покойная жизнь». Черезъ нѣсколько времени одинъ изъ знакомыхъ Герцена указалъ ему на недостатокъ дисциплины въ воспитаніи его дѣтей. Герценъ принялъ это серьезно къ сердцу и написалъ откровенно Мейзенбургъ о недостаткахъ ея педагогической системы. Мейзенбургъ отвѣчала обстоятельнымъ письмомъ, и миръ опять водворился, но не надолго. Скоро пріѣхалъ Огаревъ, только что женившійся на Тучковой, которая была другомъ покойной жены Герцена и должна была сдѣлаться теперь воспитательницею его дѣтей. Между Мейзенбургъ и Огаревой сразу возникли непріязненныя отношенія, Огарева хотѣла замѣнить дѣтямъ мать и внести русскій элементъ въ воспитаніе; самостоятельное положеніе Мейзенбургъ въ семьѣ стѣсняло ее. Герценъ пытался уладить отношенія, но, наконецъ, увидалъ, что это невозможно, и высказалъ все это въ письмѣ къ Мейзенбургъ. Мейзенбургъ съ тяжелымъ сердцемъ покинула семью Герцена, но черезъ нѣсколько лѣтъ, когда Огарева уѣхала, Герценъ опять просилъ Мейзенбургъ взять на себя воспитаніе его младшей дочери Ольги; Мейзенбургъ согласилась и уѣхала съ своей воспитанницей въ Парижъ. Этимъ и заканчиваются «Мемуары идеалистки».

«Вѣстникъ Европы», **августъ**. *Г. Сукенниковъ* знакомитъ съ исторіей газетнаго дѣла и съ современнымъ положеніемъ ежедневной прессы въ Берлинѣ. Нынѣшній вѣкъ пережилъ два момента необычайнаго подъема журнальной дѣятельности: въ первый разъ въ 1848 году, послѣ паденія предварительной цензуры, второй разъ — въ семидесятыхъ годахъ, послѣ возрожденія германской имперіи. Въ настоящее время число періодическихъ изданій въ Берлинѣ равняется 900, благодаря конкурренціи подписная цѣна ихъ понижена до чрезвычайности. Массовое распространеніе газетъ стало возможно только благодаря

новѣйшимъ успѣхамъ техники: двойная ротаціонная машина, одновременно печатающая, рѣжущая и складывающая газетные листы, даетъ въ одинъ часъ 30.000 экземпляровъ газеты въ 8 большихъ страницъ. Далѣе авторъ слѣдитъ за тѣмъ, какъ конкурренція вызывала все новыя и новыя усовершенствованія въ газетномъ дѣлѣ. Такъ, въ 1849 году было открыто телеграфное агентство Вольфа, и до сихъ поръ остающееся самымъ крупнымъ въ Германіи. Оно имѣетъ своихъ агентовъ и корреспондентовъ въ сотняхъ крупныхъ и мелкихъ городовъ и обмѣнивается матеріаломъ съ заграничными телеграфными бюро. Переданныя по телеграфу и по телефону извѣстія обрабатываются цѣлымъ штабомъ редакторовъ и разсылаются въ редакціи газетъ, также абонирующимся отелямъ, кафе и частнымъ лицамъ. Агентство имѣетъ своего корреспондента даже среди лицъ ближайшей свиты императора. Затѣмъ, по иниціативѣ «Berl. Tagblatt» были заведены собственные корреспонденты, или живущіе въ опредѣленныхъ пунктахъ, или командируемые въ разныя страны на какія-нибудь чрезвычайныя зрѣлища и торжества. Слѣдствіемъ этой конкурренціи въ быстротѣ и разносторонности сообщеній было то, что ежедневныя газеты стали гнаться только за новыми или сенсаціонными фактами, не сопровождая ихъ комментаріями; поэтому появилась масса еженедѣльныхъ изданій, обрабатывавшихъ накопившійся за недѣлю матеріалъ. Такъ, берлинская ежедневная печать постепенно перерождается, на подобіе лондонской или нью-іоркской. Газета доставляетъ читателю только факты, голые факты, свѣтскія новости, послѣднія событія; публициста смѣнилъ репортеръ, который хватаетъ на лету новость, слухъ, быстро его записываетъ и немедленно отдаетъ въ печать; мѣсто театральнаго и художественнаго критика занялъ рецензентъ и фельетонистъ, которые послѣ оперы, драматическаго представленія или концерта забѣгаютъ въ редакцію и на-скоро составляютъ отзывъ, который читатель найдетъ въ своей газетѣ уже на другой день утромъ. Любопытно, что наибольшею распространенностью пользуются въ Берлинѣ безпартійные органы. Среди нихъ прежде всего нужно упомянуть такъ называемый «Extra-Blatt». Этотъ листокъ появляется немедленно послѣ какого-нибудь сенсаціоннаго событія и выкрикивается на улицѣ грязными, полуоборванными лицами. Нѣсколько лѣтъ назадъ на главныхъ улицахъ Берлина по понедѣльникамъ можно было встрѣтить вереницу изъ 10—12 человѣкъ съ большими плакатами на груди и на спинѣ: «Die Weet am Montag». Такимъ образомъ возвѣщалось появленіе спеціально-понедѣльничной газеты; идея имѣла большой успѣхъ, такъ какъ большинство нѣмецкихъ газетъ по понедѣльникамъ не выходятъ. Самая распространенная изъ всѣхъ берлинскихъ газетъ, «Berl. Lokal Anzeiger», возникла слѣдующимъ образомъ: 18 лѣтъ тому назадъ основатель ея Шерль пріѣхалъ въ Берлинъ безъ копѣйки денегъ, тѣмъ не менѣе немедленно отпечаталъ 200.000 экземпляровъ перваго нумера газеты, заполненной почти исключительно объявленіями, и раздавалъ ее всѣмъ желающимъ даромъ, при условіи уплаты 10 пфенниговъ въ мѣсяцъ женщинѣ, приносящей по воскресеньямъ газетку на домъ. Сначала она выходила разъ въ недѣлю, теперь выходитъ 12 разъ (6 дней, по утрамъ и вечерамъ) и стоитъ съ доставкой 1 марку въ мѣсяцъ. Это спеціально берлинская газета, успѣхъ ея созданъ, главнымъ образомъ, хроникой городскихъ происшествій и скандаловъ. Она стремится угождать всѣмъ вкусамъ и потому не имѣетъ опредѣленной физіономіи. Чтобы полнѣе удовлетворить интересамъ городскихъ обывателей, издатель разбилъ редакцію на четыре отдѣленія по частямъ города, и свѣдѣнія мѣстнаго характера въ видѣ особыхъ приложеній печатаются только для подписчиковъ извѣстнаго района. Затѣмъ авторъ знакомитъ съ одной изъ характерныхъ особенностей нѣмецкой печати—съ «газетами безъ заголовка» («Kopflose Zeitung»). Ловкіе берлинскіе издатели входятъ въ сношенія съ редакціями мелкихъ провинціальныхъ газетъ и поставляютъ имъ ежедневно отпе-

чатанные въ Берлинѣ листы съ политическими извѣстіями и фельетономъ; другая сторона каждаго листа оставляется чистой, и здѣсь печатаются уже на мѣстѣ, въ провинціальномъ городѣ, мѣстная хроника и объявленія, и газета, снабженная мѣстнымъ заголовкомъ, выходитъ такимъ образомъ въ свѣтъ, вслѣдствіе чего въ мелкихъ городахъ, одновременно на югѣ и на сѣверѣ Германіи, предлагаются читателямъ одни и тѣ же разсказы, политическія новости, передовыя статьи и фельетоны. Въ Берлинѣ имѣются уже четыре фирмы, разсылающія въ провинціальные города десятки тысячъ экземпляровъ подобныхъ «газетъ безъ заголовка» или же отлитыя въ Берлинѣ формы для печатанія стереотипомъ. Другую характерную особенность нѣмецкой печати составляютъ такъ называемыя «корреспонденціи». Онѣ представляютъ изъ себя корреспонденціи политическія, парламентскія, судебныя, политико-экономическія, научныя и др., причемъ частнымъ лицамъ онѣ не продаются, и публика иногда даже не знаетъ объ ихъ существованіи. Очень часто газеты, особенно провинціальныя, не держатъ своихъ репортеровъ и корреспондентовъ и абонируются на эти «корреспонденціи», которыя такимъ образомъ служатъ первоисточникомъ для многихъ изданій: нѣкоторыя мелкія газеты представляютъ изъ себя сплошную перепечатку этихъ «корреспонденцій». Изъ крупныхъ политическихъ газетъ назовемъ старую «Крестовую Газету», органъ прусскихъ «юнкеровъ»; эта консервативная газета сохраняетъ независимость убѣжденій, въ противоположность «Norddeutsche Allgem. Zeitung», которая открываетъ свои столбцы имперскому канцлеру, кто бы онъ ни былъ—Бисмаркъ, Каприви или Гогенлое. Изъ консервативныхъ газетъ нужно еще упомянуть вліятельную «Die Post», органъ извѣстнаго заводчика барона Штумма. Такъ какъ онъ—личный другъ императора и негласный его совѣтникъ, то въ нѣкоторые критическіе моменты передовыя статьи этой газеты считались сигналами того или другого направленія въ международной политикѣ. Носятся слухи, что Штуммъ впалъ въ немилость при дворѣ, и значитъ газета должна потерять свое значеніе. Органъ націоналъ-либеральной партіи «National-Zeitung» находится въ томъ же состояніи упадка и разложенія, какъ и сама партія, и тщетно пытается вернуть былое значеніе напоминаніемъ о старыхъ идеалахъ нѣмецкаго либеральнаго бюргерства. «Berliner Tageblatt»—органъ свободомыслящей партіи, является самой распространенной политической газетой въ Берлинѣ. Несмотря на распространенность, она не пользуется уваженіемъ какъ вслѣдствіе шаткости политическихъ принциповъ, такъ и вслѣдствіе стремленія ея служить и нашимъ, и вашимъ. Фоссова газета стойко держится умѣренно прогрессивнаго направленія и стоитъ высоко въ общественномъ мнѣніи за свою дѣловитость, надежность и корректность. Органомъ нѣмецкой соціалъ-демократической партіи служитъ вліятельная и популярная «Vorwärts» (редакторомъ ея долгое время состоялъ покойный Либкнехтъ). Но такъ какъ она издается въ Берлинѣ, который имѣетъ многочисленную и болѣе развитую рабочую массу, то газета является представительницей не рабочей партіи вообще, а спеціально берлинскаго рабочаго міра, передового авангарда партіи. Спеціальность ея—печатаніе тайныхъ циркуляровъ, что производитъ иногда большую сенсацію. Увѣряютъ, что императоръ ежедневно прочитываетъ передовую статью въ «Vorwärts».

Проф. *В. И. Герье* сообщаетъ итоги благотворительной дѣятельности двухъ крупныхъ учрежденій: домовъ трудолюбія и московскихъ городскихъ попечительствъ; основаніемъ для очерка послужили ему отчеты о дѣятельности этихъ двухъ учрежденій, изданные для парижской выставки. Съ 1895 года дома трудолюбія получили болѣе прочную организацію, все дѣло было передано особому попечительству, во главѣ котораго былъ поставленъ центральный комитетъ изъ 10 членовъ, подъ личнымъ предсѣдательствомъ государыни. Денежная поддержка комитета, выданная столичнымъ и провинціальнымъ домамъ трудолюбія,

дошла за 5 лѣтъ (до 1-го января 1900) до 248 тысячъ рублей. Число домовъ трудолюбія равняется въ настоящее время 130; количество призрѣваемыхъ извѣстно только относительно 86 домовъ, давшихъ обстоятельныя свѣдѣнія, и въ январѣ нынѣшняго года, когда оно было зарегистрировано, равнялось 5.363 человѣкамъ взрослыхъ и дѣтей. Такъ какъ дома трудолюбія не только даютъ пріютъ, но оказываютъ и трудовую помощь, то многіе изъ нихъ снабжены разнаго рода мастерскими. Въ Москвѣ дѣло трудовой помощи поставлено иначе: дома трудолюбія состоятъ не въ вѣдѣніи центральнаго комитета, а въ рукахъ городского управленія. Съ этимъ переходомъ къ городскому управленію въ 1894 г. дѣятельность работнаго дома и основаннаго при немъ дома трудолюбія сильно поднялась: число призрѣваемыхъ дошло (въ 1899) до 796 человѣкъ, всѣхъ же перебывавшихъ въ немъ лицъ за этотъ годъ насчитывается 7.377; мастерскія дома трудолюбія имѣютъ годичный оборотъ въ 110 тысячъ рублей. Съ 1895 года былъ сдѣланъ первый опытъ организаціи артелей изъ трудолюбцевъ для исполненія разнаго рода работъ, наконецъ организованы были общественныя работы (асфальтовыя и ремонтъ городскихъ зданій), которыя въ въ 1899 г. выразились суммой въ 170 тысячъ рублей. Попечительство о домахъ трудолюбія проявило особенно интенсивную дѣятельность въ послѣдній голодный 1898 годъ организаціей въ приволжскихъ губерніяхъ разнаго рода работъ, открытіемъ яслей и поддержкой мѣстнаго кустарнаго промысла. Эта помощь вывела попечительство о домахъ трудолюбія изъ первоначальныхъ рамокъ и открыло передъ нимъ новыя, болѣе широкія перспективы. Дѣйствительно, коммиссія изъ членовъ комитета выработала проектъ новаго «Положенія», въ которомъ такъ формулированы задачи попечительства: «озабочиваться основаніемъ различныхъ учрежденій трудовой помощи, какъ-то: домовъ трудолюбія разныхъ типовъ, рабочихъ колоній, учебныхъ мастерскихъ съ ремесленными классами и показательными выставками, дѣтскихъ пріютовъ трудолюбія, складовъ для снабженія нуждающихся матеріалами и орудіями производства, а также для сбыта ихъ произведеній, дешевыхъ и здоровыхъ жилищъ для рабочихъ, яслей, ночлежныхъ домовъ, временныхъ пристанищъ и бараковъ для отхожихъ рабочихъ, дешевыхъ столовыхъ, чайныхъ и т. п.». Проектъ представленъ на утвержденіе, и отъ судьбы его будетъ зависѣть успѣхъ дѣла. Другое изданіе есть отчетъ о дѣятельности московскихъ городскихъ попечительствъ, функціонирующихъ съ 1894 года. Въ виду довольно распространенныхъ слуховъ о томъ, что работа попечительствъ, послѣ блестящаго начала, значительно ослабѣла, одушевленіе сотрудниковъ охладѣло и притокъ пожертвованій оскудѣлъ, въ виду всего этого—компетентное заявленіе одного изъ главныхъ дѣятелей попечительствъ проф. Герье, притомъ подтвержденное цифрами, пріобрѣтаетъ особенное значеніе. Въ 1898 году попечительства оказали помощь непосредственно или косвенно 27.257 лицамъ, т.-е. 2,7% городскаго населенія Москвы. Убѣжищъ для престарѣлыхъ попечительства имѣютъ 37, пріютовъ для дѣтей—33, число призрѣваемыхъ въ тѣхъ и другихъ равняется 2.000. Кромѣ этого закрытаго призрѣнія бѣдныхъ (на что попечительствами истрачено въ 1898 г. 131.238 р.), особенно важна дѣятельность попечительствъ по оказанію открытой помощи, т.-е. пособій нуждающимся на дому, на что въ 1898 г. было употреблено 91.149 рублей. Денежный оборотъ попечительствъ въ 1898 г. равнялся 243.285 р. Эта сумма составляется изъ средствъ, отпускаемыхъ думою (въ 1898 г.—76 тысячъ рублей, въ 1899—95 тыс., благодаря 20 тыс., доставленнымъ налогомъ на собакъ и предоставленнымъ въ пользу попечительствъ), членскихъ взносовъ (составившихъ въ 1898 г. 142 тысячи рублей, а въ первый, 1895 годъ—126.167 рублей), изъ сбора съ концертовъ и спектаклей (въ первый годъ этотъ сборъ равнялся 14 тыс., а въ четвертый—27 тысячамъ рублей), наконецъ изъ пожертвованій (число ихъ колеблется: въ

первый годъ около 100.000 р., въ 1897—60.769 р., въ 1898—110.432 р., въ 1899—132.700 р.). Кромѣ того, въ распоряженіе попечительствъ поступаютъ проценты съ благотворительныхъ капиталовъ, находящихся въ вѣдѣніи города, и пособія бѣднымъ передъ Рождествомъ и Пасхой, выдаваемыя купеческимъ обществомъ. Съ тѣхъ поръ какъ попечительства взяли въ свои руки эти выдачи, явилась возможность распредѣлить ихъ правильнѣе и устранить злоупотребленія со стороны просителей. Итакъ, если дѣятельность попечительствъ и не прогрессируетъ (число сотрудниковъ не уменьшается, но и не увеличивается) въ той степени, какъ было бы желательно, во всякомъ случаѣ она не падаетъ. Само собою разумѣется, нельзя подсчитать то нравственное благо, которое оказали сотрудники и сотрудницы непосредственнымъ сближеніемъ съ нуждающимися, личнымъ участіемъ къ ихъ бѣдствіямъ и моральной поддержкой во время невзгодъ.

«Жизнь», іюль. За подписью «Украинка» помѣщена статья о двухъ крайнихъ направленіяхъ въ современной итальянской литературѣ, представителями которыхъ являются Ада Негри и д'Аннунціо. Это личности, діаметрально противоположныя по идеямъ, по симпатіямъ, по темпераменту и, наконецъ, по происхожденію. Ада Негри—плебеянка, дочь сельскаго рабочаго, прошла жизнь, полную нужды и лишеній. Д'Аннунціо—потомокъ древняго аристократическаго рода, жилъ въ роскоши, въ юности составилъ себѣ довольно скандальную извѣстность блестящимъ прожиганіемъ жизни. Ада Негри прославилась идейностью своей поэзіи, искренностью тона и простотой образовъ, д'Аннунціо, наоборотъ,—своей безпринципностью, изысканностью и утонченностью и содержанія, и формы. Одна общая черта присуща имъ обоимъ—это тенденціозность ихъ произведеній; кромѣ того, оба они создались подъ вліяніемъ Кардуччи, но только Ада Негри подъ вліяніемъ Кардуччи-демократа, а д'Аннунціо—подъ вліяніемъ Кардуччи-академика. Аду Негри часто называютъ «народной» поэтессой въ томъ смыслѣ, что она воспѣваетъ жизнь и выражаетъ стремленія рабочихъ классовъ; чувства и образы ея просты, но стиль не только книжный, а подчасъ даже слишкомъ витіеватый: въ этомъ отношеніи она слѣдуетъ традиціямъ итальянской поэзіи и не особенно рѣзко отличается отъ своего литературнаго антипода—д'Аннунціо. Д'Аннунціо—поклонникъ классическихъ образцовъ; онъ воспроизводитъ ихъ олимпійство, впадаетъ въ напускной паѳосъ, пестритъ свои стихотворенія учеными цитатами, греческими и латинскими эпиграфами. Ада Негри—чисто лирическій талантъ, ей несвойственъ объективный, эпическій тонъ. Всѣ картины, какія она изображаетъ, освѣщены чувствомъ, большею частью, простымъ, несложнымъ, но всегда сильнымъ, страстнымъ. Въ пейзажахъ настроеніе всегда преобладаетъ надъ описаніемъ. Въ ея личной лирикѣ звучатъ скорбныя, трагическія ноты, но идейныя ея стихотворенія дышатъ гордой и непреклонной энергіей. Синтезъ преобладаетъ у нея надъ анализомъ. Она не подъискиваетъ фактовъ для иллюстраціи своихъ идей,—напротивъ, поразившіе ее факты возбуждаютъ внезапно ея мысль и чувство. Въ противоположность цѣльному и энергичному таланту Ады Негри, д'Аннунціо—поэтъ постоянно смѣняющихся, прихотливыхъ настроеній, пресыщенное воображеніе его гоняется за новыми, дикими образами, за отвратительными и ужасными картинами. Ему начинаетъ нравиться гниль и разрушеніе, онъ даже доходитъ до убѣжденія, что только отвратительное способно вызывать великія идеи и трогательныя настроенія, и старается побѣдить въ себѣ чувство изящнаго. У него преобладаетъ анализъ, онъ поэтъ оттѣнковъ и тонкихъ, едва уловимыхъ настроеній. Обращаясь къ общественнымъ мотивамъ ихъ поэзіи, мы должны прежде всего припомнить, что они оба принадлежатъ къ эпигонамъ великой эпохи освобожденія Италіи. Послѣ энтузіастическаго подъема наступилъ въ Италіи большой упадокъ силъ. Объединеніе Италіи было великой политической реформой, но обществен-

ная неурядица и экономическій гнетъ еще болѣе обострились съ усиленіемъ буржуазіи и развитіемъ капитализма. Въ эту-то мрачную эпоху имъ приходилось запѣвать новыя пѣсни. Оба они стали на одну позицію—рѣзкаго осужденія существующаго строя вещей. Д'Аннунціо пришелъ къ этому путемъ, объективныхъ наблюденій, онъ отрицательно относится къ буржуазіи и пролетаріату, и чѣмъ далѣе, тѣмъ больше выражаетъ симпатіи къ аристократамъ, къ тѣмъ аристократамъ, которые обманулись въ своихъ надеждахъ на великое объединеніе и съ горечью удалились въ полуразоренныя помѣстья; тамъ они строго блюдутъ сословныя традиціи и предаются мечтамъ о пришествіи Мессіи, освободителя Италіи (романъ «Дѣвы скалъ»). Выдѣленіе аристократовъ, какъ высшихъ избранниковъ міра, въ противоположность рабамъ и толпѣ, рожденной для труда, но владычествующей теперь въ мірѣ и осквернившей прежнія святыни,—напоминаетъ собою идеи Ницше. Д'Аннунціо вѣритъ въ возрожденіе Рима, который подастъ міру великую объединяющую идею и такимъ образомъ создастъ всеобщее возрожденіе: это традиціонныя черты итальянскаго мессіанизма, который проповѣдовалъ и Леопарди, и Мадзини. Пока великій день новаго освобожденія еще не пришелъ, д'Аннунціо призываетъ поэтовъ и аристократію охранять отъ дикаго разгула черни прежнія сокровища мысли и красоты. Итакъ, его политическій идеалъ—абсолютизмъ, опирающійся на родовую аристократію. Но трудно воскресить павшее, выродившееся величіе, и сила д'Аннунціо заключается не въ этихъ несбыточныхъ мечтахъ, а въ безпощадномъ анализѣ современной Италіи, въ мужественномъ раскрытіи ея язвъ. Ада Негри пришла къ осужденію современнаго строя самою жизнью, личнымъ горькимъ опытомъ, протестъ ея является слѣдствіемъ не разсудочныхъ наблюденій, а непосредственнаго чувства. Кругъ ея наблюденій гораздо уже, чѣмъ у д'Аннунціо, она знаетъ рабочую среду и во имя ея интересовъ безпощадно бичуетъ «сытый міръ коварныхъ буржуа». Впрочемъ, приглядываясь ближе къ этому «сытому міру», она находитъ, что не всѣ тамъ счастливы, и потому начинаетъ болѣе терпимо и даже съ состраданіемъ относиться къ этимъ «нервнымъ, разслабленнымъ, желчнымъ отъ праздности, жалкимъ, нарядным тѣнямъ». Вначалѣ она рисуетъ яркія картины нищеты, массовыхъ бѣдствій пролетаріата,—картины, проникнутыя сильнымъ лирическимъ чувствомъ; на-ряду съ этимъ идетъ ненависть къ «побѣдителямъ», буржуазіи. Но затѣмъ въ эту простую схему врываются сомнѣнія, начинаетъ мелькать мысль о какомъ-то высшемъ законѣ, управляющемъ какъ массами, такъ и личностями. Мессіанизмъ и мечты о великой роли Рима ей чужды, возрожденіе Италіи дастъ трудовая масса, объединенная подъ знаменемъ одной великой идеи; борьба будетъ безкровная и послѣ побѣды наступитъ время вѣчнаго мира, вѣчной дѣятельности и всеобщаго равенства. Впрочемъ, относительно средствъ достиженія «золотого вѣка» Ада Негри колеблется изъ стороны въ сторону: то ей грезятся стачки, баррикады, то она призываетъ къ чувству справедливости и братскимъ объятіямъ.

За границей.

Исторія народнаго театра въ Германіи. Когда лѣтъ девять тому назадъ докторъ Левенфельдъ предпринялъ свою пропаганду въ пользу народнаго театра въ Берлинѣ, онъ не встрѣтилъ ни въ комъ изъ берлинскаго общества особеннаго сочувствія. Онъ старался доказать своимъ согражданамъ, что, устроивъ хорошій народный театръ, они принесутъ также много пользы образованію народныхъ массъ, какъ и своими вечерними курсами, воскресными школами и музеями. Но такіе взгляды въ берлинскомъ обществѣ считались ересью, и

лишь очень немногіе примкнули къ доктору Левенфельду и стали поддерживать его идею воспитательнаго значенія народнаго театра.

Доктора Левенфельда, впрочемъ, не смущало такое равнодушіе общества къ его идеѣ. Онъ продолжалъ упорно стремиться къ своей цѣли, не взирая ни на какія препятствія. Передъ этимъ докторъ Левенфельдъ былъ профессоромъ въ Бреславльскомъ университетѣ и издателемъ хорошо извѣстнаго журнала «Nord und Süd», но онъ отказался отъ того и другого и всецѣло отдался своей идеѣ *). Въ своихъ статьяхъ по этому поводу Левенфельдъ доказывалъ, что борьба за существованіе въ настоящее время имѣетъ такую напряженность и такъ тяжела, что огромному большинству людей приходится всѣ свои помыслы и стремленія обращать только на то, какъ бы обезпечить себѣ насущный кусокъ хлѣба. Надо трудиться съ ранняго утра до поздняго вечера и очень часто исполнять одну и ту же утомляющую и притупляющую однообразную работу и притомъ въ такой обстановкѣ, однообразіе которой дѣйствуетъ такимъ же точно притупляющимъ образомъ и на умственныя способности человѣка. Жизнь большинста такихъ людей совершенно лишена какихъ бы то ни было яркихъ красокъ и, кромѣ будничныхъ работъ о кускѣ хлѣба, въ ней нѣтъ ничего. Что же удивительнаго, что, въ концѣ концовъ, люди превращаются въ настоящія машины, механически исполняющія возложенную на нихъ часть работы? И единственное мѣсто на свѣтѣ, гдѣ, по мнѣнію Левенфельда, такіе люди перестаютъ быть машинами и могутъ совершенно отрѣшиться отъ себя—это театръ. Театръ, въ глазахъ Левенфельда, вовсе не долженъ служить только для развлечянія. Левенфельдъ смотритъ на задачи театра гораздо шире. Театръ долженъ пробуждать дремлющія способности человѣка, возбуждать воображеніе и чувства, заставлять плакать и смѣяться, радоваться съ одними и огорчаться съ другими и забывать о какихъ бы то ни было классовыхъ перегородкахъ. Театръ—это школа, говоритъ Левенфельдъ и выразилъ при этомъ искреннее сожалѣніе, что въ Берлинѣ никакъ не хотятъ понять этого и потому въ берлинскихъ театрахъ самыя дешевыя мѣста все-таки настолько дороги, что, по крайней мѣрѣ, добрыхъ три четверти населенія столицы не могутъ позволить себѣ такой роскоши, какъ посѣщеніе театра.

Доказывая, что театръ долженъ быть сдѣланъ доступнымъ для всѣхъ и что человѣкъ, утомленный продолжительнымъ дневнымъ трудомъ, скорѣе можетъ научиться чему-нибудь въ театрѣ, нежели въ какой-нибудь аудиторіи, докторъ Левенфельдъ принялся дѣйствовать со свойственною ему энергіею и создалъ схему народнаго театра въ Берлинѣ. Съ самаго начала онъ рѣшилъ, что предпріятіе это должно быть вполнѣ самостоятельнымъ и не зависѣть отъ благотворительности и субсидіи правительства. Всѣ расходы должны быть покрыты доходами театра, изъ которыхъ должны, кромѣ того, уплачиваться также и небольшіе проценты на вложенные въ это предпріятіе капиталы. Но вмѣстѣ съ этимъ входная плата должна быть настолько не велика, чтобы помѣщеніе театра могло быть доступно для каждаго, въ первоначальной схемѣ Левенфельда мѣста перваго ряда и ложи стоили по одной маркѣ, остальныя же были еще дешевле.

Статьи Левенфельда о народномъ театрѣ обратили на себя вниманіе и возбудили горячую полемику въ газетахъ. Почти всѣ находили, что организовать дѣло на подобныхъ условіяхъ немыслимо, что Левенфельдъ мечтатель и что предпріятіе его все равно рухнетъ. Но вѣра Левенфельда въ свою идею была такъ велика, что никакія разсужденія благородныхъ людей на него не дѣйствовали. Ему удалось, впрочемъ, заручиться поддержкой трехъ вліятель-

*). Левенфельдъ извѣстенъ, кромѣ того, какъ авторъ біографіи графа Льва Толстого и какъ переводчикъ его сочиненій.

ныхъ людей въ Берлинѣ; доктора Макса Iордани, директора національной галлереи; доктора Фёрстера—предводителя этическаго движенія въ Германіи и профессора астрономіи въ берлинскомъ университетѣ и доктора Кюстера, представителя «Verein für Volksunterhaltungen». Всѣ трое помогли ему популяризировать его идею. Берлинцы однако готовы были согласиться, что устройство народнаго театра очень желательно, но всѣ наотрѣзъ отказывались вѣрить, чтобы такое предпріятіе могло существовать на свой собственный счетъ, поэтому берлинцы готовы были поддерживать его, когда оно уже будетъ готово, но не нашлось желающихъ вложить капиталъ въ это дѣло. Докторъ Левенфельдъ со своимо товарищами рѣшилъ, что надо имѣть въ рукахъ не меньше 150,000 маракъ чтобы начать дѣло. Но у нихъ денегъ этихъ не было и они рѣшили организовать акціонерное общество и выпустить акціи. Разумѣется, раньше они пожелали убѣдиться, что акціи будутъ раскупаться, и выпустили подробное и весьма дѣловое объявленіе, въ которомъ доказывалось, что устраиваемый ими театръ не только не будетъ убыточнымъ предпріятіемъ, но долженъ даже принести маленькій доходъ, затѣмъ, это было въ іюнѣ 1893 г., они выпустили спеціальное воззваніе къ богачамъ, прося ихъ дать капиталы на организацію такого полезнаго дѣла. Вмѣстѣ съ этимъ устроители давали торжественное обѣщаніе, что никакая пропаганда, ни соціальная, ни политическая, ни религіозная, не будетъ допущена въ театрѣ, они обѣщали также, что, выбирая пьесы для постановки на своемъ театрѣ, они не будутъ руководствоваться никакимъ пристрастіемъ къ той или иной литературной школѣ.

Однако, несмотря на то, что воззваніе это было подписано такими тремя вліятельными и почтенными лицами города Берлина, оно не имѣло никакого успѣха. Изъ 2.000 богачей, къ которымъ оно было адресовано, не болѣе 80-ти дали себѣ трудъ отвѣтить, да и то большею частью съ тою цѣлью, чтобы изложить причины, по которымъ они считатъ лишнимъ вложить свои деньги въ это предпріятіе. Нашлись, впрочемъ, люди изъ числа этихъ богачей, которые пожертвовали все таки небольшія суммы и въ общемъ набралось тысячъ около 40, но большую долю этой суммы внесли люди болѣе богатые умомъ и талантами, нежели деньгами, профессора, артисты, литераторы, художники и т. д. Тѣмъ не менѣе, несмотря на всѣ старанія театральнаго комитета, ему не удалось все-таки добыть недостающія 25.000 и Левенфельдъ очутился передъ альтернативой, либо начинать дѣло съ 50.000, либо совсѣмъ отъ него отказаться.

Левенфельдъ былъ не изъ тѣхъ, которые легко отказываются отъ задуманнаго предпріятія и взвѣсивъ все хорошенько, рѣшилъ начать дѣло съ тѣми средствами, которыя у него были въ рукахъ. 20 декабря 1893 г. Шиллеровское театральное акціонерное общество (Левенфельдъ назвалъ его Шиллеровскимъ потому, что рѣшено было арендовать Шиллеровскій театръ, какъ находящійся въ центрѣ) офиціально открыло свои дѣйствія.

Докторъ Левенфельдъ сдѣлалъ самый точный разсчетъ всѣхъ расходовъ по организаціи театра. Онъ рѣшилъ, что театръ долженъ быть открытъ каждый день и дать 360 представленій. Для того, чтобы расходы были покрыты, нужно было, чтобы театръ былъ всегда полонъ, но въ томъ, что онъ будетъ посѣщаться—Левенфельдъ не сомнѣвался ни на минуту. Заинтересованные его схемой только пожимали скептически плечами, называя всю его затѣю утопіей и предсказывая Шиллеровскому обществу неминуемый крахъ. Но Левенфельдъ не унывалъ. Онъ опасался только одного: что его публика будетъ неаккуратно посѣщать театръ, что иной разъ наплывъ будетъ такъ великъ, что придется отказывать желающимъ, а въ другой разъ актерамъ придется играть передъ пустою залой. При такихъ условіяхъ дѣло дѣйствительно могло бы рухнуть. Во что бы то ни стало театръ долженъ былъ имѣть постоянныхъ кліентовъ и эту задачу, казавшуюся на первый взглядъ совершенно неразрѣшимой, Левен-

фольду удалось разрѣшить необыкновенно остроумнымъ и оригинальнымъ способомъ.

Левенфельдъ вошелъ въ сношенія со всѣми корпораціями въ Берлинѣ, рабочими союзами и рабочими клубами, разнаго рода не политическими ассоціаціями и т. д. Всюду онъ раздавалъ свою брошюрку, въ которой говорилъ о драмѣ и ея вліяніи на національную жизнь и на прогрессъ человѣчества. Затѣмъ, заручившись содѣйствіемъ многихъ дѣятелей и предводителей народныхъ партій, Левенфельдъ основалъ театральный союзъ, каждый членъ котораго обязывался бывать, по крайней мѣрѣ, разъ въ двѣ недѣли въ Шиллеровскомъ театрѣ или во всякомъ случаѣ уплачивать за одно мѣсто тамъ. Чтобы побудить ко вступленію въ число членовъ этого союза, Левенфельдъ устроилъ такимъ образомъ, что члены платили дешевле за свои мѣста въ театрѣ, нежели посторонніе посѣтители. Каждый желающій можетъ сдѣлаться членомъ Шиллеровскаго союза; ему достаточно для этого купить маленькую купонную книжку, содержащую шесть билетовъ какой угодно цѣны. Затѣмъ ему предоставляется право перепродавать эти билеты или отдавать ихъ. Каждый билетъ дѣйствителенъ на извѣстное число и промежутокъ между этими числами равняется двумъ недѣлямъ. По израсходованіи билетовъ желающій можетъ пріобрѣсти книжку на другія числа и т. д. Идея Левенфельда оказалась въ высшей степени плодотворной и прежде чѣмъ театръ былъ открытъ, въ театральномъ союзѣ насчитывалось уже около шести тысячъ членовъ.

Наконецъ, послѣ долгихъ мѣсяцевъ упорнаго труда, организація берлинскаго народнаго театра была закончена и 30-го августа 1899 г. состоялось первое представленіе. Театръ былъ переполненъ, такъ какъ весь Берлинъ былъ сильно заинтересованъ начинаніями доктора Левенфельда, хотя неудача предпріятія считалась заранѣе рѣшеннымъ дѣломъ. Театральное общество открыло свои дѣйствія представленіемъ «Разбойниковъ» Шиллера. Это считалось со стороны Левенфельда очень смѣлымъ поступкомъ и большинство берлинской публики, отправившейся на первое представленіе, явилось туда съ полнымъ убѣжденіемъ, что пьеса провалится вслѣдствіе плохой постановки и игры. Но Левенфельдъ одержалъ блестящій успѣхъ: и постановка, и актеры оказались на высотѣ и тріумфъ берлинскаго народнаго театра былъ полный.

Шиллеровское общество, однако, не почило на лаврахъ. Левенфельдъ насколько могъ старался разнообразить свою программу. Конечно, не обошлось дѣло безъ нападокъ на выборъ пьесъ. Извѣстная часть берлинской печати настаивала на томъ, что пьесы народнаго театра должны имѣть поучительный характеръ. Докторъ Левенфельдъ горячо возставалъ противъ этого и доказывалъ, что назначеніе народнаго театра вовсе не заключается въ томъ, чтобы угощать свою публику проповѣдями нравственнаго характера. Здоровый смѣхъ также полезенъ. Всѣ хорошія произведенія германской и иностранной драматической литературы могутъ быть поставлены на сценѣ народнаго театра. «Все, кромѣ пошлости!» объявилъ докторъ Левенфельдъ и въ этомъ отношеніи сдержалъ слово, такъ какъ до сихъ поръ ни одна изъ такъ-называемыхъ «фривольныхъ» пьесъ не получила доступа на сцену народнаго театра.

Къ концу перваго года Шиллеровскій театръ уже занялъ свое мѣсто среди большихъ берлинскихъ театровъ, и хотя въ составѣ его исполнителей никогда не было ни одной «звѣзды», но по общему отзыву исполненіе въ этомъ театрѣ было всегда превосходное и онъ могъ смѣло соперничать съ другими первоклассными театрами Берлина; программа же его была гораздо разнообразнѣе. Въ настоящее время репертуаръ этого театра состоитъ изъ 136 пьесъ. Въ первый годъ было поставлено не менѣе 36 новыхъ пьесъ, и такъ какъ постановка этихъ пьесъ и всѣ аксесуары, костюмы и проч. не оставляли желать лучшаго, то скептическая берлинская публика пожимала плечами и увѣряла,

что дирекція театра влѣзаетъ въ долги и къ концу года предпріятіе неминуемо рухнетъ. Эти предсказанія не только не оправдались, но директора Шиллеровскаго общества въ своемъ первомъ годовомъ отчетѣ могли объявить акціонерамъ, что у народнаго театра нѣтъ никакихъ долговъ и что всѣ расходы покрыты. Правда, годъ этотъ былъ очень тяжелъ для Левенфельда, который велъ отчаянную борьбу за существованіе театра, стараясь свести концы съ концами и живя, такъ сказать, изо дня въ день. Но энергія и настойчивость одержали побѣду и въ настоящее время существованіе театра не только вполнѣ обезпечено, но акціонеры получаютъ высшій дивидендъ, какой они только могутъ получать по условію, т. е. 5 проц., такъ какъ по уставу все, что свыше, должно идти на расширеніе и усовершенствованіе театра. Теперь финансовое положеніе театра настолько уже хорошо, что директора отъ времени до времени устраиваютъ даровыя представленія для школьниковъ и бѣднѣйшихъ классовъ. Докторъ Левенфельдъ надѣется въ будущемъ устраивать ежемѣсячно такія даровыя представленія для школьниковъ. Въ лѣтніе мѣсяцы театръ бываетъ закрытъ. Цѣны на мѣста тотчасъ же были удешевлены, какъ только доходы театра увеличились.

Прошло уже шесть лѣтъ со времени основанія народнаго театра и съ каждымъ годомъ онъ становится все болѣе и болѣе популярнымъ. Онъ посѣщается не одними бѣднѣйшими классами, но и «интеллигенціей» города и среди публики народнаго театра можно встрѣтить людей всѣхъ классовъ и положенія: убѣленныхъ сѣдинами ученыхъ, профессоровъ, школьныхъ учителей, рабочихъ, приказчиковъ, конторщиковъ, извозчиковъ и т. д. По субботамъ особенно много бываетъ фабричныхъ работницъ и служанокъ. Большинство посѣтителей театра перезнакомились между собой, благодаря театральному союзу, такъ какъ вступивъ въ союзъ они сдѣлались постоянными кліентами театра и встрѣчались другъ съ другомъ обыкновенно въ одни и тѣ же дни. Уменьшеніе цѣнъ на мѣста въ театрѣ сдѣлало его еще болѣе доступнымъ и докторъ Левенфельдъ, присутствующій каждый день въ театрѣ, можетъ чувствовать удовлетвореніе при видѣ публики, наполняющей залу, такъ какъ его народный театръ дѣйствительно выполняетъ свое назначеніе и находится на должной высотѣ.

Капскія женщины и трансваальская война. Любопытнымъ результатомъ трансваальской войны служитъ выступленіе голландскихъ женщинъ на арену политической жизни. До этого времени жены и дочери африкандеровъ культивировали только семейныя добродѣтели и никогда не вмѣшивались въ политику и общественныя дѣла. Жены фортреккеровъ, которымъ приходилось вести постоянную борьбу съ чернокожими воинственными племенами Южной Африки, сражались рядомъ со своими мужьями, но этимъ ограничивалось все ихъ участіе въ мужскихъ дѣлахъ. Женщины знали только свой домашній очагъ, хозяйство и лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ подавали голосъ на какихъ-нибудь совѣщаніяхъ, выходящихъ за предѣлы ихъ домашняго круга. Но трансваальская война все это измѣнила. Сначала участіе женщины выражалось только въ томъ, что онѣ, вѣрныя своему долгу, раздѣляли со своими мужьями трудности походной жизни и въ военномъ лагерѣ несли на себѣ всѣ хозяйственныя заботы. Но когда счастье начало измѣнять бурамъ, они упали духомъ и борьба стала ослабѣвать, женщины внезапно выступили на политическую сцену. Онѣ проявили такую энергію и настойчивость въ дѣлѣ организаціи разныхъ митинговъ, что сами африкандеры были изумлены. Мы уже говорили о женскомъ митингѣ въ Іоганнесбургѣ. Подобныя же демонстраціи были устроены и въ Капкой колоніи, въ небольшомъ городкѣ Паарлѣ. Капскія женщины устроили тамъ митингъ протеста противъ «политики войны и присоединенія». Митингъ этотъ возбудилъ всеобщее вниманіе и всѣ англійскія

газеты заговорили о немъ причемъ многія изъ нихъ отзывались съ большою похвалой о серьезномъ тонѣ рѣчей, произнесенныхъ на этомъ митингѣ, хотя, конечно, направленіе этихъ рѣчей не могло быть по вкусу англичанамъ. Англійская печать, впрочемъ, увидала, главнымъ образомъ, въ этихъ митингахъ пробужденіе африкандерской женщины и начало женскаго движенія. Очень возможно, конечно, что трансваальская война составитъ такимъ образомъ эру въ исторіи женскаго движенія въ Южной Африкѣ.

На митингѣ въ Паарлѣ присутствовало 540 женщинъ и многія явились изъ очень отдаленныхъ фермъ. Въ воззваніи организаторовъ митинга было сказано, что митингъ созывается съ цѣлью дать возможность женщинамъ Южной Африки высказать свои взгляды на войну и присоединеніе южно-африканскихъ республикъ.

Корреспондентъ «Manchester Guardian», присутствовавшій на этомъ митингѣ, говоритъ, что онъ былъ пораженъ ораторскими способностями африкандерскихъ женщинъ. Вообще большинство рѣчей отличалось краснорѣчіемъ и содержательностью. Самою замѣчательною, — по его словамъ,—была рѣчь жены одного голландскаго пастора, мистриссъ Роосъ. — «Мы были всю жизнь лойяльными британскими подданными,—сказала она между прочимъ,—но наше человѣческое достоинство не позволяетъ намъ молчать дольше. Англія съ полною готовностью жертвуетъ тысячами жизней и милліонами денегъ ради уитлендеровъ, главныя жалобы которыхъ основывались на томъ, что они были слишкомъ горды, чтобы покоряться бурскому правительству. Но развѣ у насъ, подданныхъ Великобританіи, нѣтъ повода къ жалобамъ? Развѣ этого мало, что намъ голосъ не былъ принятъ во вниманіе, когда рѣшался вопросъ о войнѣ? Мы отправили петицію, но тщетно; никто въ Англіи не хотѣлъ насъ выслушать! Что должны думать туземцы, которымъ наши миссіонеры проповѣдуютъ христіанское ученіе, видя съ какимъ ожесточеніемъ бѣлые христіане проливаютъ кровь другъ друга.» Далѣе, говоря объ африкандерахъ, мистриссъ Роосъ сказала: «Голландскіе колонисты находятся тутъ по праву, а не потому, что ихъ только терпятъ здѣсь. Прежде чѣмъ нога англичанина вступила на южноафриканскую почву, наши предки уже были здѣсь и воздѣлывали землю. Хорошо говорить о „своихъ колоніяхъ“ когда эти колоніи были созданы кровью и трудами другихъ. Мы, конечно, не можемъ похвастаться тѣмъ, что нашими предками были какіе-нибудь лорды и знатные джентльмэны, но мы можемъ сказать своимъ дѣтямъ, что мы — потомки благородныхъ женщинъ и мужчинъ, приносившихъ въ жертву, ради свободы и религіи, свой домъ и свою жизнь, неподкупныхъ и никогда, во время политической борьбы, не спрашивавшихъ, какая сторона платитъ больше. Мы гордимся своимъ прошлымъ, а что касается будущаго, то тѣ, кто увѣряетъ, что когда кончится война, наступитъ миръ и благоденствіе, очевидно, совершенно не знаютъ человѣческой природы! Цѣлая гора мертвыхъ тѣлъ, цѣлая стѣна изъ нихъ отдѣляетъ насъ отъ Англіи! Мы любили Англію. Мы не можемъ не вспоминать съ благодарностью о ея великомъ государственномъ дѣятелѣ,—я говорю о Гладстонѣ, — который совершилъ справедливый актъ и заключилъ миръ съ Трансваалемъ. Память о немъ никогда не изгладится изъ нашихъ сердецъ и мы не можемъ его забыть, какъ не можемъ забыть тѣхъ потоковъ крови и той несправедливости, которую совершаетъ Англія!»

Рѣчь мистриссъ Роосъ и въ особенности упоминаніе о Гладстонѣ была покрыта долго несмолкаемыми аплодисментами. Рѣшено устроить еще нѣсколько женскихъ митинговъ въ разныхъ городахъ и деревняхъ Капской колоніи.

Англійская общественная жизнь, митинги и учрежденія. Несмотря на то, что вниманіе англійскаго общества должно быть поглощено теперь восточными

событіями и южно-африканскою войной, въ теченіи англійской общественной жизни это не производитъ никакой особенной перемѣны, и какъ и прежде общество интересуется разными начинаніями, имѣющими болѣе или менѣе соціальное значеніе, и соціальными проблемами. Къ числу послѣднихъ принадлежитъ вопросъ о жилищахъ для рабочихъ, который давно уже привлекаетъ вниманіе лондонскаго общества и печати. Въ Лондонѣ по этому вопросу состоялся недавно митингъ, созванный совѣтомъ городского санитарнаго института. Предсѣдатель митинга сэръ Сидней Ватерлоу сказалъ, что вопросъ о жилищахъ рабочихъ давно уже занимаетъ общественное мнѣніе Англіи. Въ 1862 году онъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими друзьями, образовалъ частную компанію и состоялъ ея президентомъ въ теченіе 37 лѣтъ; за это время компанія истратила болѣе милліона на устройство жилищъ для 5.600 семействъ рабочихъ. Теперь въ этихъ жилищахъ помѣщаются въ общей сложности около 30.000 человѣкъ. Сидней Ватерлоу счелъ нужнымъ упомянуть объ этомъ чтобы показать, какъ много можетъ сдѣлать частная иниціатива, которая такимъ образомъ является на помощь санитарнымъ властямъ города. Безъ поддержки частныхъ лицъ было бы трудно бороться со зломъ. Но самымъ важнымъ фактомъ, по мнѣнію Сиднея Ватерлоу, является то, что частная компанія могла выстроить свои дома за болѣе дешевую цѣну, нежели совѣтъ лондонскаго графства (London Coonty Council), и потому арендная плата за жилища гораздо ниже той, которую назначилъ лондонскій совѣтъ. При этомъ также слѣдуетъ замѣтить, что, несмотря на низкую плату за помѣщеніе, доходы покрываютъ расходы, такъ что компаніи не приходится вкладывать новые капиталы. Ораторъ обратилъ также вниманіе присутствующихъ на значительное пониженіе процента смертности среди рабочаго населенія, арендующаго помѣщенія въ домахъ компаніи, и на то, что арендаторы вносятъ свою аренду съ замѣчательною аккуратностью.

Послѣ рѣчи предсѣдателя были разсмотрѣны схемы дешевыхъ жилищъ для рабочихъ, которыя отвѣчали всѣмъ современнымъ санитарнымъ требованіямъ. Кромѣ того, были подвергнуты обсужденію проекты мѣропріятій, которыя должны быть внесены въ парламентъ.

Другой интересный митингъ, происходившій въ Лондонѣ въ это же время— это митингъ женской либеральной федераціи, на которомъ обсуждались политическія злобы дня: южно-африканская война, голодъ въ Индіи и вопросъ объ избирательныхъ правахъ женщинъ. Во вступительной рѣчи предсѣдательница митинга, графиня Карлиль, сообщила о томъ, что въ теченіе прошлаго года къ федераціи примкнули еще 22 ассоціаціи женщинъ, такъ что общее число ассоціацій достигаетъ теперь 457, а число членовъ 57.488. Очень многія изъ этихъ ассоціацій устраивали митинги для выраженія протеста противъ южно-африканской войны. Женская либеральная федерація никогда не отступала отъ своихъ принциповъ и въ то время, какъ избиратели-мужчины цѣлыми тысячами переходили изъ либеральнаго лагеря въ лагерь торіевъ, женщины оставались тверды и не переставали возставать противъ войны, которую онѣ считали величайшею несправедливостью. Передъ началомъ войны исполнительнымъ комитетомъ женской либеральной ассоціація было высказано мнѣніе, что „было бы ошибкой и преступленіемъ со стороны Англіи навязывать свои требованія другому народу“, и что „война неминуемо должна превратиться въ завоевательную войну“. Все это оправдалось теперь. По мнѣнію комитета, война не была необходимостью и ее нельзя оправдывать. Лишь очень небольшая теперь федерація находила нѣкоторыя извиненія этой войнѣ и, между прочимъ, въ числѣ поводовъ указывала на недружелюбное отношеніе буровъ къ христіанскимъ миссіямъ въ Южной Африкѣ. «Но,—прибавила графиня Карлиль,—развѣ можно вводить христіанское ученіе при помощи лиддитныхъ бомбъ? Развѣ

кровопролитіе можетъ содѣйствовать скорѣйшему водворенію Царства Христа на землѣ? Если миссіонеры не могутъ научить людей любить другъ друга, быть снисходительными и терпѣливо переносить невзгоды, то пусть лучше христіанскія миссіи совершенно прекратятъ свою дѣятельность и перестанутъ существовать! Но теперь, когда война зашла уже такъ далеко, говорить о ней поздно, мы можемъ обсуждать только ея конечный исходъ. Слѣдовало бы найти такое рѣшеніе, которое содѣйствовало бы сліянію двухъ враждующихъ расъ, голландской и англійской, въ Южной Африкѣ. Огромное большинство мужчинъ въ Англіи твердо увѣрено, что силой этого нельзя достигнуть, и только выказавъ великодушіе къ благородному народу, котораго побѣдили англичане, мы можемъ надѣяться уничтожить сѣмена ненависти, посѣянныя нами. Мы не должны быть мстительными и не должны поддаваться какимъ-либо другимъ чувствамъ, кромѣ чувства справедливости. Развѣ найдется хотя одна женщина въ либеральной федераціи, которая выскажется въ пользу того, чтобы «Union Jack» былъ силою водруженъ въ свободной Оранжевой республикѣ, провинившейся только передъ гордою Англіей въ томъ, что, повинуясь чувству долга, республика эта стала на сторону братскаго государства—Трансваальской республики въ ея борьбѣ за независимость. Неужели Великобританія, страна свободы и независимости, можетъ спокойно попирать ногами маленькія націи, которыя также произошли отъ могущественной расы, помогавшей нѣкогда укрѣпленію свободы въ Западной Европѣ? Мистеръ Чэмберленъ признаетъ, что правительство ошиблось въ оцѣнкѣ силъ и достоинствъ непріятеля, но развѣ это не указываетъ, что силою управлять этою расой нельзя?»

Въ заключеніе своей рѣчи графиня Карлиль предложила резолюцію, выражающую порицанія политикѣ войны и желаніе ея скорѣйшаго окончанія. «Война длилась слишкомъ долго,—сказала она,—и намъ пора позаботиться о сохраненіи своей репутаціи свободолюбиваго народа и честно сознаться въ своихъ заблужденіяхъ и ошибкахъ».

Слѣдующимъ вопросомъ, который обсуждался на митингѣ, былъ вопросъ объ избирательныхъ правахъ женщины. Многія изъ ораторовъ доказывали, что расширеніе политическихъ правъ женщины будетъ содѣйствовать ослабленію духа милитаризма, усиленіе котораго грозитъ такими опасностями всему цивилизованному міру. Быть можетъ, если бы англійскія женщины имѣли политическія права, то не было бы южно-африканской войны, такъ какъ огромное большинство англійскихъ женщинъ высказалось бы противъ нея.

Миссъ Горляндъ заговорила о мѣрахъ борьбы съ голодомъ въ Индіи. Нѣтъ сомнѣнія, что экономическія причины столько же, сколько и физическія, вызываютъ такія частыя голодовки въ Индіи. Но нынѣшнее голодное бѣдствіе превосходитъ своими размѣрами всѣ остальныя. Населеніе округовъ, пораженныхъ голодомъ, доходитъ почти до 93 милліоновъ и большинство этого населенія терпитъ большую нужду въ настоящее время. Народъ тысячами умираетъ отъ голода. Правда, правительство уже потратило милліоны денегъ на облегченіе этого бѣдствія, но милліоны эти заимствуются имъ изъ англійскаго сундука, а вовсе не изъ англійской казны. Палата общинъ не ассигновала ни одного гроша на борьбу съ голодомъ и въ исторію будетъ занесено, къ стыду Англіи, что эта богатѣйшая страна въ свѣтѣ ничего не сдѣлала для Индіи.

Митингъ закончился вотированіемъ резолюцій, касающихся борьбы съ голодомъ и выражавшихъ порицаніе индиферентизму англійскаго правительства. На митингѣ присутствовало больше тысячи человѣкъ.

Въ университетскомъ поселеніи въ Манчестерѣ на годовомъ собраніи, которое происходило въ прошломъ мѣсяцѣ, были сообщены интересныя данныя, указывающія, какой успѣхъ имѣли въ Англіи идеи, вызвавшія организацію коллегіи для рабочихъ, имени Рёскина въ Оксфордѣ. Въ Манчестерѣ,

въ связи съ университетскимъ поселеніемъ, устроена такая же точно коллегія для рабочихъ, какъ и въ Оксфордѣ. Во главѣ этого учрежденія находится комитетъ Манчестерскаго художественнаго музея. Какъ университетское поселеніе, такъ и Манчестерская коллегія Рёскина будутъ дѣйствовать рука объ руку и съ этою цѣлью выработана уже общая программа, которая вступаетъ въ силу въ будущемъ году. Университетское поселеніе будетъ поставлять лекторовъ для коллегіи и устраивать публичныя лекціи и курсы по предметамъ общаго характера, какъ, напримѣръ, всеобщая исторія и т. д., тогда какъ въ программу коллегіи войдутъ уже болѣе спеціальные предметы: политическая экономія, исторія Англіи и т. д. Оба учрежденія имѣютъ, главнымъ образомъ, въ виду улучшенія соціальныхъ условій населенія мануфактурныхъ органовъ Манчестера и сближеніе классовъ. Университетское поселеніе, какъ видно изъ годового отчета, прочитаннаго на митингѣ, уже много сдѣлало въ этомъ отношеніи.

Біографъ и другъ покойнаго Джона Рёскина, Коллингвудъ, устроилъ въ Конистонѣ (въ Ланкастерскомъ графствѣ) выставку разныхъ предметовъ, относящихся къ Рёскину, а также рисунковъ, набросковъ и эскизовъ, иллюстрирующихъ всю его художественную карьеру отъ юношескаго возраста до глубокой старости. Всѣ эти предметы расположены въ хронологическомъ порядкѣ. Кромѣ того, Коллингвудъ выставилъ также картины Турнера и другихъ художниковъ, вліявшихъ на образованіе художественныхъ вкусовъ Рёскина, но, разумѣется, центръ интереса выставки сосредоточивается на рисункахъ Рёскина. Коллекція этихъ рисунковъ дѣйствительно заслуживаетъ вниманія, такъ какъ указываетъ, какимъ талантомъ обладалъ Рёскинъ. Въ концѣ 50-хъ годовъ Рёскинъ собрался писать исторію швейцарскихъ городовъ и приготовилъ рисунки нѣкоторыхъ изъ нихъ, чтобы иллюстрировать свою книгу, но скоро оставилъ эту мысль, такъ какъ его увлекла политическая экономія и онъ погрузился въ ея изученіе. Рисунки эти находятся на выставкѣ и представляютъ выдающійся интересъ; особенно удался Рёскину рисунокъ Туна. Во всякомъ случаѣ, собраніе этихъ рисунковъ указываетъ, по мнѣнію компетентныхъ лицъ, что Рёскинъ былъ гораздо болѣе великій художникъ, чѣмъ это подозрѣвало большинство публики, читавшей его произведенія.

Въ Лондонѣ существуетъ женскій союзъ, имѣющій цѣлью добиться возстановленія тѣхъ правъ, которыми англійскія женщины пользовались въ прежнія времена, когда онѣ занимали, наравнѣ съ мужчинами, выборныя должности въ городскомъ управленіи и благотворительныхъ учрежденіяхъ. Какъ извѣстно, въ прошломъ году, какъ разъ въ то время, когда въ Лондонѣ засѣдалъ женскій конгрессъ, англійская палата лордовъ отвергла огромнымъ большинствомъ голосовъ законопроектъ, внесенный одною частью членовъ палаты общинъ и имѣющій цѣлью утвердить за женщинами право быть членами новообразованнаго совѣта графства и альдерменами въ городахъ. Послѣ провала этого законопроекта женщины образовали союзъ, агитація котораго достигла цѣли и въ этомъ году законопроектъ снова былъ внесенъ въ палату общинъ, гдѣ онъ прошелъ большинствомъ 248 голосовъ противъ 129 (тогда какъ въ прошломъ году большинство было всего въ 35 голосовъ), такъ что теперь существуетъ много шансовъ на то, что палата не рѣшитъ отвергнуть его и женщины будутъ альдерменами и будутъ засѣдать въ совѣтѣ графствъ.

Юбилей всемірнаго почтоваго союза. Въ этомъ году, въ концѣ лѣта, въ Бернѣ была отпразднована 25-ти-лѣтняя годовщина основанія всемірнаго почтоваго союза. Въ этомъ празднествѣ, приняли участіе всѣ государства, вошедшія въ составъ этого союза. Въ рѣчи, произнесенной на торжественномъ засѣданіи предсѣдателемъ собранія, указывалось на громадное значеніе всемірнаго почтоваго союза, способствовавшаго укрѣпленію и расширенію ме-

ждународныхъ сношеній. «Исторія почты,—сказалъ ораторъ,—тѣсно связана съ исторіей цивилизаціи. По мѣрѣ того, какъ повышался умственный уровень народовъ, развивались и почтовыя сношенія. Почта шла рядомъ съ прогрессомъ человѣчества. До конца среднихъ вѣковъ почта находилась въ зачаточномъ періодѣ, появляясь одновременно съ извѣстными политическими событіями и исчезая вмѣстѣ съ ними. Изобрѣтеніе книгопечатанія, великія путешествія XV и XVI вѣка внесли огромныя перемѣны какъ въ сношеніяхъ народовъ между собой, такъ и въ ихъ интеллектуальныхъ потребностяхъ. Первый опытъ правильныхъ почтовыхъ сношеній былъ произведенъ въ Германіи императоромъ Фридрихомъ III, который далъ принцамъ Таксисъ монополію почтовыхъ сношеній и эта монополія была выкуплена у нихъ прусскимъ правительствомъ въ 1867 г. Въ теченіе первой половины этого вѣка нѣсколько государствъ взяли на себя относительно объединенія почтовой таксы и пониженія тарифа на письма въ предѣлахъ ихъ территоріи. Въ Англіи были введены почтовыя марки и мало-по-малу всѣ остальныя государства послѣдовали ея примѣру. Но хотя внутренняя почта и была урегулирована въ этихъ государствахъ, международныя почтовыя сношенія по прежнему были сопряжены съ затрудненіями, такъ какъ тутъ дѣйствовали старыя правила. Чтобы судить, какъ плохо развивались международныя почтовыя сношенія, надо взглянуть на прежнюю почтовую таксу. Двадцать пятьлѣтъ тому назадъ за письмо, отправленное изъ Берлина въ Римъ, надо было заплатить 4 марки 10 пфенниговъ, за письмо изъ Соединенныхъ Штатовъ въ Австралію платили долларъ. Для сокращенія почтовыхъ расходовъ писали обыкновенно на особенной бумагѣ, очень мягкой; часто даже запечатывали письмо безъ конверта, чтобы убавить его вѣсъ. Конечно, такая затруднительность почтовыхъ сношеній шла въ разрѣзъ съ общимъ развитіемъ и усиленіемъ международныхъ сношеній, которыя явились результатомъ введенія пара, усиленія эмиграціи, повышенія уровня образованія и т. п. Первые Соединенные Штаты занялись вопросомъ объ облегченіи почтовыхъ сношеній. Результатомъ ихъ инициативы былъ созывъ конференціи въ Парижѣ, въ 1863 г. Въ этой конференціи приняли участіе пятнадцать государствъ, и хотя она не привела къ объединенію ихъ на почвѣ международныхъ почтовыхъ сношеній, но тѣмъ не менѣе было положено прочное основаніе для дальнѣйшихъ переговоровъ въ этомъ отношеніи, а въ 1878 г. директоръ почтъ сѣверной Германіи Стефанъ окончательно формулировалъ идею всемірнаго почтоваго союза. Переговоры объ этомъ были прерваны франко-прусской войной, но по ея окончаніи они снова были возобновлены и привели къ конгрессу въ Бернѣ въ 1874 г., на которомъ уже приняли участіе делегаты всѣхъ европейскихъ государствъ и Соединенныхъ Штатовъ. Въ іюлѣ 1875 г. былъ торжественно подписанъ всѣми этими делегатами актъ, утверждающій основаніе всемірнаго почтоваго союза, вступившаго въ силу съ этого момента. Впослѣдствіи устраивалось еще нѣсколько почтовыхъ конгрессовъ въ Парижѣ, Лиссабонѣ, Брюсселѣ, Вѣнѣ и Вашингтонѣ, съ цѣлью внесенія различныхъ улучшеній въ почтовую систему и международныя сношенія.

«Если сравнить обѣ карты полушарій, висящія въ центральномъ международномъ почтовомъ бюро въ Бернѣ и указывающія страны, входившія въ составъ всемірнаго почтоваго союза въ 1875 г. и входящія теперь, въ 1900 г., то можно видѣть, какіе громадные успѣхи сдѣлали международныя почтовыя сношенія за истекшія 25 лѣтъ. Въ настоящее время площадь почтоваго союза равняется 102 милліонамъ кв. километровъ, тогда какъ въ 1875 г. она занимала только 37 милліоновъ».

По случаю этого знаменательнаго юбилея въ Бернѣ выпущены новыя почтовыя марки (юбилейныя), которыя будутъ дѣйствительны до 31 декабря

этого года и затѣмъ, конечно, поступятъ въ коллекціи фолателистовъ. Этихъ интересныхъ марокъ выпущено 12 милліоновъ.

Страничка изъ исторіи Китая. Неподвижность Китая почти вошла въ поговорку. Онъ какъ бы застылъ на той точкѣ, на которой остановился нѣсколько вѣковъ тому назадъ, и соціальныя условія въ Китаѣ оставались неизмѣнными въ теченіе многихъ вѣковъ. Одинъ китаецъ, приверженецъ партіи, враждебной иностранцамъ, однако, справедливо замѣтилъ, что «Китай пережилъ все то, что переживаетъ Европа». Дѣйствительно, въ XI вѣкѣ внутреннія политическія условія Китая напоминали теперешнее европейское положеніе. Въ тѣ времена политико-экономическіе и соціальные вопросы совершенно также занимали и волновали умы китайцевъ, какъ теперь они занимаютъ европейское общество. Населеніе Китая тогда съ чрезвычайною горячностью занималось политикой и спорило о способахъ и о системѣ государственнаго устройства. Во главѣ партіи реформъ находился тогда Вангъ-нган-ше, человѣкъ необыкновенно одаренный, подъ вліяніемъ котораго всѣ классы китайскаго общества пришли въ сильное волненіе, не утихавшее въ теченіе долгаго времени. Всѣ китайскіе историки признаютъ, что Вангъ былъ необыкновенно уменъ, краснорѣчивъ и жилъ какъ мудрецъ. Впрочемъ, у него было недостатки, къ числу которыхъ принадлежали громадное честолюбіе, гордость и упрямство. Такимъ, по крайней мѣрѣ, изображаютъ его всѣ китайскіе историки.

Вангъ стремился произвести революцію и преобразовать государство. Его власть была почти безгранична въ государствѣ, такъ какъ императоръ безусловно довѣрялъ ему. Всѣ суды и административныя учрежденія были переполнены его приверженцами и онъ могъ надѣяться, что ему удастся при ихъ помощи осуществить свою идею реорганизаціи государства. Но у Ванга былъ яростный противникъ въ лицѣ государственнаго дѣятеля и историка Симокуанга, который свято хранилъ завѣты старины и горячо возставалъ противъ всякихъ преобразованій въ Китаѣ. 1069 годъ былъ для Китая особенно несчастнымъ годомъ, страну посѣтили всевозможныя бѣдствія, болѣзни, землетрясенія и такая засуха, которая уничтожила почти всю жатву. Согласно обычаю, цензоры обратились къ императору съ требованіемъ, чтобы онъ доказалъ, что его поведеніе безупречно и что онъ не навлекъ на страну гнѣва боговъ. Императоръ отказался отъ всякихъ удовольствій, чтобы умилостивить боговъ, но его министру Вангу очень не понравилось, что императоръ придерживается старинныхъ обычаевъ и взглядовъ, и онъ старался доказать ему, что бѣдствія, отъ которыхъ страдаетъ страна, имѣютъ вполнѣ опредѣленныя и неизмѣнныя причины. «Землетрясенія и засухи не находятся въ связи съ поступками людей,—сказалъ онъ императору.—Развѣ вы думаете, что можно измѣнить теченіе вещей, или же, что природа ради васъ измѣнитъ свои законы?» Симокуангъ, присутствовавшій при этомъ разговорѣ, страшно возмутился и возразилъ: «Приходится пожалѣть государей, которыхъ окружаютъ подобные люди, внушающіе имъ вредныя мысли. Они отнимаютъ у нихъ страхъ передъ небомъ и въ такомъ случаѣ, что же можетъ удержать государей, если они зайдутъ слишкомъ далеко!»

Однако, никакія возраженія не помѣшали все-таки Вангу привести въ исполненіе свою систему реформы, такъ какъ императоръ былъ на его сторонѣ и былъ увлеченъ его теоріями. Вангъ прежде всего измѣнилъ систему налоговъ, совершенно освободивъ отъ нихъ бѣдняковъ, и затѣмъ, чтобы уничтожить всякую возможность эксплуатаціи однихъ людей другими, Вангъ ввелъ такую систему, по которой само государство эксплуатировало всѣ свои источники доходовъ, не отдавая ихъ въ руки частныхъ лицъ. По системѣ Ванга, земля принадлежала государству, но въ каждомъ округѣ были учреждены

земледѣльческіе суды, которые должны были ежегодно распредѣлять участки земли между разными лицами и давать имъ на посѣвъ необходимыя сѣмена, обязывая ихъ вернуть послѣ сбора полученную ими ссуду.

Приверженцы идей Ванга были увѣрены, что со введеніемъ его системы должно увеличиться богатство и благосостояніе страны. Единственныя лица, которыя должны были сильно пострадать отъ новаго порядка вещей, были ростовщики, перекупщики и т. п., никогда не упускавшіе благопріятнаго случая, чтобы разбогатѣть, воспользовавшись для этого какимъ-нибудь бѣдствіемъ страны, могущимъ вызвать повышеніе цѣнъ на предметы первой необходимости. Но со введеніемъ новой системы единственнымъ кредиторомъ являлось только государство. Если въ одной какой-нибудь провинціи былъ неурожай, то туда направлялся избытокъ изъ другихъ провинцій и такимъ образомъ предотвращался голодъ.

Симокуангъ, непремѣнно старавшійся подавить въ самомъ зародышѣ всякія реформы, убѣдился вскорѣ въ своемъ безсиліи и огорченный удалился въ уединеніе, вручивъ, однако, предварительно императору записку объ этихъ дѣлахъ. Въ этой запискѣ онъ сильно критикуетъ Ванга и его систему реформъ и старается раскрыть императору глаза на достоинства его системы. На сторонѣ Симокуанга являлись многіе выдающіеся китайцы со своимъ умомъ, талантами, образованіемъ и титуломъ. Они не сочувствовали нововведеніямъ и находили ихъ несвоевременными и опасными для государства. На этомъ основаніи они требовали, чтобы Ванга судили, какъ опаснаго подстрекателя и нарушителя общественнаго порядка. На Ванга началось гоненіе, но онъ остался непоколебимъ и притѣсненія только закаляли его. Но когда онъ увидѣлъ, что императоръ, подъ вліяніемъ доводовъ, представляемыхъ ему противниками реформъ, уже готовъ былъ уступить, то, обращаясь къ нему, Вангъ спокойно сказалъ: «Къ чему такая поспѣшность? Подождите, по крайней мѣрѣ, пока опытъ не выяснитъ пользы тѣхъ учрежденій, которыя введены для блага китайскаго народа. Вамъ трудно примираться теперь съ этими учрежденіями, но настанетъ время, когда вы будете ихъ хвалить».

Пока царствовалъ императоръ, покровительствовавшій ему, Вангъ могъ провести всѣ реформы. Но, по словамъ китайскихъ историковъ, всѣ его реформы не привели ни къ чему и бѣдствія народа не уменьшались. Больше всего, однако, повредило смѣлому реформатору то, что онъ хотѣлъ также преобразовать и корпорацію ученыхъ и навязать имъ свои взгляды и систему. Онъ измѣнилъ не только форму экзаменовъ на ученыя степени, но издалъ самъ комментарій къ священнымъ книгамъ и потребовалъ, чтобы ученые руководствовались ими. Эти послѣднія нововведенія были причиною того, что у него оказались массы самыхъ непримиримыхъ враговъ, которые только искали случая столкнуть его. Этотъ случай представился, когда умеръ императоръ. Вдовствующая императрица, не сочувствовавшая реформамъ, призвала назадъ Симокуанга и поручила ему воспитаніе юнаго императора. Затѣмъ Симокуангъ былъ первымъ министромъ, причемъ его главною заботой было уничтожить даже самые слѣды реформы. Вангъ вскорѣ послѣ того умеръ. Черезъ одиннадцать лѣтъ послѣ смерти приверженцамъ Ванга удалось вернуться на свои прежнія должности, откуда они были изгнаны Симокуангомъ. Водворившись на прежнія мѣста, они немедленно принялись за возстановленіе прежней соціальной системы, введенной Вангомъ. Черезъ три года, однако, произошелъ новый переворотъ, а идеи Ванга снова были преданы забвенію. На этотъ разъ его пораженіе было уже окончательное. Его послѣдователи, китайскіе соціалисты, всюду подвергались преслѣдованію и, въ концѣ концовъ, въ 1129 г. были изгнаны изъ государства.

Изъ иностранныхъ журналовъ.

«Revue des Revues».—«Contemporary Review».

Европейцы, пріѣзжающіе въ Китай, обыкновенно являются туда съ цѣлымъ запасомъ предвзятыхъ идей, закоренѣлыхъ убѣжденій и взглядовъ и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ извлекаютъ какую нибудь пользу изъ своего пребыванія въ Китаѣ, т. е. научаются понимать эту страну, въ которой все такъ не похоже на то, къ чему они привыкли у себя въ Европѣ и въ другихъ болѣе или менѣе цивилизованныхъ странахъ. «Китайцы,—говоритъ въ своей статьѣ о китайскихъ тайныхъ обществахъ въ «Revue des Revues» Френсизъ Мюри, бывшій французскій морской коммиссаръ въ Китаѣ,—совершенно иначе мыслятъ и поступаютъ, чѣмъ мы, и мы привыкли поэтому смотрѣть на нихъ, какъ на низшую расу и не допускаемъ мысли, что для нихъ ихъ собственныя воззрѣнія и обычаи могутъ имѣть такое же большое значеніе, какое имѣютъ для насъ наши взгляды. Мы думаемъ также, что во многихъ отношеніяхъ замѣна китайскихъ обычаевъ европейскими принесетъ китайцамъ вредъ. Съ своей стороны и жители Небесной имперіи на насъ взираютъ какъ на дикарей, такъ какъ также мало понимаютъ нашу цивилизацію, какъ мы ихъ. Что Китай и теперь намъ также чуждъ, какъ во времена Марко Поло, доказываетъ вся европейская политика относительно Китая. Европейцы пытались застращать 400 милліоновъ китайцевъ, отправивъ войско въ Китай и сдѣлать ихъ болѣе покорными своей волѣ, но достигли какъ разъ обратнаго. Каждое такое вторженіе европейцевъ въ Китай непремѣнно имѣло своимъ результатомъ усиленіе ненависти китайцевъ къ иностранцамъ, пребываніе которыхъ въ ихъ странѣ казалось жителямъ Китая хуже всякой войны и войска. Китайское войско состояло изъ шайки грабителей, изъ всякаго сброда, которому нигдѣ не было мѣста. Начальники этого войска были все люди необразованные, назначавшіеся на свои должности не ради какихъ-либо своихъ достоинствъ, а ради своихъ физическихъ качествъ и, главнымъ образомъ, физической силы. Китайскіе мандарины презирали войско и въ Китаѣ даже сложилась пословица, что какъ для «гвоздей берутъ плохое желѣзо, такъ и въ солдаты берутъ лишь никуда негодныхъ людей». Но во время англо-французскаго похода въ Китай, въ 1860 г., союзное европейское войско всюду грабило и сжигало. Китайцы не могутъ простить европейцамъ разрушеніе императорскаго лѣтняго дворца, дѣйствительно представлявшаго чудо искусства, и всегда, когда нужно бываетъ натравить народныя массы на иностранцевъ, народу напоминаютъ объ этомъ варварскомъ поступкѣ европейцевъ. Во время оккупаціи Пекина и Тянь-Цзиня никому изъ европейцевъ не пришло въ голову, что было бы полезно убѣдить китайцевъ, что европейскіе военачальники не только солдаты, а такіе же ученые, какъ и китайскіе мандарины. Европейскіе офицеры, однако, не считали нужнымъ возбудить къ себѣ уваженіе китайцевъ и не воспользовались случаемъ, который имъ представлялся, такъ что послѣ ухода европейскихъ войскъ ненависть къ «западнымъ дьяволамъ» только усилилась и окончательное изгнаніе этихъ дьяволовъ изъ Китая составляетъ теперь главную цѣль всѣхъ тайныхъ обществъ въ Китаѣ. Прежде эти общества постоянно устраивали возстанія противъ собственнаго правительства, теперь они соединились съ нимъ, чтобы вмѣстѣ дѣйствовать противъ общаго врага—иностранцевъ. Въ Китаѣ приходится имѣть дѣло, главнымъ образомъ, съ двумя различными элементами: съ тайными обществами и мандаринами, которые сливаются съ правительствомъ. Мандарины существуютъ съ самаго основанія китайскаго царства, тайныя же общества болѣе поздняго происхожденія. Число этихъ обществъ

необыкновенно возросло послѣ похода 1860 года и теперь эти два элемента, вѣчно враждовавшіе другъ съ другомъ, соединились вмѣстѣ и намѣреваются закрыть свою страну для иностранцевъ. Они отвергаютъ европейскую цивилизацію, которая слишкомъ часто представлялась имъ въ непривлекательномъ свѣтѣ, и презираютъ всѣ европейскія нововведенія. Это все является результатомъ незнанія Китая и близорукой европейской политики».

Тайныхъ обществъ въ Китаѣ такъ много, что описать ихъ всѣ невозможно, притомъ же многія изъ нихъ представляютъ лишь развѣтвленія одного и того же общества. Главными обществами Мюри считаетъ слѣдующія: «Бѣлая водяная лилія», исключительно состоящее изъ поселянъ. Въ числѣ членовъ этого общества находится много женщинъ. Общество имѣетъ вполнѣ законченную военную и гражданскую организацію, что даетъ ему возможность во всякое время взять въ руки все управленіе государствомъ. Въ каждой провинціи это общество имѣетъ своего короля и эти короли пользуются такою самостоятельностью, что, напримѣръ, теперь, когда общество «Бѣлой водяной лиліи» возстало почти всюду, въ нѣкоторыхъ провинціяхъ все спокойно и онѣ не присоединяются къ возстанію. Что касается «Боксеровъ», которые вѣроятно были бы очень удивлены, если бы знали, какъ ихъ называютъ европейцы, такъ какъ въ дѣйствительности они члены общества «Тсаи-Ли-Хои» (общество истины и идеала), болѣе извѣстнаго въ Китаѣ подъ именемъ «Та-Тао» (послѣдователи высшей доктрины, превратившіеся въ Европѣ вслѣдствіе невѣжества переводчиковъ въ общество «Большого Ножа»), то сельское населеніе мало пополняетъ ихъ ряды. «Тсаи-Ли-Хои» давшее имъ начало преслѣдуетъ высшіе идеалы нравственности и добра, проповѣдуетъ защиту угнетенныхъ, слабыхъ и т. д., но теперешніе его послѣдователи, такъ называемые «Боксеры» выродились въ настоящихъ разбойниковъ-грабителей.

Для распознаванія другъ друга члены этого общества носятъ вокругъ таліи длинный и широкій бѣлый поясъ. Они говорятъ, что это означаетъ трауръ по основателѣ ихъ общества Чангѣ, умершемъ около 50 лѣтъ тому назадъ. Первыми послѣдователями этого преобразованнаго общества были мелкіе торговцы, лодочники, кули и др., въ особенности много среди нихъ солдатъ и слѣдовательно подонковъ населенія. Въ настоящее время въ члены общества допускаются даже уличные воры и грабители, такъ какъ нужны люди готовые на все. Предводители боксеровъ большею частью нищіе ученые, которымъ надоѣло ждать свободнаго мѣста въ администраціи, уволенные въ отставку военные мандарины и т. д. Не вѣрно утверждаютъ, будто во главѣ боксеровъ находятся придворные мандарины и даже самъ принцъ Туанъ, отецъ предполагаемаго наслѣдника престола. Падкіе на выдумку, газетные репортеры утверждали даже, будто вдовствующая китайская императрица имѣла нѣсколько совѣщаній съ предводителями боксеровъ передъ началомъ враждебныхъ дѣйствій въ Китаѣ. Но, по мнѣнію Мюри, все это сказки, которымъ вѣрить не слѣдуетъ. Конечно, въ данный моментъ не существуетъ уже никакихъ сомнѣній относительно того, что китайское правительство солидарно съ боксерами, но между китайцемъ изъ народа и высокопоставленнымъ мандариномъ лежитъ такая непроходимая пропасть, которая не допускаетъ между ними никакого слiянія. Единственное, что объединяетъ въ данную минуту всѣ эти чисто народныя тайныя общества съ аристократическимъ классомъ ученыхъ мандариновъ—это общая ненависть къ иностранцамъ. Сами по себѣ мандарины презираютъ народъ, хотя и происходятъ изъ него. Во всякомъ случаѣ, главнымъ препятствіемъ къ развитію и прогрессу страны служатъ именно мандарины и пока классъ этотъ не будетъ совершенно преобразованъ, до тѣхъ поръ Китай будетъ закрытъ для европейскихъ вліяній. Между тѣмъ, нѣкоторые изъ менѣе ученыхъ китайцевъ, вслѣдствіе своихъ поѣздокъ въ Европу и постоянныхъ

сношеній со европейцами, съ ужасомъ открыли, что Китай, застывшій въ своемъ развитіи, занимаетъ теперь послѣднее мѣсто въ ряду государствъ и долженъ отказаться отъ своего обособленнаго положенія, если не желаетъ сдѣлаться добычей иностранцевъ. Опасенія эти особенно укрѣпились послѣ войны съ Японіей, приведшей Китай на край гибели. Въ своемъ стремленіи спасти свою страну во что бы то ни стало люди эти стали добиваться реформы, забывая о тѣхъ дѣятеляхъ, которые ни за что не хотятъ допускать никакихъ перемѣнъ въ государствѣ. Послѣдователи идеи реформъ встрѣтили сочувствіе у молодого китайскаго императора. воодушевленнаго лучшими намѣреніями, но лишеннаго всякой энергіи. Душою этого общества «Молодого Китая» былъ Кангъ-Ювей, человѣкъ выдающихся способностей и большой поклонникъ Японіи. Онъ настаивалъ на томъ, чтобы императоръ ввелъ въ Китаѣ такія же реформы, которыя были введены въ Японіи и привели къ ея быстрому процвѣтанію и развитію. По его настоянію, императоръ подписалъ указъ 12 іюня 1898 г., вызвавшій дворцовую революцію. Въ этомъ указѣ было, между прочимъ, сказано: «Откажемся отъ нелѣпыхъ, безполезныхъ и ложныхъ взглядовъ, которые до сихъ поръ мѣшали нашему прогрессу, и смѣло примемся за работу! Проснемся отъ нашего оцѣпененія и стряхнемъ съ себя цѣпи, мѣшающія нашимъ движеніямъ! Станемъ поступать болѣе цѣлесообразно и такимъ путемъ мы въ состояніи будемъ занять мѣсто на ряду съ прочими державами, между тѣмъ какъ теперь между ними и нами существуетъ громадная разница»! Кангъ-Ювей, кромѣ того, распустилъ вездѣ слухъ, что императоръ собирается, по примѣру Японіи, дать своему народу хартію и учредить парламентъ. Эти-то заявленія и вызвали взрывъ. Тотчасъ же между министрами и высшими чиновниками, интересамъ которыхъ угрожали такія перемѣны, составился заговоръ. Вдовствующая императрица выразила согласіе взять снова бразды правленія въ свои руки и вотъ, въ ночь съ 21 по 22 сентября, императоръ былъ увезенъ изъ дворца и препровожденъ въ одинъ изъ загородныхъ дворцовъ. Приверженцамъ его на другой же день отрубили голову, за исключеніемъ Кангъ-Ювея, которому, къ величайшему изумленію императрицы, удалось бѣжать.

Въ заключеніе своей интересной статьи Фрэнсизъ Мюри говоритъ, что онъ считаетъ преступленіемъ со стороны европейскихъ правительствъ посылать своихъ подданныхъ въ Китай, когда тамъ существуетъ такое положеніе вещей. Нельзя подвергать постоянной опасности столько жизней, и если Европа, Японія и Соединенные Штаты не соединятся вмѣстѣ, чтобы окончательно преобразовать Китай, то возможенъ только одинъ исходъ—они должны, повинуясь желаніямъ Китая, окружить его чертой, черезъ которую переступить никому нельзя, совершенно изолировать его и вычеркнуть изъ карты міра.

«Contemporary Review» печатаетъ статью о положеніи французской женщины въ промышленности. По словамъ автора статьи, доля участія французской женщины въ промышленности довольно значительна, несмотря на существующее во Франціи предубѣжденіе противъ какихъ бы то ни было измѣненій въ положеніи женщины, нарушающихъ тотъ идеалъ женственности, который вѣками укрѣпился во Франціи. Французская литература и французское искусство воспѣвали только женскую красоту и идеализировали женщину только какъ женщину, укрѣпляя культъ женственности во французскомъ обществѣ; поэтому, когда силою обстоятельствъ женщина была вынуждена выступить на арену борьбы за существованіе, то ей пришлось одолѣть не мало препятствій и лишь съ большими усиліями отвоевать себѣ мѣсто въ области промышленнаго труда. Въ настоящее время треть промышленной работы падаетъ на долю женщины и въ Парижѣ, напримѣръ 55% женщинъ занимаются промышлен-

нымъ трудомъ; для всей Франціи цифра эта выражается въ 38,1%. Но многія отрасли художественной промышленности исключительно обязаны женщинамъ своимъ развитіемъ и процвѣтаніемъ. Благодаря имъ, эта промышленность достигла той высоты, на которой она находится теперь, такъ что можно сказать вообще, что чѣмъ выше художественныя требованія въ какой-нибудь изъ отраслей промышленности, тѣмъ больше въ ней участвуютъ женщины.

Прогрессъ французской женщины въ этомъ отношеніи начался только въ половинѣ нашего вѣка и хотя французская революція, открывшая всѣмъ свободный доступъ въ область промышленности торговли и искусствъ, допустила въ теоріи участіе женщинъ, но это мало измѣнило ихъ положеніе. Невѣжество женщинъ было для нихъ такимъ же препятствіемъ къ промышленному труду, какъ и прежніе запретительные законы. Весьма естественно поэтому, что первое, что потребовали женщины отъ резолюціи—это право на образованіе и затѣмъ уже право труда. Но до половины этого столѣтія женщины все-таки не получали никакого промышеннаго образованія и поэтому прогрессировали очень медленно. Улучшеніе ихъ положенія началось со введеніемъ машиннаго производства и съ этого времени для нихъ началась новая эра. Женщины поступали на фабрики и постепенно возвысились до права на трудъ, дающій постоянный заработокъ. Какъ возросло участіе женщины въ фабричномъ трудѣ, доказываютъ слѣдующія данныя, обнародованныя французскимъ бюро труда. Въ 1864 г. въ промышленныхъ заведеніяхъ Франціи работало 21,1% женщинъ, въ 1873—33%, а теперь—38,1%. При этомъ одновременно съ возрастаніемъ числа женщинъ, занимающихся промышленнымъ трудомъ, уменьшается процентъ мужчинъ. Въ настоящее время четыре милліона женщинъ во Франціи живутъ своимъ трудомъ и изъ нихъ полтора милліона добываютъ себѣ средства къ жизни на фабрикахъ; тогда какъ изъ 10 милліоновъ мужчинъ, зарабатывающихъ себѣ средства къ жизни только, $2^1/_2$ милліона,—слѣдовательно $^1/_4$,—добываютъ ихъ фабричнымъ трудомъ.

Съ Парижской выставки.

Техническій и экономическій прогрессъ въ промышленности.

I.

На Марсовомъ полѣ расположены самые интересные въ научномъ, техническомъ и экономическомъ отношеніи отдѣлы выставки. Здѣсь выставка руднаго дѣла и металлургіи, здѣсь обширный отдѣлъ машинъ, здѣсь и еще болѣе пространная и богатая выставка по электричеству.

На Марсовомъ же полѣ устроена выставка по строительному искусству со снимками, планами и описаніями самыхъ замѣчательныхъ построекъ всего свѣта; здѣсь же часть выставки по транспортному дѣлу; другая часть этого отдѣла находится въ противоположномъ концѣ Парижа, въ Венсенскомъ лѣсу; тутъ же на Марсовомъ полѣ помѣщается выставка по разнообразнымъ отраслямъ химической индустріи, по земледѣлію, и всѣмъ зависящимъ отъ него промысламъ; здѣсь же выставка пряжъ и тканей и готоваго платья; наконецъ, здѣсь же устроенъ отдѣлъ выставки по высшему, среднему и низшему народному образованію, съ его учебными кабинетами и лабораторіями, опытными и наблюдательными станціями, съ образцами новѣйшихъ операціонныхъ залъ, обставленныхъ громадными шкафами, наполненными усовершенствованными хирургическими инструментами.

Въ отдѣлѣ народнаго образованія помѣщается и выставка по «свободнымъ искусствамъ», по фотографіи, по типографіи, музыкѣ, сценическому искусству и т. д.

Во всѣхъ этихъ отдѣлахъ мы находимъ не только послѣдніе образцы науки и техники, а еще и наглядную исторію каждаго промысла. Эту исторію намъ даютъ особыя ретроспективныя выставки и столѣтніе музеи, составляющіе нераздѣльную часть каждаго отдѣла выставки. Такое воскрешеніе прошлаго въ предметахъ, картинахъ и цифрахъ не только усиливаетъ общее впечатлѣніе, оставляемое выставкой, но и дѣйствуетъ крайне воспитательно. Еще болѣе сильное впечатлѣніе оставляетъ матеріальное воспроизведеніе сценъ прошлаго, со всей обстановкой и фигурами людей. Никакое описаніе историка и даже никакая картина не въ состояніи возбудить въ насъ того сильнаго прилива гуманнаго чувства, какъ сцена ретроспективной выставки по рудничному дѣлу, въ подземельяхъ Трокадеро, представляющихъ рабовъ стараго Карѳагена, работающихъ въ рудникахъ подъ плетью надзирателя.

Къ сожалѣнію, эти сцены изъ мартиролога человѣчества,—сцены, въ которыхъ нѣтъ недостатка и теперь, очень рѣдки на выставкѣ. И не посвященный посѣтитель долженъ вынести убѣжденіе, что капиталистическое производство есть, въ самомъ дѣлѣ, идиллія. Несмѣтныя богатства разстилаются передъ его глазами, какъ громадныя рѣки, ни источниковъ, ни устья которыхъ онъ не видитъ.

Но что ярко выступаетъ на выставкѣ, это—громадный прогрессъ техники. Недалеко отъ Марсова поля, во дворцѣ Трокадеро, помѣщается одинъ изъ самыхъ лучшихъ этнографическихъ музеевъ въ мірѣ. Посѣтитель можетъ сравнить выставленные тамъ грубые камни и кремни, которые употреблялъ первобытный человѣкъ, съ выставленными въ ретроспективномъ отдѣлѣ металлургіи молотами, которыми и теперь еще пользуются многіе изъ нашихъ кузнецовъ, и, наконецъ, съ громадными толчеями въ современныхъ металлургическихъ заводахъ, съ паровыми молотами, вѣсомъ въ 40.000—50.000 килограммовъ, раздавливающими подъ своею невыносимою тяжестью желѣзныя массы, вѣсящія по нѣскольку тысячъ килограммовъ. Отъ обыкновенныхъ желѣзныхъ полосъ, которыя наши кузнецы выдѣлываютъ, пробивъ молотомъ нѣсколько часовъ кряду, онъ перейдетъ къ выставленнымъ рельсамъ, длиною въ нѣсколько сотъ метровъ.

Далѣе идетъ механическая выставка съ самыми разнообразными машинами. Мы еще вернемся къ нимъ и увидимъ, какими быстрыми шагами мы приближаемся къ мечтѣ Аристотеля о томъ, чтобы вся человѣческая работа исполнялась автоматами. Но ничто такъ хорошо не символизируетъ могущество человѣческаго ума надъ слѣпыми и враждебными силами природы, какъ электрическій отдѣлъ, гдѣ нажатіе одной пуговки заливаетъ всю выставку свѣтомъ 16.000 обыкновенныхъ и 300 большихъ лампъ. Какъ мы далеки отъ перваго электрофора, слабая искра котораго вызываетъ благоговѣніе учениковъ. Прогрессъ электрической промышленности самый значительный и самый быстрый. На прошлой выставкѣ 1889 г. не было электрическаго отдѣла, а на настоящей онъ—первый по своимъ значенію и громадности.

Можно сказать, что тенденція современной науки состоитъ не только въ открытіи новыхъ силъ и раціональной эксплоатаціи всѣхъ старыхъ и извѣстныхъ—напримѣръ, воды и вѣтра—но и въ утилизаціи элементовъ, считавшихся до сихъ поръ безполезными. На такой утилизаціи основаны машины-двигатели, получающія энергію отъ газовъ, выходящихъ изъ доменныхъ печей.

Изъ всѣхъ наукъ химія больше всѣхъ воспользовалась этою тенденціей. Она уже употребляла тряпки для выдѣлыванія бумаги; теперь изъ обрѣзковъ кожи она снова приготовляетъ кожу, такъ называемый fibroleum; изъ остатковъ при приготовленіи свѣтильнаго газа она извлекаетъ самыя сложныя органическія соединенія, служащія основой стольких синтетическихъ красокъ, самыхъ упо-

требительныхъ лѣкарствъ и суррогатовъ, вродѣ сахарина, въ 500 разъ превосходящаго сладостью сахаръ и уже замѣняющаго его во многихъ случаяхъ.

Со всѣхъ сторонъ получается то же самое впечатлѣніе, что человѣкъ укротилъ природу. Всѣ націи, каждая смотря по своимъ силамъ, содѣйствуютъ этому прогрессу. Но несомнѣнно, первое мѣсто на настоящей выставкѣ принадлежитъ Америкѣ и Германіи. Участіе Америки, пропорціонально ея производительнымъ силамъ, слабо, за исключеніемъ богато обставленнаго отдѣла земледѣльческихъ машинъ; но Соединенные Штаты могутъ гордиться, такъ какъ вліяніе ихъ чувствуется повсюду. Они дали намъ самые усовершенствованные аппараты по электричеству и, главное, по его примѣненію къ частной и общественной жизни; въ отдѣлѣ металлургіи они выставили множество усовершенствованій; они научили Европу выдѣлывать изъ громадныхъ кусковъ желѣза цѣлые выгоны, не прибѣгая ни къ гвоздямъ, ни къ какому другому скрѣпляющему матеріалу; они дали намъ усовершенствованный станокъ Northrop, который вводится теперь во всѣхъ главнѣйшихъ европейскихъ ткацкихъ производствахъ.

Но германская промышленность, въ своемъ юношескомъ энтузіазмѣ, очевидно, старалась превзойти всѣхъ. Электрическое общество «Helios» привезло величайшій въ свѣтѣ электрическій двигатель. Для установки этого двигателя другая, тоже нѣмецкая, фирма, Carl Flohr въ Берлинѣ, сдѣлала громадный подъемный кранъ — послѣднее слово техники. Машинный отдѣлъ Германіи поражаетъ своимъ богатствомъ и разнообразіемъ. То же самое можно сказать и о ея выставкѣ по химической индустріи. Германія, не участвовавшая въ послѣдней Парижской выставкѣ 1889 г., теперь жалѣетъ только объ одномъ, что размѣры Парижской выставки недостаточно велики, чтобы перенести сюда всю германскую промышленность. Въ машинномъ отдѣлѣ, въ мѣстахъ, отведенныхъ отдѣльнымъ фирмамъ, часто встрѣчаешь выставленныя досчечки съ слѣдующими надписями: «Фирма X не могла выставить всѣхъ образцовъ своихъ машинъ, потому что ей отвели только 80 квадр. метровъ, тогда какъ она просила 400».

Англія сравнительно слабо представлена на Всемірной выставкѣ. Видно, что она не дала себѣ труда показать всѣ успѣхи своей промышленности. Мы не знаемъ, вынужденное ли это равнодушіе, или добровольное; можетъ быть, тяжелыя обстоятельства, которыя эта страна переживаетъ, отвлекаютъ ея вниманіе въ другомъ направленіи; а можетъ быть, это охлажденіе къ выставкѣ происходитъ отъ сознанія, что она уже не можетъ больше дивить міръ. Въ послѣднія 50 лѣтъ Англія неукоснительно принимала участіе во всѣхъ всемірныхъ выставкахъ и, навѣрное, убѣдилась, что торговля ея мало выноситъ изъ нихъ пользы. Кромѣ того, связи ея съ европейскимъ континентомъ, къ которому, главнымъ образомъ, относится выставка, дѣлаются тѣмъ слабѣе, чѣмъ сильнѣе развивается ея заокеанская торговля съ Америкой или съ собственными колоніями. По особенному деликатному вниманію къ послѣднимъ, Англія постаралась, чтобы онѣ были представлены на выставкѣ лучше и полнѣе, чѣмъ сама метрополія.

Австрія, Венгрія и Италія добросовѣстно идутъ за другими странами. Испанія даетъ намъ самый удобный и дешевый аппаратъ для производства ацетиленоваго свѣта.

Россія, благодаря дружескимъ отношеніямъ съ Франціей, получила почти самое большое пространство изъ всѣхъ иностранныхъ державъ. Ея выставка — полна; но до сихъ поръ она тоже только старается прилагать у себя то, что изобрѣтаютъ другія страны. Но она все таки можетъ претендовать на нѣкоторыя усовершенствованія въ электро-техникѣ, напримѣръ, простое на видъ, но богатое практическими послѣдствіями давнишнее изобрѣтеніе Яблочкова, поста-

вившаго оба накаленные угля параллельно и устроившаго извѣстную свѣчу; точно также усовершенствованіе въ добываніи платины, 97% всего количества которой идетъ изъ Россіи, есть дѣло русскихъ химиковъ. Русскій инженеръ Пере создалъ самую усовершенствованную машину для извлеченія золота. Наконецъ, Россія вывозитъ большое количество зернового хлѣба, но, увы, по исчисленію профессора Менделѣева въ русскомъ докладѣ на выставкѣ въ Чикаго, всего производимаго въ Россіи хлѣба не было бы достаточно для одной только Россіи, если бы русскій крестьянинъ употреблялъ физіологически-нормальную порцію хлѣба. Не знаю, послѣ констатированія этого бѣдственнаго положенія русскаго крестьянина, доставитъ ли большое утѣшеніе извѣстіе, что русскіе ликеры и наливки удостоились на Парижской выставкѣ первой награды.

Данія, съ своей выставкой по молочному хозяйству, Норвегія и Швеція, съ деревянной и желѣзной промышленностью, Швеція, съ своей лучшей въ свѣтѣ сталью, съ самой большой и самой усовершенствованной спичечной фабрикой въ свѣтѣ, занимаютъ видное мѣсто между своими могучими сосѣдями. Техническій прогрессъ вообще не находится на сторонѣ матеріальной силы; онъ не измѣряется ни пространствомъ территоріи, ни количествомъ военныхъ силъ. Три государства, стоящія во главѣ міроваго промышленнаго движенія — это три самыя мелкія страны Европы: Голландія, Бельгія и Швейцарія. Въ Голландіи приходится ежегодно на человѣка 515 фр. 17 сант. вывоза (десятилѣтіе 1890—1899 г.) Правда, голландская торговля носитъ, главнымъ образомъ, транспортный характеръ; еще и до сихъ Голландія представляетъ обширный складъ для торговли европейскаго континента съ колоніями. Но бельгійскій вывозъ, равнявшійся въ среднемъ ежегодно 240 фр. 0,69 сант. на человѣка и швейцарскій—223 фр. 24 сант. представляютъ вывозъ внутренняго производства. Эти цифры относятся къ такъ называемой спеціальной торговлѣ. Вслѣдъ за ними идутъ: Великобританія, въ которой приходится по 152 фр. 57 сант. вывоза на человѣка; Франція съ 90 фр. 50 сант. на человѣка; Германія съ 73 фр. 0,3 сант.; Соединенные Штаты, съ 73 фр. 87 сант., Италія съ 33 фр. 28 сант. и Россія съ 24 фр. 70 сант. Бельгія блещетъ своими металлургическими заводами, произведенія которыхъ расходятся по всѣмъ концамъ свѣта, своими новыми двигателями Delamarre-Deboutteville, съ заводовъ John Cockerill, движимыми газами доменныхъ печей, своей стеклянной промышленностью. Еще удивительнѣе успѣхи Швейцаріи. Лишенная самыхъ необходимыхъ для развитія индустріи матеріаловъ: каменнаго угля и желѣза, запертая среди высочайшихъ горъ, безъ выхода къ морю, Швейцарія успѣла создать у себя богатую машинную индустрію. Винтертуръ, Цюрихъ, Базель, Орликенъ—переполнены заводами. Къ нимъ нужно прибавить и Женеву, давшую міру величайшія турбины, работающія въ Ніагарскомъ водопадѣ. Швейцарія побѣдила бѣдность своей природы: недостатокъ каменнаго угля она восполнила двигательной силой водопадовъ и рѣкъ Рейна, Аара, Роны, Арвы и др.

Даже несчастныя балканскія страны, истощаемыя междоусобною борьбой, и тѣ подаютъ признаки начинающейся промышленной жизни. Машинная индустрія у нихъ еще слабо развита и представлена, главнымъ образомъ, «la petite métallurge» (мелкой металлургіей). Но ихъ естественныя богатства: неисчерпаемыя нефтяныя богатства Румыніи, гдѣ нефтеносная почва по склонамъ Карпатъ занимаетъ поверхность въ 20.000 гектаровъ, каменноугольныя мины Болгаріи въ Софійской равнинѣ и въ нѣдрахъ Балканъ, ея желѣзные рудники въ Самоковѣ, самые богатые по % содержанію въ Европѣ, обезпечиваютъ этимъ странамъ промышленное будущее. Сербія, хотя и лишенная выхода къ морю, обладаетъ обширными каменноугольными залежами въ Тимокской долинѣ, и неисчерпаемой двигательной силой Дунайскихъ водопадовъ, на порогахъ «Желѣзныхъ воротъ».

Въ нашемъ предварительномъ обзорѣ мы оставили Францію подъ конецъ. Она

располагаетъ на выставкѣ самымъ большимъ пространствомъ. Не раздѣляя пессимистическихъ и не всегда справедливыхъ сужденій русскихъ публицистовъ, мы должны признать. что общее впечатлѣніе отъ французскаго отдѣла выставки—неблагопріятное. Конечно, Франція еще далека отъ того, чтобы можно было говорить о ея экономическомъ банкротствѣ, но она, несомнѣнно, не занимаетъ перваго мѣста. На многихъ экспонатахъ вывѣшены большія надписи: «invention purement française», чисто французское изобрѣтеніе; но несчастіе французовъ въ томъ, что эти чисто французскія изобрѣтенія находятъ приложеніе не во Франціи, а за границей, въ Бельгіи, Германіи или Америкѣ. Единственная отрасль индустріи, въ которой французы, дѣйствительно, занимаютъ первое мѣсто, это—производство автомобилей, центръ котораго находится въ Парижѣ. Металлургическая и машинная индустрія развита въ Сѣверныхъ Департаментахъ, и въ восточныхъ по сосѣдству съ Германіей. Естественное положеніе Эльзаса и Лотарингіи, среди многочисленныхъ водопадовъ и рѣкъ, каменноугольныхъ и желѣзныхъ рудниковъ, создало изъ этихъ двухъ провинцій фабричный центръ по обработкѣ хлопчатой бумаги и по производству ткацкихъ станковъ. Присоединеніе этихъ провинцій къ Германіи одновременно дало германской индустріи сильный притокъ свѣжихъ силъ и нанесло большой ударъ Франціи.

Часто говорятъ и настойчиво повторяютъ, что французъ—индивидуалистъ. Свою независимость и свою собственность онъ предпочитаетъ всему. Въ самомъ дѣлѣ, каждая новая индустрія во Франціи имѣетъ мелко-хозяйственную тенденцію. Довольно пройтись по верхнему этажу электрической выставки, т.-е. по отдѣлу электрическаго освѣщенія, чтобы видѣть, что французы уже сдѣлали изъ послѣдняго нѣчто вродѣ «article de Paris». Безчисленные мелкіе производители тратятъ все свое усердіе на то, чтобы сдѣлать изъ электрическаго освѣщенія декоративную индустрію. Они стараются придавать электрическимъ лампамъ самыя причудливыя формы, чтобы приспособить ихъ къ разнообразнымъ домашнимъ потребностямъ и архитектурнымъ стилямъ. Французъ теряется, тратясь на эти красивыя и артистическія мелочи, тогда какъ гораздо болѣе практичный нѣмецъ или англичанинъ производитъ въ громадномъ количествѣ однообразные дешевые и практичные предметы. Я испытывалъ сильное чувство жалости къ этимъ мелкимъ производителямъ электрическихъ лампъ и украшеній, которые съ сонливымъ и усталымъ видомъ константинопольскихъ торговцевъ, не дающихъ себѣ труда сгонять мухъ съ лица, стояли передъ своими лавочками. Каковъ будетъ торговый балансъ этихъ лавочниковъ, каковъ будетъ успѣхъ государства, опирающагося на этихъ торговцевъ съ сотней, или двумя тысячъ франковъ, допустимъ даже съ милліономъ франковъ индивидуальнаго капитала, но вынужденныхъ бороться на всемірномъ рынкѣ съ нѣмецкими обществами, вродѣ Берлинскаго всеобщаго электрическаго общества, съ 126 милліонами франковъ собственнаго капитала, кромѣ 250 милліоновъ франковъ, представляющихъ капиталъ присоединенныхъ къ нему другихъ сорока пяти обществъ, или съ Кельнскимъ электрическимъ обществомъ, громадный, въ 18 метровъ высоты, двигатель котораго сотрясаетъ при своемъ вращеніи все Марсово поле.

Старые промышленные народы какъ будто уже устали, тогда какъ вновь выступающіе на промышленную арену, охваченные промышленной лихорадкой, спѣшатъ нагнать и перегнать своихъ предшественниковъ. Японія, напримѣръ, дѣлаетъ невѣроятные успѣхи во всѣхъ отрасляхъ промышленности, и особенно въ ткацкой. Если бы, въ заключеніе, мы захотѣли представить въ наглядной ариѳметической формѣ, техническій прогрессъ за различные періоды нашего столѣтія, то мы не нашли бы ничего убѣдительнѣе возрастающей цифры патентовъ на разныя изобрѣтенія, выданныхъ французскимъ правительствомъ французскимъ и иностраннымъ изобрѣтателямъ.

Съ 1800 до 1820		1.280	патентовъ
» 1820 » 1840		6.409	»
» 1840 » 1860		47.055	»
» 1860 » 1880		91 017	»
» 1880 » 1890		161.367	»

Но мы хотимъ дать въ нашей статьѣ больше, нежели общее впечатлѣніе отъ выставки. Гораздо больше интереса представляетъ изученіе выставки по отдѣламъ, гдѣ можно прослѣдить частные законы, по которымъ техническій прогрессъ осуществляется въ каждой отдѣльной отрасли промышленности. Но изученіе выставки въ этомъ отношеніи представляетъ громадныя трудности.

Выставленныхъ предметовъ даже и не тысячи, а десятки тысячъ. Они размѣщаются въ двухъ этажахъ дворцовъ Марсова поля, и въ каждомъ этажѣ они занимаютъ по нѣсколько рядовъ.

Слѣдующее вычисленіе даетъ понятіе о громадномъ времени, которое нужно даже для самаго поверхностнаго обзора экспонатовъ: длина галлерей, занятыхъ ими въ двухъ этажахъ, равна, приблизительно, 12-ти километрамъ. Кромѣ того, посѣтитель не находитъ почти ничего, что помогло бы ему оріентироваться въ этомъ громадномъ матеріалѣ. Онъ долженъ выбирать между двумя, одинаково непрактичными средствами: или пользоваться частными путеводителями, которые даютъ только сухое описаніе зданій, или прибѣгать къ оффиціальнымъ каталогамъ, недоступнымъ по своей огромности, дороговизнѣ и носящимъ, кромѣ того, особый чисто коммерческій характеръ, вслѣдствіе котораго они могутъ быть полезны спеціалисту, а не обыкновенному посѣтителю, нуждающемуся не въ простомъ перечисленіи предметовъ съ обозначеніемъ производителей, а общія заключенія. Французскія газеты, за рѣдкими исключеніями, относятся къ выставкѣ, главнымъ образомъ, какъ къ зрѣлищу и ограничиваются помѣщеніемъ программъ разныхъ выставочныхъ торжествъ; въ журналахъ, до сихъ поръ, замѣчается та же бѣдность. Можетъ быть, послѣ закрытія выставки они дадутъ ея аналитическое описаніе.

II.

Мы начинаемъ нашъ обзоръ съ руднаго и металлургическаго дѣла. Какъ мы уже сказали, въ подземельяхъ Трокадеро находится ретроспективная выставка прошлаго этого дѣла. Это—такъ называемый «monde souterrain», одно изъ чудесъ выставки. Съ незапамятныхъ временъ на мѣстѣ, гдѣ находится дворецъ Трокадеро и его сады, существуютъ глубокія каменоломни, изъ которыхъ нѣкогда добывался камень, и которые давно заброшены. Одно частное общество и приспособило эти каменоломни для ретроспективной выставки. Le monde souterrain (подземный міръ) изображаетъ не только рудники, но и нѣкоторыя другія, извѣстныя въ исторіи подземелья. Мы находимъ здѣсь подземныя этрусскія и египетскія гробницы, здѣсь же воспроизведена такъ называемая могила Агамемнона, открытая Шлиманомъ въ Микенахъ, здѣсь же устроены изображенія римскихъ катакомбъ, но все это относится исключительно къ области исторіи. Непосредственное отношеніе къ нашему предмету имѣютъ воспроизведенные здѣсь финикійскіе мѣдные рудники и знаменитые рудники Гарца XVI столѣтія. Здѣсь же представленъ и самый процессъ образованія рудъ. Пять діорамъ, чудесныхъ какъ по игрѣ свѣта, такъ и по своей перспективѣ, даютъ вамъ одну изъ самыхъ грандіозныхъ иллюзій: передъ вами проходитъ геологическая исторія нашей планеты. Первая діорама представляетъ землю въ тотъ моментъ, когда начинаетъ образовываться ея кора. Но планета еще крѣпко держится за свое прошлое и ея тонкая поверхность легко разрывается подъ на-

поромъ внутренняго огня. Постоянные дожди способствуютъ охлажденію земли, которая непрестанно превращаетъ ихъ въ паръ. Среди этой насыщенной и туманной атмосферы, прорѣзываемой безпрестанной молніей, виднѣется большое, но блѣдное солнце. Видна и луна, освѣщаемая пламенемъ своихъ собственныхъ вулкановъ. Конечно на землѣ нѣтъ еще никакой жизни, если не считать ее самое за экземпляръ изъ фантастическаго царства Пирозоэровъ. Отъ этой азоической эпохи мы переходимъ къ четыремъ другимъ діорамамъ, представляющимъ четыре геологическихъ періода.

Первая изъ этихъ четырехъ діорамъ переноситъ насъ въ первичную эпоху, въ которую образовалась большая часть нашихъ ископаемыхъ горючихъ матеріаловъ. Видъ этой діорамы, представляющей озеро средней Франціи, окруженное вѣчно зелеными лѣсами и цѣпями снѣжныхъ горъ, освѣщенныхъ вечернимъ заревомъ заходящаго солнца, живо напомнилъ мнѣ видъ альпійскаго Oeschenеnsee, въ которомъ снѣжный Блюммисъ-Альпъ купаетъ свои вершины. Безчисленные водопады, стремящіеся со снѣжныхъ вершинъ, ломаютъ по пути деревья, гигантскія папоротники, и наваливаютъ ихъ грудами въ глубинѣ озера, гдѣ они гніютъ и обращаются въ уголь.

Вотъ вторичная, юрская эпоха, со своими красивыми, спокойными морями, живописными коралловыми островами, съ прелестной тропической растительностью, со стадами гуанодоновъ по берегамъ, съ гигантскими морскими чудовищами: ихтіозоврами, плезіозаврами и съ летающимъ дракономъ Археоптериксомъ. Третичный періодъ представленъ на третьей діорамѣ, видомъ одного парижскаго озера, по берегамъ котораго пасутся гигантскія, но безобидныя допотопныя животныя: игуанодоны и мастодонты. Въ четвертой и послѣдней діорамѣ появляется палеолетическій человѣкъ, обитающій въ пещерахъ и раздѣляющій свое владычество съ оленемъ.

Дальше идетъ матеріальное воспроизведеніе знаменитаго лазореваго грота на Капри, въ Неаполитанскомъ заливѣ.

Сложною системою стеколъ устроители придали этой пещерѣ голубую окраску, свойственную ея первообразу. Кромѣ того здѣсь мы находимъ еще воспроизведеніе нѣкоторыхъ извѣстныхъ гротовъ во Франціи, изъ стѣнъ и потолка которыхъ, вѣчнымъ дѣйствіемъ воды, образовались феерическіе дворцы, подобные тѣмъ, въ которыхъ скрывался баснословный «Наутилусъ». Гроты эти буквально воспроизводятъ свои оригиналы, но, конечно, въ меньшихъ размѣрахъ. Работы по устройству этихъ гротовъ исполнялись подъ руководствомъ спеціалистовъ, вродѣ г. Мартель, открывшаго красивѣйшіе гроты въ устьѣ Тарно, и де-Лоне, профессора въ Ecole des mines. Le monde souterrain снаружи имѣетъ видъ грота, у входа и выхода котораго стоятъ сдѣланныя изъ металла фигуры разныхъ допотопныхъ животныхъ. Эти бронзовыя чудовища, расположеніе грота среди зелени садовъ и водопадовъ Трокадеро придаютъ этому уголку выставки экзотическій видъ.

Отъ грота «Monde souterrain,» расположеннаго на наклонной плоскости, продолжающейся Марсовымъ полемъ, открывается одинъ изъ самыхъ живописныхъ видовъ не только на выставку, но и на Парижъ съ его окрестностями. На югѣ горизонтъ ограниченъ красивыми склонами Кламарскихъ и Медонскихъ высотъ и возвышенностью Монъ-Валеріанъ.

Дворцы Марсова поля, къ которымъ мы спускаемся отъ Трокадеро, черезъ Іенскій мостъ, расположены по тремъ его сторонамъ: восточной, западной и южной. Дворецъ руднаго дѣла и металлургіи—первый въ серіи дворцовъ восточной стороны, идущихъ параллельно аллеѣ ла Бурданне. Онъ занимаетъ пространство въ 7286 метровъ и выстроенъ въ два этажа. Внѣшняя отдѣлка дворца сводится, главнымъ образомъ, къ убранству входа. Послѣдній представляетъ большія стеклянныя ворота съ изящной дугой, увѣшанной гирляндами

разноцвѣтныхъ лампъ, расположенныхъ въ видѣ розетокъ и трилистниковъ. что напоминаетъ нѣсколько монументальныя ворота при входѣ на выставку, но вмѣсто безобразной парижанки дуга воротъ этого дворца заканчивается красивой колокольней, въ которой 32 большихъ и маленькихъ колокола звучатъ разными нотами и даже исполняютъ нѣкоторыя мелодiи.

За воротами посѣтитель вступаетъ подъ громадный куполъ, очень красивый и снаружи. По обѣ стороны входа стоятъ двѣ большiя бронзовыя группы, изображающiя одна—трудъ, другая—науку. Внутреннее убранство дворца, предоставленное самимъ экспонентамъ, выполнено удачно: есть много красивыхъ павильоновъ, между прочимъ павильонъ Московскаго металлургическаго общества шведскихъ заводовъ. Павильоны сдѣланы то изъ разноцвѣтныхъ желѣзныхъ, стальныхъ и бронзовыхъ колоннъ, заканчивающихся наверху короной, или какимъ-нибудь украшенiемъ, и обвитыхъ, какъ стволъ дерева—вьющимися растенiями, рельсами длиною въ нѣсколько десятковъ метровъ; въ другихъ мѣстахъ павильоны собраны изъ колесъ, пушекъ, якорей, щитовъ и т. д.

Въ Австрiйскомъ павильонѣ есть, между прочимъ, алтарь изъ каменной соли,—воспроизведенiе алтаря, находящагося съ XVI столѣтiя въ соляныхъ копяхъ Велички. Въ Венгерскомъ павильонѣ привлекаютъ вниманiе нѣсколько символическихъ группъ: одна изображаетъ мелкую металлургiю, другая—рудное дѣло, третья—обработку руды. Эти символическiя группы не особенно удачны, вторая группа, напримѣръ, изображающая рудное дѣло, представляетъ скалу, раскалывающуюся отъ динамитнаго патрона, который подкладываетъ рабочiй, а изъ трещины показывается красивая женская фигура. Едва ли раскалыванiе скалъ представляетъ такiя соблазнительныя перспективы.

Въ верхнемъ этажѣ, кромѣ выставки мелкой металлургiи, въ которую входитъ и литье бронзовыхъ статуй, часто артистически сдѣланныхъ, очень красива выставка нѣмецкой металлургiи.

Въ Берлинскомъ отдѣлѣ имѣются дiаграммы и статистическiя свѣдѣнiя о рудномъ дѣлѣ во всѣхъ странахъ, между прочимъ и въ Россiи.

Вернемся снова въ нижнiй этажъ. Нѣкоторыя компанiи выставили тамъ образцы подземныхъ галлерей своихъ рудниковъ. Мы уже говорили, что французскiе образцы рудниковъ помѣщаются въ садахъ Трокадеро.

Впродолженiи одиннадцати лѣтъ, прошедшихъ съ послѣдней Парижской выставки, рудное дѣло сдѣлало большiе успѣхи и ввело много усовершенствованiй, въ частности въ средства охраненiя рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ. Изъ множества фирмъ, выставляющихъ новые и усовершенствованные инструменты, нужно отмѣтить двѣ французскiя фирмы Липманнъ и братья де-Гюльстеръ, вставившiя громадные земляные буры, которые имѣютъ теперь гораздо болѣе широкое примѣненiе въ рудномъ дѣлѣ, чѣмъ прежде. Они служатъ между прочимъ, для приложенiя такъ называемаго метода *Poetsch*. Изобрѣтенiе этого французскаго инженера состоитъ въ томъ, что, во избѣжанiе накопленiя воды при прорытiи шахтъ, чрезвычайно затрудняющей дальнѣйшiя работы, онъ надумалъ замораживать почву, на которой собираются производить работы. Это достигается одновременнымъ пробуравленiемъ восьми, или десяти отверстiй, глубиною въ 100, 200 или 300 метровъ, черезъ которыя и вливаются большiя количества жидкой хлористой извести. Система эта, несмотря на свою сложность, представляетъ, очевидно большiя преимущество передъ теперешнимъ способомъ производства работъ. Изъ Францiи она перешла въ Бельгiю. Одно только буренiе представляетъ теперь цѣлую фабричную индустрiю. Фирма Гюльстеръ работаетъ одновременно, если нужно, на одной и той же почвѣ, 26-ю аппаратами, движимыми паромъ и представляющими общiй вѣсъ до 700 тоннъ. Съ этимъ новымъ инструментомъ можно работать на всякой почвѣ, и пробивать отверстiя глубиною до 100 метровъ, при $1^1/_2$ метрахъ въ дiаметрѣ.

Кромѣ этихъ гигантскихъ буровыхъ машинъ, существуютъ меньшія пробуравливающія отверстія для закладки динамитныхъ патроновъ въ самомъ рудникѣ.

Извѣстно, что часто пламень отъ фитиля динамитныхъ патроновъ производитъ взрывъ рудничнаго газа. Во избѣжаніе этого, иногда для поджиганія патрона употребляется электричество; въ докладѣ австрійскаго профессора Хöфера (Höfer) говорится объ открытіи чешскимъ инженеромъ Людовикомъ Яролимекомъ, въ 1895 году, способа зажигать патроны посредствомъ воды, которая, входя въ патронъ, дѣйствуетъ на находящуюся въ немъ негашеную известь. Развивающаяся при этомъ теплота будто бы совершенно достаточна для воспламененія патрона.

Для избѣжанія взрывовъ въ рудникахъ предлагается и много другихъ средствъ, между прочимъ и механическій вентиляторъ, одновременно охлаждающій высокую температуру внутри рудника и удаляющій гремучій газъ. Здѣсь же выставлены разные виды масокъ, предназначенныхъ для того, чтобы рабочимъ не приходилось вдыхать рудничную пыль, и разнообразныя модели лампъ.

Производятся также разныя усовершенствованія въ аппаратахъ для подъема и спуска рабочихъ въ шахту. Они состоятъ, главнымъ образомъ, въ выдѣлкѣ крѣпкихъ желѣзныхъ канатовъ. Замѣна веревочныхъ канатовъ желѣзными уменьшила число несчастій отъ разрыва этихъ канатовъ. Съ канатами, плетеными изъ веревокъ, случаи разрыва ихъ составляли, по статистическому отчету рудничныхъ инспекторовъ въ Дортмундѣ за 1877 г. — 19%, а съ желѣзными канатами число этихъ случаевъ опустилось до 0,55%.

Перейдемъ къ образцамъ выставленныхъ предохранительныхъ парашютовъ. Устройство ихъ заключается въ томъ, что, въ случаѣ разрыва каната, на которомъ держится подъемная машина, изъ боковъ машины автоматическій механизмъ выдвигаетъ нѣсколько крючьевъ, которые зацѣпляются за стѣны шахты и подъемная машина остается висѣть. Насколько практичны и цѣлесообразны всѣ эти инструменты — покажетъ будущее. Мы отмѣчаемъ ихъ только какъ новыя доказательства техническаго прогресса.

Послѣдній въ рудномъ дѣлѣ проявляется, главнымъ образомъ, въ приложеніи электричества. Первые электрическіе локомотивы для рудниковъ были построены нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ извѣстной мастерской Исеффрей въ Колумбіи, въ Соединенныхъ Штатахъ. Теперь американская фирма Thomson-Houston, имѣющая отдѣленіе во Франціи и два большихъ электрическихъ завода въ окрестностяхъ самого Парижа (Мулино и Витри), вводитъ электрическіе вагоны во французскихъ и бельгійскихъ рудникахъ. Кромѣ того, электричество служитъ двигательной силой для небольшихъ буровыхъ машинъ, вентиляторовъ, подъемныхъ машинъ; наверху, надъ шахтой, оно приводитъ въ движеніе вагонетки, которыя путемъ особаго механизма, употребляющагося въ Бельгіи, сами высыпаютъ свое содержимое въ большіе вагоны, развозящіе руду по всей странѣ. Электричество служитъ, кромѣ того, для освѣщенія рудниковъ, для просушиванія ихъ; наконецъ, оно движетъ механическія рѣшета, сортирующія руду по вѣсу и качеству. Но нужно замѣтить, что всѣ эти разнообразныя примѣненія электричества въ ходу, главнымъ образомъ въ Америкѣ.

При добываніи металловъ прогрессъ, въ значительной степени, состоитъ въ увеличеніи вмѣстимости доменныхъ печей, вслѣдствіе примѣненія могучихъ мѣховъ, ускоряющихъ горѣніе. Доменная печь можетъ выплавить теперь въ 24 часа 600 тоннъ чугуна.

За послѣдніе десять лѣтъ въ металлургіи получили очень большое значеніе различные опыты, производившіеся надъ сплавами. Потребность въ тол-

стыхъ и крѣпкихъ щитахъ для броненосцевъ, чтобы противостоять дѣйствію большихъ снарядовъ, для паровыхъ котловъ, чтобы выдержать давленіе сгущеннаго пара, потребность въ очень прочномъ матеріалѣ для частей желѣзнодорожныхъ вагоновъ, подвергающихся постоянному тренію, заставила ученыхъ искать очень прочныхъ металловъ. Самый твердый изъ извѣстныхъ до сихъ поръ металловъ — сталь не выдерживала долгое время механическаго атмосфернаго воздѣйствія. Она лопалась и отдѣлялась отъ предмета, который облегала, какъ высохшая кора отъ древеснаго ствола. Въ 1890 г. былъ найденъ сплавъ стали съ хромомъ и съ никкелемъ въ малыхъ количествахъ. По изслѣдованіямъ Clarpу для котловъ самымъ лучшимъ оказался сплавъ мѣди съ цинкомъ въ различныхъ пропорціяхъ. Колеса и другія части, подвергающіяся тренію, покрываются тонкой броней изъ сплава, называемаго *antifriction* и составленнаго изъ мѣди, олова, антимонія, свинца и цинка.

Большій интересъ—интересъ новизны—представляютъ сплавы алюминія. Одинъ изъ этихъ сплавовъ называется *партеніумъ*, по имени своего составителя—Партена, выставившаго въ отдѣльномъ павильонѣ множество предметовъ, сдѣланныхъ изъ новаго металла. Цѣль всѣхъ сплавовъ алюминія, это—приданіе ему большей твердости.

Производство самого алюминія сдѣлало очень большіе успѣхи. Въ 1889 г. алюминій считался дорогимъ металломъ, стоилъ 56 фр. за килограммъ и назывался металломъ будущаго. Съ тѣхъ поръ къ добыванію его было примѣнено электричество и цѣна его упала почти въ 20 разъ—теперь онъ продается по 3 ф. 50 с. за килограммъ, а одна французская фирма объявила даже, что въ состояніи продавать его по 2 фр. Но еще быстрѣе пало его реноме. Онъ оказался негоднымъ для постройки кораблей, такъ какъ соленая вода разъѣдаетъ его. Однако, алюминій все-таки входитъ въ употребленіе: изъ него приготовляютъ домашнюю утварь и онъ идетъ на инструменты; въ отдѣлѣ французскаго военнаго министерства выставленъ подвижный, сочлененный алюминіевый мостъ, длиной въ 15 метровъ и вѣсомъ въ 1.500 килогр. Металлъ этотъ употребляется еще на пушечные лафиты, на разныя части автомобилей и обыкновенныхъ экипажей и на канаты электрическихъ установокъ. Онъ оказался особенно полезнымъ при постройкѣ маленькихъ пароходовъ для далекихъ экспедицій. Французы говорятъ, что бо̀льшая часть всего алюминіеваго производства сконцентрирована въ ихъ заводахъ въ верхней Савойѣ. И дѣйствительно, по вычисленію Borcher'а, изъ 10.930 тыс. килограммовъ ежегоднаго производства. въ 1898 г. Франція произвела 6.120 т. килогр., Соединенные Штаты — 3.000, Англія - 1.000 и Швейцарія—810 килогр.; но по Kerschaw все алюминіевое производство не превышаетъ 4.000 тоннъ, изъ которыхъ 2.350 приходятся на Соединенные Штаты.

Изъ другихъ отдѣловъ французской секціи по металлургіи, упомянемъ выставку взрывчатыхъ веществъ, выставку по малой металлургіи, на которой представлены 60 различныхъ индустрій, между прочимъ приготовленіе ключей; одинъ изъ экспонентовъ увѣряетъ, что математической комбинаціей достигъ 12.000 разныхъ формъ ключей. По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, за нѣсколько послѣднихъ лѣтъ машинизмъ сдѣлалъ большіе успѣхи въ производствѣ предметовъ мелкой металлургіи, что произвело общее паденіе цѣнъ на 20%.

Вскользь упомянувъ обо всемъ этомъ, скажемъ нѣсколько словъ объ экономическомъ характерѣ французской металлургической индустріи. По самой своей природѣ, она дѣлаетъ обязательнымъ крупное производство. И дѣйствительно, между экспонентами фигурируютъ разныя крупныя общества, вродѣ Compagnie Générale des Métaux, съ капиталомъ въ 25 милліоновъ франковъ, пятью металлургическими заводами въ разныхъ концахъ Франціи, гдѣ работаютъ 3.500 рабочихъ; вродѣ Société Métallurgique de Gorcy, въ Лонви, съ 1.700 рабочими,

или, наконецъ, общества заводовъ въ Крёзо, выставляющаго свои произведенія въ отдѣльномъ павильонѣ. Но на ряду съ этими громадными и богатыми обществами развивается множество другихъ частныхъ предпріятій, съ мелкими капиталами. Каждая изъ этихъ небольшихъ фирмъ старается произвести что-нибудь особенное, свое, то, что французы называютъ «spécialités», и въ этомъ ищетъ смысла своего существованія.

Въ Германіи, наоборотъ, всѣ работы инженеровъ сводятся къ тому, чтобы выработать средній, нормальный типъ, который бы могъ воспроизводиться нескончаемое число разъ. То же самое и въ Америкѣ, гдѣ на заводахъ не принимаются заказы, отличные отъ общепринятаго типа, если заказы эти меньше, чѣмъ на 2.000 тоннъ. Изъ изслѣдованія, предпринятаго, г. Жоржемъ Виленомъ, оказывается, что въ Америкѣ есть нѣсколько заводовъ, изъ которыхъ каждый производитъ въ годъ по 600.000 тоннъ рельсъ; въ Германіи всѣ заводы производятъ ежегодно около милліона тоннъ желѣзныхъ перекладныхъ брусовъ, а во Франціи всѣ большіе и малые заводы, производящіе этотъ матеріалъ—ихъ 21—доставляютъ его только въ количествѣ 120.000 тоннъ, Этотъ мелкопромышленный характеръ французскаго желѣзодѣлательнаго произвдства составляетъ одну изъ главныхъ причинъ его упадка. Во Францію обыкновенно поступаютъ заказы не на общеупотребительные предметы, а на какія-нибудь «spécialités». Такъ-напримѣръ, администрація разныхъ нѣмецкихъ обществъ пароходства по Дунаю, Эльбѣ и каналамъ заказала разныя цѣпи во Франціи, гдѣ онѣ изготовляются еще ручнымъ способомъ и потому представляютъ большую гаранію прочности.

О выставкѣ другихъ государствъ мы упомянемъ очень кратко. Чтобы читатель могъ судить о степени концентраціи производства въ Англіи, укажемъ на Ламбтонскій каменноугольный синдикатъ, доставляющій, въ среднемъ, по 3 милліона тоннъ угля въ годъ. Его рабочій персоналъ состоитъ изъ 11.000 рабочихъ, и онъ располагаетъ собственнымъ флотомъ изъ 22 пароходовъ. Изъ крупныхъ русскихъ фирмъ отмѣтимъ заводы Киштымскаго руднаго округа, наслѣдниковъ Расторгуева, на которыхъ работаетъ 4.098 рабочихъ (1898 г.), а внѣ заводовъ, по и перевозкѣ дерева, и въ другихъ работахъ, занято еще 7.769 человѣкъ. Въ сущности работы хватаетъ только для половины этого двѣнадцати тысячнаго рабочаго населенія, такъ какъ они работаютъ двумя смѣнами, по 15 дней каждые 6.000 человѣкъ. Производство Киштымскихъ металлургическихъ заводовъ было въ 25.096 тоннъ чугуна въ 1898 г. (10.931 тонна въ 1846 г.). Выставка по каменноугольному производству Донецкаго бассейна показываетъ, что въ 1898 г. было произведено 7.453.000 тоннъ угля (въ 1880 г. только 624.000). Число рабочихъ доходитъ до 50.000, изъ которыхъ десять тысячъ работаютъ на поверхности земли, а 40.000—подъ землей. Послѣдніе работаютъ сдѣльно, съ сажени или съ вагона, и получаютъ въ среднемъ, при очень интенсивномъ трудѣ, отъ 30 до 50 рублей въ мѣсяцъ; нростые поденщики получаютъ отъ 17 до 24 рублей. Въ Донецкомъ бассейнѣ каменный уголь добывается 36 обществами, а антрацитъ—9. Въ русской Польшѣ, въ Сосновицахъ, въ 1898 г. оффиціально основалось анонимное общество для эксплоатаціи каменнаго угля и разныхъ цинковыхъ и желѣзныхъ рудъ. Оно располагаетъ капиталомъ въ $17^1/_2$ милліоновъ рублей и имѣетъ 6.000 рабочихъ.

Соединенные Штаты обращаютъ на себя вниманіе своей выставкой минеральныхъ маслъ и очищенной нефти. Послѣдняя индустрія, со своими усовершенствованными аппаратами, со спеціальными вагонами-цистернами и пароходами, машина которыхъ совсѣмъ изолирована и помѣщена въ задней части парохода, во избѣжаніе поджога нефти, вся цѣликомъ перешла къ намъ изъ Америки. Оттуда же заимствовано приготовленіе очищенныхъ минеральныхъ маслъ и разныхъ второстепенныхъ продуктовъ ихъ дистилляціи. Теперь минеральныя

масла употребляются уже не только на смазываніе машинъ, а и какъ топливо для двигателей. Въ 1865 году, независимо одинъ отъ другого, англичанинъ Эйдонъ и русскій полякъ, Шпаковскій, нашли, что выгоднѣе пользоваться для той же цѣли парами минеральныхъ маслъ. Извѣстно, что, кромѣ Россіи, нефть имѣется еще въ двухъ европейскихъ государствахъ: въ Австріи и въ Румыніи. Послѣдняя построила въ Венсенскомъ лѣсу особый павильонъ съ видами нефтяныхъ источниковъ возлѣ Буттенъ, Предѣла и другихъ мѣстностей въ Карпатахъ.

Въ австрійскомъ отдѣлѣ, кромѣ нефтяной промышленности, нужно отмѣтить еще магнезію и ртутныя руды. Первая добывается въ Штиріи (въ 1899 г. было произведено 47.500 тоннъ) и, необработанная, служитъ, благодаря своей огнеупорности, хорошимъ матеріаломъ для постройки доменныхъ печей. Ртутная руда добывается въ Идріи (89.000 тоннъ въ 1898 г.) и большая часть ея идетъ на приготовленіе киновари.

Выставка Швеціи представляетъ извѣстный историческій интересъ. До изобрѣтенія бессемеровскаго способа добыванія стали изъ обыкновенныхъ, смѣшанныхъ желѣзныхъ рудъ, сталь могла получаться только изъ чистаго шведскаго желѣза. Торговля Швеціи шла тогда очень успѣшно, такъ какъ она продавала свое желѣзо по 500 фр. за тонну, а сталь стоила до 1.580 фр. за тонну. Въ 1961 г. Бессемеръ съ успѣхомъ приложилъ на практикѣ свое знаменитое открытіе, давшее сильнѣйшій толчекъ всей металлургической и машинной индустріи: онъ сталъ добывать сталь прямо изъ желѣзной руды. Онъ открылъ, что если черезъ расплавленную руду пропускать сильную струю воздуха, то кислородъ его сжигаетъ всѣ примѣси, и даже чѣмъ больше этихъ примѣсей, тѣмъ энергичнѣе общее горѣніе. Открыіе это нанесло сильный ударъ шведской индустріи, которая уже раньше имѣла конкурента; англичанинъ Коршъ открылъ способъ добыванія стали изъ желѣзныхъ рудъ, содержащихъ фосфорныя примѣси. Но и до сихъ поръ лучшая сталь идетъ изъ Швеціи, благодаря чистотѣ ея руды. Въ Швеціи существуютъ богатыя и сильныя компаніи для обработки стали (въ 1898 г. было произведено 265.000 тоннъ стали) и, вообще, для обработки желѣзныхъ рудъ. Изъ участвующихъ въ металлургическомъ отдѣлѣ выставки мы укажемъ только на одну: названіе ея нѣсколько длинно, Stora Kopparbergs Bergslags Aktiebolag. Компанія существуетъ еще *съ 1225 г.*, располагаетъ движимымъ и недвижимымъ капиталомъ въ 56 милліоновъ франковъ, и эксплоатируетъ слѣдующія отрасли: 1) горное дѣло, 2) желѣзодѣлательное и сталелитейное производства, 3) мѣдное производство. Она владѣетъ 350.000 гектарами лѣсовъ, которые эксплоатируетъ разными способами.

Въ заключеніе нашего описанія выставки по рудному дѣлу и металлургіи мы укажемъ на относительное участіе въ этой промышленности разныхъ государствъ, приведя цифровое отношеніе ихъ производствъ. Свѣдѣнія, которыя мы находимъ въ картограммахъ второго этажа, относятся, главное, къ времени до 1898 г.; поэтому мы пользуемся «Журналомъ Общества французскихъ инженеровъ», данныя котораго относятся къ 1899 г.

Всемірное производство каменнаго угля достигло въ 1899 г. 622 милліоновъ тоннъ. Изъ нихъ 529 милліоновъ тоннъ, т.-е. 80% всего производства, приходятся на долю трехъ государствъ: Англіи—202 милліона тоннъ (30,5%) Соединенныхъ Штатовъ—196 мил. тоннъ (29,5%); и Германіи—131 милліонъ тоннъ (20%). Затѣмъ идутъ Австро-Венгрія съ 35 мил. тоннъ (5,3%), Франція съ 32½ мил. тоннъ (4,8%), Бельгія, съ 22 мил. (3,3%) и Россія съ 13-ю мил. тоннъ (2%). Разныя другія страны доставляютъ вмѣстѣ 5%.

Занимая первое мѣсто въ производствѣ каменнаго угля, Англія въ производствѣ желѣза идетъ позади Соединенныхъ Штатовъ. Послѣдніе произвели въ 1899 г. 13,8 милліоновъ тоннъ необдѣланнаго желѣза, а Англія произвела

9,4 милліона тоннъ. Затѣмъ идетъ Германія, произведшая 8 мил., Франція съ 2,5 мил., Россія и Бельгія, произведшія по 1 мил. тоннъ, и Австро-Венгрія съ 0,6 милліона. Для Россіи и Австро-Венгріи замѣчается значительное уменьшеніе производства по сравненію съ 1898 г., когда Россія произвела 2,2 мил., а Австрія—1,2 мил. Въ производствѣ стали первое мѣсто занимаетъ Америка съ 10,8 мил. тоннъ. Англія, уже уступившая Америкѣ первенство въ производствѣ желѣза, въ производствѣ стали уступаетъ не только ей, но и Германіи. Послѣдняя произвела 6,2 милліона тоннъ, тогда какъ Англія только 4,9. Затѣмъ идетъ Франція съ 1,5 мил., Россія съ 1,4 мил. (въ 1898 г. было 2,6 мил.) Австрія, съ 1,1 мил. и Бельгія съ 1,7 милл.

Значительная доля успѣха американскаго металлическаго производства объясняется, съ одной стороны, техническимъ прогрессомъ—примѣненіемъ электричества, съ другой — сравнительной дешевизной рабочихъ рукъ, благодаря наплыву эмигрантовъ.

III.

За металлургіей помѣщается отдѣлъ тканей, но мы оставляемъ его въ сторонѣ, чтобы не прерывать логическаго развитія фактовъ, и входимъ въ машиностроительный отдѣлъ. Часто говорятъ, что отличительная черта нашей цивилизаціи по сравненію съ античной, это—употребленіе большихъ металлическихъ массъ, а отличительная черта человѣка, по сравненіи съ другими животными, это—употребленіе орудій, начиная съ простѣйшаго топора и кончая самыми сложными машинами. И дѣйствительно, употребленіе, а, слѣдовательно, и производство машинъ, со дня на день получаетъ все большее развитіе. Достаточно указать на одну только Германію, которая въ 1898 г. только вывезла 184 тысячи тоннъ машинъ на сумму въ 152 милліона марокъ. Громадное значеніе машинъ въ общественной жизни становится особенно яснымъ и нагляднымъ, при видѣ многочисленныхъ, вновь изобрѣтенныхъ машинъ и орудій, выставленныхъ во дворцѣ механики, и призванныхъ замѣстить человѣческій трудъ во многихъ моментахъ производства. Но предварительно мы скажемъ нѣсколько словъ о руководящихъ принципахъ машинной индустріи, о препятствіяхъ, на которыя она наталкивается, и объ особенно ясно выдвигающихся на настоящей выставкѣ средствахъ, которыя она избрала, чтобы преодолѣть эти препятствія.

Извѣстно, что одна изъ важныхъ задачъ въ производствѣ паровыхъ машинъ заключается въ утилизированіи возможно большаго количества теплоты. Только небольшая часть послѣдней обращается въ работу, а остальная безполезно теряется. Отсюда проистекаетъ множество неудобствъ: большая трата угля, громадные размѣры котловъ и всего тѣла машинъ вообще; результаты же, несмотря на все это, получаются слабые, по сравненію съ затраченнымъ матеріаломъ. Со всѣми этими неудобствами съ самаго начала боролись спеціалисты и успѣли устранить многія изъ нихъ. Изъ доклада генерала Сибеля на международномъ конгрессѣ механики, можно составить себѣ понятіе о прогрессѣ сдѣланномъ до сихъ поръ въ этомъ направленіи. Первая паровая машина вѣсила по 800 килограммовъ на каждую даваемую ею лошадиную силу, а самыя большія машины были въ 300—400 лошадиныхъ силъ; большія машины истребляли по 5 килограммовъ угля въ часъ на каждую лошадиную силу. Теперь большія машины вѣсятъ только по 80 килограммовъ на каждую лошадиную силу, и сжигаютъ всего по 600 граммовъ топлива въ часъ для производства этой силы. Кромѣ того, теперешнія большія машины производятъ по 2.000 и даже 3000 лошадиныхъ силъ.

Германскій оффиціальный докладъ на конгрессѣ сообщаетъ, что, благодаря системѣ Шлика, такъ-называемыя машины съ компенсирующимъ движеніемъ,

употребляющiяся въ новыхъ германскихъ пароходахъ, развиваютъ еще большую силу. Всѣ эти результаты получаются, главнымъ образомъ, путемъ усовершенствованія паровыхъ котловъ и частей, служащихъ для передачи энергіи. Усовершенствованіе котловъ состоитъ не только въ приготовленіи ихъ изъ болѣе прочнаго металла, могущаго выдержать громадное давленіе пара, но и въ увеличеніи находящейся подъ дѣйствіемъ огня поверхности, что даетъ возможность въ то же время уменьшать объемъ котла.

Усовершенствованіе въ самихъ машинахъ состоитъ въ увеличеніи совмѣстно-дѣйствующихъ цилиндровъ (по системѣ Compound) и въ усовершенствованіи клапановъ. Въ этомъ отношеніи первое мѣсто принадлежитъ швейцарской фирмѣ Сульцеръ, клапаны которой вошли во всеобщее употребленіе.

Усовершенствованія въ передаточныхъ частяхъ сводятся, главнымъ образомъ, къ уничтоженію спаекъ и сочлененій, и къ отливкѣ цѣлыхъ частей изъ закаленнаго чугуна. Этотъ принципъ нашелъ первое успѣшное примѣненіе въ Америкѣ. Его простѣйшимъ выраженіемъ является извѣстный «expanded métal» (развернутый, растянутый металлъ), нашедшій широкое примѣненіе на самой выставкѣ и для производства котораго построены заводы во многихъ странахъ. Въ обыкновенныхъ желѣзныхъ листахъ дѣлается нѣсколько рядовъ параллельныхъ прорѣзовъ такимъ образомъ, что отъ *растягиванія* листовъ получается сѣть, петли которой могутъ быть различной величины и которая не представляетъ ни въ одномъ мѣстѣ нарушенія цѣлости. Такимъ же способомъ растягиванія, изъ листовъ разной толщины приготовляются цѣпи, трубы, блоки для машинъ и т. д.

Путемъ простого растягиванія металла дѣлаютъ цѣлые котлы, не имѣющіе ни одного гвоздя и составлявшіе гордость Англіи на выставкѣ 1889 года. Теперь Америка тѣмъ же способомъ приготовляетъ цѣлые вагоны.

Американская фирма «Грифенъ» изъ Буфало выставила новое колесо, преимущество котораго состоитъ въ его необыкновенной прочности: оно цѣликомъ отлито изъ закаленаго чугуна. Самые большіе европейскіе заводы получили концессіи на приготовленіе такихъ колесъ.

Все съ тою же цѣлью уменьшить неудобства спаекъ, нѣкоторые французскіе экспоненты выставили разные пластины и порошки, прокладываемые между двумя предметами, которые нужно спаять. По увѣреніямъ заинтересованныхъ лицъ, присутствіе этого третьяго разнороднаго металла, обезпечиваетъ большую прочность, чѣмъ непосредственное спаиваніе двухъ однородныхъ металловъ одного съ другимъ.

Мы знаемъ, что всѣ машины раздѣляются на два большихъ класса: машины, создающія энергію, и машины, прилагающія эту энергію къ созданію полезныхъ предметовъ, иначе сказать: на машины-двигатели и машины-орудія. Выше мы говорили уже о паровыхъ двигателяхъ, о ихъ недостаткахъ и о достигнутыхъ въ этой области усовершенствованіяхъ. Необходимо упомянуть о самомъ важномъ усовершенствованіи въ паровыхъ машинахъ: о замѣнѣ каменнаго угля другими, болѣе совершенными горючими матеріалами. Эти матеріалы и были найдены въ свѣтильномъ газѣ, въ керосинѣ, бензинѣ и другихъ продуктахъ нефти. Въ то время, какъ при употребленіи хорошаго каменнаго угля въ *дѣйствительную работу* превращается только 15% или 20% всей тепловой энергіи, при употребленіи свѣтильнаго газа или керосина, напр., въ двигателѣ Дизеля, въ полезную работу превращается до 28%—30%.

Уже на прошлой выставкѣ были двигатели, употреблявшіе эти горючія вещества; теперь появились, кромѣ того, двигатели, сжигающіе спиртъ, построенные на ганноверскомъ заводѣ въ Кертендорфѣ, и множество образцовъ двигателей, въ которыхъ эксплоатируется газъ, получающійся при горѣніи въ доменныхъ печахъ. Утилизированіе этого газа сдѣлалось возможнымъ благодаря

усовершенствованію, введенному инженеромъ Thwait'омъ. Эти двигатели могутъ устанавливаться только вблизи доменныхъ печей, но производимая ими энергія можетъ быть передаваема на большія разстоянія.

Чтобы читатель могъ составить себѣ понятіе о томъ, какой прогрессъ представляютъ эти двигатели въ общей экономіи силъ, мы приведемъ ему слѣдующія вычисленія изъ отчета заводовъ Кокериль.

Доменная печь, выплавляющая 100 тоннъ чугуна въ 24 часа, даетъ больше 200.000 кубическихъ метровъ газовъ, представляющихъ 2.800 лошадиныхъ силъ. Вычтя отсюда 800 лошадиныхъ силъ, представляющихъ количество газа, необходимое для функціонированія самой печи, мы имѣемъ 2.000 лошадиныхъ силъ, которыя до сихъ поръ совершенно не употреблялись, представляли чистую потерю.

Чтобы пополнить перечень этихъ новыхъ агентовъ двигательной силы, мы должны упомянуть о приложеніи, которое директоръ каменноугольныхъ копей въ Меръ-Острау, г. Мауерхоферъ, сдѣлалъ изъ гремучаго газа. Онъ провелъ его вверхъ надъ рудниками, гдѣ газъ проходитъ надъ преемниками съ растворомъ извести, поглощающимъ угольную кислоту газа и дѣлающимъ его, такимъ образомъ, годнымъ для горѣнія.

Всѣ эти новые агенты не только доставляютъ болѣе дешевую силу, но и даютъ возможность устраивать двигатели небольшого объема, что невозможно при употребленіи каменнаго угля; эти небольшіе двигатели могутъ быть приспособлены и къ мелкому производству, и, главное, употребляться въ автомобиляхъ и другихъ транспортныхъ средствахъ. Двигатели эти даютъ по $^1/_2$, 1, 2, 5, 10 и т. д. лошадиныхъ силъ. Сравнивая всевозможныя формы двигателей, мы видимъ, что самая дешевая стоимость одной лошадиной силы въ часъ—два или три сантима. Эти небольшіе двигатели стоятъ отъ 800 фр. и цѣна ихъ увеличивается вмѣстѣ съ количествомъ лошадиныхъ силъ, до 8.000, 10.000 фр.

Выставка этихъ двигателей въ высшей степени разнообразна и богата. Мы не будемъ перечислить ихъ, тѣмъ болѣе, что всѣ системы, «Otto», «Niel», «Diesel», «Duplex», «Champion» и т. д. очень похожи другъ на друга. Упомянемъ только большой, изящный—мы не подыщемъ другого слова, чтобы охарактеризовать эту, удивительную по своей постройкѣ, машину, двигатель съ заводовъ Cockerill, въ Serning (Бельгія). Машина эта сдѣлана по плану французскаго инженера—еще одно французское изобрѣтеніе, нашедшее приложеніе за границей—Деламара-Дебутевилля. Она работаетъ свѣтильнымъ газомъ или газомъ доменной печи и даетъ 1.000 лошадиныхъ силъ. Такія машины могутъ, впрочемъ, быть построены и на 2.000 и больше лошадиныхъ силъ.

Машины—орудія безконечно разнообразныя: начиная съ громадныхъ прессовъ для ковки желѣза нѣмецкой фирмы Шумахеръ, вѣсящихъ 180.000 килограммовъ, и кончая тонкимъ *имагоскопомъ* одного французскаго общества, производящаго латунь. Принципъ этой послѣдней машины слѣдующій: движенія стальной иглы по рельефу медали, которая именно и должна быть воспроизведена, точно передаются другой иглѣ, находящейся на другомъ концѣ рычага; эта вторая игла работаетъ въ цѣломъ кускѣ стали; черезъ 48 часовъ получается готовая медаль — точный снимокъ съ оригинала.

Безчисленное множество всевозможныхъ орудій и безконечное разнообразіе ихъ назначенія отнимаютъ у насъ всякую охоту дать ихъ систематическое описаніе. Здѣсь и десятки орудій для самой разнообразной обработки дерева, желѣза, для разбиванія гранита; между прочимъ круговая пила (scie circulaire), въ периферію которой вдѣлано 118 алмазовъ, и, наконецъ, безчисленныя машины-орудія, производящія все безконечное разнообразіе предметовъ, которыми мы пользуемся въ обыденной жизни. Замѣчательна секція нѣмецкой ма-

шинной выставки, имѣющей отдѣльный павильонъ въ аллеѣ Суфренъ. Здѣсь извѣстная фирма Флиншъ (Офенбахъ) выставила машины для производства самыхъ различныхъ сортовъ бумаги, гидравлическіе прессы для выжиманія растительныхъ маслъ, механическія печи, паровыя машины для стирки системы Мартенъ, машину берлинской фирмы Ролеръ, автоматически наполняющую спичечныя коробки; машина эта куплена государственнымъ управленіемъ табачной монополіи во Франціи; цѣлый рядъ машинъ для кройки и шитья подошвъ и верховъ обуви, швейныя и вязальныя машины, машины, дѣлающія пуговицы и бусы, машины, пропитывающія дерево креозотомъ, для приданія ему большей прочности и т. д., и т. д.; наконецъ, здѣсь же выставлены такъ называемые Rettungsfenster берлинскаго общества, предназначающіеся для казармъ и большихъ зданій: съ внутренней стороны каждаго окна дѣлается лѣстница въ нѣсколько ступеней, и когда окна всѣхъ этажей открыты, то получается непрерывная лѣстница сверху до низу.

Въ нѣмецкомъ отдѣлѣ нужно еще отмѣтить могучій насосъ Ридлера для выкачиванія воды изъ шахтъ. Въ немъ двигательной силой является электричество.

Соединенные Штаты выставили свои станки «Northrop», о которыхъ мы упомянули въ началѣ статьи. Преимущество ихъ состоитъ въ томъ, что когда съ катушки смотается вся нитка, катушка эта автоматически падаетъ, а на ея мѣсто становится полная. Одного рабочаго достаточно, чтобы наблюдать одновременно за 10—14 такими станками, тогда какъ для обыкновенныхъ станковъ нужно по человѣку на каждые 2—4 станка.

Въ заключеніе скажемъ, что прогрессъ машинъ-орудій за время отъ послѣдней выставки до теперешней выразился въ томъ фактѣ, что во многихъ индустріяхъ человѣческій трудъ *теоретически* совершенно вытѣсненъ—рабочему остается только роль надзирателя, напримѣръ, въ машиностроительствѣ, ткацкой промышленности, типографскомъ дѣлѣ, производствѣ муки, цемента и т. д.

Прежде чѣмъ покончить съ описаніемъ машиннаго отдѣла, мы укажемъ на нѣсколько крупнѣйшихъ машиностроительныхъ фирмъ, для того, чтобы читатель могъ составить понятіе о размѣрахъ, которые приняло крупное машинное производство въ разныхъ странахъ.

Французскіе машиностроительные заводы находятся главнымъ образомъ въ сѣверномъ департаментѣ, который представляется вообще самымъ промышленнымъ департаментомъ. Хотя по числу заводовъ и фабрикъ съ паровыми машинами первое мѣсто принадлежитъ Сенскому департаменту, но по числу лошадиныхъ силъ Сѣверный департаментъ перегналъ его. Сенскій департаментъ (составляемый Парижемъ и частью его окрестностями) насчитываетъ 4.654 *паровыхъ* завода и фабрики съ 89.496 лошадиными силами; Сѣверный департаментъ насчитываетъ только 4.066 фабрикъ и заводовъ съ паровыми двигателями, но они представляютъ въ общей сложности 141.235 лошадиныхъ силъ. Соотвѣтственно такому развитію крупной промышленности, и политическая, и общественная жизнь этого департамента представляютъ наибольшую интенсивность. Правда, дѣятельность католиковъ тамъ развита всего сильнѣе, но тамъ же она встрѣчаетъ и наиболѣе сильное противодѣйствіе республиканцевъ. Тамъ наибольшее количество школъ и учащихся, и въ дѣятельности французской лиги народнаго образованія Сѣверный департаментъ занимаетъ первое мѣсто. Тамъ же всего сильнѣе и рабочее движеніе въ его тройной формѣ—политической (два главные центра, Лилль и Рубе, имѣютъ рабочіе муниципалитеты), синдикальной и кооперативной.

Вотъ нѣсколько участвующихъ въ выставкѣ машиностроительныхъ заводовъ Сѣвернаго департамента: заводъ Вотье и К° въ Мобёжѣ съ 1.400 рабочими и 7-ю милліонами тонъ ежегоднаго производства въ машинахъ и орудіяхъ. Въ Мобёжѣ же заводы Jeulfort и Tockedey съ 1.450 рабочими и не

менѣе значительные заводы братьевъ Пезанъ. На сѣверѣ же находятся и большіе заводы Эско и Мёвъ, съ капиталомъ въ 6½ милліоновъ, производящіе многодольные котлы и особенной системы дымовыя и газовыя такъ называемыя «крылатыя трубы»; внутри во всю длину трубы идутъ перегородки, такъ что горизонтальный ея разрѣзъ напоминаетъ колесо. Это увеличеніе внутренней поверхности и перегородки, рѣжущія дымъ, ускоряютъ и облегчаютъ его выходъ.

Въ департаментѣ Аллье, составляющемъ другой центръ рабочаго движенія, нужно упомянуть «Общество кузницъ въ Шатильонѣ и Комантри» съ капиталомъ въ 18½ милліоновъ франковъ. Мы оставляемъ въ сторонѣ множество мелкихъ предпріятій съ капиталомъ въ 1 — 2 мил. фр., и остановимся на французскомъ по составу, Эльзасскомъ обществѣ механическихъ построекъ, составляющемъ мостъ между Франціей и Германіей. Оно имѣетъ капиталъ въ 12 мил. фр., заводъ во Франціи, въ Бельфорѣ, гдѣ работаютъ 3.000 рабочихъ, и два въ Тулузѣ съ 6.500 рабочими. Это—величайшій на континентѣ заводъ для производства ткацкихъ станковъ и веретенъ.

Изъ чисто-нѣмецкихъ машиностроительныхъ заводовъ въ выставкѣ принимаютъ участіе фирмы: Borsigwerk, изъ Верхней Силезіи, 2.000 лошадиныхъ силъ и 6.000 рабочихъ, Генрихъ Ланцъ, изъ Мангейма, съ 3.000 рабочихъ, и т. д.

О прогрессѣ концентраціи производства въ Бельгіи можно судить по Compagnie Générale des conduites d'eau, вырабатывающей *ежедневно* по 110 тоннъ чугуна въ водосточныя трубы. Операціи этой фирмы охватываютъ всѣ страны, включая Россію, Румынію, Турцію и Болгарію, Египетъ, Японію, Южную Америку и т. д.

Изъ американскихъ обществъ мы укажемъ только на одно: на Бостонское общество—Indo-Egyptian Compress Compagnie, для производства машинъ, прессующихъ хлопчатую бумагу, шерсть, сѣно, солому и всевозможныя волокнистыя и сокращаемыя вещества. Основной капиталъ этого общества составляетъ 75 милл. фр. Въ американскомъ отдѣлѣ въ венсенскомъ лѣсу эти прессы работаютъ на глазахъ у публики.

Изъ русскихъ машиностроительныхъ заводовъ нужно упомянуть Коломенскій съ 9 мил. рублей капитала и 15.000 рабочихъ.

Швейцарскіе заводы представлены Винтертурской фирмой Sulzer съ 4.000 рабочихъ, замѣчательными орликенскими заводами, пользующимися электрическими двигателями въ 13.000 вольтъ, цюрихскими заводами Escher Wyss съ 1.500 рабочихъ, женевскими заводами Пикаръ и Пикте, производящими самыя сильныя турбины въ свѣтѣ, по 5.000 лошадиныхъ силъ каждая.

Мы въ концѣ машиннаго отдѣла, и по шуму, который дѣлается слышнѣе въ нижнихъ залахъ, чувствуемъ, что приближаемся къ электрическому отдѣлу. Но къ послѣднему мы вернемся въ другой разъ, когда будемъ говорить о другихъ отдѣлахъ выставки на Марсовомъ полѣ. Прежде, чѣмъ выйти изъ галлереи, бросимъ еще одинъ взглядъ на нее. Человѣкъ можетъ гордиться: онъ тоже создалъ нѣчто; изъ земли и воды, изъ сгнившихъ въ нѣдрахъ земли листьевъ и деревьевъ, онъ силою своего разума создалъ эти послушныя орудія, эти большія, черныя, суставчатыя массы, которыя въ вечернемъ сумракѣ кажутся громадными лежащими животными. Конечно, тотъ человѣкъ, который укротилъ природу, побѣдитъ, наконецъ, и собственное прошлое. Какимъ источникомъ благоденствія и мира были бы его изобрѣтенія, если бы всѣ усовершенствованныя до сихъ поръ машины получили полное приложеніе! Можетъ быть, теперь уже человѣчество находилось бы передъ такими несмѣтными богатствами, что ни у кого не явилось бы желанія пріобрѣтать, какъ не является оно по отношенію къ безпредѣльному воздуху, и человѣческая мораль свелась бы къ правилу ѳелемскаго аббатства: Fais, ce que voudras.

Хр. Георгіевичъ.

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

Ботаника. О листопадѣ.—**Медицина.** 1) Объ отравленіи краской обуви. 2) Паутина, какъ средство для перевязки порѣзовъ.—**Біологія.** Объ ужаленіи пчелы и пчелиномъ ядѣ.—**Физика.** Сжимаемость воды.—**Техника.** Электрическая лампа Нернета.—**Химія.** О превращеніи фосфора въ мышьякъ.—**Геологія.** 1) Соляная гора близъ Кардоны. 2) О плавучихъ камняхъ.—**Астрономическія извѣстія.** **К. Покровскаго.**

Ботаника. *О листопадѣ.* Навѣрное, немногіе задумывались надъ вопросомъ, почему осенью опадаютъ листья деревьевъ. Это, повидимому, такъ просто объяснить: вслѣдствіе неблагопріятныхъ условій листья, какъ наиболѣе нѣжные органы древесныхъ растеній, отмираютъ, высыхая, становятся хрупкими, и вѣтеръ легко отрываетъ ихъ съ вѣтвей. Трудно и предположить, что процессъ этотъ представляетъ одно изъ загадочныхъ проявленій жизни и что именно въ періодъ листопада въ листьяхъ совершаются сложныя и пока необъяснимыя измѣненія.

Таковы ли дѣйствительно внѣшнія условія, чтобы зеленые листья не могли существовать? И въ нашемъ климатѣ растутъ вѣчно-зеленыя растенія, притомъ не только хвойныя съ листьями совершенно особаго вида, но также и растенія съ обыкновенными пластинчатыми листьями, напр., брусника, грушанка; у нѣкоторыхъ же изъ нихъ листья большіе и мягкіе и вообще не отличаются какими либо спеціальными особенностями строенія, какъ, напр., у земляного ладана, у голубой перелѣски, которую весной продаютъ подъ именемъ фіалки, у ясменника, медуницы и др. Древесныя растенія легко могли бы выработать такіе листья, которые бы переносили зиму, но даже и на островѣ Мадейрѣ, гдѣ средняя температура самаго холоднаго зимняго мѣсяца достигаетъ $+15.4^{\circ}$, все же многія фруктовыя деревья, а также дубы, буки и др. теряютъ листву. Далѣе сѣянцы, выращенные въ оранжереѣ при постоянныхъ условіяхъ, лишаются листьевъ, приблизительно, въ то время, когда происходитъ листопадъ у растущихъ на волѣ, т.-е. растенія умѣреннаго пояса передъ наступленіемъ холодовъ, а тропическія—передъ началомъ сухого времени года на ихъ родинѣ. Очевидно, непосредственно отъ внѣшнихъ условій это явленіе не зависитъ.

Не трудно замѣтить, что листья отдѣляются всегда въ одномъ и томъ же опредѣленномъ мѣстѣ, обыкновенно тамъ, гдѣ черешокъ прикрѣпленъ къ вѣтви; у нѣкоторыхъ растеній, впрочемъ, небольшой кусокъ черешка остается, напр., у воздушнаго жасмина, у котораго эта остающаяся часть имѣетъ видъ чешуйки и защищаетъ залагающуюся въ пазухѣ черешка почку. Замѣчательно, что разрывъ происходитъ обыкновенно какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ собраны крѣпкія и упругія ткани. Во всякомъ случаѣ поверхность на мѣстѣ отдѣленія черешка всегда бываетъ гладкою и опредѣленной формы, которая для каждаго растенія (такъ же какъ и способъ отдѣленія листа) сохраняется неизмѣнно. Между тѣмъ, прошлогодніе отмершіе стебли травъ или остаются цѣлыми, или бываютъ сломаны вѣтромъ, гдѣ и какъ придется, причемъ поверхность излома никогда не бываетъ гладкою. Хотя большинство пожелтѣвшихъ листьевъ дѣйствительно срываетъ съ деревьевъ вѣтеръ, но нерѣдко случается, что они опа-

даютъ и сами по своей тяжести. Осенью, въ тихую морозную ночь, можно слышать, какъ множество поблекшихъ листьевъ падаютъ на мерзлую землю, производя ни съ чѣмъ не сравнимый, своеобразный, нестройный шумъ: отдѣльные слабые удары раздаются въ разныхъ мѣстахъ черезъ различные, не повторяющіеся промежутки времени. Листья въ это время чуть держатся, но только въ опредѣленномъ мѣстѣ: сами по себѣ, какъ и черешки ихъ, они такъ крѣпки, что если привязать листъ за черешокъ, то врядъ ли и сильный вѣтеръ въ состояніи будетъ его оторвать. Анатомическія изслѣдованія разъяснили механизмъ этого явленія, но, разумѣется, не указали его причину. Они обнаружили, что еще за нѣсколько недѣль до листопада въ томъ мѣстѣ черешка, гдѣ онъ потомъ оторвется, происходятъ подготовительныя измѣненія тканей. Въ существенныхъ чертахъ эти измѣненія сводятся къ слѣдующему. Въ тканяхъ черешка (такъ же какъ и во всемъ листѣ) имѣются живыя и мертвыя клѣтки; послѣднія преимущественно въ сосудоволокнистыхъ пучкахъ (въ жилкахъ); изъ этихъ мертвыхъ клѣтокъ однѣ служатъ для приданія черешку прочности, другія для проведенія питательнаго раствора.

Въ указанное время живыя клѣтки въ томъ мѣстѣ, гдѣ долженъ произойти разрывъ, начинаютъ дѣлиться и притомъ такъ, что вновь образующіяся перегородки въ нихъ располагаются, приблизительно, поперегъ черешка. Тамъ, гдѣ мы видимъ отмираніе, возникаетъ молодая дѣятельная ткань, совершенно подобная той, которая находится въ наростающей верхушкѣ кончика стебля или корня. Такимъ образомъ, возникаетъ тонкая, нѣжная, но сама по себѣ достаточно прочная пластинка ткани, отдѣляющая черешокъ отъ вѣтви. Дальнѣйшія измѣненія состоятъ въ томъ, что клѣтки этой ткани округляются, оболочки ихъ отдѣляются другъ отъ друга, такъ что при отпаденіи листа клѣтки всегда оказываются неповрежденными: разрывъ происходитъ на границѣ между двумя слоями клѣтокъ, разрываются только стѣнки мертвыхъ клѣтокъ въ сосудо-волокнистыхъ пучкахъ. Есть указанія, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ этотъ разрывъ происходитъ благодаря напряженію въ клѣткахъ отдѣляющагося слоя: какъ сжатая пружина онѣ стремятся увеличиться въ объемѣ и разрываютъ сдерживающія ихъ мертвыя клѣтки. Охлажденіе и нагрѣваніе, замерзаніе и оттаиваніе клѣточнаго сока (которыя далеко не всегда ведутъ за собой отмираніе клѣтокъ) производятъ измѣненія объема и способствуютъ раздѣленію слоевъ. Такимъ образомъ ежегодно на нашихъ глазахъ въ безчисленномъ множествѣ опадающихъ листьевъ совершается тотъ же процессъ, который поражаетъ насъ почти какъ чудо, въ томъ случаѣ, когда цѣль его намъ очевидна. Я подразумѣваю отдѣленіе мужскихъ цвѣтовъ валлиснеріи. Вѣроятно, многіе знаютъ, что это тропическое водяное растеніе (культивируемое во множествѣ въ аквaріумахъ) образуетъ цвѣты съ пестиками (женскіе, которые даютъ плодъ) на поверхности воды, а мужскіе, содержащіе однѣ тычинки, — въ водѣ, эти послѣдніе передъ раскрываніемъ отрываются отъ стебля такъ же, какъ и осенніе листья, благодаря образованію отдѣляющаго слоя, выплываютъ на поверхность, пригоняются вѣтромъ къ пестичнымъ цвѣтамъ и оплодотворяютъ ихъ. Объ этомъ процессѣ много говорили, много удивлялись ему, тогда какъ по существу онъ тожественъ съ опаденіемъ листьевъ. Кромѣ отдѣляющаго слоя, подъ нимъ, иногда до отпаденія листа, иногда послѣ обыкновенно образуется очень тоненькій слой пробковой ткани (т. е. состоящей изъ такихъ же клѣтокъ, какъ и обыкновенная пробка). Эта ткань, хотя и мертвая, но непропицаемая для паровъ воды и не подвергающаяся гніенію, превосходно защищаетъ поверхность раны. Изъ всего выше сказаннаго очевидно, что гораздо ближе къ истинѣ будетъ говорить, что во время листопада растенія сбрасываютъ, а не теряютъ листья, какъ мы обыкновенно полагаемъ.

Указанными измѣненіями не исчерпывается жизнедѣятельность въ осеннихъ

листьяхъ; появленіе ихъ столь разнообразной окраски, значеніе которой еще не вполнѣ разъяснено, является также результатомъ этой дѣятельности и указываетъ, что листъ еще живъ. На этомъ мы не будемъ останавливаться. Въ то же время происходятъ въ нихъ процессы, цѣлесообразность которыхъ совершенно понятна и которые, поэтому, болѣе привлекаютъ вниманіе. Въ листьяхъ находится множество живыхъ клѣтокъ, въ нихъ вырабатывается пластическій матеріалъ для всего растенія, поэтому при сбрасываніи листьевъ, на первый взглядъ, большое количество самыхъ важныхъ для растенія веществъ должно такимъ образомъ потеряться. Судьба этихъ веществъ давно интересуетъ ботаниковъ, и въ значительной мѣрѣ прослѣжена, а недавно произведенныя изслѣдованія Туккера и Толленса («Ueber den Gehalt der Platanenblätter an Nährstoffen und die Wanderung dieser Nährstoff beim Wachsen und Absterben der Blätter». Ber. d. Deutsch. Chem. Ges. Bd. 32) разъясняютъ нѣкоторыя противорѣчія и сомнѣнія. Къ сожалѣнію, изслѣдованія главнымъ образомъ производятся при помощи элементарнаго химическаго анализа. Уже и раньше было извѣстно, что въ опадающихъ листьяхъ содержится гораздо меньше питательныхъ для растенія веществъ, чѣмъ въ зеленыхъ, но высказывалось предположеніе, что эти вещества не переходятъ въ вѣтви, а вымываются дождемъ; Толленсъ и Туккеръ съ несомнѣнностью доказали, что вымыванія не происходитъ. Далѣе, согласно съ прежними изслѣдователями, они нашли, что фосфоръ переходитъ въ это время въ вѣтви, а вѣдь фосфоръ входитъ въ составъ самыхъ важныхъ бѣлковыхъ веществъ, образующихъ живыя части клѣтокъ; азотъ и калій, также входящіе въ составъ бѣлковъ, убываютъ изъ листьевъ подобно фосфору. На основаніи всѣхъ подобныхъ изслѣдованій можно думать, что передъ опаденіемъ важнѣйшія вещества переходятъ изъ листьевъ въ стебель. Такимъ образомъ теряется преимущественно клѣтчатка, вещество, изъ котораго построены оболочки клѣтокъ и которое растеніе такъ легко вырабатываетъ изъ углекислоты и воды, и нерастворимая щавелево-кальціевая соль, которую растенія вообще не могутъ утилизировать. Какое значеніе имѣетъ сбрасываніе листьевъ? Можно думать, что для растеній выгоднѣе сбрасывать листья передъ неблагопріятнымъ для жизнедѣятельности временемъ года, чѣмъ вырабатывать спеціальныя приспособленія въ нихъ. Въ умѣренномъ поясѣ только тѣ древесныя растенія, листья которыхъ имѣютъ видъ иглъ, сидящихъ на упругихъ сучьяхъ и вѣткахъ, не получаютъ поврежденій отъ давленія снѣга. Деревья и кустарники съ широкими листовыми пластинками, каковы чинары, клены, буки, липы и вязы, не въ состояніи вынести тяжести снѣга: если густой снѣгъ выпадетъ несвоевременно, осенью до листопада или позднею весной, когда пластинки молодыхъ листьевъ уже достигли порядочной величины, то онъ причиняетъ большія опустошенія: сучья, толщиною въ руку, и даже стволы деревьевъ оказываются сломанными, а въ лѣсахъ можно найти цѣлые ряды поваленныхъ, а иногда и вырванныхъ съ корнемъ деревьевъ. Вѣроятно, способность широкихъ листьевъ къ болѣе напряженной дѣятельности вознаграждаетъ ихъ потерю осенью. Однако слѣдуетъ помнить, что и у вѣчно-зеленыхъ растеній листья служатъ ограниченное время и притомъ сравнительно недолго: у падуба около 2 лѣтъ, хвои сосны—3 года, ели—12—13 лѣтъ. Поэтому весьма вѣроятно, что сбрасываніе листьевъ имѣетъ и еще какое-нибудь значеніе, о которомъ мы пока не можемъ даже и догадокъ высказывать, совершенно иного характера, чѣмъ приспособленія къ внѣшнимъ условіямъ Во всякомъ случаѣ, это процессъ жизненный и гораздо болѣе активный, чѣмъ можно предположить при недостаточномъ знакомствѣ съ нимъ.

Медицина. 1) *Объ отравленіи краской обуви.* Въ журналѣ «La Nature» докторъ Катрацъ сообщаетъ нѣсколько такихъ случаевъ, и такъ какъ они произошли при совершенно опредѣленныхъ обстоятельствахъ, которыхъ можно

избѣжать, зная ихъ заранѣе, то это сообщеніе несомнѣнно заслуживаетъ вниманія. Обувь изъ желтой кожи, уже давно вошедшая въ употребленіе, за послѣднее время распространилась очень широко, и особенно дѣтская обувь; но у дѣтей нога растетъ, и обувь, оставшаяся цѣлой послѣ лѣтняго сезона, на будущій годъ пригодиться не можетъ. Поэтому нерѣдко обувь перекрашиваютъ въ черный цвѣтъ, чтобы она годилась и зимою. Это превращеніе желтой обуви въ черную производится посредствомъ весьма глубоко проникающей въ кожу черной анилиновой краски. Эта-то именно краска и оказалась причиной несчастныхъ случаевъ, сообщенныхъ въ академіи наукъ докторомъ Ландузи и Бруарделемъ. Вотъ какъ они описываютъ одинъ изъ этихъ случаевъ. «Въ жаркій весенній день одного изъ насъ просили какъ можно скорѣе оказать момощь полуторагодовому ребенку, который былъ принесенъ съ прогулки въ безсознательномъ состояніи и задыхающимся. Послѣ утра, проведеннаго какъ обыкновено, ребенка понесли гулять въ паркъ, но тамъ ребенокъ былъ неподвиженъ, скученъ, даже цвѣтъ лица его измѣнился и сталь какимъ-то синеватымъ. Онъ какъ будто окоченѣлъ, но не кричалъ и не жаловался. Когда кормилица понесла его домой, то онъ уже былъ почти безжизненнымъ съ посинѣвшими губами и пальцами—словомъ, съ признаками агоніи отъ асфиксіи (прекращеніе дыханія)». Энергическое лѣченіе принесло помощь: послѣ впрыскиванія эфира, клистира изъ кофе ребенокъ нѣсколько оправился, но еще двое сутокъ послѣ этого онъ находился въ состояніи оцѣпенѣнія, посинѣлымъ, какъ при глубокомъ разстройствѣ сердечной дѣятельности. Такъ какъ заболѣваніе наступило внезапно, то невольно явилось предположеніе объ отравленіи, но сначала не могли найти причину его. Врачи обратили вниманіе на сильный запахъ, распространявшійся отъ ботинокъ. Эти ботинки, прежде желтыя, только что передъ тѣмъ были выкрашены въ черный цвѣтъ. Нѣсколько дней спустя, такой же случай произошелъ съ другимъ ребенкомъ изъ той же семьи, чѣмъ и подтвердилось предположеніе, что причиной отравленія была обувь. Этому ребенку, также какъ и его брату, въ жаркій солнечный день надѣли крашеныя ботинки. Три часа спустя, ребенокъ возвратился съ прогулки похолодѣвшимъ, дрожащимъ, съ посинѣвшимъ лицомъ, словомъ обнаружилъ тѣже симптомы, какъ и первый. Это не единичные случаи: Ландузи и Бруардаль сообщилъ о двѣнадцати лицахъ, отравившихся такимъ образомъ; всѣ они по счастью, вылѣчились. У нѣкоторыхъ изъ нихъ отравленіе обнаруживалось вначалѣ головокруженіемъ, у другихъ приступомъ удушья, какъ при солнечномъ ударѣ.

Краска, которая употребляется для ботинокъ, приготовлена изъ анилина. Произведеннымъ анализомъ въ ней не было обнаружено никакого ядовитаго вещества, т. е. мышьяка, напримѣръ, но анилина оказалось 90%. Анилинъ летучъ. До сихъ поръ не было указано случаевъ отравленія аналиномъ черезъ кожу. Лѣтъ 20 тому назадъ впервые было обращено вниманіе на опасность, которую представляютъ чулки и носки окрашенные различными красками, приготовляемыми изъ анилина, въ красный, розовый или голубой цвѣтъ, но въ происшедшихъ тогда несчастныхъ случаяхъ дѣло ограничивалось лишь раздраженіемъ покрововъ, появленіемъ экземы, но отравленіе не угрожало жизни. Здѣсь же, напротивъ, происходитъ отравленіе совершенно такое же, какъ при вдыханіи паровъ анилина (напр. у рабочихъ на фабрикахъ) или вслѣдствіе принятія его внутрь.

Чтобы изучить явленія, сопровождающія отравленіе аниланомъ, Ландузи и Бруардель произвели цѣлый рядъ опытовъ надъ животными. Они впрыскивали животнымъ черную анилиновую краску подъ кожу, въ другихъ случаяхъ покрывали этою краской поверхность кожи у однихъ покрытую волосами, у другихъ—предварительно удаляя ихъ. Кромѣ того, они примѣняли крѣпкій рас-

творъ анилина и установили, что поглощеніе этого вещества черезъ кожу сопровождается тяжкими приступами удушья вслѣдствіе измѣненія красныхъ кровяныхъ шариковъ. Поглощеніе происходило особенно быстро и полно, когда животное находилось въ замкнутой, теплой и влажной атмосферѣ. Отсюда ясно, что въ вышеприведенныхъ случаяхъ условія для отравленія были весьма подходящи. Конечно, черная анилиновая краска можетъ быть приготовлена такъ, чтобы не содержать свободнаго анилина, но все же лучше избѣгать этой краски и для обуви примѣнять обыкновенную ваксу или вообще какую-нибудь краску, приготовленную изъ сажи.

2) *Паутина, какъ средство для перевязки порѣзовъ.* Изъ замѣтки де-Парвиля, помѣщенной въ его журналѣ «La Nature», мы узнаемъ, что и во Франціи весьма распространенъ предразсудокъ, который, къ сожалѣнію у насъ все еще очень прочно держится, а именно, что однимъ изъ лучшихъ средствъ для остановки крови при глубокихъ порѣзахъ является паутина. Не знаю, какъ у насъ, а во Франціи, оказывается, совѣтуютъ преимущественно употреблять паутину изъ конюшенъ. Съ этимъ предразсудкомъ особенно слѣдуетъ бороться, потому что паутина, которая долго виситъ, собираетъ въ себя микробовъ изъ воздуха, а также и приносимыхъ мухами. Заразиться посредствомъ паутины очень легко, а для перевязки еще совѣтуютъ брать старую паутину, т.-е. такую, которая имѣла возможность скопить много и, быть можетъ, различныхъ болѣзнетворныхъ микробовъ.

Недавно д-ръ Пекюсъ въ Парижскомъ ветеринарномъ обществѣ сообщилъ слѣдующій случай. Лошадь ранила себѣ ногу объ искусственный шипъ колючей изгороди; ей поспѣшили перевязать рану паутиной. Нѣсколько дней спустя раненая часть ноги сильно распухла; оказалось, что лошадь заразилась оспой. Ветеринаръ выяснилъ, что паутина была взята въ коровникѣ, гдѣ находились коровы, больныя оспой. Заразное начало какъ-нибудь попало на паутину и вмѣстѣ съ нею было передано лошади. Д-ръ Нокаръ наблюдалъ неоднократно, что черезъ посредство паутины происходило зараженіе столбнякомъ; эта болѣзнь несомнѣнно бактеріальнаго происхожденія, бактеріи ея хорошо извѣстны, съ паутиной онѣ и были перенесены въ рану. Указанные случаи убѣждаютъ, что не одни теоретическія соображенія заставляютъ обращать особенно вниманіе на опасность, представляемую употребленіемъ паутины въ качествѣ перевязочнаго средства. Де-Парвиль вполнѣ правъ, говоря, что если слѣдуетъ собирать паутину, такъ только для того, чтобы ее уничтожить.

Біологія. *Объ ужаленіи пчелы и пчелиномъ ядѣ.* Какъ извѣстно пчелиная матка и работницы имѣютъ жало, которое посредствомъ особаго канала сообщается съ ядовитой железой. Само по себѣ жало представляетъ упругій желобокъ, въ которомъ заложено двѣ острыхъ щетинки, покрытыхъ зазубринами. Это жало заключено во влагалище, состоящее изъ двухъ чешуекъ. При ужаленіи щетинки выдвигаются и уколомъ производятъ ранку; въ то же время въ нее изливается капелька яду. Зазубринами щетинки зацѣпляются, вслѣдствіе чего жало отрывается въ большинствѣ случаевъ со всѣмъ ядовитымъ аппаратомъ и пчела послѣ этого погибаетъ. Существуетъ мнѣніе, что пчела во всякомъ случаѣ послѣ ужалѣнія погибаетъ, если даже щетинки и не оторвутся, такъ какъ, будто бы, самый процессъ ужаленія вызываетъ слишкомъ глубокое разстройство въ ея организмѣ. Такъ описывается ужаленіе и въ учебникахъ по зоологіи и въ литературѣ, посвященной изслѣдованіямъ жизни пчелъ. Повидимому, никто не задумается надъ внутреннимъ противорѣчіемъ, заключенныхъ въ этомъ описаніи одного изъ обыкновеннѣйшихъ явленій. Во-первыхъ, по многимъ наблюденіямъ пчела не погибаетъ послѣ перваго ужаленія, и очень сомнительно, чтобы это представляло собою общее правило или происходило въ большинствѣ случаевъ. Съ біологической точки зрѣнія жало представляетъ собою оружіе за-

щиты и естественно ожидать, что такое оружіе служитъ для охраны индивидума, обладающаго имъ. Если бы пчела послѣ однократнаго употребленія своего оружія неизбѣжно погибала, то для какой же цѣли могло бы служить это оружіе? Въ такомъ случаѣ было бы лучше для пчелы совсѣмъ не имѣть никакого оружія, потому что тогда при нападеніи на нее она, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ могла бы избѣжать опасности, спасаясь бѣгствомъ отъ преслѣдованія. Имѣя же такое оружіе, она должна погибнуть—безразлично, удастся или нѣтъ отразить нападеніе. Въ филогенетическомъ отношеніи также трудно объяснить, что пчела послѣ ужаленія должна умереть. Если мы принимаемъ, что всѣ органы (и это особенно должно относиться къ орудіямъ защиты) выработались и усовершенствовались при помощи наслѣдственности по мѣрѣ употребленія ихъ, то происхожденіе жала становится еще болѣе загадочнымъ. Безполыя работницы не могутъ передать что-либо по наслѣдству, такъ какъ онѣ не имѣютъ потомства. Матка, разъ она употребитъ свое оружіе, должна погибнуть и слѣдовательно передать по наслѣдству его также не можетъ, да собственно говоря и упражненіе для нея невозможно, если она уже послѣ перваго ужаленія должна погибнуть. Слѣдовательно, какимъ образомъ естественный отборъ могъ бы содѣйствовать выработкѣ жала, остается открытымъ вопросомъ. Гораздо вѣроятнѣе предположить, что пчела послѣ ужаленія не погибаетъ, по крайней мѣрѣ въ томъ случаѣ, если жало не будетъ у нея оторвано.

Можно принять, какъ правило, что пчела жалитъ только въ томъ случаѣ, если она сдавлена или чувствуетъ противный для нея запахъ, если что нибудь ее стѣсняетъ или тревожитъ, если она схвачена или вообще подвергается опасности. Если пчелы собираютъ мало меду, а потомство у нихъ велико и вылетать имъ приходится почему-нибудь рѣже, то онѣ становятся болѣе раздражительны; наоборотъ, при обиліи меда, утомленіи и вслѣдствіе привычки къ людямъ онѣ становятся спокойнѣе. Далѣе пчелы жалятъ преимущественно около своего улья или невдалекѣ отъ него, въ жаркую душную погоду, если стоять на ихъ пути. Вдали отъ улья, напримѣръ при собираніи меда, пчела жалитъ только, если ее схватить. Непріятный запахъ отъ людей и животныхъ, особенно запахъ спиртныхъ напитковъ и пота побуждаютъ ихъ жалить, но врядъ ли можно утверждать, что самые эти запахи угрожаютъ пчеламъ опасностью, такъ что въ нѣкоторыхъ случаяхъ пчелы жалятъ и безцѣльно, если въ этомъ и нѣтъ необходимости. Пчелъ раздражаетъ всякое быстрое движеніе, какъ напримѣръ размахиваніе руками и даже миганіе. Этимъ можно объяснить, что пчелы нерѣдко жалятъ въ глаза. Кромѣ того жалить побуждаетъ ихъ и переполненіе ядовитаго пузырька; напротивъ пчела, насосавшаяся меду, жалитъ рѣдко, отъ этого и зависитъ то обстоятельство, что только что вылетѣвшій рой рѣдко нападаетъ на человѣка. Раздраженныя дымомъ, онѣ жалятъ, какъ бѣшеныя; чужихъ онѣ жалятъ чаще, такъ какъ не привыкшій къ пчеламъ, старается отогнать ихъ отъ себя. Что въ нѣкоторыхъ случаяхъ достаточно сохранить хладнокровіе для того, чтобы не подвергнуться ужаленію, показываетъ слѣдующій примѣръ сообщенный на собраніи пчеловодовъ въ Рудольштадтѣ. Десятилѣтній мальчикъ стоялъ безъ шапки около улья, когда изъ него только что вылетѣлъ рой. Матка, полетавъ кругомъ, сѣла на голову мальчику, за ней тотчасъ же послѣдовали тысячи пчелъ. Отецъ поспѣшно крикнулъ мальчику, который не разъ видѣлъ, какъ берутъ рой: «не двигайся, Гансъ, закрой ротъ и глаза, я сейчасъ соберу рой». Мальчикъ послушался. Отецъ облилъ водой на его головѣ пчелъ, немножно наклонилъ его впередъ и затѣмъ собралъ весь рой,—ни одна пчела не ужалила мальчика.

Наблюдая внимательно за тѣмъ, какъ жалятъ пчелы, можно замѣтить, что жало очень рѣдко остается въ ранкѣ и именно тогда, если въ моментъ

ужаленія согнать пчелу. Случается видѣть, что пчела ужалитъ нѣсколько разъ подрядъ и не потеряетъ жала. Вообще, можно принять за правило, что только въ очень рѣдкихъ случаяхъ пчелы теряютъ жало. и влечетъ ли это за собою смерть—неизвѣстно. Есть люди, которымъ ужаленіе пчелы не причиняетъ никакого вреда; но хотя пчеловоды вообще рѣдко страдаютъ отъ ужаленія, однако отъ природы невоспріимчивыхъ къ пчелиному яду людей очень мало. Пражскій профессоръ Лангеръ опросилъ нѣмецкихъ и австрійскихъ пчеловодовъ, кто изъ нихъ и въ какой степени обладаетъ невоспріимчивостью къ ужаленію пчелъ. Изъ присланныхъ отвѣтовъ оказалось, что 144 пчеловода пріобрѣли невоспріимчивость, 26 человѣкъ утверждали, что все время они сохранили первоначальную воспріимчивость, тогда какъ только 9 были невоспріимчивы отъ рожденія. Для того, чтобы пріобрѣсти невоспріимчивость для однихъ лицъ, достаточно быть ужаленнымъ разъ 30, для другихъ—разъ 100 и больше.

Воспріимчивость къ пчелиному яду сказывается въ лучшемъ случаѣ воспаленіемъ на мѣстѣ ужаленія; въ зависимости отъ степени ея и отъ количества введеннаго яда, можетъ пострадать и общее состояніе здоровья. У чрезмѣрно воспріимчивыхъ лицъ является чувство безпокойства, тоска, дрожь, головокруженіе, слабость, рвота, поносъ, лихорадка и сыпь (крапивница). Эти явленія продолжаются нѣсколько часовъ, иногда цѣлыми днями и даже недѣлями; случаевъ смерти вслѣдствіе ужаленія пчелъ съ достовѣрностью неизвѣстно. Средствъ противоядія было предложено много, но большинство изъ нихъ внушаютъ мало довѣрія; такими средствами считаются, напримѣръ, сокъ табака, ромъ, коньякъ, нашатырный спиртъ, глина, сырая земля, слюна и т. д. Наиболѣе распространенное средство, повидимому, нашатырный спиртъ. Докторъ Лангеръ совѣтуетъ также примѣнять впрыскиваніе слабаго раствора марганцово-кислаго кали, который приготовляется, разводя 5% растворъ этой соли водою въ 20, 40 разъ. Весьма вѣроятно, что на разныхъ лицъ дѣйствуютъ различныя противоядія, соотвѣтственно тому, что и самый ядъ оказываетъ не одинаковое дѣйствіе.

Всякій пчеловодъ знаетъ, что если пчелы раздражены, то отъ улья распространяется рѣзкій, противный, кислый запахъ. Въ это время пчелы особенно больно жалятъ и, что замѣчательно, даже нашатырный спиртъ, который обыкновенно тотчасъ успокаиваетъ боль, въ этомъ случаѣ оказывается недѣйствительнымъ. Это показываетъ, что пчела при раздраженіи выдѣляетъ особенно сильный ядъ. Строго говоря, средствомъ защиты для пчелъ является не самое жало, а ихъ ядъ, т.-е. извѣстное химическое вещество. Общепринятое мнѣніе, что существенную часть пчелинаго яда составляетъ почти безводная муравьиная кислота и что болевое ощущеніе объясняется свертываніемъ бѣлковъ, вызываемыхъ этой кислотой въ ранкѣ. Однако, весьма сомнительно, чтобы это въ дѣйствительности было такъ: пчелиный ядъ весьма трудно разрушается, ни нагрѣваніе, ни высушиваніе, ни дѣйствіе спирта не измѣняютъ его, тогда какъ муравьиная кислота даже и безъ нагрѣванія чрезвычайно летуча. Есть основаніе думать, что ядъ пчелъ принадлежитъ къ алкалоидамъ, т.-е. къ опредѣленнымъ химическимъ веществамъ, въ числѣ которыхъ находится большинство сильнѣйшихъ растительныхъ ядовъ. Ближе всего по дѣйствію къ ужаленію пчелъ стоитъ ужаленіе осъ, которыя также выдѣляютъ муравьиную кислоту. Кусающіяся мухи и нѣкоторыя другія насѣкомыя не образуютъ муравьиной кислоты, но ужаленіе ихъ не менѣе болѣзненно, также вызываетъ опухоли и нерѣдко весьма трудно излѣчивается. Весьма вѣроятно, что ядъ у всѣхъ насѣкомыхъ представляетъ одно и то же вещество или весьма близкія другъ къ другу вещества. Что касается муравьиной кислоты, то она, повидимому, имѣетъ совсѣмъ другое назначеніе. Пчелы прежде, чѣмъ закрыть наполненную медомъ ячейку, опускаютъ въ нее ничтожно маленькую капельку муравьиной кислоты изъ своего жала, поэтому въ медѣ и химическимъ анализомъ можно обнару-

жить муравьиную кислоту, тогда какъ цвѣточный нектаръ ея не содержитъ. Муравьиная кислота обладаетъ весьма сильными антисептическими свойствами и служитъ для того, чтобы предохранить медъ отъ гніенія и броженія. Медъ, взятый изъ не покрытыхъ ячеекъ, оказывается свободнымъ отъ муравьиной кислоты и поэтому очень скоро начинаетъ бродить; если же къ нему прибавить лишь $^1/_{10}$% муравьиной кислоты, то онъ сохраняется безъ измѣненія цѣлые годы, точно такъ же, какъ и медъ изъ закрытыхъ ячеекъ. Наоборотъ, если изъ меда, прибавивъ къ нему воды, нагрѣваніемъ удалить муравьиную кислоту, что нерѣдко дѣлаютъ, чтобы освободить медъ отъ непріятнаго, ѣдкаго вкуса, придаваемаго этой кислотой, то онъ становится легко подверженнымъ порчѣ. Для приготовленія изъ меда спиртнаго напитка также прибавляютъ къ нему воды и кипятятъ долгое время. Муравьиная кислота, какъ антисептическое средство, имѣетъ важное значеніе для пчелъ; безъ нея во влажномъ и тепломъ воздухѣ улья плѣсень и микроорганизмы гніенія и броженія развились бы въ такомъ количествѣ, что, безъ сомнѣнія, погубили бы все населеніе улья. Въ прежнее время ужаленіе пчелъ примѣнялось какъ лѣчебное средство противъ ломоты, и теперь еще, наравнѣ съ подкожнымъ впрыскиваніемъ муравьиной кислоты, его примѣняютъ противъ ревматизма. Увѣряютъ, что страданія въ теченіе нѣсколькихъ дней совершенно прекращаются («Prometheus»).

Физика. *Сжимаемость воды.* «Revue scientifique» въ коротенькой замѣткѣ сообщаетъ весьма сенсаціонное извѣстіе, о значеніи котораго, пока оно не подтвердится, было бы преждевременно говорить. До сихъ поръ принималось, что вода, какъ и другія жидкости, почти несжимаема, но вотъ американскій химикъ опытной земледѣльческой станціи въ восточной Виргиніи, Hite, произведя цѣлый рядъ опытовъ, нашелъ, что при сильномъ давленіи вода сжимаема, а именно при давленіи въ 4.600 килограм. на квадратный сантиметръ (т.-е., приблизительно, 4.600 атмосферъ), сжатіе превосходило 10% первоначальнаго объема, а для спирта оно достигало даже 15%. Эти опыты описаны въ англійскомъ журналѣ «Electrical Review» (23 mars).

Техника. *Электрическая лампа Нернста.* Всякій источникъ свѣта испускаетъ различные лучи: и свѣтовые и тепловые, которые различаются только большей или меньшей скоростью образующихъ ихъ колебательныхъ движеній. Самыя медленныя колебанія (или наиболѣе длинныя волны эѳира) образуютъ темные, тепловые лучи; лишь въ извѣстныхъ предѣлахъ скорости колебанія воспринимаются сѣтчаткой глаза, причемъ колебанія различной скорости мы отличаемъ, какъ различные цвѣта. Во всѣхъ спектрахъ, происходящихъ отъ разныхъ источниковъ свѣта, цвѣта расположены въ томъ же порядкѣ, какъ и въ солнечномъ спектрѣ, но только нѣкоторыхъ цвѣтовъ или оттѣнковъ недостаетъ, и они замѣняются темными полосами; это свойство не зависитъ отъ силы свѣта и характеризуетъ источникъ свѣта, внѣшнимъ образомъ сказываясь въ окраскѣ свѣта. Отъ него же зависитъ различная яркость, свойственная тому или другому источнику свѣта. Колпачекъ горѣлки Ауэра, который состоитъ изъ 99% окиси торія и 1% окиси церія, даетъ яркій свѣтъ отъ того, что эти вещества при накаливаніи испускаютъ гораздо болѣе фіолетовыхъ лучей, чѣмъ красныхъ, и чрезвычайно мало тепловыхъ, темныхъ (инфракрасныхъ) лучей. Пламя обыкновенной газовой горѣлки (а также свѣчи и керосиновой лампы) свѣтитъ потому, что въ немъ находятся накаленные мельчайшіе кусочки угля (сажа). Разница между Ауэровской и обыкновенной горѣлкой зависитъ отъ того, что окиси рѣдкихъ металловъ и уголь въ накаленномъ состояніи испускаютъ не одинаковое количество различныхъ цвѣтныхъ и тепловыхъ лучей, а не отъ того, чтобы температура въ Ауэровской горѣлкѣ была выше, какъ это нерѣдко утверждаютъ. Электрическія лампочки накаливанія (Эдиссоновскія) гораздо удобнѣе и дешевле большихъ лампъ съ Вольто-

вой дугой, но въ нихъ свѣтитъ накаленная угольная ниточка, и поэтому свѣтъ ихъ не яркій и красноватый. Естественно было попытаться примѣнить и для электрическаго освѣщенія окиси металловъ, подобныя тѣмъ, которыя были употреблены Ауэромъ. Окись магнія (тотъ бѣлый порошокъ, который остается послѣ сгоранія металлическаго магнія) отличается тѣмъ, что, будучи накалена, даетъ много свѣтовыхъ лучей (отъ того и горящій магній такъ ярко свѣтитъ) и, что особенно важно для освѣщенія при помощи электрическаго тока, весьма тугоплавка, ее можно подвергать дѣйствію чрезвычайно высокой температуры, не опасаясь, что она расплавится, улетучится или сгоритъ.

Если электрическій токъ проходитъ черезъ какой-либо проводникъ, который оказываетъ ему сильное сопротивленіе, то проводникъ этотъ накаливается; сопротивленіе тѣмъ сильнѣе, чѣмъ меньше поперечное сѣченіе проводника, т.-е., напр., чѣмъ тоньше проволока, тѣмъ бо́льшее сопротивленіе она оказываетъ, такъ, что казалось бы, стоитъ приготовить тонкую палочку изъ окиси магнія и пропустить черезъ нее сильный токъ, и мы получимъ яркій бѣлый свѣтъ, но окись магнія, какъ и окиси рѣдкихъ металловъ, употребляемыхъ Ауэромъ, при обыкновенной температурѣ совершенно не пропускаютъ электрическаго тока, только при нагрѣваніи до 500°—600° онѣ становятся проводниками. Эдиссонъ устроилъ лампу, въ которой мельчайшіе кусочки окиси торія и цирконія были вкраплены въ угольную нить. Токъ, проходя по угольной нити вмѣстѣ съ нею накаливаетъ и кусочки окиси упомянутыхъ рѣдкихъ металловъ, производя яркій свѣтъ; но эта нить такъ же, какъ и уголь въ обыкновенной лампочкѣ накаливанія Эдиссона, чтобы не сгорѣть, должна быть заключена въ безвоздушное пространство.

Нернстъ употребилъ окиси металловъ безъ примѣси угля, и поэтому его лампа можетъ «горѣть» на воздухѣ (разумѣется, какъ и въ лампѣ Эдиссона, въ ней ничего не горитъ, а окись магнія только накаливается). Нернстъ (слѣдуя идеѣ Яблочкова, который еще въ 1878 году получилъ яркій свѣтъ, накаливая пластинки каолина, т.-е. чистой глины) примѣнилъ для накаливанія смѣсь окисей металловъ (въ которой преобладаетъ окись магнія) въ видѣ палочекъ въ 0,5 миллиметра діаметромъ въ 1 сантиметръ длиною, которыя въ его лампахъ помѣщаются между платиновыми проволоками. Чтобы «зажечь» лампу, т.-е. чтобы такая палочка стала пропускать токъ, надо нагрѣть ее спичкой или спиртовой лампой. Какъ только въ нее откроется доступъ электрическому току, она накаливается такъ сильно, что не только сохраняетъ способность проводить его, но и даетъ очень яркій бѣлый свѣтъ. Устроены также лампы, которыя зажигаются автоматически, однимъ замыканіемъ тока; въ этихъ лампахъ подъ горизонтально укрѣпленной палочкой изъ окисей металловъ помѣщена прикасающаяся къ ней маленькая фарфоровая трубочка, въ которой находится спираль изъ тонкой платиновой проволоки, соединенная съ проводниками тока. При замыканіи токъ направляется въ эту проволочку, накаливаетъ до красна ее и вмѣстѣ съ тѣмъ фарфоровую трубочку и палочку изъ окисей металловъ, которая становится проводникомъ, вслѣдствіе чего токъ направляется въ нее, а платиновая спираль автоматически (посредствомъ особаго приспособленія) выключается изъ тока. На все это тратится 10—12 секундъ.

Въ этой лампѣ есть и еще одинъ необходимый предохранительный аппаратъ. Лампы эти располагаются такъ, что онѣ получаютъ токъ изъ отвѣтвленій отъ одного кабеля, въ которомъ поддерживается постоянное напряженіе тока. Палочка, чѣмъ сильнѣе накалена, тѣмъ меньше оказываетъ сопротивленія, вслѣдствіе этого легко могло бы случиться, что лампы, соединенныя съ однимъ кабелемъ, стали бы оказывать неодинаковое сопротивленіе току, отсюда и сила свѣта сдѣлалась бы не постоянной. Чтобы избѣжать этого, въ

*

лампѣ между проволоками, соединяющимися съ палочкой, помѣщена тоненькая (0,8 лин. діаметромъ) платиновая проволочка, сопротивленіе которой составляетъ 10—12% общаго сопротивленія лампы. Если напряженіе тока почему-либо увеличится и палочка накалится сильнѣе, а слѣдовательно, станетъ оказывать меньшее сопротивленіе, то и платиновая проволочка накалится, вслѣдствіе чего ея сопротивленіе увеличится, такъ что общее сопротивленіе лампы останется тѣмъ же, что и прежде, и уже къ палочкѣ съ этого времени станетъ доходить токъ прежняго напряженія. Безъ этого приспособленія по мѣрѣ возрастанія напряженія тока количество освобождающагося тепла въ палочкѣ можетъ настолько возрасти, что она расплавится. Правда, платиновая проволока очень дорого стоитъ, но ее можно съ извѣстными предосторожностями замѣнить желѣзной, какъ это и дѣлается. Лампа Нернста выгодна тѣмъ, что для той же силы свѣта она требуетъ лишь $^2/_5$ количества энергіи, затрачиваемаго въ обыкновенной эдиссоновской лампочкѣ накаливанія, т.-е. лампа Нернста въ 25 свѣчей требуетъ того же количества энергіи, какъ лампа накаливанія лишь въ 10 свѣчей. По сравненію съ дуговой лампой (такія лампы обыкновенно горятъ на улицахъ), въ которой очень часто приходится вставлять новые угли, она имѣетъ то преимущество, что одна палочка можетъ служить въ продолженіи 300—400 часовъ горѣнія; по истеченіи этого срока окиси металловъ претерпѣваютъ особое измѣненіе, вслѣдствіе котораго ихъ сопротивленіе току увеличивается, но онѣ становятся крупными и плохо свѣтятъ. Въ настоящее время приготовляются лампы въ 25, 50 и 100 свѣчей для тока въ 110—220 вольтъ напряженія, но есть и въ 500 свѣчей, эта лампа окажетъ серьезную конкурренцію обыкновенной лампѣ съ вольтовой дугой. Эта лампа имѣетъ еще нѣкоторыя преимущества въ пользованіи токомъ, но выясненіе ихъ по спеціальности предмета завлекло бы слишкомъ далеко. Свѣтъ лампы Нернста наиболѣе приближается къ солнечному: въ немъ нѣтъ избытка ни красныхъ лучей, какъ въ свѣтѣ обыкновенной Эдиссоновской лампы накаливанія, ни фіолетовыхъ—какъ отъ дуговой лампы, ни зеленыхъ—какъ отъ горѣлки Ауэра. Въ настоящее время лампа Нернста демонстрируется на Парижской выставкѣ и останавливаетъ на себѣ вниманіе. Разумѣется, она не вытѣснитъ совершенно всѣ имѣющіяся электрическія лампы, такъ какъ, напр., Эдиссоновская лампа накаливанія въ нѣкоторыхъ случаяхъ незамѣнима, но несомнѣнно, что ей предстоитъ широкое распростаненіе и что она будетъ серьезно конкурировать съ горѣлкой Ауэра *). («Rev. gén d. sciences»).

Химія. *О превращеніи фосфора въ мышьякъ.* Нѣкоторыя вещества, сами по себѣ не разлагаясь и не соединяясь ни съ чѣмъ, способны превращаться въ другія, совершенно на нихъ не похожія; такъ, напримѣръ, алмазъ можно превратить въ уголь, причемъ по вѣсу его получится столько же, сколько было взято алмаза, а химическія свойства обоихъ веществъ одинаковы, слѣдовательно, при этомъ къ алмазу ничего не прибавилось и ничего не было потеряно имъ. Такихъ превращеній извѣстно весьма ограниченное число. Алхимики полагали, что подобнымъ образомъ превращаться одно въ другое могутъ весьма многія вещества, хотя, правда, они основывались на совершенно невѣрныхъ свѣдѣніяхъ, такъ какъ при изслѣдованіяхъ не примѣняли взвѣшиванія и вообще не обращали вниманія на количество дѣйствующихъ и происходящихъ веществъ. Упомянутыхъ выше (аллотропическихъ) превращеній, сущность которыхъ объ-

*) Корреспондентъ «Новаго Времени», сообщая объ этой лампѣ въ отчетѣ о техническихъ новинкахъ выставки, почему-то называетъ изобрѣтателя ея извѣстнаго профессора Нернста (Nernst)—Херистомъ (Hernst), а также утверждаетъ, что въ этой лампѣ «горитъ не уголь, а магнезитъ». Между тѣмъ самая цѣль устройства лампы въ томъ, чтобы замѣнить уголь негорючимъ веществомъ. Окись магнія, здѣсь только накаливается, горѣть же она ни при какихъ условіяхъ не можетъ.

ясвена въ настоящее время, они не знали, но, не слѣдя количественно за реакціями, не устанавливая баланса дѣйствующихъ веществъ, они приходили къ заключенію, что весьма во многихъ случаяхъ одно тѣло можетъ превращаться въ другое, безъ измѣненія состава. Современная химія установила законы превращенія и выяснила, что есть опредѣленное число тѣлъ, которыя доступными намъ средствами не могутъ быть превращены одно въ другое. Эти тѣла называются элементами; въ число ихъ входитъ также мышьякъ и фосфоръ. Но идея единства матеріи продолжаетъ существовать, а вмѣстѣ съ нею существуетъ и мнѣніе, что элементы представляютъ собою лишь видоизмѣненія первичной матеріи и поэтому при неизвѣстныхъ пока условіяхъ могутъ превращаться другъ въ друга. Вотъ почему столь нашумѣвшее извѣстіе о томъ, что американскій химикъ нашелъ способъ превращать серебро въ золото, даже и химиками не было сразу встрѣчено съ пренебреженіемъ и насмѣшкой. Тѣмъ менѣе заслуживаетъ насмѣшекъ предположеніе, что то или другое элементарное вещество представляетъ собою не модификацію другого элемента, а соединеніе его съ какимъ-либо другимъ, особенно въ виду открытія новыхъ элементовъ, свойства которыхъ такъ трудно вяжутся съ современными теоретическими представленіями. Подобное предположеніе привело профессора марбургскаго университета Фиттика къ изслѣдованіямъ надъ окисленіемъ фосфора, которыя имѣли цѣлью показать, не можетъ ли фосфоръ, соединяясь съ какими-либо веществами, дать мышьякъ. Такимъ образомъ, очевидно, Фиттика имѣлъ въ виду совершенно иное превращеніе, чѣмъ тѣ, посредствомъ которыхъ алхимики надѣялись добыть золото изъ свинца т.-е. превратить одинъ элементъ въ другой, не разлагая его и не соединяя ни съ чѣмъ. Фиттика утверждаетъ, что онъ получилъ положительный результатъ. Первая статья его появилась еще въ мартѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года въ журналѣ «Leopoldina». За лѣто во многихъ научно-популярныхъ журналахъ были помѣщены замѣтки о его изслѣдованіи, а въ «Ber. Deutsch. Chem. Ges.» (33, 1693). Извѣстный аналитикъ Клеменсъ Винклеръ сообщилъ результаты, полученные имъ при повтореніи опытовъ Фиттика, такъ что теперь можно составить себѣ хоть какое-нибудь сужденіе о нихъ, тѣмъ болѣе, что Фиттика напечаталъ еще и вторую статью уже по поводу сдѣланныхъ ему возраженій.

Уже давно было извѣстно, что фосфоръ при дѣйствіи на него газообразнаго амміака подъ вліяніемъ свѣта или въ расплавленномъ видѣ образуетъ какое-то черное вещество. Флюккигеръ въ 1892 году показалъ, что это вещество—мышьякъ, и высказалъ предположеніе, что этотъ мышьякъ въ видѣ примѣси и раньше находился въ фосфорѣ. Дѣйствительно, извѣстно, что фосфоръ, приготовляемый изъ естественной фосфорно-кальціевой соли дѣйствіемъ сѣрной кислоты, содержащей мышьякъ, и самъ его содержитъ. Фиттика предположилъ, что при дѣйствіи амміака на фосфоръ получается соединеніе этого послѣдняго вещества съ азотомъ, входящимъ въ составъ амміака. Чтобы провѣрить это предположеніе, онъ прежде всего изслѣдовалъ, сколько мышьяка содержится во взятомъ имъ фосфорѣ. Для опредѣленія количества мышьяка фосфоръ, содержащій его, надо подвергнуть окисленію. Оказалось, что количества мышьяка получаются различныя, смотря по тому, во-первыхъ, взять ли бѣлый или красный фосфоръ (какъ извѣстно, фосфоръ существуетъ въ двухъ видоизмѣненіяхъ: красный и бѣлый; первый отличается еще и тѣмъ, что труднѣе вступаетъ въ реакцію), причемъ послѣдній даетъ больше мышьяка, во-вторыхъ, какія окислительныя вещества примѣнить. Вообще не удалось получить постоянныхъ чиселъ для процентнаго содержанія мышьяка въ фосфорѣ. Это обстоятельство могло бы говорить нѣсколько въ пользу предположенія, что мышьякъ представляетъ собой соединенія фосфора съ азотомъ, если бы были взяты для окисленія исключительно вещества, содержащія азотъ; но непонятно,

почему при окисленіи хлоромъ, напр., Фиттика также не получилъ постоянныхъ цифръ. Одинъ изъ способовъ окисленія, а именно перекись барія съ сѣрной кислотой, показалъ, что взятый для опыта фосфоръ совершенно не содержитъ мышьяка. Предъидущіе способы давали около 2% мышьяка. Употребляя азотно-амміачную соль, онъ получилъ 8—10% мышьяка по отношенію къ количеству взятаго фосфора. Итакъ Фиттика утверждаетъ, что чистый не содержащій мышьяка фосфоръ при дѣйствіи на него азотно амміачной соли даетъ 8—10% мышьяка. Отсюда онъ выводитъ заключеніе, что мышьякъ представляетъ собой соединеніе фосфора съ азотомъ и кислородомъ (такъ какъ при разложеніи азотно-амміачной соли, которое при этомъ происходитъ, азотъ освобождается въ соединеніи съ кислородомъ *). Винклеръ повторилъ опытъ Фиттика, примѣнивъ два способа окисленія, употребленныхъ имъ, и два способа нѣсколько иныхъ, и нашелъ, что при дѣйствіи какъ азотно амміачной соли, такъ и другихъ окислителей изъ фосфора получается всегда одно и то же количество мышьяка, а именно около 1,9%. Онъ рѣшительно отвергаетъ предположеніе Фиттика о томъ, что мышьякъ представляетъ собою соединеніе фосфора. О самой работѣ онъ отзывается весьма сурово, считая ее или неумѣлой, или даже, быть можетъ, недобросовѣстной. Слѣдуя авторитету Винклера, одинъ нѣмецкій химикъ придаетъ опыты Фиттика осмѣянію, говоря, между прочимъ, что съ появленіемъ ихъ воскресаетъ алхимія; какъ мы видѣли выше, предположеніе Фиттика не имѣетъ никакой связи съ представленіемъ алхимиковъ. Во французскихъ научно-популярныхъ журналахъ сообщеніе Фиттика принято съ большимъ вниманіемъ и серьезно, хотя, къ сожалѣнію, не обсуждается. Возраженіе, сдѣланное Винклеромъ, сводится къ тому, что Фиттика не съумѣлъ опредѣлить въ фосфорѣ присутствіе мышьяка, что при анализѣ этотъ мышьякъ ускользнулъ отъ него, остался незамѣченнымъ; но вѣдь этого мышьяка, по опредѣленію Винклера, въ фосфорѣ находится менѣе 2%, а Фиттика при дѣйствіи азотно амміачной соли получилъ его 8—10%, слѣдовательно, если методы его или манипуляціи были настолько несовершенны, что онъ при анализѣ терялъ мышьякъ, то значитъ въ фосфорѣ его находится еще больше, чѣмъ 8—10%. Вотъ если бы это доказалъ Винклеръ, то, разумѣется, заявленіе Фиттика потеряло бы всякую почву, Винклеръ же не указываетъ, какимъ путемъ могло получиться мышьяка больше, чѣмъ его есть въ дѣйствительности. Конечно, фосфоръ и мышьякъ слишкомъ хорошо изслѣдованы, поэтому предположеніе о томъ, что одинъ изъ нихъ представляетъ собою какое-либо изъ соединеній другого, встрѣчаетъ весьма основательныя сомнѣнія, которыя еще болѣе усиливаются послѣ изслѣдованія Винклера. Поэтому весьма желательно найти обстоятельный разборъ опытовъ Фиттика, но пока отъ напечатаннаго по поводу его открытія остается общее впечатлѣніе, что во всемъ этомъ есть что-то неладное и что нельзя еще считать инцидентъ исчерпаннымъ.

Геологія. 1) *Соляная гора близъ Кардоны.* Въ испанской провинціи Каталоніи, близъ Кардоны, на обширной равнинѣ возвышается странной формы гора, которая вполнѣ напоминаетъ настоящую модель альпійскихъ вершинъ своими голыми ребрами и выступами, глубокими разсѣлинами и ущельями, пронизывающими ее. Но эта гора возвышается всего приблизительно на 100 метровъ (менѣе 50 саж.) надъ окружающей ее равниной, а чтобы обойти ее кругомъ, достаточно одного часа. Своею извѣстностью эта миніатюрная гора обязана своему минералогическому составу: она состоитъ почти цѣликомъ изъ чистой каменной соли. Между тѣмъ какъ почти вездѣ въ другихъ мѣстахъ

*) Такимъ образомъ, по мнѣнію Фиттика, мышьяку слѣдуетъ придать формулу PNO_2. Лица, знакомыя съ химіей, могутъ видѣть изъ нея, что частичный вѣсъ этого соединенія—74,94—весьма близокъ къ атомному вѣсу мышьяка (74.9).

каменная соль залегаетъ въ глубинѣ земли, окруженная пластами непроницаемыхъ для воды глинистыхъ породъ, здѣсь она возвышается надъ поверхностью земли въ видѣ огромныхъ бѣлыхъ, желтыхъ и красноватыхъ скалъ, на поверхности которыхъ дождевая вода, растворяя соль, выѣдаетъ разсѣлины съ острыми краями. Послѣ сильныхъ дождей цѣлый потокъ соленой воды стекаетъ со склоновъ соляной горы, направляясь къ протекающей вблизи рѣчкѣ Кардонеро. Кромѣ каменной соли, мѣстами совершенно прозрачной, какъ вода, распадающейся на громадные кубы (форма кристалловъ соли), въ ней находятся еще разноцвѣтные глинистые слои, нерѣдко содержащіе гипсъ. Кардонская соль образуетъ прослойку въ глинистыхъ породахъ третичной формаціи. Въ большихъ каменоломняхъ добываютъ ея чистыя разновидности, получая такимъ образомъ въ годъ круглымъ счетомъ милліонъ центнеровъ. Соляная гора эта, разумѣется, совершенно лишена растительности и потому еще болѣе выдѣляется своей яркой окраской на темномъ фонѣ окружающей равнины. («Himmel und Erde»).

2) *О плавучихъ камняхъ.* Эрландъ Норденшильдъ во время путешествія съ докторомъ Борго въ знаменитую пещеру глоссотеріума въ юго-западной части Патагоніи и собирая планктонныя формы (т.-е. растительные организмы, живущіе въ водѣ неприкрѣпленными на днѣ), встрѣтилъ большое количество плавучихъ камней. Когда море было спокойно или былъ только небольшой прибой, на поверхности попадались небольшіе куски шифера, собранные въ кучки большей или меньшей величины, которые вблизи залива плавали то сюда, то туда, пока не попадали въ быстрое и сильное теченіе. Сѣтью въ нѣсколько минутъ было захвачено около 700 штукъ такихъ камней. Очевидно, они попали въ воду съ берега, который преимущественно образованъ подобными камнями, которые смыты со скалъ, состоящихъ изъ битуминознаго шифера. Поверхность этихъ камешковъ оказалась сухою и какъ только она становилась влажною, они тотчасъ тонули. Удѣльный вѣсъ ихъ равнялся 2,71, тогда какъ удѣльный вѣсъ воды, на которой они плавали,—1,0049. Самый большой камешекъ вѣсилъ 0,8 грамма, средній вѣсъ 20-ти штукъ меньшаго размѣра—0,3 грамма. Въ нихъ не было найдено полостей, содержащихъ воздухъ, насколько можно было опредѣлить безъ помощи микроскопа. Способность этихъ камешковъ держаться на водѣ, безъ сомнѣнія, зависитъ отъ того, что на нижней ихъ поверхности находятся маленькіе пузырьки газа (вѣроятно, воздуха), который, должно быть, присталъ къ нимъ, когда они попали въ воду. Къ сожалѣнію, Норденшильдъ не имѣлъ времени изслѣдовать подробнѣе явленіе и не имѣлъ средствъ собрать пузырьки газа, приставшіе къ нижней поверхности камней. Послѣ высушиванія, на поверхности камешковъ были найдены слѣды діатомей и другихъ водорослей; несомнѣнно, эти слѣды могли сохраниться, благодаря тому, что поверхность камней покрыта горной смолой, что имѣетъ важное значеніе и для плавучести ихъ. («Naturwiss. Rundschau»). Д. Н.

Астрономическія извѣстія.

Результаты наблюденій полнаго солнечнаго затменія 15-го мая. Рѣдко на долю астрономовъ выпадаетъ такая удача, какъ во время солнечнаго затменія 15-го мая нынѣшняго года. Почти со всѣхъ станцій по всей длинѣ той полосы, гдѣ затменіе было видимо, какъ полное, приходятъ извѣстія, что небо было чисто, наблюденія удались. Такъ, начальникъ экспедиціи знаменитой обсерваторіи гарвардскаго колледжа телеграфировалъ: «Погода чудная, наблю-

денія превосходны». Въ Велесборо, въ штатѣ Сѣверной Каролины, небо было совершенно чисто «безъ признаковъ облаковъ». Оно только слегка подернуто дымкой и перистыми облаками въ Авейро, на западномъ побережьѣ Португаліи, близъ Опорто, гдѣ расположилась англійская экспедиція гринвичской обсерваторіи, во главѣ съ директоромъ Кристи. Чисто оно и во всѣхъ пунктахъ наблюденія въ Испаніи и Алжирѣ.

Продолжительность полной фазы затменія 15-го мая была чрезвычайно мала—всего 1 минута съ нѣсколькими секундами. Интересно, что въ Алжирѣ она оказалась на 3 секунды меньше, чѣмъ предсказывали вычисленія на основаніи имѣющихся таблицъ луннаго движенія (вмѣсто 67 секундъ оказалось 64 секунды). Въ другихъ мѣстахъ отмѣчены аналогичные факты.

Благодаря краткости полной фазы и потемнѣніе въ это время было не особенно значительно. Въ, Авейро можно было читать мелкую газетную печать; видны Венера и Меркурій но изъ звѣздъ, выдѣляется только яркій Сиріусъ.

Наблюденія затменія на всѣхъ станціяхъ сводились главнымъ образомъ на фотографированіе солнечной короны и ея спектра. Директоръ алжирской обсерваторіи Trépieed сообщаетъ, что одинъ изъ его снимковъ въ высшей степени интересенъ. Онъ полученъ за 10 секундъ передъ началомъ полной фазы, когда слѣдовательно, оставался отъ яркаго диска солнца только узенькій серпикъ. На немъ рѣзко выдѣляются такъ называемыя четки Байли (загадочное явленіе—рядъ черныхъ точекъ на фонѣ яркаго солнечнаго серпика, прилипающихъ къ черному диску надвигающейся луны). Видна хромосфера, протуберансы, корона.

Въ то же время за 10, приблизительно, секундъ до полной фазы. Rambaut сфотографировалъ солнечный спектръ. На полученномъ снимкѣ видно много свѣтлыхъ линій. Спектръ солнца, какъ извѣстно, при обыкновенныхъ условіяхъ представляется цвѣтной, радужной полоской съ массой темныхъ поперечныхъ, такъ называемыхъ фраунгоферовыхъ линій. Кирхгофъ въ 1861 году объяснилъ, что эти темныя линіи происходятъ вслѣдствіе поглощенія соотвѣтствующихъ лучей атмосферой солнца, температура которой нѣсколько ниже, чѣмъ температура центральной массы. Но эта атмосфера все-таки необычайно горяча. Если бы мы разсматривали ея спектръ независимо отъ пучка лучей, пронизывающихъ ее, то мы видѣли бы рядъ параллельныхъ *свѣтлыхъ* линій, соотвѣтствующихъ тѣмъ газамъ, которыя входятъ въ ея составъ. Когда лучи закроютъ дискъ солнца, когда мы разсматриваемъ спектръ самого *края*, мы и видимъ эти свѣтлыя линіи. Вотъ этотъ обращающій слой Киргофа! Впервые обращеніе темныхъ линій въ свѣтлыя наблюдалъ Юнгъ во время затменія 1870 года. Въ 1896 году спектръ солнечнаго края удалось сфотографировать ассистенту Юнга Шеклетону.

Во время затменія 1898 года также получены интересные снимки, которые подтверждаютъ мнѣніе Локьера, что обращенія свѣтлыхъ линій солнечнаго спектра въ темныя происходитъ вслѣдствіе поглощенія не въ одномъ слоѣ атмосферы, а скорѣе въ нѣсколькихъ, налегающихъ одинъ на другой слояхъ. Снимки 1900 г., въ свою очередь, должны дать намъ что-либое новое для выясненія строенія нашего главнаго свѣтила.

Астрономъ Wesley наблюдалъ затменіе глазомъ въ большую трубу алжирской обсерваторіи съ объективомъ въ 318 милиметровъ діаметромъ. Его цѣль была изслѣдовать возмоможно лучше детали строенія короны, относительно которыхъ существовало мнѣніе, что на фотографіяхъ онѣ выходятъ не такъ отчетливо, не такъ полно, какъ видно въ трубу. Но, не смотря на то, что вниманіе Wesley было сосредоточено на спеціальной задачѣ, несмотря на то, что въ его распоряженіи былъ большой инструментъ, который обыкновенно въ экспедиціяхъ не можетъ перевозиться, ничего особеннаго подмѣчено не было. Wesley, вопреки своему ожиданію, вынесъ такое убѣжденіе, что фотографія

безъ всякихъ оговорокъ есть могучее средство для изученія короны даже въ деталяхъ.

Французское Бюро Долготъ организовало экспедицію въ Испанію, въ мѣстечко *Hellin*. Астрономъ Нашу сообщаетъ въ своемъ отчетѣ, что ему удалось получить семь фотографическихъ снимковъ короны, изъ которыхъ на нѣкоторыхъ форма ея передана чрезвычайно отчетливо.

По общему своему виду корона нынѣшняго затменія походитъ на корону 1898 и 1899 гг. Въ отношеніи ясности, съ которой выступаютъ полярные лучи, она тоже подобна имъ. Несомнѣнно, что между формой солнечной короны и одиннадцатилѣтней періодичностью солнечной дѣятельности существуетъ связь. Въ настоящее время на солнцѣ затишье—прошлый 1899 г. былъ годомъ minimum'а солнечныхъ пятенъ, и форма короны, въ общемъ, такая же, какая наблюдалась во время другихъ затменій, имѣвшихъ мѣсто въ годы, близкіе къ minimum'у солнечной дѣятельности, т. е. болѣе вытянутая вдоль солнечнаго экватора. Въ экспедиціи Бюро Долготъ фотографировали и спектръ короны. Интересно, что характерная зеленая линія, такъ называемая *корональная* линія, не вышла на пластинкѣ. Она не была видна и въ спектроскопѣ, предназначенномъ для наблюденія глазомъ.

Нѣсколько экспедицій расположилось въ *Elche* близъ города Аликанте. Meslin фотографировалъ корону. На его снимкахъ главнымъ образомъ вышли внутреннія части короны съ протуберансами и загнутыми лучами. При этомъ обнаружилось очень интересное слоистое строеніе. Слои, очевидно, имѣютъ форму эллипсоидальную. Они почти концентричны съ солнцемъ и сжаты у полюсовъ. Тотъ же астрономъ Меслинъ фотографировалъ корону въ различныхъ цвѣтахъ съ помощью призматической камеры. Получились рѣзкія изображенія, соотвѣтствующія лучамъ H, K и G. Съ тѣмъ же аппаратомъ полученъ спектръ края солнечнаго диска, богатый интересными подробностями.

Удачные снимки получилъ графъ de La Baume Pluvinel наблюдавшій также раньше затменія на островахъ Спасенія, въ Сенегалѣ и въ Кандіи. Интересно, что съ большимъ спектроскопомъ въ шесть призмъ, предназначеннымъ спеціально для изслѣдованія *корональной* линіи не получено никакого изображенія послѣдней. На снимкахъ другого наблюдателя Lose Comas Sola она вышла очень слабой. Эти результаты вмѣстѣ съ неудавшимися попытками Нашу свидѣтельствуютъ, что во время затменія 15-го мая яркая обыкновенно корональная линія имѣла незначительную интенсивность.

C. Sola отмѣчаетъ интересный фактъ, что на его спектрограммахъ линіи являются составными и причемъ составляющихъ тѣмъ больше, чѣмъ ближе линія къ фіолетовому концу спектра, гдѣ число ихъ доходитъ до четырехъ. Нѣтъ никакого закона въ уменьшеніи интенсивности этихъ составляющихъ, каждая изъ нихъ выступаетъ отчетливо. Sola думаетъ, что этотъ фактъ нужно сопоставить съ только что упомянутый слоистостью на снимкахъ короны, полученныхъ Meslin'омъ.

Въ Elche наблюдалъ солнечное затменіе, между прочимъ, и одинъ русскій астрономъ-любитель г. Доничъ изъ Одессы. Уже на другой день онъ извѣстилъ телеграммой академика Ѳ. А. Бредихина, что получены удачныя фотографіи спектра короны и хромосферы.

Интересныхъ результатовъ можно было ждать отъ извѣстнаго астронома Deslandres'а, который въ 1893 г. получилъ снимокъ ультрафіолетовой области спектра короны съ неизвѣстными линіями и обнаружилъ вращеніе короны, согласное съ вращеніемъ самого солнца. Командированный упомянутымъ уже Бюро Долготъ, онъ расположился съ своими четырьмя помощниками въ Испаніи, въ *Argamasilla*.

Въ его программѣ предположено было: 1) опредѣлить скорость вращенія

короны тѣмъ же методомъ, какой былъ употребленъ въ 1893 г.; 2) сфотографировать ультрафіолетовую область спектра, именно въ той половинѣ, которая поглощается обыкновенными стеклами; 3) сфотографировать ультрафіолетовую область спектра обращающаго слоя, еще никогда не получавшуюся; 4) изучить тепловой спектръ короны, что очень важно для послѣдующихъ изслѣдованій этого образованія; 2) сфотографировать корону непосредственно на пластинкахъ, мало чувствительныхъ съ мелкимъ зерномъ.

Для рѣшенія первой задачи были предназначены три спектроскопа: два фотографическихъ и одинъ для наблюденій глазомъ. Послѣдній былъ направленъ на корональную линію. Но она была чрезвычайно слаба, коротка и размыта. Повидимому, смѣщеніе линій на западной сторонѣ соотвѣтствуетъ вращенію, болѣе быстрому, чѣмъ наблюдаемъ мы на дискѣ. На снимкахъ полученныхъ двумя другими спектроскопами, линій, годныхъ для опредѣленія вращенія короны, также почти не оказалось. Уже и раньше была отмѣчена слабая интенсивность линій въ спектрѣ короны во время минимума солнечной дѣятельности.

Съ помощью небольшого спектроскопа, употреблявшагося раньше въ Сенегалѣ, полученъ ультрафіолетовый спектръ весь, но безъ деталей. Наоборотъ призмы передъ двумя камерами дали хорошій ультрафіолетовый спектръ обращающаго слоя, верхнихъ частей хромосферы, еще не извѣстныхъ, и цѣлый спектръ короны съ двумя полными кольцами, которыя указываютъ на два новыхъ корональныхъ луча. (Призма передъ объективомъ даетъ собственно не спектръ въ обыкновенномъ смыслѣ, а рядъ изображеній короны въ формѣ колецъ различнаго цвѣта). Такъ какъ вслѣдствіе слабости крайнихъ ультрафіолетовыхъ лучей снимки требовали длинной экспозиціи, то они не могутъ показать быстрыхъ измѣненій спектра выступовъ и хромосферы. Астрономъ Marey уступилъ Deslandres одинъ изъ своихъ хронофотографовъ съ подвижной пленкой. И вотъ Deslandres, приспособивъ къ нему призмы получилъ въ двѣ минуты до 500 снимковъ ультрафіолетоваго спектра, которые ясно показываютъ ходъ явленія. Одинъ изъ снимковъ даетъ рядъ ультрафіолетовыхъ водородныхъ линій (по крайней мѣрѣ 24),—рядъ, замѣчательный по своей математической правильности интерваловъ.

Небо посылаетъ голубые лучи. Они-то и скрываютъ отъ насъ звѣзды и солнечную корону въ обыкновенныхъ условіяхъ. Если бы нашъ глазъ былъ чувствителенъ только къ крайнимъ инфракраснымъ лучамъ, онъ видѣлъ бы звѣзды днемъ. Возможно, что и изображеніе солнечной короны можно было бы получить въ этихъ лучахъ безъ затменія. Но прежде чѣмъ приниматься за опыты важно провѣрить, имѣетъ ли спектръ короны эти лучи въ большомъ количествѣ. Вотъ почему Deslandres и поставилъ въ свою програму изслѣдованіе инфракрасной области спектра короны. Онъ построилъ для этого спеціальный приборъ, состоящій изъ большого зеркала съ короткимъ фокуснымъ разстояніемъ, спектроскопа со щелью и столбика Меллони, очень чувствительнаго съ гальванометромъ Deprez d'Arsonval. Въ день затменія до, послѣ и во время полной фазы измѣрялась теплота отъ центра луны, и точекъ неба, отстоящихъ на 3, 6 и 20 минутъ отъ края солнца. Теплота луннаго центра уменьшалась прогрессивно и спустилась до нуля въ моментъ полнаго затменія, но точки короны на 3 и 6 минутъ отъ солнечнаго края въ это время даютъ отклоненія 5 и 3 по шкалѣ. Тѣ же точки безъ затменія при той же высотѣ солнца, при чистомъ совершенно небѣ, даютъ отклоненія 11 и 7. Такимъ образомъ, теплота короны составляетъ половину всей излучаемой теплоты, такъ что опытъ прямо указываетъ на возможность получить корону въ тепловыхъ лучахъ безъ затменія.

Фотографическіе снимки самой короны сдѣланы были малыми трубами, но, благодаря мелкому зерну на пластинкахъ, возможны значительныя увеличенія.

На нѣкоторыхъ снимкахъ экваторіальныя полосы короны тянутся на два діаметра солнца.

Deslandres замѣчаетъ также, что продолжительность полной фазы въ Argamasilla оказалась на 5 секундъ короче вычисленной.

Нѣкоторые наблюдатели даютъ описаніе наблюдающихся обыкновенно загадочныхъ волнъ тѣни, бѣгущихъ по землѣ. Моце, находившійся въ Elche, опредѣляетъ ширину волнистыхъ полосъ въ 1 дециметръ, а ширину промежутковъ между полосами въ 3 —4 дециметра. Полосы показались за 2 минуты до полной фазы и медленно перемѣщались отъ востока къ западу. Скорость движенія полосъ сравнима со скоростью пѣшехода. Наблюдатель M. A. de Palacio опредѣляетъ ее, съ своей стороны, въ 0,8 метра въ секунду.

Кромѣ главной системы волнъ, Моце съ другими наблюдателями видѣлъ еще одну встрѣчную, такъ что при сліяніи полосъ волны образовали фигуру восьмерки. Направленіе вѣтра при этомъ не мѣнялось и сила его была умѣренная.

На многихъ обсерваторіяхъ затменіе 15-го мая наблюдалось, какъ частное. Эти наблюденія уже не имѣютъ такого значенія и сводятся, главнымъ образомъ, къ опредѣленію моментовъ прикосновенія диска луны съ дискомъ солнца. Нѣкоторыя попытки наладить наблюденія въ интересахъ физической астрономіи, какъ, напримѣръ, на парижской и медонской обсерваторіяхъ, не удались изъ-за облаковъ.

Общество аэронавтовъ въ Парижѣ организовало свободный полетъ во время затменія на воздушномъ шарѣ для термометрическихъ изысканій на большихъ высотахъ. Со стороны парижской астрономической обсерваторіи въ этомъ полетѣ приняла участіе извѣстная женщина-астрономъ г-жа Klumpke.

Свѣтящіяся ночныя облака въ этомъ году впервые появились надъ горизонтомъ Юрьева въ ночь съ 7-го на 8-е іюля. Явленіе по своей интенсивности, опредѣленности и красотѣ было исключительное. Уже въ 11 часовъ широкой каймой съ причудливымъ волнистымъ строеніемъ оно тянулось съ сѣверо-востока на сѣверо-западъ почти на четверть окружности. Цѣлый рядъ столбовъ, изъ которыхъ каждый представлялъ какъ бы лѣстницу съ горизонтальными бѣлыми ступенями, выдѣлялся въ этой каймѣ. Вершины этихъ столбовъ были окутаны голубоватымъ флеромъ; книзу господствовалъ желтый тонъ. Густой туманъ, поднявшійся съ рѣки надъ нижней частью города, не могъ скрыть явленія; лишь на востокѣ его закрывали черныя тучи. Но послѣ 12 часовъ туманъ пропадаетъ, солнце начинаетъ подниматься подъ горизонтомъ, его лучи хватаютъ все выше и выше и вмѣстѣ съ тѣмъ появляются все новыя и новыя части облаковъ. Около часу они достигаютъ уже до яркой Капеллы, которая поднялась очень высоко. Они расползлись далеко на западъ и востокъ, коснувшись серпа луны, выплывшаго изъ-подъ горизонта на востокѣ. Ихъ блескъ усилился, чешуйки выдѣлились наверху. Въ половинѣ второго столбы доходятъ почти до зенита. Несмотря на зарю, яркость облаковъ удивительна. Они какъ бы разгораются все болѣе и болѣе. Удивительное дѣло: съ одной стороны матерія облаковъ какъ будто бы очень плотна, густыя полосы ихъ производятъ впечатлѣнія чего-то тяжелаго, металлическаго, и въ то же время слабенькія звѣздочки черезъ нихъ блестятъ свободно, нисколько не теряя въ своей яркости. Странное загадочное образованіе! И какое красивое явленіе! Кто разъ его видѣлъ, тотъ не забудетъ его, не смѣшаетъ съ обыкновенными облаками. Это не мѣстное явленіе. Его одновременно, въ ту же ночь, въ тѣ же часы видѣли въ Новгородѣ и въ Петербургѣ. Къ сожалѣнію только въ Петербургѣ оно скрыто до нѣкоторой степени обыкновенными облаками. Оно такъ рѣзко, такъ типично, что его узнаютъ лица, никогда не видѣвшія

раньше свѣтящихся облаковъ. Я получилъ описанія явленій, наблюдавшихся г-жей Фрейбергъ въ Петербургѣ и г. Грѣшищевымъ въ Новгородѣ, которыя поразительно схожи съ тѣмъ, что мы видѣли въ Юрьевѣ. Проф. Кайгородовъ, съ другой стороны, подтверждаетъ, что то же самое было видимо въ Венденѣ. Разстояніе въ 250—300 верстъ не оказываетъ такимъ образомъ вліянія на измѣненіе общаго вида явленія, тогда какъ для нашихъ обыкновенныхъ облаковъ достаточно смѣщенія на 5—10 верстъ, чтобы имѣть совершенно другую картину. Видно сразу, что это далекое явленіе. Въ ночь на 13-е іюля свѣтящіяся облака показались вновь, но это было уже сравнительно слабое явленіе на сѣверо-сѣверо-востокѣ, которое развилось только около часу, а къ двумъ совсѣмъ исчезло на побѣлѣвшемъ фонѣ неба. Оно также наблюдалось въ Петербургѣ въ той же части небосклона и въ тѣ же часы. Г-жа Фрейбергъ указываетъ еще, что въ Петербургѣ были видимы свѣтящіяся облака 15-го іюля

Комета, довольно свѣтлая, съ хвостомъ открыта Бруксомъ въ Америкѣ 10-го іюля. Въ ту же ночь и даже, приблизительно, въ тотъ же часъ видитъ ее Borrelly въ Парижѣ, а черезъ 4 дня, не зная ничего о телеграммахъ, извѣстившихъ объ открытіи, находитъ ее г. Балясный въ Полтавѣ. Комета быстро поднималась къ сѣверу изъ созвѣздія Овна, мимо β, $\varkappa$, ι, γ, $\varkappa$ Персея въ созвѣздіе Жирафа. Какъ оказалось по вычисленію ея орбиты, она прошла черезъ болѣе близкую отъ солнца точку 21-го іюля, т.-е. непосредственно у насъ на глазахъ. Наименьшее разстояніе ея отъ солнца было почти такое же, какъ и разстояніе земли, но она находилась, конечно, въ другомъ нѣсколько направленіи. Хотя послѣ 21-го іюля разстояніе кометы какъ отъ солнца, такъ и отъ земли увеличивалось, тѣмъ не менѣе яркость ея не только не падала, а наоборотъ возрастала, хвостъ становился все больше и опредѣленнѣе. Голова представляла туманную массу съ уплотненіемъ въ центрѣ, въ началѣ болѣе рѣзко очерченнымъ и похожимъ на звѣзду, послѣ нѣсколько размытымъ.

Достигнувъ 85 слишкомъ градусовъ склоненія, т.-е. дойдя почти до Полярной Звѣзды, комета начала опускаться на небѣ, все болѣе и болѣе забирая въ то же время на западъ. Для большихъ трубъ она останется, вѣроятно, не смотря на свое удаленіе, еще долго доступной.

К. Покровскій.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ
ЖУРНАЛА
„МІРЪ БОЖІЙ".
Сентябрь. 1900 г.

Содержаніе:—Исторія литературы.—Юридическія науки.—Политическая экономія.—Соціологія.—Антропологія.—Народныя изданія. — Новости иностранной литературы.

ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

«Остафьевскій архивъ князей Вяземскихъ».

Остафьевскій архивъ князей Вяземскихъ. Томы I, II, III и IV. Спб. 1899. Изд. гр. С. Д. Шереметева, подъ редакціей и съ примѣчаніями В. И. Саитова. Архивъ князей Вяземскихъ, хранящійся въ подмосковномъ селѣ Остафьевѣ, давно уже извѣстенъ богатыми матеріалами, касающимися жизни и литературной дѣятельности знаменитѣйшихъ русскихъ писателей первой половины XIX вѣка. Часть этихъ матеріаловъ уже опубликована, главнымъ образомъ, въ «Русскомъ Архивѣ», начиная съ 1860-хъ годовъ. Въ послѣднее время гр. С. Д. Шереметевъ, издавшій двѣнадцать томовъ сочиненій кн. П. А. Вяземскаго, приступилъ къ систематическому опубликованію хранящейся въ Остафьевскомъ архивѣ переписки, достигающей огромныхъ размѣровъ. Въ сборникѣ «Старина и Новизна» напечатаны письма Карамзина и Дмитріева къ кн. П. А. Вяземскому съ примѣчаніями П. П. Барсукова; первые четыре тома «Остафьевскаго архива» заключаютъ переписку кн. П. А. Вяземскаго съ А. И. Тургеневымъ, обнимающую время съ 1812 до 1845 года. Благодаря интимному характеру переписки, въ ней черезчуръ много удѣлено мѣста разнаго рода административнымъ, литературнымъ, великосвѣтскимъ и всякаго рода житейскимъ мелочамъ.

Но среди этихъ мелочей нерѣдко попадаются очень важныя и, во всякомъ случаѣ, не лишенныя общаго интереса мѣста. Такъ, напр., разбираемая переписка представляетъ важный матеріалъ для ознакомленія съ эволюціей общественно-политическихъ взглядовъ кн. Вяземскаго. Въ царствованіе императора Александра I кн. Вяземскій былъ отчаяннѣйшимъ «либералистомъ» Онъ принималъ главное участіе въ переводѣ съ французскаго на русскій языкъ знаменитой рѣчи императора Александра I при открытіи варшавскаго сейма 1818 года,—той самой рѣчи, которая «обдала *законоположительнымъ* паромъ православный народъ», и послѣ которой «все заговорило языкомъ *законносвободнымъ*» (Ост. арх. I, 105). Самъ кн. Вяземскій вполнѣ раздѣлялъ взгляды императора и находилъ нужнымъ приставить «въ дядьки правительству представительство народное» (I, 204). «Неужели,—восклицалъ онъ патетически въ 1819 году—не взойдетъ при жизни моей та заря, которая одна можетъ призвать меня на землю родную? Клянусь, солнце рабства не будетъ палить меня губительнымъ своимъ лучомъ» (I, 353—354). «Боже мой,— писалъ онъ въ слѣдующемъ году,—когда проглянешь ты, день спасенія? Когда скажу себѣ: въ Россіи русскому жить можно: онъ имѣетъ въ немъ отечество?» (II, 10). Въ томъ же году онъ говорилъ о необходимости выкупиться изъ

«алжирскаго рабства»: «или промотаемъ все, что есть недвижимаго на совѣсти и на душѣ» (II, 69).

Не менѣе страстно относился князь Вяземскій и къ существованію крѣпостного права. Какъ извѣстно, его имя находится въ числѣ подписавшихъ записку, поданную въ 1820 г. императору о дозволеніи помѣщикамъ самимъ приступить къ разрѣшенію вопроса объ освобожденіи крестьянъ. Въ письмѣ къ Тургеневу кн. Вяземскій называетъ это предпріятіе «святымъ и великимъ дѣломъ». «Тамъ, гдѣ учатъ грамотѣ,—писалъ онъ въ началѣ 1820 года, — тамъ отъ большого количества народа не скроешь, что рабство—уродливость, и что свобода, коей они лишены, такъ же неотъемлемая собственность человѣка, какъ воздухъ, вода и солнце. Тиранство могло пустить по міру одного Велизарія, но выколоть глаза цѣлому народу—вещь невозможная». «Рабство,—говорится въ томъ же письмѣ,—на тѣлѣ государства Россійскаго наростъ»; и наростъ этотъ, по мнѣнію кн. Вяземскаго, долженъ быть срѣзанъ ранѣе, чѣмъ самъ народъ топоромъ разрубитъ связывающія его путы. Уничтоженіе крѣпостного права, говорится далѣе, необходимо и для внутренняго спокойствія, и для дальнѣйшаго развитія благосостоянія Россіи. «Рабство—одна революціонная стихія, которую имѣемъ въ Россіи. Уничтоживъ его, уничтожимъ всякіе предбудущіе замыслы... Посмотрите, какъ нравственно разживется государство, какъ дышать свободно оно будетъ, отдѣлавшись отъ этого зоба, который даетъ Россіи видъ настоящаго кретина! Все прочее придетъ само собою» (II, 15—16). Обсуждая европейскія событія, кн. Вяземскій яростно громитъ политическіе конгрессы, называя ихъ «заговорами самодержавія противъ представительнаго правленія» (II, 92); онъ готовъ даже оправдать «насильственныя мѣры народовъ», когда «правительства кривятъ душою и путаются» (II, 49—50). Агрессивная политика священнаго союза измѣняетъ и отношеніе кн. Вяземскаго къ императору Александру I. Въ 1814 г. онъ восторгался «прекрасною и безпримѣрною ролью» русскаго царя, считая цѣлью его побѣдъ «завоеваніе свободы и счастья царей и царствъ» (I, 20—21); а въ 1820-хъ г.г. онъ называетъ его «сентиментальнымъ путешественникомъ», ставитъ его ниже Наполеона и упрекаетъ за пристрастіе къ парадамъ, за «двуличное поведеніе и за всегда зыблющееся направленіе мыслей и правилъ» и т. д. (см. II, 166).

Оцѣнивая, съ точки зрѣнія «либералиста», событія внутренней и внѣшней политики, кн. Вяземскій прилагаетъ то же мѣрило и въ области литературы. Главная задача поэзіи, по его мнѣнію,—борьба за свободу; идеальнымъ поэтомъ въ его глазахъ является Байронъ. «Душа, свидѣтельница настоящихъ событій, видя эшафоты, которые громоздятъ для убіенія народовъ, для зарѣзанія свободы, не должна и не можетъ теряться въ идеальности Аркадіи... Поэту должно иногда искать вдохновенія въ газетахъ. Прежде поэты терялись въ метафизикѣ; теперь *чудесное*, сей великій помощникъ поэзіи, на землѣ. Парнассъ въ Лайбахѣ» (II, 170—171). Такъ писалъ кн. Вяземскій въ 1821 г., выражая свое недовольство, что Жуковскій не хочетъ идти по стопамъ Байрона. Краснорѣчіе не должно отставать отъ поэзіи, оно также «должно быть не кадильницею благовонною, а мечомъ, посвященнымъ на защиту истины и притѣсненныхъ и на укараніе лжи и притѣснителей» (II, 183).

«У каждаго свое честолюбіе,—писалъ кн. Вяземскій въ 1821 г.,—мое—прослыть волонодумцемъ въ понятіи рабски-думцевъ» (II, 176). Желаніе это скоро исполнилось. Письма кн. Вяземскаго нашли постороннихъ читателей, и онъ былъ удаленъ изъ Варшавы. Хотя гроза 14-го декабря и не задѣла кн. Вяземскаго, но онъ остался подъ сильнымъ подозрѣніемъ какъ за свои политическія убѣжденія, такъ и за свою частную жизнь. «Исповѣдь», написанная въ 1829 году и представленная при содѣйствіи Жуковскаго императору

Николаю I, примирила кн. Вяземскаго съ правительствомъ. «Вольнодумецъ» превратился въ вице-директора департамента внѣшней торговли и не замедлилъ распроститься съ либерализмомъ двадцатыхъ годовъ. Въ 1833 г. мы слышимъ отъ него такія вполнѣ «благонамѣренныя рѣчи»: «Вѣковые дубы—твореніе рукъ Божіихъ и садовника Божьяго—времени; его не перегонишь, какія теплицы ни затѣивай, а наше человѣческое дѣло—строить лачужки». Какъ бы въ оправданіе перемѣны въ своихъ воззрѣніяхъ, кн. Вяземскій прибавляетъ: «Въ лѣтахъ молодости и мы должны имѣть жаръ, запальчивость, рѣзкость, односторонность, исключительность газеты, въ лѣтахъ опыта—хладнокровіе, самопознаніе, судъ, но и безстрастность исторіи» (III, 250). «Съ однѣми книжками и чужими выкройками толку не доберешься,—пишетъ онъ въ 1836 г.—Не забывай, что Россія не государство, а міръ; міръ же управляется не бузусловною системою, а Провидѣніемъ» (III, 308). Но особенно характерно для бывшаго «либералиста» его отношеніе къ французскому парламентаризму. Онъ ругаетъ оппозицію за то, что она «avilit le gouvernement représentatif par l'odieux et ridicule spectacle qu'elle donne a l'Europe (вызываетъ презрѣніе къ представительному правленію гнуснымъ и смѣшнымъ зрѣлищемъ, разыгрываемымъ передъ Европой). Въ палатѣ депутатовъ французы, по заявленію кн. Вяземскаго, «опьяняютъ себя словами, самохвальствомъ и тщеславіемъ», и «наиболѣе пьяные буяны предписываютъ остальнымъ законы» (IV, 306—307).

Какъ истый консерваторъ, кн. Вяземскій становится въ опозицію ко всякаго рода новшествамъ. Онъ высказывается, напр., противъ желѣзныхъ дорогъ, а также противъ тюремныхъ улучшеній, потому что «тюрьма должна быть пугаломъ, и если не адомъ безнадежнымъ, то, по крайней мѣрѣ, строгимъ чистилищемъ». «Заводить въ тюрьмахъ школы нравственности есть несбыточное требованіе». По мнѣнію кн. Вяземскаго, это не что иное, какъ «вредное умничанье и вредная филантропоманія» (IV, 172). Осмотрительность бывшаго «вольнодумца» доходитъ до того, что ему не нравится все, что напоминаетъ «кукишъ въ карманѣ», хотя бы это были точки въ статьѣ Шевырева. Замѣтный поворотъ произошелъ и въ отношеніяхъ кн. Вяземскаго къ освобожденію крестьянъ. «Конечно,—писалъ онъ въ 1845 г.,—крѣпостное состояніе есть во многихъ отношеніяхъ зло, а освобожденіе—прекрасная цѣль; но почеркомъ пера вымарать первое слово изъ гражданскаго словаря и золотомъ вырѣзать на мѣсто его другое—ничего не значитъ, то-есть, совершенно недостаточно». Указавъ на бѣдственное состояніе свободныхъ крестьянъ въ Лифляндіи и Ирландіи и на заботы правительства и помѣщиковъ о прокормленіи русскихъ крестьянъ въ голодные годы, кн. Вяземскій продолжаетъ: «Изъ моихъ словъ не слѣдуетъ, что рабство есть лучшее состояніе; но слѣдуетъ, что и свобода не есть универсальное лѣкарство». Въ то время, какъ вопросъ объ освобожденіи крестьянъ обсуждался въ правящихъ сферахъ, кн. Вяземскій находилъ это «святое и великое дѣло» преждевременнымъ. Еще до февральской революціи ему казалось опаснымъ «напустить на Россію десять милліоновъ пролетеровъ», т. е. пролетаріевъ (IV, 340). Вообще, подъ старость кн. Вяземскимъ, говоря словами Н. И. Тургенева, «овладѣло то благоразуміе, которое скорѣе можно назвать разсчетливостью и инстинктомъ нѣкотораго, ими самими едва понимаемаго, эгоизма, и которое не только влечетъ людей на сторону, если не выгодъ позитивныхъ, то негативныхъ, на сторону матеріальнаго спокойствія. Чувствуя трудъ борьбы со зломъ, они заключаютъ миръ со зломъ и незамѣтно для нихъ самихъ дѣлаются врагами добра» (IV, 244).

Изъ лицъ, о которыхъ особенно часто упоминается въ разбираемой переепискѣ, нужно упомянуть Карамзина, Жуковскаго, Пушкина, Батюшкова (по поводу его болѣзни), Дмитріева, Гоголя, Чаадаева (по поводу его знаменитаго

письма) и цѣлый рядъ другихъ. Относительно Пушкина сыномъ кн. П. А. Вяземскаго еще двадцать лѣтъ тому назадъ были напечатаны въ газетѣ «Берегъ» извлеченія изъ семейнаго архива; но кн. П. П. Вяземскій далеко не использовалъ всего матеріала *). Приведемъ нѣкоторыя мѣста, имѣющія отношеніе къ Пушкину. Въ письмѣ 1818 г. Тургеневъ сообщаетъ о причинѣ опасной болѣзни Пушкина, причинѣ, не дѣлающей чести его цѣломудрію (I, 253). Въ 1820 г. (5-го мая) Тургеневъ пишетъ: «Участь Пушкина рѣшена. Онъ завтра отправляется курьеромъ къ Инзову и останется при немъ... Онъ сталъ тише и даже скромнѣе et, pour ne pas se compromettre. (и чтобы не компрометировать себя), даже и меня въ публикѣ избѣгаетъ» (II, 37). Въ письмѣ отъ 30-го мая 1822 г. кн. Вяземскій сообщаетъ о кишиневскихъ дуэляхъ Пушкина и о его плачевномъ положеніи: «онъ, сказываютъ, пропадаетъ отъ тоски, скуки и нищеты» (II, 257) Въ письмѣ кн. Вяземскаго отъ 27-го сентября 1822 г. мы находимъ очень характерный и знаменательный протестъ противъ воинственныхъ увлеченій Пушкина, сказавшихся въ эпилогѣ «Кавказскаго плѣнника». «Мнѣ жаль,—писалъ кн. Вяземскій, что Пушкинъ окровавилъ послѣдніе стихи своей повѣсти. Что за герой Котляревскій, Ермоловъ? Что тутъ хорошаго, что онъ, *какъ черная зараза, губилъ, ничтожилъ племена?* Отъ такой славы кровь стынетъ въ жилахъ, и волосы дыбомъ становятся... Поэзія не союзницъ палачей... Гимны поэта не должны бытьни когда славословіемъ рѣзни. Мнѣ досадно на Пушкина: такой восторгъ—настоящій анахронизмъ» (II, 274—275). Съ этими замѣчаніями, конечно, согласился и Тургеневъ. Изъ писемъ Тургенева мы узнаемъ, что переводомъ своимъ на службу къ Воронцову Пушкинъ обязанъ Тургеневу. «Онъ беретъ его къ себѣ отъ Инзова—пишетъ Тургеневъ о Воронцовѣ, и будетъ употреблять, чтобы спасти его нравственность, а таланту дать досугъ и силу развиться» (II, 328, ср. II, 333—334). Тургеневъ же вмѣстѣ съ Сѣверинымъ выбрали для Пушкина и другого «мецената-начальника» въ лицѣ маркиза Паулуччи. Удаленіе Пушкина изъ Одессы взвалo разнесшійся по Петербургу слухъ, что поэтъ застрѣлился (III, 58), а ссылка его въ село Михайловское привела кн. Вяземскаго въ сильнѣйшее негодованіе. «Кто творецъ этого безчеловѣчнаго убійства? Или не убійство заточить пылкаго, кипучаго юношу въ деревнѣ русской»? (III, 74). Вяземскій боялся, что Пушкинъ сопьется, но его опасенія, къ счастью, не оправдались. Во время пребыванія Пушкина въ селѣ Михайловскомъ онъ вызвалъ сильный гнѣвъ своего стараго покровителя А. И. Тургенева, въ руки котораго попалась эпиграмма поэта на «Исторію» Карамзина. «Похваливъ талантъ Пушкина,—писалъ Тургеневъ,—я не меньше, особливо съ нѣкотораго времени, чувствую омерзеніе къ лицу его. Въ немъ нѣтъ никакого благородства. По душѣ онъ для меня хуже Булгарина» (см. III, 117). Впрочемъ, гнѣвъ Тургенева скоро утихъ, когда онъ узналъ, что эпиграмма на Карамзина—грѣхъ юности Пушкина. Что касается катастрофы, лишившей Россію великаго поэта, то объ этомъ въ перепискѣ Тургенева и кн. Вяземскаго нѣтъ никакихъ указаній. Упоминается, что въ 1835 г. Пушкины собирались на нѣсколько лѣтъ въ деревню, но ставится это обстоятельство въ связь съ тѣмъ, что поэтъ «въ пухъ проигрался» (III, 282).

Жуковскій подвергается въ письмахъ кн. Вяземскаго нападкамъ за сближеніе съ дворомъ. Тургеневъ же защищалъ своего друга и еще въ 1821 г. сдѣлалъ блистательно оправдавшееся впослѣдствіи заявленіе, что поэтъ «не пропадетъ ни для друзей, ни для Россіи». Въ одномъ письмѣ 1825 г. Тургеневъ сообщаетъ интересныя свѣдѣнія о томъ, какъ добросовѣстно и усердно

*) «А. С. Пушкинъ по документамъ Остафьевскаго архива и личнымъ воспоминаніямъ». Перепечатано въ «Собраніи сочиненій кн. П. П. Вяземскаго». Спб. 1893 г.

готовился Жуковскій въ воспитатели будущаго Царя Освободителя. «Онъ, право, сдѣлался великимъ педагогомъ. Сколько прочелъ дѣтскихъ и учебныхъ книгъ! Сколько написалъ плановъ и самъ обдумалъ нѣкоторые! Выучился географіи, исторіи и даже ариѳметикѣ. Шутки въ сторону: онъ вложилъ свою душу даже въ грамматику и свое небо перенесъ въ систему міра, которую объясняетъ своему малюткѣ. Онъ сдѣлалъ изъ себя какого то дѣтскаго Аристотеля и знаетъ теперь все, чему прежде учился; но знаетъ по своему и передаетъ сіи знанія также по особеннымъ, имъ изобрѣтеннымъ или найденнымъ въ другихъ, методамъ» (Ш, 106). Педагогическая дѣятельность Жуковскаго не оставляла свободнаго времени для литературныхъ занятій, что также вызывало неудовольствіе кр. Вяземскаго. Въ 1824 г. онъ выражалъ странную надежду, что смерть Байрона должна была пробудить «окаменѣвшій геній» Жуковскаго. Когда же эта надежда не оправдалась, и кромѣ того кн. Вяземскій узналъ, что обязанности воспитателя наслѣдника претили его другу несовмѣстимыми съ литературными занятіями, онъ сталъ убѣждать Жуковскаго завести, по крайней мѣрѣ, «фабрику переводовъ всѣхъ лучшихъ иностранныхъ твореній, новыхъ и старыхъ».

Ограничиваясь приведенными выдержками изъ «Остьфьевскаго архива», замѣтимъ, что трудно найти въ русской и даже въ иностранной литературѣ первой половины XIX вѣка сколько-нибудь извѣстное имя, которое не упоминалось бы въ перепискѣ кн. Вяземскаго и А. И. Тургенева. Цѣнность этого изданія возрастетъ еще болѣе, когда выйдутъ обѣщанные ко всѣмъ томамъ примѣчанія и указатели, которые пока приложены только къ I т. Примѣчанія эти занимаютъ около половины тома и, независимо отъ текста, представляютъ не мало цѣнныхъ матеріаловъ. Тамъ, между прочимъ, перепечатаны варшавскія рѣчи императора Александра I (въ русскомъ переводѣ) и помѣщенъ цѣлый рядъ сжатыхъ, по содержательнымъ біографическихъ очерковъ упоминаемыхъ въ перепискѣ лицъ, какъ русскихъ, такъ и иностранцевъ.

С. Ашевскій.

ЮРИДИЧЕСКІЯ НАУКИ.

В. Фалинскій-Литвиновъ. «Фабричное законодательство и фабричная инспекція».

В. П. Фалинскій-Литвиновъ. Фабричное законодательство и фабричная инспекція въ Россіи. Спб. 1900 г. Законодательство, имѣющее въ виду положеніе рабочихъ, если и не исчерпываетъ всей совокупности законодательныхъ мѣръ, направленныхъ къ регламентаціи фабрично-заводской промышленности, то составляетъ самую важную, самую жизненную часть ихъ. Авторъ выше озаглавленной книги и ограничиваетъ свою задачу разсмотрѣніемъ этого рабочаго законодательства, которое соотвѣтственно особенному росту нашей промышленности въ послѣднее время, получило съ начала восьмидесятыхъ годовъ значительное развитіе и стоитъ передъ разрѣшеніемъ цѣлаго ряда новыхъ насущныхъ вопросовъ въ этой области. Полный обзоръ того, что уже сдѣлано въ этомъ направленіи, безспорно имѣетъ свою цѣнность, даже оставляя въ сторонѣ, какъ это дѣлаетъ авторъ, вопросъ о практическомъ значеніи нашего фабричнаго законодательства, о тѣхъ измѣненіяхъ, которыя дѣйствительно внесло оно въ положеніе рабочихъ. Авторъ обѣщаетъ посвятить этому вопросу особое изслѣдованіе, пока же даетъ, во-первыхъ, историческій очеркъ нашего фабричнаго законодательства, во-вторыхъ, изложеніе нынѣ дѣйствующихъ въ этой области законовъ, и, наконецъ, въ третьей части книги подвергаетъ спеціальному разсмотрѣнію органы надзора за примѣненіемъ фабричныхъ законовъ и правилъ, т. е. фабричную инспекцію, ея учрежденіе, организацію и функцію.

Авторъ утверждаетъ, что той стадіи развитія промышленности, которая предполагаетъ крупное машинное производство, многочисленный обособленный рабочій классъ, раздѣленіе труда и спеціализаціи профессій, свойственны многія ненормальности въ положеніи рабочихъ, какъ-то: пользованіе трудомъ дѣтей, подростковъ и женщинъ къ явному ущербу для ихъ здоровья и развитія, чрезмѣрное удлиненіе продолжительности рабочаго дня, увеличеніе опасности производствъ для здоровья и жизни рабочихъ и пр.

Въ устраненіе этихъ ненормальностей, практика жизни указываетъ два пути: путь самодѣятельности и самопомощи рабочихъ, проявляющійся въ учрежденіи товариществъ различнаго рода, вспомогательныхъ кассъ и, главнымъ образомъ, рабочихъ союзовъ и путь государственнаго вмѣшательства въ сферу отношеній хозяевъ и рабочихъ, государственной регламентаціи положенія рабочихъ. Констатируя огромное значеніе рабочихъ союзовъ и нѣкоторые успѣхи, достигнутые на первомъ пути рабочими въ Англіи, авторъ признаетъ, что для разрѣшенія многихъ важнѣйшихъ сторонъ рабочаго вопроса только послѣдній путь, т. е. путь государственнаго вмѣшательства, представляется единственно правильнымъ. Что касается Россіи, то, по мнѣнію его, «важнѣйшіе вопросы, выдвинутые нашей промышленностью, были разрѣшены законодательнымъ путемъ безъ всякой борьбы между рабочими и нанимателями въ западно-европейскомъ смыслѣ этого слова. Проявленія рабочими недовольства, выражавшіяся въ стачкахъ, волненіяхъ и безпорядкахъ, имѣли въ этомъ отношеніи значеніе лишь постольку, поскольку они обращали на ненормальныя стороны въ положеніи рабочихъ вниманіе правительства, которое и принимало на себя заботы объ устраненіи ихъ» (XVIII).

Исторію правительственныхъ мѣропріятій въ области фабричнаго законодательства авторъ дѣлитъ на два періода: періодъ подготовительныхъ работъ, заключившійся 12 го мая 1880 г., Высоч. утв. мнѣніемъ Государственнаго Совѣта о порядкѣ направленія этого рода законодательной дѣятельности, и послѣдующій періодъ, давшій рядъ важныхъ законодательныхъ актовъ. Первый періодъ разсматривается авторомъ далеко не съ достаточной полнотой, хотя важность его для дальнѣйшихъ работъ въ разсматриваемомъ вопросѣ неоднократно указывается авторомъ. Къ числу пробѣловъ должно быть отнесено то, что авторъ въ спеціальномъ изслѣдованіи не упоминаетъ объ изданіи 7-го августа 1845 г. Высочайше утвержденнаго положенія комитета министровъ, запретившаго ночную работу на фабрикахъ малолѣтнимъ до 12-ти-лѣтняго періода,—законѣ, хотя и не имѣвшемъ никакого практическаго значенія, но имѣвшемъ значеніе принципіальное и во всякомъ случаѣ интересномъ съ исторической точки зрѣнія. Не упоминаетъ также авторъ и о другихъ постановленіяхъ, вышедшихъ въ томъ же 1845 г. и имѣвшихъ уже реальное значеніе: въ нѣкоторыхъ статьяхъ «Уложенія о наказаніяхъ», значительно усиливавшихъ наказаніе за рабочія волненія. Авторомъ оставлены безъ вниманія весьма характерные для движенія вопроса проекты кн. Голицына, Щербатова и Закревскаго, умолчаніе о которыхъ врядъ ли можетъ оправдываться тѣмъ, что то были лишь проекты. такъ какъ всѣ работы того періода по разсматриваемому предмету не получили законодательнаго осуществленія.

Съ большей подробностью разсматриваетъ авторъ исторію тѣхъ законоположеній, которыя были изданы начиная съ 1882 г., касаясь тѣхъ причинъ и поводовъ, которые вызывали необходимость принятія той или другой мѣры, и выясняя тѣ начала, которыя положены были законодательною властью въ основаніе принятыхъ мѣръ. Въ исторической ихъ послѣдовательности законы эти суть слѣдующіе: 1-го іюня 1882 г. о работѣ малолѣтнихъ и объ учрежденіи фабричной инспекціи, 3-го іюня 1885 г. о воспрещеніи ночной работы подростковъ и женщинъ, 3-го іюня 1886 г. о наймѣ рабочихъ и о взаимныхъ отноше-

ніяхъ фабрикантовъ и рабочихъ, 24-го апрѣля 1890 г. о работѣ малолѣтнихъ, подростковъ и женщинъ (законъ, изданный въ дополненіе и измѣненіе законовъ 1882 и 1885 г.), 14-го марта 1894 г. о преобразованіи фабричной инспекціи, 2-го іюня 1897 г. о продолжительности и распредѣленіи рабочаго времени въ заведеніяхъ фабрично-заводской и горной промышленности и 7-го іюня 1899 г. о преобразованіи фабричныхъ присутствій и объ учрежденіи главнаго по фабричнымъ и горнозаводскимъ дѣламъ присутствія. Каждый изъ этихъ законовъ разсматривается авторомъ отдѣльно, исключая всего, что касается фабричной инспекціи и что отнесено въ третью часть книги

Въ одномъ, но весьма существенномъ, отношеніи изложеніе автора даетъ не вполнѣ вѣрное представленіе о характерѣ историческаго развитія нашего фабричнаго законодательства. Въ немъ отнюдь нельзя видѣть непрерывный поступательный ростъ государственнаго воздѣйствія въ смыслѣ огражденія интересовъ, жизни и здоровья рабочихъ, какъ это можно заключить изъ изложенія, принятаго авторомъ. Напротивъ, послѣ каждаго рѣшительнаго шага въ законодательствѣ, можетъ быть отмѣчено отклоненіе къ прежнимъ порядкамъ, осуществляемое путемъ административныхъ мѣръ, дополнительныхъ правилъ и инструкцій къ примѣненію закона. Такъ было съ закономъ 1847 г., такъ и съ другими законами. Излагая жалобы фабрикантовъ и учрежденій, преслѣдующихъ ихъ интересы, преимущественно московскаго района, на вліяніе законовъ 1885 и 1886 г., авторъ напрасно утверждаетъ, что жалобы эти не привели къ результатамъ, желательнымъ московскимъ представителямъ промышленности. Актъ 24-го апрѣля 1890 г., путемъ изъятій и расширенія административнаго усмотрѣнія фабричной инспекціи, разрѣшалъ работу малолѣтнихъ, женщинъ и подростковъ при извѣстныхъ условіяхъ, устраняя тѣмъ ограниченія, внесенныя законами 1882 и 1885 г. И это становится вполнѣ понятнымъ, если обратиться къ разсмотрѣнію условій, при которыхъ возникали тѣ или иныя мѣры. Согласно выводамъ автора, «наше фабричное законодательство вызвано нуждами мануфактурной промышленности и событіями, имѣвшими мѣсто въ этой отрасли промышленности. Законы, регулирующіе рабочее время (акты 1882, 1885, 1897 г.г.) явились результатомъ борьбы представителей петербургской и лодзинской мануфактурной промышленности съ представителями московскаго района»,— борьбы, «вызванной, главнымъ образомъ, экономическими условіями положенія этой отрасли промышленности въ различныхъ районахъ» (стр. 122). Причины, побуждавшія петербургскихъ фабрикантовъ являться въ своихъ ходатайствахъ сторонниками государственнаго вмѣшательства въ сферу отношеній хозяевъ и рабочихъ, вполнѣ выяснены авторомъ. Законъ 3-го іюня, будучи вызванъ безпорядками, произведенными рабочими, имѣлъ цѣлью охрану порядка и поддержаніе спокойствія среди рабочихъ. Отвѣчая этой цѣли, постановленія этого закона носятъ административно-полицейскій характеръ. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ интересы промышленности отдѣльныхъ важнѣйшихъ районовъ оказывали свое вліяніе на развитіе и примѣненіе законовъ, изданныхъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ и подъ давленіемъ извѣстныхъ интересовъ.

Если, какъ утверждаетъ авторъ, «при выработкѣ основныхъ нормъ продолжительности и условій работы, главнымъ образомъ, были приняты соображенія возможно меньшаго стѣсненія работъ самихъ промышленныхъ заведеній, а не столько соображеній, гигіеническо-санитарнаго свойства, которыя собственно и должны были бы лечь въ основаніе постановленій, регулирующихъ работу малолѣтнихъ, подростковъ и дѣтей» (стр. 275), то это вполнѣ отвѣчаетъ общей отсталости нашего фабричнаго законодательства въ дѣлѣ охраны жизни и здоровья рабочихъ. Въ этомъ отношеніи, по словамъ автора, «у насъ почти ничего не сдѣлано». Въ 1894 г. при министерствѣ финансовъ, подъ предсѣдательствомъ Ю. А. Ольхина была учреждена особая коммиссія по этому предмету, которая

и выработала «Положеніе объ устройствѣ и содержаніи промышленныхъ заведеній и надзорѣ за производствомъ въ нихъ работъ». Но «Положеніе» это законодательной санкціи еще не получало и улучшеніе условій труда по прежнему предоставлено разрозненной дѣятельности фабричныхъ присутствій, не снабженныхъ, однако, къ тому никакими дѣйствительными полномочіями и правами. Также неудовлетворительно урегулированы врачебная помощь рабочимъ и обезпеченіе увѣчныхъ и престарѣлыхъ, въ то время, какъ вспомогательныя кассы и другія подобнаго рода учрежденія для рабочихъ испытываютъ въ своемъ развитіи затрудненія. Все это побуждаетъ автора высказать заключеніе: «различныя стороны положенія рабочихъ настолько разнообразны и сложны, что далеко не всѣ могутъ подлежать правительственной регламентаціи и частной инииціативы, а также и самопомощи рабочихъ долженъ быть открытъ широкій просторъ» (стр. 252).

Но еще менѣе можетъ что-либо сдѣлать правительственная регламентація въ вопросѣ объ установленіи того уровня заработной платы, который отвѣчаетъ болѣе или менѣе нормальнымъ условіямъ жизни рабочаго и его семьи. Разсматривая наемъ, какъ свободное соглашеніе сторонъ, законодательство мало считается съ дѣйствительностью, не обнаруживающей этой свободы. «Рабочіе въ громадномъ большинствѣ случаевъ, не смотря на право свободнаго передвиженія, фактически находятся въ полной зависимости отъ работодателей». При выработкѣ условій найма наниматели въ большинствѣ случаевъ руководствуются лишь матеріальными интересами, прямо противоположными интересамъ рабочихъ (стр. 272—273). Соблюденіе даже этихъ условій не обставлено никакою отвѣтственностью фабриканта передъ закономъ, касающимся условій соблюденія договора лишь своими карательными постановленіями о стачкахъ и досрочномъ уходѣ рабочаго, направленными слишкомъ односторонне. За досрочное увольненіе рабочаго фабрикантъ не подвергается никакой отвѣтственности, а можетъ быть присужденъ судомъ лишь къ уплатѣ рабочему извѣстнаго вознагражденія, а между тѣмъ рабочій за такой же поступокъ подвергается аресту (стр. 270). Между тѣмъ разсмотрѣніе причинъ недоразумѣній въ фабричной средѣ,—говоритъ авторъ,—приводитъ къ заключенію, что большинство ихъ проистекаетъ въ настоящее время изъ-за заработной платы. Законъ долженъ бы былъ создать такія формы, въ которыя могли бы выливаться и желанія рабочихъ при наймѣ ихъ. По отношенію къ установленію основаній разсчетовъ съ рабочими могъ бы быть выработанъ такой порядокъ, по которому основанія эти должны были бы свидѣтельствоваться органами фабричнаго надзора лишь по предъявленіи ихъ рабочимъ и изъявленія ихъ согласія на предложенныя условія (стр. 274). Вотъ здѣсь-то опытъ другихъ странъ и указываетъ незамѣнимое значеніе профессіональныхъ рабочихъ союзовъ, которые въ лицѣ своихъ представителей и подъ контролемъ фабричной инспекціи опредѣляютъ различныя стороны, относящіяся къ заработной платѣ способы расплаты, табели и разцѣнки сроки выдачи и проч. съ той подробностью и соотвѣтствіемъ съ условіями даннаго производства, которыя недоступны никакому законодательству или административному предписанію, предупреждая тѣмъ всѣ дальнѣйшіе поводы къ недовольству условіямъ договора.

Организаціи фабричнаго надзора авторъ посвящаетъ подробное изслѣдованіе, придавая ему вполнѣ справедливо крайне важное значеніе въ успѣшной дѣятельности самого фабричнаго законодательства. Въ общемъ, авторъ полагаетъ, что наша фабричная инспекція отвѣчаетъ самымъ строгимъ требованіямъ, какъ по личному составу, такъ и по характеру дѣятельности.

Воспрещеніе фабричнымъ инспекторамъ принимать какое бы то ни было участіе въ промышленныхъ и торговыхъ предпріятіяхъ дѣлаетъ ихъ вполнѣ независимыми. Но здѣсь не менѣе важна также и независимость и отъ дру-

скихъ, бюрократическихъ вліяній. Нежелательнымъ также представляется направленіе дѣятельности органовъ надзора преимущественно на техническія задачи, въ родѣ осмотра котловъ, что именно и поручено нашимъ законодательствомъ фабричнымъ инспекторамъ, обусловливая тѣмъ обязательность для нихъ техническаго образованія. Инспектору могутъ и должны быть предоставлены болѣе высокія и цѣнныя функціи, чѣмъ техническія и чисто полицейскія функціи—посредничество между интересами хозяевъ и рабочихъ. Но при этомъ слѣдуетъ, однако, имѣть въ виду, что,—какъ указываетъ г Геркнеръ,—безъ организованныхъ сношеній общеніе между органами инспекціи и рабочими остается довольно ограниченнымъ. Надлежащая степень общенія можетъ быть достигнута лишь при посредствѣ профессіональныхъ организацій рабочихъ. Профессіональные союзы иногда учреждаютъ спеціальные комитеты, на которыхъ лежитъ обязанность доводить до свѣдѣнія инспекторовъ случаи нарушенія законовъ. *М. П—въ.*

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

К. Каутскій «Аграрный вопросъ».—*Ф. Гертцъ.* «Аграрный вопросъ»,—*П. Арндтъ.* «Экономическія послѣдствія превращенія Германіи въ промышленную страну».

К. Каутскій. **Аграрный вопросъ. Переводъ съ нѣмецкаго И. Андреева и В. Либяна. Редакція Д. Протопопова. Изданіе т-ва «Знаніе» (Спб. Невскій, 92). Харьковъ. 1900 г. Цѣна 1 р. 50 к.** Новѣйшія данныя по аграрной статистикѣ различныхъ странъ съ несомнѣнностью доказали фактъ устойчивости мелкаго и средняго хозяйства въ земледѣліи. Какъ же объяснить это странное, повидимому, явленіе, совершенно не укладывающееся въ рамки обычнаго представленія о роли и значеніи крупнаго и мелкаго производства? И теорія, и, еще болѣе, практика настойчиво требовали отвѣта на этотъ вопросъ. Лежащая передъ нами книга Каутскаго и является одной изъ наиболѣе крупныхъ и полныхъ попытокъ дать не противорѣчивое и согласное съ марксистской теоріей объясненіе эволюціи сельскохозяйственныхъ отношеній.

Точка зрѣнія Каутскаго достаточно полно и ярко характеризуется слѣдующими его словами: «мнѣніе, будто сохраненіе мелкаго производства является слѣдствіемъ его способности конкурировать съ крупнымъ, совершенно ошибочно. Сохраненіе мелкаго производства есть слѣдствіе того, что оно перестаетъ быть конкурентомъ крупнаго, что роль его, какъ продавца сельскохозяйственныхъ продуктовъ, производимыхъ рядомъ съ нимъ крупнымъ производствомъ, теряетъ всякое значеніе. Оно перестаетъ играть эту роль тамъ, гдѣ рядомъ съ нимъ развивается крупное капиталистическое производство. Тамъ оно превращается изъ *продавца* въ покупателя продуктовъ «въ изобиліи производимыхъ» крупнымъ производствомъ; но товаръ создаваемый въ изобиліи имъ самимъ, есть именно то средство производства, въ которомъ наиболѣе нуждается крупное производство. Этотъ товаръ—*рабочая сила.* Гдѣ дѣло обстоитъ такимъ образомъ, тамъ, въ сельскомъ хозяйствѣ, крупное и мелкое производство не исключаетъ одно другое, тамъ они обусловливаютъ другъ друга, какъ капиталистъ и пролетарій, но тамъ же мелкій сельскій хозяинъ все болѣе принимаетъ характеръ послѣдняго». (стр. 139).

Но этотъ выводъ Каутскаго, отрицающій чутъ ли не всякое положительное самостоятельное значеніе за мелкимъ производствомъ, далеко не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Критика достаточно подробно доказала это; она доказала что выводъ этотъ самое большое имѣетъ значеніе лишь для опредѣленныхъ и очень ограниченныхъ районовъ; она показала, далѣе что мелкое хозяйство (не говоря

уже о среднемъ) дѣлаетъ рядъ положительныхъ усилій, которыя выражаются во все растущемъ примѣненіи различныхъ машинъ, удобренія и вообще усовершенствованныхъ методовъ производства. Она показала также, что оцѣнка Каутскимъ различныхъ хозяйственныхъ моментовъ слишкомъ *абстрактна*, и, поэтому, далеко не даетъ правильнаго представленія о реальныхъ явленіяхъ.

Такой характеръ носятъ, напр., его сужденія о техническомъ превосходствѣ крупнаго производства, о кооперативномъ началѣ въ земледѣліи.

Но Каутскій, вполнѣ согласно съ своимъ общимъ міросозерцаніемъ, далекъ и отъ мысли считать крупное земледѣльческое производство вполнѣ устойчивымъ, при существующихъ капиталистическихъ отношеніяхъ. Обезлюденіе деревни и связанный съ этимъ недостатокъ въ рабочихъ рукахъ и ихъ относительная дороговизна, конкуренція заатлантическихъ странъ—уже одно это въ корнѣ подрываетъ устойчивость крупнаго производства. Мало, по существу, можетъ помочь этой бѣдѣ и соединеніе индустріи съ сельскимъ хозяйствомъ.

И въ этомъ отношеніи, критика не безъ основанія указываетъ, что, въ выработкѣ такого представленія о ближайшемъ будущемъ товарно-капиталистическаго земледѣлія, не малую роль сыграла такъ наз. «теорія катастрофъ».

Въ общемъ же по мнѣнію К. Каутскаго, центръ тяжести современнаго хозяйственнаго строя лежитъ не въ земледѣліи, а въ индустріи, и она-то и создаетъ двигательныя силы прогресса.

«Человѣческое общество,—говоритъ Каутскій,—не животный и не растительный организмъ, это—своеобразный организмъ, но, все же организмъ, а не простой аггрегатъ индивидуумовъ, и, какъ организмъ, оно должно быть организовано по одному общему плану. Нелѣпо думать, что въ обществѣ одна часть его можетъ развиваться въ одномъ направленіи, а другая столь же важная, въ противоположномъ. Оно можетъ развиваться только въ *одномъ* направленіи. Но нѣтъ необходимости, чтобъ каждая часть организма въ самой себѣ создавала необходимыя для ея развитія двигательныя силы; достаточно, если одна какая-нибудь часть организма будетъ производить эти необходимыя для всего цѣлаго силы.

«Если развитіе крупной промышленности идетъ въ сторону общественной организаціи производства, и если она является господствующей силой въ современномъ обществѣ, то она подчинитъ этой организаціи и приспособитъ къ ея потребностямъ также и тѣ области, которыя не способны собственными силами создать необходимыя условія для этого переворота. Промышленность *должна* это сдѣлать въ собственныхъ интересахъ, въ интересахъ единообразія, гармоніи общества» (стр. 253).

Вполнѣ соглашаясь съ основною мыслью Каутскаго, что общество есть своеобразный организмъ, что развитіе этого организма должно быть *цѣлостно*, должно совершаться въ *одномъ* направленіи, мы можемъ, однако, представить себѣ дальнѣйшій ходъ развитія въ нѣсколько иномъ видѣ. Ничто—ни апріорныя, ни апостеріорныя соображенія—не препятствуетъ намъ допустить, что въ земледѣліи—мы имѣемъ въ виду мелкое и среднее хозяйство—совершается тотъ же процессъ обобществленія производства, какой наблюдается въ индустріи; но процессъ этотъ, въ земледѣліи, носитъ *своебразный* характеръ: это—*децентрализованное* крупное прозводство, полное и всестороннее развитіе которому можетъ дать *кооперативное начало*. Такимъ образомъ, могутъ создаться не только матеріальныя условія для «обмірщеннаго» земледѣлія, но и необходимыя для этого *соціально-психологическія* предпосылки.

Переводъ сдѣланъ хорошимъ языкомъ. Жаль, что издатели не помѣстили, хотя бы въ извлеченіи, второй части «Аграрнаго вопроса», трактующей о различныхъ практическихъ вопросахъ, связанныхъ съ земледѣліемъ. Въ этомъ отношеніи, выгодно отличается другое изданіе «Аграрнаго вопроса» Гологкина

(Харьковъ 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.), гдѣ читатель найдетъ довольно значительное извлеченіе изъ второй части. Переводъ въ изданіи Головкина также вполнѣ удовлетворителенъ; по своей-же внѣшности (шрифтъ и бумага), это изданіе лучше изданія т-ва «Знаніе». Непонятно также, почему редакторъ, г. Протопоповъ, выкинулъ подзаголовокъ, имѣющійся въ подлинникѣ и помѣщенный въ изданіи г. Головкина: «Обзоръ тенденціи въ современномъ сельскомъ хозяйствѣ».

Отмѣтимъ замѣченную нами неправильность въ переводѣ. На стр. 176 читаемъ: «Что касается послѣдняго (т.-е. права наслѣдства. І. Д.), то его вредныя вліянія признаются экономистами тѣмъ больше, *чѣмъ ближе оно стоитъ къ сельскому хозяйству»*. Подчеркнутую нами фразу слѣдовало перевести: «чѣмъ ближе *они стоятъ* къ сельскому хозяйству». *І. Давыдовъ.*

Ф. О. Гертцъ. Аграрный вопросъ. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей и съ предисловіемъ доцента московскаго университета А. А. Мануилова. Москва. 1900. Цѣна 80 коп. Книга Гертца привлекла къ себѣ исключительное вниманіе какъ за границей, такъ и въ предѣлахъ нашего отечества. Объясняется это тѣмъ особеннымъ значеніемъ, какое въ послѣднее время пріобрѣлъ аграрный вопросъ и для людей теоріи, и для людей практики. Новѣйшія данныя по аграрной статистикѣ безпощадно опровергли установившійся было въ широкихъ кругахъ взглядъ, что и въ земледѣліи развитіе совершается также, какъ и въ обрабатывающей промышленности: въ противоположность тому, что наблюдается въ индустріи, въ земледѣліи мелкое и среднее хозяйство не только не гибнутъ, но, наоборотъ, дѣлаютъ еще большія или меньшія завоеванія на счетъ крупнаго.

Этотъ фактъ устойчивости и жизнеспособности мелкаго и средняго хозяйства, на ряду съ нѣкоторыми другими явленіями, имѣющими мѣсто въ земледѣльческой промышленности, и послужилъ для Гертца основаніемъ для детальнаго критическаго разбора извѣстной книги *Карла Каутскаго* „Аграрный вопросъ“.

Критика Гертца совершенно опровергаетъ основной выводъ Каутскаго, что мелкое хозяйство можетъ существовать и существуетъ лишь какъ простой придатокъ къ крупному, являясь для него поставщикомъ рабочей силы. Вдумчивый и безпристрастный анализъ состоянія сельскаго хозяйства въ нѣкоторыхъ государствахъ Западной Европы и въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки, основанный на прекрасномъ знакомствѣ автора съ первоисточниками, невольно заставляетъ читателя отказаться отъ многихъ научныхъ предразсудковъ, которые долгое время считались чуть-ли не абсолютными истинами. Мы имѣемъ въ данномъ случаѣ въ виду обычное представленіе, что мелкое хозяйство сильно только своими отрицательными сторонами: дурное и недостаточное питаніе, чрезмѣрная работа, невозможное истощеніе почвы — таковы средства, при помощи которыхъ мелкій хозяинъ борется съ крупнымъ. Для передовыхъ культурныхъ странъ, знаменитая характеристика мелкаго крестьянина, данная Марксомъ еще въ «Der 18-e Brumaire etc.», въ значительной степени утратила и ежедневно утрачиваетъ свое значеніе: она сохранила лишь историческую цѣнность.

Прекрасная австрійская статистика земельной задолженности дала Гертцу возможность съ полнѣйшей очевидностью доказать, какъ рискованно, на основаніи концентраціи кредитныхъ учрежденій, умозаключать къ концентраціи собственности: многіе милліоны гипотечныхъ долговъ, въ видѣ акцій, принадлежатъ именно мелкимъ собственникамъ, какъ крестьянамъ, такъ и промышленнымъ рабочимъ. И это имѣетъ мѣсто не только въ Австріи, но и въ другихъ странахъ.

Но значеніе книги Гертца не ограничивается одной отрицательной крити-

ческой стороной: она даетъ, сверхъ того, возможность взглянуть на эволюцію аграрныхъ отношеній подъ новымъ угломъ зрѣнія и хотя бы слабыми штрихами намѣтить обозначающуюся здѣсь тенденцію. Въ этомъ отношеніи особенно цѣнны тѣ страницы, гдѣ авторъ трактуетъ о характеристическихъ чертахъ крупнаго и мелкаго хозяйства въ земледѣліи и о развитіи крестьянскихъ товариществъ. Далекій отъ всякихъ категорическихъ абсолютныхъ сужденій, онъ рѣзко подчеркиваетъ *относительный* характеръ преимуществъ крупнаго и мелкаго хозяйства въ земледѣліи: все зависитъ здѣсь отъ условій мѣста и времени: «*Ни крупное, ни мелкое хозяйство въ Европѣ не стоитъ, въ общемъ, на должной высотѣ техники*; въ особенности терпитъ ущербъ мелкое хозяйство, вслѣдствіе громаднаго *расточенія силъ,* которое обусловливается существующей въ Европѣ *парцеллярной системой*».

Невозможно констатировать *абсолютнаго, экономическаго превосходства крупнаго хозяйства,* при всякихъ условіяхъ, надъ мелкимъ, какъ нельзя констатировать и обратнаго, т.-е. превосходства мелкаго надъ крупнымъ; каждая изъ этихъ формъ можетъ, смотря по обстоятельствамъ, часто достигать значительнаго превосходства надъ другой; но превосходство это, благодаря *однимъ только хозяйственнымъ моментамъ*, никогда не можетъ быть столь велико, чтобы вытѣснить противоположную форму.

Мало такихъ сельско-хозяйственныхъ отраслей, въ которыхъ крупное производство не *могло бы* развить очень значительнаго экономическаго и техническаго превосходства, но нельзя говорить, что оно *должно* это сдѣлать.

Причину этого отличнаго сравнительно съ тѣмъ, что наблюдается въ индустріи, отношенія между крупнымъ и мелкимъ хозяйствомъ слѣдуетъ усматривать въ той особенной и исключительной роли, какая выпадаетъ здѣсь на долю *живого труда*: въ земледѣліи приходится имѣть дѣло съ *живымъ органическимъ процессомъ,* требующимъ къ себѣ внимательнаго, любовнаго и рачительнаго отношенія. На ряду съ этимъ слѣдуетъ отмѣтить полунатуральный характеръ мелкаго хозяйства и исключительно важное, напротивъ, значеніе для крупнаго хозяйства рынка, процента и ренты.

Но мелкое и среднее хозяйства имѣютъ еще одно могучее оружіе въ борьбѣ за существованіе: это—*союзъ*, *товарищество*: путемъ товарищеской организаціи, мелкій и средній хозяинъ получаютъ возможность вооружиться всѣмъ тѣмъ положительнымъ, что, несомнѣнно, въ значительной степени имѣется на сторонѣ крупнаго хозяйства. Объединенное товарищеской организаціей, мелкое и среднее хозяйство пріобрѣтаетъ форму *децентрализованнаго крупнаго хозяйства.*

Несмотря на массу всяческихъ затрудненій, какія на каждомъ шагу встрѣчаются здѣсь мелкому и среднему хозяину, несмотря на самую новизну дѣла,— товарищества растутъ съ поразительной быстротой, и въ настоящее время союзъ нѣмецкихъ сельскихъ хозяевъ, охватывающій самыя крупныя товарищества, насчитываетъ 1.050.000 членовъ-сельскихъ хозяевъ, громадная масса которыхъ приходится на долю мелкаго крестьянства. Это видно хотя бы изъ того, что въ 1895 году въ Германіи крупныхъ хозяйствъ было всего 25.000, а среднихъ—281.510. Еще болѣе доказывается это территоріальнымъ распредѣленіемъ товариществъ. То же самое наблюдается и во Франціи.

Особенно интересна попытка Гертца выяснить ходъ развитія товарищеской организаціи: онъ устанавливаетъ рядъ фазъ, черезъ которыя проходитъ товарищество, начинаясь небольшими мѣстными временными союзами для одной какой-либо опредѣленной задачи и кончая сложной организаціей, завѣдующей всѣми функціями объединенныхъ хозяйствъ и даже распространяющейся за предѣлы одного государства.

Всѣ сужденія автора о роли и значеніи товарищескаго начала въ сельскомъ хозяйствѣ невольно склоняютъ читателя къ мысли, что товарищество,

соединяя въ одно цѣлое мелкаго и средняго хозяина, призвано сыграть громадную роль въ дѣлѣ объединенія и просвѣщенія той части населенія, какая до послѣдняго времени упорно отворачивалась отъ всего прогрессивнаго, вызывая тѣмъ къ себѣ вполнѣ справедливое отрицательное отношеніе со стороны наиболѣе передовыхъ общественныхъ элементовъ.

Двѣ отдѣльныя главы авторъ посвящаетъ вопросу о сельско-хозяйственномъ перепроизводствѣ и анализу права собственности.

Въ заключеніе, отмѣтимъ особенно цѣнную во взглядахъ Гертца черту: это—относительный характеръ оцѣнки экономическихъ явленій, въ зависимости отъ *естественныхъ*, *историческихъ* и *національныхъ* моментовъ.

Переводъ книги сдѣланъ съ нѣкоторыми сокращеніями; имя редактора ручается за его доброкачественность. *І. Давыдовъ.*

П. Арндтъ. Экономическія послѣдствія превращенія Германіи въ промышленную страну. Переводъ М. Э. Гуковскаго. Одесса. 1900. Передавая содержаніе книги Жоржа Блонделя «Торгово-промышленный подъемъ Германіи». («М. Б.» 1900, мартъ), мы съ достаточной подробностью охарактеризовали ту перемѣну, которая произошла въ этой странѣ за какую-нибудь четверть вѣка и благодаря которой Германія изъ страны, еще недавно земледѣльческой по преимуществу, обратилась въ страну промышленную, сильную соперницу всѣхъ вывозящихъ странъ на міровомъ рынкѣ. Однако, въ самой Германіи быстрый ростъ ея промышленнаго и торговаго значенія на ряду съ горделивымъ сознаніемъ достигнутыхъ успѣховъ вызываетъ во многихъ опасенія и боязнь за будущее. Выраженіемъ подобныхъ опасеній служитъ, между прочимъ, обратившій на себя вниманіе докладъ Ольденбурга «Германія, какъ промышленная страна», прочитанный имъ въ 1897 году на конгрессѣ христіанскихъ соціалистовъ въ Лейпцигѣ. Ольденбургъ предсказываетъ чуть не гибель Германіи, если промышленное развитіе ея будетъ идти по той же дорогѣ, по которой оно шло въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій. Въ своей брошюрѣ П. Арндтъ послѣдовательно разбираетъ аргументы Ольденбурга и другихъ противниковъ современнаго промышленнаго развитія Германіи. Всѣ доводы противниковъ обращенія Германіи въ промышленное государство онъ дѣлитъ на двѣ группы: тѣ, которые исходятъ изъ соображеній имѣющихъ въ виду интересы и судьбу производства, и тѣ, которые имѣютъ въ виду интересы потребителей. Первая группа доводовъ выдвигаетъ опасеніе общаго перепроизводства, которое можетъ страну, направившую свои производительныя силы на путь исключительно промышленнаго развитія и внѣшней торговли, привести къ жестокому кризису. Второе мнѣніе видитъ опасность въ той зависимости отъ земледѣльческихъ странъ, въ какую ставитъ себя Германія, пренебрегая развитіемъ собственнаго сельскаго хозяйства и поощряя ростъ одной промышленности. Что касается перваго рода соображеній, то авторъ въ результатѣ ихъ разбора находитъ, что подъемъ производительныхъ силъ Германіи и увеличеніе трудностей при сбытѣ ея товаровъ за границу не опасны для экономическаго будущаго Германіи. Въ вопросѣ же о снабженіи населенія Германіи пищевыми продуктами, авторъ не отрицаетъ того, что со временемъ Германія по необходимости должна будетъ прокармливаться лишь продуктами, добытыми внутри страны, но необходимость эта создается ростомъ населенія постепенно и современная техника земледѣлія устраняетъ здѣсь всякую возможность какихъ-либо серьезныхъ затрудненій въ дѣлѣ удовлетворенія потребности населенія въ хлѣбѣ. Съ подробностями аргументаціи Арндта читатели могутъ ознакомиться въ самой брошюрѣ, которая и невелика, и не дорого стоитъ, тѣмъ болѣе, что затронутые въ ней вопросы имѣютъ значеніе не для одной Германіи, но и для всякой страны, вступившей на путь дѣятельнаго промышленнаго развитія.

М. П—въ.

СОЦІОЛОГІЯ.

А. Малининъ. «Старое и новое направленіе въ исторической наукѣ». — *Г. Тардъ.* «Соціальные законы».—*Л. Вольтманнъ.* «Теорія Дарвина и соціализмъ».

А. Малининъ. Старое и новое направленіе въ исторической наукѣ. Лампрехтъ и его оппоненты. Рефератъ, читанный въ Историческомъ Обществѣ при Императорскомъ московскомъ университетѣ. 1900. Брошюрка г. Малинина посвящена изложенію большой полемики, тянувшейся около трехъ лѣтъ, въ которой извѣстный лейпцигскій профессоръ Карлъ Лампрехтъ отстаивалъ свои взгляды отъ нападокъ нѣсколькихъ нѣмецкихъ ученыхъ. Какъ извѣстно, въ своей «Исторіи нѣмецкаго народа» Лампрехтъ усвоилъ себѣ ту точку зрѣнія, которую принято называть генетической. Онъ избѣгаетъ анекдотическаго и біографическаго элемента и главное вниманіе обращаетъ на выясненіе процессовъ. При этомъ онъ придаетъ бо̀льшее, чѣмъ обыкновенно, значеніе экономическимъ отношеніямъ и экономическимъ вліяніямъ. Критика обратила вниманіе на новый трудъ автора «Хозяйственной жизни средневѣковой Германіи», отмѣтила, между прочимъ, и его методологическія особенности, которыя подверглись нападкамъ. Тогда Лампрехтъ перенесъ дѣло на теоретическую почву. Въ цѣломъ рядѣ брошюръ, статей и замѣтокъ онъ пытался оправдать усвоенную имъ точку зрѣнія и опровергнуть нападки своихъ оппонентовъ. Но его позиція сразу оказалась крайне неустойчивой. Его упрекали въ переоцѣнкѣ экономическихъ вліяній и игнорированіи ролью личности. И положеніе Лампрехта оказалось двусмысленнымъ именно потому, что совершенно сгладились границы между теоретическимъ споромъ объ исторической методологіи и далеко выходящимъ изъ предѣловъ науки обвиненіемъ въ историческомъ матеріализмѣ. Для Лампрехта дѣло усложнялось тѣмъ, что онъ, буржуазный гелертеръ pur sang, совершенно раздѣлялъ тѣ опасенія своихъ оппонентовъ, которыя выходили изъ предѣловъ научнаго спора. Для него экономическое вліяніе, которому онъ придавалъ такую большую роль въ своей исторіи, не имѣли ничего общаго съ марксизмомъ; это былъ только вопросъ метода; но онъ роковымъ образомъ просился на сопоставленіе съ марксизмомъ, и его противники, не имѣя въ виду ничего иного, кромѣ научной полемики, но безсознательно поддаваясь страху іудейску, намекали на это обстоятельство. Такъ что Лампрехту приходилось и защищать свою точку зрѣнія, и стараться—тоже иносказательно,—снять съ себя обвиненіе во всемъ прочемъ. Онъ началъ съ того, что формулировалъ разницу между своимъ и старымъ направленіями, какъ разницу методовъ каузальнаго и телеологическаго. Его моментально уличили въ томъ, что каузальный методъ—не Богъ вѣсть какая новость и что вовсе не онъ первый до него додумался; показали, что въ его методѣ есть еще кое что, кромѣ каузальной точки зрѣнія; что, наконецъ, противоположность между каузальнымъ и телеологическимъ моментами не можетъ быть доказана. Связанный принципами, положенными въ основу «Исторіи», и не желая признать научныхъ обвиненій, Лампрехтъ растерялся и все больше и больше сталъ путаться въ противорѣчіяхъ. И дѣйствительно, не легко было найти выходъ изъ такого затруднительнаго положенія. Въ концѣ концовъ для всѣхъ стало ясно, что Лампрехтъ не выберется изъ противорѣчій, оставаясь на чисто научной почвѣ. А съ научной почвы, естественное дѣло, не сходили, ибо нѣмецкіе ученые—народъ корректный.

Брошюрка г. Малинина посвящена изложенію этого спора. При первомъ же взглядѣ кажется нѣсколько страннымъ въ ней одно обстоятельство. Помѣчена она 1900 годомъ; между тѣмъ длинный списокъ реферируемыхъ статей оканчивается срединою 1897 года. И неосвѣдомленный читатель будетъ въ

правѣ предполагать, что это дата—конца полемики. Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ она тянулась до прошлаго 1899 года и въ ней было много интереснаго, что, быть можетъ, помогло бы г. Малинину усвоить болѣе правильный взглядъ.

Г. Малининъ подробно излагаетъ воззрѣнія Лампрехта и, опираясь на возраженія его оппонентовъ, побѣдоносно уличаетъ его въ противорѣчіяхъ. Его аргументы онъ разбиваетъ на три рубрики, изъ которыхъ первая воспроизводитъ старые взгляды, а двѣ послѣднихъ, въ которыхъ, по мнѣнію автора, нужно искать настоящаго Лампрехта, противорѣчатъ первой и сами по себѣ не выдерживаютъ критики. Объясненій этому противорѣчію авторъ не пытается искать, а обращаетъ особенное вниманіе на то новое, которое внесъ Лампрехтъ. Тутъ, къ полному изумленію читателя, оказывается, что и это новое совсѣмъ не ново, про теорію Лампрехта мы знаемъ давно изъ «Войны и мира» Льва Толстого, изъ сочиненій Спенсера и изъ идей исторической школы юристовъ. И «Лампрехтъ не болѣе, какъ новый представитель старой теоріи, которую называютъ общимъ именемъ *органической»* (курс. автора). Отъ такихъ изреченій лучше бы воздерживаться. По нынѣшнимъ временамъ даже гимназисты старшихъ классовъ знаютъ, что такое органическая теорія, знаютъ, что она объединяетъ послѣдователей Спенсера въ соціологіи, и къ исторической наукѣ въ тѣсномъ смыслѣ никакого прикосновенія не имѣетъ. Но этого мало: крайности органической теоріи (не настоящей, а изобрѣтенной г. Малининымъ) превращаются въ матеріализмъ; этотъ матеріализмъ распадается на историческій матеріализмъ и экономическій матеріализмъ; историческій матеріализмъ затѣмъ оказывается просто фатализмомъ въ новой маскѣ. Всѣ эти непохвальныя вещи, конечно, благополучно посрамляются и брошюрка заканчивается успокаивающимъ читателя нравоученіемъ.

Намъ кажется, что нашъ читатель не будетъ на насъ въ особенной претензіи, если мы не станемъ тревожить эту великолѣпную теорію.

А. Дживелеговъ.

Габріель Тардъ, «Соціальные законы. Личное творчество среди законовъ природы и общества». Переводъ съ французскаго А. Ф., подъ ред. и съ предисл. Л. Е. Оболенскаго. Спб. 1900 г. Изд. В. И. Губинскаго. Въ этой небольшой книжкѣ извѣстный французскій соціологъ предлагаетъ резюме своихъ главныхъ взглядовъ, положенныхъ въ основаніе его большихъ трудовъ: *Les lois de l'imitations* *), *La logique sociale* и *L'opposition universelle*. Уже поэтому она должна имѣть интересъ для всякаго, кто интересуется современной соціологіей. Но и помимо того, новое сочиненіе Тарда можетъ быть прочтено съ пользой, какъ большинство произведеній этого оригинальнаго мыслителя. А Тарда, несомнѣнно, необходимо причислить къ оригинальнымъ умамъ, такъ какъ онъ идетъ въ разрѣзъ съ господствующими теченіями въ соціологіи, типичнымъ представителемъ и выразителемъ которой является англійскій философъ Гербертъ Спенсеръ. Выступивъ со своими «Законами подражанія», вызвавшими всеобщее вниманіе, Тардъ послѣдовательно развивалъ свою точку зрѣнія въ названныхъ выше трудахъ, которые образуютъ своеобразную систему.

Въ чемъ же заключаются основныя идеи этой системы? Въ чемъ состоитъ оригинальность Тарда? Въ противоположность органической школѣ, направившей всѣ свои усилія на изслѣдованіе біологической природы общества и законовъ его развитія, Тардъ настойчиво указываетъ въ своихъ произведеніяхъ на своеобразный характеръ соціальныхъ явленій, имѣющихъ гораздо болѣе общаго в связи съ психологическими явленіями, чѣмъ біологическими. Въ органической школѣ въ соціологіи Тардъ видитъ наслѣдіе тѣхъ до-научныхъ пріемовъ мысли, которыя довольствовались грубой и поверхностной аналогіей, не углубляясь въ изслѣдованіе элементовъ даннаго сложнаго явленія. Такимъ общимъ для организмовъ и обществъ признакомъ органическая школа считаетъ, какъ извѣстно,

раздѣленіе труда, законъ дифференцировки. Не отрицая очевиднаго факта раздѣленія труда въ обществѣ, Тардъ не признаетъ его ни характернымъ для общества, ни тождественнымъ съ дифференцировкой функцій въ организмѣ. То, что приверженцы органической школы называютъ прогрессомъ раздѣленія труда, есть на самомъ дѣлѣ, говоритъ Тардъ, прогрессъ изобрѣтеній. Каждое же изобрѣтеніе, внося, съ одной стороны, раздѣленіе труда, въ то же время дѣлаетъ ненужнымъ цѣлый рядъ предшествующихъ раздѣленій и дифференцировокъ; параллельно съ ростомъ разнородности увеличивается однородность общества, вмѣстѣ съ ростомъ различій—развитіе сходствъ. Второй процессъ Тардъ считаетъ типичнымъ для общества. Общество, по его мнѣнію, это не организмъ, члены котораго исполняютъ различныя функціи, а собраніе индивидовъ, одинаково воспитанныхъ, одинаково желающихъ и вѣрующихъ. Не въ различіи, а въ общности членовъ группы состоитъ характерный признакъ общества; а потому исторія человѣчества есть не прогрессъ дифференцировки, а сходства членовъ.

Гдѣ же причина этихъ все растущихъ сходствъ какъ между отдѣльными членами общества, такъ и между различными обществами, государствами и народами? Отвѣтъ, даваемый Тардомъ на этотъ вопросъ, также рѣзко расходится съ взглядами органической школы. Не въ естественномъ органическомъ сходствѣ отдѣльныхъ индивидовъ, не въ сходствѣ географическихъ условій и вообще внѣшней среды нужно искать причину этого все растущаго тождества индивидовъ и обществъ, а въ маленькомъ психологическомъ процессѣ, совершающемся всякій разъ, когда сталкиваются два ума, въ передачѣ отъ индивида къ индивиду желаній и идей, однимъ словомъ, въ томъ, что Тардъ называетъ *подражаніемъ*. Подражаніе, какъ извѣстно, это—центральный пунктъ соціологической системы Тарда; причемъ необходимо не забывать, что слово «подражаніе» Тардъ беретъ не въ обычномъ узкомъ смыслѣ, а въ очень широкомъ и неопредѣленномъ. Критическое усвоеніе теоретическихъ истинъ, сознательное заимствованіе полезныхъ примѣровъ, подчиненіе приказу, наконецъ, состояніе гипноза, внушенія—все это Тардъ называетъ подражаніемъ. Коротко, подражаніе есть всякая передача отъ индивида къ индивиду понятій, желаній, сужденій и намѣреній (27). Расширяя такъ понятіе подражанія, Тардъ вводитъ въ свое пониманіе общества ту неопредѣленность, которая свойственна всѣмъ теоріямъ «взаимодѣйствія». Подражаніе, разсматриваемое, какъ простое психическое взаимодѣйствіе, является слишкомъ широкимъ понятіемъ для общества. Какъ правильно замѣчаетъ Гиддинсъ, подражать могутъ другъ другу и враги, нисколько не образуя еще, благодаря этому, общества.

Такова въ двухъ словахъ основная соціологическая идея Тарда; она состоитъ въ указаніи на сходство индивидовъ, какъ на характерную черту общества, на ростъ этого сходства, какъ на характерную черту соціальной эволюціи, и на подражаніе, какъ на основную соціологическую причину этого сходства. Но рядомъ съ этими соціологическими взглядами у Тарда есть своя метафизика, объединяющая его соціологію съ общими взглядами на природу вещей и науки. Первичную реальность образуетъ безконечно малый атомъ, носящій въ себѣ зародышъ всего дальнѣйшаго развитія. Это не безразличная частица, похожая на всѣ остальныя частицы, но своеобразная индивидуальность, скрывающая въ зародышѣ все разнообразіе и пестроту видимаго міра. Такимъ образомъ, не однородное, какъ полагаетъ Спенсеръ, лежитъ въ основаніи міровой эволюціи, а разнородное, безконечное множество безконечно малыхъ и оригинальныхъ индивидуальностей. «Все происходитъ,—говоритъ Тардъ,—отъ безконечно малаго и... вполнѣ возможно, что все къ нему же и возвращается. Это какъ бы «альфа и омега» всего существующаго» (116). Но въ такомъ случаѣ, какъ

*) «Законы подражанія». Изд. Ф. Павленкова.

объяснить правильность, закономѣрность этого міра? Эта правильность есть лишь вторичный результатъ повтореній, противоположностей и приспособленій индивидуальныхъ явленій, которымъ въ соціальномъ мірѣ соотвѣтствуютъ: подражаніе, борьба и изобрѣтеніе. Лишь благодаря этому, становится возможной наука и научные законы; задача науки и состоитъ въ отысканіи среди хаоса и пестроты индивидуальностей постоянныя повторенія, противоположности и приспособленія или гармоніи.

Впрочемъ, самъ Тардъ не придаетъ своей метафизикѣ большого значенія для своей соціологіи; онъ предлагаетъ ее, какъ гипотезу, отъ принятія или непринятія которой не должно зависить отношеніе къ его научнымъ соціологическимъ взглядамъ. Такъ полагаетъ Тардъ; намъ же кажется, что его соціологія, оказавшая несомнѣнное вліяніе на его метафизику, въ свою очередь, находится подъ сильнымъ вліяніемъ послѣдней—и не къ своей пользѣ, и что дальнѣйшее развитіе соціологіи, взявъ у Тарда научную, позитивную сторону его идей, сдастъ въ историческій архивъ его метафизику, гдѣ она найдетъ мѣсто рядомъ съ столь многими другими метафизическими системами.

Въ заключеніе два слова объ изданіи. Книга издана достаточно неряшливо; нерѣдко встрѣчаются опечатки: *Огюстенъ Тьерри* передѣланъ почему-то въ *Огюстинина Тырри* (91), *Контъ* замѣненъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ *Кантомъ*, на стр. 117 слово *примирить* передѣлано въ *примѣрить* и т. д. *С. Ш.*

Людвигъ Вольтманнъ. Теорія Дарвина и соціализмъ. Опытъ естественной исторіи общества. Пер. съ нѣм. М. А Энгельгардта. Изд. Павленкова. Спб. 1900 г. Авторъ настоящей книги поставилъ передъ собой тройную задачу: *во первыхъ*—дать историко-литературный обзоръ попытокъ рѣшенія проблемы объ отношеніяхъ дарвинизма къ соціализму; *во-вторыхъ*—развить общія естественно-историческія основы соціальной и исторической науки, и въ заключеніе, *въ-третьихъ*, изслѣдовать спеціальный вопросъ: гармонируетъ или нѣтъ дарвиновская теорія естественнаго подбора въ борьбѣ за существованіе съ историческими и экономическими воззрѣніями современнаго соціализма.

Значеніе теоріи Дарвина, какъ извѣстно, не ограничилось спеціальной областью біологіи, для которой она предназначалась авторомъ; она была быстро распространена на общественныя явленія, а вмѣстѣ съ тѣмъ изъ чистонаучной доктрины превратилась въ орудіе партійной борьбы. Теоріей Дарвина стали пользоваться въ борьбѣ противъ соціально-политическаго движенія, выступившаго на арену общественной жизни, приблизительно, одновременно съ ней противъ соціализма. Цѣлый рядъ извѣстныхъ ученыхъ натуралистовъ, какъ Х. Густавъ Іегеръ, Оскаръ Шмидтъ, Эрнстъ Геккель и другія, увидѣли въ новой теоріи лучшее орудіе борьбы противъ плановъ и теорій соціалистовъ. «Дарвинизмъ—восклицаетъ Іегеръ—становится на сторону собственности противъ коммунистическихъ вожделѣній». По мнѣнію Шмидта, дарвинизмъ разрушаетъ иллюзіи о равенствѣ всѣхъ людей. *Дарвинизмъ—научное обоснованіе неравенства.* Такого же мнѣнія придерживается Геккель. Дарвинизмъ и соціализмъ исключаетъ другъ друга. Соціализмъ требуетъ для всѣхъ гражданъ государства одинаковыхъ правъ, одинаковыхъ обязанностей, одинаковаго благосостоянія, одинаковыхъ удовольствій. Напротивъ, теорія происхожденія доказываетъ, что осуществленіе этого требованія немыслимо; что въ общественныхъ организаціяхъ людей, какъ и животныхъ, ни право и ни обязанности, ни благосостояніе, ни удовольствія всѣхъ членовъ общества никогда не бываютъ и не могутъ быть одинаковыми. Отсюда Геккель дѣлаетъ выводъ, что «всякій разумный и свободный отъ предвзятыхъ идей политикъ долженъ пользоваться теоріей происхожденія видовъ и теоріей развитія вообще, какъ наилучшимъ противоядіемъ противъ безпочвеннаго вздора соціалистическаго равненія всѣхъ».

Характерно, что сами соціалисты отнеслись къ новой теоріи совершенно

иначе; они не только не увидѣли въ ней своего врага, но привѣтствовали, какъ сильнѣйшій доводъ въ свою пользу. Дарвинъ говорили они, сдѣлалъ для естествознанія то же, что Марксъ для обществовѣдѣнія. Онъ разсматривалъ исторію животнаго міра, какъ непрерывное развитіе, совершающееся посредствомъ столь же непрерывной борьбы. Но въ чемъ же заключаются характерныя черты новѣйшаго соціализма? Онъ разсматриваетъ исторію человѣчества, какъ постоянное развитіе, двигающую силу котораго образуетъ постоянная борьба классовъ. И тотъ, и другой разсматриваютъ эволюцію, какъ естественно историческій процессъ, совершающійся по необходимымъ законамъ. Но, признавая ближайшее научное родство между воззрѣніями Дарвина и Маркса, послѣдователи послѣдняго указывали на близорукость непосредственнаго перенесенія животной борьбы на человѣческія общества. Не смотря на происхожденіе человѣка отъ животныхъ, говорили они, борьба за существованіе въ человѣческомъ мірѣ иная, чѣмъ въ мірѣ животномъ: форма борьбы и результатъ борьбы въ обѣихъ сферахъ различны, такъ какъ искусственное вооруженіе человѣка механическими орудіями, столь отличное отъ вооруженія животнаго неотдѣлимыми отъ него органами, создаетъ совершенно иныя условія существованія и борьбы, въ которой далеко не всегда переживаетъ лучшій и совершеннѣйшій, а часто получается совершенно противоположный результатъ.

Но кромѣ дарвинистовъ—противниковъ и приверженцевъ соціализма—были еще ученые, занявшіе среднее положеніе между этими противоположными полюсами. Типичнымъ мыслителемъ этого рода является Ф. А. Ланге, авторъ «Рабочаго вопроса». Ланге считаетъ борьбу за существованіе общимъ біологическимъ закономъ, который господствуетъ одинаково надъ животнымъ и человѣческимъ міромъ. но въ человѣческомъ обществѣ пріобрѣтаетъ своеобразную форму подъ вліяніемъ безконечно разнообразныхъ ступеней общественнаго положенія индивидумовъ. Благодаря этому усложненію и разнообразію формъ общественныхъ положеній, борьба за существованіе въ человѣческомъ обществѣ переходитъ, собственно говоря, въ борьбу *за привилегированное положеніе.* Животная борьба за существованіе пріобрѣтаетъ болѣе мягкую форму. Побѣжденный не уничтожается, какъ въ мірѣ животныхъ, но лишь занимаетъ низшую общественную ступень по сравненію съ побѣдителемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Ланге вѣритъ въ прогрессивное смягченіе и ограниченіе борьбы за существованіе. Между тѣмъ какъ растеніе безсознательно, животное въ большинствѣ случаевъ совершенно порабощенное естественнымъ инстинктомъ, непроизвольно подчиняются этимъ законамъ природы, у человѣка является, какъ послѣдняя ступень этого естественнаго процесса совершенствованія, способность возвыситься надъ его жестокимъ и бездушнымъ механизмомъ, замѣнять слѣпое дѣйствіе разсчитанной цѣлесообразностью и безконечно меньшими страданіями и мученіями осуществлять прогрессъ, который движется быстрѣе, вѣрнѣе и непрерывнѣе, чѣмъ тотъ, который обусловленъ слѣпо дѣйствующими законами природы посредствомъ борьбы за существованіе. Подобныхъ же взглядовъ на значеніе дарвиновской борьбы за существованіе для общества придерживается Шефле и извѣстный экономистъ, берлинскій профессоръ Ад. Вагнеръ и многіе другіе извѣстные ученые.

Что касается собственныхъ взглядовъ Вольтманна, то въ основныхъ чертахъ они сводятся къ слѣдующему. Общество есть естественное продолженіе біологическаго организма и, какъ таковое подчиняется общимъ законамъ жизни. Общая біологія есть основаніе не только органической, но и соціальной теоріи развитія. Поэтому законы біологическаго развитія, какъ законы дифференцированія, приспособленія и подбора, посредствомъ борьбы и др. дѣйствуютъ такъ же въ соціальной жизни, какъ и въ органической. Необходимо однако указать на спеціальныя различія въ проявленіи этихъ законовъ, вытекающія изъ спеціаль-

ныхъ особенностей общественной жизни по сравненію съ органической. Главное же различіе между организмомъ и обществомъ заключается въ томъ, что въ послѣднемъ къ органическимъ силамъ присоединяются техническія орудія т. е. безличныя и отдѣльныя отъ организма силы, нарушающія законъ органическаго индивидуальнаго подбора, органической наслѣдственности и совершенствованія. Законъ подбора органовъ и организмовъ переходитъ въ обществѣ на техническія орудія, такъ что послѣднія сами дифференцируются, приспособляются къ новымъ цѣлямъ и производитъ болѣе совершенныя формы, разумѣется, при посредствѣ людей.

Отсюда вытекаютъ различія между результатами органической и соціальной борьбы за существованіе. Если въ животной борьбѣ побѣдителемъ выходитъ тотъ кто обладаетъ лучшими органами борьбы—большей физической силой, болѣе острыми зубами, когтями, рогами, или же другими органическими свойствами, дающими индивиду преимущество надъ остальными въ борьбѣ за существованіе, то въ соціальной борьбѣ побѣда рѣшается техническими орудіями и соціальными учрежденіями дающими силу однимъ и слабость другимъ. Естественный законъ борьбы за существованіе искажается въ обществѣ искусственной техникой и соціальными учрежденіями. Равнымъ образомъ экономическое обладаніе и классовыя подраздѣленія вовсе не являются результатомъ естественнаго подбора психо-физическихъ дарованій отдѣльныхъ людей. Благодаря этому искусственному характеру соціальной борьбы, результатомъ ея является не побѣда лучшаго въ физическомъ, умственномъ и моральномъ отношеніи, а лучше снабженнаго соціальными орудіями борьбы: богатствомъ, капиталомъ, общественнымъ положеніемъ. «*Экономическій классовый подборъ*,—говоритъ Вольтманъ, — *діаметральная противоположность дарвиновскому ученію объ органическомъ подборѣ расъ*».

Въ короткой замѣткѣ мы не могли исчерпать интереснаго содержанія книги Вольтманна, которая даетъ больше, чѣмъ можно предположить по ея заглавію. Вольтманнъ не ограничивается спеціальнымъ вопросомъ объ отношеніи между дарвинизмомъ и соціализмомъ, но расширяетъ рамки своего изслѣдованія, которое обнимаетъ проблемы, возникающія изъ отношенія между біологіей и соціологіей.

Книга издана, какъ всѣ изданія Павленкова, чисто и дешево; переводъ сдѣланъ вполнѣ литературно. *С. Ш.*

АНТРОПОЛОГІЯ.

J. Deniker. «Les races et les peuples de la terre».—*Ф. Конъ.* «Физіологическія и біологическія данныя о якутахъ».

Les races et les peuples de la terre. Éléments d'anthropologie et d'ethnographie, par J. Deniker, docteur ès sciences. bibliothécaire du Muséum d'histoire naturelle. avec 176 planches et 2 cartes. Paris. 1900. VII+692. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, одновременно по-англійски и по-французски, вышла книга «Расы и народы земли». Ее написалъ французскій натуралистъ и этнографъ Жозефъ Деникеръ, хорошо извѣстный въ научномъ мірѣ Запада.

Въ компактномъ томѣ въ 700 страницъ систематически изложены всѣ болѣе или менѣе строго установленные выводы цикла наукъ, трактующихъ вопросы о расахъ и народностяхъ земного шара. Кромѣ фактовъ антропологіи и этнографіи съ этнологіей, Деникеръ сообщаетъ въ своей книгѣ не мало любопытныхъ данныхъ изъ области зоологіи (гдѣ онъ спеціально занимался антропоидными

обезьянами), палеонтологіи, лингвистики, до-исторической археологіи и исторіи культуры. Книга написана строго научно, но довольно живо и читается сравнительно легко; въ ней почти повсемѣстно чувствуется подавляющее обиліе матеріала, изъ котораго автору приходится дѣлать строгій выборъ. Библіографія поражаетъ своей полнотой и разнообразіемъ: кромѣ новой литературы на главнѣйшихъ европейскихъ языкахъ, въ компендіи Деникера очень обстоятельно представлена и литература русскихъ изслѣдованій (Иностранцевъ, Анучинъ, Потанинъ и др.), литература итальянская и скандинавскія.

Для кого главнымъ образомъ написана книга? Повидимому, для всѣхъ, хотя, конечно, не въ равной мѣрѣ. Впрочемъ, теперь въ наукѣ едва ли не одни только нѣмцы сохранили старую манеру излагать особо «для образованныхъ», «для большой публики» и «для спеціалистовъ». Книга Деникера несомнѣнно будетъ имѣть большой и разнообразный кругъ читателей. Спеціалисты въ ней заинтересуются новыми выводами автора по зоологіи, этнографической систематикѣ и исторіи культуры, превосходнымъ подборомъ типическихъ фотографій, таблицами средняго роста по народностямъ, библіографіей. Но особенно полезна книга будетъ, конечно, для тѣхъ изслѣдователей, которымъ, силою вещей, приходится съуживать область своихъ работъ, или такимъ, которые работаютъ вдали отъ культурныхъ центровъ. Обыкновенный читатель найдетъ въ ней не мало интересныхъ данныхъ изъ области соціальной жизни, исторіи, фольклора, а если онъ занимается политикой, его вниманіе остановится, конечно, на рядѣ фактовъ, освѣщающихъ вопросъ о колонизаціи. Планъ книги такой. Введеніе, установляющее термины: расы, соматической (т.-е. тѣлесной, точнѣе связанной съ тѣломъ) единицы, этнической группы, этнографіи, этнологіи. Далѣе книга состоитъ изъ двухъ послѣдовательно изложенныхъ частей: теоретической и описательной. Теоретическая распадается, въ свою очередь, на два отдѣла: первый посвященъ признакамъ *соматическимъ* и состоитъ изъ трехъ главъ, причемъ въ двухъ первыхъ изслѣдуются признаки *морфологическіе* (ростъ, покровы, форма черепа и отдѣльные органы), а въ третьей сначала *физіологическіе* (функціи питанія, усвоенія [assimilation], общенія съ внѣшнимъ міромъ [relation] и воспроизведенія, а также вліяніе среды), а затѣмъ вкратцѣ признаки *психологическіе* и *патологическіе*. Этотъ первый отдѣлъ уже однимъ распредѣленіемъ матеріала свидѣтельствуетъ о томъ, какъ строгъ былъ авторъ относительно научнаго подбора данныхъ и какъ мало онъ склоненъ забавлять читателей фактами и домыслами во вкусѣ Мантегаццы или Ломброзо: признакамъ морфологическимъ удѣлено болѣе ста страницъ, а психологическіе и патологическіе умѣстились на трехъ страничкахъ.

Второй отдѣлъ первой части занятъ изложеніемъ признаковъ *этническихъ*. Здѣсь сначала разсмотрѣны признаки *лингвистическіе*, а затѣмъ *соціологическіе* по тремъ слѣдующемъ рубрикамъ: 1) жизнь матеріальная; 2) жизнь психическая; 3) жизнь семейная и общественная. Глава о классификаціи расъ и народовъ составляетъ переходъ ко второй части, которая, въ свою очередь, состоитъ изъ пяти главъ: въ первой разсматриваются вопросы о прежнихъ обитателяхъ Европы и о расахъ и народахъ, нынѣ ее населяющихъ; во второй, въ тѣхъ же отношеніяхъ, разсматривается населеніе Азіи; три послѣднихъ главы посвящены описанію расъ и народностей Африки, Океаніи и двухъ Америкъ. Къ книгѣ приложена таблица среднихъ измѣреній роста по національностямъ, 175 иллюстрацій, причемъ значительное большинство изъ нихъ имѣетъ научную цѣнность, такъ какъ перепечатано съ фотографій, входящихъ въ составъ коллекцій, изготовленныхъ изслѣдователями съ научною цѣлью, и наконецъ, указатель собственныхъ именъ и терминовъ.

Какъ натуралистъ, Деникеръ, держится строго индуктивнаго метода и въ изслѣдованіи, и въ изложеніи, по скольку это возможно, конечно, въ сжатомъ

компендіи. Онъ остерегается вопросовъ чисто теоретическихъ, напр., строгое разграниченіе терминовъ этнографіи и этнологіи кажется ему стѣсняющимъ изслѣдователя, а споръ между полигенистами и моногенистами онъ совершенно оставляетъ въ сторонѣ, какъ лишенный какого бы то ни было научнаго значенія.

Аналогій Деникеръ также повсемѣстно чуждается. Такъ, хотя и зоологъ по спеціальности, онъ не закрываетъ глазъ на ту пропасть, которая отдѣляетъ изслѣдованіе зоологическихъ видовъ отъ изслѣдованія species Homo: для каждаго изъ видовъ животныхъ можно найти реальный субстратъ въ видѣ типическаго представителя; но развѣ не безполезно искать его для species Homo?

Въ краткой замѣткѣ, которую я имѣю въ виду сдѣлать о книгѣ Деникера, нельзя дать даже приблизительнаго понятія о богатствѣ ея содержанія. Ограничусь поэтому нѣсколькими указаніями и выписками, при этомъ главнымъ образомъ изъ части теоретической, какъ болѣе интересной для читателя.

Чрезвычайно любопытны тѣ страницы книги, гдѣ авторъ говоритъ объ антропоидныхъ обезьянахъ, близко знакомыхъ ему по спеціальнымъ работамъ. 5 тимѣсячный зародышъ гориллы (Деникеръ, посвятилъ ему особое изслѣдованіе), который хранится теперь въ Парижскомъ музеѣ естественной исторіи, обнаруживаетъ разительное сходство съ зародышемъ человѣка. Деникеръ, въ видѣ вывода изъ многочисленныхъ изслѣдованій, ему извѣстныхъ, утверждаетъ въ своей книгѣ, что «соматическія особенности скелета для species Homo обостряются лишь у субъектовъ взрослыхъ и главнымъ образомъ вслѣдствіе непомѣрнаго развитія мозга, которое вызываетъ увеличеніе черепной коробки, въ ущербъ развитію челюстей, а также вслѣдствіе вертикальности положенія и ходьбы на двухъ ногахъ» (стр. 23).

Далѣе Деникеръ опровергаетъ, между прочимъ, ходячее мнѣніе, будто черепъ есть единственный цѣнный признакъ для различенія расы (стр. 29). Не отрицая важности этого признака, особенно при *условіи наблюденія живыхъ особей*, нашъ авторъ выдѣляетъ другой, по наблюденіямъ его также весьма *постоянный* (très persistant)—это *ростъ*. Это оригинальная черта его книги. Въ вопросѣ о цвѣтѣ кожи у расъ Деникеръ указываетъ на хроматическую таблицу Брока (34 оттѣнка); эта таблица упрощена Топинаромъ (до 10 цвѣтовъ) и въ такомъ видѣ принята въ современной наукѣ. Любопытны собранныя у Деникера указанія и на детальные соматическіе признаки расъ: напр., не встрѣчавшееся намъ еще въ общихъ этнографическихъ сочиненіяхъ детальное описаніе монгольскаго глаза, *наклоннаго* или, какъ характерно называютъ его французы, *занузданнаго* (oblique ou bridé). Къ описанію приложенъ прекрасный фотографическій снимокъ. Интересны также фотографіи и описанія расовыхъ разновидностей носа и уха.

Нѣсколько страницъ посвящены Деникеромъ головному мозгу (119—123); здѣсь, между прочимъ, онъ знакомитъ читателей и съ замѣчательной книгой Flechsig'a, «Gehirn u. Seele» (2-ое изд. 1896, въ Лейпцигѣ *).

Субстратъ психической дѣятельности составляютъ, по Флексигу и Рамону, *невроны*, т.-е. пирамидальныя, большія и малыя клѣтки сѣраго вещества съ ихъ продолженіями. Система невроновъ не только крайне сложна, но и чрезвычайно измѣнчива, такъ какъ каждый невронъ можетъ въ извѣстный моментъ входить въ сообщеніе съ другими и пути нервныхъ токовъ при этомъ безконечно разнообразятся.

Вотъ что говоритъ Деникеръ по вопросу объ изслѣдованіи нашей психической дѣятельности:

«Мозговая дѣятельность должна измѣряться не только количествомъ и объемомъ клѣтокъ сѣраго вещества и сложностью ихъ продолженій,—она въ

*) Есть и русскій переводъ, къ сожалѣнію, не вполнѣ удовлеторительный.

значительной степени зависитъ также отъ воспитанія, дрессировки. Какъ изъ ограниченнаго числа клавишей рояля профанъ извлекаетъ лишь несвязные звуки, а виртуозъ—рядъ разнообразнѣйшихъ мелодій, такъ при условіи одинаковой чувствительности мозговыхъ клѣтокъ у дикаря и у мыслителя, дикарь извлечетъ изъ нихъ лишь неопредѣленныя, зачаточныя идеи, а у мыслителя оттуда выйдутъ умственныя сокровища. Какъ мы еще далеки, однако, отъ истинной оцѣнки мозговой работы съ нашими грубыми пріемами взвѣшиванія *), если для рѣшенія нашей задачи изъ четырехъ частей мозга только одна имѣетъ значеніе для психической жизни. Но если бы даже намъ удалось найти способъ сравнивать мозги отдѣльныхъ особей по числу, вѣсу, объему и сложности невроновъ, какъ оцѣнить тѣ безчисленныя сочетанія, въ которыя невроны способны вступать между собой? Но въ наукѣ никогда не слѣдуетъ отчаяваться. Кто знаетъ? Можетъ быть, рѣшеніе вопроса и отыщется, и, можетъ быть, при этомъ оно окажется столь естественнымъ и простымъ, какъ теперь возможность видѣть внутренность предметовъ при помощи радіоскопическихъ аппаратовъ» (стр. 123).

Въ главѣ объ этническихъ признакахъ Деникеръ не удовлятворяется классификаціонными терминами нѣмцевъ:—Natur- u. Kulturvölker, и тѣмъ менѣе старымъ дѣленіемъ народовъ на охотниковъ, пастуховъ-кочевниковъ и осѣдлыхъ земледѣльцевъ. Онъ находитъ нужнымъ внести поправку и въ позднѣйшую, болѣе совершенную классификацію основныхъ культурныхъ формъ, которая была предложена Морганомъ (въ 1875 году). Какъ извѣстно, Морганъ внесъ новый критерій для распредѣленія степеней цивилизаціи—*письменность.* Исходя изъ этого предложенія, Деникеръ даетъ слѣдующую любопытную схему (стр. 151).

1) *Народы не культурные*, съ крайне медленнымъ процессомъ развитія, безъ письменности (хотя иногда съ зачатками ея въ видѣ *пиктографіи*); эти народы живутъ маленькими группами въ нѣсколько сотенъ или тысячъ человѣкъ и распадаются, въ свою очередь, на двѣ группы: *охотниковъ* (бушмены, австралійцы, огнеземельцы) и *земледѣльцевъ* (напр., сѣверо-американскіе индѣйцы, негры, меланезійцы).

2) *Народы полуцивилизованные*, которые прогрессируютъ замѣтно, хотя и медленно; въ прогрессѣ у нихъ преобладаетъ элементъ «храненія пріобрѣтеннаго». Они образуютъ общества или авторитарныя (деспотическія) государства изъ нѣсколькихъ тысячъ или даже милліоновъ особей, имѣютъ идеографическое или фонетическое письмо, но литературу, развитую слабо (rudimentaire). Они дѣлятся на двѣ категоріи: *земледѣльцы* (китайцы, сіамцы, абиссинцы, малайцы, древніе обитатели Египта и Перу) и *номады* (напр., монголы, арабы).

3) *Народы цивилизованные*, съ быстрымъ прогрессомъ, въ которомъ преобладаютъ элементы «новаторской иниціативы». Они образуютъ государства, основанныя на принципѣ индивидуальной свободы и насчитывающія милліоны особей. Экономическій строй ихъ отмѣченъ *индустріализмомъ* и *меркантилизмомъ космополитическаго характера* (примѣръ: народы Европы и Сѣверной Америки).

Въ главѣ о языкѣ Деникеръ характеризуетъ три установившихся типа членораздѣльной рѣчи: *корневой*, *агглютинативный* (языки съ приставками, которыя механически присоединяются къ корню, напр. финскіе) и *флексивный*. Едва ли только онъ правъ, раздѣляя мнѣніе Кина о первичности средняго типа. Независимо отъ языка словъ, Деникеръ разсматриваетъ языкъ же-

*) Рѣчь шла выше о сравненіи вѣса мозга у людей и обезьянъ: у людей нормальныхъ онъ не бываетъ менѣе 1 килограмма, у самыхъ близкихъ къ человѣку обезьянъ почти вдвое легче.

стовъ и даетъ интересныя свѣдѣнія о *языковъ сигналовъ*, при помощи котораго дикари сообщаются иногда на двѣ, на три версты. Таковъ на Канарскихъ островахъ *языкъ свистовъ* (его не надо смѣшивать съ условными сигналами морской команды), а у негровъ Банту *языкъ бубна* (langage tambouriné): это довольно трудный и сложный языкъ, въ которомъ насчитывается до 300 знаковъ. Исторія письма прослѣживается Деникеромъ до тѣхъ первичныхъ условныхъ знаковъ, которые на Суматрѣ у малайцевъ вручаются посланцамъ, если ихъ отряжаютъ для переговоровъ (куски соли, перца, бетеля)—это рудименты письменности.

Въ пятой главѣ (стр. 173 сл.) Деникеръ говоритъ, между прочимъ, о людоѣдствѣ. Въ настоящее время, по его утвержденію, оно значительно слабѣе, чѣмъ это принято думать. Изслѣдователи нерѣдко торопились съ обобщеніемъ частныхъ случаевъ или дѣлали изъ своихъ наблюденій невѣрные выводы: напр., охоту за черепами считали признакомъ людоѣдства.

Источниковъ людоѣдства насчитывается три: *нужда* (недостаточность животной пищи, напр., у австралійцевъ), *спеціальная жадность* (gourmandise) и *суевѣріе*. Значительная часть случаевъ антропофагіи относится именно къ этому послѣднему источнику; что касается до двухъ первыхъ, то, по мнѣнію Деникера, они составляютъ остатокъ давняго откровеннаго людоѣдства, когда люди ѣли своихъ ближнихъ, какъ любое мясо. Австралійцы и до сихъ поръ ѣдятъ своихъ дѣтей, хотя убиваютъ ихъ съ другою цѣлью, а именно, чтобы сократить размноженіе семьи. Австралійскій ученый Штейнмецъ, на изслѣдованіе котораго Деникеръ по этому случаю ссылается, подводитъ явленія каннибализма подъ двѣ категоріи: первая, когда ѣдятъ своихъ родственниковъ—*эндоканнибализмъ*, вторая—*экзоканнибализмъ* или поѣданіе иностранцевъ. Первая, болѣе рѣдкая, кажется ему пережиткомъ первобытной эпохи.

Говоря объ одеждѣ, Деникеръ опровергаетъ, между прочимъ, давній предразсудокъ, будто чѣмъ менѣе на человѣкѣ обычно одежды, тѣмъ онъ ближе къ первобытному состоянію и тѣмъ ниже его культура. Что касается до стыдливости, то, по мнѣнію Деникера, нѣтъ рѣшительно никакихъ данныхъ утверждать, что это чувство прирождено человѣку. Можно насчитать десятки народовъ, не обнаруживающихъ его хотя бы въ слабой степени. Авторитетные ученые высказываютъ предположеніе, что даже tabliers de pudeur имѣютъ цѣлью не столько маскировать подробности тѣла, сколько украсить ихъ и привлечь на нихъ вниманіе окружающихъ (стр. 202).

Среди фактовъ, указывающихъ на условность чувства стыда, интересенъ, между прочимъ, слѣдующій: тѣ же самые японцы и японки, которые безъ всякаго стѣсненія моются въ банѣ рядомъ, ничего другъ отъ друга не скрывая, очень скандализируются изображеніемъ наготы въ живописи.

Интересны страницы (232 сл.), посвященныя въ книгѣ Деникера играмъ; по его мнѣнію, «*игры* суть первыя проявленія психической жизни не только человѣка, взятаго индивидуально, но и человѣчества въ его цѣломъ». Различіе между играми дѣтей и взрослыхъ идетъ весьма глубоко, до низшихъ ступеней культуры: игры дѣтей основаны на подражательности, у взрослыхъ въ нихъ сказывается или азартъ, или спортъ.

Много любопытнаго сообщается въ книгѣ и о первыхъ стадіяхъ искусства: есть тамъ (стр. 247) даже ноты пѣсенки обитателей Огненной земли (въ минорномъ тонѣ); есть любопытные мотивы узоровъ изъ царства растительнаго и животнаго. Въ области религіи и миѳовъ русскій читатель не найдетъ особенно много новаго. Въ отдѣлѣ первобытной науки любопытно опроверженіе давняго и упорнаго предразсудка, будто если у народа нѣтъ особыхъ словъ для выраженія 4, 5, 6 и т. д., то и счетъ ихъ и выкладки не могутъ идти далѣе. «Идя по такому пути»,—говоритъ Деникеръ,—«можно, пожалуй, признать,

что и французы не умѣютъ считать далѣе 60: вѣдь 75 и 80 выражаются ими только описательно». Что касается дикарей, будто не умѣющихъ считать далѣе трехъ, то это недоразумѣніе: огнеземельцы, напр., вмѣсто *4*, говорятъ *другое два*, а вмѣсто *6*, другое *3* и т. д. Разница отъ насъ такимъ образомъ является лишь лексическою.

Очень интересны въ книгѣ Деникера рисунокъ и описаніе первобытной географической карты у эскимосовъ (стр. 267): это доска съ вырѣзами по краямъ для обозначенія фіордовъ, бухтъ и мысовъ на нѣкоторой части Гренландскаго берега. Въ отдѣлѣ медицины автору пришлось быть особенно разборчивымъ, въ виду особаго обилія матеріала, сообщаемаго путешественниками и изслѣдователями: между прочимъ, у австралійцевъ, стоящихъ на самой низкой ступени развитія мы находимъ такія трудныя хирургическія операціи, какъ оваріотомію, а у негровъ противъ эпилепсіи и мигреней употребляется трепанація черепа, извѣстная въ Европѣ еще съ четвертичнаго періода.

Въ седьмой главѣ Деникеру приходится опровергать, говоря о бракѣ, теорію коммунальнаго брака, которая, въ свое время (въ началѣ 70-хъ годовъ) была такъ блистательно изложена Лёббокомъ.

Точнѣйшія изслѣдованія показываютъ, что древнѣйшей формой брака слѣдуетъ признать бракъ по группамъ: «эта форма еще очень далека отъ нашего индивидуальнаго брака, но она никакъ не можетъ быть приравнена къ безпорядочному смѣшенію половъ: это уже первая попытка урегулировать половыя сношенія и установить степени родства, дабы такимъ образомъ обезпечить дальнѣйшее существованіе и выращиваніе (l'élève) дѣтей» (237 стр.). Сущность *брака по группамъ* состоитъ въ томъ, что мужчины и женщины, принадлежащіе къ одному клану, не заключаютъ между собою браковъ и для брачныхъ союзовъ обращаются въ другіе кланы той же народности.

Восьмая глава даетъ намъ нѣсколько этнографическихъ классификацій и, между прочимъ, ту, основанную на комбинаціи главныхъ соматическихъ признаковъ, которая была предложена авторомъ книги еще 10 лѣтъ тому назадъ. Размѣры замѣтки не позволяютъ мнѣ заняться здѣсь этой любопытной классификаціей.

Во второй, описательной части книги обращу вниманіе читателей на прекрасное изложеніе вопроса о доисторическихъ обитателяхъ Европы и на судьбу столь прошумѣвшаго въ свое время «арійскаго» вопроса. Надо удивляться, какъ хорошо освѣдомленъ нашъ натуралистъ въ этомъ вопросѣ, пожалуй, даже не смежнаго фаха. Слѣдующій выводъ Деникера долженъ быть признанъ строго научнымъ: «Все, что мы имѣемъ законное право утверждать,—говоритъ онъ,—это—что въ эпоху, близкую къ неолитическому вѣку, европейцы аріанизировались по языку, безъ ощутительнаго измѣненія въ устояхъ (constitution) ихъ физическаго типа и, вѣроятно, даже въ цивилизаціи» (стр. 379).

Въ заключеніе вотъ нѣсколько свѣдѣній объ авторѣ книги, который столь же близокъ Россіи, какъ и Франціи. О. Е. Деникеръ родился въ 1852 г. въ Россіи, гдѣ получилъ среднее и высшее образованіе (онъ кончилъ курсъ технологическаго института). Во Франціи, откуда были родомъ его родители и куда онъ переселился въ семидесятыхъ годахъ, онъ слушалъ Брока, Катрфажа и Топинара и пріобрѣлъ ученыя степени. Въ настоящее время онъ имѣетъ почтенную извѣстность, какъ ученый и библіографъ-полиглоттъ. Кромѣ большихъ научныхъ работъ, цѣлый рядъ разнообразнѣйшихъ изслѣдованій былъ помѣщенъ имъ въ «Nouveau dictionnaire de Géographie universelle», «Revue d'anthropologie», «Bibliothèque ethnologique» и другихъ ученыхъ изданіяхъ. По-русски онъ печаталъ, подъ псевдонимомъ Бернара, популярныя статьи по зоологіи и антропологіи въ Коршевскомъ «Заграничномъ Вѣстникѣ» 1881—1883 г. *И. А—скій.*

Ф. Я. Конъ. Физіологическія и біологическія данныя о якутахъ. (Антропологическій очеркъ). Минусинскъ. 1899 г. Работа Феликса Кона начинаетъ собою предпринятый при содѣйствіи Минусинкаго Музея рядъ изданій, посвященныхъ изученію сибирскихъ инородцевъ. Въ числѣ этихъ послѣднихъ якутамъ особенно посчастливилось: трудомъ многочисленныхъ изслѣдователей, занесенныхъ въ эти отдаленные края, о нихъ создана обширная и цѣнная литература, въ которой достаточно упомянуть капитальную работу В. Сѣрошевскаго: «Якуты». Какъ ни важны и не интересны съ научной точки зрѣнія многіе вопросы, затронутые въ этой литературѣ, но важнѣйшимъ изъ нихъ является вопросъ о томъ: увеличивается ли число якутовъ, или же, наоборотъ, уменьшается, т.-е. предстоитъ ли якутамъ, также какъ и другимъ инородцамъ вымереть или нѣтъ. Въ цѣляхъ выясненія главнымъ образомъ этого вопроса была снаряжена на средства Н. М. Сибирякова Якутская экспедиція, въ составѣ которой на долю Ф. Кона выпало производство физіологическихъ наблюденій. Наблюденія касались всѣхъ біологическихъ и физіологическихъ данныхъ, которыя опредѣляютъ жизнеспособность типа: роста, температуры тѣла, пульса и дыханія, мускульной силы, половой способности, продолжительности жизни и проч. Наблюденія производились не только путемъ опроса населенія по заранѣе составленной программѣ, но и посредствомъ строго научныхъ пріемовъ антропометрическихъ измѣреній и физіологическихъ изслѣдованій. Выводъ, къ которому приходитъ авторъ на основаніи всѣхъ полученныхъ такимъ путемъ данныхъ тотъ, что «жизнеспособность якутовъ является несомнѣнной, и если бы не цѣлый рядъ отрицательныхъ факторовъ, якутское племя могло бы быстро увеличиваться и объ исчезновеніи столь жизнеспособнаго племени не могло бы быть и рѣчи. Если такимъ образомъ приходится говорить о возможности вымиранія якутовъ, то причиной тому отнюдь не ослабленная плодовитость, а тѣ бытовыя и экономическія условія, которыя стерли съ лица земли не одно жизнеспособное племя» (стр. 67). Такъ, дѣтская смертность въ якутскихъ семьяхъ достигаетъ поразительныхъ размѣровъ: на 1.000 родившихся умираетъ 625,6—цифра, далеко оставляющая за собою показатель дѣтской смертности въ Европейской Россіи, которая въ этомъ отношеніи занимаетъ первое мѣсто среди европейскихъ государствъ. Но, ознакомившись съ условіями первыхъ лѣтъ жизни якутскихъ дѣтей, съ обычными пріемами ухода за ребенкомъ, помѣщеніями, одеждой, пищей, и все это при крайне суровомъ климатѣ,—приходится удивляться тому, какъ выживаютъ хотя бы немногіе. Насколько вліяніе климата здѣсь не играетъ единственной и рѣшающей роли, могутъ показать примѣръ острова Westmannol близъ Исландіи. На этомъ островѣ 62°/o рождавшихся умирали въ теченіе первыхъ 14 дней жизни отъ конвульсій, благодаря чему его выставляли какъ примѣръ неблагопріятнаго вліянія холоднаго климата. «Достаточно, однако, было открытія хорошо устроенныхъ родильнаго дома и пріюта для дѣтей, чтобы смертность сразу упала до 28°/o всѣхъ родившихся». Пока среди якутовъ есть еще приростъ населенія, но онъ въ значительной степени объясняется тѣмъ, что они увеличиваются численно на счетъ болѣе слабыхъ народностей. Пока соціальныя условія еще не наложили рѣзкаго отпечатка на физическую организацію якута, но «новая эксплуатація приняла гораздо болѣе безсердечную форму именно надъ новыми вліяніями. Она дала толчекъ къ развитію мѣнового хозяйства и, разлагая родовую организацію, рушила и родовую солидарность. Она такимъ образомъ обострила борьбу за существованіе» (стр. 86). Авторъ заключаетъ свою работу прекрасными словами проф. Якобія, высказанными имъ въ публичной лекціи въ Харьковскомъ университетѣ въ 1895 г. «Я бы просилъ тѣхъ, среди которыхъ говорю, благосклонно взглянуть на наши инородческія племена Сѣвера и вѣрить, что по умственнымъ и нравственнымъ свойствамъ они способны къ куль-

турному развитію, что рутинныя воззрѣнія на нихъ, на ихъ дальнѣйшую судьбу основаны на данныхъ, частью недостаточныхъ, частью невѣрныхъ, и что угасаніе этихъ племенъ не такъ распространено, какъ о немъ говорятъ, что оно зависитъ не отъ природныхъ условій ихъ страны, что процессъ угасанія находится въ полномъ противорѣчіи съ нашимъ законодательствомъ, и, наконецъ, что помощь этимъ племенамъ есть дѣло справедливости, есть дѣло чести для культурныхъ людей русской земли». *М. П—въ.*

НАРОДНЫЯ ИЗДАНІЯ.

Японія и японцы. Составила Е. И. Булгакова. Съ рисунками. Стр. 147. Москва 1899 г. — Какъ живутъ японцы. Составила В. Овчининская. Съ 65 рисунками. Стр. 182. Изданіе «Посредника» № 325. Цѣна 40 коп. Москва. 1899 г. Событія въ Китаѣ, обращающія вниманіе всего образованнаго міра на востокъ, не могутъ остаться неизвѣстными и читателю изъ народной среды, благодаря все большему распространенію въ ней всевозможныхъ газетъ и журналовъ. Сообразно съ этимъ, долженъ усилиться и интересъ къ сочиненіямъ, описывающимъ бытъ и нравы какъ самихъ китайцевъ, такъ и ихъ ближайшихъ сосѣдей—японцевъ. Въ ближайшемъ номерѣ «Міра Божія» мы постараемся дать отзывъ о вновь вышедшихъ народныхъ изданіяхъ, посвященныхъ Китаю—пока ихъ появилось еще очень немного. Японіи посчастливилось гораздо болѣе: еще задолго до послѣднихъ событій появились почти одновременно названныя выше книги г-жъ Булгаковой и Овчининской. Пользуемся случаемъ, чтобы поговорить о нихъ теперь же.

Книга г-жи Булгаковой начинается вступленіемъ — характеристикой того поразительнаго контраста между успѣхами техники, промышленности и вообще культуры Японіи съ одной стороны, и оригинальныхъ, ведущихъ свое начало изъ сѣдой старины, національныхъ обычаевъ и нравовъ—съ другой. Въ слѣдующемъ затѣмъ серьезномъ и дѣльномъ историческомъ очеркѣ автору особенно удается картина внутренняго развитія страны, приведшаго ее къ эпохѣ реформъ. Этимъ читатель подготовляется къ пониманію главы II, въ которой описанъ переворотъ императора Мутсу-Гито, его причины и слѣдствія, т.-е. реформы государственнаго и мѣстнаго управленія, сословная, судебная, денежная и т. п. Глава III въ очень краткихъ чертахъ сообщаетъ о географическомъ положеніи и естественныхъ богатствахъ Японіи. Въ слѣдующей главѣ читатель получаетъ представленіе объ обработкѣ рисоваго поля и чайныхъ плантацій, о распредѣленіи земельной собственности въ странѣ, экономическомъ положеніи крестьянъ и т. п. Сравнительно очень подробно авторъ говоритъ о промышленности и торговлѣ, а также о народномъ образованіи, театрѣ и литературѣ Японіи. Тутъ даются очень интересныя и новыя свѣдѣнія о развитіи внѣшней торговли и путей сообщенія въ Японіи, о ростѣ фабрично заводской промышленности, положеніи рабочихъ и о рабочемъ движеніи этого новаго капиталистическаго центра. Говоря о театрѣ и литературѣ, авторъ приводитъ интересные образцы драматическихъ произведеній, бытового романа и сказокъ. Далѣе, на 15 страницахъ (гл. VII) сообщены основныя черты шинтоиской и буддійской религій, а также исторіи христіанскаго миссіонерства. Наконецъ, въ главѣ VIII и послѣдней разсказывается о нравахъ и обычаяхъ японцевъ, ихъ отношеніи къ браку и къ дѣтямъ, объ ихъ развлеченіяхъ и домашней обстановкѣ.

Уже изъ краткаго пересказа содержанія книги видно, что она даетъ достаточно богатый и поучительный матеріалъ для чтенія. Но, признавая за трудомъ г-жи Булгаковой несомнѣнныя достоинства, серьезность и научность содер-

жанія, тщательный выборъ новыхъ свѣдѣній, особенно по вопросу о промышленномъ развитіи Японіи и положеніи ея рабочаго класса, удачный подборъ литературныхъ отрывковъ и т. п., мы должны отмѣтить и нѣкоторыя слабыя стороны книги «Японія и японцы». Прежде всего бросается въ глаза крайняя сухость изложенія, благодаря которой читатель на всемъ протяженіи книжки не встрѣтитъ ни одной живой сцены, ни одной яркой картинки; цифровыя данныя не оживляются сравненіемъ съ данными другихъ, болѣе знакомыхъ странъ. Языкъ книжки вообще трудный, изобилующій книжными выраженіями и понятіями, доступными развѣ лишь читателю, прошедшему среднюю, а можетъ быть, и высшую школу; выраженій вродѣ слѣдующихъ: «режимъ, вассалы, фактическая власть, идея централизаціи, радикализмъ, націоналистическій фанатизмъ, оппозиція, бюрократія» и т. п.—множество, что сильно затрудняетъ пониманіе книжки г-жи Булгаковой читателями изъ народной среды; все же сообщеніе о денежной системѣ (стр. 42—43) окажется совершенно непонятнымъ даже для наиболѣе развитыхъ изъ нихъ. Впрочемъ, возможно, что авторъ книжки «Японія и японцы» и не имѣлъ въ виду читателей изъ народной среды; подобное предположеніе вызывается первыми строками книги: «Еще не такъ давно одно имя «японецъ» вызывало въ воображеніи любого изъ насъ представленіе о некультурномъ человѣкѣ монгольской расы»... и т. д. Думаемъ, что г-жа Булгакова согласится, что въ воображеніи читателя, не получившаго средняго образованія, такое представленіе едва ли можетъ появиться. Издана книжка г-жи Булгаковой хорошо, иллюстрирована пятью недурными рисунками; непріятно лишь изобиліе опечатокъ, хотя и указанныхъ въ особомъ спискѣ.

Книга г-жи Овчининской «Какъ живутъ японцы» также разсказываетъ о географическомъ положеніи и устройствѣ страны, о прошломъ японцевъ, о занятіяхъ и нравахъ ихъ, религіозныхъ вѣрованіяхъ и празднествахъ и т. п., но содержаніе разнообразнѣе, и авторъ останавливается по преимуществу не на тѣхъ сторонахъ жизни японцевъ, которыя привлекли къ себѣ вниманіе г-жи Булгаковой. Описанію природы и географическихъ особенностей японскихъ островові г-жа Овчининская удѣляетъ сравнительно много мѣста, причемъ подробно описываетъ священную гору Фузи-Яма, приводятся разсказы о землетрясеніяхъ и изверженіяхъ вулкановъ, а наиболѣе оригинальному изъ растеній Японіи—бамбуку — посвященъ отдѣльный небольшой разсказъ. Въ историческомъ очеркѣ авторъ болѣе подробно разсказываетъ объ отдаленныхъ временахъ, о первоначальныхъ обитателяхъ страны—айносахъ, о миѳическомъ происхожденіи императоровъ и т. п., и сравнительно мало говоритъ о реформахъ послѣдняго времени. Очень много и подробно говорится о вѣрѣ и религіозныхъ обычаяхъ японцевъ, причемъ авторъ, не ограничиваясь отдѣльными главами, посвященными вопросамъ вѣры японцевъ (главы XI—XV и XLV), неоднократно и въ другихъ мѣстахъ книги возвращаются къ описанію религіозныхъ обычаевъ и взглядовъ японцевъ. Такое вниманіе къ религіозной сторонѣ жизни японцевъ не обусловлено объективными данными, что лучше всего видно изъ слѣдующихъ словъ самого автора: «Теперь изъ ученія Шинто и ученія Будды народъ сохранилъ только вѣру въ то, что ихъ микадо — божественнаго происхожденія. Послѣдователи этихъ религій равнодушны и къ своимъ богамъ, и къ своимъ священникамъ»... И дальше: «Теперь трудно ждать, чтобы японцы обратились въ христіанство. Они равнодушны къ вѣрѣ. Имъ все равно, какую бы вѣру ни исповѣдывать,—значитъ, не для чего ее и перемѣнять. Только развѣ денежная выгода можетъ заставить японца записаться, напримѣръ, въ христіанство, въ протестанты», (стр. 172—173). А если такъ, то автору незачѣмъ было такъ много мѣста удѣлять описаніямъ ученій шинтоизма, буддизма и т. п., которыя не играютъ теперь въ жизни народа никакой роли. Съ другой стороны, говоря

довольно подробно о жизни японскихъ крестьянъ и ихъ занятіяхъ, авторъ ограничивается лишь самымъ бѣглымъ сообщеніемъ о фабрично-заводской промышленности, такъ невѣроятно выросшей въ Японіи за послѣднюю четверть вѣка и такъ замѣтно измѣнившей физіономію страны; при этомъ г-жа Овчининская оттѣняетъ лишь темную сторону вліянія этого развитія на положеніе японскихъ рабочихъ. Въ книгѣ же г жи Булгаковой разностороннему освѣщенію этого вопроса, наоборотъ, удѣлено очень много вниманія. Въ противоположность книгѣ г-жи Булгаковой, и историческій очеркъ въ книгѣ г-жи Овчининской носитъ болѣе внѣшній характеръ. почему причины тѣхъ или другихъ перемѣнъ во внутренней жизни страны остаются недостаточно выясненными. Такъ, реформы императора Мутсу-Гито являются у г-жи Овчининской чѣмъ-то совершенно неожиданнымъ, какимъ-то вдохновеніемъ, осѣнившимъ 15-ти-лѣтняго императора. Только въ двухъ главахъ, разсказывающихъ о сношеніяхъ японцевъ съ иноземцами, авторъ касается также и вліянія ихъ на внутренніе порядки страны и нѣсколько подробнѣе останавливается на моментѣ наступленія періода реформъ. Что касается до описанія нравовъ и обычаевъ японцевъ, то книга г-жѣ Овчининской даетъ читателю несравненно болѣе яркое представленіе о беззаботныхъ и жизнерадостныхъ сынахъ «страны восходящаго солнца», чѣмъ это удается г-жѣ Булгаковой. Въ рядѣ любопытныхъ очерковъ читатель знакомится съ бытомъ городовъ и деревни, съ ходомъ работъ въ мастерской и ученіемъ въ школѣ; въ книгѣ описываются празднества и религіозныя церемоніи японцевъ, пріемъ гостей и свадебные обряды, способы лѣченія и т. п.; разсказывается также о положеніи женщины и воспитаніи дѣтей, о характерѣ и суевѣріяхъ японцевъ, о войскѣ Японіи и войнѣ съ Китаемъ, объ обработкѣ риса и чайныхъ плантацій. Въ видѣ дополненія приложены три японскихъ сказки. Изложеніе г-жи Овчининской очень просто и удобопонятно, часто кстати оживляемое живыми сценками и описаніями очевидцевъ, что выгодно отличаетъ книжку г-жи Овчининской отъ книжки г-жи Булгаковой. Такимъ образомъ, обѣ книги какъ бы дополняютъ другъ друга, являясь одна болѣе пригодной для читателей средняго развитія, другая же для болѣе развитыхъ изъ нихъ. Развитой читатель, интересующійся природой и бытомъ Японіи, можетъ съ успѣхомъ воспользоваться и той, и другой книгой. Книга «Какъ живутъ японцы» издана фирмой «Посредникъ» очень хорошо и стоитъ недорого, особенно если принять во вниманіе многочисленные чисто исполненные рисунки; нѣкоторые изъ нихъ представляютъ копію съ японскихъ рисунковъ и такимъ образомъ даютъ читателю нѣкоторое представленіе о японскомъ искусствѣ. *М. Б.*

А. Александрова. Разсказы о золотѣ. Редакція Н. А. Рубакина стр. 144. Цѣна 30 коп. Изданіе Акц. О ва «Издатель» Спб. 1900 г. Среди старыхъ и новыхъ научно популярныхъ изданій для народа есть книги, съ первыхъ-же страницъ увлекающія читателя и заставляющія его незамѣтно воспринимать очень серьезныя научныя свѣдѣнія, не давая замѣтить ихъ относительную трудность и даже сухость. Другія книги, наоборотъ, не умѣютъ показать свой товаръ лицомъ, (если можно такъ выразиться): матеріалъ въ нихъ распредѣленъ такимъ образомъ, что читатель сразу же наталкивается на сухое, трудное, не привлекательное изложеніе предмета, мало знакомаго, часто не особенно интереснаго, почему, не обладая особою настойчивостью и терпѣніемъ, онъ легко можетъ оставить книгу на первыхъ-же страницахъ и тѣмъ лишить себя дальнѣйшаго, можетъ быть очень интереснаго и поучительнаго чтенія.

Книга г-жи Александровой принадлежитъ, къ сожалѣнію, больше ко второму типу. «Разсказы о золотѣ» по своей темѣ должны бы привлечь къ себѣ вниманіе каждаго читателя изъ народной среды, такъ какъ не найдется, вѣроятно никого, кто бы если не держалъ въ рукахъ, то хоть не видѣлъ бы зо-

лота въ монетахъ и издѣліяхъ, кто не задумывался бы надъ его чудесными свойствами. Къ тому же недавнее введеніе у насъ золотой валюты дѣлаетъ тему разсказовъ г-жи Александровой вполнѣ современной; книга ея представляетъ собою какъ бы популярную монографію о золотѣ. Книга начинается съ сообщенія свѣдѣній о происхожденіи золотыхъ жилъ и розсыпей, физическихъ и химическихъ свойствахъ золота—это особенно подробно—и о способахъ золоченія и чеканки монеты; все это составляетъ содержаніе первой главы. Свѣдѣнія эти, хотя и полезныя для читателя, сообщаются въ такой сухой и не интересной формѣ, что чтеніе первой главы отнюдь не расположитъ читателя къ дальнѣйшему знакомству съ книгой. Объ этотъ можно очень пожалѣть, такъ какъ слѣдующія главы дадутъ читателю много полезнаго и интереснаго, притомъ же изложеннаго въ вполнѣ доступной и не столь сухой формѣ. Эта часть книги какъ бы распадается на два отдѣла. Въ первомъ изъ нихъ, значительно большемъ—главы II, III и IV,—сгруппированы свѣдѣнія о добываніи золота въ Россіи, о бытѣ сибирскихъ пріисковъ и управленіи золотопромышленнымъ дѣломъ въ Россіи. Эта часть книги наиболѣе богата интереснымъ и вполнѣ конкретнымъ содержаніемъ. Изъ нея читатель узнаетъ о распредѣленіи золота на земномъ шарѣ и въ Россіи, объ устройствѣ пріисковъ въ сибирской тайгѣ и на Уралѣ, о способахъ разработки золотыхъ розсыпей и жилъ. Авторъ довольно подробно останавливается на описаніи техническихъ пріемовъ золотопромышленнаго дѣла у насъ въ Сибири, причемъ указываетъ на ихъ рутинность и отсталость по сравненію съ остальными странами, добывающими золото. Жаль только, что при этомъ авторъ не упоминаетъ о тѣхъ приспособленіяхъ и огражденіяхъ, какія введены для огражденія здоровья и жизни рабочихъ въ золотопромышленныхъ районахъ другихъ болѣе культурныхъ странъ. Особенное вниманіе удѣляетъ авторъ положенію пріисковыхъ рабочихъ (гл. III) экономическимъ и юридическимъ условіямъ ихъ существованія на пріискахъ, начиная съ момента появленія рабочаго у пріисковой конторы и кончая выходомъ его изъ тайги; всѣ стороны жизни рабочихъ, очерчены авторомъ хотя и кратко, но достаточно рельефно. Отдѣлъ заканчивается главой IV, въ которой сообщается объ управленіи пріисками въ различныхъ инстанціяхъ, о законѣ 1895 и 1897 г.г. и наконецъ разсказывается любопытная исторія Желтугинской республики. Второй отдѣлъ книги разматриваетъ золото въ качествѣ денегъ и носитъ болѣе теоретическій характеръ. Авторъ вкратцѣ разсказываетъ о возникновеніи обмѣна у первобытныхъ племенъ и о появленіи денегъ, какъ орудія обмѣна, объясняетъ затѣмъ значеніе цѣнности вообще и цѣнности золота какъ монетной единицы. Дальше, послѣ краткаго разсказа объ открытіи Америки, родины золота,—сообщаются краткія свѣдѣнія по политической экономіи, необходимыя для пониманія современной системы денежнаго обращенія. Несмотря на трудность задачи, авторъ съумѣлъ сдѣлать свое изложеніе довольно доступнымъ, во многихъ мѣстахъ поясняя отвлеченныя понятія конкретными примѣрами. Параграфъ «Деньги у насъ въ Россіи» представляетъ краткій историческій очеркъ денежныхъ системъ въ Россіи, послѣ котораго въ параграфѣ «Золотая валюта» авторъ знакомитъ читателя съ понятіемъ о золотой и серебряной валютѣ, ея распространеніемъ въ разныхъ государствахъ и значеніемъ для экономической жизни страны. Подъ заголовкомъ: «Можно-ли сдѣлать золото?» разсказывается о попыткахъ алхимиковъ сдѣлать золото и вскользъ упоминается о роли золота въ человѣческихъ отношеніяхъ. Заключеніе резюмируетъ въ нѣсколькихъ словахъ содержаніе «Разсказовъ о золотѣ». Но написано оно такъ коротко и сухо, что производитъ впечатлѣніе конспекта, а не тѣхъ общихъ выводовъ изъ всей монографіи, какими автору слѣдовало бы подѣлиться съ читателями. Изъ всего сказаннаго можно видѣть, что «Разсказы о золотѣ» составленные тщательно и съ знаніемъ предмета, содержатъ въ себѣ много

разностороннихъ, интересныхъ и полезныхъ свѣдѣній, изложенныхъ притомъ, если и не въ особенно живой, то во всякомъ случаѣ въ вполнѣ доступной формѣ. Поэтому книгу г-жи Александровой можно безусловно рекомендовать для распространенія въ читающей народной средѣ.

Издана книжка хорошо, текстъ снабженъ довольно многочислеными рисунками, изъ которыхъ нѣсколько однако сдѣланы слишкомъ не отчетливо; неудобно тазже отсутствіе оглавленія Текстъ разсказовъ раздѣленъ, какъ уже было сказано, на 5 главъ, которыя въ свою очередь распадаются на множество болѣе мелкихъ главъ или параграфовъ съ особыми заголовками. Подобный пріемъ дѣленія текста въ научно-популярныхъ сочиненіяхъ имѣетъ свой смыслъ, такъ какъ облегчаетъ читателямъ работу памяти и вниманія,— но въ данномъ случаѣ авторъ зашелъ слишкомъ далеко, введя въ книгѣ параграфы величиной въ $3^1/_2$—$4^1/_2$ строки, какъ напримѣръ, «Дѣти» и «Контракты». Думается намъ также, что слишкомъ подробное описаніе машинъ, къ которому вѣроятно въ видахъ бо́льшей наглядности нерѣдко прибѣгаетъ авторъ, не достигаетъ цѣли, а служитъ только излишнимъ балластомъ, загромождающимъ текстъ книги. Взамѣнъ его авторъ хорошо бы сдѣлалъ, введя въ свои разсказы хотя-бы маленькія картинки быта американскихъ или австрійскихъ золотоискателей, которыя послужили бы интереснымъ констрастомъ закрѣпощенности сибирскихъ рабочихъ. *М. Б.*

Разсказы о Греціи и грекахъ. Составила О. Забѣлло. Съ 28 рисунками. Стр. 173. Изданіе «Посредника» № 362. Москва 1900 г. Разсказы о Греціи и грекахъ ведутся отъ лица туриста, который въ живой, полубеллетристической формѣ описываетъ свое путешествіе по Греціи,—странѣ, очень мало извѣстной даже образованнымъ русскимъ читателямъ. Путешественникъ по мѣрѣ осмотра городовъ и деревень, острововъ и горныхъ вершинъ, непритязательно дѣлится съ читателями своими впечатлѣніями, разсказывая по пути о нравахъ городскихъ и сельскихъ жителей, о государственномъ управленіи и народномъ образованіи, объ обрядахъ похоронномъ и свадебномъ, о занятіяхъ земледѣліемъ и торговлей, о фабричномъ производствѣ, добываніи рудъ и мрамора, о бытѣ пастуховъ и разбойниковъ и т. п., и т. п. По пути производятся свѣдѣнія изъ новой греческой исторіи (стр. 102—103 и 51). Книга читается легко и съ интересомъ, хотя авторъ могъ бы значительно сократить количество описываемыхъ мѣстностей, безъ всякаго ущерба для полноты знакомства со страной. Но читатель напрасно сталъ бы ждать попутныхъ, сколько-нибудь полныхъ сообщеній по исторіи древней Греціи. Видъ самыхъ знаменитыхъ въ древности мѣстностей не вызываетъ въ авторѣ путешествія историческихъ воспоминаній. Лишь кое-гдѣ, мимоходомъ, онъ упоминаетъ объ остаткахъ древнихъ храмовъ и о связанныхъ съ ними преданіяхъ (стр. 15—21, 132). О государственномъ строѣ древней Греціи сказано всего нѣсколько словъ въ главѣ объ устройствѣ поверхности (стр. 105). Нѣсколько подробнѣе разсказываетъ авторъ о дельфійской пифіи (стр. 143—144) и затѣмъ въ отдѣльныхъ главахъ описываетъ элевзинскія таинства съ миѳомъ о Прозерпинѣ и раціональнымъ объясненіемъ его (стр. 144—149) и олимпійскія игры, причемъ приводитъ и свѣдѣнія о религіи древнихъ грековъ. Издана книга «Посредникомъ» хорошо и снабжена многочисленными, недурно исполненными, рисунками. *М. Б.*

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА

(съ 15-го іюля по 15-ое августа 1900 г.).

Т. Щепкина-Куперникъ. Ничтожные міра сего. Незамѣтные люди. Цѣна каждаго тома 1 руб.

Н. Новиковъ. Наука, школа и жизнь. Изд. В. Маракуева. Одесса. 1900 г.

Н. Н. Брешко-Брешковскій. Повѣсти и разсказы. Спб. 1900 г. Ц. 1 руб.

Н. Ломакинъ. Легкіе разсказы. Москва. 1900 г. Ц. 60 коп.

И. П. Бѣлоконскій. Деревенскія впечатлѣнія. Спб. 1900 г. Ц. 1 руб. 50 коп.

Іованъ П. Рогановичъ. Боснійско-Хумскій вопросъ въ связи съ національно-государствен. состояніемъ сербскаго народа наканунѣ XX столѣтія. Казань 1900 г.

Его же. Македонскій вопросъ на почвѣ его исторіи, этнографіи и политики. Казань. 1900 г.

П. А. Левицкаго. Въ родныхъ углахъ. Очерки и разсказы. М. 1900 г. Ц. 30 коп.

Н. Абрамовъ. Даръ слова. Искусство излагать свои мысли. Спб. 1900 г. Ц. 25 к.

Его же. Словарь русскихъ синонимовъ и сходныхъ по смыслу выраженій. Спб. 1900 г. Ц. 1 руб.

Труды коммиссіи, избранной XIII съѣздомъ нефтепромышленниковъ для разработки вопросовъ объ обезпеченіи пострадавшихъ рабочихъ. Баку. 1900 г.

А. Н. Овсянниковъ. А. В. Суворовъ. Изд. ред. журнала «Дѣтское чтеніе» и «Педагогическій листокъ». М. 1900 г. Ц. 5 коп.

Н. А. Соловьевъ-Несмѣловъ. Мирный завоеватель. Историческая повѣсть. Изд. ред. журнала «Дѣтское чтеніе» М. 1900 г. Ц. 40 коп.

Октавъ Мирбо. Дурные пастыри. Драма въ 5-ти дѣйств. Перев. съ франц. Ѳ Л. Г-ой. Харьковъ. 1900 г.

А. Я. Заринъ. Мужья и жены. Разсказы. Спб. 1900 г. Ц. 1 руб. 50 коп.

Проектъ устава кассы страхованія отъ несчастныхъ случаевъ при съѣздѣ бакинскихъ нефтепромышленниковъ. Баку 1900 г.

Жоржъ Фонсегривъ. Элементы психологіи. Перев. съ франц. П. П. Соколова. Сергіевъ посадъ. 1900 г. Ц. 1 р. 25 к.

Н. Новичъ. Французскіе поэты. Спб. 1900 г. Ц. 1 р.

В. Дорошевичъ. Въ землѣ обѣтованной (Палестина) М. 1900 г. Ц. 1 р. 25. к.

Е. Н. Тихомирова. Избранныя сочиненія А. С. Пушкина. Изд. журнала «Дѣтское чтеніе». М. 1900 г. Ц. 25 коп.

Разсказы Киплинга. Съ англ. А. Н. Рождественской, книжка I-я. Изд. журн. «Дѣтское чтеніе». М. 1900 г. Ц. 50 к.

Д. Н. Маминъ-Сибирякъ. Повѣсть. Бѣлое золото. Изд. журн. «Дѣтское чтеніе». М. 1900 г. Ц. 50 коп.

А. Гутчинсонъ-Стирлингъ. Маленькая королева. Съ англ. А. Рождественской. Изд. журнала «Дѣтское чтеніе». М. 1900 г. Цѣна 30 коп.

М. Д. Рывкинъ. Въ духотѣ. Эскизы и очерки. Спб. 1900 г. Ц. 80 коп.

С. Аргамаковъ. Слабая борьба съ сильными заблужденіями въ соврем. воспитаніи. Спб. 1900 г. Ц. 60 коп.

Н. Водовозовъ. Экономическія идеи французскихъ католиковъ.

И. Энгельманъ. Исторія крѣпостного права въ Россіи. Перев. съ нѣмецк В. Щербы, подъ ред. А. Кизивитуера. М. 1900 г. Изд. Скирмунта. Ц 1 руб.

Сельскохозяйств. обзоръ Нижегородской губ. за 1897 и 1898 гг. Изд. нижег. губ. земства. Н.-Новгородъ 1900 г. Цѣна 1 руб.

В. Н. Спасскій. Лѣкарственныя растенія. М. Изд. Тихомирова. 1900 г. Ц. 20 к.

Н. В. Ельмановъ. Бесѣды о заразныхъ болѣзняхъ нашихъ домашнихъ животныхъ. М. 1900 г. Изд. М. Тихомирова. Ц. 10 к.

Пермская губ. въ сельскохозяйств. отношеніи. Пермь. 1900

A. Savelief. Aperçu historique sur le Developpemént de l'Enseignement primaire dans le District de Nijni-Nowgorod. Paris. 1900 г.

В. М. Сысоевъ. Сказки природы. Силы стихійныя съ рисунками. М. 1900 г. Изд. журн. «Дѣтское чтеніе». Ц. 7 к.

Его же. Сказки природы. Изъ жизни растеній. Съ рисунками. М. 1900 г. Изд. журн. «Дѣтское чтеніе». Ц. 10 коп.

Врача В. П. Успенскаго. Дифтерія въ Воронежской губ. въ 1877 и 1899 гг. Изд. воронежск. губ. земск. управы. Воронежъ. 1900 г.

Врача А. И. Шингарева. Малярія по Воронежской губ. въ 1898 г. Изд. воронежск. губ. земск. управы. Воронежъ. 1900 г.

Эдмондо de-Амичисъ. Экипажъ для всѣхъ. Пер. съ итал. Е Колтоновской. Изд. Б. Н. Звонарева. Спб. 1900 г. Ц. 1 руб.

Д. Котляръ. Крыша міра. Описаніе центральной Азіи. Съ 18 рисунк. и картою. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1900 г. Ц. 80 к.

Л. З. Яхнинъ. Сила воли или искусство владѣть собой. Спб. 1900 г. Ц. 70 к.

А. И. Красносельскій. Міровоззрѣніе гуманиста нашего времени. Основы ученія Н. К. Михайловскаго. Спб. 1900 г. Цѣна 60 коп.

Труды VII совѣщанія гг. земскихъ врачей и предсѣдателей земскихъ управъ Воронежской губ. 25—31 августа 1900 г. Томъ I-й. Изд. воронежскаго губ. земства. Воронежъ. 1900 г.

Отчетъ тверской губернской земской управы за 1898 г. Тверь 1899 г.

Журналы тверского губернскаго земскаго собранія очередной сессіи 1899 г. Тверь 1900 г.

Приложенія къ журналамъ тверскаго очередного губернск. земск. собранія сессіи 1899 г. Тверь 1900 г.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«The Overland to China» by Archibald R. Colguhoun. With Illustratiöns and Maps. (Harper and Brothers). (По сухому пути въ Китай). Авторъ описываетъ страны, которыя онъ посѣтилъ во время своего послѣдняго путешествія въ Китай, послѣ того, какъ въ Пекинѣ произошла дворцовая революція. Авторъ отправился туда черезъ Сибирь. Самою трудною частью пути оказалась дорога изъ Кяхты въ Пекинъ, такъ какъ автору пришлось испробовать пять способовъ путешествія. Особеннаго вниманія заслуживаетъ описаніе Пекина и все то, что авторъ говоритъ о положеніи дѣлъ въ китайской столицѣ.

(Athaeneum).

«Feodal and Modern Japan» by Arthr May Knapp. With 24 photogravure Illustrations. (Duckworth and C°). (Феодальная и современная Японія). Книга заключаетъ въ себѣ достаточно полное описаніе Японіи въ ея прошломъ и настоящемъ видѣ и знакомитъ читателя съ тѣми превращеніями, которымъ подверглась эта страна въ настоящее время, и съ ея прежнимъ устройствомъ.

(Daily News).

«United States» Impressions of America. By T. C. Porter. With Illusttarions. (Pearson). (Соединенные Штаты). Въ высшей степени интересное описаніе одной увеселительной поѣздки на Ніагару, въ Іеллоустонскій паркъ, Калифорнію и Колорадо. Книга прекрасно иллюстрирована.

(Daily News).

«Die Frau als Industriearbeiterin» von Fr. Collet. Verlag der Arbeiterversorgung. A. Troschel). Berlin. (Женщина, какъ промышленная работница). Авторъ—убѣжденный противникъ промышленнаго труда замужнихъ женщинъ, главнымъ образомъ, возстаетъ противъ работы женщинъ на фабрикахъ. На основаніи личнаго опыта и подробныхъ изслѣдованій, авторъ описываетъ тяжелое положеніе семьи, гдѣ мать и отецъ должны ходить на фабрику. Результатомъ такого ненормальнаго положенія вещей бываетъ не только безпорядокъ въ хозяйствѣ и семьѣ, но вырожденіе и гибель потомства, вслѣдствіе отсутствія о немъ попеченій. Отвѣтственность за это падаетъ конечно не на мать-работницу, а на капиталистическое общество, которое вынуждаетъ женщину идти на фабрику. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ авторъ является сторонникомъ женской эмансипаціи и только женскій фабричный трудъ встрѣчаетъ въ немъ горячаго противника.

(Frankfurter Zeitung).

«Les Ecrivains et les Moeurs» par Henry Bardeaux. (Pion et Nourrit). 3 fr. 50 c. (Писатели и нравы). Въ книгѣ собраны тридцать статей, посвященныхъ различнымъ произведеніямъ и литературнымъ событіямъ послѣднихъ четырехъ лѣтъ. Авторъ, впрочемъ, не ограничивается только современными писателями и говоритъ также объ умершихъ знаменитостяхъ французской и нѣмецкой литературы и объ ихъ вліяніи на современное теченіе литературной мысли.

(Journal des Débats).

«Organisation der socialen Verhältnisse» von S. Doret. (Schröter). Leipzig. (Организація соціальныхъ условій). Въ основу своей теоріи авторъ ставитъ «естественное право» и уже на этомъ фундаментѣ строитъ массу прекрасныхъ воздушныхъ замковъ. Не смотря на это, книга представляетъ значительный интересъ.

(Frankfurter Zeitung).

«Mafeking». A. Diary of the Siege, by Major F. D. Baillie. Illustrated. (Archibald Constable). (Мэфкингъ). Чрезвычайно интересное описаніе жизни въ осажденномъ городѣ. Авторъ пробылъ въ Мэфкингѣ съ начала осады этого города до его освобожденія и велъ дневникъ, къ которому приложилъ рисунки, сдѣланные во время осады, различныхъ сценъ и видовъ Мэфкинга. (Athaeneum).

«Chinese Characteristics» by Arthur H. Smith. Fifth Edition. (Oliphant Anderson) with 16 Illustrations. (Характеристики Китая). Прекрасно написанная и интересная книга, дающая представленіе о жизни въ Китаѣ и китайскомъ народѣ. Иллюстраціи очень хороши.

(Athaeneum).

«*Korean Sketches*». *A. Missionary's Observations in the Hermit Nation. By James L. Gale. With 10 Illustrations*). (*Корейскіе очерки*). Наблюденія миссіонера, прожившаго нѣсколько лѣтъ въ Кореѣ, представляютъ достаточно богатый матеріалъ, знакомящій читателей съ условіями корейскаго быта и характеромъ корейскаго народа. Книга хорошо иллюстрирована.

(Athaeneum).

«*From Far Formosa*»; *its Islands, its Pcopleand Missions by George Zeslie Makay. Third edition. With portraits, Illustrations and Maps.* (*Изъ далекой Формозы*). Авторъ пробылъ двадцать три года миссіонеромъ на островѣ Формова и хорошо изучилъ этотъ островъ и его населеніе. Очерки жизни на Формозѣ и ближащихъ острововъ написаны живо и читаются съ интересомъ.

(Manchester Guardian).

«*Darwinism and Lamarckism, old and New*» *by Fredericku Wollaston Hutton.* (*Дарвинизмъ и ламаркизмъ, старый и новый*). Книга разсчитана на большой кругъ читателей и заключаетъ въ себѣ изложеніе ученія Дарвина и Ламарка и характеристику ихъ взаимнаго положенія.

(Daily News).

«*America's working people*» *by Charles Spahr.* (*Longmans and C°*). (*Рабочее населеніе Америки*). Въ книгѣ собранъ обильный матеріалъ, относящійся къ рабочимъ классамъ Америки. Содержаніе книги слѣдующее. Старинные фабричные города въ Новой Англіи.—Новые фабричные города на югѣ. — Первобытная община. — Негръ, какъ промышленный факторъ. — Негръ, какъ гражданинъ.—Угольныя копи въ Пенсильваніи.—Центры желѣзной промышленности. — Движеніе рабочихъ союзовъ въ Чикаго.—Мормоны.—Сѣверная ферма.

(Daily News).

«*Travels on the Amazon and Rio-Negro*» *by Alfred Russel Wallace.* (*Ward, Lockand C°*). (*Путешествія по Амазонкѣ и Ріо-Негро*). Это второе изданіе книги Уоллеса, исправленное и дополненное прекрасными иллюстраціями. Къ книгѣ приложенъ краткій біографическій очеркъ.

(Booksellеs).

«*Handel und Handelspolitik*» *von D-r R. von der Borghi, professor der Nationaleokonomie. Leipzig.* (*Hirschfeld*) *1900* (*Торговля и торговая политика*). Несмотря на то, что авторъ называетъ свою книгу руководствомъ, она написана такъ, что можетъ быть доступна самому широкому кругу читателей, интересующихся вопросами торговой политики. Та часть книги, въ которой разсматривается экономическое значеніе и развитіе торговли, особенно интересно написана; затѣмъ также интересны главы о трудѣ и конкурренціи въ торговлѣ. Вторая часть книги посвящена торговой политикѣ.

(Frankfurter Zeitung).

«*Das Aufsteigen des Arbeiterstandes in England*». *Ein Beitrag Zur socialen Geschichte der Gegenwart, von Hans von Nostr. Ien. Verlag von Gustav Fischer.* (*Развитіе рабочаго сословія въ Англіи*). Англія давно уже привлекаетъ къ себѣ взоры теоретиковъ и практиковъ въ области соціальной и экономической политики своимъ развитіемъ въ этомъ направленіи. Изслѣдованіе соціальныхъ и экономическихъ условій Англіи даетъ богатый матеріалъ, которымъ и воспользовался авторъ названной книги, чтобы представить картину роста и развитія рабочаго сословія въ Англіи и всѣхъ учрежденій, имѣющихъ отношеніе къ ея экономическимъ условіямъ.

(Frankfurter Zeitung).

«*Salaires et Misères des femmes*» *par Comte d'Haossonville.* (*Colman Levy*). *Paris.* (*Заработки и бѣдствія женщинъ*). Французскій экономистъ графъ д'Оссонвилль разсматриваетъ въ этой книгѣ неблагопріятное положеніе женщины, создаваемое ей французскими законами, въ особенности женщины-работницы, которой приходится снискивать себѣ пропитаніе иглой. Въ книгѣ собраны крайне интересныя свѣдѣнія о различныхъ женскихъ союзахъ взаимопомощи и обществахъ, имѣющихъ цѣлью улучшеніе положенія женщины.

(Journal des Débats).

«*Die Geselschaft*» *von Erast Victor Zenker.* (*Georg Reimer*). *Berlin.* (*Общество*). Авторъ дѣлаетъ попытку суммировать въ своей книгѣ результаты изслѣдованій въ области соціологіи. Онъ не вдается въ разборъ различныхъ соціологическихъ методовъ и теорій, а излагаетъ только добытые результаты и современные факты соціологической науки и дѣлаетъ это въ такой занимательной формѣ, что даже люди, не посвященные въ тонкости соціологической науки, прочтутъ его книгу съ интересомъ. Ясно и просто излагаетъ онъ труднѣйшія проблемы, на которыя наталкивается каждый соціологическій изслѣдователь въ первобытной исторіи человѣчества. Въ первой части, заключающей въ себѣ семь главъ, авторъ разсматриваетъ общества животныхъ, первобытно-соціальныя условія человѣка, первобытное хозяйство, процессъ политическаго развитія и т. д.

(Frankfurter Zeitung).

«*The Theology of Civilisation*» *by Charles F. Dole.* (*Теологія цивилизаціи*). Авторъ пользуется извѣстностью въ Соединенныхъ Штатахъ, какъ писатель особенно интересующійся соціальными и этическими вопросами. Въ настоящемъ своемъ трудѣ онъ разсматриваетъ, какимъ образомъ выс-

шая идея религіи возникла и развилась на почвѣ фактическихъ представленій и предразсудковъ древнѣйшихъ временъ. Особенно интересны слѣдующія главы книги: «Царство сомнѣній», «Раціональный оптимизмъ» и «Процессъ цивилизація».

(Bookseller).

«Chalmers on Charity». A seleston of passages and scenes to illustrate the social teaching and practical work of Thomas Chalmers. Arranged and edited by N. Masterman. (*Чальмерсъ о благотворительности*). Цѣль этой книги, говоритъ въ своемъ предисловіи издатель и составитель ея Мастерманъ, дать возможность тѣмъ, кто интересуется участью бѣдныхъ классовъ, воспользоваться практическою мудростью одного изъ великихъ людеей. Произведенія доктора Чальмерса мало извѣстны, что отчасти происходитъ оттого, что онѣ мало доступны. Издатель собралъ въ своей книгѣ извлеченіи изъ его сочиненій, главнымъ образомъ касающіяся благотворительности. Какъ политики, такъ и филантропы могутъ позаимствовать изъ этой книги много полезныхъ указаній.

(Bookseller).

«Prophets of the Nineteenth Century» by May Alden Ward. (*Gay and Bird*). (*Пророки девятнадцатаго вѣка*). Авторъ этой книги называетъ величайшими пророками нашего вѣка Карлейля, Рёскина и Толстого и группируетъ ихъ вмѣстѣ. Карлейль передъ своею смертью сказалъ, что Джонъ Рёскинъ былъ единственнымъ человѣкомъ въ Англіи, который могъ проводить его идеи, а Рёскинъ съ своей стороны объявилъ, что только Толстой—единственный человѣкъ на свѣтѣ, который сочувствуетъ его идеямъ и борется съ тѣмъ же зломъ, съ которымъ боролся Рёскинъ. Авторъ проводитъ параллель между взглядами всѣхъ «трехъ пророковъ» и приходитъ къ заключенію, что они дополняютъ другъ друга.

(Daily News).

«The Story of Bird Life» by W. P. Pycraft. (*Исторія птичьей жизни*). Эта книга входитъ въ составъ серіи изданій, извѣстныхъ подъ названіемъ «Library of useful Stories». Авторъ описываетъ въ общихъ чертахъ царство пернатыхъ. Книга написана очень популярно и притомъ настолько занимательно, что читается легко. Иллюстраціи недурны.

(Daily News).

«Great Books as Life teachers» by Newell Dwight Hillis. (*Oliphant, Anderson and Ferrier*). (*Великія произведенія, какъ наставники жизни*). Авторъ доказываетъ, что великіе беллетристы и поэты, сознательно или безсознательно, являются проповѣдниками нравственности и духовной культуры. Кромѣ писателей, авторъ считаетъ наставниками нравственности и разныхъ великихъ общественныхъ дѣятелей.

(Bookseller).

Издательница А. Давыдова. Редакторъ Викторъ Острогорскій.

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

М. г., г. редакторъ!

Въ августовской книжкѣ «Міра Божія» появилась рецензія моей «Физической антропологіи». Она принуждаетъ меня къ нѣсколькимъ словамъ выясненія. Въ заглавіи книжки сказано, что она появилась при моемъ содѣйствіи. Между тѣмъ, это содѣйствіе ограничилось лишь пересмотромъ корректурныхъ листовъ первой половины книжки, второй же половины я не былъ въ возможности пересмотрѣть. Оговорка эта тѣмъ важна, что я не желалъ бы нести отвѣтственности за погрѣшности, въ которыхъ рецензентъ меня упрекаетъ и въ которыхъ я не причастенъ.

На стр. 113 перевода сказано: «Пространство между Варшавою и Вислой (?—знакъ рецензента) изрѣзано полосами, идущими съ сѣвера. Онѣ являются результатомъ вторженія бѣлокурыхъ германскихъ элементовъ, вслѣдствіе чего на прилагаемой картѣ эти полосы свѣтлѣе остального пространства, болѣе темнаго, населеннаго поляками». Рецензентъ къ этому прибавляетъ, что при всемъ стараніи не нашелъ никакихъ полосъ въ пространствѣ «между Вислой и Варшавой». И онъ вполнѣ правъ! Въ польскомъ подлинникѣ, вмѣсто города Варшава, стоитъ рѣка Варта. Корректоръ, видно, не посмотрѣлъ въ рукопись и вышла ошибка.

На стр. 96 и 97 русскаго перевода поляки причислены къ восточнымъ славянамъ. Почему и откуда?—право, я не понимаю. Не имѣя подъ рукой русскаго перевода, я не могу сравнить его съ польскимъ подлинникомъ и узнать, откуда произошла эта ошибка. Въ польскомъ подлинникѣ ея нѣтъ. Я догадываюсь, что «поляки» напечатано вмѣсто «рутеновъ».

Равнымъ образомъ я не могу быть привлеченъ къ отвѣтственности за несоотвѣтствіе между текстомъ и діаграммами на стр 19 и 100 и за опечатки въ цифрахъ на стр. 92. Въ польскомъ подлинникѣ нѣтъ такого несоотвѣтствія, да и число діаграммъ больше. Тоже въ подлинникѣ нѣтъ неопредѣленности въ указаніи способовъ измѣренія прогнатизма, но на этомъ я не настаиваю, такъ какъ я имѣлъ соотвѣтственное мѣсто въ корректурныхъ листахъ и не замѣтилъ неточности. Въ другомъ мѣстѣ вмѣсто условнаго оборота появился утвердительный. Кстати, я намѣревался въ переводѣ измѣнить слишкомъ обобщенное утвержденіе, что у того же самаго народа не можетъ одновременно существовать двухъ родовъ погребенія, но, не будучи въ возможности вести другую половину книжки въ корректурныхъ листахъ, я не сдѣлалъ этого. Пользуясь случаемъ, я спѣшу хотя въ отвѣтѣ моемъ на рецензію ограничить высказанное положеніе въ его слишкомъ общей формѣ.

Въ концѣ остается мнѣ поблагодарить г. Д. Кудрявскаго за указаніе недостаточно развитыхъ мною мѣстъ.

Людвикъ Кржививкій.

руки дѣвушки, которая старалось отнять ихъ, и прижала ихъ къ своей груди.

— Развѣ запрещено кричать отъ боли, когда нѣтъ больше силъ терпѣть? Не думаю! Я не могла бы бороться съ вами, интриговать противъ васъ, или ненавидѣть васъ. Это не въ моей власти, не въ моей натурѣ. Но что мѣшаетъ мнѣ прійти къ вамъ и сказать: я страдала жестоко. Дѣтство мое было печально, родной домъ унылъ и мраченъ. Я вышла замужъ дѣвочкой, не знающей жизни, за человѣка, который сдѣлалъ меня несчастной. Но когда родился мальчикъ, это загладило все. Послѣ этого я никогда не роптала, никогда не жаловалась. Мнѣ казалось, что у меня есть все, чего я заслуживаю—и много, много больше того! Потомъ тамъ, въ Швейцаріи, когда я, проснувшись, не нашла его—одно только помогло мнѣ перенести это. Я слышала, какъ швейцарецъ докторъ сказалъ моей горничной—онъ былъ добрый старикъ и очень жалѣлъ меня,—что я сама очень слаба здоровьемъ, и мнѣ недолго придется горевать о ребенкѣ. Но—ахъ! Сколько человѣкъ можетъ вынести и не умереть! Я вернулась домой, къ отцу. За восемь лѣтъ не было ни одной ночи, когда бы я уснула не въ слезахъ, когда бы мнѣ не представлялось, что на груди у меня покоится головка моего мальчика. Ночью я просыпалась отъ восторга и чувствовала его возлѣ себя, и цѣловала его локоны.

Рѣчь ея оборвалась рыданіемъ. Люси, охваченная безумной жалостью, старалась вырвать свои руки, чтобы обнять и привлечь къ себѣ эту колѣнопреклоненную фигуру. Но Элеонора только крѣпче сжала ея руки и торопливо продолжала:

— Въ прошломъ году я начинала надѣяться, что конецъ близокъ. Всѣ находили, что я очень плоха. Доктора требовали рѣшительныхъ мѣръ, и даже папа не возражалъ, когда тетя Пэтти стала просить меня пріѣхать къ нимъ Римъ. Я пріѣхала въ Римъ въ странномъ состояніи; все было мнѣ какъ-то особенно мило. Такъ бываетъ передъ отъѣздомъ, когда видишь родныя мѣста въ послѣдній разъ, а впереди—долгій путь. А потомъ и началось все! Новая жизнь, новый приливъ силъ и здоровья, первые счастливые дни въ моей жизни, кромѣ тѣхъ, что я провела съ ребенкомъ. Я знаю—о, я не обманываю себя! Я знаю, что для Мэнистея это было не то же самое, что для меня. Но я не требую многаго. Я знала, что лучшую часть своего сердца онъ уже отдалъ другимъ женщинамъ—давно за много лѣтъ до нашей встрѣчи. Но всѣ его прежнія привязанности угасли, и я была почти благодарна имъ за то, что онѣ сохранили его для меня—истощили и укротили его, такъ что мнѣ такой безцвѣтной и блѣдной, съ сравненіи съ *тѣми, другими!* сдѣлалось возможно проскользнуть въ его сердце,—и онъ не закрылъ передъ мной двери, а принялъ меня съ радостью, потому что онъ усталъ и радъ былъ, что отъ него не требуютъ многого.

Она выпустила руки Люси, поднялась и, заломивъ руки, начала ходить изъ угла въ уголъ, откинувъ голову назадъ, словно сосредоточивъ все свое вниманіе на звукахъ и образахъ, встававшихъ въ ея памяти.

Люси смотрѣла на нее съ изумленіемъ, потомъ тоже встала и подошла къ ней.

— Когда мнѣ уѣхать?—спросила она просто —Вы должны помочь мнѣ уладить дѣло съ миссъ Мэнистей. Можно бы уѣхать и завтра—найти предлогъ не трудно.

Лицо Элеоноры исказилось.

— Это ничему не поможетъ—ничему! Онъ только догадается, что я просила васъ.

Люси помолчала минутку, потомъ у нея вырвалось стономъ:

— Что же мнѣ дѣлать?

— Какое право имѣю я требовать, чтобы вы вообще что-нибудь сдѣлали?—уныло выговорила Элеонора.—Я сама не знала, чего хотѣла, когда начала этотъ разговоръ.

Она пошла дальше, сумрачно глядя внизъ. Люси шла рядомъ съ нею, продѣвъ ея руку въ свою. Слезы катились по щекамъ молодой дѣвушки, но мысль ея безостановочно работала, и она была совершенно спокойна.

— Я увѣрена,—выговорила она наконецъ, почти твердымъ голосомъ—что ваши страхи совсѣмъ, совсѣмъ напрасны. М-ръ Мэнистей не питаетъ—не можетъ питать ко мнѣ ничего, кромѣ нѣкоторой симпатіи. Все ваше вернется къ вамъ, и не я отняла это у васъ. Но что бы вы ни сказали мнѣ, о чемъ бы ни попросили—это будетъ сдѣлано.

Элеонора, задыхаясь отъ волненія, повернулась и обняла дѣвушку за шею.

— Останьтесь,—прошептала она:—останьтесь еще на нѣсколько дней. Не надо ничего рѣзкаго — вызывающаго. Потомъ уѣзжайте, потихоньку не давъ ему знать, куда—и на свѣтѣ останется женщина, которая будетъ носить васъ во святая святыхъ своей души и молиться за васъ, пока вы живы, каждой мыслью, каждымъ самымъ завѣтнымъ своимъ помышленіемъ!

Обѣ женщины упали въ объятія другъ друга. Люси, съ материнской нѣжностью прижалась губами къ горячей головѣ, лежавшей на ея груди, шепча слова утѣшенія, надежды, укора себѣ, чувствуя, что все ея существо сливается съ душой Элеоноры, въ великомъ порывѣ состраданія и страстнаго желанія помочь.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Они всей компаніей ѣхали съ двѣнадцати-часовымъ поѣздомъ въ Римъ.

Англійскій посолъ, перенесшій за этотъ мѣсяцъ цѣлый рядъ политическихъ и домашнихъ непріятностей, завершившихся бунтомъ и отставкой неаполитанца-повара, получилъ, наконецъ, возможность исполнить свой давнишній капризъ и устроить завтракъ для заинтересовавшей его молоденькой американки. Домомъ его заправляла въ это время его замужняя дочь, леди Марія, пріѣхавшая изъ Индіи на зиму приглядѣть за своими дѣтьми и старикомъ отцомъ. Когда отецъ поручилъ ей написать приглашенія къ этому завтраку, она подняла брови съ видомъ добродушнаго удивленія.

— Душа моя, — сказалъ посолъ,— мы цѣлые полгода добросовѣстно исполняли свой долгъ, надо же, наконецъ, когда-нибудь и вздохнуть!

Дочь поняла. Цѣлыхъ полгода ея отецъ день за днемъ принималъ и угощалъ коронованныхъ особъ и министровъ и это ему надоѣло. Въ душѣ стараго посла жилъ элементъ непокорности, который леди Марія хорошо знала и остерегалась вызывать.

И потому приглашенія были разосланы.

— Собери для нея нѣсколько интересныхъ типовъ, душа моя,—сказалъ посланникъ,—знаешь, всего понемножку.

Леди Марія сдѣлала, что могла. Она пригласила итальянскую маркизу, которую отецъ ея называлъ «умнѣйшей женщиной въ Римѣ», а сама леди Марія знала за очень милую женщину и весьма популярную; молодого помѣщика изъ Ломбардіи, флотскаго офицера въ отставкѣ, съ прекрасными связями при дворѣ и голубыми глазами, о которыхъ кричалъ цѣлый городъ; датскаго профессора и ученаго и въ то же время очень богатаго человѣка, собирателя кремневыхъ ножей, топоровъ и другихъ предметовъ первой необходимости для первобытнаго человѣка; двухъ-трехъ артистовъ; американскаго монсиньора, очень вліятельнаго и надѣленнаго не малой дозой ирландскаго остроумія; затѣмъ само собой—Реджи Бруклина и его сестру; m-me Варіани, чтобы помѣшать Мэнистею говорить черезчуръ много глупостей, и, наконецъ, скучнѣйшую парочку—англійскаго адмирала съ женой. Пригласить ихъ посолъ согласился только въ послѣднюю минуту, и то со вздохомъ, ибо они представляли собой холодную тираннію долга, вторгавшагося даже въ это невинное развлеченіе, устроенное имъ для самого себя.

— А м-ра Беллази, папа!—спросила леди Марія и застыла въ позѣ ожиданія съ перомъ въ рукѣ, какъ стоикъ, готовый ко всему.

— Ради Бога, не надо!—съ живостью вскричалъ посолъ.—Я уже дважды откладывалъ въ сторону его книгу; на этотъ разъ мнѣ пришлось бы прочесть ее.

———

Въ назначенный день, утромъ, Мэнистей курилъ на балконѣ своей виллы, въ ожиданіи дамъ. Миссъ Мэнистей, изнывавшая отъ жары, рѣшила не ѣхать, и это не улучшало расположенія духа Мэнистея. Нѣтъ ничего неудобнѣе. какъ ѣхать втроемъ — это всѣмъ извѣстно.

Если леди Марія неохотно устроила этотъ завтракъ и хлопотала о немъ только изъ желанія угодить отцу, то Мэнистею еще больше не хотѣлось принимать приглашенія и его раздражала необходимость принудить себя. Несносная трата времени и ничего больше. Теперь ничто не привлекало его, ничто не казалось ему желаннымъ и важнымъ, кромѣ объясненія съ Люси Фостеръ, котораго онъ рѣшилъ добиться во что бы то ни стало, а она, повидимому, во чтобы то ни стало рѣшила избѣгнуть.

Онъ чувствовалъ себя глубоко обиженнымъ. Весь день наканунѣ, пока онъ хлопоталъ о своей несчастной сестрѣ, по дорогѣ въ Римъ и обратно, все время сквозь грустныя мысли и заботы передъ нимъ носился восхитительный образъ—образъ Люси, лежащей безъ чувствъ въ его креслѣ, блѣдной, безпомощной и прелестной.

Вечеромъ онъ едва могъ сдержать себя, чтобы не выказать чрезмѣрной поспѣшности, сводя съ крыльца ихъ станціи утомленную старушку тетку и усаживая ее въ кэбъ, и затѣмъ чуть не бѣгомъ пустился кратчайшимъ путемъ, въ гору, на виллу. Можетъ быть, онъ найдетъ ее на балконѣ, можетъ быть, заслышавъ его шаги на тропинкѣ внизу, она выйдетъ встрѣтить его, слабая и потрясенная, но готовая поднять на него свои ясные, ласковые глаза, полные робкой признательности?

Но на балконѣ никого не было, и этотъ тягостный день завершился вечеромъ, полнымъ горькихъ разочарованій. Элеонора, повидимому, слишкомъ утомленная перипетіями прошлой ночи, совсѣмъ не вышла; миссъ Фостеръ вышла къ обѣду, но послѣ обѣда тотчасъ же скрылась, и Мэнистею удалось перекинуться съ ней лишь нѣсколькими незначущими фразами.

Она, само собой разумѣется, сказала все, что слѣдовало:

— Я надѣюсь, что вамъ удалось устроить все, какъ вы хотѣли. Мы съ м-ссъ Бергойнъ такъ жалѣли васъ! Бѣдная миссъ Мэнистей, должно быть, совсѣмъ измучилась...

Онъ не повѣрилъ бы, что эта дѣвушка способна говорить такъ формально, такъ небрежно съ человѣкомъ, который двадцать четыре часа тому назадъ спасъ ее отъ нападенія сумасшедшей. Ибо, въ сущности, дѣло-то вѣдь было именно такъ, но извѣстно ли это самой Люси? Или послѣ обморока она обо всемъ забыла? И если такъ, имѣетъ ли онъ право напоминать ей? На душѣ у него было не спокойно. Внутренній голосъ подсказывалъ ему, что съ его стороны было бы гуманнѣе, болѣе по-рыцарски, и въ отношеніи своей сестры, не поднимать завѣсы, разъ Люси сама этого не желаетъ, не заводить больше рѣчи о ея испугѣ, обморокѣ и опасности, которой она подвергалась. Но Мэнистей не привыкъ стѣсняться соображеніями, смущающими людей съ болѣе опредѣленными принципами, или, просто, болѣе робкихъ. Онъ страстно желалъ достичь своей цѣли—момента сближенія, когда они будутъ думать и чувствовать заодно.

— А потомъ?

— Чего онъ собственно добивается?

Онъ стоялъ, съ сигареткой въ рукѣ, глядя въ садъ, но ничего не видя передъ собой, пытая и допрашивая собственную душу.

Внезапно ему припомнились чувства и ощущенія, испытанныя имъ въ первый день пріѣзда Люси на виллу—его отвращеніе къ самой мысли о бракѣ и его удивленіе, когда онъ открылъ, что въ немъ могутъ предполагать намѣреніе жениться на Элеонорѣ Бергойнъ; припомнилось, какъ онъ полу-лѣниво, полу-презрительно слѣдилъ за движе-

ніями Люси, шедшей по аллеѣ въ своемъ туго накрахмаленномъ праздничномъ платьѣ.

Съ тѣхъ поръ онъ пережилъ не мало горькихъ минутъ сомнѣній въ себѣ и разочарованія. Надежды и честолюбивыя мечты, которыя онъ лелѣялъ всю зиму, словно растаяли въ воздухѣ. Чрезмѣрная горячность и роковая измѣнчивость, присущая его натурѣ, были плохими руководителями; онъ пришелъ къ стѣнѣ, попалъ въ неловкое и тягостное положеніе.

Но вѣдь есть же, долженъ быть выходъ! Точно волна хлынула въ его душу; непреклонная воля и еще смутное желаніе просыпались въ ней. Что же дѣлать, если, въ концѣ концовъ, избитыя дороги оказываются самыми лучшими?

«Вернись на старый путь, моя душа»!

Чей-то голосъ коснулся его слуха. То Элеонора изъ гостиной звала Люси. А! Элеонора! Онъ ощутилъ въ душѣ странный порывъ не то великодушія, не то дерзновенія. Онъ зналъ, что въ Неми онъ огорчилъ ее. Онъ велъ себя, какъ животное, неблагодарное животное! Женщины, подобныя Элеонорѣ, такъ чутки, у нихъ такой возвышенный идеалъ дружбы. А онъ разбилъ этотъ идеалъ и нанесъ ея душѣ глубокую рану. Чего собственно она ждала отъ него? Разумѣется не того, на что разсчитывали другіе, не знающіе ея или просто пошлые люди—въ этомъ онъ былъ увѣренъ. Но все же ея права и притязанія стѣсняли его, и онъ имѣлъ неделикатность выказать это.

Надо искупить свою вину, отнестись къ ней, какъ къ истинному другу. Мысли Мэнистея забѣгали впередъ; ему смутно рисовалось ихъ объясненіе, смѣлое признаніе, обращеніе къ ней за помощью и сочувствіемъ.

Въ послѣдніе дни она, кажется, еще тѣснѣе сблизилась съ Люси. Мэнистею было непріятно думать объ этомъ и онъ строилъ неясные планы противодѣйствія этой дружбѣ. Она совсѣмъ не входила въ его разсчеты,—напротивъ, являлась чѣмъ-то вродѣ препятствія. Ему было и обидно, и смѣшно сознавать, что Элеонора слишкомъ хорошо знаетъ его.

— Ахъ, милая барышня,—говорилъ старый посолъ, съ милой отеческой фамильярностью положивъ свою руку на маленькую ручку сосѣдки,—какъ рѣдко мы дѣлаемъ что-нибудь ради собственнаго удовольствія! Сегодня одинъ изъ такихъ дней—для меня.

Люси, сидѣвшая по лѣвую его руку, зардѣлась отъ удовольствія.

— Ну, разскажите же мнѣ, какъ вамъ живется. Веселитесь вы здѣсь? Успѣли вы полюбить Италію?—продолжалъ старикъ, наклоняясь къ ней. Его забавляла перемѣна, происшедшая въ ней — красивый нарядъ, расцвѣтшая красота.

— Я жила въ волшебной странѣ,—сказала Люси, застѣнчиво поднимая на него свои голубые глаза. — Ничего подобнаго я уже не испытаю.

— Да, потому что человѣку только разъ въ жизни бываетъ двадцать лѣтъ,—со вздохомъ согласился хозяинъ.—А черезъ двадцать лѣтъ вы будете дивиться, не понимая, почему она казалась вамъ волшебной. Но что дѣлать! Зато теперь міръ раскрывается передъ вами, какъ устрица.

Онъ всмотрѣлся въ нее пристальнѣе и ему показалось, что хотя она и похорошѣла, но видъ у нея не такой счастливый, какъ прежде. Не хватало молодого задора и оживленія, очень замѣтнаго прежде, и подъ прекрасными голубыми глазами легли темныя тѣни. Что съ ней случилось? Или она уже встрѣтила мужчину—суженаго?

Онъ инстинктивно повернулся въ ту сторону, гдѣ сидѣли Мэнистей и м-ссъ Бергойнъ. Объ этой парочкѣ онъ еще зимой составилъ себѣ свое особое мнѣніе. Бѣдная м-ссъ Бергойнъ! Онъ встрѣчалъ такихъ женщинъ и раньше. Въ нихъ есть все, всѣ прелести, всѣ дарованія, кромѣ одного — соблазнительныхъ чаръ, опьяняющихъ разсудокъ мужчины и дающихъ женщинѣ перевѣсъ надъ нимъ. Онѣ всегда любятъ больше, чѣмъ бываютъ любимы. Мужчинамъ не приходится добывать ихъ;

онѣ слишкомъ облегчаютъ намъ нашу задачу, подумалъ посолъ и снова сосредоточилъ все свое вниманіе на своей сосѣдкѣ слѣва.

— Милая барышня, вы еще очень молоды, а я уже совсѣмъ старикъ. Позвольте мнѣ воспользоваться случаемъ и дать вамъ маленькій совѣтъ. У всѣхъ насъ бываютъ минуты подъема и упадка духа, а мое лѣкарство очень помогаетъ справляться съ собой.

Онъ остановился, наблюдая за ней. Его добрые глаза забавно поблескивали между посѣдѣвшихъ рѣсницъ. Люси положила вилку и съ улыбкой смотрѣла на него, ожидая, что будетъ дальше.

— *Изучите персидскій языкъ!*— убѣдительно зашепталъ хозяинъ.—Выучите на память словарь!

Люси все еще смотрѣла на него, дивясь такому совѣту.

— Я только сегодня окончилъ его,— продолжалъ шептать ей на ухо посолъ,— а завтра начну сначала. Моя дочь видѣть не можетъ этого словаря. Она говоритъ, что я переутомляю себя, что, когда старичокъ вродѣ меня окончилъ свою дневную работу, самое лучшее для него вздремнуть. Но я знаю, что если бы не мой словарь, я бы давно уже спасовалъ. Когда у меня обѣдаетъ слишкомъ много надоѣдливыхъ личностей, или когда меня изведутъ гдѣ-нибудь внѣ дома, я вечеромъ выучиваю цѣлый столбецъ. Но въ обыкновенные дни съ меня достаточно и половины. Добрые, твердые персидскіе корни, и ничего больше, никакихъ вольнодумствъ. О, разумѣется, я могъ бы читать Гафиза, или Омара Хайяма и все такое. Но это уже взбитыя сливки. Это ужъ не считается, нужно что-нибудь основательное, твердое, такое, что надобно грызть зубами. Латинскіе стихи тоже годятся. Въ прошломъ году я половину Томаса Мура перевелъ по латыни одиннадцатисложными стихами. Но мой младшій сынъ, тотъ, что въ Оксфордѣ, сказалъ, что онъ не желаетъ нести за нихъ отвѣтственность послѣ моей смерти,—пришлось оставить. Математики, должно быть, тоже припасаютъ про такой случай какія-нибудь особенно трудныя задачи. Но, какъ бы тамъ ни было, каждый долженъ имѣть про запасъ свой словарь. Иные вмѣсто этого идутъ въ садъ копать гряды. Ну, а какъ устроился въ этомъ отношеніи м-ръ Мэнистей?

Этотъ неожиданный вопросъ захватилъ врасплохъ Люси, и краска смущенія, быстро выступившая на ея блѣдныхъ щекахъ, не ускользнула отъ вниманія ея сосѣда.

— Что-жъ у него вѣдь есть его книга,—сказала она, улыбаясь.

— Какъ можно! Книга совсѣмъ не годится, съ книгой онъ воленъ дѣлать, что ему угодно. А со словаремъ вы не можете дѣлать, что вамъ угодно; вы должны изучить его, или бросить. Потому-то онъ и производитъ такое успокоительное дѣйствіе. Если бы меня спросили, я бы скоро выискалъ для м-ра Мэнистея сотенку — другую персидскихъ корней и каждый день задавалъ бы ему по дюжинкѣ, на зубокъ!

Люси посмотрѣла черезъ столъ, потомъ опустила глаза и сказала низкимъ груднымъ голосомъ, звучавшимъ, какъ музыка, въ ушахъ старика:

— Вы, вѣроятно, отправили бы его домой?

Посолъ кивнулъ головой.

— Арендаторы, брюква, дѣла въ судѣ —персидскій языкъ пріятнѣе, но и это годится.

Онъ помолчалъ немного и, подъ шумокъ разговоровъ, докончилъ уже серьезно:

— Онъ напрасно теряетъ здѣсь время, милая барышня—это несомнѣнно.

Люси не подняла глазъ, но чуть замѣтно измѣнила позу. Тема разговора интересуетъ ее, подумалъ старикъ и продолжалъ небрежнымъ тономъ, но въ то же время осторожно зондируя почву, съ ловкостью опытнаго дипломата:

— Ужасно жалко его! Онъ пріѣхалъ сюда обиженный на весь свѣтъ и, въ пылу гнѣва, усвоилъ себѣ ложную точку зрѣнія. А потому—насколько мнѣ извѣстно— и книга его неудачна. Италія не Англія, и англиканская церковь не папство. Его параболы хромаютъ, примѣры, которыми онъ иллюстрируетъ мысль, не подходятъ.

А между тѣмъ, сидя здѣсь, онъ упускаетъ одинъ шансъ за другимъ. Я зналъ его отца. Мнѣ непріятно видѣть, какъ онъ бьетъ баклуши. Если вы имѣете на него вліяніе, — старикъ усмѣхнулся,— отправьте его домой. Или попросите м-ссъ Бергойнъ. Онъ, бывало, прежде слушался ея.

У Люси защемило сердце.

— Я полагаю, что онъ всегда поступалъ по-своему,—выговорила она съ усиліемъ.—Иногда, впрочемъ, онъ совѣтуется съ м-ромъ Нилемъ.

Старикъ съ минуту смотрѣлъ на нее испытующимъ взоромъ, потомъ, не сказавъ ни слова, повернулся въ другую сторону, къ молодому Бруклину.

— Реджи, вы, кажется, тамъ обижаете m-me Варіани? Не пора ли мнѣ вступиться?

Реджи и его собесѣдница, прерванные въ самый разгаръ болтовни и смѣха, одновременно обернулись къ нему.

— Сэръ! M-me Варіани нападаетъ на моего лучшаго друга!

— Многимъ изъ насъ это нравится.

— Да, но здѣсь нападки такого личнаго свойства!.. Моего друга преслѣдуютъ за то, что онъ не женатъ, называя его эгоистомъ и фатомъ. Я тоже не женатъ и протестую противъ такихъ общихъ классификацій. Къ тому же у моего друга на готовѣ вполнѣ убѣдительный доводъ.

— Я жду его,—откликнулась m-me Варіани.

Реджи осторожно чистилъ бананъ.

— Мы не разъ спрашивали его, почему онъ не женится, и онъ отвѣчалъ: «дружище, я предлагалъ всѣмъ хорошенькимъ женщинамъ, съ которыми я знакомъ, выйти за меня замужъ, а онѣ не хотятъ! Вотъ ты тутъ и женись! Я бы ужъ, пожалуй, удовольствовался хорошимъ поведеніемъ и опрятностью».

Всѣ расхохотались, а Реджи пресерьезно продолжалъ:

— По моему, это въ высшей степени трогательное положеніе, заслуживающее всякаго сочувствія, но у m-me Варіани каменное сердце.

M-me Варіани глядѣла на него, ничуть не растроганная. Они съ милымъ мальчикомъ были уже почти друзьями.

— Я готова пари держать, что онъ ни разу въ жизни не дѣлалъ предложенія,—спокойно возразила она.

Реджи запротестовалъ.

— Не дѣлалъ, я въ этомъ увѣрена. У англичанъ это совсѣмъ вышло изъ моды.

— Просимъ m-me Варіани представить доказательства! — вскричалъ хозяинъ дома, подымая кверху красивую бѣлую руку, чтобы водворить молчаніе, и другую приставляя въ видѣ трубки къ глухому уху.—Это въ самомъ дѣлѣ чрезвычайно интересный споръ.

— Но вѣдь это же всѣмъ извѣстно, что англичане больше не женятся! — вскричала m-me Варіане. — Я еще недавно читала въ одномъ англійскомъ романѣ, что это бичъ современнаго англійскаго общества, что самыя прелестныя дѣвушки ждутъ и ждутъ — а женихи не являются.

— Здѣсь, по счастью нѣтъ молоденькихъ англичанокъ, — сказалъ хозяинъ, окинувъ взоромъ сидѣвшихъ за столомъ,—поэтому мы можемъ продолжать. Какъ же вы объясняете себѣ это явленіе мадамъ?

— О, очень просто! У васъ въ Англіи теперь черезчуръ много французовъ поваровъ,—сказала m-me Варіани, вздернувъ пухленькими плечиками.

— Какое же это имѣетъ отношеніе?..

— Ваши молодые люди устраиваются слишкомъ комфортабельно въ своей холостой жизни. — M-me Варіани повела рукой въ сторону Реджи Бруклина. — Такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ говорили. Я спрашивала одну даму англичанку, вдову генерала, которая живала и въ Англіи, и во Франціи, и она говоритъ, что ваша молодежь имѣетъ такой прекрасный столъ въ своихъ клубахъ и офицерскихъ столовыхъ и такъ предана различнымъ видамъ спорта, стоющимъ очень дорого, что совсѣмъ не нуждается въ женахъ. Ваши молодые люди не стремятся жениться и не интересуются барышнями. Въ томъ-то и разница между ними и французами. Французъ до сихъ поръ поклоняется женщинѣ. Послѣ обѣда ему хочется пойти и полюбезничать съ дамами, англичанинъ же и не подумаетъ

этого сдѣлать. Вотъ почему французы и теперь пріятные люди въ обществѣ.

Маленькіе черные глазки говорившей сверкали лукавствомъ, но это не мѣшало ей глядѣть съ вызывающей невозмутимостью на окружавшихъ ее англичанъ и американцевъ. M-me Варіани, женщина среднихъ лѣтъ, дородная, умная и ни въ комъ не заискивающая, занимала въ Римѣ совершенно особое положеніе. Она состояла корреспонденткой одной изъ вліятельнѣйшихъ французскихъ газетъ, имѣла много друзей англичанъ; еще недавно, во время печольной Адовской компаніи онѣ съ маркизой Фаццолари, сидѣвшей по правую руку посла, дѣлала чудеса, ухаживая за больными и ранеными.

— Охъ! Укрыть поскорѣй голову отъ стыда!—вскричалъ старый посолъ, хватаясь обѣими руками за свои сѣдые кудри.—Я знаю только, что въ этомъ году я уже послалъ двадцать свадебныхъ подарковъ на родину и что состояніе моихъ финансовъ совершенно не соотвѣтствуетъ этимъ теоріямъ.

— О! Вы исключеніе!—возразила его собесѣдница.—Не далѣе какъ сегодня утромъ я видѣлась съ однимъ англійскимъ джентльмэномъ, моимъ добрымъ знакомымъ. Ему подъ сорокъ лѣтъ; онъ владѣлецъ большого помѣстья; мать и сестры на колѣняхъ умоляютъ его жениться, иначе имѣніе перейдетъ къ кузену, а кузенъ поддѣлывалъ векселя, или что-то въ этомъ родѣ. А онъ и слышать не хочетъ. Какое ему дѣло до имѣнія! Онъ говоритъ, что жизнь дается только одинъ разъ, и онъ не желаетъ портить ее. Понятно, что ваши женщины страдаютъ отъ этого. Женщинамъ всегда скучно, когда мужчины за ними не ухаживаютъ!

Всѣ смѣялись. Люси, взглянувъ украдкой на другой конецъ стола, увидала блѣдное лицо Элеоноры Бергойнъ и, поодоль, темную голову и разсѣянную улыбку Мэнистея—и взоръ ея омрачился. Она вернулась мысленно къ печальной изнанкѣ этого наряднаго зрѣлища и веселой застольной бесѣды. Въ ушахъ ея еще звучалъ душу-раздирающій голосъ м-рсъ Бергойнъ:—«О, я никогда и не мечтала, что для него это можетъ быть то же, что для меня. Я не требую многаго».

Она боялась даже думать объ этомъ. Ей казалось, что страданія м-ссъ Бергойнъ обнаружатся передъ всѣми, и минутами дѣвушка испытывала приливы жгучаго стыда, словно за самое себя. Въ выраженіи лица и во всей наружности Элеоноры была перемѣна, замѣтная, несмотря на все изящество и тщательность наряда,—по мнѣнію Люси, до ужаса замѣтная.

О, зачѣмъ она пріѣхала въ Римъ? Почему весь міръ такъ измѣнился? Что-то больное, раненое билось и ныло у нея въ груди, но она всѣми силами старалась подавить боль, такъ чтобы никто ничего не увидѣлъ и не понялъ.

Она уже написала дядѣ Бену и Портерамъ. Завтра она напрямикъ объявитъ тетѣ Пэтти, что она не поѣдетъ въ Валломброзу, что ей нужно спѣшить назадъ, въ Англію. Чуткая совѣсть дѣвушки уже терзалась при мысли, что ей придется придумывать предлоги, — лгать... А главное, ни слова до тѣхъ поръ, пока м-ръ Мэнистей не уѣдетъ въ Римъ. Завтра ему необходимо ѣхать въ Ватиканъ; ему не хочется онъ уже теперь ворчитъ, но благодаря Бога, не поѣхать нельзя.

И опять она посмотрѣла въ сторону Мэнистея. Онъ съ обычной горячностью обсуждалъ какой то политическій вопросъ на другомъ концѣ стола. Тѣмъ не менѣе Люси показалось, чтоонъ за ней наблюдаютъ, что Мэнистей какъ то ухитряется все время не упускать ее изъ виду.

Какой холодной и неблагодарной онъ долженъ былъ счесть ее наканунѣ! Сегодня, за завтракомъ и въ вагонѣ, онъ почти не разговаривалъ съ ней.

А между тѣмъ какими-то таинственными путями Люси передавался гнетъ его воли; она чувствовала, что ей что-то угрожаетъ. Ей вспомнились рѣчи Алисы Мэнистей въ ту страстную ночь. Рука ея, лежавшая на колѣняхъ, была холодна и дрожала. Голосъ хозяина, раздавшійся надъ ея ухомъ, заставилъ ее вздрогнуть.

Послѣ завтрака гости разбились на группы и разбрелись по большому тѣнистому саду посольства.

Посолъ представилъ Люси голубоглазаго ломбардца, Фіоранчини, а самъ, чувствуя угрызенія совѣсти за пренебреженіе долгомъ хозяина, посвятилъ себя на время супругѣ англійскаго адмирала, котораго за завтракомъ занимала леди Марія. Учтиво предлагая гостьѣ проводить ее въ домъ и показать ей картины, посолъ въ то же время разсматривалъ ее сквозь полуопущенныя рѣсницы. Адмиральша была элегантно и по модѣ одѣтая дама съ очень бѣлыми и правильными вставными зубами. Лицо ея носило приличное случаю выраженіе кротости и благоволенія, но посолъ зналъ, что въ душѣ она была зла, какъ татаринъ. Онъ медленно шелъ съ ней рядомъ, поникнувъ сѣдой головой, въ широкополой войлочной шляпѣ, которую онъ имѣлъ обыкновеніе носить въ саду.

Тѣмъ временемъ доблестный, слегка подвыпившій адмиралъ старался завладѣть вниманіемъ Мэнистея. Подцѣпить политика, или что-нибудь вродѣ политика и уяснить ему новый способъ плавки металловъ было для адмирала предметомъ и цѣлью всей его общественной дѣятельности.

Но Мэнистей поспѣшилъ отдѣлаться отъ него. М-ссъ Бергойнъ шла позади съ американскимъ епископомъ. Адмиралъ съ горя пристроился къ нимъ. Мэнистей подошелъ къ Люси, гулявшей со своимъ новымъ знакомымъ, ломбардскимъ графомъ, и m-me Варіани, и шепнулъ ей, такъ что другіе не услышали:

— Тамъ у фонтана есть скамеечка, вся въ тѣни. Не хотите ли отдохнуть?

Люси торопливо оглянулась на своихъ спутниковъ.

— Мы собирались идти смотрѣть розовую аллею.

— А! Ну я предпочитаю что-нибудь попрохладнѣе,—сердито разсмѣялся Мэнистей и стремительно отошелъ.

Но его тотчасъ же подцѣпилъ датскій профессоръ, господинъ Іенсенъ, ни мало не смущавшійся грубостью его обращенія, полагая, что въ англичанинѣ это естественно. Собесѣдникъ смотрѣлъ грубо и слушалъ, видимо, неохотно, но это не мѣшало ученому съ волосами льняного цвѣта излагать ему подробно содержаніе послѣдняго академическаго бюллетеня.

Между тѣмъ, Люси, увлекаемая своими спутниками, обошла почти весь садъ,—хотя, какъ мы боимся, совершенно не замѣтивъ его красоты,—и вмѣстѣ съ ними присѣла отдохнуть на каменную скамью подъ развѣсистымъ дубомъ. Передъ ними были кущи розъ, позади развалины старой стѣны; надъ стѣной, на горячемъ синемъ фонѣ итальянскаго неба, между двумя черными кипарисами, вырисовывался тонкій профиль колокольни; вдали чуть синѣли Сабинскія горы. Отъ жары и запаха розъ было трудно дышать; въ воздухѣ уже чувствовалась близость іюня, близость римскаго лѣта съ его смутными волшебными чарами.

Люси поникла головой и молчала. Но юный графъ Фіоранчини не принадлежалъ къ числу людей, способныхъ угадывать угнетенное состояніе въ другихъ и, тѣмъ болѣе, заражаться имъ. Онъ сидѣлъ въ самой непринужденной позѣ, съ сигареткой въ зубахъ, сдвинувъ шляпу на затылокъ и размахивая тросточкой. Изъ-подъ черныхъ, какъ смоль, кудрей весело поблескивали его глаза, голубые, какъ китайскій фарфоръ, создавшіе ему такую популярность въ римскомъ обществѣ. Его неправильныя, чрезвычайно подвижныя черты дышали талантливостью и своенравіемъ. Ему нравилась m-me Варіани и американку онъ находилъ прехорошенькой. Но, въ сущности, ему было почти все равно, съ кѣмъ говорить; онъ способенъ былъ болтать съ древеснымъ пнемъ, такъ онъ былъ полонъ интереса къ жизни и жизнерадостности, бившей въ немъ черезъ край.

— Вы давно знакомы съ м-ромъ Мэнистеемъ?—спросилъ онъ Люси, слѣдя веселымъ взглядомъ за профессоромъ и его жертвой.

— Я гощу у нихъ вотъ уже полтора мѣсяца въ Маринатѣ.

— Чего ради онъ тамъ поселился? Чтобы окончить книгу?

Графъ засмѣялся.

— М-ръ Мэнистей надѣялся окончить ее.

Графъ опять засмѣялся еще громче и добродушнѣе и покачалъ головой.

— О, онъ не кончитъ ее. Это безуміе! Я вѣдь знаю: онъ мнѣ читалъ отрывки—и мнѣ, и моей сестрѣ. Странный онъ, человѣкъ, Мэнистей! У большинства англичанъ умъ двухсторонній, тогда какъ мы, латинцы, всегда односторонни, и Мэнистей въ этомъ отношеніи похожъ на насъ. Разъ ему что-нибудь взбрело на умъ, онъ готовъ исковеркать цѣлый міръ, чтобы подчинить его своему капризу. Но міръ туго поддается—*et ça ne marche pas*. Мы не можемъ погибнуть ради его удовольствія. Италія и не думаетъ распадаться на части—ничуть не бывало! Война была сплошнымъ ужасомъ, но мы пережили его и оправимся. И революціи не будетъ— вотъ увидите. Можетъ быть, нѣкоторое время королю и королевѣ не будутъ кричать «ура!» на улицахъ—это, пожалуй. Но и на будущій годъ нами будетъ править тотъ же савойскій домъ— вотъ вы увидите. Онъ думаетъ, что наши попы уничтожатъ насъ. Какъ бы не такъ! Мы умѣемъ справляться съ попами.

М-те Варіани жестомъ выразила свое несогласіе. Ея отяжелѣвшее красивое лицо, обращенное къ графу, имѣло нѣсколько сонное выраженіе, какъ будто она изнывала отъ жары. Но слегка нахмуренныя брови для всякаго, кто зналъ ее близко, показывали, что она слушаетъ съ живѣйшимъ вниманіемъ.

— Я вамъ говорю, что умѣемъ!— вскричалъ графъ, ударяя тросточкой по колѣну.—Да и въ борьбѣ положеніе сторонъ не таково, какъ представляетъ себѣ Мэнистей. Священникъ священнику рознь. Въ нашихъ краяхъ, напримѣръ, старые священники народъ хоть куда. Мы, землевладѣльцы, стоящіе за монархію, отлично уживаемся съ ними. Нашъ старый епископъ милѣйшій человѣкъ. Ну, что касается молодыхъ, только что выпущенныхъ изъ семинарій, эти, я согласенъ, вредное племя. Они обсѣли насъ, какъ саранча, и такъ и норовятъ устроить какую-нибудь каверзу правительству. Но правительство все-таки одолѣетъ ихъ; Италія выйдетъ побѣдительницей изъ борьбы! Мэнистей прежде всего смотритъ на вещи слишкомъ трагически. Онъ не видитъ смѣшной стороны. А мы видимъ. Мы, итальянцы, понимаемъ другъ друга. Вотъ вамъ примѣръ: Ватиканъ злится, неистовствуетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ на дняхъ разсказывалъ мнѣ здѣшній префектъ, между нѣкіимъ окошечкомъ въ Ватиканѣ и главной квартирой полиціи установлена цѣлая система сигналовъ, такъ что Ватиканъ въ каждый данный моментъ можетъ призвать насъ, если ему понадобится наша помощь противъ черни. А послѣ торжественной церемоніи, на которой я имѣлъ удовольствіе впервые видѣть васъ, *mademoiselle*,—онъ наклонился въ сторону Люси,—что сдѣлалъ Ватиканъ? Первымъ дѣломъ отправилъ гонцовъ благодарить правительство за то, что оно такъ хорошо конвоировало и охраняло его главу. Нѣтъ, Мэнистей витаетъ въ облакахъ.

Графъ добродушно разсмѣялся.

— Мы вѣдь отъ природы актеры. Мы все время наполовину играемъ. У клерикаловъ своя политика, какъ и всѣхъ прочихъ, только они называютъ ее религіей.

— А ваши бѣдные изголодавшіеся крестьяне, ваша испорченность нравовъ, ваши пораженія—это тоже игра?—спросила Люси.

Она говорила, подчеркивая слова и слегка морщась, словно отъ внутренней боли.

«Она похожа на красавицу монахиню», думалъ молодой человѣкъ, любуясь строгимъ, но прелестнымъ лицомъ

— Со всѣмъ этимъ мы справимся,— возразилъ онъ спокойно.—Повторяю, война была сплошнымъ ужасомъ и несчастьемъ. Но зато она многому насъ научила. Разорить же насъ она не можетъ, какъ не можетъ снѣжная буря погубить сѣмя, зарытое въ землю. Мэнистей, подобно всѣмъ умнымъ иностранцамъ, читающимъ намъ отходную, не чувствуетъ пульсовъ жизни, бьющихся въ жилахъ народа, такъ, какъ это чувствуемъ мы, землевладѣльцы.

Онъ драматическимъ жестомъ вытянулъ впередъ руки.

— Попробуйте, поживите съ нами на какой-нибудь большой фермѣ близъ Мантуи—и вы увидите. Мое имѣніе даетъ мнѣ вдвое больше дохода, чѣмъ оно давало моему отцу, а крестьянамъ живется теперь вдвое лучше. Вотъ вамъ! И это въ нашей умирающей съ голоду Италіи, притомъ на сѣверѣ,—замѣтьте это!

Онъ откинулся на спинку сидѣнія и свирѣпо затянулся дымомъ.

— Оптимистъ!—сказалъ женскій голосъ позади него.

Всѣ разомъ оглянулись и увидали маркизу Фаццолани. Она улыбалась, съ сигареткой въ рукѣ, высокая, еще молодая, несмотря на то, что была матерью пяти здоровыхъ дѣтей. Ея плотно облегавшее станъ черное платье, напоминавшее амазонку, сѣрыя перчатки до локтей, шляпа съ перомъ, какія надѣваютъ для верховой ѣзды, живость и грація въ каждомъ движеніи, блескъ ясныхъ черныхъ глазъ,—все это говорило о жизни на открытомъ воздухѣ, о здоровьи тѣла и духа, о жизнерадостной, благородной и сильной натурѣ.

— Присмотритесь къ ней хорошенько, — сказалъ Люси старый посолъ, когда они вышли въ садъ послѣ завтрака.—Она одна изъ матерей новой Италіи. Она столько дѣлала и дѣлаетъ для будущаго, сколько въ Англіи не сдѣлали бы и двадцать женщинъ. Въ ней соединилась практичность сѣверянки съ гибкостью дочери юга. Она одна изъ тѣхъ, кто заставляетъ меня чувствовать, что между Италіей и Англіей есть таинственное сродство, которое еще когда-нибудь всплыветъ наружу въ исторіи. Мнѣ кажется, я могъ бы понять всѣ ея мысли, а она мои, если бы нашла, что это стоитъ труда. Она католичка и либералка. У нея всѣ инстинкты, чувства и традиціи правящаго класса аристократіи, но въ деревнѣ она живетъ одной жизнью со своими крестьянами, говоритъ ихъ языкомъ, и они обожаютъ ее. Она прекраснѣйшая мать и жена, а между тѣмъ нѣтъ такого утонченнаго теченія въ литературѣ, или искусствѣ, о которомъ бы вы не могли бесѣдовать съ ней. Другую такую женщину сыскать не легко, даже въ Англіи, а ужъ въ Америкѣ и подавно. Не думаю, чтобы ваша родина способна была произвести такой типъ. Въ ней течетъ древняя кровь, самая древняя въ мірѣ. Правда, она принадлежитъ къ націи, которая только еще формируется, но эта нація въ былыя времена уже несла на своихъ плечахъ все бремя европейской исторіи!

И Люси, вглядываясь въ умное, ласковое лицо маркизы, чувствовала себя утѣшенной и успокоенной уже однимъ присутствіемъ этой женщины. Она подвинулась, чтобы дать ей мѣсто возлѣ себя.

Но маркиза объявила, что ей некогда— пора домой, надо оторвать отъ книги и послать гулять одного изъ ея мальчиковъ, готовящагося къ экзаменамъ.

— Охъ ужъ эти экзамены! Вотъ ужасъ то!—Она всплеснула руками.— Бѣдныя наши дѣти! У нихъ нѣтъ даже такихъ игръ, какъ у вашихъ англійскихъ мальчиковъ. Но вы что-то говорили о войнѣ—о нашей бѣдной Италіи?

Она остановилась, положила руку на плечо Люси и, наклонившись, заглянула дѣвушкѣ въ лицо. Глаза ея на мигъ затуманились, какъ будто передъ ней промелькнули призраки жестокихъ сценъ рѣзни и бѣдствій, приносимыхъ войной. Но тотчасъ же они снова прояснились и засверкали.

— Вѣрьте мнѣ, *mademoiselle*, — медленно говорила она своимъ картиннымъ англійскимъ языкомъ, съ трудомъ подыскивая слова,—за эти сорокъ лѣтъ Италія сдѣлала колоссальное дѣло; когда оглянешься назадъ, прямо не вѣрится, что все это уже сдѣлано. Вы, англичане,—вы употребили сто лѣтъ на то, чтобы сдѣлаться націей, прошли черезъ жестокую гражданскую войну. Сорокъ лѣтъ, и то не полныхъ, прошло со смерти Кавура. И все это время Италія была, какъ тотъ котелъ,—помните?— куда бросали члены старика, котораго надо было сдѣлать опять молодымъ. Тутъ-то было пузырей и броженія! А пѣны-то, пѣны сколько! Она подыма-

лась все выше и выше и теперь еще подымается и пиво все еще варится. Но, въ концѣ концовъ, молодая сильная нація все таки шагнетъ впередъ. А м-ръ Мэнистей — я очень люблю м-ра Мэнистея! Но онъ видитъ только безобразные газы, выдѣляющіеся изъ котла, слышитъ только шумъ броженія. Онъ не имѣетъ понятія...

— Что Мэнистей!— перебилъ ее молодой графъ, швырнувъ прочь сигаретку.—Мэнистей, конечно, *poscur*.—Ну что-жъ—его друзья итальянцы за это не въ претензіи,—вѣдь ему нужно поймать и зажарить англійскую рыбку. *Sans cela*...!

Онъ наклонился впередъ, уставившись на Люси съ мальчишеской безцеремонностью, которая, однако же, не была неучтивостью. Шляпа его сползла еще дальше назадъ, на курчавые волосы. Вся его поза выражала безпечность и добродушіе, но чувствовалось, что страстность южанина недалеко и можетъ проявиться каждое мгновеніе.

— Да, его друзья итальянцы не въ претензіи на него,—подтвердила m-me Варіани,—но его друзьямъ англичанамъ слѣдовало бы присмотрѣть за нимъ. Всякій человѣкъ долженъ чѣмъ-нибудь возмущаться—это хорошо для выработки характера, но м-ръ Мэнистей возмущается слишкомъ многимъ. Это глупо, это напрасная трата времени.

— Его книга сплошная ошибка,— рѣшительно объявилъ Фіоранчини.—А къ тому времени, какъ она выйдетъ въ свѣтъ, она станетъ нелѣпостью. Онъ говоритъ, что мы сдѣлались атеистами, потому что мы не позволяемъ попамъ вертѣть нами, какъ имъ бы хотѣлось. Ба! Мы понимаемъ этихъ господъ лучше, чѣмъ онъ. Да вотъ вамъ примѣръ,— мой отецъ; онъ былъ однимъ изъ самыхъ передовыхъ людей Рима—членомъ перваго кабинета послѣ 1870 г., онъ не уступилъ бы клерикаламъ ни на іоту въ томъ, что онъ считалъ полезнымъ для блага страны. Но въ то же время онъ былъ самый религіозный человѣкъ, какого я знаю. Онъ строго соблюдалъ всѣ обряды, какъ его пріучали съ дѣтства, и училъ насъ дѣлать то же. Каждое воскресенье, послѣ обѣдни, онъ читалъ намъ по-итальянски полагающуюся на этотъ день главу изъ Евангелія и объяснялъ каждый стихъ. А передъ смертью послалъ за старымъ приходскимъ священникомъ, который постоянно обличалъ его съ каѳедры и, несмотря на это, очень любилъ его, причемъ сказалъ мнѣ:

— Пожалуйста, только не дѣлай изъ этого секрета. Введи его въ домъ открыто, такъ чтобы всѣ видѣли. *Non erubesco evangelium*!

Молодой человѣкъ запнулся и покраснѣлъ, нѣсколько сконфуженный собственнымъ краснорѣчіемъ.

M-me Варіани пробормотала, все съ тѣмъ же видомъ хитрой и сонной кошки, грѣющейся на солнцѣ:

— Вы, англо-саксы, всѣ таковы. Никогда сѣверъ не пойметъ юга, никогда! Вамъ не понять нашего *à peu près*. Вы думаете, что католицизмъ тираннія, и мы должны или позволить священникамъ сѣсть намъ на шею, или вышвырнуть всѣхъ ихъ за бортъ. Ничего подобнаго! Мы беремъ, что намъ нужно, и не трогаемъ остальнаго. А вы—вы глотаете все цѣликомъ. Вамъ непремѣнно надо начать съ Адама и Евы!

— Одно мнѣ непонятно, — пылко вскричалъ Фіоранчини, — какъ могла допустить это м-ссъ Бергойнъ. Ей слѣдовало дать книгѣ другое направленіе и она могла это сдѣлать. Она необыкновенно умная женщина! Она знаетъ, что каррикатура не аргументъ.

— Что такое случилось съ м-ссъ Бергойнъ?—обратилась маркиза къ Люси.— Такая перемѣна! Я прямо въ отчаяніи...

— Вы находите, что у нея нездоровый видъ?—поспѣшно спросила Люси.

Ея тревожный взглядъ почти съ мольбой искалъ ласковаго взгляда маркизы. Душа младшей изъ этихъ двухъ женщинъ, одинокой, вдали отъ родины и родныхъ, таившей въ себѣ агонію чувства, инстинктивно раскрывалась навстрѣчу нѣжному материнскому участію, которымъ вѣяло отъ старшей. О, еслибъ я могла разсказать вамъ! Еслибъ вы могли мнѣ посовѣтовать! безмолвно говорилъ ея скорбный взоръ.

— На мой взглядъ, она совсѣмъ больна,—серьезно сказала маркиза.—А зимой она такъ поправилась. Мы всѣ здѣсь ее полюбили. Мнѣ страшно жаль ее. У васъ на виллѣ, должно быть, что-нибудь неладно, *mademoiselle*.

Люси быстро шла по лужайкѣ, чтобы присоединиться къ своимъ. Она чувствовала себя такой несчастной, что только движеніе и могло облегчить ее. Внутренній голосъ въ ея душѣ подчеркивалъ каждое слово маркизы, помогая ему еще глубже впиваться въ сердце. Она чувствовала себя чѣмъ-то вродѣ убійцы.

Выйдя изъ чащи розовыхъ кустовъ, она неожиданно увидала передъ собой Элеонору Бергойнъ, окруженную кучкой мужчинъ, преимущественно пожилыхъ, находившихъ ее сегодня, какъ и всегда, въ высшей степени интересной и милой собесѣдницей.

Люси чуть не бѣгомъ бросилась къ ней. О, какъ она блѣдна, какой у нея убитый видъ! Какая мука и тоска въ ея взглядѣ!

— Не пора ли намъ ѣхать?—шепнула ей на ухо Люси.—Вы, навѣрное, устали.

Элеонора поднялась со скамьи, крѣпко сжавъ руку Люси, потомъ, улыбаясь, обернулась къ своему собесѣднику датчанину:

— Намъ надо двигаться на виллу Боргезе — мы условились встрѣтиться тамъ съ друзьями. Нашъ поѣздъ пойдетъ еще очень-очень не скоро.

— Римскіе поѣзда, кажется, никогда не уходятъ,—замѣтилъ господинъ Іенсенъ, поглаживая свою длинную бороду соломеннаго цвѣта.—Но зачѣмъ же покидать насъ, мадамъ? Развѣ сады не всѣ одинаковы? Какія чары нужны, чтобы удержать васъ здѣсь?

Онъ низко поклонился, фатовато улыбаясь и прижимая руку къ сердцу. Онъ былъ однимъ изъ ученѣйшихъ людей въ мірѣ, но это ничуть не льстило ему; онъ желалъ и добивался одного—репутаціи «ужаснаго человѣка», покорителя женскихъ сердецъ. Въ этомъ заключался парадоксъ его существованія.

Элеонора машинально разсмѣялась и повернулась къ Люси, шепнувъ ей:

— Идемте?

Когда онѣ отошли, Элеонора полузакрыла глаза отъ солнца, и Люси почудился вздохъ изнеможенія. Но Элеонора заговорила веселымъ, небрежнымъ тономъ:

— Милый старый профессоръ! Онъ ужасно забавенъ. Знаете, онъ разсказывалъ мнѣ, какъ онъ въ прошломъ году, будучи въ Петербургѣ, зашелъ почитать въ библіотеку Эмитажа, гдѣ не былъ уже тридцать лѣтъ. И вотъ, въ одной книгѣ, которой, очевидно, никто не бралъ въ руки съ тѣхъ поръ, какъ онъ читалъ ее, онъ нашелъ листокъ бумаги и на немъ слова, написанные карандашемъ его рукой, еще когда онъ былъ юношей: «Моя милая, душенька!» «А *которая* душенька, я и не знаю!» и при этомъ преуморительно смотритъ на меня и хлопаетъ себя по колѣну.

— «Которая душенька! — повторила Элеонора, неестественно громко смѣясь, и вдругъ пошатнулась.

Люси схватила ее за руки, и Элеонора тяжело оперлась на нее.

— Милая м-ссъ Бергойнъ, вамъ дурно!—съ испугомъ вскричала дѣвушка.—Поѣдемте въ гостинницу; вы отдохнете до поѣзда, — или куда-нибудь къ знакомымъ.

Лицо Элеоноры исказилось; она сдѣлала надъ собой усиліе и провела рукой по глазамъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я здорова,—возразила она поспѣшно.—Это отъ солнца, и я ничего не могла ѣсть за завтракомъ. Новый поваръ посла не соблазняетъ меня. Кромѣ того, — она неожиданно взглянула на Люси такъ, что та отшатнулась,—я недовольна собой. Вчера былъ одинъ часъ, который я хотѣла бы вычеркнуть—взять назадъ. Я отъ всего отказываюсь, все отдаю.

Онѣ переходили черезъ лужайку. На встрѣчу имъ шли посолъ съ адмиральшей. Посолъ, которому порядкомъ успѣла надоѣсть его гостья, съ удовольствіемъ смотрѣлъ на приближающуюся парочку, на бѣлый шлейфъ Элеоноры, волочившійся по травѣ, и черное кружево зонтика, на которомъ, какъ въ рамкѣ, выдѣлялись изящныя очертанія ея головы и шеи.

Но Элеонора и Люси были заняты только другъ другомъ. При послѣднихъ словахъ Элеоноры дѣвушка вспыхнула и гордо выпрямилась.

— Вы не можете отдать то, чего у васъ не возьмутъ, что не желаютъ взять!— пылко вскричала она, но тотчасъ же овладѣла собой и продолжала уже другимъ тономъ:

— Позвольте, пожалуйста, позвольте хоть мнѣ поберечь васъ! Не надо ѣхать на виллу Боргезе!

Элеонора порывисто сжала ея руку и тотчасъ же выпустила.

— Я совсѣмъ здорова, — возразила она, почти обычнымъ своимъ голосомъ.— *Eccelensa*! Мы должны проститься съ вами. Вы не видали нашего кавалера?

— А вотъ онъ идетъ,—отвѣчалъ посолъ, подошедшій къ нимъ вмѣстѣ съ американскимъ епископомъ.—Надо сказать ему, чтобы онъ поскорѣй увелъ васъ изъ сада. У васъ страшно утомленный видъ. Вамъ нельзя такъ долго оставаться на солнцѣ.

Мэнистей подходилъ не спѣша, продолжая разговаривать со своимъ спутникомъ; его лицо, нахмуренное, выражавшее нетерпѣніе, невольно привлекало вниманіе. Подойдя къ группѣ, окружавшей посла, онъ обротился къ американскому монсиньору:

— Вы знаете, что онъ взялъ назадъ свое отреченіе?

Тотъ поднялъ брови.

— Ахъ, да, знаю. Бѣдняга!

Смѣсь равнодушія и состраданія въ тонѣ придавала язвительный оттѣнокъ словамъ. Мэнистей вспыхнулъ.

— Я слышалъ, что ему было обѣщано снисхожденіе.

— Онъ получилъ обѣщанное,—улыбаясь, сказалъ епископъ.

— Ему сказали, что его письмо не предназначается для печати. А на другой день оно появилось въ *Osservatore Romano*.

— О, нѣтъ! Это невозможно! Вамъ невѣрно передали факты.

Монсиньоръ засмѣялся съ невозмутимымъ добродушіемъ. Но когда смѣхъ умолкъ, лицо его стало суровымъ и даже грознымъ, какъ подводный камень, когда отхлынетъ волна. Съ минуту онъ серьезно вглядывался въ Мэнистея.

— Гдѣ онъ?—рѣзко спросилъ Мэнистей.

— Вы говорите объ отцѣ Бенеке?— освѣдомился хозяинъ.—Я вчера получилъ отъ него письмо. Онъ уѣхалъ въ провинцію, но не оставилъ мнѣ адреса. Онъ не хочетъ, чтобы его тревожили.

— Мудрое рѣшеніе. — Монсиньоръ протянулъ руку.—Ваше превосходительство должны извинить меня. Въ три часа у меня аудіенція у его святѣйшества.

Онъ простился съ дамами, наговоривъ имъ массу любезностей, и отошелъ. Посолъ съ любопытствомъ посмотрѣлъ на Мэнистея, потомъ обернулся къ Люси.

— Сегодня придется выучить цѣлый столбецъ, — выговорилъ онъ удрученнымъ тономъ.—Почему вы не остались со мной? Я показывалъ м-рсъ Сентенгэмъ мои картины—моихъ любимцевъ—мои сокровища, которыя я собиралъ двадцать лѣтъ, а когда буду умирать пожертвую въ Національную галлерею, если она того будетъ стоить. А она спрашивала меня, оригиналы это или копіи и приняла моего Люини за Рафаэля! Да, меньше, какъ столбцомъ, не обойдешься,—задумчиво продолжалъ посолъ, потомъ вдругъ измѣнилъ тонъ и, взявъ руку, протянутую ему Люси, принялся ласково гладить ее.

— Ну прощайте, прощайте! Такъ вы не забудете моего рецепта? И меня не забудете?

Онъ наклонился къ ней, понизилъ голосъ и мягкимъ, но авторитетнымъ тономъ докончилъ:

— И помните—отправьте м-ра Мэнистея домой!

При этомъ имени рука дѣвушки дрогнула, и онъ почувствовалъ это. Затѣмъ онъ повернулся къ Мэнистею:

— А, Мэнистей, вы здѣсь! Ваши дамы уже покидаютъ насъ.

Мэнистей простился и предложилъ руку Люси, но по дорогѣ къ дому не вымолвилъ слова. Люси, украдкой отважившись взглянуть на него, замѣтила плотно сжатыя губы и складки на лбу, предвѣщавшія бурю.

— Мы вѣдь ѣдемъ на виллу Боргезе, не правда ли?—робко спросила она.— Хорошо ли это для м-ссъ Бергойнъ?

— Надо же куда-нибудь дѣваться,— возразилъ онъ, ускоряя шаги.—Нельзя же сидѣть на улицѣ.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

До отхода поѣзда оставалось еще два часа, которые заранѣе рѣшено было провести въ галлереяхъ и садахъ виллы Боргезе. Ни картинъ и статуй во дворцѣ, ни роскошныхъ кущъ и дивныхъ фонтановъ сада Люси потомъ припомнить не могла. Она помнила только, что все время убѣгала отъ Мэнистея, а онъ все время преслѣдовалъ ее и, въ концѣ концовъ, восторжествовалъ и настигъ.

Это было въ тѣнистомъ уголкѣ сада, у изгороди изъ какого-то незнакомаго ей кустарника, съ пахучими желтыми цвѣтами, ронявшими лепестки въ воду бассейна, окруженнаго темными нимфами. Здѣсь Люси очутилась лицомъ къ лицу съ Мэнистеемъ и почувствовала, что должна покориться.

— Не понимаю, какимъ образомъ я могла не найти м-ссъ Бергойнъ,—торопливо заговорила она, оглядываясь на свою пріятельницу, Дэзи Бруклинъ, которая только что ушла отъ нея, чтобы разыскать брата и вернуться домой. Люси же должна была встрѣтить у этого бассейна Элеонору и м-ра Ниля.

Мэнистей смотрѣлъ на нее, сверкая глазами, съ видомъ рѣшимости.

— Вы не нашли ее потому, что я отвелъ ее не туда, куда надо.

Люси отшатнулась; онъ поспѣшно продолжалъ:

— Я не могу понять, миссъ Фостеръ, почему вы такъ упорно избѣгали меня вчера вечеромъ и сегодня весь день? Но у меня тоже есть характеръ—и я рѣшилъ добиться объясненія.

— Я не понимаю васъ,—выговорила Люси, блѣднѣя.

— Въ такомъ случаѣ позвольте мнѣ объяснить. Миссъ Фостеръ, третьяго дня ночью вамъ угрожала опасность въ моемъ домѣ, подъ моей кровлей. Вы должны позволить мнѣ, какъ хозяину, разсказать вамъ, какъ это вышло и оправдаться, если это возможно. Но вы избѣгаете меня. Вы не даете мнѣ случая сказать вамъ, что я сдѣлалъ для вашей защиты—выразить мое безпредѣльное огорченіе и сожалѣніе. Мнѣ остается только предположить, что вы слишкомъ оскорблены нашей небрежностью, что вы не въ состояніи простить намъ.

— Простить!—вскричала Люси, захваченная врасплохъ.—Что же мнѣ прощать вамъ, м-ръ Мэнистей? О чемъ вы говорите?

— Въ такомъ случаѣ объясните мнѣ, почему послѣ той ночи у васъ не нашлось для меня ни одного ласковаго слова, ни одного ласковаго взгляда. Присядьте, миссъ Фостеръ,—онъ указалъ на мраморную скамью. — Я останусь стоять. Наши всѣ далеко Десять минутъ вы можете удѣлить мнѣ. Я прошу только десять минутъ.

Люси сѣла, работая надъ собой, чтобы сохранить свое достоинство и присутствіе духа.

— Боюсь, вы совершенно превратно истолковали мое поведеніе,—выговорила она, застѣнчиво улыбаясь.— Мнѣ некого и нечего прощать—совсѣмъ, совсѣмъ напротивъ. Я знаю, вы прилагали всевозможныя старанія о томъ, чтобы со мной не случилось ничего дурного. И, благодаря вамъ, ничего дурного и не случилось.

Она выговорила это съ трудомъ, не глядя на Мэнистея. Обоимъ было слишкомъ тяжело вспоминать страшную борьбу у дверей столовой. У обоихъ звенѣлъ въ ушахъ ея отчаянный зовъ и стукъ опрокинутаго стула, когда онъ опрометью бросился къ ней на помощь.

— Вы знали?—вскричалъ онъ, подходя ближе.

— Я знала, что я была въ опас-

ности, что, еслибъ не вы, можетъ быть, ваша бѣдная сестра...

Онъ вздрогнулъ.

— Ради Бога, не говорите объ этомъ!

Онъ прислонился къ пьедесталу одной изъ нимфъ и молча смотрѣлъ на тихую зеленую воду бассейна.

— Ну, вотъ видите, — нервно выговорила Люси,—вамъ тяжело говорить объ этомъ. И мнѣ тоже. Зачѣмъ же вспоминать. Для васъ это навѣрное было страшнымъ ударомъ. И я ничѣмъ не могу помочь вамъ и миссъ Мэнистей. Если бы я могла, тогда другое дѣло!

— Вы можете. Вы должны позволить мнѣ разсказать вамъ, что я сдѣлалъ для вашей безопасности въ ту ужасную ночь. Я уговорился съ Дальгетти, она смѣла и сильна, я заперъ со всѣхъ сторонъ мою бѣдную сестру, я не могъ себѣ представить, чтобы ей удалось вырваться изъ своей тюрьмы. Когда тетя сказала мнѣ въ тотъ вечеръ, прощаясь со мной на ночь, что она опасается, надежна-ли ваша дверь, я засмѣялся, говоря: «это неважно»! Я былъ вполнѣ увѣренъ, что ничего дурного не можетъ случиться. Я не ложился всю ночь, но не тревожился, потому, вѣроятно, въ концѣ концовъ и задремалъ. Бѣда въ томъ, что никто изъ насъ не подозрѣвалъ, что у нея есть хлороформъ.

Люси взмолилась въ отчаяніи.

— Не надо, не надо, вы говорите такъ, какъ будто тутъ есть виноватые, какъ будто надо въ чемъ-то извиняться...

— Разумѣется. Васъ разбудили, потревожили, испугали. Вы могли...

У него перехватило дыханіе.

— Скажите мнѣ, — выговорилъ онъ тише, наклоняясь къ ней,—она напала на васъ въ вашей комнатѣ?

Люси колебалась.

— Зачѣмъ вспоминать объ этомъ?

— Я имѣю право знать.

Его настойчивый повелительный взглядъ не оставлялъ ей выбора. Она подчинилась болѣе сильной волѣ. Въ нѣсколькихъ простыхъ словахъ, волнуясь и сдерживаясь, она разсказала ему все по порядку. Мэнистей, затаивъ дыханіе, ловилъ каждое слово.

— Боже мой! — вырвалось у него, когда она кончила. — Боже мой!

И онъ на минуту закрылъ глаза рукой.

— Вы знали, что у нея есть оружіе?

— Я предполагала это. Все время, пока она была въ моей комнатѣ, она что-то сжимала въ своей бѣдной рукѣ.

— Въ своей бѣдной рукѣ! — Эта фраза казалась Мэнистею необычайно трогательной. Наступила минутная пауза, потомъ онъ заговорилъ страстно, порывисто!

— Ужъ подлинно конецъ вѣнчаетъ дѣло. Миссъ Фостеръ, когда вы ѣхали къ намъ гостить, вы, конечно, воображали, что будете жить у друзей? Вы немногое знали о насъ, но послѣ сердечнаго пріема, оказаннаго моей теткѣ и мнѣ вашими друзьями и родными въ Бостонѣ, вы могли ожидать, по меньшей мѣрѣ, что мы встрѣтимъ васъ радушно, сдѣлаемъ для васъ все возможное, всюду васъ повеземъ, все покажемъ.

Люси покраснѣла, потомъ засмѣялась.

— Я право не знаю, что вы хотите сказать, м-ръ Мэнистей! Я знала, что вы будете добры ко мнѣ—и разумѣется, разумѣется—вы были добры!

Она растерянно посмотрѣла на узенькую тропинку, ведущую въ садъ отъ фонтана, у котораго онъ стоялъ, загораживая ей дорогу, потомъ на него, словно умоляя или отпустить ее, или перевести разговоръ на другое.

— Только не я,—возразилъ онъ рѣшительно.—Я согласенъ, что съ тѣхъ поръ, какъ на сценѣ появилась Алиса, моей главной заботой сдѣлались вы. Но до того я относился къ вамъ, миссъ Фостеръ, неучтиво, небрежно, и вы не можете, не должны этого забыть! Я не строилъ плановъ, какъ развлекать васъ, не жертвовалъ вамъ своимъ временемъ. Вы день за днемъ изнывали отъ скуки въ нашемъ душномъ саду, а мнѣ и въ голову не приходило заняться вами. Я даже сердился, когда м-ссъ Бергойнъ посвящала вамъ слишкомъ много времени. Говоря вполнѣ, *вполнѣ* искренно, я даже, вообще, былъ недоволенъ, что вы къ намъ пріѣхали. А между тѣмъ я былъ хозяиномъ, а вы гостьей, васъ поручили

моимъ заботамъ, я самъ пригласилъ васъ. Я велъ себя съ вами, какъ мужикъ, а не какъ джентльменъ. Ну вотъ! Вы слышали мою исповѣдь, можете ли вы простить меня? Хотите дать мнѣ возможность загладить свою вину?

Онъ склонился къ ней, тяжело дыша. Грудь его высоко вздымалась отъ волненія, которое, помимо воли дѣвушки, передавалось и ей. Не то съ улыбкой, не то съ мольбой, она подняла на него свой кроткій взоръ и протянула ему руку, которую онъ пожалъ. Тогда она отняла руку и повторила:

— Мнѣ нечего, рѣшительно нечего прощать. Вы *всѣ* были милы со мной. А тетя Пэтти и м-ссъ Бергойнъ были положительно ангелами.

Мэнистей дергалъ себя за усы.

— Я не завидую ихъ крыльямъ. Мнѣ только хотѣлось бы, чтобы и у меня они выросли. Вѣдь вы еще двѣ недѣли пробудете у насъ?

Люси вздрогнула и опустила голову.

— Въ двѣ недѣли, миссъ Фостеръ, я еще могу искупить свои вины, я могу показать вамъ многое такое, ради чего стоило пріѣхать сюда. Теперь жарко, но отъ жары можно уберечься. У меня здѣсь есть друзья имѣющіе доступъ къ тому, что не всѣмъ доступно. Довѣрьтесь мнѣ. Сдѣлайте меня своимъ гидомъ, наставникомъ, курьеромъ! Хоть бы послѣднее-то время вамъ провести пріятно и весело.

Онъ улыбался нетерпѣливо, властно. Это было такъ похоже на него — этотъ планъ искупить разомъ всѣ прошлыя вины дѣятельнымъ и энергичнымъ раскаяніемъ. Люси едва удержалась отъ смѣха, но въ то же время сердце ея рванулось къ нему и тотчасъ же заныло отъ печальнаго сознанія только ему вѣдомаго запрета.

Она отвернулась, чтобъ не видѣть его красиваго лица и того выраженія «взрослаго ребенка», которое ей такъ нравилось въ немъ и такъ ее трогало. Играя цвѣтами, лежавшими у нея на колѣняхъ, она застѣнчиво выговорила:

— Сказать вамъ, что бы вамъ слѣдовало сдѣлать въ эти двѣ недѣли?

— Скажите.

Мэнистей наклонился къ ней, жадно любуясь ея дѣвичьей скромностью и застѣнчивостью. Хорошо, что она не могла видѣть выраженія его лица въ эту минуту.

— Не слѣдовало ли бы вамъ окончить книгу. Вы могли бы—вѣдь правда, могли-бы? М-ссъ Бергойнъ такъ огорчена. На нее жалко смотрѣть.

Эти слова придали ей мужества, и она опять посмотрѣла на него серьезнымъ дружескимъ взглядомъ.

Мэнистей вздрогнулъ, выпрямился и, помолчавъ, отвѣтилъ уже другимъ тономъ.

— Я кажется уже объяснялъ вамъ, что моя книга и я попали въ cul-de-sac *)—и выхода я не вижу.

Люси вспомнила разговоръ по поводу его книги въ посольствѣ и промолчала; наступила неловкая пауза.

— Миссъ Фостеръ! — рѣшительно началъ вдругъ Мэнистей.

У Люси екнуло сердце.

— Мнѣ кажется, я угадываю вашу затаенную мысль. Гоните ее! Въ Римѣ ходили слухи, которымъ, можетъ быть, вѣрила и моя тетка. Они несправедливы столько же по отношенію ко мнѣ, сколько и по отношенію къ Элеонорѣ. Она первая подтвердила бы это.

— Конечно,—торопливо начала Люси, конечно,—и запнулась, не зная что сказать, волнуемая самыми противоположными чувствами — пуританскимъ ужасомъ передъ ложью, естественнымъ страхомъ женщины, какъ бы не выдать другой женщины, довѣрившейся ей, и жгучимъ сознаніемъ близости этого человѣка и обаянія его личности.

— Нѣтъ, вы все еще сомнѣваетесь. Вы слышали какую-нибудь сплетню и повѣрили ей?

Онъ бросилъ сигаретку, которую вертѣлъ въ пальцахъ, и опустился рядомъ съ ней на мраморную скамью.

— Выслушайте меня. — Въ голосѣ его звучала спокойная мужественная сила.—Дружба между мной и моей кузиной не совсѣмъ обычна, я знаю. Наши отношенія изъ тѣхъ, какія понятны

*) Тупикъ, глухой переулокъ.

скорѣе французамъ, чѣмъ англичанамъ, ибо для французовъ литература и разговоръ серьезныя вещи, а не пустяки, не стоющіе вниманія, какъ это принято думать у насъ. Она была со мной въ высшей степени добра и мила, хотя я полагаю, что и она, подобно многимъ другимъ, разочаровалась во мнѣ и нашла, что со мной непріятно работать.

— Она такъ больна и такъ устала!— тихо выговорила Люси.

Мэнистей смутился.

— Вы думаете? Впрочемъ, она никогда не могла выносить жары. Она поправится, когда попадетъ въ Англію. Ну, пусть я виноватъ, я чудовище, но скажите на милость, что же мнѣ теперь дѣлать? Какъ успокоить Элеонору?

— Передѣлать всю книгу, по указаніямъ Ниля, — или похоронить ее во мракѣ забвенія? Этакая гнусность! Какъ будто она стоитъ хотъ частицы того труда, который мы оба положили на нее.—А между тѣмъ, въ ней все-таки есть замѣчательно удачныя мѣста!— договорилъ онъ уже другимъ тономъ.

— Ну, хорошо, допустимъ, что вы похоронили ее,—сказала Люси, смѣясь и въ то же время стараясь собраться съ духомъ, чтобы вымолвить совѣтъ посла,—что же дальше? Что вы намѣрены дѣлать? Вернуться въ Англію, въ... въ свое помѣстье?

— Эге! Нашъ старичокъ таки успѣлъ побесѣдовать съ вами,—усмѣхнулся Мэнистей. — Я такъ и думалъ. Онъ уже не разъ пыталъ меня и выпытывалъ насчетъ моихъ плановъ. Ну, да пусть. Онъ милый человѣкъ. Я не сержусь. Такъ посолъ того мнѣнія, что мнѣ слѣдуетъ вернуться на родину?

Онъ заложилъ одну руку за спинку скамьи и смотрѣлъ на Люси блестящими насмѣшливыми глазами.

— А развѣ въ Англіи этого не думаютъ?

— Нѣкоторые, — да. Въ послѣднее время меня бомбардируютъ письмами, интересуются моими взглядами и на политику, положеніе дѣлъ, возможность избирательной реформы. Не далѣе какъ сегодня утромъ я получилъ письмо; одинъ кроткій другъ пишетъ: «Къ чорту итальянцевъ! Что вы знаете о нихъ — да и какое намъ до нихъ дѣло? Англичанъ можно напугать, только указывая имъ ихъ собственныя язвы. Возвращайтесь, Бога ради! Скоро пойдетъ бой не шуточный и надо быть послѣднимъ дуракомъ, чтобы не принять въ немъ участія».

— Я не смѣю быть до такой степени кроткой,—сказала Люси.

Всѣ мускулы ея лица дрожали отъ сдерживаемаго смѣха. Глаза ихъ встрѣтились и въ обоихъ сверкнули искорки юмора. Но тотчасъ же Мэнистей тяжело откинулся на спинку скамьи.

— Зачѣмъ я поѣду домой?—выговорилъ онъ отрывисто, и лицо его омрачилось.

Выраженіе лица Люси мгновенно тоже измѣнилось, она ждала.

Нижняя челюсть Мэнистея слегка опустилась; глаза его, устремленные въ просвѣтъ между деревьями затуманила горькая дума.

— Я ненавижу нашъ старый домъ,— выговорилъ онъ медленно.—Воспоминанія, связанныя съ нимъ, нестерпимы. Мой отецъ былъ очень важный господинъ, у него было много друзей. Мы, дѣти, видѣли его рѣдко и не имѣли особыхъ причинъ любить его. Тамъ умерла моя мать отъ болѣзни, про которую страшно вспомнить. Нѣтъ, нѣтъ, не та болѣзнь, что у Алисы—хриплымъ голосомъ пояснилъ онъ,—не та. Потомъ Алиса, мнѣ въ каждомъ углу будетъ мерещиться ея призракъ!

Люси глядѣла на него, не отрывая глазъ. Бѣдное дитя! Каждый звукъ этого голоса, не похожаго ни на какой другой, каждое движеніе нескладной, но живописной фигуры уже говорили ея сердцу, врѣзывались въ ея память, какъ кислота въ пластинку гравера.

— О, она выздоровѣетъ!—мягко произнесла Люси, безсознательно придвигаясь къ нему.

— Нѣтъ! Ей ужъ не выздоровѣть— никогда. Да еслибъ она и выздоровѣла, мы съ ней давно ужъ перестали быть товарищами и друзьями. Нѣтъ, миссъ Фостеръ, ничто не призываетъ меня домой, кромѣ политики. Я, конечно, могу

поселиться въ Лондонѣ. Но разыгрывать деревенскаго сквайра...

Онъ засмѣялся и пожалъ плечами.

— Нѣтъ! Я постараюсь убраться оттуда какъ можно скорѣе. И ужъ во всякомъ случаѣ я никогда не вернусь туда — одинъ.

Онъ вдругъ повернулся къ ней. Въ тонѣ его послѣднихъ словъ, въ пылкомъ пристальномъ взглядѣ, сопровождавшемъ ихъ, дрожала та же страсть, что и въ знойномъ майскомъ воздухѣ.

Сознаніе опасности и острая нестерпимая жалость къ другой женщинѣ мучительной болью отозвались въ душѣ Люси, и это придало ей силы.

Она измѣнила позу и выговорила съ полнымъ самообладаніемъ, поднимая свой зонтикъ и перчатки.

— Намъ положительно пора отыскать своихъ, м-ръ Мэнистей. Какой милый этотъ графъ Фіоранчини!

Говоря это, она встала. Мэнистей тяжело перевелъ духъ и остался сидѣть, наблюдая за ней. Этотъ небрежный тонъ, это спокойное достоинство обращенія показывали, что его или не поняли вовсе, или слишкомъ хорошо поняли. Во всякомъ случаѣ вышло не такъ, какъ онъ ожидалъ. Онъ взялъ свой ходъ назадъ, но безъ гнѣва, напротивъ, внутренно почти радуясь тому, что она не слишкомъ уступчива, не слишкомъ ужъ *ingénue*.

— Да! Я замѣтилъ, въ чьемъ обществѣ вы были за завтракомъ,—безпечно сказалъ онъ, раскуривая сигаретку.— Тамъ вы не могли услыхать ничего хорошаго ни о моей книгѣ, ни обо мнѣ.

— Мнѣ они всѣ понравились. Они любятъ свою родину и вѣрятъ въ нее. М-ръ Мэнистей, гдѣ вы оставили м-ссъ Бергэйнъ и м-ра Ниля?

— Сейчасъ покажу.—И онъ зашагалъ рядомъ съ нею.—Они въ другой части сада, которой вы не знаете. А здѣсь-то какая прелесть!

Онъ оглянулся вокругъ, впивая въ себя ароматъ травы и цвѣтовъ и дуновеніе прохладнаго западнаго вѣтерка. Они взошли на вершину небольшого холма; въ просвѣты между стволами елей виднѣлись башни и куполы города,— богатый узоръ темныхъ и оранжевыхъ красокъ на горячемъ ярко-синемъ фонѣ неба.

Обоихъ втайнѣ забавляла эта внезапная перемѣна. Какъ онъ смотрѣлъ на нее, что говорилъ всего какихъ-нибудь двѣ-три минуты тому назадъ. И теперь— совсѣмъ другое! Какая странная вещь человѣческая жизнь!

Но онъ не далъ воли этимъ мыслямъ.

— Вы говорите —они любятъ свою родину? Пожалуй, я согласенъ, что у этихъ именно людей руки чисты и они не высасываютъ изъ своей родины ея жизненныхъ соковъ, какъ это дѣлаютъ другіе,—по крайней мѣрѣ, насколько мнѣ извѣстно. И все же въ моихъ глазахъ они не что иное, какъ милые мечтатели. Хлопочутъ изъ-за пустяковъ, проводятъ мелкія реформы и не замѣчаютъ того, что фундаментъ проваливается у нихъ подъ ногами. Но они вамъ понравились— этого довольно. Когда же и какъ мы начнемъ нашу кампанію? Куда поѣдемъ? Что вамъ хотѣлось бы посмотрѣть? И, помните, я не буду вамъ противорѣчить. Я готовъ соглашаться съ чѣмъ угодно — допустить, что Ватиканъ не является воплощеніемъ святой простоты, что патріоты могутъ быть религіозны, а священники заниматься политикой. Будемъ смотрѣть на вещи просто и прямо. Вы будете выколачивать изъ меня мои идеи, я—ваши. Хотите видѣть усыпальницу св. Петра? Для этого нужно разрѣшеніе кардинала. Прикажете показать вамъ виллу Альбано? Она закрыта для публики съ тѣхъ поръ, какъ правительство наложило руки на картинную галлерею Боргезе, но для васъ двери ея откроются. Хотите побывать въ саду Ватикана и посмотрѣть, какъ папа выходитъ подышать свѣжимъ воздухомъ Приказывайте, а я буду исполнять ваши велѣнія, и будетъ очень странно, если это мнѣ не удастся!

Онъ говорилъ весело, дружески, ласково глядя на нее. Но она молчала, и онъ видѣлъ, что она спѣшитъ, что глаза ея ищутъ кого-то вдали, а щеки горятъ румянцемъ нетерпѣнія. Почему? Что онъ опять сказалъ такого, что могло огорчить, или разстроить ее? Онъ вдругъ

взволновался, подошелъ къ ней ближе и ласково, убѣдительно, какъ говорятъ съ милымъ упрямымъ ребенкомъ, молвилъ:

— Вѣдь вы не откажете? Вы дадите мнѣ возможность искупить, загладить свою вину?

— Я думала,—нерѣшительно выговорила Люси,—что вы поѣдете прямо домой,—въ началѣ іюня. Пожалуйста, м-ръ Мэнистей, посмотрите, это не м-ссъ Бергойнъ? Мнѣ кажется, это она.

Мэнистей сдвинулъ брови.

— Вы смотрите не въ ту сторону. Что касается моей поѣздки домой, миссъ Фостеръ, у меня нѣтъ такихъ обязательствъ, которыхъ я не могъ бы нарушить.

Въ его голосѣ звучала нотка обиды, и Люси не могла этого не замѣтить.

— Мнѣ бы очень хотѣлось увидать все это,—сказала она уклончиво, все еще, какъ ему казалось, стараясь опередить его и разглядѣть фигуры, виднѣвшіяся вдали,—но... но... такъ трудно заранѣе строить планы... О, это—это уже навѣрное м-ръ Ниль!

Она побѣжала навстрѣчу подходившему Нилю, и Мэнистей слышалъ, какъ она тревожно, съ трудомъ переводя духъ, спрашивала, гдѣ м-ссъ Бергойнъ.

Мэнистей остался ждать ихъ. Когда они подошли, онъ сказалъ:

— Ниль! Вы очень кстати! Будьте любезны, проводите моихъ дамъ на станцію, или, по крайней мѣрѣ, усадите ихъ на извозчика. Имъ пора на поѣздъ. Я обѣдаю въ городѣ.

Онъ оффиціально приподнялъ шляпу, повернулся и ушелъ.

Надъ виллой спустилась ночь.

Элеонора была въ своей комнатѣ, выходящей на западъ, на оливковую рощу и Кампанью, въ той самой, которую, первое время послѣ своего пріѣзда, занимала Люси.

Мэнистей вернулся уже съ полчаса тому назадъ; она слышала, какъ подъѣхалъ его экипажъ, потомъ слышала его голосъ въ библіотекѣ, звавшій Альфредо. Онѣ съ Люси Фостеръ и тетей Пэтти уже разошлись по своимъ комнатамъ. Странно, почему ему вдругъ понадобилось обѣдать въ городѣ, когда по дорогѣ въ Римъ они условились, что онъ самъ отвезетъ ихъ домой?

Элеонора сидѣла въ низенькомъ креслѣ у стола, на которомъ стояла парагранновая лампочка. Позади ея было окно, открытое, но занавѣшенное гардинами, снаружи закрытое ставнями. На колѣняхъ у нея лежалъ рукописный дневникъ и она безпрестанно перелистывала его, не видя словъ и почти не сознавая, что она держитъ въ рукахъ. Ея голова, въ ореолѣ распущенныхъ золотистыхъ волосъ, запрокинулась на спинку кресла, и яркій свѣтъ лампы съ безпощадной ясностью подчеркивалъ худобу обострившихся чертъ. Она была уже не молода, больна и одинока.

Глядя на эти листки, она снова переживала прошлую зиму.

Какъ все это живо и близко—невѣроятно, ощутительно близко,—а между тѣмъ такъ же мертво, какъ цезари на Палатинѣ.

Напримѣръ:

Ноября 22. «Сегодня мы хорошо поработали. Три часа утромъ, почти три послѣ обѣда. Обзоръ исторіи финансовъ Италіи съ 1870 года почти законченъ. Если бы онъ не такъ увлекся работой, я бы не выдержала—у меня страшно болѣла голова, а вчера ночью мнѣ казалось, что весь Римъ состоитъ изъ колоколовъ и что эти колокола не перестаютъ звонить.

«Но съ нимъ такъ хорошо работать. И какъ онъ великодушенъ, какъ искренно благодаренъ за все, что для него дѣлаешь! Иногда я списываю и дѣлаю выборки, иногда онъ диктуетъ мнѣ, иногда я просто даю ему наговориться, пока у него не сложится въ головѣ страница или глава. Даже эта скучная исторія финансовъ въ его изложеніи становится увлекательной. Въ немъ постоянно горитъ огонь, сжигающій и бодрящій. Его враги говорятъ, что въ немъ нѣтъ выдержки и опредѣленныхъ цѣлей. Какая нелѣпость! Я видѣла, какъ онъ умѣетъ разбираться въ самыхъ хаотическихъ данныхъ, какъ удивительно просто и легко они принимаютъ у него

образъ и форму. И какъ съ нимъ пріятно работать! Онъ взвѣшиваетъ, каждое мое слово, по не изъ ложной учтивости,— нѣтъ! Когда ему не нравится то, что я говорю, онъ хмурится, кусаетъ губы и порой разбиваетъ меня въ пухъ и прахъ. Но очень часто я беру верхъ, тогда онъ спокойно сознается въ своей неправотѣ и какъ мило онъ уступаетъ! Говорятъ о его тщеславіи. Я не отрицаю— въ немъ есть тщеславіе и, на мой взглядъ, это, пожалуй придаетъ ему еще больше обаянія.

«Онъ слишкомъ высоко ставитъ меня. Слишкомъ, слишкомъ высоко».

Декабря 16. «Мы завтракали у маркизы. Тамъ были Фіоранчини и нѣсколько католиковъ. Мэнистея аттаковали со всѣхъ сторонъ. Сначала онъ только хмурился и молчалъ — его не всегда легко вызвать на споръ — потомъ разгорячился и стремительно отбилъ всѣ нападенія, говоря по-итальянски почти такъ же бѣгло, какъ они сами. Я была поражена этимъ, да, мнѣ кажется, и они также.

«Разумѣется мнѣ иногда хотѣлось бы, чтобы въ немъ говорило убѣжденіе, а не полическій разсчетъ. Но можетъ быть, и правда, какъ онъ говоритъ, что со стороны виднѣе. А главное — онъ убѣжденъ, ьто образованные и необразованные люои должны всегда говорить разными языками въ области морали и духа, но это не причина для образованныхъ относиться враждебно къ единственному языку, понятному для невѣжды—языку церкви и религіи. Невѣжественныхъ людей слишкомъ много, поэтому, въ сущности, всего важнѣе то, что *они* думаютъ и дѣлаютъ. Необходимо добиться, чтобы они жили хорошо и честно, иначе общество распадется въ куски. Но заставить ихъ хорошо вести себя можно только при посредствѣ религіи.

«А потому, какое безуміе со стороны Италіи и Франціи искоренять у себя единственное учрежденіе, которое можетъ благодѣтельно вліять на массы! Люди, возмущающіеся католическими обрядами, или глупцы, или педанты. Вы не хотите быть убитыми въ своей постели? Въ такомъ случаѣ оставьте въ покоѣ священниковъ всѣхъ церквей! За все, что они дѣлаютъ, они не много требуютъ отъ васъ взамѣнъ.

«Вотъ суть его доктрины. А какъ онъ чувствуетъ поэзію религіозныхъ церемоній, какъ онъ заставляетъ меня это чувствовать»!

Декабря 23. «Сегодня онъ былъ очарователенъ. На ступенькахъ церкви *Trinixa dei monxi* мы наткнулись на ребенка, брошеннаго своими—группой натурщиковъ и натурщицъ въ костюмахъ, торопившихся взбѣжать на крыльцо, чтобы разсмотрѣть что-то, происходившее на улицѣ. Маленькій смуглый оборванецъ поднялъ страшный крикъ. Мэнистей подошелъ къ нему и взялъ его на руки. Я думала, что съ мальчикомъ сдѣлается припадокъ. Сначала онъ онѣмѣлъ отъ ужаса. Но Мэнистей заговорилъ съ нимъ на его собственномъ *paxais*. И черезъ минуту ребенокъ спокойно лежалъ у него на рукахъ, улыбаясь и водя по его лицу маленькой смуглой ручонкой. Наверху онъ отыскалъ родителей, но не безъ труда отдѣлался отъ своей ноши: ребенокъ ни за что не хотѣлъ разставаться съ нимъ. Онъ вернулся ко мнѣ въ восторгѣ и всю остальную прогулку радовался, какъ мальчикъ. Въ немъ есть какая то особенная наивность; онъ совершенно не въ состояніи скрыть, когда онъ доволенъ или недоволенъ собой».

Рождество. «Вчера мы были на полуночной службѣ въ церкви *Sancta Maria Maggiore*. Съ Мэнистемъ никогда не знаешь, въ какомъ онъ будетъ настроеніи на такихъ церемоніяхъ— иногда онѣ страшно докучаютъ ему, иногда онъ—весь энтузіазмъ и сочувствіе. Вчера насъ страшно тѣснили, и я пожалѣла, что мы пришли. Но когда мы возвращались домой по залитымъ луннымъ свѣтомъ улицамъ, полнымъ народа, входившаго и выходившаго изъ церковныхъ дверей, *pifferari*, съ ихъ плащами и свитками, бѣлыхъ и черныхъ монахинь, монаховъ въ коричневыхъ рясахъ, семинаристовъ въ ихъ пурпурныхъ одѣяніяхъ и т. п., онъ неожиданно растрогался и прочелъ намъ молитву изъ рождественской мессы;

я приведу ее по-англійски, потому что латинскія слова я забыла».

«О, Господи, озарившій священнѣйшую ночь какъ восхожденіемъ истиннаго свѣта, молимъ Тебя, чтобы мы, познавшіе на землѣ тайное сіяніе Его словъ, пріобщались и въ небесахъ Его вѣчныхъ радостей»!

«Мы проходили по *Monte Cavallo* мимо двухъ божественныхъ всадниковъ, спасшихъ Римъ встарину. Луна свѣтила на фонтаны. Казалось, дивныя изображенія сейчасъ оживутъ, полныя юной силы, и вспрыгнутъ на своихъ вѣрныхъ коней.

«Мэнистей остановился посмотрѣть на нихъ.

— И мы говоримъ, что міръ живетъ наукой. Глупцы? Онъ живетъ мечтами, когда же онъ жилъ чѣмъ-нибудь инымъ — въ Аѳинахъ ли, въ Римѣ, или Іерусалимѣ?

«Мы стояли у фонтановъ, разговаривая. Отходя, я сказала: «Какъ странно, что въ мои годы я въ первый разъ радуюсь Рождеству»! Онъ посмотрѣлъ на меня, какъ будто я сказала ему что-нибудь пріятное и отвѣтилъ съ очаровательнѣйшей улыбкой; «Кому же и наслаждаться жизнью, если не вамъ, милая, добрая Элеонора!»

«Придя домой, въ свою комнату, я отворила окна настежь. Наша квартира находится въ концѣ *Via Sisti*, изъ оконъ открывается чудный видъ на Римъ. Луна свѣтила удивительно ярко — соборъ св. Петра, холмы, каждый куполъ и башенка были видны совершенно ясно. Я смотрѣла, смотрѣла и, въ концѣ концовъ, мнѣ показалось, что я больше не мятежница, не отверженная, что я примирилась съ красотой.

«Какимъ миромъ дышетъ эта ночь! Она раскрыла мнѣ свои объятіи и прижимаетъ меня къ своей груди. О, мой сынъ, мой дорогой мальчикъ. Послѣдніе дни онъ все мнѣ представляется, и такъ странно. Какой ужасъ былъ видить эту бушующую рѣку и крошечное дѣтское тѣльце, перебрасываемое съ волны на волну! О, Боже, Боже! Восемь лѣтъ я видѣла этотъ кошмаръ днемъ и ночью! А теперь—не вижу. Я вижу, какъ его несутъ на рукахъ какія-то смутныя величественныя фигуры, закутанныя, въ длинныхъ одеждахъ. Иногда лицо, склоняющееся надъ нимъ, напоминаетъ лица ангеловъ Джіотто, иногда—лицо самой Богоматери, временами на рукахъ, обнимающихъ его, я вижу слѣды язвъ гвоздинныхъ. Что это? Вліяніе Рима. Тѣхъ образовъ, которыми книга Эдуарда наполнила мое воображеніе? Можетъ быть.

«Но въ этомъ есть для меня странное утѣшеніе. Рана по прежнему глубока, но къ ней словно прикасается чья-то ласковая рука, и каждое прикосновеніе смягчаетъ боль. Золотистая головка моего мальчика по прежнему лежитъ въ своей зыбкой могилѣ, но мнѣ часто кажется, что его милые глазки,—глаза младенца, который все знаетъ,—смотрятъ на меня съ небесъ, ищутъ меня, чтобы сказать, что пора и мнѣ успокоиться.

Февраля 20. «Какъ восхитительно первое движеніе весны! Миндальныя деревья въ цвѣту; вся Кампанья стала розовой. *Ràzza di Spagna* утопаетъ въ цвѣтахъ анемоны,—нарциссы, розы.

И я въ первый разъ въ жизни испытываю *Sehnsucht* — весеннее томленіе, надежды... И это въ двадцать девять лѣтъ!

Марта 24. Пасхальная недѣля. «Сегодня я была въ англійской церкви на вѣнчаніи. Словно какая-то преграда упала между мною и жизнью. Невѣста — милая дѣвушка, съ которой я часто видѣлась этой зимой, поцѣловала меня, когда шла переодѣваться. И я обняла ее съ такой радостью! Другія женщины переживаютъ такія ощущенія лѣтъ на десять раньше меня. Но блаженство не перестаетъ быть блаженствомъ оттого, что оно приходитъ поздно и поселяется въ душѣ, измученной горемъ.

Марта 26. «Сегодня мое рожденіе. Въ окно, выходящее на площадь, я только что видѣла Мэнистея, покупавшаго цвѣты. Это сирень и гвоздика предназначаются для меня—я это знаю. Онъ уже подарилъ мнѣ изумрудъ съ изображеніемъ генія съ факеломъ. Я ношу его, какъ брелокъ, на цѣпочкѣ

отъ часовъ. Онъ сказалъ мнѣ, что это геній нашей дружбы.

«Сегодня я велѣла подать себѣ другое платье. Я убѣдилась, что черное положительно непріятно ему. Матильдѣ придется выдумать для меня иной жанръ костюмовъ.

Апрѣля 5. «Онъ уѣхалъ во Флоренцію, а я работаю для него надъ трудною главой о какихъ-то упраздненныхъ монастыряхъ. Я просила графа Б. помочь мнѣ—онъ большой знатокъ въ этихъ вещахъ — и работаю очень усердно. Черезъ 4 дня онъ вернется.

Апрѣля 9-го. Онъ вернулся сегодня. Какой веселый, счастливый вечеръ мы провели! Когда онъ увидалъ, что я сдѣлала, онъ взялъ обѣ мои руки и принялся горячо цѣловать ихъ повторяя: «Элеонора, вы королева кузинъ!» На дняхъ мы уѣзжаемъ на дачу и тамъ уже будемъ работать безъ перерыва. Къ намъ пріѣдетъ гостья, но ее возьметъ на свое попеченіе тетя Пэтти. Я думаю, книга выйдетъ въ іюнѣ. Разумѣется, тамъ есть нѣкоторыя сомнительныя мѣста, но все же она должна имѣть и будетъ имѣть успѣхъ.

«Какъ удивительно хорошо я чувствую себя въ послѣднее время! Докторъ давече смотрѣлъ на меня съ изумленіемъ. Когда онъ увидалъ меня впервые, онъ думалъ, что я недолго протяну. Надо надѣяться, что горы будутъ вдохновлять Мэнистея не меньше, чѣмъ Римъ. Каждая перемѣна, самая незначительная страшитъ меня. Зачѣмъ перемѣны, когда такъ хорошо? Милый, восхитительный, золотой Римъ! У меня сердце сжимается при мысли уѣхать отъ тебя, хотя бы на 14 дней».

Вотъ онѣ, эти странички, насмѣшливыя, неизгладимыя!

Она перечла ихъ всѣ, пережила всѣ воспоминанія, связанныя съ ними, и тогда въ душѣ ея, какъ рѣзкій леденящій вѣтеръ, отъ котораго вянетъ и гибнетъ весенній цвѣтъ, пронеслось послѣднее воспоминаніе, горшее изъ всѣхъ,—воспоминаніе объ этомъ ужасномъ, мучительномъ днѣ! Никогда еще она не чувствовала себя такой забытой, покинутой. Онъ былъ вѣжливъ—можетъ быть болѣе учтивъ, чѣмъ обыкновенно, но женскій инстинктъ подсказалъ ей, что никогда еще она не значила для него такъ мало, что онъ просто забылъ и думать о ней. Она стала для него такой же чужой, какъ въ въ первые дни послѣ ея пріѣзда въ Римъ. Нѣтъ, хуже! Потому что, когда два человѣка впервые приходятъ въ тѣсное соприкосновеніе, каждый изъ нихъ испытываетъ втайнѣ восхитительное чувство ожиданія чего-то новаго, неизвѣстнаго и пріятнаго. Но когда ждать уже нечего, когда все уже извѣстно и всѣ рессурсы исчерпаны?..

Что произошло между нимъ и Люси Фостеръ? Онъ, разумѣется, нарочно устроилъ это объясненіе. Но по дорогѣ домой Люси ничего ей не разсказала; онѣ даже не разговаривали между собою. Ей представились двѣ молчаливыя фигуры въ вагонѣ желѣзной дороги. Онѣ сидѣли рядомъ, Люси держала ея руку въ своихъ. Какъ она сама была блѣдна и печальна! И брови сдвинуты,—признакъ напряженной работы мысли.

Можетъ быть кризисъ уже наступилъ? Что же, она отказала ему? Элеонора не посмѣла спросить. Внезапно она поднялась съ кресла, заложила руки надъ головой и принялась быстро шагать изъ угла въ уголъ. Въ этомъ существѣ, нѣжномъ, любящемъ, полномъ чувства и слезъ, постепенно росла и крѣпла потребность предъявить свои права, суровая почти жестокая рѣшимость, окамѣнившая и преобразившая всю ея душу. Она еще колебалась, какъ колебалась въ тѣ мучительныя, тягостныя минуты, когда онѣ съ Люси шли рядомъ въ саду посольства. Но колебанія скоро пройдутъ. Ревность, безумная, безпредѣльная, заглушавшая всѣ другіе голоса въ душѣ, овладѣла ею съ демоническою силой. Быть можетъ, то было послѣднее усиліе самосохраненія, послѣдній протестъ живого существа противъ грозящаго ему уничтоженія.

Онъ не будетъ принадлежать ей, но *эту* измѣну, *это* вѣроломство надо предотвратить.

Она представила себѣ Люси въ объятіяхъ Мэнистея, у него на груди,—мо-

лодую, полную жизни. Это мысль свodила ее съ ума. Ей было немножко страшно себя, этого дикаго гнѣва, такого страннаго, чуждаго ей, такого унизительнаго. Но страхъ не ослабилъ ея рѣшимости.

А можетъ быть и у Люси заговорило сердце? Надъ этимъ вопросомъ Элеонора ломала себѣ голову уже много дней. Но если и такъ, это лишь мимолетное увлеченіе. Тѣмъ болѣе, долгъ ея уберечь эту дѣвушку отъ Мэнистея. Мэнистей—душа, сотканная изъ каприза и своеволія, не въ состояніи сдѣлать счастливой женщину, подобную Люси. Она надоѣстъ ему и онъ станетъ пренебрегать ею. Что же тогда останется отъ Люси, честной, искренней, любящей? Чѣмъ она будетъ жить, когда сердце ея будетъ разбито.

Элеонора разсѣянно остановилась предъ зеркаломъ, увидала себя въ немъ и съ ужасомъ отшатнулась. Съ такимъ лицомъ состязаться съ Люси?

На туалетномъ столикѣ еще лежали терракоттовыя головки, привезенныя изъ Неми—голова Артемиды и обломокъ греческой головки, съ яснымъ челомъ и благородной простотой прически, раздѣленной проборомъ посрединѣ—той самой головки, въ которой Мэнистей нашелъ сходство съ Люси. Элеонора припомнила его слова въ саду, его улыбку и внимательный, любующійся взоръ, устремленный на подходившую дѣвушку. Да, сходство есть: та же мягкость и сила выраженія, та же прелестная округленность и чистота линій. И этой красотѣ Элеонора сама помогла расцвѣсть и выйти наружу, какъ человѣкъ очищаетъ отъ глины и шлифуетъ брилліантъ.

Какое-то безуміе овладѣло ею,—одно изъ тѣхъ настроеній, когда самые добрые и благородные люди чувствуютъ себя способными на преступленія.

Она взяла греческую головку; подойдя къ окну, быстро раздвинула занавѣси и распахнула ставни.

Ночь ворвалась въ окно, звѣздная ночь, повисшая надъ безпредѣльностью Кампаньи и моря. На западѣ еще виднѣлась слабая полоска свѣта.

На равнинѣ мерцали тамъ и сямъ огоньки, можетъ быть костры, зажженные бродячими пастухами, для охраны себя отъ маляріи. На юго-западѣ, на самомъ дальнемъ концѣ суши, сверкалъ то ниже, то выше огонь маяка, посылавшаго сигналы Средиземному морю и проходящимъ судамъ. Помимо этого, ни признака жизни, внизу, огромная, темная бездна, поглотившая оливковую рощу, дорогу и нижніе склоны холмовъ.

Элеонора склонилась надъ этой бездной, одна съ своей мукой и этой ароматной тишиной, которая какъ будто смѣялась надъ ней. Она подняла руку и, высунувшись въ окно, съ силой швырнула камею въ бездну. Вилла была построена высоко надъ оливковой рощей, а оливковая роща круто спускалась къ дорогѣ. Камеѣ пришлось летѣть долго. Въ глубокой тишинѣ Элеонорѣ почудился звукъ, словно отъ камня, ударяющагося о толстыя вѣтви. Мысленно, она съ дикимъ торжествомъ слѣдила за ея паденіемъ, представляла себѣ, какъ разбивается терракотта, искажая нѣжныя черты, какъ обломки зарываются въ каменистую землю.

Она съ трудомъ перевела духъ, шатаясь отошла отъ окна и опустилась въ кресло. Она чувствовала, что не въ силахъ долѣе бороться съ болѣзнью; ей не хватало воздуха, она задыхалось. «Если бы только ей достать лѣкарство на столикѣ»! подумала она, но достать не могла и лежала безпомощная, теряла сознаніе. Дверь отворилась.

Что это? Сонъ? Ей казалось, что она борется съ волнами, стараясь выплыть на берегъ.

Кто-то тихонько вскрикнулъ. Въ комнатѣ послышались легкіе шаги. Люси Фостеръ опустилась передъ ней на колѣни и обняла ее руками.

— Дайте мнѣ капли на столѣ,—съ трудомъ выговорила Элеонора.

Люси не сказала ни слова. Спокойно, твердой рукой, она принесла и отмѣрила лѣкарство. Это было сильное возбуждающее, и оно скоро оказало свое дѣйствіе. Но когда силы возвратились къ больной, Люси замѣтила, что она дрожитъ отъ холода и закрыла окно, затѣмъ, молча, склонилась надъ женщиной, лежавшей въ креслѣ. Она была почти также блѣдна, какъ Элеонора. На глазахъ ея были слѣды слезъ. Лобъ все

еще былъ наморщенъ, какъ и въ поѣздѣ, отъ усилія мыслей. Она опять опустилась на колѣни возлѣ Элеоноры.

— Я пришла къ вамъ, потому что не могла уснуть и хотѣла предложить вамъ одинъ планъ. Я и не подозрѣвала, что вы больны. Вамъ слѣдовало позвать меня раньше.

Элеонора протянула ей ослабѣвшую руку. Люси нѣжно взяла ее и прижала къ своей щекѣ. Она не понимала, почему Элеонора смотрѣла на нее такъ дико, съ такимъ ужасомъ во взорѣ, какъ она очутилась больная, чуть не въ обморокѣ, у открытаго окна.

Но это открытіе только помогло развиться процессу, начавшемуся давно,— стремленію изъ мрака къ свѣту, приведшему Люси въ комнату Элеоноры. Она наклонилась впередъ и сказала нѣсколько словъ на ухо Элеонорѣ. Та не сразу поняла, но, собразивъ, сдѣлала надъ собою усиліе и приподнялась; Люси обхватила ее обѣими руками и обѣ женщины почти часъ сидѣли обнявшись, рука съ рукой, близко наклонившись другъ къ другу, тихонько переговариваясь отрывистыми, короткими фразами.

Одинъ разъ Люси встала, чтобы взять путеводитель съ ночного столика. Въ другой разъ она открыла ящикъ комода, по указанію Элеоноры, вынула оттуда небольшой кожаный портфель и сосчитала банковые билеты, лежавшіе въ немъ. Въ концѣ концовъ она настояла на томъ, чтобы Элеонора легла, и помогла ей раздѣться.

Элеонора только что опустила голову на подушки, какъ шумъ въ библіотекѣ заставилъ вздрогнуть обѣихъ. Элеонора со страхомъ посмотрѣла въ ту сторону.

— Это, должно быть, м-ръ Мэнистей,— торопливо объяснила Люси.—Его не было въ комнатѣ, когда я шла стекляннымъ корридоромъ. Всѣ двери были открыты настежь и въ комнатѣ у него горѣла лампа. Мнѣ почудилось, будто отпираютъ входную дверь; я почти увѣрена, что это былъ онъ. Надо подождать, пока онъ пройдетъ.

Элеонора, молча, вглядывалась въ темноту. Еще нѣсколько дверей одна за другой отворились и захлопнулись, потомъ все опять стало тихо.

Тогда обѣ женщины бросились на шею другъ къ другу и слились въ странномъ объятіи, полномъ страстной жалости съ одной стороны и глубокаго стыда съ другой.

Затѣмъ Люси неслышно выскользнула изъ комнаты.

«Онъ выходилъ изъ дому въ садъ? Зачѣмъ?» съ недоумѣніемъ спрашивала себя Элеонора.

И съ этими вопросами на устахъ, съ лихорадкой волненія и угрызенія, она лежала безъ сна, ожидая наступленія утра.

Мэнистей дѣйствительно выходилъ въ садъ, чтобы полюбоваться ночью, окунуть свою страсть и сомнѣнія въ ея прохладную чистоту.

Онъ снова и снова бродилъ взадъ и впередъ по террассѣ, при свѣтѣ звѣздъ, пытая и допрашивая свое сердце.

Давно уже, много лѣтъ, онъ не чувствовалъ въ себѣ такого подъема духа, такого благороднаго и мужественнаго настроенія, какое овладѣло имъ теперь, подъ вліяніемъ любви.

Что стоитъ у него на дорогѣ? Его поведеніе въ отношеніи его кузины?

Ему казалось, что онъ угадываетъ, какія мысли смущаютъ Люси, и онъ считалъ это чрезмѣрной добросовѣстностью чуткой и нѣжной натуры. На это можно отвѣтить только правдой и великодушіемъ, обратившись къ великодушію Элеоноры. *Она* знаетъ, каковы ихъ отношенія; она не откажетъ ему въ милости, отъ которой теперь зависятъ его жизнь и смерть — не откажетъ объясниться съ Люси.

Да! Если только.. Въ душѣ его внезапно проснулся рой новыхъ страховъ. Онъ вспомнилъ тотъ моментъ въ библіотекѣ, когда Люси стала приходить въ себя послѣ обморока, и онъ говорилъ съ ней, зная, что она еще не можетъ его слышать, и въ это время вошла Элеонора. Слышала ли она? Онъ вспомнилъ, что и тогда ему пришло въ голову, что она могла слышать. Неужели она ведетъ борьбу противъ него и мститъ за его пренебреженіе, вліяя на Люси?

примѣромъ чему могутъ служить: заразиха (orobanche), петровъ крестъ (lathraea), подъельникъ (monotropa). Животныя, первоначально жившія свободной и самостоятельной жизнью, а затѣмъ перешедшія къ паразитическому существованію на другихъ животныхъ или растеніяхъ, прежде всего прекращаютъ дѣятельность своихъ органовъ движенія и органовъ чувствъ. Но прекращенія дѣятельности влечетъ за собою потерю органовъ, поддерживающихъ ее. По этой причинѣ, напр., многія ракообразныя животныя (crustacea), обладающія въ юности довольно высокою степенью организаціи,—ногами, осязательными усиками и глазами,—въ зрѣломъ возрастѣ въ качествѣ паразитовъ совершенно вырождаются, теряя глаза, орудія движенія и осязательные усики. Рѣзвая, подвижная въ юности форма переходитъ въ безформенный неподвижный комокъ. Остаются въ дѣятельномъ состояніи только необходимѣйшіе органы питанія и размноженія. Все остальное тѣло атрофировалось. Очевидное дѣло, эти глубокія преобразованія главнымъ образомъ являются прямымъ послѣдствіемъ функціональнаго или совокупнаго приспособленія, неупотребленія или недостаточнаго упражненія органовъ; но отчасти они обусловлены и соотносительнымъ приспособленіемъ.

Съ изложенными здѣсь законами прямого приспособленія тѣсно связано *миметическое приспособленіе*, или подражательное видоизмѣненіе, обыкновенно называемое *«мимикріей»* или маскировкой. Среди наземныхъ животныхъ оно встрѣчается у насѣкомыхъ, среди водяныхъ—у раковъ. Въ этихъ двухъ животныхъ классахъ существуетъ безчисленное множество видовъ, подобныхъ другимъ видамъ, принадлежащимъ къ совершенно различнымъ порядкамъ и семействамъ. Особенно же предметомъ такого подражанія служатъ тѣ насѣкомыя, которыя (напр., бабочки или ихъ гусеницы), благодаря исключительно дурнымъ своимъ качествамъ, плохому вкусу мяса, худому запаху, вооруженію жалами, шипами и пр., избѣгаются другими животными или внушаютъ имъ страхъ. Такимъ образомъ, благодаря мимитическому приспособленію, бабочки и гусеницы совершенно различныхъ семействъ получаютъ такую же форму, окраску и рисунокъ, какъ у представителей другихъ семействъ, избѣгаемыхъ вслѣдствіе ихъ запаха или вкуса, вслѣдствіе устрашающаго ихъ вида или вооруженія. Среди насѣкомыхъ особенный страхъ внушаютъ пчелы и осы, вслѣдствіе ихъ ядовитаго жала. Благодаря этому, въ числѣ насѣкомыхъ существуетъ не менѣе пяти или шести совершенно различныхъ порядковъ, постепенно путемъ естественнаго размноженія видоизмѣнившихся и получившихъ сходство съ осами: бабочки (sesia), корoѣды (odontocera), далѣе многочисленныя двукрылыя (мухи и комары), различные кузнечики (прямокрылыя), полужесткокрылыя и другія. Устрашающее сходство съ осами для всѣхъ этихъ различныхъ насѣкомыхъ приноситъ величайшую пользу, оберегая ихъ отъ нападенія многочисленныхъ враговъ и непріятелей. Точно также и многочисленныя безвредныя змѣи постепенно становятся весьма подобными нѣкоторымъ ядовитымъ змѣямъ, формѣ, окраскѣ и рисунку которыхъ онѣ подражаютъ; такъ, напр., безобидная мѣдянница (coronella laevis) ядовитой гадюкѣ, мѣдянкѣ (vipera berus). Такъ какъ *покровительственное сходство* также во многихъ другихъ случаяхъ (какъ, напр., при одноцвѣтномъ естественномъ подборѣ) является причиной рѣзкихъ превращеній, то и въ этомъ случаѣ можно принимать *миметическое приспособленіе* въ болѣе широкомъ смыслѣ.

Въ видѣ закона *преждевременнаго приспособленія* можно различать

тотъ важный фактъ, что измѣненія вслѣдствіе привычки и упражненія внѣдряются тѣмъ глубже и сильнѣе, чѣмъ раньше они наступаютъ въ жизни индивида. Что въ ранней юности изучалось и усваивалось, то укрѣпляется гораздо сильнѣе и глубже, чѣмъ всѣ позднѣйшія пріобрѣтенія... Поэтому-то, клерикалы издавна стремились прежде всего подчинить своему неограниченному господству элементарныя школы. Чѣмъ раньше изучаются различныя противныя разсудку догмы, тѣмъ болѣе упорное сопротивленіе встрѣчаютъ всѣ доводы разсудка и разумнаго естествознанія.

Къ прямому приспособленію принадлежитъ затѣмъ *законъ отступающаго или дивергирующаго приспособленія.* Мы разумѣемъ подъ нимъ то явленіе, что первоначально однородно заложенныя части вслѣдствіе вліянія внѣшнихъ условій развиваются различнымъ образомъ. Этотъ законъ приспособленія необыкновенно важенъ для объясненія раздѣленія труда или полиморфизма. Это легко можно понять на самомъ себѣ, напр., въ дѣятельности нашихъ обѣихъ рукъ. Правая рука въ громадномъ большинствѣ случаевъ привыкаетъ къ совсѣмъ другой работѣ, чѣмъ лѣвая; вслѣдствіе отличающагося занятія возникаетъ и различное развитіе обѣихъ рукъ. Правая кисть руки, обыкновенно гораздо чаще употребляемая, чѣмъ лѣвая, обнаруживаетъ болѣе сильно развитые нервы, мышцы и кости. То же самое относится и ко всей рукѣ. Кости и мясо правой руки у большинства людей вслѣдствіе болѣе сильной работы, сильнѣе и тяжеле, чѣмъ кости и мышцы лѣвой руки. Но такъ какъ предпочтительное употребленіе правой руки у нашей человѣческой расы укоренилось и наслѣдуется уже цѣлыя тысячелѣтія, то и болѣе сильная форма и величина руки наслѣдственно же передается. Голландскій натуралистъ П. Гартингъ помощью взвѣшиванія и измѣренія на новорожденныхъ показалъ, что и у послѣднихъ правая рука превосходитъ лѣвую.

По тому же закону дивергентнаго приспособленія весьма нерѣдко различно развиваются оба глаза. Если, подобно натуралисту, напр., привыкнуть всегда смотрѣть въ микроскопъ однимъ глазомъ (лучше всего лѣвымъ), то этотъ глазъ пріобрѣтетъ совершенно другія свойства, и это раздѣленіе труда представляетъ громадную выгоду. Одинъ глазъ становится болѣе близорукимъ, приспособленнымъ къ видѣнію вблизи, другой глазъ дѣлается болѣе дальнозоркимъ, болѣе способнымъ къ взгляду въ даль. Если же, напротивъ, попеременно пользоваться обоими глазами при наблюденіи подъ микроскопомъ, то при этомъ не достигается та степень близорукости одного глаза и та степень дальнозоркости другого, какія получаются при цѣлесообразномъ раздѣленіи функцій видѣнія обоихъ глазъ. Здѣсь мы также имѣемъ функцію, дѣятельность первоначально одинаковыхъ органовъ, которая потомъ, благодаря привычкѣ, становится несходной, дивергентной; но функція, въ свою очередь, дѣйствуетъ на форму и структуру органа.

Среди растеній уклоняющееся или дивергентное приспособленіе легко можемъ мы замѣтить особенно у вьющихся растеній. Вѣтви одного и того же вьющагося растенія, первоначально однородно заложенныя, получаютъ совершенно различную форму и развитіе, совершенно различную степень изогнутія и поперечникъ спиральнаго оборота, смотря по тому, обвиваютъ ли они болѣе тонкій или болѣе толстый столбъ. Во многихъ другихъ случаяхъ точно также ясно видно отклоняющееся измѣненіе формъ первоначально одинаково заложенныхъ частей, дивергентно, по различнымъ направленіямъ, затѣмъ развивающихся вслѣд-

ствіе отклоняющаго дѣйствія внѣшнихъ условій. Это отклоняющееся приспособленіе въ связи съ прогрессивной наслѣдственностью становится причиной распредѣленія труда и видоизмѣненія формы различныхъ органовъ.

Восьмой и послѣдній законъ приспособленія можно было бы назвать *закономъ неорганическаго или безконечнаго приспособленія.* Этимъ названіемъ мы желаемъ только отмѣтить тотъ фактъ, что намъ неизвѣстны никакія границы измѣненія органическихъ формъ подъ вліяніемъ внѣшнихъ условій существованія. Нѣтъ ни одной части организма, относительно которой можно было бы утверждать, что она неспособна болѣе измѣняться, что если организмъ поставить въ новыя внѣшнія условія, то она не измѣнится подъ вліяніемъ ихъ. Никогда еще опытнымъ путемъ не удавалось показать этотъ предѣлъ. Если, напр., вслѣдствіе неупотребленія органа наступаетъ дегенерація, то послѣдняя идетъ до полнаго исчезновенія органа, иллюстраціей чего могутъ служить глаза многихъ животныхъ. Съ другой стороны путемъ продолжительнаго упражненія, постоянной привычки и все возрастающаго употребленія органа мы можемъ усовершенствовать его въ такой мѣрѣ, какую раньше мы сочли бы невозможной. Сравнивая, напр., дикія не цивилизованныя племена съ культурными націями, мы находимъ у первыхъ такое развитіе органовъ чувствъ, зрѣнія, слуха, обонянія, о которомъ культурные народы не имѣютъ никакого представленія. И, наоборотъ у высшихъ культурныхъ народовъ мозгъ, дѣятельность духа достигаютъ той степени развитія, которую не могутъ представить дикіе народы.

Впрочемъ, для каждаго организма граница его способности приспособленія опредѣляется типомъ его группы, т. е. существенными основными свойствами, перенесенными консервативной наслѣдственностью отъ общаго родоначальника поколѣнія на все его потомство. Такимъ образомъ, напр., позвоночное животное никогда не можетъ пріобрѣсти вмѣсто характернаго для позвоночныхъ спинного мозга брюшной мозгъ членистыхъ животныхъ. Только въ предѣлахъ наслѣдственной основной формы, внутри этого неотъемлемаго типа, степень способности приспособленія безгранична. Гибкость и удобоподвижность органической формы внутри этихъ предѣловъ проявляется свободно, во всѣхъ направленіяхъ и въ совершенно безграничныхъ размѣрахъ. Но существуютъ отдѣльныя животныя, какъ, напр., регрессивно вслѣдствіе паразитизма образованные раки и черви, которые переступаютъ даже и эту границу типа и, благодаря удивительно далеко идущей дегенераціи, лишаются всѣхъ существенныхъ особенностей своего типа.

Способность къ приспособленію у человѣка такъ же безгранична, какъ и другихъ животныхъ, и такъ какъ у человѣка она проявляется прежде всего въ преобразованіи мозга, то поэтому нельзя поставить никакой границы познанія, которую бы человѣкъ не могъ перешагнуть при все возрастающемъ развитіи его духа. Такимъ образомъ, по закону безграничнаго приспособленія, и для человѣческаго ума будущее открываетъ безконечную перспективу въ его совершенствованіи. Это соображеніе обнаруживаетъ всю безпочвенность извѣстнаго «ignorabimus» («никогда не будемъ знать»), которое берлинскій физіологъ Дюбуа-Реймонъ въ своей знаменитой рѣчи въ 1872 году «о границахъ естествознанія» неосновательно противопоставляетъ успѣхамъ науки. Противъ этого прославленнаго «ignorabimus», подхваченнаго клерикальнымъ обскурантизмомъ, сдѣлавшимъ его своимъ лозунгомъ, я выра-

зилъ протестъ уже въ предисловіи къ своей антропогеніи (1874) и также въ своей статьѣ «Свободная наука и свободное ученіе».

Этихъ замѣчаній совершенно достаточно, чтобы раскрыть всю важность явленій приспособленія и придать имъ величайшее значеніе. Всѣ явленія приспособленія въ послѣднемъ счетѣ сводятся къ отношеніямъ питанія организма, въ такой же степени, въ какой явленія наслѣдственности связаны съ отношеніями размноженія; но тѣ и другія сводятся затѣмъ на физическія и химическія причины, т.-е. на причины механическія. Единственно только благодаря взаимодѣйствію этихъ послѣднихъ возникаютъ по дарвиновской теоріи подбора преобразованія организмовъ, вызываемыя въ искусственномъ состояніи искуственнымъ разведеніемъ, въ естественномъ состояніи—естественнымъ разведеніемъ.

ОДИННАДЦАТАЯ ЛЕКЦІЯ.

Естественное разведеніе при посредствѣ борьбы за существованіе. — Клѣточный и индивидуальный подборъ.

Взаимодѣйствіе обѣихъ органическихъ образовательныхъ силъ, наслѣдственности и приспособленія.—Естественное и искусственное разведеніе.—Борьба за существованіе или состязаніе за жизненныя потребности.—Несоразмѣрность между числомъ возможныхъ (потенціальныхъ) и дѣйствительныхъ (актуальныхъ) индивидовъ. — Сложныя взаимныя отношенія всѣхъ сосѣднихъ организмовъ. — Способъ дѣйствія естественнаго разведенія.—Одноцвѣтный естественный подборъ, какъ причина вторичныхъ сексуальныхъ особенностей. — Борьба отдѣльныхъ частей организма. — Функціональное самообразованіе цѣлесообразной структуры.—Телеологическая механика.—Клѣточный подборъ (у протистовъ) и индивидуальный подборъ (у гистоновъ).—Подборъ клѣтокъ и тканей.—Принципъ подбора у Эмпедокла.—Механическое происхожденіе цѣлесообразнаго изъ нецѣлесообразнаго.—Философское значеніе дарвинизма.

Для правильнаго уразумѣнія дарвинизма необходимо прежде всего ясное пониманіе разсмотрѣнныхъ уже въ предъидущихъ лекціяхъ двухъ органическихъ функцій, *наслѣдственности* и *приспособленія*. Если, съ одной стороны, вы не убѣдились въ чисто механической природѣ этихъ обѣихъ физіологическихъ функцій и въ многообразномъ дѣйствіи различныхъ законовъ ихъ, если, съ другой стороны, вы недостаточно вдумались въ необходимо сложное взаимодѣйствіе этихъ различныхъ законовъ наслѣдственности и приспособленія, то вы не въ силахъ будете понять, какъ эти двѣ функціи сами собой создали все разнообразіе животныхъ и растительныхъ формъ; и это наблюдается и на самомъ дѣлѣ. По крайней мѣрѣ, мы до сихъ поръ не въ силахъ указать другія образовательныя причины, кромѣ этихъ двухъ, и, правильно понявъ необходимое и безконечно сложное взаимодѣйствіе наслѣдственности и приспособленія, мы не будемъ имѣть никакой нужды искать другія неизвѣстныя причины преобразованія органическихъ формъ. Этихъ двухъ причинъ для нашихъ цѣлей совершенно достаточно.

Уже задолго до Дарвина и его теоріи подбора, нѣкоторые натуралисты, въ особенности Гёте, приняли за причину разнообразія органическихъ формъ взаимодѣйствіе двухъ различныхъ „образовательныхъ стремленій», консервативнаго, сохраняющаго, и преобразующаго или прогрессивнаго образовательнаго стремленія. Первое Гёте назвалъ центростремительнымъ или специфическимъ стремленіемъ, послѣднее—

центробѣжнымъ или стремленіемъ къ метаморфозу (см. выше). Эти два стремленія вполнѣ соотвѣтствуютъ двумъ функціямъ наслѣдственности и приспособленія. *Наслѣдственность есть центростремительная или внутренняя образовательная сила*; благодаря ей, органическія формы сохраняютъ особенности своего вида, потомки получаютъ сходство съ родителями и на протяженіи многихъ поколѣній производятъ себѣ подобныхъ. Напротивъ, приспособленіе, противодѣйствующее наслѣдственности, есть центробѣжная или внѣшняя образовательная сила; разнородное вліяніе внѣшняго міра преобразуетъ органическія формы и создаетъ новыя формы изъ существующихъ, въ конецъ уничтожая, такимъ образомъ, постоянство species, устойчивость вида. Смотря по тому, перевѣшиваетъ ли наслѣдственность, или приспособленіе, форма вида остается неизмѣнной или переходитъ въ полуформу. *Степень постоянства формъ различныхъ животныхъ или растительныхъ видовъ въ каждый данный моментъ является просто необходимымъ результатомъ наступившаго перевѣса одной изъ этихъ двухъ образовательныхъ силъ или физіологическихъ функцій надъ другой.*

Если мы теперь обратимся къ разсмотрѣнію процессовъ разведенія, выбора или подбора явленій уже изслѣдованныхъ нами въ основныхъ чертахъ въ седьмой лекціи, то мы еще ярче и опредѣленнѣе познаемъ, что какъ искусственное, такъ и естественное разведеніе единственно и всецѣло основано на взаимодѣйствіи этихъ двухъ творческихъ силъ организмовъ. Вглядываясь ближе въ дѣятельность разводителя, сельскаго хозяина или садовода, вы убѣдитесь, что только эти двѣ образовательныя силы служатъ ему для произведенія новыхъ формъ. Весь процессъ искусственнаго разведенія покоится на сознательномъ и разумномъ примѣненіи законовъ наслѣдственности и приспособленія, на искусномъ и цѣлесообразномъ пользованіи и регулированіи ихъ. Въ этомъ случаѣ усовершенствованная человѣческая воля является отбирающей, разводящей силой. Точно также совершается и естественное разведеніе. И это послѣднее требуетъ единственно только этихъ двухъ органическихъ творческихъ силъ, физіологическихъ функцій приспособленія и наслѣдственности для произведенія различныхъ видовъ или species. Но тотъ принципъ разведенія, та разводящая сила, которая въ *искусственномъ* разведеніи представлена пламомѣрно дѣйствующей сознательной волей человѣка, въ *естественномъ* разведеніи являясь въ видѣ нецѣлесообразно и безсознательно дѣйствующей *борьбы за существованіе.* Что мы понимаемъ подъ «борьбой за существованіе», мы уже объяснили въ седьмой лекціи. Познаніе значенія ея составляетъ одну изъ величайшихъ заслугъ Дарвина. Но въ виду того, что это отношеніе весьма часто понимается несовершенно и превратно, необходимо теперь ближе изслѣдовать его и на нѣсколькихъ примѣрахъ выяснить дѣйствительное значеніе борьбы за существованіе и ея участія въ естественномъ разведеніи.

При разсмотрѣніи борьбы за существованіе, мы исходимъ изъ того факта, что число зародышей, производимыхъ всѣми животными и растеніями, безконечно больше числа индивидовъ, дѣйствительно вступающихъ въ жизнь и сохраняющихъ ихъ болѣе или менѣе долгое время. Громадное большинство организмовъ производитъ въ теченіе своей жизни тысячи или милліоны зародышей, изъ которыхъ каждый при благопріятныхъ условіяхъ могъ бы развиться въ отдѣльный индивидъ. У большей части животныхъ и растеній эти зародыши суть настоящія яйца, т.-е. клѣтки, требующія для дальнѣйшаго развитія

половсго оплодотворенія. Напротивъ, многіе протисты, многіе низшіе одноклѣточные организмы, не имѣющіе вида ни растеній, ни животныхъ, размножаются только безполымъ путемъ. Во всѣхъ случаяхъ число безполыхъ или половыхъ зародышей несоизмѣримо велико при сравненіи съ относительно ничтожнымъ числомъ дѣйствительно живущихъ организмовъ.

Говоря вообще, число живущихъ животныхъ и растеній на нашей землѣ въ среднемъ почти одно и то же. Число мѣстъ въ экономіи природы ограничено, и въ громадномъ большинствѣ точекъ земной поверхности эти мѣста, приблизительно, постоянно заняты. Конечно, повсюду ежегодно совершаются колебанія абсолютнаго и относительнаго числа этихъ индивидовъ. Но въ общемъ эти колебанія имѣютъ ничтожное значеніе, нисколько не нарушая того факта, что общее число всѣхъ индивидовъ въ среднемъ остается почти постояннымъ. Всюду происходящій обмѣнъ состоитъ въ томъ, что въ одинъ годъ превышаетъ численностью одинъ рядъ животныхъ и растеній, въ другой годъ—другой рядъ, и каждый годъ борьба за существованіе какъ-нибудь иначе видоизмѣняетъ это отношеніе.

Каждый отдѣльный видъ животныхъ и растеній въ короткое время населилъ бы всю земную поверхность, если бы онъ не былъ принужденъ вести борьбу съ множествомъ враговъ и враждебныхъ вліяній. Уже Линней сосчиталъ, что если бы однолѣтнеее растеніе производило только два сѣмени (а нѣтъ такого, которое производило бы такъ мало), то въ 20 лѣтъ уже получился бы милліонъ индивидовъ. Дарвинъ сдѣлалъ подсчетъ для слона, размножающагося, повидимому, медленнѣе всѣхъ остальныхъ животныхъ, и нашелъ, что потомство одной только пары черезъ 500 лѣтъ возрасло бы до 15 милліоновъ, если бы каждый слонъ въ періодъ половой зрѣлости (отъ 30 до 90 лѣтъ) производилъ только три пары дѣтенышей. Точно такъ же число человѣческихъ индивидовъ при средней степени размноженія и при отсутствіи какихъ-либо препятствій естественному возрастанію ихъ, удваивается въ 25 лѣтъ. Въ каждое столѣтіе общее народонаселеніе возрастало бы въ шестнадцать разъ. Однако, извѣстно, что въ дѣйствительности общее народонаселеніе весьма медленно прибываетъ и приростъ населенія неодинаковъ въ различныхъ странахъ. Въ то время, какъ европейскія націи распространились по всему земному шару, другія племена приходятъ къ упадку; даже цѣлые виды или расы человѣческагс рода съ каждымъ годомъ все болѣе приближаются къ полному вымиранію. Это относится именно къ краснокожимъ Америки, а также къ чернобурымъ аборигенамъ Австраліи. Даже если бы эти народы размножились быстрѣе бѣлой человѣческой расы Европы, то и тогда они рано или поздно были бы уничтожены послѣдними въ борьбѣ за существованіе. Но у всѣхъ человѣческихъ индивидовъ, какъ и у всѣхъ организмовъ, огромное большинство погибаетъ въ раннемъ періодѣ жизни. Среди огромной массы зародышей, производимыхъ каждымъ видомъ, достигаютъ развитія только весьма немногіе, и изъ этихъ немногихъ только весьма малая доля достигаетъ періода зрѣлости и размноженія.

Эта несоразмѣрность между огромнымъ избыткомъ органическихъ зародышей и ничтожнымъ числомъ избранныхъ индивидовъ, продолжающихъ свое существованіе, неизбѣжно порождаетъ ту общую борьбу за существованіе, то постоянное соперничество за жизнь, то безпрерывное состязаніе за жизненныя потребности, которое уже было мной

нарисовано въ седьмой лекціи. Эта борьба за существованіе и есть то, что производитъ естественный подборъ, что при посредствѣ взаимодѣйствія наслѣдственности и приспособленія содѣйствуетъ разведенію въ направленіи постояннаго преобразованія всѣхъ органическихъ формъ. Въ этой за борьбѣ обладаніе необходимыми условіями существованія побѣждаютъ своихъ соперниковъ тѣ индивиды, которые отличаются какими-либо благопріятными, выгодными для нихъ особенностями, отсутствующими у ихъ конкуррентовъ.

Разумѣется, только въ немногихъ случаяхъ, только по отношенію къ ближе извѣстнымъ намъ животнымъ и растеніямъ, можно было бы составить себѣ приблизительное представленіе о безконечно сложномъ взаимодѣйствіи безчисленныхъ отношеній, имѣющихъ мѣсто здѣсь. Подумайте только, какъ безконечно разнообразны и сложны отношенія каждаго отдѣльнаго человѣка къ остальнымъ людямъ и вообще ко всему окружающему внѣшнему міру. Но подобныя отношенія господствуютъ также среди всѣхъ животныхъ и растеній, обитающихъ въ одномъ и томъ же мѣстѣ. Всѣ взаимно дѣйствуютъ другъ на друга, активно или пассивно. Всякое животное, какъ и всякое растеніе, борется непосредственно съ опредѣленнымъ числомъ соперниковъ или враговъ. Вмѣстѣ посаженныя растенія борются другъ съ другомъ изъ-за участка почвы, необходимой для ихъ корней, изъ-за необходимаго количество свѣта, воздуха, влажности и т. д. Точно такъ же борются другъ съ другомъ животныя каждаго участка за пищу, жилище и т. д. Въ этой горячей и сложной борьбѣ каждое малѣйшее индивидуальное отличіе, всякое ничтожное преимущество даетъ перевѣсъ его обладателю. Этотъ болѣе благопріятствуемый въ борьбѣ индивидъ остается побѣдителемъ и размножается, въ то время какъ его соперники гибнутъ, не достигнувъ размноженія. Личное превосходство, доставляющее ему побѣду, наслѣдственно переходитъ къ его потомству, и благодаря дальнѣйшему укрѣпленію и усовершенствованію, можетъ сдѣлаться причиной образованія новаго вида.

Безконечно сложныя взаимныя отношенія, существующія между организмами каждой области, и представляющія особенныя условія въ борьбѣ за существованіе, по большей части намъ неизвѣстны и представляютъ весьма значительную трудность для изслѣдованія. Только въ отдѣльныхъ случаяхъ мы можемъ до извѣстной степени прослѣдить ихъ, такъ, напр., въ извѣстномъ, приведенномъ Дарвиномъ примѣрѣ отношеній кошки къ красному клеверу въ Англіи. Красный клеверъ (trifolium pratense), служащій въ Англіи превосходнымъ кормомъ для рогатаго скота, нуждается для развитія сѣмени въ посѣщеніи шмелей. Эти насѣкомыя, собирая медъ со дна цвѣтковъ клевера, приводятъ пыльцу въ соприкосновеніе съ рыльцемъ плодника и такимъ образомъ содѣйствуютъ оплодотворенію цвѣтковъ, которое безъ этого условія никогда не наступаетъ. Путемъ опыта Дарвинъ показалъ, что красный клеверъ, предохраненный отъ посѣщенія шмелей, не даетъ ни единаго сѣмени. Число шмелей зависитъ отъ числа враговъ, среди которыхъ полевыя мыши являются наиболѣе опасными. Чѣмъ больше господствуютъ полевыя мыши, тѣмъ меньше оплодотворяется клеверъ. Число же полевыхъ мышей, въ свою очередь, зависитъ отъ числа ихъ враговъ, къ которымъ принадлежатъ кошки. Поэтому, вблизи деревень и городовъ, гдѣ содержатся кошки, особенно много шмелей. Значительное число кошекъ представляетъ, поэтому, огромную выгоду для оплодотворенія клевера. Какъ показалъ Карлъ Фохтъ, съ этимъ примѣромъ

могутъ быть связаны еще дальнѣйшія соображенія. Дѣйствительно, рогатый скотъ, питающійся краснымъ клеверомъ, является одной изъ важныхъ основъ благосостоянія Англіи. Англичане сохраняютъ свои тѣлесныя и духовныя силы главнымъ образомъ благодаря тому, что они питаются по большей части превосходнымъ мясомъ, именно отличнымъ ростбифомъ и бифштексомъ. Этой превосходной пищѣ британцы главнымъ образомъ обязаны превосходствомъ своего мозга и духа предъ остальными націями. Очевидно, это превосходство косвенно зависитъ отъ кошекъ, преслѣдующихъ полевыхъ мышей. Не мѣшаетъ также вспомнить вмѣстѣ съ Гексли тѣхъ старыхъ дѣвъ, которыя по преимуществу заняты заботами и уходомъ за кошками, и которыя, благодаря этому, весьма важны въ оплодотвореніи клевера и въ благосостояніи Англіи. На этомъ примѣрѣ вы можете видѣть, что чѣмъ глубже изслѣдовать его, тѣмъ шире раскрывается кругъ дѣйствій и взаимныхъ отношеній. Можно опредѣленно утверждать, что у всякаго животнаго и у всякаго растенія существуетъ масса такихъ взаимныхъ отношеній. Однако, мы рѣдко бываемъ въ состояніи открыть эту цѣпь и увидѣть эту связь такъ, какъ мы это, приблизительно, видимъ въ приведенномъ примѣрѣ.

Другой замѣчательный, описанный Дарвиномъ примѣръ вѣрныхъ взаимныхъ отношеній заключается въ слѣдующемъ: въ Парагваѣ нѣтъ такихъ одичалыхъ лошадей и рогатаго скота, какъ въ сосѣднихъ частяхъ южной Америки, къ сѣверу и къ югу отъ Парагвая. Это замѣчательное обстоятельство просто объясняется тѣмъ, что въ этой мѣстности весьма нерѣдки маленькія мухи, имѣющія обыкновеніе класть свои яйца въ пупокъ новорожденнаго рогатаго скота и лошади. Новорожденныя животныя вслѣдствіе этого погибаютъ, и эта маленькая страшная муха является, такимъ образомъ, причиной того, что въ этой области никогда не дичаютъ лошади и рогатый скотъ. Но если только эта муха будетъ уничтожена какой либо насѣкомоядной птицей, то въ Парагваѣ эти крупныя млекопитающія одичаютъ въ такой же массѣ, какъ и въ другихъ сосѣднихъ частяхъ южной Америки, и такъ какъ эти послѣднія пожираютъ множество опредѣленныхъ растительныхъ видовъ, то, благодаря этому, измѣнится вся флора, а въ зависимости отъ этого и вся фауна этой страны. Едва ли стоитъ говорить, что вслѣдствіе этого измѣнится и все хозяйство, а вмѣстѣ съ тѣмъ и характеръ человѣческаго населенія. То же самое можно сказать и о мухѣ тсе-тсе въ Африкѣ.

Такимъ образомъ, оказывается, преуспѣяніе и даже самое существованіе цѣлой народности косвенно зависитъ всецѣло отъ маленькой, крайне незначительной животной или растительной формы. Существуютъ небольшіе океаническіе острова, все человѣческое населеніе которыхъ питается главнымъ образомъ однимъ только видомъ пальмы. Оплодотвореніе этой пальмы совершается преимущественно при посредствѣ насѣкомыхъ, переносящихъ пыльцу съ мужскихъ деревьевъ на женскія деревья. Существованіе этихъ полезныхъ насѣкомыхъ подвержено опасности со стороны насѣкомоядныхъ птицъ, которыя, въ свою очередь преслѣдуются хищными птицами. Но хищныя птицы нерѣдко подвергаются нападенію маленькихъ паразитическихъ клещей, достигающихъ милліоновъ въ пуховой одеждѣ этихъ птицъ. Но этотъ маленькій опасный паразитъ, въ свою очередь, гибнетъ отъ паразитическихъ грибовъ. Грибы, хищныя птицы и насѣкомыя въ этомъ случаѣ благопріятствуютъ

развитію пальмъ, а поэтому и людей, птичьи клещи и насѣкомоядныя птицы, напротивъ, содѣйствуютъ ихъ гибели.

Интересные примѣры измѣненія взаимныхъ отношеній въ борьбѣ за существованіе доставляютъ намъ изолированные, не населенные человѣкомъ океаническіе острова, на которыхъ моряки неоднократно высаживали козъ и свиней. Эти животныя одичали и вскорѣ столь сильно размножились, благодаря недостатку враговъ, что все остальное животное и растительное населеніе стало страдать отъ этого; наконецъ, островъ почти совершенно опустѣлъ, такъ какъ недостаточно хватало пищи большимъ, сильно размножающимся млекопитающимъ. Бывали случаи, что на такіе густо населенные козами и свиньями острова позже другіе моряки высаживали пару собакъ; найдя для себя обильный кормъ, онѣ чрезвычайно быстро размножились. Но вскорѣ онѣ столь сильно опустошили стада, что черезъ нѣсколько лѣтъ имъ самимъ не доставало пищи, и онѣ почти вымерли. Такъ безпрерывно мѣняется въ экономіи природы равновѣсіе видовъ, смотря по тому, одинъ или другой видъ размножается на счетъ остальныхъ.

Въ большинствѣ случаевъ, конечно, эти взаимныя отношенія различныхъ животныхъ и растительныхъ видовъ гораздо болѣе сложны, чѣмъ это можно представить вамъ, и я предлагаю вашему собственному воображенію нарисовать себѣ это безконечно сложное взаимодѣйствіе въ каждомъ мѣстѣ земной поверхности, вызываемое борьбой за существованіе. Въ послѣднемъ счетѣ побудительной причиной, обусловливающей борьбу за существованіе и въ разныхъ мѣстахъ различнымъ образомъ видоизмѣняющей ее, является *самосохраненіе*, и именно какъ стремленіе къ самосохраненію индивидовъ (стремленіе къ питанію), такъ и стремленіе къ сохраненію видовъ (стремленіе къ размноженію). Эти оба основныя стремленія къ органическому самосохраненію обратили на себя вниманіе даже идеалиста Шиллера (а не реалиста Гёте):

«Einstweilen bis den Bau der Welt
«Philosophie Zusammentält,
«Erhält sich ihr Getriebe
«Durch Hunger und durch Liebe» *)

Эти оба могущественныя стремленія, *голодъ* и *любовь*, вслѣдствіе своего различнаго развитія въ различныхъ видахъ борьбы за существованіе, принимаютъ необыкновенно разнообразную форму и составляютъ основаніе явленій борьбы за существованіе. Всякую наслѣдственную передачу можно свести на размноженіе, всякое приспособленіе—на питаніе, какъ основныя физіологическія причины.

Борьба за существованіе въ естественномъ разведеніи дѣйствуетъ такимъ же отбирающимъ образомъ, она—воля человѣка въ искусственномъ разведеніи. Но послѣдняя дѣйствуетъ сознательно и планомѣрно, первая же безсознательно и безъ опредѣленнаго плана. Это важное различіе между искусственнымъ и естественнымъ подборомъ заслуживаетъ особеннаго вниманія. Благодаря ему, мы научаемся понимать, почему *цѣлесообразныя сооруженія такъ же могутъ быть произведены дѣйствующими безъ цѣли механическими причинами, какъ и цѣлесообразно дѣйствующими конечными причинами.* Продукты естественнаго разведенія такъ же или еще болѣе цѣлесообразны, чѣмъ искус-

*) «Вся мудрость человѣка говоритъ намъ,
«Что отъ начала міра движенье въ немъ
«Сохраняется только благодаря голоду и любви».

ственные продукты человѣка, и тѣмъ не менѣе они обязаны своимъ происхожденіемъ не цѣлесообразной дѣятельности создателя, но безсознательно и безцѣльно дѣйствующимъ механическимъ отношеніямъ. Разсматривая болѣе поверхностно взаимодѣйствіе наслѣдственности и приспособленія, нельзя ожидать тѣхъ послѣдствій естественнаго процесса разведенія, какія существуютъ на самомъ дѣлѣ. Здѣсь будетъ весьма умѣстно привести два особенно выясняющихъ примѣра дѣятельности естественнаго разведенія.

Разсмотримъ сперва выдвинутый Дарвинымъ *одноцвѣтный подборъ* или такъ называемую симпатическую окраску животныхъ. Уже прежніе естествоиспытатели находили поразительнымъ тотъ фактъ, что многочисленныя животныя обладаютъ, въ общемъ, такой же окраской, какъ ихъ жилище или окружающая среда, въ которой они постоянно находятся. Такъ, напр., лиственныя вши и многія другія, обитающія на листьяхъ насѣкомыя окрашены въ зеленый цвѣтъ. Обитатели пустынь: тушканчики, лисицы, антилопы, львы и т. д. по большей части окрашены въ желтый или желто-бурый цвѣтъ, какъ песокъ пустынь. Полярныя животныя, живущія среди льда и снѣга, бѣлы или сѣры, какъ ледъ или снѣгъ. Многія изъ нихъ мѣняютъ свою окраску лѣтомъ и зимой. Лѣтомъ, когда отчасти исчезаетъ снѣгъ, мѣхъ этихъ полярныхъ животныхъ становится сѣро-бурымъ или черноватымъ, какъ обнаженная почва, между тѣмъ какъ зимой онъ снова становится бѣлымъ. Бабочки и колибри, порхающія среди пестрыхъ яркихъ цвѣтовъ, уподобляются послѣднимъ окраской и рисункомъ. Дарвинъ объясняетъ этотъ поразительный фактъ просто тѣмъ, что такая окраска, согласная съ мѣстомъ обитанія, приноситъ весьма значительную пользу соотвѣтственнымъ животнымъ. Если это животныя хищныя, то они болѣе быстро и незамѣтно могутъ приблизиться къ своей добычѣ, и точно такъ же преслѣдуемыя ими животныя болѣе легко избѣгаютъ ихъ, если только они очень мало отличаются своей окраской отъ окружающей обстановки. Если, такимъ образомъ, какой-либо животный видъ первоначально варіировалъ во всѣхъ краскахъ, то въ борьбѣ за существованіе въ наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ будутъ стоять тѣ индивиды, окраска которыхъ наиболѣе соотвѣтствуетъ окружающей средѣ. Они останутся незамѣтными, сохранятся и размножатся, между тѣмъ какъ иначе окрашенные индивиды или разновидности вымрутъ.

Тѣмъ же одноцвѣтнымъ подборомъ я пытался объяснить въ моей «общей морфологіи» замѣчательное сходство съ водой пелагическихъ *стекловидныхъ* животныхъ, тотъ поразительный фактъ, что большинство пелагическихъ животныхъ, т.-е. тѣхъ, которыя живутъ на поверхности открытаго моря, голубоваты, безцвѣтны или стекловидно-прозрачны, какъ вода. Такія безцвѣтныя стекловидныя животныя встрѣчаются въ различныхъ классахъ. Сюда принадлежатъ среди рыбъ helmichtyida, личинка акулъ, черезъ стекловидное тѣло которыхъ можно читать книжку; среди мягкотѣлыхъ животныхъ—киленогія и крылоногія; среди червей alciope и sagitta; среди оболочниковыхъ сальпы и морскіе боченки; далѣе, многочисленныя пелагическія ракообразныя (crustacea) и большая часть медузъ, зонтичныя акалефы, гребневики и т. д. Всѣ эти пелагическія животныя, плавающія по поверхности открытаго моря, стекловидно прозрачны и безцвѣтны, какъ вода, между тѣмъ какъ ихъ ближайшіе родичи, живущіе на днѣ моря, окрашены и непрозрачны, какъ наземные обитатели. И этотъ замѣчательный фактъ, такъ же, какъ симпатическая окраска наземныхъ обитателей, объясняется естествен-

нымъ подборомъ. Среди предковъ пелагическихъ стекловидныхъ животныхъ, обладавшихъ въ различной степени безцвѣтностью и прозрачностью, очевидно, наиболѣе благопріятно были поставлены въ ожесточенной борьбѣ за существованіе, господствующей на поверхности моря, тѣ индивиды, которые въ наибольшей степени были безцвѣтны и прозрачны. Они могли легче другихъ незамѣтно приближаться къ своей добычѣ и сами оставались наименѣе замѣтными для своихъ враговъ. Они легче могли сохраняться и размножаться, чѣмъ ихъ сильнѣе окрашенные и непрозрачные сородичи. Наконецъ, благодаря накопленному дѣйствію приспособленія и наслѣдственности, благодаря естественному подбору на протяженіи многихъ генерацій, ихъ тѣло достигло той степени прозрачности и безцвѣтности, которой въ настоящее время мы удивляемся при видѣ этихъ многочисленныхъ пелагическихъ животныхъ.

Не менѣе интересенъ и поучителенъ, чѣмъ одноцвѣтный подборъ, тотъ видъ естественнаго разведенія, который Дарвинъ назвалъ *сексуальнымъ или половымъ подборомъ;* послѣднимъ особенно выясняется происхожденіе такъ называемыхъ «вторичныхъ сексуальныхъ признаковъ». Эти второстепенные половые признаки, во многихъ отношеніяхъ поучительные, были указаны уже раньше; мы понимали подъ этимъ словомъ такія особенности животныхъ и растеній, которыя свойственны только одному изъ двухъ половъ и которыя находятся въ тѣсной зависимости отъ половой дѣятельности. Такіе вторичные половые признаки встрѣчаются у животныхъ въ громадномъ разнообразіи. Всѣ вы знаете, какъ поразительно у многихъ птицъ и бабочекъ оба пола отличаются другъ отъ друга величиной и окраской. По большей части самецъ является бо̀льшимъ и красивѣйшимъ поломъ. Часто онъ обладаетъ особеннымъ украшеніемъ, или орудіемъ, напр., шпора и воротничекъ пѣтуха, рога мужского оленя и козули и т. д. Всѣ эти особенности одного пола не находятся въ прямомъ отношеніи къ плодотворенію, совершающемуся при посредствѣ «первичныхъ половыхъ признаковъ», особыхъ половыхъ органовъ. Происхожденіе этихъ замѣчательныхъ «вторичныхъ сексуальныхъ признаковъ» Дарвинъ просто объясняетъ подборомъ, происходящимъ во время размноженія животныхъ. У большинства животныхъ число индивидовъ того и другого пола болѣе или менѣе не одинаково: преобладаютъ или мужскіе, или женскіе индивиды, и при наступленіи періода размноженія обыкновенно происходитъ борьба между соотвѣтственными соперниками за обладаніе животными другого пола. Извѣстно, съ какой силой и свирѣпостью ведется эта борьба у высшихъ животныхъ, у млекопитающихъ и птицъ, особенно же живущихъ въ полигаміи. У куриныхъ птицъ, гдѣ на одного пѣтуха приходится очень много куръ, завязывается ожесточенная борьба между конкуррирующими пѣтухами за пріобрѣтеніе наивозможно большаго гарема. То же самое относится и ко многимъ жвачнымъ. У оленей и козулей, напр., во время размноженія происходитъ опасная борьба между самцами за обладаніе самкой. Вторичный половой признакъ, отличающій самцовъ, рога оленя или козули, отсутствующіе у самки, есть, по ученію Дарвина, слѣдствіе этой борьбы. Такимъ образомъ, здѣсь происходитъ не борьба за индивидуальное существованіе, или самосохраненіе, но за сохраненіе вида, размноженіе, которое является поэтому поводомъ и опредѣленной причиной этой борьбы. Существуетъ цѣлое множество вооруженій, пріобрѣтенныхъ животными этимъ способомъ, какъ пассивныя орудія защиты, такъ и активные органы нападенія. Такимъ орудіемъ защиты, безъ сомнѣнія, является грива льва, отсутствующая у львицы. При укусахъ,

производимыхъ львами за обладаніе самкой, по большей части въ области шеи, эта грива служитъ прекраснымъ средствомъ защиты, и поэтому, самцы, снабженные наибольшей гривой, будутъ поставлены въ этой сексуальной борьбѣ въ болѣе благопріятныя условія. Подобнымъ же орудіемъ защиты служитъ подгрудокъ быка и воротничекъ пѣтуха. Активными же органами нападенія являются рога оленя, клыки кабана, шпора пѣтуха и развитая верхняя челюсть мужского жука-оленя. Всѣ эти орудія служатъ самцамъ въ ихъ борьбѣ за самку къ уничтоженію или удаленію соперниковъ.

Въ этихъ случаяхъ происхожденіе вторичныхъ сексуальныхъ признаковъ непосредственно обусловливается борьбой, имѣющей цѣлью уничтоженіе соперниковъ. Кромѣ этой, непосредственно уничтожающей борьбы, въ половомъ подборѣ существуетъ еще весьма важное косвенное состязаніе соперниковъ, оказывающее на нихъ не меньшее преобразовательное вліяніе. Это состязаніе состоитъ преимущественно въ томъ, что домогающійся полъ стремится понравиться другому полу,—внѣшнимъ нарядомъ, красотой, или мелодическимъ голосомъ. Несомнѣнно, чудный голосъ пѣвчихъ птицъ произошелъ преимущественно этимъ путемъ. У многухъ птицъ происходитъ настоящее состязаніе пѣвцовъ, борющихся за обладаніе самкой. Относительно многихъ пѣвчихъ птицъ извѣстно, что ко времени размноженія самцы въ большомъ числѣ собираются передъ самками и услаждаютъ ихъ своимъ пѣніемъ съ тою цѣлью, чтобы самки выбирали своими супругами наиболѣе понравившихся имъ пѣвцовъ У другихъ пѣвчихъ птицъ отдѣльные самцы въ уединеніи оглашаютъ лѣса своимъ пѣніемъ, желая привлечь себѣ самокъ, и эти послѣднія слѣдуютъ въ направленіи наиболѣе привлекательныхъ звуковъ. Подобное музыкальное состязаніе, однако менѣе мелодичное, происходитъ у цикадъ и кузнечиковъ. У цикадъ самецъ снабженъ около брюшка двумя инструментами въ родѣ барабана и производитъ ими рѣзкіе скрипящіе звуки, которыми почему-то восхищались древніе греки, какъ прекрасной музыкой. У кузнечиковъ самцы производятъ стрекотаніе, частью проводя задней ножкой, какъ смычкомъ, по поверхности крылышекъ, частью при помощи тренія другъ о друга крыльевъ,—звуки, для насъ во всякомъ случаѣ не особенно мелодичные, но для самокъ кузнечиковъ столь пріятные, что онѣ себѣ избираютъ въ супруги наилучшихъ скрипачей-самцовъ.

У другихъ насѣкомыхъ и птицъ не пѣніе и вообще не музыкальное искуство, а красота одого пола служитъ средствомъ привлеченія другого пола. Такъ у большой части куриныхъ птицъ пѣтухъ отличается особой кожной складкой на головѣ или прекраснымъ хвостомъ, лучеобразно расправляющимся, какъ у павлина и индюка. Также красивый хвостъ райской птицы служитъ исключительно украшеніемъ мужского пола. Подобнымъ образомъ, и у многихъ другихъ птицъ и у весьма многихъ насѣкомыхъ, именно бабочекъ, самцы отличаются отъ самокъ особенною окраской или другими украшеніями. Очевидно, послѣднія суть продукты полового подбора. Такъ какъ самки лишеныэтихъ прелестей и украшеній, до мы должны заключить, что они пріобрѣтены самцами въ ихъ состязаніи за обладаніе самками, при чемъ самки дѣйствовали отбирающимъ образомъ.

Примѣненіе этого интереснаго заключенія къ человѣческому обществу вы сами легко можете въ подробностяхъ представить себѣ. Разумѣется, здѣсь имѣютъ мѣсто тѣ же самыя причины развитія вторичныхъ сексуальныхъ признаковъ. Особенности, отличающія мужчину,

такъ же, какъ отличительныя черты женщины, обязаны своимъ происхожденіемъ, главнымъ образомъ, сексуальному подбору другого пола. Въ древности и въ средневѣковьѣ, особенно, въ романтическую эпоху рыцарства, происходила непосредственная борьба ради уничтоженія противника, турниры и дуэли, сопровождавшіе выборъ невѣсты; сильнѣйшій уводилъ съ собой невѣсту. Въ болѣе новое время, въ нашемъ, такъ называемомъ «высшемъ» и «цивилизованномъ» обществѣ, напротивъ, происходитъ косвенное состязаніе влюбленныхъ соперниковъ посредствомъ музыкальныхъ искусствъ, игры и пѣнія, или при помощи прелестей тѣла, естественной красоты или искусственнаго наряда. Однако гораздо важнѣе этихъ различныхъ формъ полового подбора въ человѣческомъ обществѣ — наиболѣе благородная форма его, именно *психическій подборъ*, въ которомъ духовныя черты одного пола опредѣляютъ выборъ другого. Такой наивысше облагороженный культурный человѣкъ, выбирая себѣ подругу жизни съ опредѣленными душевными свойствами, наслѣдственно передаваемыми въ потомство, все болѣе увеличиваетъ въ ряду поколѣній ту пропасть, которая въ настоящее время отдѣляетъ его отъ грубыхъ первобытныхъ народовъ и отъ нашихъ общихъ прародителей. Вообще роль возрастающаго полового подбора у человѣка вмѣстѣ съ возрастающимъ раздѣленіемъ труда между обоими полами крайне важна, и я думаю, что здѣсь надо искать одну изъ могущественныхъ причинъ, вызвавшихъ филогенетическое происхожденіе и историческое развитіе человѣческаго рода. Дарвинъ въ своемъ весьма интересномъ сочиненіи, появившемся въ 1871 году, «о происхожденіи человѣка и половомъ подборѣ» геніально излагаетъ этотъ предметъ, выясняя его замѣчательными примѣрами.

Чрезвычайно высокое значеніе въ развитіи органическаго міра, борьбы за существованіе и естественнаго подбора, обусловливаемаго ею, вслѣдъ за открытіемъ Дарвина все болѣе и болѣе сознается въ теченіе послѣднихъ тридцати лѣтъ. Но при этомъ обыкновенно имѣютъ въ виду только отношенія жизни и развитія отдѣльныхъ индивидовъ. Однако не менѣе важно, въ сущности даже болѣе важно и обширно значеніе борьбы за существованіе всюду и вездѣ во всѣхъ составныхъ частяхъ формы этихъ отдѣльныхъ существъ; преобразованіе послѣднихъ, собственно говоря, есть только общій результатъ особаго развитія всѣхъ его составныхъ частей.

Самъ Дарвинъ не входилъ въ ближайшее разсмотрѣніе элементарныхъ преобразованій структуры. Первое полное изложеніе вмѣстѣ съ критическимъ освѣщеніемъ далъ намъ профессоръ Вильгельмъ Ру въ 1881 году въ своемъ превосходномъ произведеніи: «*Борьба отдѣльныхъ частей въ организмѣ*», докладъ въ дополненіе механическаго ученія о цѣлесообразности. Въ первой главѣ его выясняется функціональное приспособленіе органовъ и наслѣдственность ихъ дѣйствій, въ особенности *функціональное происхожденіе цѣлесообразнаго строенія*, какъ необходимое слѣдствіе увеличеннаго или уменьшеннаго употребленія. Во второй главѣ борьба отдѣльныхъ частей организма ближе изслѣдуется и указывается, какъ изъ несходства частей, изъ несходныхъ отношеній ихъ дѣятельности и питанія, обмѣна веществъ и роста необходимо должна вытекать борьба за существованіе ихъ, и это относится такъ же къ отдѣльнымъ органамъ и къ составляющимъ ихъ тканямъ, какъ и къ отдѣльнымъ клѣткамъ, изъ которыхъ состоятъ органы, и наконецъ, даже къ активнымъ молекуламъ, составляющимъ плазму клѣтокъ и ихъ ядра (пластидулы или мицеллы). При этомъ

громадное значеніе имѣетъ взаимное отношеніе между работой (или физіологической функціей) каждой отдѣльной части и ея питаніемъ: каждое функціональное раздраженіе сводится на обмѣнъ веществъ дѣйствующихъ частей и производитъ такимъ образомъ «трофическое дѣйствіе», вызывая вмѣстѣ съ тѣмъ измѣненіе формы и строенія (или морфологическую дифференцировку). Такимъ образомъ, оказывается возможнымъ, какъ я уже въ 1866 году указывалъ въ моей общей морфологіи, свести *приспособленіе* въ широкомъ смыслѣ слова къ жизнедѣятельности *питанія*.

На многочисленныхъ примѣрахъ Ру выясняетъ, какъ путемъ усиленной дѣятельности усиливается способность органа къ отправленію, путемъ ослабленной работы она сокращается (въ смыслѣ Ламарка), и какъ затѣмъ при посредствѣ воздѣйствія функціональныхъ раздраженій *возникаетъ цѣлесообразность въ наибольшемъ мыслимомъ совершенствѣ* безъ какого-либо угнетенія цѣлесообразной конечной причины. Столь поразительно просто объясняется замѣчательное и крайне цѣлесообразное совершенство тонкаго строенія костей, мышцъ, кровеносныхъ сосудовъ и т. д. Тонкія костяныя перекладины слѣдуютъ направленію наибольшаго уклоненія и съ ничтожной затратой матеріала достигаютъ наивысшей крѣпости; тонкія мышечныя волокна, составляющія мясо, протянуты въ направленіи ихъ сокращенія, и если мышечныя трубки (кишечникъ, кровеносные сосуды) сокращаются въ двухъ направленіяхъ, въ продольномъ и поперечномъ, то и мускульныя волокна располагаются только въ этихъ двухъ направленіяхъ. Подобнымъ же образомъ и болѣе тонкое строеніе нервовъ, кровеносныхъ сосудовъ, железъ и т. д. наиболѣе цѣлесообразно приспособлено къ ихъ дѣятельности. Разсматривая строго механически эти структурныя отношенія, вы увидите въ нихъ сооруженіе *наибольшаго мыслимаго совершенства*, и однакожъ они возникли *безъ предустановленной цѣли*, напротивъ, *чисто механически* вслѣдствіе собственной дѣятельности самихъ органовъ (при посредствѣ ихъ функціональныхъ раздраженій).

Важный принципъ функціональнаго происхожденія цѣлесообразности показываетъ намъ, какъ фактически существующая цѣлесообразность во внутреннемъ устройствѣ тѣла можетъ быть сведена на *телеологическую механику*. Но и эта послѣдняя въ свою очередь можетъ быть объяснена *принципами подбора*, не въ смыслѣ Дарвина и его борьбы за существованіе между самостоятельными существами, но въ смыслѣ Ру, т. е. въ смыслѣ постоянной борьбы между всѣми частями отдѣльнаго организма. Здѣсь слѣдуетъ, однако, подчеркнуть то обстоятельство, что такой процессъ преобразованія и разведенія можетъ наступить только тогда, если функціональное приспособленіе (въ качествѣ пріобрѣтеннаго измѣненія) будетъ передаваться потомству при посредствѣ прогрессивной наслѣдственности.

Согласно съ этимъ подборъ клѣтокъ, имѣющій мѣсто по ученію Ру, во всѣхъ тканяхъ, можно было бы назвать *клѣточнымъ подборомъ*, въ отличіе отъ *индивидуальнаго подбора* въ смыслѣ Дарвина, впервые указавшаго его. Первый находится въ такомъ же положеніи къ послѣднему, какъ клѣточная патологія Вирхова къ индивидуальной патологіи, или какъ предложенная мною клѣточная психологія къ индивидуальной психологіи. [Сравни мой докладъ о «клѣточной душѣ и о душѣ клѣтокъ» («Zellseelen und Seelenzellen»)]. Ключъ къ правильному пониманію этого отношенія лежитъ въ *клѣточной теоріи* и въ тѣхъ колоссальныхъ успѣхахъ, которыхъ достигла эта основная теорія въ

послѣднюю половину столѣтія (и именно въ послѣднія десятилѣтія). Мы теперь разсматриваемъ вообще органическія клѣтки не какъ мертвый строительный матеріалъ, но какъ живые «элементарные организмы», какъ *пластиды* или «образователи».

Всѣ самостоятельные организмы первоначально представляютъ собой какъ морфологически (въ отношеніи строенія тѣла), такъ и физіологически (въ смыслѣ жизненной дѣятельности), отдѣльныя клѣтки. Однако, существуетъ крупная разница между одноклѣточными организмами (протистами) и многоклѣточными (гистонами). У *протистовъ* или одноклѣточныхъ живыхъ формъ (первичныхъ растеній и первичныхъ животныхъ) одна единственная клѣтка образуетъ въ теченіе своей жизни цѣлый организмъ. Напротивъ, у гистоновъ, многоклѣточныхъ животныхъ и растеній, организмъ состоитъ изъ одной клѣтки только въ началѣ своего индивидуальнаго существованія; какъ только начинается развитіе клѣтки, она размножается повторными дѣленіями, и многочисленныя возникшія такимъ образомъ клѣтки составляютъ ткани и органы. Въ послѣднихъ тѣсно соединенныя клѣтки находятся въ зависимости какъ другъ отъ друга, такъ и отъ цѣлаго организма, и притомъ тѣмъ болѣе, чѣмъ выше развиваевается цѣлое, чѣмъ сильнѣе централизируется оно. Поэтому одноклѣточный протистъ такъ относится къ многоклѣточному, составленному изъ ткани гистону, какъ отдѣльный человѣкъ къ государству. Многоклѣточный организмъ есть клѣточное государство, и отдѣльныя клѣтки суть его граждане.

Поэтому, принципіальное различіе всей жизнедѣятельности въ этихъ двухъ главныхъ группахъ одноклѣточныхъ и многоклѣточныхъ организмовъ относится также къ ихъ дѣятельности въ борьбѣ за существованіе, къ взаимодѣйствію наслѣдственности и приспособленія, вызывающему на разведеніе. Одноклѣточные организмы, или протисты, обнаруживаютъ простой (или трофическій питательный) ростъ, благодаря увеличенію клѣтки; они размножаются по большей части не половымъ путемъ (дѣленіемъ или образованіемъ споръ); поэтому, ядро здѣсь служитъ посредникомъ наслѣдственной передачи цѣлой клѣткѣ, являющейся въ то же время и цѣлымъ организмомъ. Многоклѣточные организмы, или гистоны обнаруживаютъ, напротивъ, сложный (составной) ростъ благодаря размноженію клѣтокъ; эти организмы размножаются половымъ путемъ (посредствомъ соединенія яйцевой и сѣмянной клѣтокъ); наслѣдственную передачу производятъ здѣсь только ядра обѣихъ половыхъ клѣтокъ, между тѣмъ какъ всѣ остальныя клѣтки тканей не участвуютъ въ ней. Но внутри ткани эти послѣднія образующія ее клѣтки постоянно размножаются, и образованіе самой ткани опредѣляется здѣсь этимъ важнымъ клѣточнымъ подборомъ. Наилучшіе клѣтки каждой ткани, лучше всего исполняющія свою работу, получаютъ за это лучшую часть питательнаго сока; послѣдній онѣ отнимаютъ отъ болѣе слабыхъ и менѣе дѣятельныхъ клѣтокъ, первыя растутъ и размножаются при помощи дѣленія, въ то время какъ послѣднія рано или поздно должны погибнуть.

Борьба за существованіе между тканевыми клѣтками многоклѣточныхъ организмовъ должна быть разсматриваема, поэтому, какъ могущественный рычагъ прогрессивнаго развитія и дифференцировки ихъ тканей и органовъ. У одноклѣточныхъ организмовъ борьба за существованіе и вызываемый его естественный подборъ принимаютъ, напротивъ, существенно различную форму. Здѣсь еще не наступаетъ образованіе ткани; форму же независимыхъ, отдѣльно существующихъ

клѣтокъ они получаютъ частью непосредственно, благодаря воздѣйствію внѣшнихъ условій существованія, частью вслѣдствіе взаимодѣйствія пластидулъ или мицеллъ, активныхъ жизнедѣятельныхъ плазматическихъ молекулъ. Также и между этими послѣдними мы можемъ предположить постоянную борьбу за существованіе, за которой слѣдуетъ признать важное значеніе въ обмѣнѣ веществъ и питаніи, а потому и въ приспособленіи и развитіи элементарнаго организма. Но этотъ *молекулярный подборъ* столь же гипотетиченъ и такъ же мало допускаемъ, какъ и та *молекулярная структура*, которую мы въ какой-либо формѣ принимаемъ для плазмы. Въ качествѣ же гипотезы она необходима, притомъ какъ для независимыхъ одноклѣточныхъ протистовъ, такъ и для лишенныхъ независимости тканевыхъ клѣтокъ гистоновъ.

Чѣмъ глубже мы въ послѣднее время проникаемъ въ эти элементарныя явленія органической жизни, чѣмъ лучше мы познаемъ сложныя взаимныя отношенія ея, тѣмъ выше мы научаемся цѣнить достоинство теоріи естественнаго подбора, тѣмъ величественнѣе намъ представляется *философскій подвигъ Дарвина*. Стараясь обосновать борьбой за существованіе естественное разведеніе, великій натурфилософъ открылъ не только важную причину возникновенія и преобразованія ограническихъ формъ, но и вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшилъ величайшую философскую загадку, именно вопросъ: *какъ могли механически возникнуть цѣлесообразныя сооруженія безъ участія цѣлесообразно дѣйствующихъ причинъ?*

Уже за пять вѣковъ до Р. Х. великій греческой натурфилософъ, Эмпедоклъ изъ Агригента, пытался отвѣтить на этотъ труднѣйшій основной вопросъ. По его ученію, цѣлесообразныя формы животныхъ и растеній, насколько мы ихъ знаемъ въ настоящее время, постепенно возникали вслѣдствіе безпрерывной борьбы противодѣйствующихъ естественныхъ силъ; живущія теперь формы представляютъ только остатокъ огромнаго числа вымершихъ формъ, и это потому, что онѣ были созданы наиболѣе выгодно для этой борьбы и, благодаря этому, были наиболѣе жизнеспособны. Съ одной стороны, Эмпедоклъ особенно подчеркиваетъ цѣлесообразность въ строеніи тѣла живыхъ существъ, но, съ другой стороны, онъ въ то же время утверждаетъ, что для объясненіи ея нельзя предлагать какого-либо особеннаго «принципа цѣлесообразности», но что они произошли чисто механически вслѣдствіе взаимной игры силы природы. Поэтому. Францъ Шульце въ своемъ изложеніи греческой философіи замѣчаетъ: «Великая мысль теоріи, выводящей *цѣлесообразное изъ нецѣлесообразнаго*, составляетъ блестящую заслугу Эмпедокла, и если мы вмѣстѣ съ тѣмъ вспомнимъ, что его два основныхъ принципа, любовь и ненависть, являются зародышами современныхъ основныхъ силъ притяженія и отталкиванія, то по истинѣ мы не можемъ отказать въ удивленіи и признательности этому древнему изслѣдователю».

Такимъ образомъ, въ отношеніи рѣшенія этого важнѣйшаго вопроса Эмпедоклъ является древнѣйшимъ предшественникомъ Дарвина. Однако, хотя также другіе натурфилософы классической древности, особенно Лукрецій, признавали высокое значеніе этого рѣшенія, впослѣдствіе оно пришло въ полное забвеніе. Даже самъ Кантъ, какъ было упомянуто раньше, столь мало оцѣнилъ его, что даже надежду когда-нибудь рѣшить этотъ вопросъ онъ объявилъ нелѣпой. Но этотъ взглядъ, разумѣется, надо рѣшительно отвергнуть.

Фактически рѣшивъ этотъ труднѣйшій вопросъ, Чарльзъ Дарвинъ, повторяю, сталъ для насъ новымъ Ньютономъ, появленіе котораго Кантъ считалъ невозможнымъ ни въ близкомъ, ни въ далекомъ будущемъ. Хотя близорукіе естествоиспытатели въ послѣднее время считаютъ это сравненіе чрезмѣрнымъ и дѣлаютъ его предметомъ шутки, но они показываютъ этимъ только, какъ мало способны они оцѣнить философское значеніе дарвинизма. Въ самомъ дѣлѣ, *теорія тяготѣнія Ньютона*, какъ въ отношеніи трудности задачи, такъ и въ смыслѣ средствъ рѣшенія ея, несравненно проще, чѣмъ *дарвиновская теорія естественнаго подбора*. Поэтому-то естественная справедливость первой представляется для всякаго образованнаго человѣка непосредственно очевидной, между тѣмъ какъ полное пониманіе послѣдней предполагаетъ основательное естественно-научное образованіе. Но оба они оказали одинаково высокую заслугу, вытѣснивъ сверхъестественное понятіе цѣли и связанныя съ нимъ суевѣрія изъ области нашего познанія, Ньютонъ изъ неорганической природы, Дарвинъ—изъ органической.

Спекулятивная философія въ послѣднее время все болѣе и болѣе принуждается силой необходимости спуститься съ облаковъ «чистаго умозрѣнія» на твердую почву эмпирическаго естествопознанія и особенно воспринять въ себя важные біологическіе успѣхи послѣдняго человѣческаго поколѣнія. Именно, въ этомъ направленіи въ новѣйшее время усердно стараются Вундтъ, Фрицъ Шульце, Г. Шнейдеръ, Б. Карнери, Шпицеръ и др. оцѣнить философское значеніе трансформизма и важнѣйшія слѣдствія дарвинизма. Монистическая философія Герберта Спенсера, Молешотта, Людвига Бюхнера, Альбрехта Рау и др. покоится на этомъ же фундаментѣ. Недавно Альбрехтъ Рау (1896) въ отличной статьѣ «объ ощущеніи и мысли» представилъ «физіологическое изслѣдованіе природы человѣческаго ума», предвѣщающее глубокую реформу психологіи при помощи эволюціонной теоріи. Гуго Шпицеръ въ Грацѣ особенно выяснилъ значеніе естественнаго подбора и раскрылъ «телеологію» въ пониманіи организованнаго міра» и въ новомъ свѣтѣ естественнаго подбора. Его «доклады къ теоріи измѣняемости вида и методологіи естествознанія» (1886) являются серьезной попыткой оцѣнить философское значеніе дарвинизма. Послѣдній, устраняя сверхъестественное и дуалистическое «трансцендентное понятіе цѣли», возводитъ на его мѣстѣ естественный и монистическій принципъ *«телеологической механики»*.

ДВѢНАДЦАТАЯ ЛЕКЦІЯ.

Раздѣленіе труда и видоизмѣненіе формы. Расхожденіе вида. Прогрессивное и регрессивное образованіе.

Раздѣленіе труда (эргономія) и видоизмѣненіе или расщепленіе формы (полиморфизмъ).—Физіологическое расхожденіе (дивергентность) и морфологическая дифференцировка, необходимая зависимость ихъ отъ подбора.—Переходъ разновидностей въ видъ.—Понятіе вида или species.—Смѣшанные виды.—Расхожденіе индивидуальное и клѣточное.—Дифференцировка тканей.—Первичная и вторичная ткань.—Сифонофоры.—Перемѣна функцій.—Схожденіе (конвергентность).—Прогрессъ и усовершенствованіе.—Законы развитія человѣчества.—Отношеніе новообразованія къ расхожденію.—Централизація, какъ прогрессъ.—Регрессивное образованіе.—Возникновеніе рудиментарныхъ органовъ вслѣдствіе неупотребленія и отвыканія.—Ученіе о нецѣлесообразности или дистелеологія.

Разсматривая въ цѣломъ историческое развитіе органическаго міра, среди наиболѣе общихъ явленій, мы прежде всего встрѣчаемъ два великихъ закона: законъ расхожденія (дивергентность) и законъ прогресса. Принципъ дивергентности, расхожденія или обособленія, учитъ насъ на основаніи палеонтологіи прежде всего тому факту, что многообразіе и различіе живыхъ формъ на нашемъ земномъ шарѣ возрастало отъ самыхъ древнѣйшихъ періодовъ до настоящаго времени. Второй принци,пъ принципъ *прогресса* или совершенствованія, учитъ насъ, исходя изъ того же основанія палеонтологическихъ свѣдѣній, что это расхожденіе связано вообще съ безпрерывнымъ прогрессомъ, съ постоянно возрастающимъ совершенствованіемъ организаціи. Причина этихъ двухъ законовъ лежитъ преимущественно въ физіологическомъ *раздѣленіи труда* организмовъ (эргономіи) и въ связанномъ съ нимъ морфологическомъ обособленіи или *расщепленіи формы* (полиморфизмъ).

Послѣ того какъ, благодаря обширнымъ палеонтологическимъ изслѣдованіямъ, было признано общее значеніе этихъ двухъ великихъ историческихъ принциповъ, причину ихъ прежде всего стали искать въ цѣлесообразномъ творческомъ планѣ или, непосредственно, въ сверхъестественной конечной цѣли. Эти причины непремѣнно должны лежать, думали тогда, въ цѣлесообразномъ планѣ создателя, для того, чтобы растительныя и животныя формы могли съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе разнообразно развиваться и все болѣе и болѣе совершенствоваться. Очевидно, мы сдѣлали въ познаніи природы огромный шагъ впередъ, отвергнувъ это телеологическое и антропоморфическое представленіе и объяснивъ эти два закона раздѣленія труда и совершенствованія, какъ *необходимыя слѣдствія* естественнаго подбора въ борьбѣ за существованіе.

Первый великій законъ, непосредственно и необходимо вытекающій изъ естественнаго разведенія, есть законъ *обособленія* или *дифференцировки*; часто его также называютъ закономъ *раздѣленія труда* (эргономія) или видоизмѣненія (расщепленія) формы (полиморфизмъ), первое въ физіологическомъ смыслѣ, послѣднее въ морфологическомъ. Дарвинъ называетъ этотъ общій принципъ *дивергентностью* (расхожденіе) *отличительныхъ признаковъ*. Подъ этимъ словомъ мы понимаемъ склонность, общую всѣмъ органическимъ формамъ, развиваться все въ болѣе высокой степени несходства и все сильнѣе отступить отъ общаго первоначальнаго типа. Причину этой общей склонности къ обособленію и чрезъ это къ *образованію неоднородныхъ формъ изъ первоначально одно-*

родной закладки надо искать, согласно съ Дарвиномъ, просто въ борьбѣ за существованіе; послѣдняя тѣмъ сильнѣе должна возгараться между двумя организмами, чѣмъ ближе они стоятъ во всѣхъ отношеніяхъ другъ къ другу, чѣмъ однороднѣе они. Въ сущности говоря, это важное отношеніе крайне просто; однако, обыкновенно его очень мало понимаютъ.

Каждому хорошо извѣстно, что на засѣянномъ полѣ опредѣленной величины рядомъ съ зерновыми растеніями въ мѣстахъ не занятыхъ ими растетъ значительное число сорныхъ травъ. Болѣе сухіе истощенные участки почвы, на которыхъ не могутъ произрастать зерновыя растенія, могутъ еще давать въ достаточномъ количествѣ пищу сорнымъ травамъ различныхъ видовъ; притомъ индивиды различныхъ видовъ тѣмъ въ большемъ числѣ живутъ другъ подлѣ друга, чѣмъ лучше они могутъ приспособляться къ различнымъ мѣстамъ пахатной земли. То же самое и съ животными. Въ одномъ и томъ же ограниченномъ участкѣ можетъ совмѣстно существовать тѣмъ бо́льшее количество животныхъ индивидовъ, чѣмъ менѣе сходна, чѣмъ болѣе разнообразна ихъ природа. Существуютъ деревья (какъ, напр., дубъ), на которомъ могутъ совмѣстно жить около двухъ сотъ различныхъ видовъ насѣкомыхъ. Одни питаются плодами дерева, другія—цвѣтами, третьи—листьями, или корой, корнемъ и т. д. И наоборотъ, такое же число индивидовъ, принадлежащихъ къ одному виду и питающихся только корой, или только листьями, никакъ не могло бы жить на одномъ и томъ же деревѣ. То же можно сказать и о человѣческомъ обществѣ. Въ одномъ и томъ же небольшомъ государствѣ можетъ жить только опредѣленное число ремесленниковъ, если они занимаются различными ремеслами. *Раздѣленіе труда*, въ высокой степени полезное какъ для цѣлой общины, такъ и для отдѣльнаго работника, является непосредственнымъ слѣдствіемъ борьбы за существованіе, естественнаго подбора; ибо эта борьба тѣмъ легче ведется, чѣмъ больше различается дѣятельность, а поэтому, и форма различныхъ индивидовъ. Разумѣется, различная *дѣятельность* или функція дѣйствуетъ преобразующимъ образомъ на фо́рму и строеніе; физіологическое *раздѣленіе труда* (или эргономія) необходимо вызываетъ морфологическое видоизмѣненіе или *расщепленіе формы*, полиморфизмъ или дифференцировку, «дивергентность признаковъ».

Съ другой стороны, необходимо имѣть въ виду, что всѣ животные и растительные виды обладаютъ способностью измѣняться и приспособляться къ различнымъ мѣстнымъ условіямъ. Разновидности породы или роста каждаго вида по законамъ приспособленія тѣмъ сильнѣе отличаются отъ первоначальнаго основного вида, чѣмъ разнообразнѣе тѣ новыя условія, къ которымъ онѣ приспособляются. Если мы представимъ себѣ эти разновидности, исходящія отъ одной общей основной формы, въ видѣ развѣтвленной лучистой кисти, то только тѣ разновидности будутъ наилучшимъ образомъ совмѣстно жить и размножаться, которыя наиболѣе сильно удалены другъ отъ друга, которыя стоятъ на концахъ ряда или на противоположныхъ сторонахъ кисти. Стоящія посрединѣ переходныя формы, напротивъ, будутъ вести труднѣйшую борьбу за существованіе. Необходимыя жизненныя потребности у крайнихъ, наиболѣе отстоящихъ другъ отъ друга разновидностей, будутъ наиболѣе несходными и поэтому наименѣе будутъ стоять въ конфликтѣ въ общей борьбѣ за существованіе. Наоборотъ, промежуточныя формы, наименѣе отдаленныя отъ первоначальной основной формы, будутъ

обладать болѣе или менѣе одинаковыми потребностями, поэтому борьба изъ за нихъ будетъ наиболѣе ожесточенной и наиболѣе опасной для нихъ.

Такимъ образомъ, если многочисленныя разновидности или подвиды какого-либо вида населяютъ одинъ и тотъ же участокъ земли, то наиболѣе несходныя формы гораздо скорѣе устоятъ другъ подлѣ друга, чѣмъ посредствующія промежуточныя формы. Эти послѣднія должны бороться съ каждой изъ различныхъ крайнихъ формъ и не вынесутъ продолжительнаго дѣйствія враждебныхъ вліяній, въ то время какъ первыя побѣдоносно преодолѣютъ ихъ. Только онѣ однѣ сохранятся, размножатся и потеряютъ связь, поддерживаемую переходными формами, съ первоначальной основной формой. Такъ возникаютъ изъ разновидностей «хорошіе виды». Борьба за существованіе необходимо содѣйствуетъ общей дивергентности или расхожденію органическихъ формъ, постоянной склонности организмовъ къ образовыванію новыхъ видовъ. Эта склонность основана не на какомъ-либо мистическомъ свойствѣ ихъ, не на неизвѣстной образовательной силѣ организмовъ, но на взаимодѣйствіи наслѣдственности и приспособленія въ борьбѣ за существованіе. Въ то время, какъ въ разновидностяхъ каждаго вида посредствующія промежуточныя формы исчезаютъ, переходные члены вымираютъ, этотъ процессъ необходимо идетъ дальше, и изъ крайнихъ формъ создается то, что мы называемъ новыми видами.

Хотя всѣ натуралисты должны были бы признавать измѣнчивость растительныхъ и животныхъ видовъ, однако, большинство ихъ въ прежнее время оспаривали то обстоятельство, что измѣненіе и преобразованіе органическихъ формъ можетъ перейти первоначальную границу видовыхъ признаковъ. Наши противники твердо держатся слѣдующаго положенія: «хотя бы даже одинъ видъ въ массѣ разновидностей и могъ происходить изъ другого, однако, подвиды или разновидности никогда не различаются другъ отъ друга въ такой степени, какъ дѣйствительно хорошіе виды». Это утвержденіе противники Дарвина ставятъ на вершинѣ своей аргументаціи; но тѣмъ не менѣе оно совершенно несостоятельно и необосновано. Вы тотчасъ убѣдитесь въ этомъ, какъ только критически разсмотрите различныя попытки опредѣленія понятія *вида или* species.

Что собственно означаетъ «настоящій или *хорошій видъ*» («bona species»), на этотъ вопросъ не въ силахъ отвѣтить ни одинъ натуралистъ, хотя каждый систематикъ ежедневно употребляетъ это выраженіе, и цѣлыя библіотеки посвящены вопросу о томъ, представляетъ ли та или другая наблюдаемая форма видъ или разновидность, дѣйствительно хорошій или дурной видъ. Наиболѣе распространенный отвѣтъ на этотъ вопросъ заключается въ слѣдующемъ: «къ одному виду принадлежатъ всѣ индивиды, сходные въ своихъ существенныхъ признакахъ. Существенные же видовые признаки суть тѣ, которые постоянны, никогда не измѣняются, не варіируютъ». Но какъ только является случай, когда постоянный, считаемый до того времени существеннымъ признакомъ, не смотря на это, измѣняется, намъ тотчасъ говорятъ: «этотъ признакъ для вида не существенный, такъ какъ существенные признаки не варіируютъ». Такимъ образомъ, очевидно, здѣсь вертятся въ кругѣ, и становится поистинѣ изумительной та наивность, съ которой это круговое движеніе видоваго опредѣленія приводится и до сихъ поръ повторяется въ тысячахъ книгъ, какъ неопровержимая истина.

Также какъ эта, и всѣ остальныя попытки строгаго и логиче-

скаго опредѣленія понятія вида были совершенно безплодны. По самой природѣ вещей, это представляется невозможнымъ. Понятіе вида въ такой же степени относительно и не абсолютно, какъ и понятіе разновидности, рода, семейства, порядка, классы и т. д. Какъ обнаружилъ Ламаркъ уже въ 1809 году, всѣ эти понятія субъективны и искусственны. Теоретически я доказалъ это, подвергая критикѣ видовое понятіе въ моей общей морфологіи (Gener. Morph. II, 323—364). Практическое же подтвержденіе этого я доставилъ въ моей «Системѣ известковыхъ губокъ» (1872). У этихъ замѣчательныхъ животныхъ, какъ вообще у губокъ (а также у грецкой губки), обычное видовое различеніе иногда является вполнѣ произвольнымъ.

Также произвольны и противоестественны принимаемые до послѣдняго времени взгляды на *отношеніе вида къ ооразованію помѣсей.* Прежде пользовалась общимъ признаніемъ та догма, что два такъ называемыхъ хорошихъ вида никогда не могутъ дать помѣси, которая бы размножилась, какъ таковая. Каждый разъ при этомъ указываютъ на помѣси лошади и осла, на муловъ и лошаковъ, которые, дѣйствительно, только въ рѣдкихъ случахъ могутъ размножаться. Но такія безплодныя помѣси, какъ было указано, представляютъ рѣдкія исключенія, и въ большинствѣ случаевъ помѣси двухъ совершенно различныхъ видовъ плодоносны и могутъ размножаться. Во многихъ случаяхъ ихъ плодовитость даже превосходитъ плодовитость чистыхъ видовъ. Почти всегда онѣ могутъ плодоносно соединяться съ однимъ изъ родительскихъ видовъ, но иногда также и между собой. При этомъ по «закону смѣшанной наслѣдственности» могутъ возникнуть, какъ было указано выше, совершенно новыя формы.

Такимъ образомъ, *образованіе помѣсей* дѣйствительно является *источникомъ происхожденія новыхъ видовъ,* отличающимся отъ до сихъ поръ разсмотрѣннаго источника естественнаго подбора. Уже раньше я при случаѣ указалъ на такія видовыя помѣси (species hybridae), въ особенности на *зайцекролика* (lepus Darwinii), происшедшую отъ скрещиванія зайца-самца и кролика-самки, *козью овцу* (capra ovina), происшедшую отъ спариванія козла съ овцой, далѣе различные виды чертополоха (cirsium), малины (rubus) и т. д. Вѣроятно, весьма многіе дикіе виды произошли этимъ путемъ, какъ указывалъ уже Линней. Совершенно особенно это допущеніе оправдывается на многихъ низшихъ морскихъ растеніяхъ и животныхъ, созрѣвшіе половые продукты которыхъ просто выбрасываются въ воду. Взаимная ихъ встрѣча и оплодотвореніе, такъ сказать, поручаются случаю, это облегчается крайней подвижностью большинства свободно плавающихъ сѣмянныхъ клѣтокъ. Путемъ опыта и наблюденія мы узнали, что оплодотвореніе яйцевой клѣтки легче удается при скрещиваніи двухъ родственныхъ видовъ, чѣмъ двухъ индивидовъ одного вида. Поэтому, весьма вѣроятно, что при случайной встрѣчѣ безчисленныхъ сѣменныхъ и яйцевыхъ клѣтокъ близко родственныхъ морскихъ обитателей гораздо больше возникаетъ помѣсей, чѣмъ чистыхъ продуктовъ; и такъ какъ первыя, сверхъ того, часто плодовитѣе послѣднихъ, то этихъ онѣ легко могли бы вытѣснить въ борьбѣ за существованіе и дать новые виды. Въ послѣднее время особенно Вейсманъ раскрылъ высокое значеніе полового смѣшенія для преобразованія видовъ. Во всякомъ случаѣ, видовыя помѣси, сохраняющіяся и размножающіяся не хуже чистыхъ видовъ, доказываютъ тотъ фактъ, что образованіе помѣсей не можетъ служить къ какой-либо характеристикѣ вида.

О томъ, что эти многочисленныя и тщетныя попытки теоретическаго опредѣленія видового понятія ничего не сдѣлали для практическаго различенія видовъ, было уже выше сказано. Разнообразное практическое примѣненіе видового понятія въ систематической зоологіи и ботаникѣ крайне поучительно въ смыслѣ познанія человѣческой глупости. Еще и до сихъ поръ огромное большинство зоологовъ и ботаниковъ при различеніи и описаніи разнообразныхъ животныхъ и растительныхъ формъ прежде всего стремится строго отдѣлять родственныя формы, какъ «хорошіе виды». Но такое строгое и послѣдовательное различеніе этихъ «настоящихъ и хорошихъ видовъ» почти вездѣ оказывается невозможнымъ.

Не найдется двухъ зоологовъ или двухъ ботаниковъ, во всѣхъ случаяхъ согласныхъ въ томъ, какія изъ близко родственныхъ видовъ отдѣльнаго рода представляютъ хорошіе виды, какіе—нѣтъ. Всѣ авторы держатся различныхъ взглядовъ на это. Напр., въ родѣ *hieracium* (ястребинка), одномъ изъ наиболѣе распространенныхъ растительныхъ родовъ, въ одной только Германіи различаютъ свыше 300 видовъ. Но изъ нихъ ботаникъ Фризъ считаетъ «хорошими видами» только 106, Кокъ 52, а другіе едва только 20 видовъ. Такъ же велики разногласія и для видовъ малины (rubus). Гдѣ одинъ ботаникъ насчитываетъ болѣе ста видовъ, тамъ другой принимаетъ только половину ихъ, третій же допускаетъ лишь отъ пяти до шести или еще менѣе видовъ. Птицы Германіи съ давнихъ поръ точно извѣстны. Бехштейнъ въ своей тщательно написанной естественной исторіи германскихъ птицъ различилъ 367 видовъ, Л. Рейненбахъ 379, Мейеръ и Вольфъ 400, и знатокъ птицъ пасторъ Бремъ даже болѣе 900 различныхъ видовъ. Различныя, въ настоящее время живущія формы человѣческаго рода почти вездѣ разсматриваются, какъ расы или разновидности одно единственнаго вида *homo sapiens* *Линнея*. Но ни одинъ изъ морфологовъ, чуждыхъ предвзятости, не сомнѣвается въ томъ, что различія въ строеніи тѣла этихъ 4—12 расъ превышаетъ разницу между леопардомъ и ягуаромъ, или между черной и рыжей крысой, признаваемыми «хорошими видами». Относительно известковыхъ губокъ я самъ показалъ въ моей общей морфологіи этихъ крайне измѣнчивыхъ животныхъ, что среди нихъ можно по произволу различать 3 или 21, или 111, или 289, или 591 видъ. Такъ какъ въ этой монографіи невозможность различать «хорошіе виды» въ вышеприведенномъ смыслѣ ясно доказана на основаніи пятилѣтнихъ точнѣйшихъ наблюденій надъ весьма полнымъ матеріаломъ, то этотъ трудъ является какъ бы «опытомъ *аналитическаго рѣшенія проблемы происхожденія видовъ*». До сихъ поръ еще никѣмъ не былъ предпринятъ подобный опытъ съ такой полнотой.

Такимъ образомъ, вы видите, что здѣсь, какъ и въ другихъ областяхъ зоологической и ботанической систематики, господствуетъ величайшій произволъ, и онъ долженъ господствовать по самой природѣ вещей. Въ самомъ дѣлѣ, совершенно невозможно строго отличать разновидности, подвиды и породы отъ такъ называемыхъ «хорошихъ видовъ». *Разновидности суть начинающіе виды.* Измѣнчивость и способность приспособленія видовъ въ связи съ дѣйствіемъ борьбы за существованія необходимымъ образомъ порождаютъ все дальше идущее обособленіе или дифференцировку подвидовъ, постоянное расхожденіе новыхъ формъ; послѣднія, сохраняясь благодаря наслѣдственности въ ряду поколѣній одновременно съ вымираніемъ промежуточныхъ формъ, образуютъ самостоятельныя «новые виды». Слѣдовательно, происхож-

деніе новыхъ видовъ путемъ раздѣленія труда или обособленія расхожденіе или дифференцировка разновидностей является *необходимымъ слѣдствіемъ естественнаго подбора.*

Тотъ фактъ, что постоянное стремленіе органическихъ формъ къ обособленію или видоизмѣненію формы необходимо вытекаетъ изъ естественнаго разведенія, впервые ясно созналъ Дарвинъ, и въ четвертой главѣ своего основного сочиненія убѣдительно доказалъ. Однако, онъ примѣняетъ свой принципъ дивергентности, такъ же какъ свой принципъ подбора, главнымъ образомъ къ самостоятельно живущимъ существамъ, стараясь при этомъ показать, что измѣненія индивидовъ при посредствѣ естественнаго подбора и расщепленія формы ведутъ къ происхожденію *новыхъ видовъ.* Но уже въ послѣдней лекціи мы видѣли, что принципъ подбора имѣетъ гораздо болѣе широкое и общее значеніе, дѣйствуя преобразующимъ образомъ также на всѣ отдѣльныя части организма и прежде всего на *клѣтки.* Но подобно тому, какъ клѣточный подборъ является крайне важнымъ процессомъ преобразованія рядомъ съ индивидуальнымъ подбоиомъ, и принципъ расхожденія обнаруживаетъ такое же отношеніе. Расщепленіе формы отдѣльныхъ особей или индивидовъ, ведущее къ образованію новыхъ видовъ,— или короче: индивидуальная дивергентность—находитъ свое элементарное обоснованіе въ дифференцировкѣ клѣтокъ, составляющихъ отдѣльныя особи, въ *клѣточной дивергентности.*

Въ ученіи о тканяхъ животныхъ и растеній (или гистологіи) давно уже установленъ на основаніи клѣточной теоріи тотъ фактъ, что однимъ изъ важнѣйшихъ явленій въ развитіи гистоновъ (или многоклѣточныхъ организмомъ) является такъ называемая *«диффиренцировка или обособленіе тканей».* Подъ этимъ выраженіемъ понимаютъ слѣдовательно наиболѣе общій фактъ, прежде всего обращающій на себя вниманіе въ развитіи каждаго многоклѣточнаго индивида: именно то обстоятельство, что изъ однородныхъ клѣтокъ происходятъ разнородныя ткани. Изъ однородныхъ, напримѣръ, клѣтокъ зародышевыхъ пластовъ (у всѣхъ metazoa или многоклѣточныхъ животныхъ) дивергентно развиваются разнородныя клѣтки, составляющіе покровы, железы, соединительную ткань, нервы и т. д. Въ то же время мы убѣждаемся, что первоначальная форма ткани въ животномъ тѣлѣ является простымъ слоемъ клѣтокъ или *эпителіемъ*; изъ такого эпителія состоитъ первоначальная кожа зародыша (бластодерма).

Въ то время какъ путемъ втягиванія бластодермы возникаетъ гаструла, простой зародышевый покровъ обособляется въ двѣ такъ называемыхъ «первичныхъ зародышевыхъ листа», кожный и кишечный листокъ (екзодермъ и ектодермъ). Затѣмъ, изъ этихъ послѣднихъ путемъ дальнѣйшаго обособленія происходятъ вторичные зародышевые листы (а также простые эпителіи) и изъ нихъ затѣмъ всѣ различныя ткани. Такимъ образомъ, послѣднія можно обозначить, какъ «вторичныя ткани» или *апотелій*, въ отличіе отъ первичной ткани эпителія, изъ которой онѣ произошли.

Этотъ чрезвычайно важный процессъ, такъ называемая дифференцировка тканей, въ сущности не что иное, какъ *дивергентность клѣтокъ*, образующихъ ткани. Физіологическія свойства ихъ вытекаютъ изъ *раздѣленія труда* клѣтокъ; морфологическимъ же слѣдствіемъ его является *видоизмѣненіе формъ* клѣтокъ или неодинаковое развитіе первоначально однородныхъ клѣтокъ. Но какъ это видоизмѣненіе формъ (полиморфизмъ) такъ и раздѣленіе труда (эргономія) представляютъ

только результатъ клѣточнаго подбора, или безпрестанной «борьбѣ частей организаціи».

Насколько важно значеніе раздѣленія труда и связаннаго съ нимъ видоизмѣненія формы для разнообразнѣйшихъ сторонъ органической жизни, я выяснилъ въ моемъ докладѣ «о раздѣленіи труда въ жизни органическаго міра и человѣка». При этомъ въ качествѣ особенно яркаго примѣра я разсмотрѣлъ организацію колоніальныхъ медузъ или *сифонофоръ*. Онѣ представляютъ какъ бы плавающее государство медузъ, внѣшнимъ же видомъ напоминаютъ прекрасный букетикъ цвѣтовъ; отдѣльные листья, цвѣты и плоды этого букетика, по большей части такъ же прозрачные, какъ цвѣтное стекло, и при этомъ въ высшей степени чувствительные и подвижные, на первый взглядъ кажутся только *органами* одной особи или отдѣльнаго своеобразно сложеннаго растенія-животнаго. На самомъ же дѣлѣ каждый изъ этихъ кажущихся органовъ первоначально является отдѣльной медузой, животнымъ, имѣющимъ значеніе *особи*. Путемъ же приспособленія къ разнообразнымъ требованіямъ жизни эти особи и ихъ органы мало-по-малу удивительно преобразовались; и такъ какъ всѣ они остаются въ постоянной связи съ первоначальными материнскими животными, такъ какъ питаніе всего этого соціальнаго союза едино, то и многочисленныя отдѣльныя животныя его являются только органами одного единственнаго индивида.

Но различныя формы этихъ сифонофоръ, систематически описанныя (1888) и сравнительно разсмотрѣнные въ моей морфологіи этого крайне интереснаго животнаго класса, представляютъ обиліе поучительныхъ примѣровъ не только раздѣленіе труда и видоизмѣнія формы, но и важнаго, связаннаго съ ними явленія *измѣненіе отправленія труда* или функціональной перемѣны (метергія). Въ то время какъ эти первоначально однородныя медузы, составляющія колонію сифонофоръ, привыкали къ различной дѣятельности и соотвѣтственно мѣняли свою форму, весьма нерѣдко измѣнялась при этомъ и первоначальная дѣятельность отдѣльныхъ органовъ медузовидной особи. Такимъ путемъ, напримѣръ преобразовался первоначальный плавательный органъ медузы, ея мышечный зонтикъ, у однѣхъ особей въ своеобразный безмышечный плавательный колоколъ, у другихъ въ наполненный воздухомъ плавательный пузырь, у тертьихъ въ предохранительную крышку, у четвертыхъ въ мѣшкообразную оболочку и т. д. Первоначально простая пищевая трубка медузы превращается у однѣхъ въ крѣпкій и сложный желудокъ съ желѣзками (сифонъ), у другихъ въ воспріимчивый органъ чувствъ (пальпонъ), у мужскихъ животныхъ въ сѣменной мѣшокъ (андрофору), у женскихъ въ яйцевую капсулу (гинофору) и т. д. Сифонофоръ, поэтому, учатъ насъ, какъ непосредственно связывается перемѣна функціи съ раздѣленіемъ труда безъ участія какого-либо особаго «принципа функціональной перемѣны».

Многія весьма важныя измѣненія въ органическомъ мірѣ, даже происхожденіе цѣлыхъ животныхъ классовъ могутъ быть сведены на перемѣну труда или метергію отдѣльнаго органа. Такимъ способомъ напримѣръ, произошли амфибіи изъ рыбъ, путемъ превращенія плавательнаго пузыря (гидростатическаго органа) послѣднихъ въ легкія и одновременнаго съ нимъ возникновенія обмѣна газовъ или дыханія; это служитъ первымъ поводомъ къ переходу отъ водной жизни къ наземной. Изъ яйцеобразныхъ рептилій возникли птицы вслѣдствіе того, что летательныя движенія явились на мѣсто лазающихъ, переднія

ноги рептилій превратились въ крылья. Въ происхожденіи млекопитающихъ изъ рептилеобразныхъ формъ, быть может, важнѣйшимъ моментомъ была перемѣна дѣятельности кожныхъ железъ въ брюшной сторонѣ; отдѣлившіяся железы (сальныя и потовыя), превратившись въ молочныя железы и сдѣлавшись такимъ образомъ важнѣйшимъ питательнымъ органомъ новорожденныхъ, послужили толчкомъ къ роду важныхъ измѣненій. Первой случайной измѣной для этого, вѣроятно, была привычка новорожденныхъ лизать животъ своей матери; производимое при этомъ питательное раздраженіе прежде всего привело (количественно) къ увеличенію кожныхъ железъ и затѣмъ (качественно) къ превращенію ихъ въ молочныя железы. Обиліе культурно-историческихъ проблемъ, связанное (именно въ искусствѣ) съ женскою грудью, филогенетически сводится къ къ этому процессу. Также и въ происхожденіи человѣческаго рода перемѣна труда имѣетъ великое значеніе особенно раздѣленіе труда переднихъ и заднихъ конечностей и связанной съ этимъ метергіи первыхъ; между тѣмъ какъ у лазающихъ обезьянъ (или четверорукихъ) всѣ четыре конечности сходны по формѣ и функціи, у прямо ходящаго человѣка переднія конечности преобразовались въ руки, какъ органъ хватанія; заднія конечности въ ноги, какъ орудіе передвиженія. Расхожденіе или дивергентность первыхъ и послѣднихъ привели къ развитію человѣческой кисти, этого неоцѣнимаго органа искусствъ многоразличная работа котораго у живописца и скульптора, у піаниста и техника, у врача и хирурга служила источникомъ поражающаго совершенства; даже раздѣленія и перемѣна труда пятаго пальца играетъ, здѣсь какъ извѣстно важную роль.

Въ противоположности съ явленіями *дивергентности или обособленія* стоитъ рядъ важныхъ явленій конвергентности *схожденія или уравненія*. Въ то время, какъ дивергентное размноженіе вслѣдствіе приспособленія къ различнымъ условіямъ жизни и дѣятельности создаетъ изъ одинаковыхъ формъ совершенно различныя формы, сходящееся разведеніе, наоборотъ, приводитъ къ тому, что первоначально совершенно различныя формы, благодаря приспособленію къ однимъ и тѣмъ же условіямъ существованія и къ одинаковымъ функціямъ, становятся, наконецъ, крайне сходными. Такъ, напр., нѣкоторыя рыбы (scomberoides), морскіе драконы и киты крайне сходны, хотя внутреннее строеніе ихъ весьма различно. Холоднокровные морскіе драконы (ichtyosauria) происходятъ отъ наземныхъ рептилій (tocosauria). Теплокровныя китообразныя животныя (cetacea)—настоящія млекопитающія, принявшія, благодаря приспособленію къ образу жизни рыбъ, форму послѣднихъ; но они происходятъ отъ наземныхъ млекопитающихъ, и именно, травоядныя сирены, по всей вѣроятности, отъ копытныхъ, плотоядные дельфины и киты—отъ хищныхъ. Въ этихъ двухъ группахъ сходящееся разведеніе привело къ такому сходству какъ во внѣшней формѣ, такъ и во внутреннемъ строеніи, что прежде ихъ соединяли въ одинъ отрядъ.

Другой яркій примѣръ конвергентности признаковъ, или *уравненія формы*, доставляетъ намъ классъ медузъ. Этотъ, повидимому, единый классъ животныхъ состоитъ изъ двухъ совершенно различныхъ поколѣній, какъ я указалъ это въ моей морфологіи этихъ животныхъ (1881). Меньшія и изящныя медузы съ оторочкой (краспедотныя медузы или гидромедузы) происходятъ отъ гидрополиповъ; большія и болѣе красивыя лопастныя медузы безъ оторочки (акраспедныя медузы или сцифомедузы) происходятъ отъ сцифополиповъ; также и способъ развитія у обоихъ поколѣній совершенно различенъ, и притомъ, какъ въ онтогене-

тическомъ, такъ и въ филогенетическомъ отношеніи. Несмотря на это, конечныя медузы, вслѣдствіе приспособленія къ одинаковому образу жизни и благодаря одинаковой дѣятельности органовъ, сдѣлались сходными, что часто съ трудомъ ихъ можно отличить.

Гораздо болѣе многочисленные и яркіе примѣры этого обманчиваго сходства находимъ мы въ растительномъ царствѣ. Такъ, напр., многія водяныя растенія отличаются большими, гладкими, плоскими и округленными листьями, плавающими на поверхности прудовъ; настоящія кувшинки (nymphaeacea) сходны со многими частухами, сусаками, горечавками и т. д., хотя послѣднія принадлежатъ къ совершенно различнымъ семействамъ. Также многія паразитическія растенія, относящіяся къ очень отдаленнымъ семействамъ, становятся чрезвычайно сходными, напр., многія орхидеи, губоцвѣтныя, вѣтреницы и т. д. Приспособленіе къ одинаковому паразитическому образу жизни у всѣхъ ихъ одинаково сопровождается исчезновеніемъ зеленыхъ листьевъ, своеобразнымъ мясистымъ развитіемъ стебля, цвѣтовъ и т. д. Это обманчивое сходство, вызванное сходящимся разведеніемъ, часто служило причиной крупныхъ ошибокъ въ систематической классификаціи формъ.

Такимъ образомъ, всѣ явленія схожденія или уравненія, такъ же какъ явленія расхожденія или обособленія, объясняются просто дѣйствіемъ естественнаго подбора. То же можно сказать и о другомъ, болѣе обширномъ и важномъ явленіи *прогресса* или *совершенствованія*. Также и этотъ великій законъ, подобно закону дивергентности, давно уже фактически установленъ палеонтологическимъ изслѣдованіемъ, прежде чѣмъ дарвиновская теорія естественнаго подбора дала намъ ключъ къ причинному объясненію его. Большинство мыслящихъ палеонтологовъ выставляло этотъ законъ прогресса, какъ общій результатъ ихъ изслѣдованій окаменѣлостей и ихъ исторической послѣдовательности; такъ именно смотрѣлъ почтенный ученый Браунъ въ своемъ превосходномъ изслѣдованіи о законахъ образованія и развитія организмовъ. Общіе результаты относительно закона дифференцировки и закона прогресса, полученные Брауномъ чисто эмпирическимъ путемъ, благодаря трудолюбивымъ и тщательнымъ изслѣдованіямъ, представляются намъ въ настоящее время блестящимъ подтвержденіемъ теоріи естественнаго подбора.

Законъ прогресса или совершенствованія констатируетъ на основаніи палеонтологическаго изслѣдованія тотъ чрезвычайно важный фактъ, что во всѣ времена органической жизни на землѣ имѣло мѣсто постоянное возрастаніе совершенства органическихъ образованій. Съ незапамятныхъ временъ, когда съ зарожденіемъ монеры впервые началась органическая жизнь на нашей планетѣ, организмы всѣхъ группъ постоянно совершенствовались и высоко развились какъ въ цѣломъ, такъ и въ отношеніи отдѣльныхъ частей. Постоянно возрастающее *многообразіе* живыхъ формъ неразрывно сопровождалось прогрессивнымъ развитіемъ ихъ организаціи. Чѣмъ глубже вы спускаетесь въ наслоеніяхъ земли, сохранившихъ погребенные остатки вымершихъ животныхъ и растеній, чѣмъ болѣе стары послѣднія, тѣмъ однообразнѣе, проще и несовершеннѣе ихъ формы. Это относится какъ вообще къ организму, такъ и къ каждой большей или меньшей группѣ ихъ, исключая, разумѣется, отдѣльныя формы, возникшія регрессивнымъ путемъ.

Въ видѣ подтвержденія этого закона, я приведу вамъ здѣсь важнѣйшую изъ всѣхъ животныхъ группъ—группу *позвоночныхъ*. Древнѣйшіе изъ извѣстныхъ намъ остатковъ позвоночныхъ принадлежатъ низко

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

„МIРЪ БОЖIЙ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

(25 листовъ)

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

для

САМООБРАЗОВАНIЯ.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ—въ главной конторѣ и редакціи: Лиговка, д. 25—8, кв. 5 и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. Въ Москвѣ: въ отдѣленіяхъ конторы—въ конторѣ *Печковской,* Петровскія линіи и книжномъ магазинѣ Карбасникова, Кузнецкій мостъ, д. Коха.

1) ***Рукописи,*** присылаемыя въ редакцію, должны быть *четко переписаны,* снабжены подписью автора и его адресомъ, а также и указаніемъ размѣра платы, какую авторъ желаетъ получить за свою статью. Въ противномъ случаѣ размѣръ платы назначается самой редакціей.

2) Непринятыя мелкія рукописи и стихотворенія не возвращаются, и по поводу ихъ редакція ни въ какія объясненія не вступаетъ.

3) Принятыя статьи, въ случаѣ надобности, сокращаются и исправляются, непринятыя же сохраняются въ теченіе полугода и возвращаются по почтѣ только по уплатѣ почтоваго расхода деньгами или марками.

4) ***Лица,*** адресующіяся въ редакцію съ разными запросами, для полученія отвѣта, прилагаютъ семикопѣечную марку.

5) Жалобы на неполученіе какого-либо № журнала присылаются въ редакцію *не позже двухъ-недѣльнаго срока* съ обозначеніемъ № адреса.

6) ***Иногороднихъ просятъ обращатъся исключительно въ контору редакціи.*** Только въ такомъ случаѣ редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала.

7) При переходѣ городскихъ подписчиковъ въ иногородные доплачивается 80 копѣекъ; изъ иногородныхъ въ городскіе 40 копѣекъ; при перемѣнѣ адреса на адресъ того-же разряда 14 копѣекъ.

8) Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать за коммиссію и пересылку денегъ 40 коп. съ каждаго годового экземпляра.

Контора редакціи открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 11 ч. утра до 4 ч. пополудни. Личныя объясненія *съ редакторомъ по вторникамъ,* отъ 2 до 4 час., *кромѣ праздничныхъ дней.*

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ съ доставкой и пересылкой въ Россіи **8** руб., безъ доставки **7** руб., за границу **10** руб. Адресъ: С.-Петербургъ, Лиговка, 25.

Издательница А. Давыдова. Редакторъ Викторъ Острогорскій

